

Чудо коммуникации и древнейший колёсный транспорт Евразии

В.А. Новоженев

Под редакцией Е.Е. Кузьминой

УДК 94(3+075)

Н 74

Н 74 **Новоженов Виктор Александрович**
Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии.
Под редакцией Елены Ефимовны Кузьминой – М.: Таус, 2012. –
500 с.: ил.

Рецензенты:

Байпаков Карл Молдахметович, д.и.н., академик НАН РК.
Рогожинский Алексей Евгеньевич, к.и.н.

В своей новой книге автор пытается взглянуть на многие проблемы древнейших социумов Евразии совершенно неожиданно и новаторски, на основании самых современных достижений археологической науки реконструирует колесный транспорт и мифологические представления древних, их ритуальную практику.

Чудо коммуникации состоит в быстром распространении новых знаний, изобретений на значительные расстояния, что позволяло применять такие инновации в повседневной жизни древних социумов, а их правителям – использовать эти «чудесные» достижения для управления своими кланами и для реализации крупномасштабных проектов древности. Быстрая способность социумов воспринимать и копировать чудеса технологии – как древней, так и современной – лежит в основе экономического прогресса многих народов.

Иллюстрирована редкими и малоизвестными материалами из Лувра, Эрмитажа, музея Гимэ, исторических музеев в г. Урумчи, г. Сиань и многих других. Значительную часть издания составили материалы, собранные во время многочисленных археологических экспедиций в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Таджикистане, Китае, Индии, а также в Болгарии и Франции.

Книга снабжена электронным мультимедийным приложением, содержащим не только её электронную версию, но и дополнительно более 4ГБ разнообразных иллюстративных материалов, не вошедших по разным причинам в это издание, а также ранее опубликованные книги автора, экспонаты и видео-каталоги ведущих музеев мира по колесничной проблематике.

Автор адресует свою книгу прежде всего молодым исследователям, студентам, аспирантам – тем, чей энтузиазм так сейчас необходим для изучения древних тайн истории степной Евразии.

ISBN 978-601-06-1783-4

© Издательство «Таус», 2012
© KIT Publishing, 2012
© В.А. Новоженов, 2012

В.А. Новоженков

Чудо коммуникации
и древнейший колёсный
транспорт Евразии

Под редакцией Е.Е. Кузьминой

Victor A. Novozhenov

Communications and
Earliest Wheeled
Transport of Eurasia

Edited by E.E. Kuzmina

TAUS Publishing
Moscow, 2012

Оглавление

Предисловие редактора.	6
Предисловие автора.	9
Благодарности и вклады.	11
Вместо введения.	12
Великое чудо коммуникации.	12
Каналы коммуникации в древности.	17
К проблеме реконструкции древнейших коммуникаций.	26
Как расшифровать «message»?	30
Образ повозки в петроглифах восточной Евразии.	37
Археологические и изобразительные источники.	45
Письменные источники.	50
Территория.	76
Инструментарий и методы.	77
Глава 1	
Распространение образа повозки в петроглифах Евразии и классификация изображений повозок.	82
Общее и особенное в изображениях азиатских повозок.	94
Типология, предназначение и особенности «стиля».	98
Несколько общих замечаний по иконографии и относительной хронологии.	119
Глава 2	
Древнейшие центры применения колесного транспорта и формирование трансконтинентальной системы коммуникации (конец 4 – 3 тысячелетия до н.э).	123
Древний Ближний и Средний Восток.	124
Закавказье.	131
Степная Евразия.	136
Восточная и Центральная Европа.	151
К проблеме прародины колеса.	154
Памятники восточной части Евразии.	157
Реконструкция путей миграции в 3 – начале 2 тысячелетия до н.э.	170

Глава 3	
Эпоха колесниц: начало 2-го тысячелетия – конец 1-го тысячелетия до н.э.	185
Проблема происхождения колесниц.	186
Колесницы Египта и Ассирии.	188
Азиатский колесничный комплекс.	193
Классификация колесниц из чемакынов.	221
Колесничная упряжь и снаряжение.	240
Комплекс вооружения колесничего.	262
Особенности погребального обряда.	271
Датировка азиатского колесничного комплекса и хронологический приоритет.	278
Изобразительные источники.	286
Азиатские колесничные петроглифы.	305
Глава 4	
Этнокультурная ситуация в эпоху колесниц.	308
Хронология и сейминско-турбинская изобразительная традиция.	316
Внешние каналы коммуникации.	320
Глава 5	
«Message»: коммуникации с богами.	337
Вместо заключения.	353
Терминологический словарь.	358
Приложение 1	
Визуализация признаков в БД.	363
The Catalog of Eurasian's engravings of vehicles.	378
Приложение 2	
Китайские колесницы.	400
Приложение 3	
Что следует дополнительно прочитать: краткий обзор новых находок и публикаций.	408
Библиография	455
Список сокращений.	499

Предисловие редактора

Изобретение колесного транспорта совершенно носителями цивилизации Древнего Востока в конце IV-III тыс. до н.э. и с тех пор продолжающего ежегодно развиваться и охватившего весь земной шар, было одним из главных достижений в истории человечества. Именно использование колесного транспорта обеспечило быстрое расселение индоевропейцев и позволило установить широчайшие культурные связи от Скандинавии до Китая и от степей Евразии до Индии.

Это закономерно обусловило огромный интерес ученых к проблеме истории транспорта, начиная с классических трудов Гордона Чайлда (Childe 1954), Мери

Эйкен Литтауэр и Дж. Крауэла (Littauer, Crouwel 1979), и Стюарта Пигготта (Piggott 1983).

Количество исследований этой сферы коммуникации поистине огромно. Но в этом потоке предлагаемая работа занимает совершенно особое место.

Имя В. А. Новоженова хорошо известно после публикации им в 1994 году ценной книги «Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии». Но предлагаемый труд учёного представляет принципиально новое в истории исследование.

Его новизну характеризуют три фактора:

1. Небывалая ранее широта и полнота источников;
2. Предложенная инновационная тщательно аргументированная детальная система классификации всех типов источников.
3. Введение в научный оборот широкого круга источников по истории транспорта в Китае.

Все это сделало книгу «Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии» новым словом в истории колесного транспорта Старого Света.

Автор прежде всего справедливо трактует развитие транспорта как чудо коммуникации.

Характеризуя источники, В. А. Новоженов привлекает подлинные находки колес, повозок и колесниц и их моделей в археологических памятниках, данные радиоуглеродных дат и заключения палеозоологов о находках тягловых животных – быков, лошадей, верблюдов, а

также разные типы письменных памятников, включая индоиранские описания транспорта, и изобразительные источники – от переднеазиатских печатей до петроглифов, которым в книге уделено особое внимание.

Следует отметить, что данные о древнем транспорте до сих пор никогда не привлекались в мировой науке с такой полнотой.

Принципиальное значение имеет раздел, посвященный инструментарию и методам классификации источников, при обработке которых использованы компьютеризация и электронное картографирование.

Глава I посвящена классификации изображений повозок и картографированию типов, начиная со Скандинавии, Средиземноморья и Сахары до Северного Причерноморья, Закавказья и далее вплоть до Восточной Сибири.

В следующем разделе рассматриваются особенности стиля выделенных типов, подтипов и их вариантов, что составляет основное ядро исследования.

В главе II характеризуются древнейшие центры применения колесного транспорта, при этом особое внимание придается памятникам ямной археологической общности (Мерперт 1968) и Новотиторовской культуре Приазовья (Гей 2000).

Что касается восточной части, то там главным источником сведений о колесном транспорте являются изображения на стенах, плитах могильных ящиков и петроглифы. Предпринятый анализ позволяет автору перейти к важнейшему вопросу истории Евразии – времени и путях миграций в 3 – начале 2 тыс. до н.э.

Он приходит к справедливому выводу, что колесный транспорт зародился в последней четверти IV тыс. до н.э. в наи-

более развитом регионе Старого Света – в Шумере и ближайших древнеземледельческих центрах, что было обусловлено двумя другими инновациями – появлением гончарного круга и развитием специализированного металлургического производства. Именно из этого центра происходит последующее распространение повозок в Евразии. При этом в степях Южной Сибири, на Алтае и в Западной Монголии под влиянием проникающих сюда с запада групп скотоводов сформировалась единая культурно-историческая общность, носители которой близки по антропологическому типу, материальной культуре и, вероятно, имели единую систему религиозно-мифологических представлений.

Глава III «Эпоха колесниц: начало 2-конец 1 тыс. до н.э.» посвящена выдающемуся открытию отечественных ученых, исследовавших погребения воинов-колесничих в степях по обе стороны Урала и в Казахстане. Эта инновация явилась новой страницей в истории военного дела в Старом Свете и получила распространение как в степях (памятники типа синташта-потаповка), так и на Ближнем Востоке. Но вопрос о независимом изобретении там колесниц остается поводом для дискуссий.

Особый раздел посвящен колесницам Китая. Суммируя данные археологических раскопок колесниц (включая новейшие), труды китайских археологов и изобразительные и письменные источники, В. А. Новоженев приходит к надежно аргументированному выводу о заимствовании из степей коней и колесниц и их последующем местном развитии в Китае.

Книга содержит 45 печатных листов текста с огромной библиографией, 183 рисунка (включая цветные карты), терминологический словарь, цветные та-

блицы соотношения типов банка данных по регионам, индексы памятников и регионов и групп особенностей изображений, а также каталог Евразийских и Северо Африканских наскальных изображений повозок, Приложение 2: Китайские колесницы и Приложение 3: Обзор новых находок последних лет.

Занимаясь историей колесного транспорта на протяжении уже более полувека, я могу оценить большой прогресс в изучении этой области и, вместе с тем, оценить первостепенное значение и новаторский характер монографии В. А. Новоженова.

Не могу не отметить, что я не во всем согласна с историческими выводами автора. Это касается принимаемой им гипотезы В.В. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе (1984) о миграции индоевропейцев через Туран и Среднюю Азию.

Но это не умаляет работы В. А. Новоженова, а придает ей сегодня особую актуальность, т. к. только совместное рассмотрение лингвистических данных и археологических реалий культуры индоевропейцев и в особенности индоиранцев с их особым культом коня, повозки и колесницы может помочь в решении этой проблемы.

В этом грядущем проекте ключевым звеном станет уже безукоризненно выполненная книга В. А. Новоженова, которая должна стать настольной не только у любого археолога, но и лингвиста. ■

Доктор исторических наук
Е. Е. КУЗЬМИНА

Примечания

- ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. В, ИВАНОВ В.В.1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1-2. Тбилиси.
КРИТИКУ СМ.: ДЬЯКОНОВ И.М. 1982. О прародине носителей индоевропейских диалектов //BDN № 3, 4; Mallory J.1989. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London.1989;
Александров Б. Е. 2009.Малая Азия и Армянское нагорье в древности//Историография истории Древнего Востока. М.
КУЗЬМИНА Е. Е.2011 Проблема происхождения индоевропейцев сегодня// Труды III(XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I СПб, М.
ГЕЙ А. Н. 2000. Новотиторская культура. М.
МЕРПЕРТ Н.Я. 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. - Автореферат дисс.докт.ист.наук.М.
CHILDE G. 1954 The diffusion of wheeled vehicles// Ethnographisch-archaeologische-Forschungen.2.
LITTAUER M., CROUWEL J.1979. Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. Leiden
PIGGOTT S. 1983. The Earliest Wheeled Transport: From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. London.

Предисловие автора

Основные материалы этой книги я собрал и опубликовал два десятка лет тому назад. Книга вышла малым тиражом, на газетной бумаге, в очень плохом полиграфическом исполнении и иллюстраций – типичный результат того непростого времени. Многие важные детали оказались по этой причине потерянными. Но, несмотря на это печальное для меня обстоятельство, она стала заметной, востребованной и даже вызвала некоторую научную дискуссию среди специалистов; мои коллеги – археологи настоятельно предлагали ее переиздать.

Однако я уже увлекся совсем другими делами, очень далекими от археологии, как мне казалось. Как в омут, с головой,

окунулся в бурный мир журналистики, стал медиаменеджером, специалистом по массовым коммуникациям в Казахстане – молодом государстве, только что получившем свою независимость.

Я с энтузиазмом, свойственным тем благословенным девяностым годам прошлого века, создавал электронные средства массовой коммуникации – новые независимые газеты, радио, телевидение. Осваивал, как и многие в те времена, новую профессию, новые горизонты. Об археологии пришлось надолго забыть. И только теперь, через много лет, получив богатый опыт работы в масс-медиа, PR, рекламе, создав много новых каналов коммуникации между разными социальными группами и организациями, я начинаю понимать, что всю свою сознательную жизнь занимаюсь, в сущности, одинаковыми вещами.

Археология как наука не стоит на месте. За эти годы накопились новые уникальные артефакты, значительно усовершенствовались методики радиоуглеродного датирования древних степных памятников Евразии, что позволяет более достоверно решать вопросы синхронизации многих выделенных здесь археологических культур и, соответственно, более аргументированно рассматривать возникшие здесь самые ранние каналы коммуникации в «дошёлковый» период.

Мои мудрые наставники, открывшие мне удивительный мир петроглифов Азии, – Я. А. Шер, А.-П. Франкфор, А.Н. Марьяшев – опубликовали системные, обобщающие работы; коллеги

З. С. Самашев, А. Е. Рогожинский, И. Н. Швец добились впечатляющих результатов в изучении петроглифов Казахстана и Центральной Азии. Стали достоянием общественности новые работы по петроглифам Центральной Азии наших коллег из России и других сопредельных государств. Крупнейший специалист по степным бронзам евразийских степей и индоиранской проблематике, Е.Е. Кузьмина, опубликовала ряд блестящих, концептуальных работ.

Вышли в свет поразительные материалы укрепленных поселений Аркаим и Синташта, опубликованы результаты радиоуглеродных анализов, прояснившие их датировку, которые кардинально поменяли многие мои ранние представления о племенах эпохи бронзы степной Евразии.

Китайские коллеги раскопали новые «чемакыны» – могилы с колесницами и комплексы вооружения династий Шан и Западной Чжоу, российские коллеги – новые находки четырехколесных телег эпохи энеолита в причерноморских и южно-русских степях.

Однако писал я эту книгу не только для академических коллег, а прежде всего для молодых исследователей, студентов – всех тех, чей юношеский максимализм и энтузиазм так сегодня необходимы для изучения многих незаслуженно забытых в наше время удивительных древнейших периодов как бы «варварской» истории многочисленных народов, населявших и населяющих сегодня обширную территорию степной Евразии.

Все это, как и многое другое, нашло отражение в этой книге, написанной и иллюстрированной практически заново.

Для презентации уже опубликованных в многочисленных изданиях черно-белых наскальных изображений я осоз-

нанно воспользовался очень спорным способом реконструкции первоначального вида этих композиций путём наложения оригинальных прорисовок на произвольную цветную фактуру скалы (коллаж). Такая визуализация продиктована задачами всего этого исследования и попыткой оценки восприятия древней аудиторией реконструируемых здесь коммуникативных каналов.

Я дописываю эти страницы в Сиане – прекрасном городе, где причудливо переплелись древность и современность, в старой столице китайской династии Тан, в месте, где когда-то начинался Великий Шёлковый путь – трансконтинентальный транспортный коридор, связавший великие цивилизации между собой. Именно здесь изобретен был впервые драгоценный шёлк, именно здесь возникли первые древнейшие китайские династии и их первые государства; именно здесь найдены поражающие воображение чудесные древности, способные затмить собой знаменитые «Семь чудес Древнего мира»; именно здесь найдены и с особой тщательностью, присущей только китайцам, раскопаны фантастические древние колесницы.

Как знать: может быть, многие секреты современного китайского экономического чуда стоит искать здесь, в этих удивительных памятниках? Размышления и на эту тему нашли свое отражение на этих страницах. А что из этого вышло, судить только Вам, уважаемый читатель. ■

vnovozhenov@gmail.com

Алматы – Пекин – Сиань,

май-сентябрь 2011 года

Благодарности и вклады

Эта книга появилась исключительно благодаря помощи и поддержке очень многих замечательных людей, истинных энтузиастов изучения евразийских древностей. Всем Вам мой низкий поклон и искренняя благодарность.

Отдельная признательность – В. В. Евдокимову, Г. Б. Здановичу, открывшим для меня мир степной археологии. Эта работа стала возможной по инициативе профессора Я. А. Шера, без мудрых советов и поддержки которого я едва ли написал бы эту книгу.

Искренняя благодарность – П. Амье, Э. А. Новгородовой, П. М. Кожину, А. Н. Марьяшеву, З. С. Самашеву, А. Е. Рогожинскому, Б. Н. Пяткину, Е. А. Миклашевич, И. В. Чечушкову и А. В. Епимахову, предоставившим в мое распоряжение малоизвестные и неопубликованные материалы.

Огромное спасибо профессору Ж-К. Гардену (Школа Высших Социальных Исследований, Институт Человека, Париж), профессору А-П. Франкфору, П. Видалю, Р. Безенвалю (Национальный Центр Научных Исследований Франции, Париж), А. Кубэ (директору Департамента Восточных Древностей Лувра) за уникальную возможность работы с памятниками древнего искусства Европы и с редкими коллекциями музеев Парижа.

Эта книга – результат многолетних дискуссий, совместных сложных экспедиций, и написана она при содействии и непосредственном участии многих моих коллег и друзей, которым выражаю здесь свою признательность: Т. Г. Шакирову – за долгие годы понимания и поддержки; сотрудникам Сарыаркинского отделения института археологии: А. Ю. Чиндину, В. В. Варфоломееву, И. В. Рудковскому, Э. Р. Усмановой, И. Н. Швецу, М. В. Бидельбаевой, Ж. С. Смаилову, А. З. Бейсену, И. А. Ку-

кушкину, В. Г. Ломану, Л. А. Евдокимовой; сотрудникам кафедры археологии Кемеровского университета: А. И. Мартынову, Д. А. Смирнову, В. В. Боброву, Ю. И. Михайлову, Л. Н. Ермоленко, А. В. Фрибусу, О. С. Советовой, Н. С. Бледновой, А. П. Сенчилову; представителям славной школы челябинской археологии – Н. О. Ивановой, А. В. Епимахову, И. В. Чечушкову – не давшим мне «убить» в себе археолога; коллегам – Д. Герговой, Л. Нинову (Болгарская Академия Наук), Т. Дамгард (эксперту Музея кораблей викингов, Дания), Н. Нильсену (Копенгагенский университет).

Эта книга подготовлена к печати в компании «КИТы», которую основала и уже много лет возглавляет моя талантливая и успешная ученица – О. Г. Агапова. Огромное спасибо всему дружному коллективу за ваш нелегкий труд.

Отдельная благодарность – моему коллеге из Бюро коммуникативных чудес «Рейтинг плюс», прекрасному журналисту и классному специалисту по медийным коммуникациям Б. Б. Коджахметову – за понимание.

В этой книге использованы материалы и сведения, хранящиеся в коллекциях следующих музеев: Эрмитажа (Ст-Петербург), ГИМа (Москва), краеведческих музеев гг. Абакана, Минусинска, Красноярска, Караганды, Джезказгана, Алматы, Балхаша, Астаны, а также Департамента Восточных Древностей Лувра, Музея Гимэ (Париж), Национального музея Дании и Глиптотеки (Копенгаген), Музея кораблей викингов в г. Роскиле (Дания), исторических музеев г. Сиань, провинции Хэнань – погребальные комплексы императора Цин Шихуана (Баймайонг) и императоров династии Хань (Янглинг); музея в г. Урумчи, провинции Синьцзян (Китай), а также в Экспериментальном Археологическом Центре в Леере (Дания); в археологическом резервате «Сборяново», г. Исперих (Болгария) и в Национальном Центре Научных Исследований Франции (Париж, C.N.R.S, ург. 315). ■

Вместо введения

«Всё хвалено настоящее – лишь момент, тут же становящийся прошлым, а вернуть сегодняшнее утро ничуть не легче, чем эпоху Пунических или Наполеоновских воин. И, как это ни парадоксально, именно современность мнима, а история – реальна.»

Л.Н.Гумилев

Великое чудо коммуникации

Любой человек, как существо социальное, не может жить без общения. Этого требует наша физиология, это – наше естественное состояние: создавать вокруг себя разные каналы общения, т.е. коммуникации. Печальная история киплингского мальчика Маугли и его прототипов из реальной жизни, как, впрочем, Робинзон Крузо и его Пятницы, хорошо известны.

В современном обществе нас окружают многочисленные и разнообразные каналы коммуникации, которые незаметно и привычно снабжают нас всем необходимым для полноценной и комфортной жизни, продуктивной работы и эффективного образования, учебы, а также развлечений, путешествий и занимательного досуга. Мы привычно воспринимаем очередное достижение технического прогресса, покупая новейшую модель модного коммуникатора или иного чуда современной технологии, с каждым разом усложняя вокруг себя эту и без того уже навороченную и весьма запутанную сеть современных коммуникаций.

Из всего этого многообразия выделяются системы базовых и традиционных каналов коммуникации, которые человечество формировало тысяче-

летиями своей истории: письменность, музыка, танец, живопись и различные виды художественного творчества, мировые религии. Это также налаженные каналы обменов, торговли, постепенно превратившиеся в глобальные мировые транспортные артерии, это маршруты наземного, воздушного транспорта, современная логистика, разнообразные глобальные электронные сети, ежесекундно передающие по всему миру терабайты разнообразнейшей информации. Словом – это вся транспортная инфраструктура, созданная человеческой цивилизацией и уровень развития ее определяющая.

Но не всегда это было так. Часто развитие новых каналов коммуникации приводило к войнам, конфликтам и гуманитарным катастрофам. История развития человеческой цивилизации, по сути, есть история развития мировой инфраструктуры и создания разветвленных сетей различного рода коммуникаций.

Разновидности современных коммуникативных глобальных сетей – это наиболее популярные информационные или общественные каналы коммуникации: литература разнообразной тематической направленности; журналы, газе-

ты; электронные медиа – радио и телевидение. Революционным каналом стал стремительно развивающийся на наших глазах Интернет – Всемирная Паутина, в недрах которой, как грибы после дождя, вырастают глобальные социальные сети и различные самостоятельные каналы персональной коммуникации. Только за последнее десятилетие произошла «мобилизация» населения, т. е. глобальное распространение различных персональных устройств и соответствующих каналов коммуникации на основе мобильных технологий.

Вместе с тем, простейшие социальные задачи каналов коммуникации хорошо известны: общаться, обучать, просвещать, информировать, развлекать. Более сложные задачи – формировать общественное мнение в нужном направлении, пропагандировать идеологические стереотипы, формировать определенные «мифы» и «легенды», модели поведения и определенные общественные нормы.

Среди многообразия современных каналов массовой коммуникации определенно выделяются как внутренние – те, которые действуют внутри отдельного социума, обеспечивая коммуникацию между его индивидами или отдельными группами внутри этого социума, – так и внешние, обеспечивающие коммуникации между социумами, отдельными государствами и целыми континентами.

Перечислять современные каналы коммуникации можно бесконечно долго. Важно, что при современной глобализации всей системы коммуникационных каналов на выходе формируется невероятный по своему объёму поток совершенно разнообразной информации, направленный на одного человека, переработать и осмыслить который физически не представляется возможным.

Поскольку информация, в сочетании с эффективными каналами коммуникации, её распространяющими, в современном мире стала самым универсальным и ценным товаром, обладание которым гарантирует небывалые преимущества и контроль над социумом или индивидуумом, то самыми главными в этой истории становятся те, кто владеет и формирует конкретный канал. А тот, кто им владеет и манипулирует, тот владеет всем миром. Очень хорошо этот процесс со всеми его методами и последствиями «зомбирования» описан в культовом романе В. Пелевина «Generation P». Лучше не придумашь!

Иными словами, благодаря современным каналам коммуникации мы получаем разнообразную информацию, с помощью которой некто пытается сформировать в нашей голове определенный «message» – послание или некий образ, который, в свою очередь, заставляет нас поступать так или иначе, покупать тот или иной товар, одеваться в модную одежду, голосовать за такого-то кандидата, и т.д.

Итак, мы понимаем, что в результате глобального развития современной инфраструктуры на выходе человек получает огромный поток разнообразной информации, который не может осмыслить из-за физиологических причин. Поэтому он начинает воспринимать информацию выборочно, а то, что ему становится непонятным, не укладывается в систему сложившихся жизненных ценностей, он либо игнорирует, либо воспринимает как нечто «сверхъестественное», «чуждое». Разве мы задумываемся, говоря по мобильному телефону, о том, какие сложные физические процессы происходят внутри, какие электромагнитные волны передают сигнал нашему собеседнику? Мы просто уже давно для себя

решили, что наша «сотка» – всего лишь очередное «чудо» современной технологии.

Но чаще всего такая коммуникация работает еще проще: через действующий канал коммуникации запускается заранее подготовленный «message», доступно объясняющий непонятное явление или информацию на уровне восприятия того, на кого направлен канал этой коммуникации. И вот оно, «чудо» коммуникации: вы формируете нужное вам общественное мнение, управляете общественным сознанием – даете понятный социуму или индивиду миф или легенду. Тем самым вы успокаиваете свой социум, раздраженный непонятной, разрушающей его внутренний мир и сотрясающей его сложившиеся жизненные устои и ориентиры, необъяснимой до этого момента информацией. Вы даете простые ответы на очень сложные вопросы. Вы создаете «чудо», которое делает вашу жизнь комфортной, беззаботной, равно как и жизнь всех остальных участников этой коммуникации.

Попробую ответить на два, возникающих из вышесказанного, важных вопроса: кому это нужно и как в таком «дремучем» обществе возможно какое-нибудь технологическое развитие или его прогресс?

С первым вопросом всё достаточно просто: в любом коллективе, начиная с моногамной семьи, всегда находится тот, кто желает стать лидером со всеми соответствующими данному статусу привилегиями. (Вспомните сакральное выражение, которое вы наверняка слышали не раз: «Кто в этом доме хозяин!?»). Чем больше социум, тем больше возникает соблазнов и потребностей у его лидера манипулировать, а точнее – управлять общественным сознанием.

Второй вопрос сложнее: в рассматриваемой коммуникации новая информация облекается изначально в «мифологическую, чудесную одежду». Новое знание приобретает форму «чуда». (Мы здесь не рассматриваем вариант времен геббельсовской пропаганды, когда в нацистской коммуникации изначально использовался известный прием: «чем чудовищнее ложь, тем скорее в неё поверят»). В качестве иллюстрации приведу в пример развитые религиозные системы – христианство, буддизм. В их основу положена концепция «чуда» и способность «чудотворчества». При этом религии столетиями существуют в самых благополучных, с точки зрения прогресса, экономически развитых странах мира.

Или пример из времен Конкисты, когда испанцы во главе с Ф. Писарро, высадившись на перуанский берег верхом на лошадях, в блестящих рыцарских доспехах и числом в несколько десятков, смогли очень быстро покорить многочисленную и могучую империю Инков, лишь только потому, что последние никогда не видели до этого лошадей и приняли этих всадников за спустившихся с небес своих верховных богов, сотворивших очередное «чудо». Эта ошибка коммуникации обошлась инкам тоннами вывезенного в метрополию золота и массовым геноцидом их народа. При этом замечу, что такая святая вера в своих «чудеса творящих богов» не только не тормозила прогресс в развитии государства Инков, но и помогла строить удивительные города типа Мачу Пикчу, рисовать огромные гелиоглифы – фигуры и «линии» в пустыне Наска, строить огромные храмы и пирамиды из многотонных, идеально подогнанных между собой блоков. Вместе с тем изолированность инков высоко в горных долинах и ограниченность ка-

налов коммуникации, а соответственно и поступления новых технологических знаний (не использовали колёса), в конечном итоге сыграли с ними злую шутку и существенно затормозили развитие их общества, почти уже разложившегося изнутри ко времени прибытия испанцев.

В замечательных кхмерских и тайских храмах-ватах очень часто на стенах изображалась фигура человека с показанными «чудесными» точками акупунктуры, воздействуя на которые можно излечить то или иное заболевание; таким способом древние медицинские знания народа, бережно сохраненные тысячелетиями, передавались от поколения к поколению.

Современная модель канала коммуникации.

Современный медийный народ – пиарщики, рекламщики, журналисты, маркетологи – уже давно поняли способы сотворения коммуникативного «чуда» и активно используют магию этой технологии для продвижения на рынках разнообразных товаров и услуг.

Классический канал коммуникации имеет циклическую структуру и выглядит следующим образом:

....> Отправитель > Кодирование > «message» (обращение) > Расшифровка > Получатель > Ответная реакция > Шумы и Помехи > Обратная связь > Отправитель >...

Как видим, в первой цепочке от Отправителя к Получателю главную роль играет «message», или информация, которая кодируется Отправителем в одном варианте, а расшифровывается Получателем в нескольких разных вариантах, поскольку сказывается индивидуальный

уровень восприятия (это явление называется «погрешность восприятия»), и еще больше вариантов Сообщения по этой же причине появляется при Расшифровке «message» (теоретически их может быть ровно столько, сколько человек участвует в коммуникации, поскольку каждый так же индивидуально эту информацию воспринимает и для себя расшифровывает).

На следующей строке этой магической формулы Получатель генерирует свою Ответную реакцию на полученное Сообщение и в силу своего жизненного опыта, уровня интеллекта, своей системы жизненных ориентиров, ментальности (это и есть в конечном итоге Шумы и Помехи) формирует свою Обратную связь с Отправителем. Этот ответ на «message» Отправителя проявляется в различных формах и действиях. Собственно, ради Ответной реакции и Обратной связи с Отправителем весь этот канал коммуникации и затевается.

Ключевыми элементами этой магической формулы являются: Кодировка и просчитанная заранее Ответная реакция и Обратная связь. Чем точнее Кодирование, тем однозначнее Расшифровка и меньше уровень Шумов и Помех. Далее в этой книге для простоты восприятия я буду под словом «message» подразумевать кодировку + сообщение + расшифровку.

Поскольку вокруг нас сегодня существует огромное количество разных коммуникационных каналов, соревнующихся между собой за нашу самую активную Ответную реакцию, то важно научиться выделять свой «message» из огромного потока подобных «messages», обрушивающихся ежеминутно на наше бедное сознание. Для этого придумано множество приемов и приёмчиков из области маркетинга, интегрированных марке-

тинговых коммуникаций и продвижения на рынках товаров и услуг, грузить которыми я здесь не буду: все это в избытке находится на полках с деловой литературой любого книжного магазина [Разумовская, 2009, с. 7-30; Бейч, 2006; Kotler, 2000].

Отмечу только, что все эти приемы, приемчики и прочие сетевые маркетинги сводятся к некоему процессу, даже порой священному ритуалу, который помогает усилить эффективность воздействия любого коммуникационного канала, а точнее сказать – «message» коммуникации. От степени его креативности, эмоциональной яркости и глубины напрямую зависит вероятность сотворения желаемого «чуда» коммуникации.

Таким образом, хорошо знакомые многим советским людям со школьной скамьи марксистские тезисы из политэкономии: «базис определяет надстройку» или гегелевский «бытие определяет сознание» в современных условиях должны выглядеть так: «message» определяет и бытие, и сознание».

Из всего кратко сказанного, применительно для современных глобальных систем коммуникации, отмечу следующие, полезные для нашего дальнейшего путешествия в глубины истории, выводы:

1. Человек имеет физиологическую потребность создавать каналы коммуникации с себе подобными индивидуумами, а также между социумами.

2. Каждый новый эффективный канал коммуникации, как правило, возникает на основе инновации, новой технологии; только в этом случае он становится действенным и эффективным. (Примеры: изобретение письменности, колеса, радиоволн, Всемирной Сети, сотового телефона).

3. Любой информативный коммуникативный канал работает на основе слова (вербальный канал коммуникации), на основе абстрактного знака (письменность), на основе образа (изобразительный канал коммуникации), на основе звука (музыкальный канал коммуникации). По сути, это разные формы передачи «message».

4. Технологически развитые социумы могут себе позволить формировать комбинированные каналы коммуникации, сочетающие в себе функции нескольких.

5. Глобальные (внешние) системы коммуникации (или каналы коммуникации) возникают между обособленными социумами (государствами) и работают на основе всех перечисленных выше, а также передают информацию вместе с товарами и другими возможными предметами обмена, торговли, экспорта. Так вместе с идеей инновации, т.е. – информацией о ней, может передаваться и сама вещь, изготовленная на основе этой инновационной идеи.

6. Иногда по каналу коммуникации может передаваться «чудесный образ инновационной вещи» (информация о «чуде») без непосредственного участия самой этой вещи в процессе коммуникации. В этом случае образ принимает формы, весьма далекие от первоначального оригинала; из-за многочисленных шумов и помех эффективность такой коммуникации резко снижается. «Чудо» всегда должно подкрепляться действиями, процессом или какими-то видимыми результатами.

7. К числу главных функций каналов коммуникации отнесу: передачу новой информации, обучение и просвещение, развлечение, формирование определенного общественного мнения в социуме и за его пределами.

8. Развитая система каналов коммуникации в социуме ускоряет его технологический прогресс, и, напротив, ограниченность этих каналов, самоизоляция ведет к застою, деградации и усилению иррациональных, религиозных (мифологических) основ социума.

Впрочем, социум всегда «находит» правильный баланс между рациональным и иррациональным, некий «status quo», который может существовать в обществе очень длительное время. Меня всегда поражали способности древних возводить феноменальные по трудовым затратам, фантастические по размерам храмы, например – в Луксоре и Карнаке в древнем Египте, великие пирамиды египтян в Гизе, ацтеков в Мезо-Америке, храмы и культовые города кхмеров в Камбодже, огромные по высоте статуи Будды в Индии или видимую из космоса Великую Китайскую Стену. Это какие же эффективные каналы коммуникации нужно было создать в этих социумах, какие «чудесные» образы и идеи внедрить в массовое сознание своего народа, чтобы построить такие величественные и монументальные сооружения! ■

Каналы КОММУНИКАЦИИ В ДРЕВНОСТИ

Как могли работать коммуникационные каналы в древности, когда такого многообразия информации не существовало? Очевидно, что каналы коммуникации не были массовыми и строились на основе мифологического, иррационального с нашей современной точки зрения, мышления древних. Огромное количество дошедших до нас сказок, мифов и легенд, сохранных в памяти любого народа, тому доказательство.

Для более эффективного воздействия подобных коммуникационных каналов на соплеменников формировались системы разнообразных ритуалов, жертвоприношений, обрядов и систем табу. Эта иерархия норм и предписаний становилась очень скоро такой сложной и громоздкой, что обществу приходилось содержать огромное количество жрецов и других специально обученных людей для поддержания работоспособности сложной системы «зомбирования» в действии.

Если современные каналы коммуникации не требуют никаких реконструкций и ретроспектив и развиваются по пути поиска наиболее эффективных способов воздействия на целевые аудитории, то древние каналы требуют реконструкции особенностей процесса формирования «message», способов и особенностей его кодировки, а также способов воздействия на древнюю «аудиторию» – выявления господствовавших тогда тенденций, традиций, инноваций – а также

реконструкции «инструментария»: ритуалов, обрядов и других процессов и методов, обеспечивающих эффективность этой древней коммуникации.

Примитивные каналы коммуникации известны по всему миру. Наиболее распространены учетные мнемонические «записи» – счетные палочки с зарубками для учета скота, количество которых соответствует числу поголовья, находящегося на попечении у пастуха. Другая система коммуникации представляет собой четки, каждая из бусин которых напоминает об определенной молитве. Более сложная система – узелковое письмо «кипу» перуанских инков, знаками которого выступают шнуры и узлы разных цветов и длины. Индейские пояса – вампумы, состоящие из шнуров с нанизанными на них морскими раковинами, часто сплетенные в пояса, служили деньгами, украшением и средством коммуникации для передачи сообщения, в котором значение имели цвета, их расположение и собственно код – их сочетание. Примеры таких систем присутствуют в избытке у всех народов мира.

Пожалуй, самой основной задачей коммуникации, которую решали древние социумы, была проблема самоидентификации или собственной идентификации по принципу «свой – чужой». Примеры этому известны: особый, знаковый код костюма, зафиксированный этнографами у многих народов мира; особенности погребального обряда, отличающие один социум от другого. Совокупность таких признаков, в комплексе с артефактами из могил, как правило, позволяет археологам выделять и определять многочисленные археологические культуры. При этом замечу, что для древних имели значение внешние, визуальные, видимые на поверхности земли

признаки «своих» могил и некрополей, как, впрочем, и невидимые, скрытые под землей, но видимые для чуда творящих «своих» божеств миров иных.

Интересные результаты в реконструкции женского костюма по материалам памятников степной бронзы получены Э.Р. Усмановой [2010], попытавшейся реконструировать и расшифровать знаковый код в одежде племен андроновской КИО. Материалы, привлеченные автором, прекрасно демонстрируют формирование андроновского «дресс-кода», непосредственно связанного с социальным и физиологическим статусом женщины в этом социуме (рис.1).

Вещи, окружавшие кочевников в древности, несомненно связаны между собой единой повествовательной структурой [Jacobson, 1988, p.223-229; Акишев, 1984]. Наиболее ярко такая структура проявилась в погребальном обряде, например, Пазырыкских курганов; подтверждаемая письменными источниками – в описаниях скифских обычаев в «Истории» Геродота или «замороженных» захоронений Укока и Береля. Однако такие удачные находки единичны и нечасто радуют археологов. В большинстве случаев существующие археологические методы не позволяют зафиксировать такие повествовательные структуры, т.к. многие предметы, в силу своей недолговечности, просто не сохраняются в земле.

С другой стороны, когда человек кладет на могилу груды камней или возводит погребальный памятник, он идентифицирует себя, свою принадлежность к своему социуму, он, несомненно, хочет выразить свои чувства к покойному, сохранить память о нем и выполнить все подобающие обряды. Так формируется коммуникативное послание для разных целевых групп: «я свой» – для загробно-

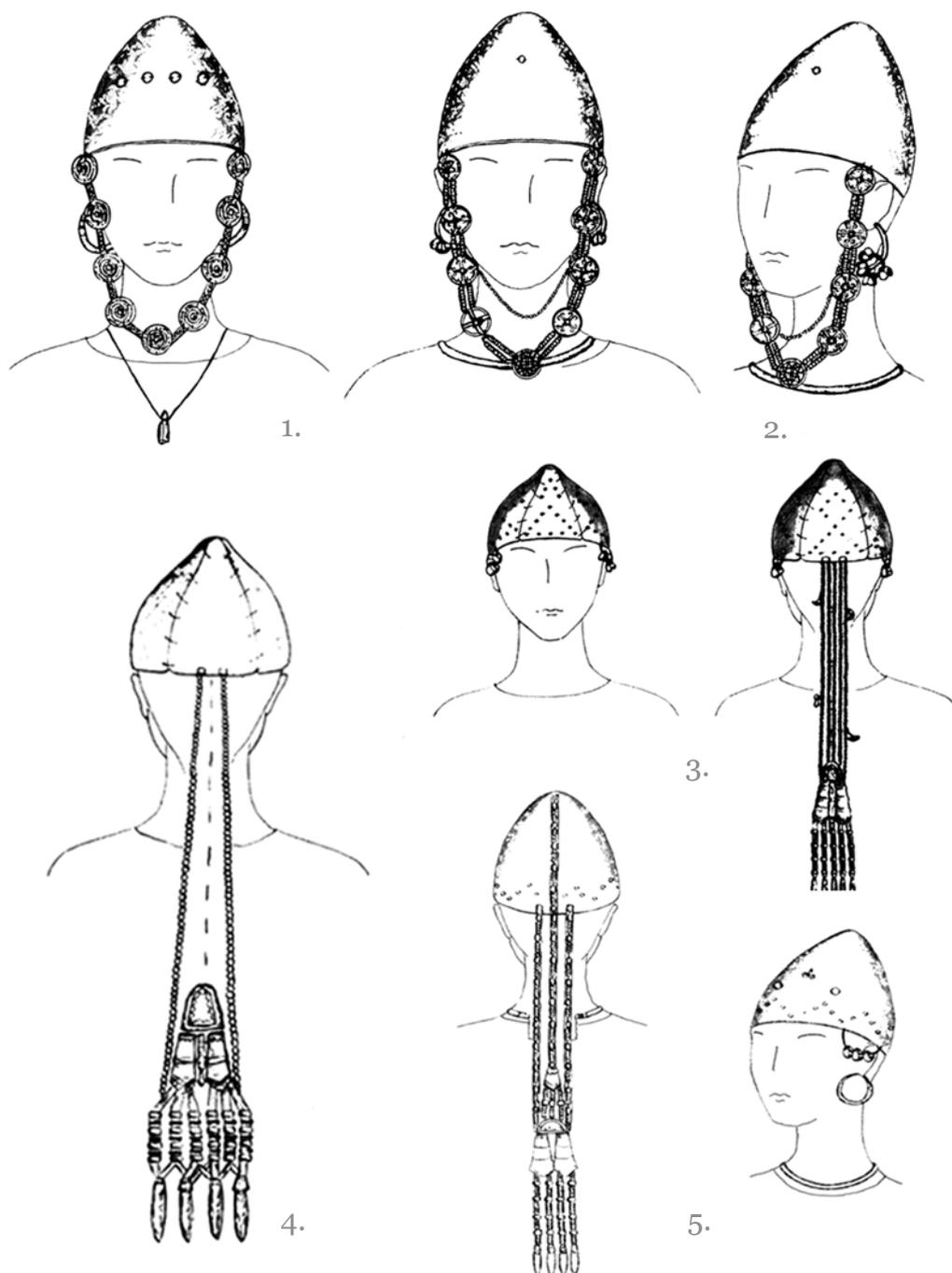
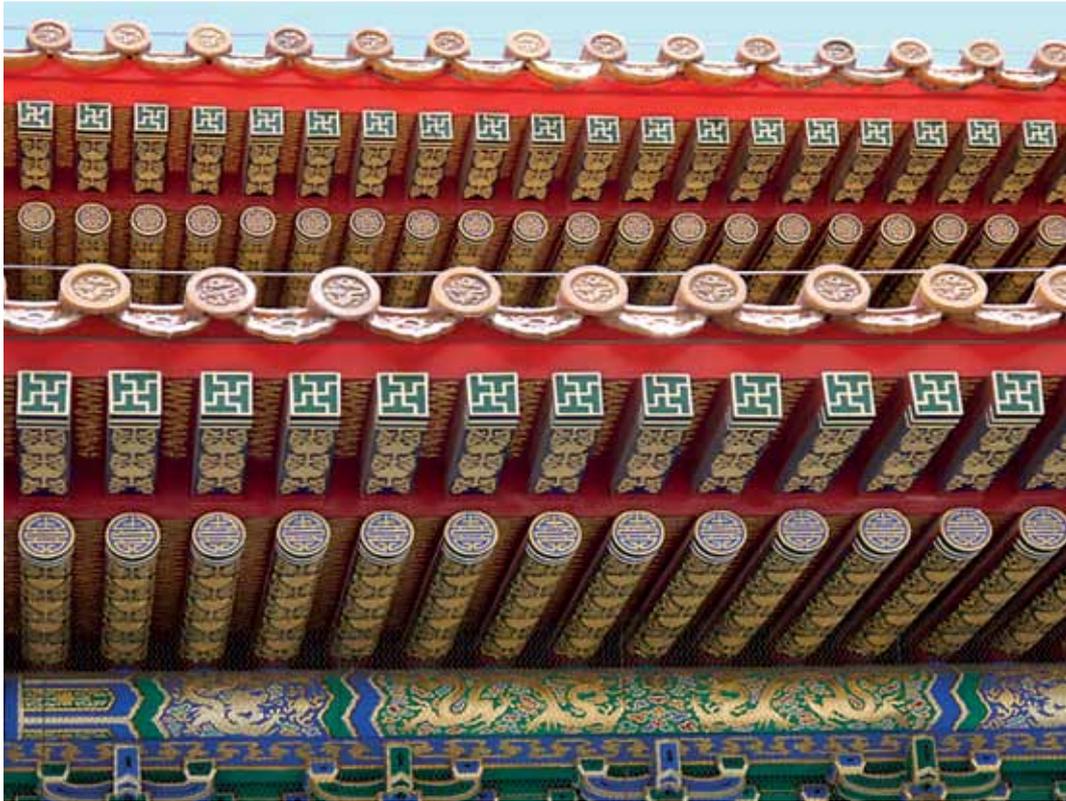

Рис.1. Реконструкции женских андроновских украшений. [Усманова, 2010, рис. 25, 28, 37, 52, 61, 63.]. 1 –мог. Лисаковский 2, курган 1, погребение 1; 2 –мог. Балыкты, ограда 14; 3 – мог. Сатан, курган 3, погребение 6; 4 – мог. Бозенген, курган 9; 5 – мог. Лисаковский 1, группа А, курган 1, погребение 1.

го мира, «здесь моих близких могила» – для живых, «чужие здесь не ходят» – для посторонних.

Существует множество доказательств в пользу долговременного существования степных погребальных памятников – курганов или оград: периодическое

подхоронение в одну и ту же, «свою» могилу в окуневских и афанасьевских памятниках, в Лчашенских курганах; многочисленные пристройки к андроновским оградкам; это и группировка более поздних сооружений катакомбной культуры вокруг ямных курганов и т.д.

Пекин. Гугун. Запретный город. Свастика в оформлении императорского дворца.

Все эти факты позволяют рассматривать каждый такой погребальный комплекс как некий храм под открытым небом, в котором совершались долговременные обряды, о предназначении которых мы можем часто только догадываться по остаткам жертвенной пищи и поминальным кострам.

Регулярно археологи сталкиваются со случаями явного грабежа древних могил еще в древности; очевидно, это – не просто способ «поживиться» за чужой счет, это конфликт коммуникативных систем, когда одна система древней коммуникации стремится уничтожить все видимые следы «чужой» системы.

Другая очевидная функция курганов – использование таких погребальных комплексов в качестве ориентиров при многочисленных перемещениях

на значительные расстояния в степи. При этом цепочки курганов указывают направления этих своеобразных дорог. Полевые исследования и указания античных авторов позволили выявить сеть сухопутных коммуникаций в древней Скифии. Оказалось, что все курганы знати сооружены у основных путей сообщения. Удалось зафиксировать остатки таких дорог и вычислить продолжительность передвижения по ним [Болтрик,1990,с.30-44].

Э. Якобсон, анализируя степень эмоционального воздействия погребальных и изобразительных памятников на древних людей, приходит к выводу о том, что петроглифы демонстрируют значительно большую многогранность видения жизни древних, которые, как она полагает, всей своей сутью отверга-

ют консервативные и идеализированные традиции, господствующие в погребальных обрядах [Якобсон, 2002, с. 46].

В дописьменный период древние общества должны были пройти сложный путь экспериментов и, может быть, неудач, пока не были найдены наиболее универсальные варианты коммуникативных каналов и самые информативные и понятные знаки. В качестве интересного, знакового канала коммуникации приведу систему геометрического декора найденных уже в большом количестве «андроновских» сосудов эпохи бронзы.

Орнаментальная традиция декорирования посуды характерна, впрочем, и для других синхронных археологических культур степной полосы Евразии. В основе этого канала коммуникации лежит сочетание геометрического знака, треугольника, с меандром и часто – со свастикой на дне сосуда. Эта коммуникация хорошо работает по схеме «свой-чужой» [Усманова, 2010, с. 87-89]. Однако остается пока непонятным «знаковый код» – «message» этой коммуникации. Примечательно то, что подобные знаки солярной символики мы видим позднее на значительном удалении, в древнейших памятниках Индии – Хараппе и Мохенджодаро – и даже в экстерьере китайских императорских дворцов Гутун в Запретном городе или Храме Неба, например.

В основе всякого письма лежит рисунок. Все древнейшие письменности Востока: шумерская, египетская, хеттская, китайская и др. – представляли собой чисто рисуночное письмо. Все эти системы в качестве знаков используют начертания, очень далекие от изображения каких-либо реальных предметов, а скорее – схематичные или линейно-геометрические фигуры. Многочисленные

исследования первобытного искусства показывают, что «с течением времени рисунки схематизировались все больше и больше, пока не приобрели форму, под которой уже невозможно распознать первоначальное изображение» [Гельб, 1982, с.37].

Письменность является наиболее универсальным каналом коммуникации, поскольку ее знаки – алфавит или иероглифический силлабарий – оптимально решают коммуникативную задачу записи, хранения и передачи разнообразной информации и мифологических знаний, накопленных обществом. Иными словами, письменность – это система взаимной коммуникации людей при помощи условно применяемых зримых знаков [Гельб, 1982, с. 23].

Этимология слова «писать» в различных индоевропейских языках восходит к глаголам: вырезать, выпарывать, выбивать, рисовать кистью. Аналогичная ситуация наблюдается и в семитских языках [Гельб, 1982, с.18].

Исходя из вышесказанного, принципиальное значение для этого исследования имеет изучение петроглифического канала коммуникации – местонахождение петроглифов, обнаруженных уже в большом количестве в различных частях Евразии. Принципиальное отличие святилиц с петроглифами, как коммуникационных центров, от других видов коммуникации – в том, что «message» здесь выражен не в виде слога, не в фонетической форме, а изначально представлен в виде «чудесных мифологических образов» и их разнообразных сочетаний.

Очевидно, эти образы отражают этническую принадлежность «свой-чужой», подобно знакам-тамгам у классических кочевников. Возможно, по этой причине на многих святилищах с петроглифами находят также изображения разнообраз-

ных знаков, преимущественно солярной символики, стоп людей, различные тамгообразные знаки. Особенность таких коммуникационных центров состоит еще и в том, что они функционировали в разные исторические эпохи, при этом со сменой эпох менялся «message», но не сам канал коммуникации.

Изобразительные памятники, святилища, в сравнении с погребальными сооружениями, более целостны в смысле сохранившихся повествовательных структур, поскольку меньше подвержены разрушительному влиянию времени. Петроглифические коммуникативные каналы связаны между собой единой повествовательной идеей как в границах отдельной плоскости, так и общей внутренней топографией этих памятников.

Определенно выделяются центральные «алтарные» части таких местонахождений петроглифов, в которых сосредоточены наиболее крупные многофигурные композиции (рис.2), и периферийные, где представлены обычно менее выразительные одиночные фигуры и отдельные сцены. Такая особенность зафиксирована практически на всех крупных изобразительных памятниках – в петроглифах долины р. Байконур и наиболее близких географически степных памятниках в урочище Тамгалы [Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с. 7-17], в петроглифах хребта Каратау [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с.202-203]. Сходная ситуация наблюдается в расположении петроглифов в долине р.Елангаш на Алтае [Окладников и др.,1979, с. 8-9], Мугур-Саргола на Енисее, в Минусинской котловине [Дэвлет, 1980, с.10, рис.5-6].

Другая важная особенность этих коммуникационных центров состоит в их зафиксированном географическом положении. Наблюдается значительное сходство некоторых образов в петроглифах

эпохи бронзы на обширной территории Евразии. Возможно, это объясняется, с одной стороны, единой мировоззренческой основой народов, оставивших эти памятники, а с другой – перемещением в пространстве и во времени самих носителей этой коммуникативной традиции.

В степной зоне Казахстана, Сары-Арке, скопления петроглифов расположены в наиболее приметных местах: на скальных выходах по вершинам и склонам сопок, на обрывистых берегах пересыхающих летом рек. Эти пункты заметны издали, с ними обычно связаны многочисленные предания и легенды местного населения, они почитаются как святые места – аулие. Здесь устраиваются традиционные родовые праздники казахов [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с.202-203]. Такие пункты и сейчас служат скотоводам как памятные знаки для ориентации в степи. У чабанов существует традиция возводить на вершинах сопок каменные кладки – обо, которые служили не только в культовых целях, но и для ориентации в степи.

Возможно, в древности памятники с петроглифами осуществляли и другую полезную коммуникативную функцию – выполняли роль своеобразных «маяков» в бескрайних просторах степного «океана», отмечали наиболее удобные пастбища и пути движения по горным перевалам.

Сходную точку зрения высказал П. М. Кожин применительно к наскальным изображениям колесниц, которые он рассматривает как своеобразные дорожные указатели и отметки расстояний [Кожин,1987, с.121]. Это предположение оспаривалось Э. А. Новгородовой. Она отмечала: «Достаточно хотя бы раз подняться на горы Бичигтын-ам, на отвесные берега Чулуута, на скалы по берегам р. Коксу в Казахстане и, тем более,

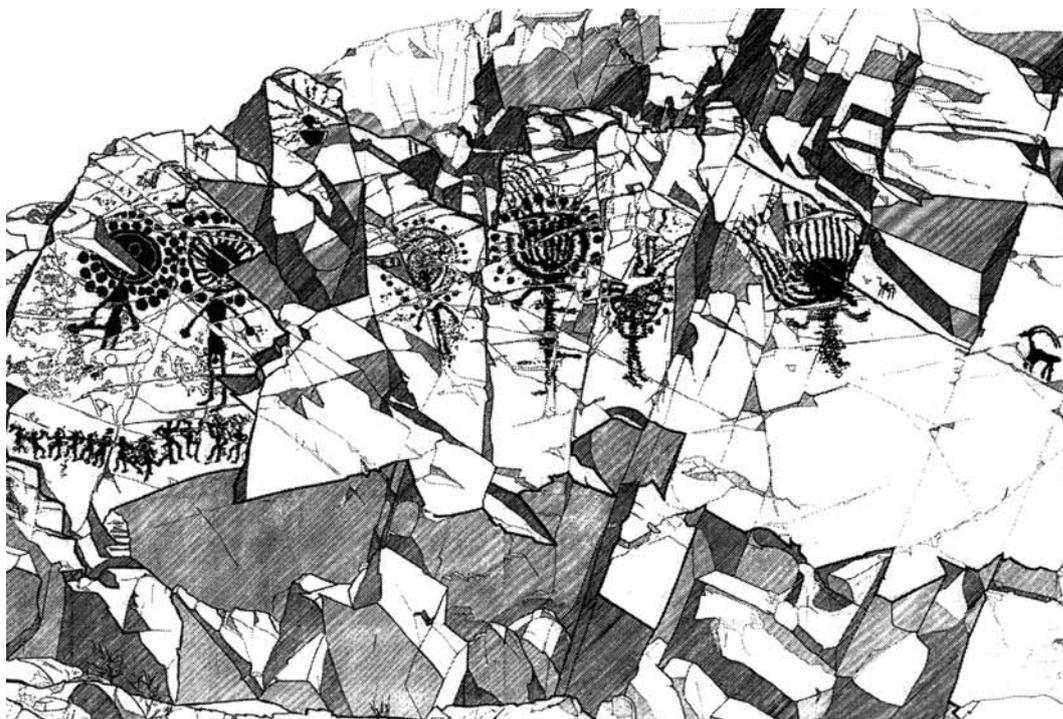

Рис. 2. Алтарь святилища Тамгалы [Рогожинский, 2001].

преодолеть переход до перевала Кугарт (Саймалы-Таш В.Н.), чтобы понять, что колесницам там путь заказан...» [Новгородова, 1989, с. 164].

Преждевременно говорить об отметках расстояний на путях древних коммуникаций, их предстоит еще только зафиксировать, а вот что касается петроглифов Саймалы-Таша, расположенных на высоте более 3000 м над уровнем моря, то наши полевые исследования на этом памятнике показывают: десять месяцев в году ущелье на пути к этим петроглифам перекрыто толстым, ровным и весьма прочным снежным настом, взобраться по которому на верховой лошади, например, не составляет особого труда. Никто не настаивает на том, что нужно было ехать на колеснице к этим петроглифам, достаточно было разобрать повозку и вычным способом переправить в случае необходимости через любые препят-

ствия. Неудивительно, что в петроглифах Саймалы-Таша изображены исключительно легкие типы повозок – двуколки на маленьких дисковых колесах и колесницы; только в одном случае изображена телега с небольшими колесами. Нет никаких технических препятствий к тому, чтобы древние скотоводы могли переправляться через перевал Кугарт по пути в плодородную Ферганскую долину.

При этом петроглифы Саймалы-Таша не только фиксируют их пребывание здесь, но и свидетельствуют об определенных обрядах и мифологических представлениях, связанных с таким продвижением. Явная стратиграфическая двухслойность петроглифов эпохи неолита и бронзы Саймалы-Таша позволяет предполагать длительное использование этого перевала как перевалочного пункта на пути из степных районов континента в Среднюю Азию и обратно.

Культурное значение этого перевала сохранилось и до наших дней. Местные пастухи считают это ущелье священным, траву в нем – магической. Согласно их представлениям, в этом ущелье происходят «чудеса», там должны пастись только быки-производители. Это подтверждает значение святилища Саймалы-Таш, как регионального центра коммуникаций по пути в Среднюю Азию на протяжении очень длительного времени.

В последнее время опубликовано много вариантов понимания природы петроглифических святилищ. Приведу некоторые из них, дабы заинтересованный читатель смог сам их сравнить.

З.С. Самашев под святилищами подразумевает долговременно функционирующие многокомпонентные сакральные центры сосредоточения духовной культуры человеческих сообществ, а конкретно – своеобразные храмы под открытым небом, где, благодаря нахождению комплекса почитаемых объектов – скал, пригодных для нанесения рисунков, водных источников, жертвенных площадок, скальных расщелин, гротов, валунов и других типов священных локусов, – совершались различные культово-мистериальные действия, приуроченные к важнейшим событиям календарного или иного цикла в жизни конкретных социумов и связанные с их религиозно-мифологическими представлениями [Самашев, 2006, с. 32].

А.И. Мартынов считает, что «первичным в период создания и функционирования памятника были не изображения, а те конкретные природные факторы, которые и определяли место, как священное, определенное для ритуальных действий» [Мартынов, 2005, с. 169].

В.И. Молодин и Н.С. Ефремова объясняют возникновение Кучерлинского святилища на Алтае наличием живопис-

ной скальной ниши, удобной площадки для ритуала и жертвенных приношений, а также – целебного источника [Молодин, Ефремова, 2008, с. 76].

Л.С. Марсадолов считает, что большинство святилищ связано с астрономическими направлениями – восходом или заходом солнца и луны, а также с окружающими горами [Марсадолов, 2007, с. 203].

Возможность астрономических привязок у некоторых древних святилищ с круглой планировкой предполагает и Т. М. Потемкина, при анализе ряда памятников энеолита-бронзы Обь-Иртышья [Потемкина, 2007, с. 197-223].

И.Д. Русакова выделяет три типа: святилища, сторожевые посты (наблюдательные пункты) и «скалы-книги», или информационные центры. Святилищами она предлагает называть местонахождения, характеризующиеся следующими признаками:

- доступность памятника, удобные к нему подходы;
- гладкая поверхность крупного размера;
- наличие большого количества рисунков;
- рисунки в основном объединены в одну или несколько композиций;
- плоскость видна из долины;
- перед плоскостью есть площадка, на которой может находиться одновременно до нескольких десятков человек;
- с площадки перед плоскостью видна долина [Русакова, 2001, с. 74-75].

Похожую концепцию, на основании многолетних исследований знаменитого святилища Тамгалы, развивает в своих работах А.Е. Рогожинский [2001, с. 7-44; 2002, с. 12-20; 2011а].

Как видим, перечисленные представления никак не противоречат предлагаемой здесь концепции святилища, как

центра коммуникации древних социумов. Замечу, что в авестийском Гимне Анахите (Ардви Суре), покровительнице скота, отмечается, что жертвоприношения и ритуалы ее почитания должны проводиться на берегу водоема или в горах [Авеста, Яшт 5]. Именно в таких местах Евразии и обнаружены скопления петроглифов, при том, что важным атрибутом Анахиты в мифологии является колесница.

Другая важная особенность этих центров коммуникации древних скотоводов заключается в том, что «messages» и сами образы коммуникации развивались на единой «чудесной» мифологической основе, которая происходит от традиционного уклада хозяйства и «мифо-поэтической», как заметил О. Абаев, природы восприятия окружающего мира древними пастухами [Абаев, 1990, с.15].

Этапы этой эволюции фиксируются по очевидным иконографическим и стилистическим изменениям образов. Вряд ли это был всегда поступательный и прогрессивный процесс. Предпринимались, очевидно, и попытки использовать разные знаки-символы, включая орнаментальные. Наиболее информативные, значимые и универсальные образы мы находим позднее в письменности разных народов (рис.3).

Например, стандартное изображение колесницы в плановой проекции, характерное для петроглифов эпохи бронзы Центральной Азии, вошло в качестве иероглифа в древнекитайскую письменность, а «образное» восприятие окружающего мира надолго «поселилось» с той поры в загадочную китайскую ментальность.

Профильное изображение двуколки стало стилизованным знаком в древнекритской письменности (линейное

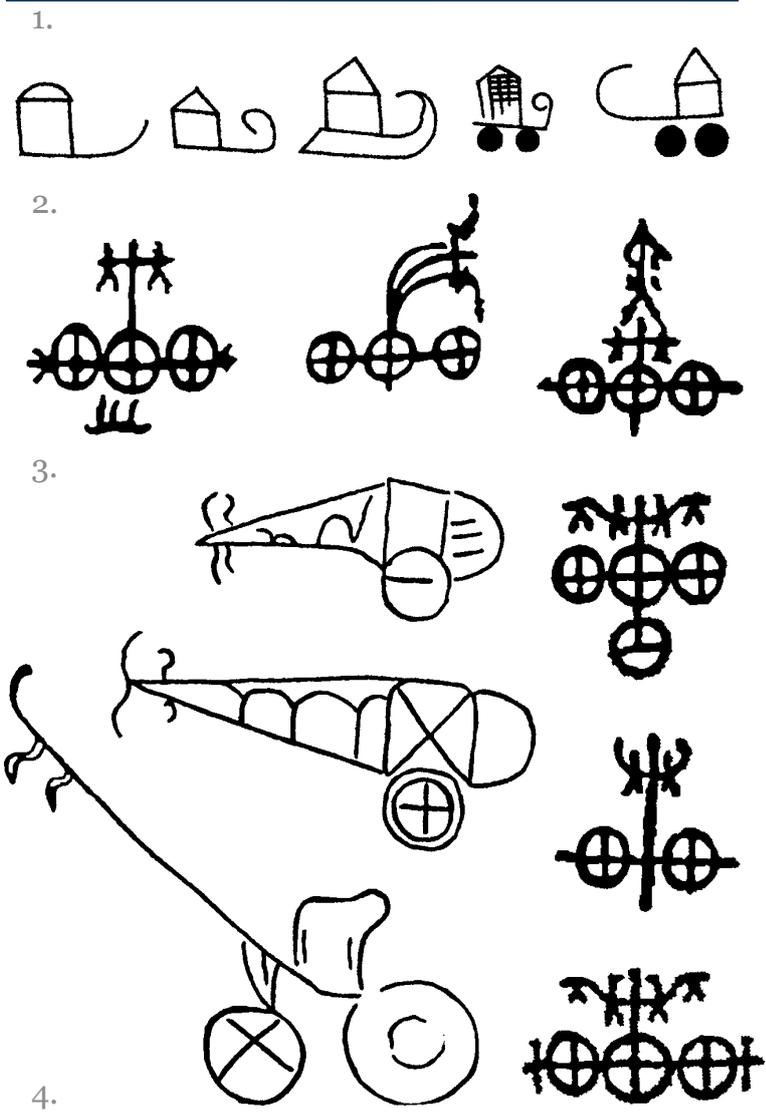

Рис.3. 1-2 – пиктограммы из Урука IVa [Burmeister, 2004, abb.5; Littauer, Crouwel, 1979, abb. 1]; 3 – образцы древнекитайских иероглифов; 4 – линейное письмо «Б». [Шер, 1980; Новгородова, 1984; Чердниченко, 1976, рис. 10].

письмо Б), а шумерские пиктограммы на глиняных табличках с изображениями древнейших повозок – ценнейший и уникальный источник по древнейшему периоду формирования транспортных коммуникаций и изобретению колеса – одной из важнейших инноваций Старого Света.

Из всего сказанного выше следует вывод о перспективности более детального изучения святилищ с петроглифами, как центров коммуникации, надежно фиксирующих на карте Евразии точки коммуникации древнего населения, а распространение в пространстве сходных и хорошо датированных образов может показать пути и направления передвижения древнейших племен по всему Евразийскому континенту. ■

К проблеме реконструкции древнейших коммуникаций

В процессе формирования каналов внешней коммуникации исключительное значение имеет объект самого коммуникативного канала, иными словами – то, ради чего и на основании чего этот канал создаётся. Как правило, это – инновационные предметы или объекты, которые могут отсутствовать в практической жизни социума или не могут им производиться в силу недостаточно развитых знаний, навыков и отсутствия соответствующих технологий и необходимого сырья.

Для получения таких важных товаров древние социумы уже на заре своего существования выстраивали очень значительные по своей протяженности, даже по современным меркам, каналы обмена.

Классическим примером из этой области служит Великий Шёлковый путь – трансконтинентальный транспортный коридор между Европой и Китаем, соединивший такие далекие в географическом отношении, культурном и технологическом развитии регионы. Изобретение китайцами чудесного способа производства шёлка, недоступное тогда остальным народам, а также специи, фарфор, порох, бумага стали главным объектом этого канала коммуникации. Более того, поиск наиболее удобных путей в Китай – морских и сухопутных – привел европейцев к многочисленным географическим открытиям новых

«миров» и целых континентов. Замечу, что формирование такого трансконтинентального пути в период раннего средневековья естественным образом опиралось на накопленные предшествующими поколениями географические и астрономические знания и представления традиционно обитавшего на всем протяжении этого маршрута населения.

Следовательно, при анализе и реконструкции древнейших, «дошёлковых» систем коммуникации на обширных пространствах Евразии первостепенное значение имеет поиск таких объектов обмена и сложившихся естественных «монополий» на тот или иной продукт, технологию или инновацию, которые имели место быть в обнаруженных и зафиксированных на этих территориях артефактах и археологических культурах.

Применительно к древним сообществам степных скотоводов имеется своя специфика: в отличие от классической схемы обменов, когда оседлый, ориентированный на земледелие социум выстраивает географически фиксированную карту своих коммуникаций с другими сообществами, – подвижные, ориентированные на скотоводство сообщества формируют «мобильную» карту таких внешних и подвижных коммуникаций, зафиксировать которую оказывается значительно сложнее, как в силу специфики их хозяйства и образа жизни, так и в силу отсутствия достаточного количества источников, документирующих этот процесс.

Важным в понимании древнейших степных внутренних коммуникаций представляется такое почти «легендарное» явление, как «узун кулак» – система вербальной коммуникации между пастухами, сохранившаяся у казахов вплоть до этнографического времени. Такая система обеспечивала оператив-

ное распространение новостей в степи на очень значительные расстояния и эффективно выполняла информационный обмен между отдаленными производственными коллективами. А прежде всего эта система оперативно реагировала на появление «чужаков» по схеме «свой-чужой».

В целом в дописьменный период археологическая культура, применительно к мобильным скотоводам, является понятием достаточно условным, атрибутом профессионального словаря археологов и отражает своеобразие массовых артефактов материальной культуры: керамики и ее орнаментации, предметов ремесла, вооружения, охоты, погребального обряда, характерных для определенной территории (экологической ниши).

Иными словами, любая археологическая культура, выделенная в степных регионах, в силу своих естественных ограничений и малочисленности других видов источников информации, фиксирует только незначительную часть артефактов, сохранившихся до наших дней в древних могилах и редких поселениях. Общий объем получаемой информации о реальной жизни древних социумов, в силу этих ограничений, значительно сокращается. Увеличить его возможно за счет привлечения новых естественно-научных методов исследования (например, на палеогенетическом уровне), расширения географии полевых работ, привлечения специалистов из смежных отраслей науки. Так, недавнее палеогенетическое исследование древнего населения приобской степи неожиданно выявило значительно более интенсивные, чем предполагалось ранее, контакты и миграции местного населения и древних социумов, обитавших на территории соседнего Казахстана [Молодин, Пилипенко и др., 2011, с. 88-93].

Перспективным представляется изучение уже открытых комплексов артефактов известных археологических культур сквозь линзу коммуникации социумов, оставивших их. Концентрируясь на очевидных инновациях в хозяйственной деятельности этих сообществ, картографируя их в пространстве и определяя координаты во времени, реконструируя их коммуникации, наверняка сможем выйти на новый уровень наших знаний. Тем более, что сам образ жизни этих людей, изначально обреченных на постоянное движение, был ориентирован на вечный поиск новых пастбищ, вечный поиск чудесной «земли обетованной» или арийского простора – Айрьянам–Вайджа, известного в древней индоиранской традиции [Массон, 1999, с.72-74].

Возможно, когда-нибудь понятию «археологическая культура» придет на смену представление об «археологической традиции», фиксирующей наиболее устойчивые технологические навыки и приемы древних социумов; новации и связанные с ними коммуникативные каналы, отражающие динамику развития социумов во времени и пространстве.

Труды Г. Коссины [Kossinna G., 1921] и его последователей надолго дискредитировали в историографии миграционные теории по политическим причинам, однако в специальной литературе имеются теоретические разработки, определяющие типы и характер миграций [Титов, 1982, с. 89-145; 1988, с. 47-123; Klejn, 1974, s. 7-55; Ольховский, 1992, с. 30-33, Гумилев, 2007 и др.].

Полностью соглашусь с представлением о том, что конвергентное, автотонное развитие и миграция, как исторические явления, не могут противопоставляться друг другу [Дьяконов И.М., 1989, с. 5-21].

При реконструкции путей древнейших коммуникаций «инокультурная» вещь, найденная в археологическом комплексе, не может быть достаточно надежным индикатором этнокультурных контактов и их направленности, а тем более – миграции, поскольку остаются неясными условия ее появления: либо она появилась в результате торговых обменов, либо – брачно-семейных отношений, либо – военной экспансии, либо – грабежа чужих могил и т.д.

«Транскультурные» традиционные, иррациональные черты в степных археологических культурах наиболее близки этнической основе древних социумов. В узком смысле – это артефакты, определенно связанные с культовой деятельностью, в широком – особенности погребального обряда, изобразительная традиция, некоторые технологические навыки (литье бронзовых предметов в формах, изготовление деталей повозок, умение приручить лошадь, и т.д.). В той или иной мере эти виды деятельности связаны с ритуалами, отражающими какие-то определенные мифологические (шире – культурные, в смысле – идеологические) представления. Указанные особенности, как правило, рассматриваются регионально, с позиций конвергентного развития и применительно к отдельно взятым археологическим культурам.

Очевидно, что анализ таких «транскультурных» вещей и явлений, их картографирование позволят изменить ситуацию. Изучение их в комплексе с данными лингвистики, антропологии, мифологии, палеозоологии, палеодемографии и древнего климата, результатами компьютерного моделирования, естественных наук: анализа ДНК, массовых калиброванных датировок по углероду и других, наверняка повысят достоверность будущих исторических реконструкций.

Представляется, что факт внешней коммуникации и возможная миграция социума, как ее необходимой составной части, имеет место быть, когда:

- имеется объект, стимулирующий такую миграцию: новые пастбища для скота, поиск сырья для производства гончарной посуды, костяных, металлических изделий, и т. д.;

- активно используются в повседневной практике технические средства:

- повозки, позволившие осуществить такое передвижение и являющиеся сами по-себе технологической инновацией в сочетании с соответствующим комплексом вещей и явными достижениями в процессе доместикации упряжных или верховых животных;

- комплекс инновационного оружия и соответствующих навыков его использования, превосходящий по своей эффективности существующие системы;

- миграция есть следствие определенной тенденции исторического развития и присутствует комплекс внутренних и внешних причин, ее обусловивших (рост численности населения, увеличение поголовья скота);

- в археологических комплексах артефактов представлены «инокультурные» (или «чужие») и «транскulturные» новации и явные фрагменты похожих погребальных обрядов;

- близок антропологический тип населения;

- определен «message» коммуникации: особенности погребального обряда, существенные элементы мифологических представлений, а также изобразительные, фигуративные образы и сюжеты и их сочетания.

Перечисленные признаки миграции легко формализуются и могут быть представлены в количественных значениях при комплексном анализе степных

археологических культур, оценке их способности и степени готовности к такого вида коммуникациям.

Природно-географический фактор является определяющим в процессе самой миграции в степи. Наличие воды и достаточного количества кормов для домашних животных определяют «механизм» освоения новых целинных степных пространств – по берегам, вдоль бассейнов многочисленных протекающих на этих территориях рек.

Такие размышления и определили основной объект этого исследования: «чудо» колесной повозки, как инновации, запечатленной в петроглифах, а также распространение такого «чудесного» изобретения на бескрайних просторах Евразии в конце 4-1 тысячелетий до н.э. Но эта вводная была бы неполной без попытки найти ответ на следующий важный вопрос. ■

Как расшифровать «message»?

Поиску ответа посвятило свои исследования уже не одно поколение талантливейших ученых. К концу 50-х годов прошлого века во Франции сложились два подхода к объяснению смысла палеолитического искусства. А. Брейль и его последователи пропагандировали эволюционистские и компаративистские концепции, ими были собраны и систематизированы известные к тому времени материалы. Эта важная работа составила необходимый фонд источников для последующих исследований.

В работах А. Ламинг-Эмперер и А. Леруа-Гурана сформулирован иной подход, в основе которого – отказ от таких объяснений содержания палеолитического искусства, которые не следуют из самого материала, т. е. из внешних по отношению к искусству источников [Laming-Emperaire, 1969; 1962; Leroi-Gourhan, 1964; 1964-1965]. Основной задачей исследования, согласно этой концепции, должен быть поиск внутренних закономерностей размещения фигур на плоскости, их чередования, сочетаемость разных образов. Отвергается этнографический компаративизм как способ реконструкции семантики изображений.

Концепция о том, что наскальное искусство является коммуникативной системой, что изображения на камнях создаются по неким правилам «грамматики» и что установление и освоение этих закономерностей даст ключ к прочтению закодированной в «наскальных

текстах» информации, соотносится также с принципами структурной методологии К. Леви-Стросса.

В основе такой системы лежит «текст», словами которого являются образы или знаки, обладающие как собственным скрытым для нас смыслом, так и своей внутренней структурой и логикой расположения на скалах в виде композиций, сцен, а также внутренняя взаимосвязь последних между собой и последовательность их расположения на самом святилище – «изобразительный ряд», который, в свою очередь, имеет свои правила расположения, позицию и внутренние взаимосвязи с другими «текстами» и «изобразительными рядами» местонахождения петроглифов.

Следовательно, истинный смысл «message» можно понять, исследуя эти внутренние правила и взаимосвязи, а также особенности системы мировоззрения древних и их культурно-историческое окружение.

Сложность этого процесса состоит ещё и в том, что необходимо сделать «перевод с языка зрительных образов на язык словесных сообщений» [Шер, 1980, с. 257-258]. Это не всегда происходит корректно: часто за одинаковыми образами и их сочетаниями могут скрываться совершенно разные системы кодов, и в результате внешне сходные изобразительные тексты могут передавать разное содержание [Раевский, 1999, с.121].

Я. А. Шер развивает в своих исследованиях концепцию ритуально-мифологических моделирующих систем [Шер, 1980, с. 259-287]. Изобразительные памятники рассматриваются как один из элементов ритуально-мифологической деятельности древних людей. Согласно этой концепции, наряду с выделением отдельных повторяющихся сюжетов в изобразительных памятниках Централь-

ной Азии допустимо их сравнение с известными древними мифологическими представлениями, изложенными в древнейших письменных источниках.

Многие исследователи широко используют в семантических интерпретациях петроглифов метод сравнения с некоторыми этнографическими ритуалами и системами [Дэвлет, 1980; 1982; Новгородова, 1984; 1989]. Особый интерес представляет попытка сопоставить композиции с изображениями колесниц хребта Каратау и мифы Ригведы и Авесты [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 202-220]. Важные «прочтения» петроглифов предприняты в серии работ, посвященных наскальным изображениям Сибири, Монголии и Алтая [Окладников и др., 1971-1980; Окладников, Мартынов, 1972 и др.].

К концу прошлого тысячелетия накоплен значительный массив петроглифов восточной части Евразии, открыты и описаны множество новых местонахождений. Под эгидой ЮНЕСКО началось издание международного многотомного «Корпуса петроглифов Центральной Азии» под редакцией Я. А. Шера и А.-П. Франкфора, в который вошли самые яркие, новые и хорошо документированные, известные памятники. Сформировалась обширная информационная база петроглифов различных регионов Евразии, сложились два концептуальных подхода в расшифровке смысла наскальных изображений: «мифологический» и «магический», или этнографический.

Индоевропейские мифы, космогония и особенно ведическая и индоиранская мифотворческая традиции хорошо укладываются в «изобразительный ряд» многих петроглифов восточной Евразии. Это нашло отражение в блестящих исследованиях В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Д. С. Раевского,

многих других исследователей, а очень ярко показано в серии работ Е. Е. Кузьминой. [Кузьмина, 1994; 1995, с. 37-38; 2000; 2008; 2010].

Сторонники «магической» концепции, в основном – представители сибирской школы археологии, привлекают для расшифровки содержания петроглифов многочисленные этнографические примеры и шаманские ритуалы.

Имеются и «компромиссные» мнения о том, что противопоставление семиотики и исторической семантики при интерпретации недопустимо, поскольку они раскрывают разные основы одних и тех же явлений, отраженных в образах [Студзицкая, 2004, с. 245].

Таким образом, к началу нового тысячелетия накопилась огромная база материалов, и, при всех значительных успехах в этом деле, полноценной и общепринятой расшифровки «message» древних не случилось. Как не случилось и качественно нового скачка в наших представлениях и знаниях о древних социумах Евразии, полученных при исследовании изобразительных памятников.

Поэтому закономерным стало появление очень резкой статьи А.-П. Франкфора и Э. Якобсон [2004, с. 66 -76] с критикой петроглифов, как исторического источника, по причине невозможности их полной дешифровки.

Как выход из этой тупиковой ситуации они предложили тезис о том, что «изучение петроглифов находится где-то между наукой и искусством», и что для специалистов в анализе и классификации наскального искусства настало время обратиться к его эстетическим аспектам; они выступили против использования данных этнографии и мифологии в реконструкциях, полагая, что многие ожидания в этом плане не оправдались и что «оба подхода – шама-

нистический и мифологический – предполагают восприятие петроглифов в качестве иллюстрации к письменным или устным источникам»; в качестве альтернативы предложили подробнее рассматривать вопросы, связанные «с социальными аспектами содержательной стороны наскального искусства – в частности, с отражением в нем родственных связей в обществе»; призывают исследователей обратить большее внимание на петроглифы периферий имперских оседлых цивилизаций в древности и средневековье, где внутренний импульс зарождается, а периферийный степной мир подхватывает его или обогащается художественными образами, признавая при этом возможный ответный импульс «степного искусства» в развитии некоторых художественных традиций в империях. [Франкфор, Якобсон, 2004, с. 68-69].

Статья вызвала бурное обсуждение и дискуссию, в которой приняли участие многие ведущие специалисты [Вишняцкий, 2005, с. 51-54; Беднарик, 2004, с. 45; Молодин, 2004, с. 51; Советова, 2006, с. 80-93; 2007, с. 103-104; Швец, 2005, с. 130-139 и другие].

В последние годы появились интересные теоретические и методологические исследования, посвященные новым аспектам изучения изобразительной деятельности древних: о выявлении и детальном анализе структуры и принципов композиционного построения петроглифов [Подольский, 2004, с. 13-16]; о некоторых универсальных дешифровочных ключах семантики петроглифов [Тиваненко, 2005, с. 247-249].

И. В. Калинина считает, что историческая семантика, изучающая смысловое содержание архаических образов, системы их взаимосвязей, противостоит семиотике, предполагающей изучение

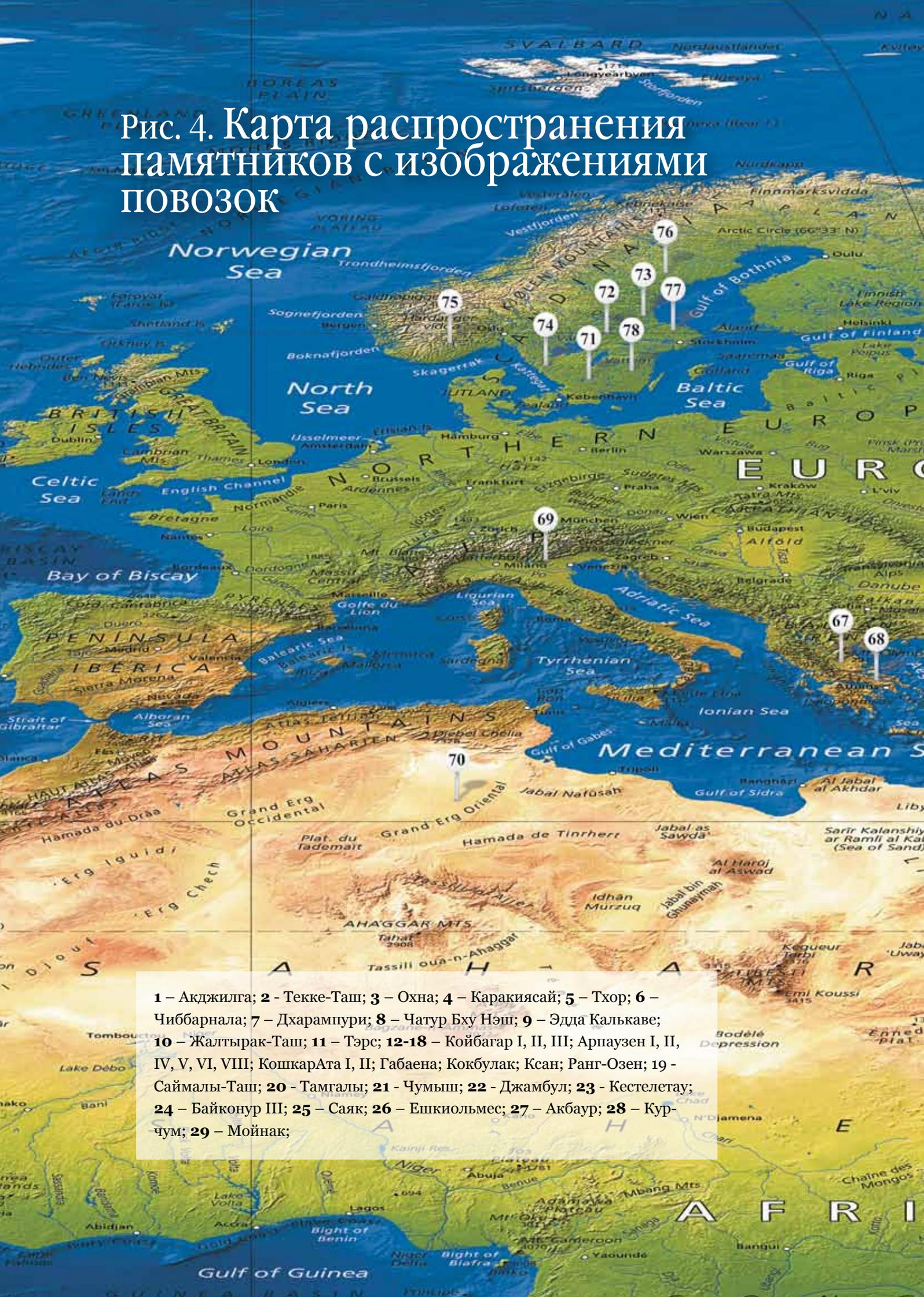
знаков в жизни общества, изучение явлений культуры как текстов, выделяет образ в качестве единицы анализа и ставит вопрос об историческом соотношении образов и понятий, указывая на их различия в системообразующих основах. Для описания образов она предлагает использовать понятие «семантическая функция», в соответствии с которой выделяет несколько типов образов [Калинина, 1999, с.207-208].

Ж.-К. Гарден призывает в вопросе интерпретации петроглифов использовать достижения самых разных, иногда сосуществующих в научной мысли школ и направлений [2006, с. 86-95].

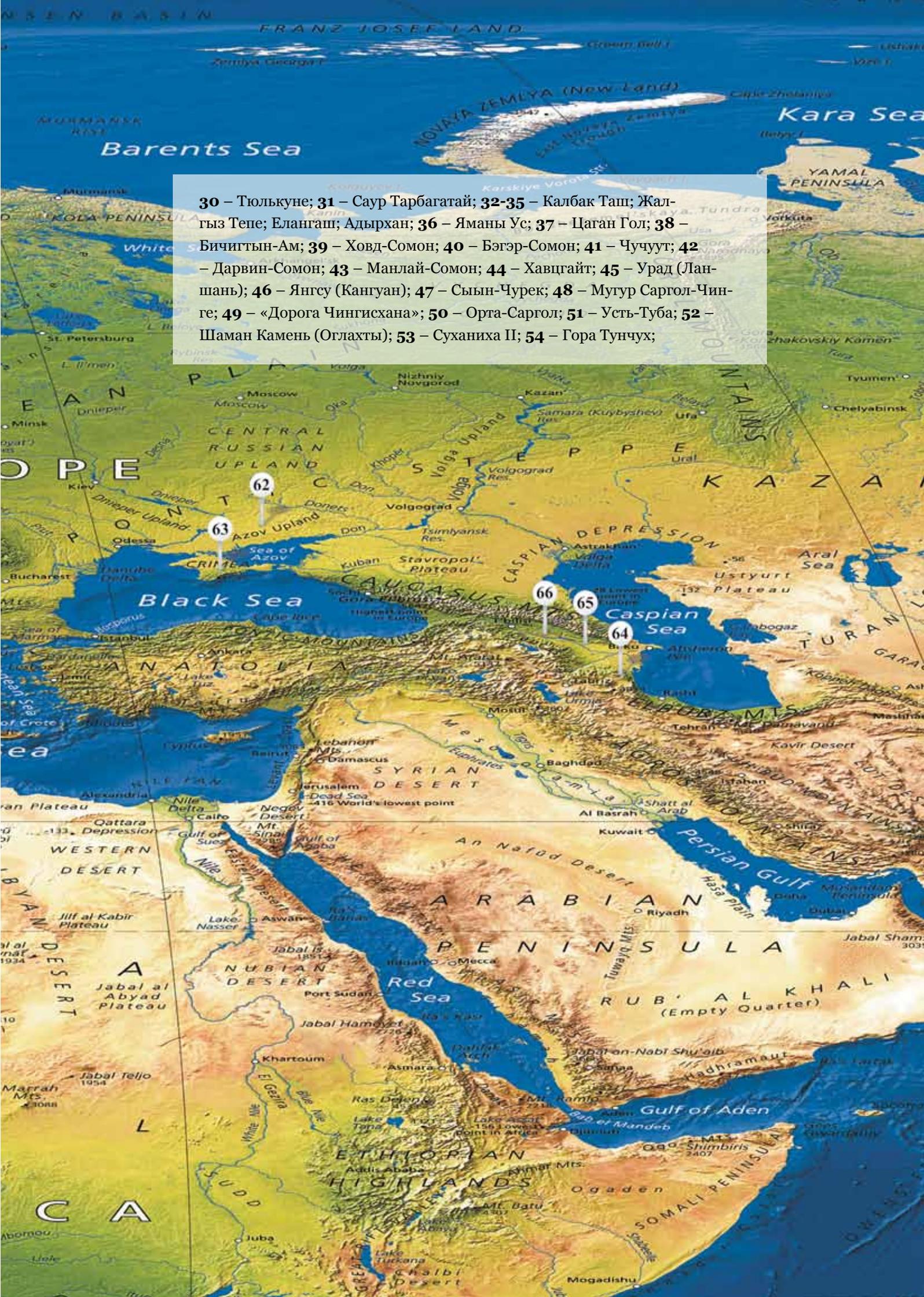
Как видим, ясного ответа на поставленный в начале этого раздела вопрос так еще и нет.

В рамках продолжающейся дискуссии так или иначе рассматривались многие аспекты изучения образа повозок в петроглифах, как одного из наиболее информативных и относительно хорошо датированных.■

Рис. 4. Карта распространения памятников с изображениями повозок

- 1 – Акджилга; 2 - Текке-Таш; 3 – Охна; 4 – Каракиясай; 5 – Тхор; 6 – Чиббарнала; 7 – Дхарампури; 8 – Чатур Бху Нэш; 9 – Эдда Калькаве;
- 10 – Жалтырак-Таш; 11 – Тэрс; 12-18 – Койбагар I, II, III; Арпаузен I, II, IV, V, VI, VIII; КошкарАта I, II; Габаена; Кокбулак; Ксан; Ранг-Озен; 19 – Саймалы-Таш; 20 - Тамгалы; 21 - Чумыш; 22 - Джамбул; 23 - Кестелетау;
- 24 – Байконур III; 25 – Саяк; 26 – Ешкиольмес; 27 – Акбаур; 28 – Курчум; 29 – Мойнак;

30 – Тюлькуне; **31** – Саур Тарбагатай; **32-35** – Калбак Таш; Жалгыз Тепе; Елангаш; Адырхан; **36** – Яманы Ус; **37** – Цаган Гол; **38** – Бичигтын-Ам; **39** – Ховд-Сомон; **40** – Бэгэр-Сомон; **41** – Чучуут; **42** – Дарвин-Сомон; **43** – Манлай-Сомон; **44** – Хавцгайт; **45** – Урад (Ланшань); **46** – Янгсу (Кангуан); **47** – Сыын-Чурек; **48** – Мугур Саргол-Чинге; **49** – «Дорога Чингисхана»; **50** – Орта-Саргол; **51** – Усть-Туба; **52** – Шаман Камень (Оглахты); **53** – Суханиха II; **54** – Гора Тунчух;

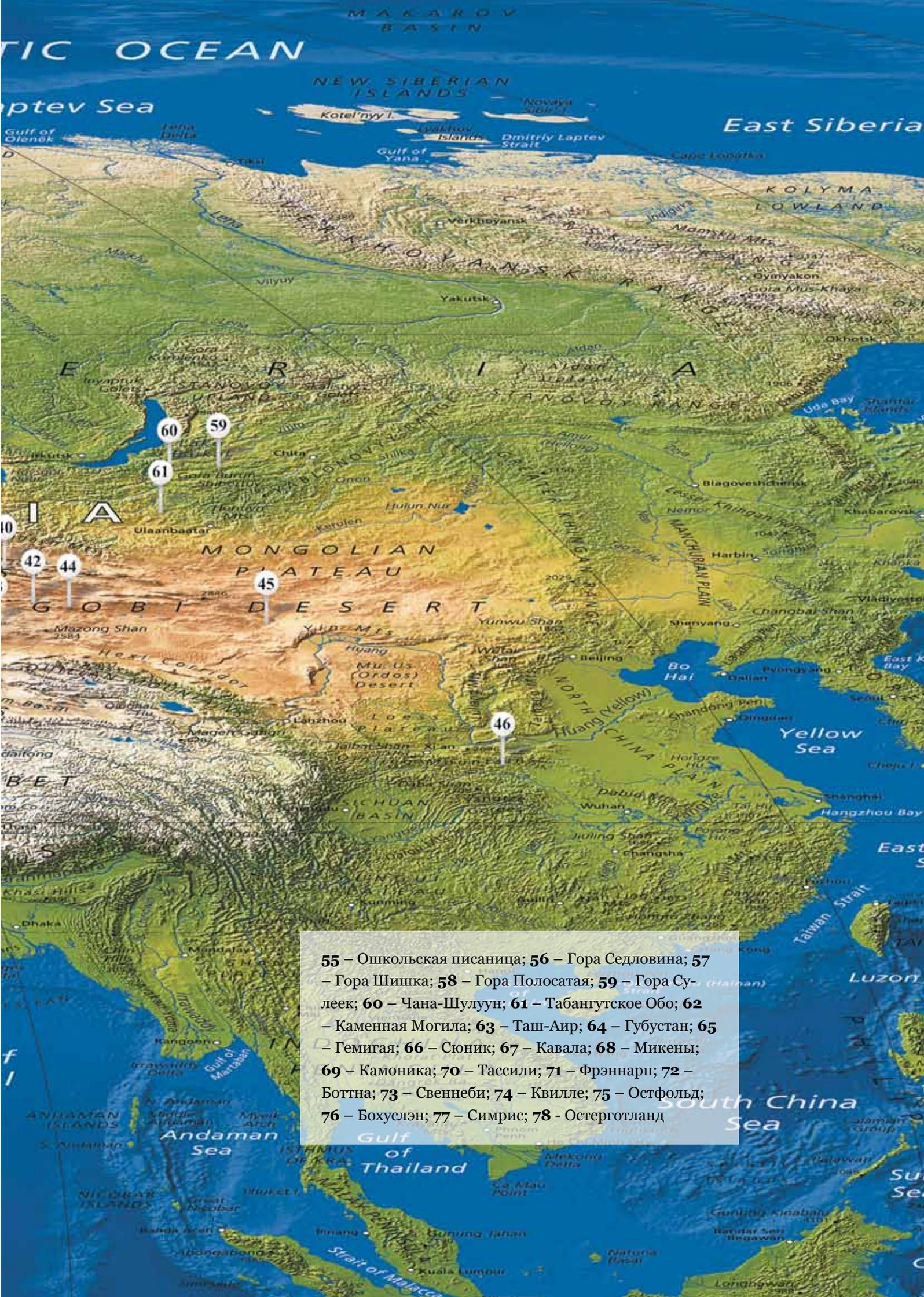
62

63

66

65

64

55 – Ошкольская писаница; 56 – Гора Седловина; 57 – Гора Шишка; 58 – Гора Полосатая; 59 – Гора Суллек; 60 – Чана-Шулуун; 61 – Табангутское Обо; 62 – Каменная Могила; 63 – Таш-Аир; 64 – Губустан; 65 – Гемигая; 66 – Сюник; 67 – Кавала; 68 – Микены; 69 – Камоника; 70 – Тассили; 71 – Фрэннарп; 72 – Боттна; 73 – Свеннеби; 74 – Квилле; 75 – Остфольд; 76 – Бохуслэн; 77 – Симрис; 78 – Остерготланд

Образ повозки в петроглифах восточной Евразии

Среди огромного многообразия мира петроглифов восточной, азиатской части континента в более чем трех сотнях известных здесь изобразительных памятников выделяются

своей красотой и своеобразием удивительные образы повозок. Поражают воображение многие композиции, в которых они присутствуют.

В различных изданиях опубликовано уже более 450 таких картинок (рис. 4). Наиболее полный реестр таких памятников приведен в исследованиях Я. А. Шера [1980, с. 79-170] и П. М. Кожина [1987, с.109-126; 1988].

Большое количество наскальных изображений повозок опубликовано А. П. Окладниковым и сотрудниками его экспедиции в серии работ, посвященной петроглифам Горного Алтая

Рис. 7. Хребет Каратау. 1 – Койбагар I, камень 71; 2 – Койбагар I, камень 125; 3 – Койбагар II, камень 22; 4 – Койбагар III, камень 295; 5 – Койбагар III, камень 528; 6 – Габаевка, плита 62; 7 – Арпаузен III, плита 101; 8 – Арпаузен V, плита 42; 9 – Ксан; 10 – Арпаузен VI, плита 51. [Кадырбаев, Марьяшев, 1977].

Рис. 5. Таласский хребет, долина р. Тэрс. Жалтыракташ. [Шер, Миклашевич, Самашев, Советова, 1987, с. 70-78]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

[Окладников и др., 1979, 1980, 1981, 1982, 1985; Кубарев, 1990, с . 154-156; Окладникова, 1990].

Обнаружены повозки в петроглифах Монголии [Новгородова, 1984; 1989], в Туве [Дэвлет, 1976, 1980, 1982], в Западном [Самашев, 1981, с . 70; 1992; 2006; 2010], Центральном [Новоженков, 1989; 1994; 2002] и Южном Казахстане [Кадырбаев, Марьяшев, 1977; Марьяшев, Горячев, 1998; 2002; Марьяшев, Потапов, 2006], на Тянь-Шане [Шер, 1980], Памире [Жуков, Ранов, 1972, с . 540-541], на Енисее, в Сибири [Леонтьев, 1980, с. 65-84; Leontiev, Kareliko, 2002], в Китае [Bao Xingjun, 2006; Yuan Shi, Ti Yu Xing Tai, Yan Hua, 2010; Chen Zhao-fu, 1988; Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008], в Индии [Brooks, Wakankar, 1976] и Пакистане [Dani, 1983; Jettmar, 1975, 1980, 1982] (рис. 5-30).

Наскальные изображения колесниц Монголии, Кавказа, Скандинавии изучала М. А. Литтауер [Littauer, 1977, р. 243-262], отметив их значительное конструктивное сходство. Теоретические и методологические аспекты исследования таких сюжетов в петроглифах Средней и Центральной Азии рассмотрены Я. А. Шером [1980, с. 197-232, 277-285].

Сравнивая изображения повозок из долины Камоника в Италии с датированными микенскими рельефами, а также наскальные изображения оружия с их археологическими находками, Э. Анати [Anati, 1960] по методу «домино» удалось реконструировать наиболее вероятные пути распространения колесниц эпохи бронзы в Европе, включая Скандинавию.

Колесничные сюжеты в наскальном искусстве стали объектом специального исследования П.М. Кожина. На основе анализа довольно значительной серии изображений (150) он выделяет две изначальные традиции развития этих сю-

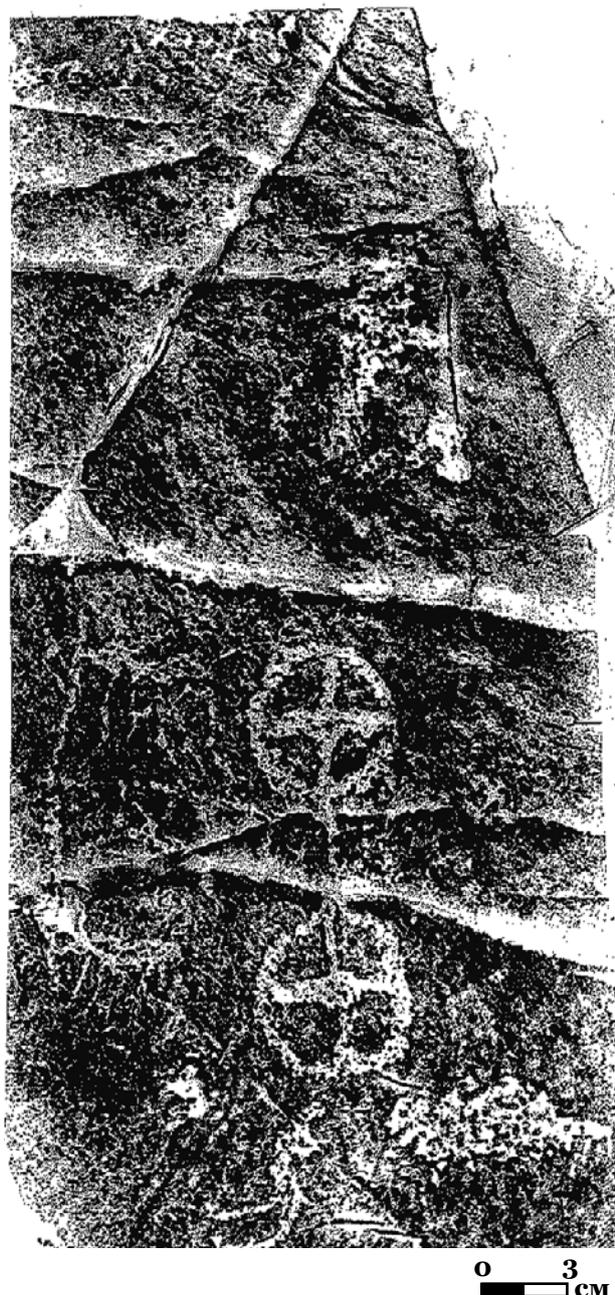

Рис. 6. Таласский хребет, долина р. Тэрс. Колесница. Микалентная копия изображения.

жетов: на Памире и в Монголии. Смешение этих двух традиций, по-мнению автора, прослеживается в казахстанских изображениях повозок [Кожин, 1987, с. 109-126].

Повозкам и проблеме происхождения и распространения средств передвижения посвящены интересные исследования

В. Д. Кубарева, Цевендоржа, Э. Якобсон [2005] и Д. В. Черемисина [2006, с. 90-100].

Интерес представляют несколько изображений телег из Сауыскандыка в Каратау [Самашев, 1992; 2006; 2010] с четырьмя маленькими колесами на углах прямоугольных платформ, запряженных быками, показанными с разрисованными туловищами и «А»-образным дышлом, точно такой же конструкции, как в петроглифах Сармишса [Rozvadowski, 2004, ph. 21] и Кульджабасы [Сала, Деом, 2005].

М. Б. Слободзян на основе сюжетов из Горного Алтая, опубликованных А. П. Окладниковым и его сотрудниками, выделил две тенденции, одна из которых предполагает стадиальность в эволюции изображений, другая – наличие двух изначальных традиций, смешение которых порождает многообразие вариантов. В обзор включено 82 изображения колесниц, анализ которых позволил выделить несколько особенностей изображений:

- преобладание положения упряжных животных спинами к дышлу;
- в Казахстане часто встречаются рисунки типа «профиль», а в Минусинской котловине последние даже составляют большинство;
- нехарактерны для Алтая сюжеты, где возникшие показаны позади колесницы, за исключением Калбакташа-1.

Автор предпринял попытку выделения сюжетов с колесницами, характерных как для Алтая, так и для Центральной Азии в целом, и приходит к выводу о том, что наличие разных типов колесниц в изображениях одного местонахождения может указать на различие хронологического, этнического порядка или же отражает различные мифологические представления [Слободзян, 2002, с. 117-119].

Рис. 8. Хребет Каратау. Изображения повозок. [Кадырбаев, Марьяшев, 1977].

Рис. 9. Ферганский хребет. Саймалы-Таш. Изображения повозок. [Шер, 1980]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

А.-П. Франкфор и Э. Якобсон подвергли сомнению правомерность определения изображений колесниц в качестве боевых, в силу отсутствия в петроглифах прямых указаний или намеков на такие действия [Франкфор, Якобсон, 2004, с. 72].

Против этого возражает Д. В. Черемисин, отметив, что в памятниках древнего изобразительного искусства реализуется концептуальный, а не «фотографиче-

ский» принцип отражения действительности, т.е. для изображения героического события необязательно показывать весь цикл действий, а достаточно было воспользоваться образом повозки или его частью [Черемисин, 2005, с. 268-269].

Появились также и новые серьезные исследования по конструкции, упряжи, снаряжению колесниц и тактике боя в Древней Греции [Нефедкин, 2001] и по

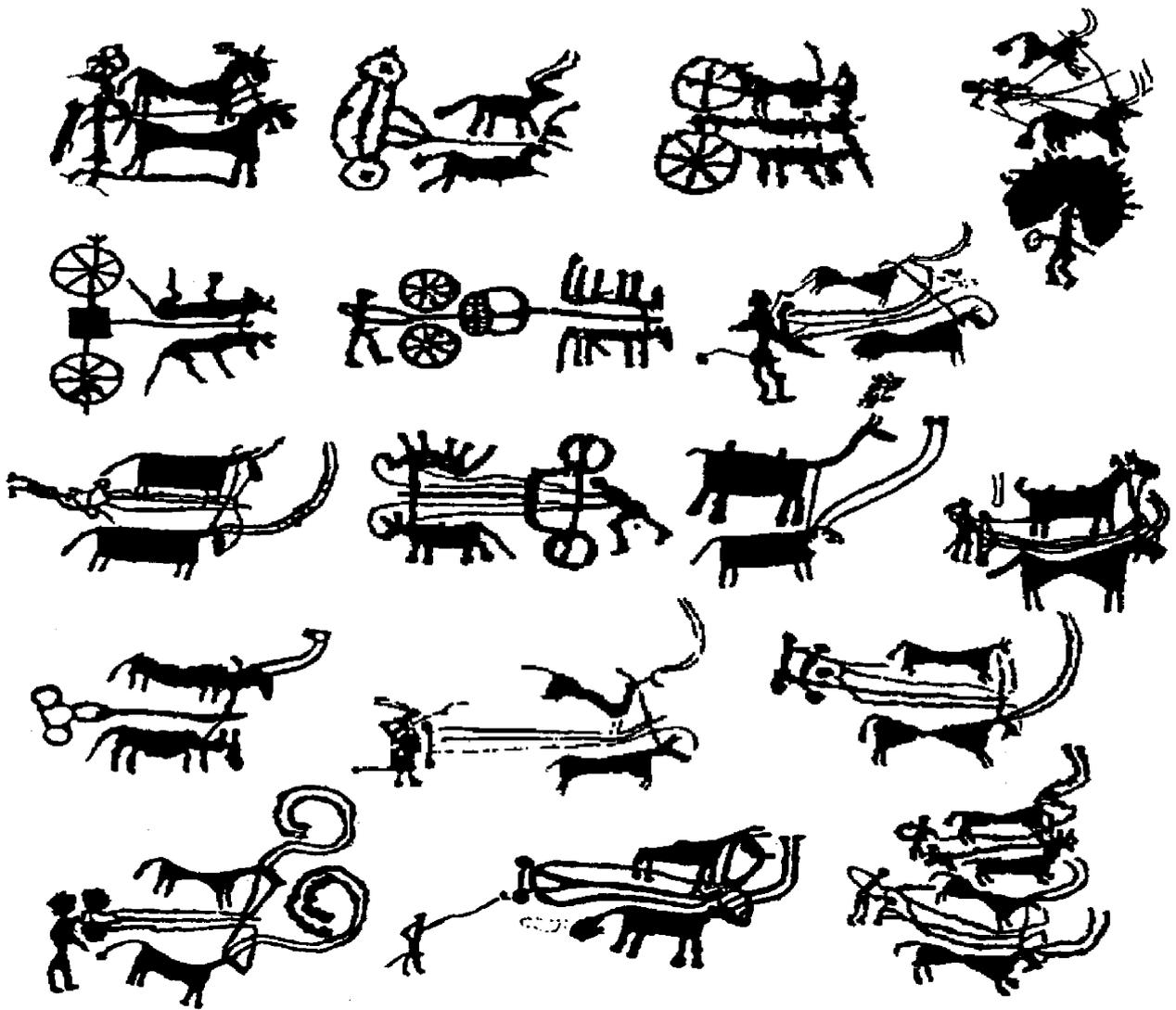

Рис.10. Ферганский хребет. Саймалы-Таш. Изображения повозок. [Шер, 1980].

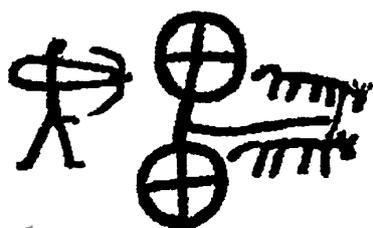
анализу и типологии колесниц древнего Китая, начиная с династии Шан и заканчивая Цинь Шихуаном [Wu, Hsiao-yun, 2009], новые работы по китайским колесницам, вооружению и атрибутике [Варенов, 1995], блестящие работы по колесничным комплексам из степных памятников круга Синташта – Аркаим: А. В. Епимахова и И. В. Чечушкова [2006, с. 168-182; 2008, с. 205-211; 2010, с. 182-229], труды российских и европейских исследователей истории древнего транспорта, которые существенно помогают разобраться во многих вопросах классификации реальных повозок [Из-

бицер, 1993; Гей, 2000; Кони, колесницы..., 2010].

Однако, несмотря на возросший в последние годы объём публикаций и научный интерес к этому образу, многие вопросы изучения наскальных изображений повозок остаются нерешенными и дискуссионными.

Выделю главные особенности образа повозок на скалах восточной части Евразии:

- широкая география распространения сходных сюжетов и образов, каждый из которых представляет собой диалектическое единство образа и его мифоло-

1.

2.

3.

4.

5.

Рис. 11. Изображения повозок. 1 – долина р. Инд, Тхор, Северный Пакистан [Jettmar, 1980, р. 185-221]; 2-3-Чу-Илийские горы, Чумыш; 4-5 – горы Анрахай, Тамгалы [Марьяшев, Потапов, 1993, с. 133-142; 2006; Марьяшев, Горячев, 2002].

гического содержания [Стеблин-Каменский, 1971, с. 14-19; 1976, с. 5; Дьяконов, 1977, с. 9-15; 1990; Фрейденберг, 1978, с. 15, 28 и сл.].

• порой самостоятельное значение имела манера начертания тех или иных образов. Изменения иконографии во времени – возможный результат определенной трансформации представлений об образе и «чудесных» знаний о нем.

С одной стороны, наблюдается поразительное стремление изобразить повозки во всех мельчайших деталях, включая элементы сбруи, колесничного снаряжения. Это позволяет рассматривать такие петроглифы как своеобразные «чертежи» колесниц, цель изображения которых заключалась, в том числе, и в стремлении зафиксировать на скалах ту или иную новацию, достижение конструкторской мысли, однажды уже примененное на практике. С другой стороны, эти новации могли быть облечены только в «чудесную» форму, не всегда «фотографически» точную, отражающую некоторые важные аспекты мировоззрения древних.

Географическая распространенность таких сюжетов свидетельствует о возможном сходстве мифологических представлений. Определенно выявляются повторяющиеся сочетания различных персонажей, объединенных единой плоскостью, как на региональном уровне, так и во всем ареале. Проявляется устойчивое структурное постоянство композиций с повозками, где они сочетаются с одинаковыми образами.

Представляется, что к таким сюжетам в петроглифах, образующим своеобразные «изобразительные ряды» – некие «языковые» или мифологические фразы-мифологемы – допустимо искать соответствия в индоевропейской или, точнее, в индоиранской и ведической мифологии [Самашев, 1987, с. 16-21; 1992, с. 184-211; Шер, 1980, с. 270-286; Кузьмина, 1994; 2000; 2008].

Вместе с тем, степень документированности опубликованных изображений повозок неоднозначна: наряду с монографическими, подробными описаниями, имеются обзорные статьи о сюжетах с повозками, в которых отсутствуют такие важные характеристики, как масштаб, техника изготовления, положение плоскости на памятнике. Значительную

Рис. 12. Индия. Росписи в гротах. 1-2 – Чатур-бху Нэш; 3 – Чиббар-Нала; 4 – Дхарампури [Brooks, Wakankar, 1976].

проблему в описаниях петроглифов представляет отсутствие единой терминологии. Многие изображения повозок опубликованы без контекста, т. е. вне связи с другими петроглифами на той плоскости, где они были найдены. Перенесенные со скал на глянцевые страницы изданий по воле авторов, они искусственно извлекаются из коммуникативной информационной системы памятника и всей оригинальной коммуникации.

Такое состояние дел есть результат отсутствия современных методов изучения петроглифов – надежной методики датировки на основе естественнонаучных методов, успехов в «дешифровке» и заметных успехов в технике их копирования со скал. Изображения повозок часто рассматриваются локально, не всегда учитываются находки из археологических комплексов, за редким исключением, отсутствуют необходимые исторические реконструкции. Сложилась парадоксальная ситуация: эти образы «как бы живут своей, оторванной от создавших их людей, собственной жизнью».

Другая проблема в историографии – из области коммуникации. В среде специалистов сложились, как минимум, три разные канала коммуникации; условно назову их: русскоязычный, англоязычный и китайский, основанные на разных «знаках» кодирования и расшифровки информации. Как следствие – «messages», генерируемые этими каналами, по-отдельности не всегда совпадают, вступают в противоречие и вызывают различного рода дискуссии на страницах специальных изданий.

Конечно, такое положение сформировалось исторически, в силу политических причин, но эта ненормальная ситуация существует в наше время, когда вокруг успешно работают сотни новых и эффективных способов обмена информацией. Чуда коммуникации, к сожалению, всё еще не происходит.

Представляется, что изменить такое удручающее положение может модернизация научных методик и их унификация, создание международных баз артефактов и терминологических словарей, а также специализированных сайтов в Интернете или ставших модными сейчас баз данных, созданных на основе «облачных технологий», таких археологических виртуальных «тучек» и «облачков». ■

Археологические и изобразительные источники

Под археологическими источниками здесь понимаются артефакты из документированных археологических комплексов, с определенной традиционными и/или естественнонаучными методами датировкой, расположенные преимущественно в степной полосе Евразии, и представляющие собой:

- плиты могил с выбитыми (нарисованными) на них изображениями повозок (Кивик);
- артефакты с изображениями повозок – керамические сосуды, изделия из кости, глиняные таблички с пиктограммами, мозаичные панно (Штандарт из Ура), барельефы с датирующими надписями (Ниневия), цилиндрические печати (из Сирии и Угарита);
- модели колес и модели повозок из датированных культурных слоев поселений;
- «оленные» камни с изображениями повозки, предметов колесничного снаряжения и оружия колесничего;
- комплекс вооружения колесничего – копья, чеканы, топоры, кинжалы, палицы, защитное снаряжение из погребений;
- могилы с колесами, упряжными животными, остатками повозок и комплексов артефактов в них;
- отдельная тема – изучение «колесничных комплексов», выделяющихся сегодня и хорошо датированных радиоуглеродными методами в степных археологических культурах;
- остеологические и палеозоологические материалы по упряжным животным (бык, верблюд, лошадь, козы);

- артефакты, представляющие собой комплекс колесничного снаряжения: различные части конской/бычьей/верблюжьей упряжи (псалии, бляшки оголовья, распределители ремней оголовья, удила, «модели ярма»);

- детали конструкции повозки (наконечники дышл и осей, чеки, муфты, втулки осей, костяные гвозди крепления шины, распределители поводьев на дышлах, стрекала);

Перечисленные выше источники определенно разделяются на **изобразительные** – есть изображение повозки и упряжных животных или ее фрагментов.

Понятие «изображение повозки» включает в себя: изображение упряжных животных, показанных с ясно различимыми элементами упряжи, сбруи и иных систем управления упряжными животными; изображение возничего/их с оружием или атрибутами, или без таковых, стоящего, сидящего на повозке, идущего за повозкой или рядом; и собственно изображения повозки с показанными элементами конструкции (или без таковых) – и **традиционные**.

Изобразительные источники позволяют датировать изображения повозок и изменения стиля фигур в пределах найденных археологических комплексов (или раньше – в случаях вторичного использования плит с изображением повозки).

Традиционные ничем не помогают в смысле стиля и изображения, но существенно могут уточнить датировку.

По степени точности датировок у перечисленных источников есть также своя

Рис. 13. Казахский мелкосопочник. Байконур III, плита 2. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

иерархия: наиболее достоверными следует признать раскопанные могилы с повозками и комплексом артефактов, датированные в том числе радиоуглеродным методом. Менее документированные или случайные находки разрозненных или единичных вещей – соответственно – менее достоверными.

Находки плит с изображениями повозок в могилах позволяют прояснить их датировку, а также наметить хронологические рамки сходных типов транспортных средств [Шер, 1980; Филиппова, 1990, с. 166-168; Чугунов, 2008, с. 53-69]. Корпус иконографических источников расширен за счет древних предметов:

сосудов, костяных блях с изображениями повозок.

Результаты анализа изобразительных источников сопоставлены с другими археологическими материалами: остатками реальных транспортных средств, которые уже найдены в степной Евразии, в Закавказье, урало-казахстанских степях,

в Китае и других регионах; с глиняными моделями повозок, а также с остеологическими данными по упряжным животным.

Среди археологов нет единодушия в вопросах хронологии и периодизации очень многих памятников эпохи палеометалла в степной зоне Евразии, что находит отражение и в моих построениях.

Рис. 14. Казахский мелкосопочник.
Байконур III, плита 17.

Рис. 15. Долина р. Коксу. Ешкиольмес. Изображения повозок. [Марьяшев, Рогожинский, 1991].

Поскольку археологическая литература, посвященная рассматриваемым памятникам, очень обширна, а количество страниц этой книги ограничено, то критически настроенный читатель здесь не найдет полных описаний истории изучения и материалов каждого археологического памятника, происхождения каждой из весьма многочисленных здесь культур и высказанных когда-то, при «царе Горохе», ценных мнений и предположений. Насколько позволил формат этой книги,

я постарался дать больше информации об объектах исследования, а не о мнениях и спорах о них. Подавляющее большинство этих материалов и мнений уже подробно опубликовано и приведено здесь в «Библиографии», а заинтересованный читатель в наш век развитых коммуникаций всегда найдет нужную дополнительную информацию. ■

Письменные источники

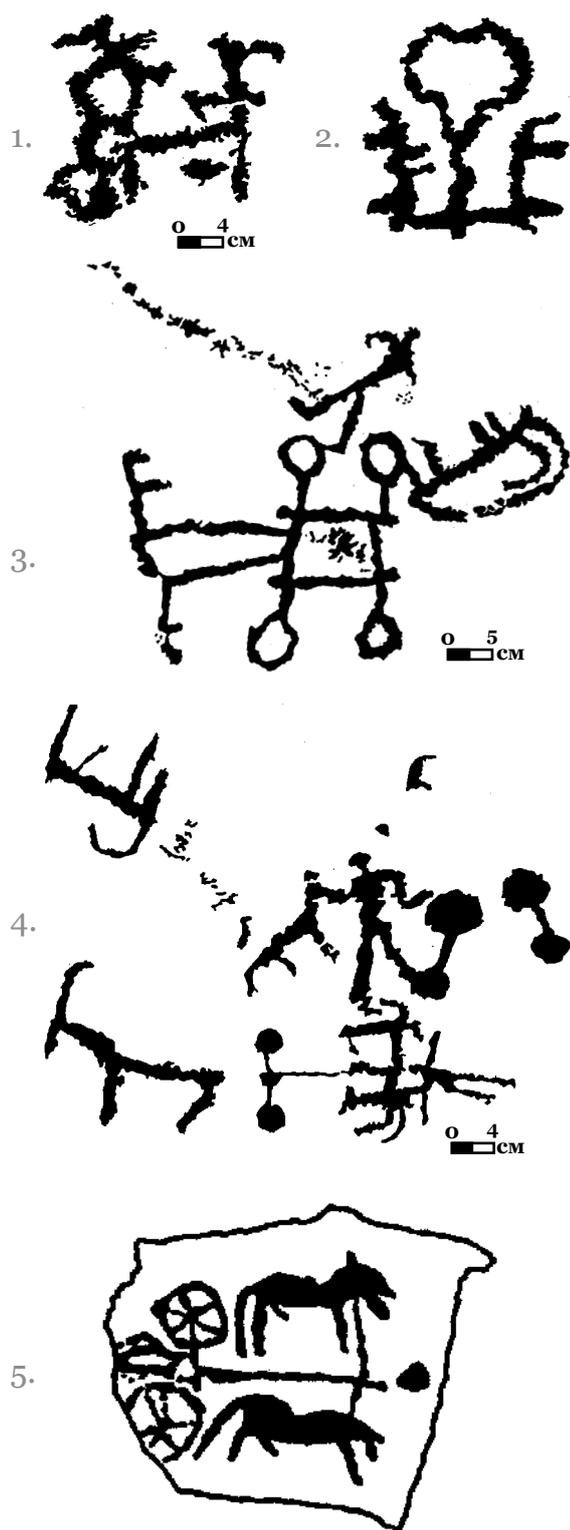

Рис. 17. Тарбагатай. Изображения повозок. 1, 2 – Тюлькуне; 3 – Курчум; 4 – Мойнак; 5 – Саур-Тарбагатай. [Samashev, 1992, fig. 54,90-93, 100-102, 261].

Значительный корпус источников составляет серия древнекитайских надписей на костях или панцирях черепах (обнаружено уже более 150 тысяч экземпляров) времен династий Ся, Шан-инь, Западная Чжоу.

Важные сведения имеются в «Исторических записках» Сыма Цяня [1972], описавшего историю не только ранних китайских династий, но и соседних народов, населяющих эту обширную территорию.

Отдельный тип письменных источников – надписи крито-микенской цивилизации – так называемое «линейное письмо Б» [Ventris, Chadwick, 1956, p. 365-366].

Древнейшие письменные тексты Азии – Авеста и Ригведа – содержат разнообразные сведения о повозках, а общеиндоевропейские термины, связанные с лошастью и упряжками, вошли без существенных изменений во многие древние языки [Гамкрелидзе, Иванов, 1984]. Поскольку во всех индоевропейских языках использовались одинаковые термины применительно к повозкам, лошадям, упряжи, сохранялись сходные колесничные мифы и космогонические представления, то их территориальное распространение может показать направления древнейших миграций и коммуникаций.

Далее приведу некоторые цитаты о повозках и колесницах из этих древних книг, основываясь на данных, собранных Е. Е. Кузьминой [1994, с. 163-194]:

Ведическая традиция: грузовые повозки (anas) были двух типов: большая прочная четырехколесная indranasa и двухколесная с неподвижной осью aksa, крепившейся к кузову веревками. Колесо состояло из трех частей: двух сегментовидных и центральной с выступающей ступицей, скрепленных поперечны-

Рис. 16. Тарбагатай. Грот Акбаур. Роспись. [Samashev, 1992, p.92, fig.6].
Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

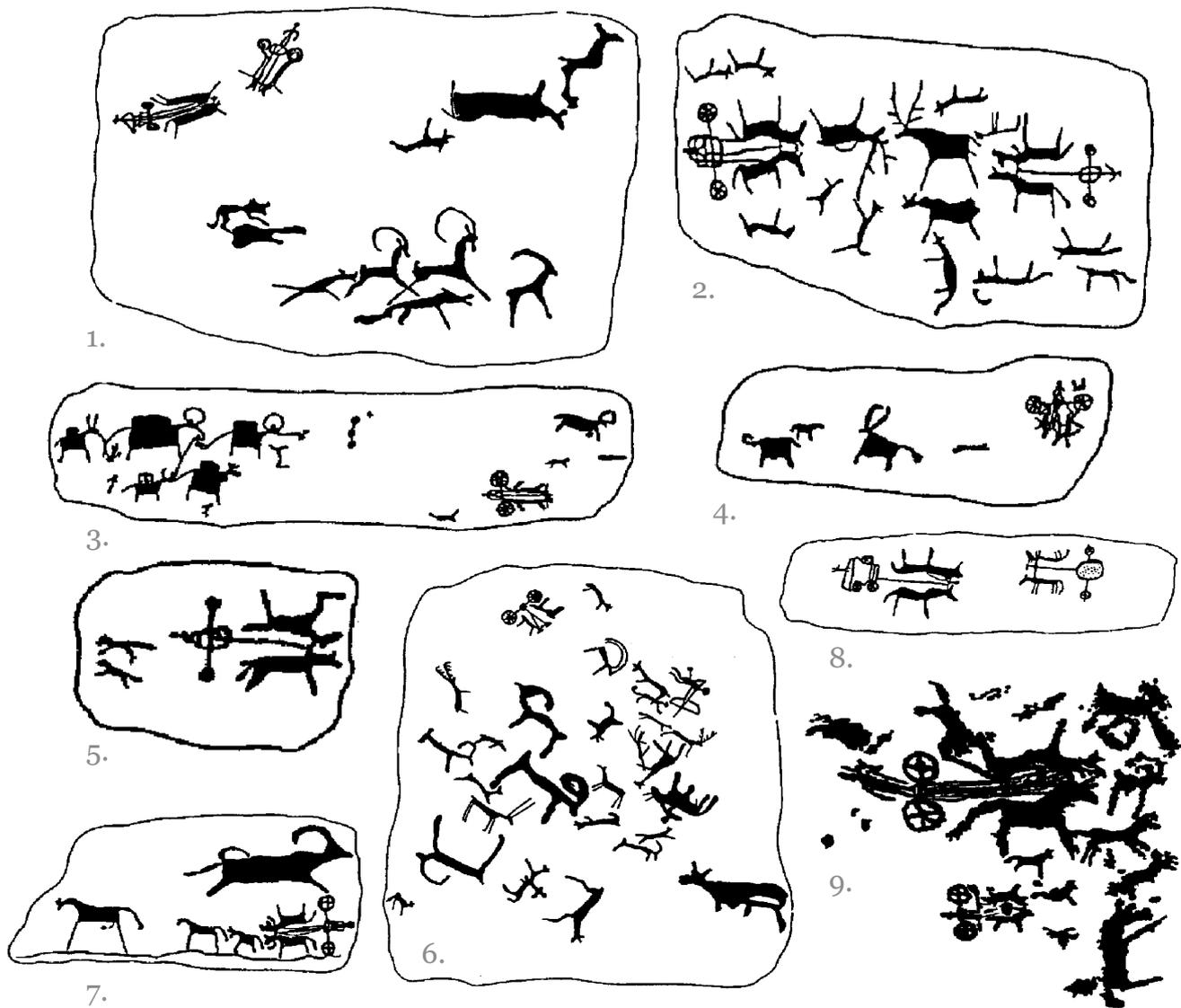

Рис. 18. Горный Алтай. Долина р. Елангаш. Участок 1. Изображения повозок. [Окладников и др., 1979] – (1-8); 9 – Калбак-Таш. [Кубарев, 1990, с. 155-156].

ми планками [Шатапатха брахмана, 5, 4, 3; 7, 2, 3]. Над осью перпендикулярно к ней шел деревянный брус, на котором деревянными гвоздями закреплялось двойное дышло. Сзади под кузовом находилась петля – вероятно, служившая тормозом.

Согласно тексту Катияна Шраута-сутра [8, 4, 5], – «колеса обеих грузовых повозок являются трехчастными. И они устанавливаются по обеим сторонам оси... Также имеются два дышла (т.е. двойное дышло), которые протянуты вперед; спереди и сзади оси по одной перекладине,

с помощью которых разведены обе части дышла; ...яро привязывается к раздвоенному дышлу... Таким образом устроены обе повозки». К передней части дышла крепилось яро уца с двумя углублениями для голов тяговых животных. Яро привязывали к дышлу ремнями; в яре было четыре отверстия, в которые вставляли деревянные шпильки по обеим сторонам головы животного для фиксации. От яра оба плеча двойного дышла сходились, образуя равнобедренный треугольник.

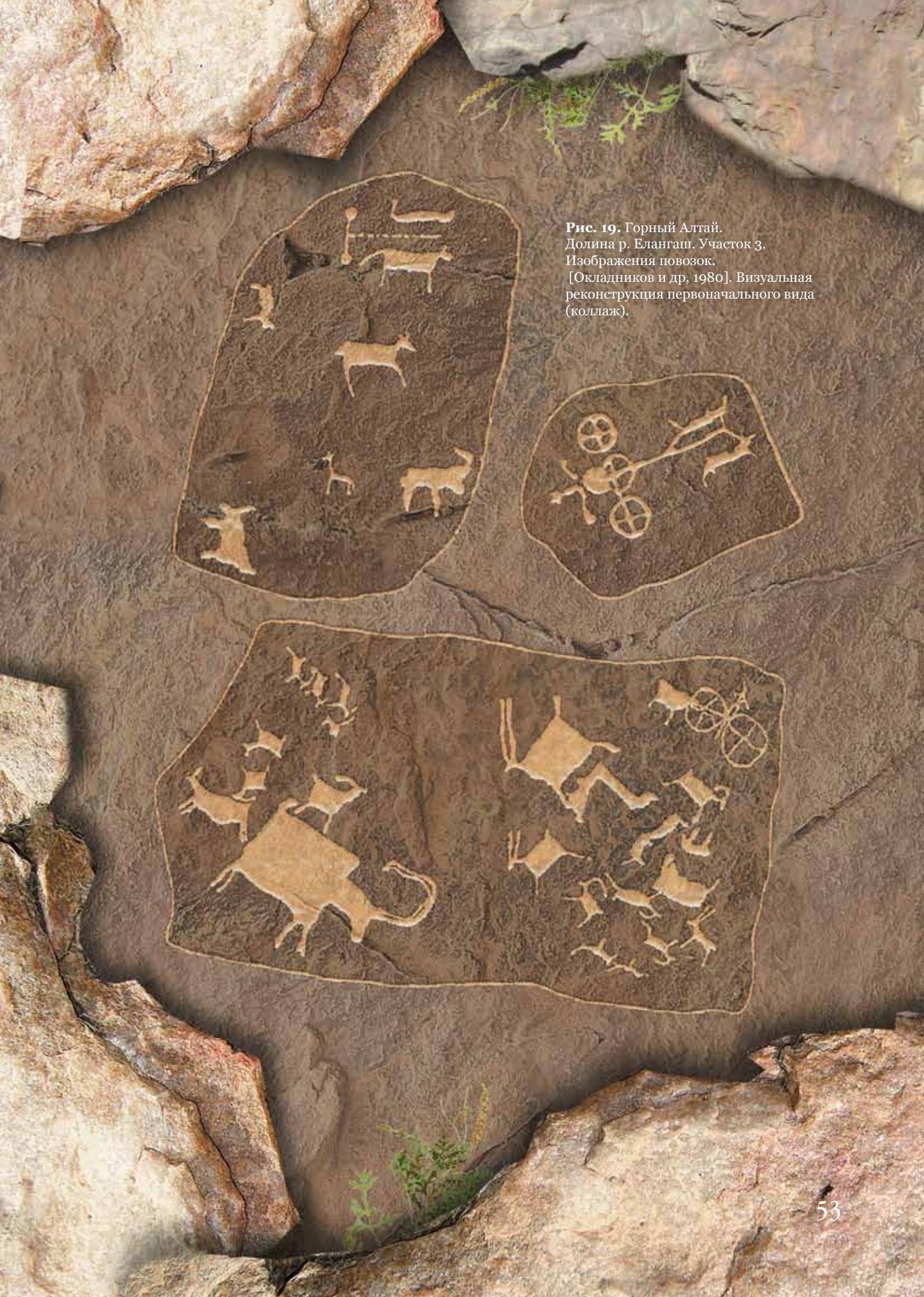

Рис. 19. Горный Алтай.
Долина р. Елангаш. Участок 3.
Изображения повозок.
[Окладников и др, 1980]. Визуальная
реконструкция первоначального вида
(коллаж).

Рис. 19Б. Горный Алтай. Долина р. Елангаш. Участок 3. Изображения повозок. [Окладников и др, 1980]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

Рис. 20А. Горный Алтай. Долина р. Елангаш. Участок 3. Изображения повозок. [Окладников и др, 1981]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

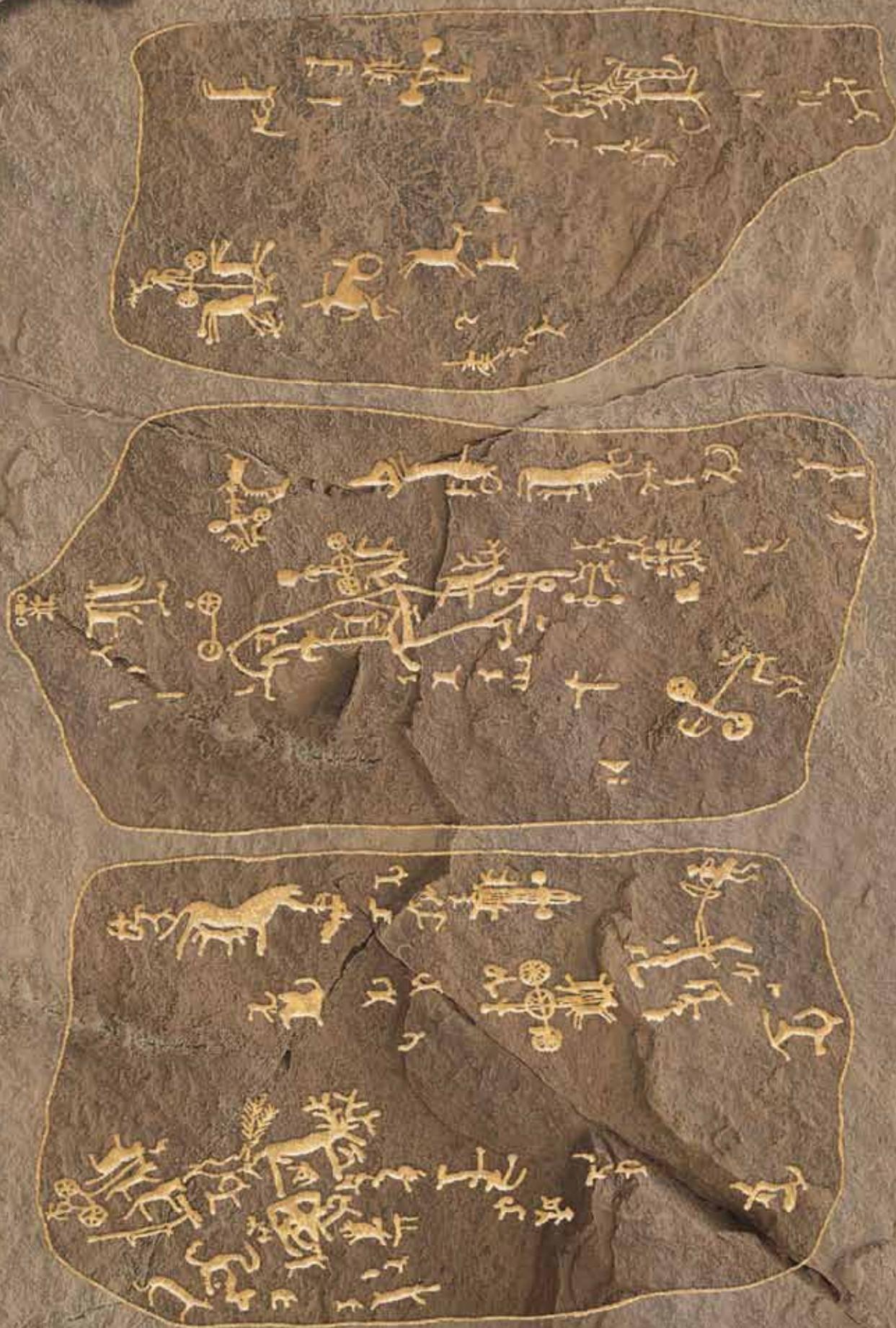

Рис. 21. Горный Алтай. Долина р. Елангаш. Участки 8-9. Изображения повозок. [Окладников и др., 1982]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

Рис. 21. Горный Алтай. Долина р. Елангаш. Участки 8-9. Изображения повозок. [Окладников и др, 1982]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

Рис.22. Горный Алтай. Долина р.Елангаш. Участки 9, 12. Изображения повозок. [Окладников, Окладникова, 1985]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

Рис.22А. Горный Алтай. Долина р.Елангаш. Участки 9, 12. Изображения повозок. [Окладников, Окладникова, 1985]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

Рис. 23. Горный Алтай. Долина р. Елангаш. Участки 10, 12-15. Изображения повозок. [Окладников, Окладникова, 1985; Окладникова, 1990]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

Рис. 23А. Горный Алтай. Долина р. Елангаш. Участки 10, 12-15. Изображения повозок. [Окладников, Окладникова, 1985; Окладникова, 1990]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

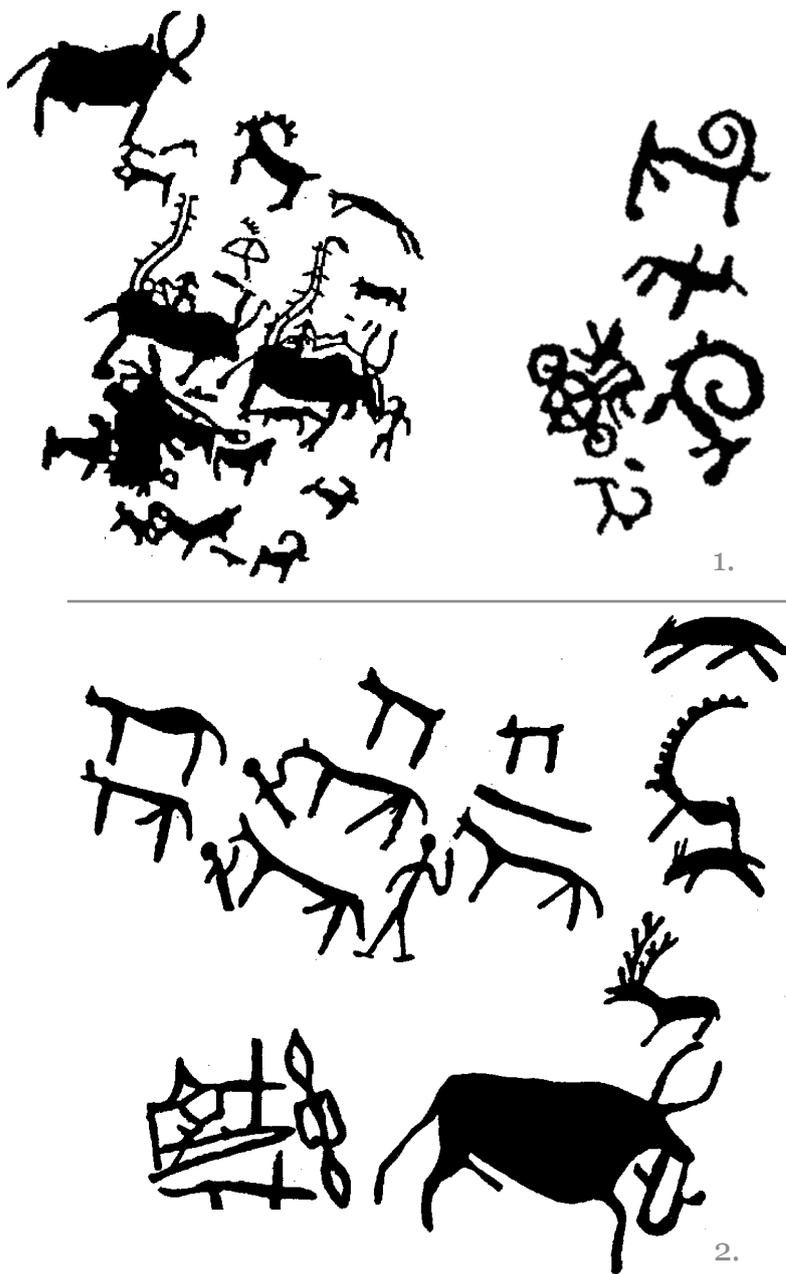

Рис. 24. Монгольский Алтай. Изображения повозок: 1 – Бэгэр-сомон; 2 – Манлай-сомон. [Новгородова, 1989, рис. 26].

В Ригведе [3, 53, 17] Индру призывают: «Ты, чей обод колеса не получает повреждений, будь нам в помощь! Оба вола должны быть выносливы, и прочной должна быть ось. Не должно отрываться дышло или ломаться ярмо. Индра должен сохранить обе подпорки (колеса – В. Н.) повозки от поломки». Раму повозки обшивали досками и поверх изогнутых аркой планок перекрывали «колпаком»-*gadha* из соединенных полотнищ или циновок. В торцовой стен-

ке кибитки делали дверь. Кузов повозки — это «хижина для женщин», очаг; *gadharatya* — внутренность повозки; имеется раздвоенное заостренное дышло, ярмо, ступенька в кузове.

В более поздних текстах упоминается шесть типов повозок: для перевозки людей — *agohana*, очага и кухонной посуды — *mahanasa* и специальные типы повозок для транспортировки военного снаряжения и колесниц. При помощи трехрядных веревок впрягали сначала левое, затем правое животное, надевали на них недоуздки с вожжами *gasmī*. При этом жрец восклицал: «Варуне принадлежишь ты! Надета веревка Варуны» [Тайттирия Самхита, 1, 2, 8, 2].

В качестве тягловых животных использовали быков, волов, коней, мулов и парную запряжку коня и мула. В Ригведе [8, 6, 48] и более поздних текстах упоминаются повозки, запряженные четверкой верблюдов.

Колесницы (*ratha*). Съемные колеса имели неопределенное число спиц, обод и ступицу, иногда обиты металлом. Ось крепилась к раме ремнями, дышло было прямым. В Ригведе [4, 40] описан рысак с уздечкой на голове, со сбруей на морде, за затылком к сбруе привязан подпружный ремень, на спине он перевязан веревкой. В Шатапатха Брахмане и других текстах многократно упомянут недоуздок. В Джайминья Брахмане [1, 129-130] перечислены два коня божественной колесницы, дышла, веревки, ярма, вожжи, оба колеса.

В Тайттирия Брахмана [1, 5, 12, 5] говорится о двух ведущих и двух пристяжных сменных конях колесницы Праджапати; а в тексте [2, 103] колесница «сверкает и изукрашена металлическими пластинами и шариками», она снабжена сделанным из шкур покрытием, отделением для горита и колчана. На колеснице

Рис. 25. Монгольский Алтай. Долина р. Чулуут. Изображения повозок. [Новгородова, 1984].

находится возничий и боец в кожаном панцире. «Индра — боец на колеснице, луна — возничий» [Атхарваведа, 8, 8, 22-23]. Описания колесниц с бойцом и возницей многочисленны в Махабхарате.

Согласно В.Рау, длина оси колесницы ведического периода была 2 м, дышла — 3,61 м, ярма — 1,65 м [Рау, 1983, fig. 5, p. 18, 24].

В языке Вед есть 15 синонимов для обозначения коня, более 20 слов означают «путь», «движение»; колесо и колес-

ница составляют целые семантические пучки, символизируя истину, закон и циклический мировой порядок.

Индоиранская традиция: кроме общеиндоевропейских «транспортных» терминов, в индоиранских зафиксирована развитая общая коневодческая лексика — названия конских мастей, лошадей разного возраста, частей тела животных, фуража и т.д.; общие слова «колесница», «оглобля», «подпруга», «уздечка», многие названия ча-

Рис. 27. Китай. Изображения повозок: 1 – Яншань, провинция Внутренняя Монголия; 2 – Лианьюнгань, провинция Янгу; 3 – Наншаньгэнь, могила 102, костяная пластина. [Chen Zhao-fu, 1988; Комиссаров, 1980; von Dewall, 1986, с. 168-186].

стей упряжи, а также названия ритуалов, связанных с конем. Термин «управляющий конями» применяется к высшему должностному лицу, а термин *rataistar* – «стоящий на колеснице» – обозначает представителя привилегированного сословия воинов, которому подобают особые инсигнии: золото, красный цвет и оружие.

В текстах из Нузи, столицы страны Арапхи, написанных на хурритском языке, но сохраняющих индоиранские

названия, связанные с транспортом и лошадей, противопоставляются тяжелые транспортные повозки и легкие боевые и парадные конные колесницы. Последние имеют ось, дышло, пару колес с 4 или 6 спицами и ступицей, иногда с металлическим ободом. Упомянуты также хомуты из дерева, кожи и шерсти, вожжи, кнут с навершием из лазурита.

Древнейший трактат об уходе, управлении и дрессировке лошадей митаннийского колесничего Киккули (14 в. до

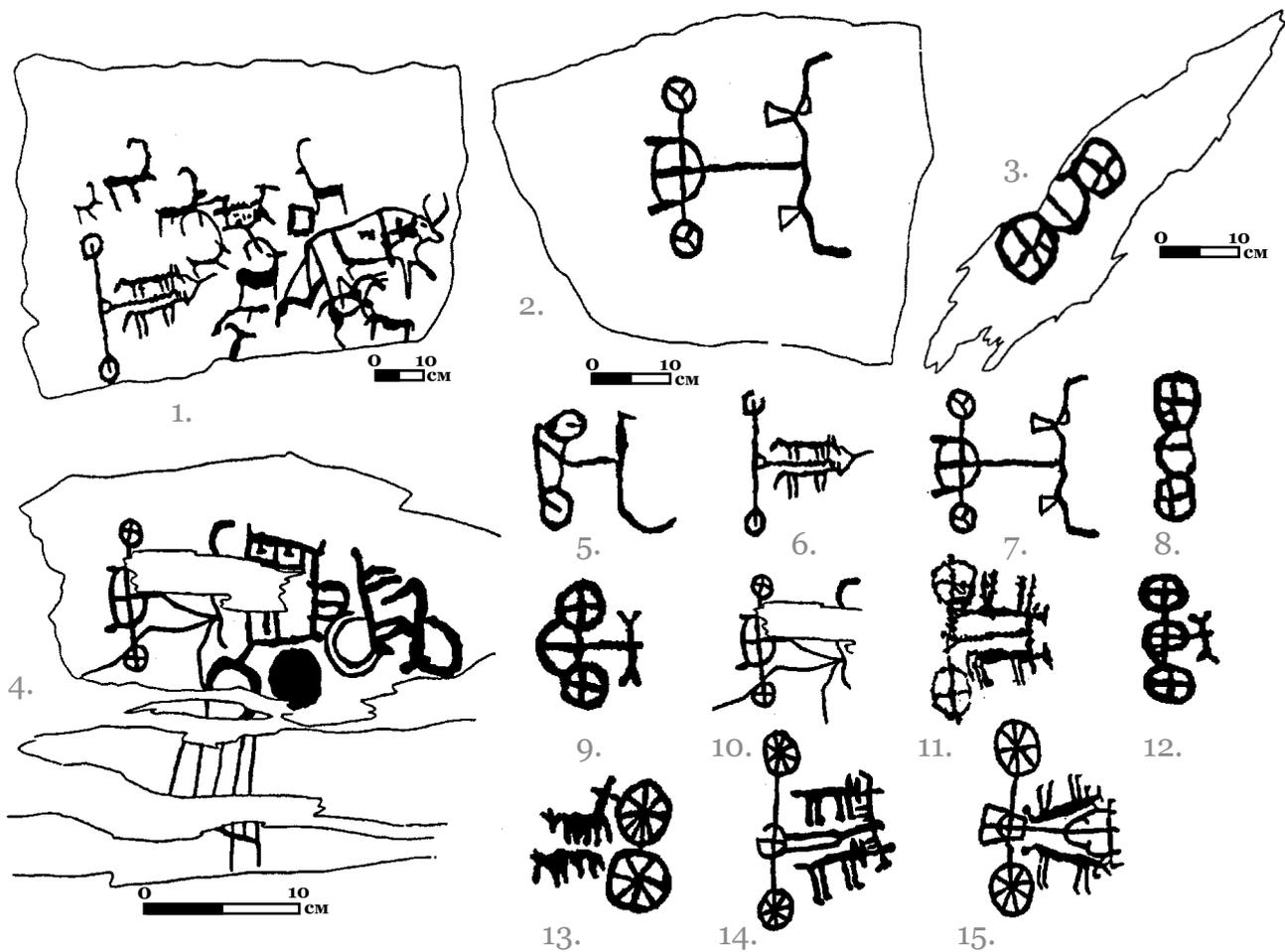

Рис. 29. Западный Саян. Тува. Изображения повозок: 1, 6 – «Дорога Чингисхана»; 2-5, 7, 8, 10 – Ортаа-Саргол; 9, 12 – Мугур-Саргол; 11 – Сыын-Чурек; 13-15 – устье р. Чинге. [Дэвлет, 1976б; 1980; 1982; 2001].

н.э.) написан на хурритском языке и содержит ценную информацию: названия пород лошадей, кормов, приемов управления колесницей. Все термины, которые он использует, имеют индоарийское происхождение, что может свидетельствовать о том, что все навыки управления и ухода за колесницами на территорию Переднего Востока принесены индоариями [Salonen, 1956; Kammenhuber, 1961].

По заключению В.Нагеля [Nagel, 1966, с. 36], в 16-15 вв. до н.э. в Передней Азии в военном деле формируется койне: под влиянием индоиранской военной аристократии из Митанни быстро распространяются боевые колесницы и тренированные кони. Последние очень

дороги (в Нузи конь в 7 раз дорожке быка и в 10 раз дорожке осла). Их привозят издалека, из Митанни и северных областей, содержат в царских конюшнях и иногда дарят соседним владыкам. Хеттский царь Хаттусилис III просит вавилонского царя Кадашмана-Энлила II: «Пришли мне лошадей: племенных коней и жеребцов высокого роста».

В древних частях Авесты употребляется общее индоиранское название социальной группы ратайштар — «колесничий». Лишь в созданных Заратуштрой Гатах термин «колесничий» заменен словом «всадник» — *basar*, не имеющим индийских соответствий. Поскольку Гаты составлены Заратуштрой значительно позднее сложения древнейших

Рис. 28. Китайский Алтай. Гора Мосого, округ Жеминай. [Бао Хингюн, 2006, р. 125].
Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

Рис. 28Б. Китайский Алтай. Гора Мосото, округ Жеминай.
[Bao Xingjun, 2006, p. 125]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

Рис. 28В. Китайский Алтай. Гора Пейшен, окрестности города Джунвейшин: 1 – 70x75 см; 2 – 15x14 см; 3 – 104x58 см. [YuanShi, Ti Yu Xing Tai, Yan Hua, 2010, p. 32, 95, 105]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

Рис. 29А. Западный Саян. Тува. Усть-Мозага. [Devlet, Devlet, 2004, р 243., abb. 6].
Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

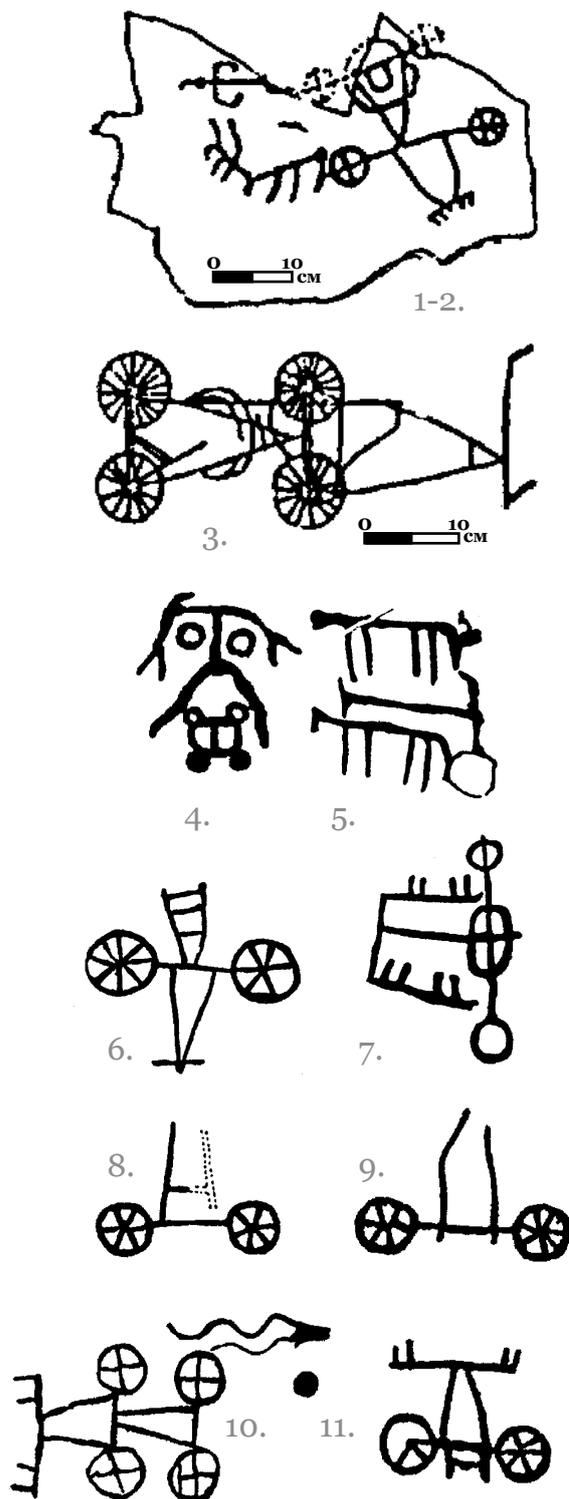

Рис. 30. Южная Сибирь. Изображения повозок: 3 – Ошккольская писаница; 4 – Усть Туба II; 1 – 2, 7 – 9, 11 – гора Седловина; 6-7 – гора Полосатая; 10 – гора Шишка. [Леонтьев, 1980, с. 65 – 84; Севастьянова, 1980, с. 103-107].

частей Авесты (предположительно — в начале 1 тыс. до н.э.), это доказывает, что первоначально у индоиранцев была распространена колесничная тактика боя, и лишь в конце 2 тыс. до н.э. появилось всадничество.

Названия войска — индоиранские термины, один из них восходит к слову «герой», «победитель», другой к глаголу «метать» (стрелы, копья) [Кузьмина, 1994, с. 163-194]. Название метательного оружия — индоевропейское, стрелы — индоиранское, восходящее к глаголу «сражаться»; индоиранскими являются также синонимы стрелы, копья, название топора, тесла, щита, защитного нагрудника.

В иранской мифологии один из семи каршваров (прародин) — северная прародина — называется Хванирата (м.б. Гумирайя – В. Н.), страна «с искусно сделанными колесницами». В Авесте боги Митра, Сраоша, Анахита (Ардви Сура), Дрваспа ездят на колесницах [Яшт 5, 10, 30; Ясна, 57, 27].

Комплект вооружения воина включает меч [Яшт 5, 130; 10, 131; 14, 27], копье [Яшт 10, 39, 102; 15, 48; 17, 12], лук и стрелы [Яшт 7, 28; 10, 39] и булаву — иногда она увенчана бычьей головой, иногда имеет 100 выступов [Яшт 6, 5, 10, 96; 101, 132; 11, 10, 11], иногда сделана из золота [Яшт 10, 96, 131]. Тело покрывали защитными доспехами, главной частью которых был шлем-колпак из воловьей шкуры или металла [Яшт 13, 45; 15, 57] и щит [Кузьмина, 1994, с. 163-194].

Индоиранская и ведическая традиции содержат в себе два великолепных образца «чудесного» коммуникативного послания, два «messages»: о Чудесной Колеснице и о Божественном Оружии.

«Чудесная» колесница. Бог Тваштар — Творец — своими руками создал колесницу. В ведических источниках

содержатся свидетельства выделения группы воинов-колесничих. Согласно Айтария Брахмана [VII, 19], символы кшатриев — «колесница, доспех, лук и стрелы», по Шатапатха Брахмане [V, III, 5] «лук — оружие касты кшатриев». И в Ригведе, и в Авесте колесница — атрибут божества. У индоариев есть волшебная колесница Пушпака, в нартовских сказаниях — колесо Барсага и колесница-самолетка. Специальный гимн Ригvedы [VI, 47, 26- 28] посвящен божественной колеснице, особое заклинание произносилось, когда царь вступал на колесницу: «О божественная колесница, прими жертвенные возлияния!»; «Да завоеует стоящий на тебе то, что надо завоевать!» [Атхарваведа, VI, 125].

«Чудесное» оружие. В этих источниках оружие — это творение и атрибут богов: у Индры — ваджра, каменный топор и быкоглавая булава, у Йимы — тоже быкоглавая булава, а у Бхимасены — каменная булава с четырьмя выступами. Боги вручают оружие героям: Агни дарит лук Арджуне, Брахма вручает стрелу Раме, а Ахура Мазда — Йиме. В Гатах Авесты повторяется: «Лук — это сила знатных». В ведических текстах обожествляются бронзовые ножи, шилья, каменные топоры, булавы и точила. Представление о божественном происхождении оружия надолго сохраняется позднее у скифов и саков: Квинт Курций Руф [История Александра, VII, 8, 17-18] передает легенду о небесных дарах, ниспосланных сакам: «Для земледельцев — плуг и ярмо быка, для воинов — копьё и стрела, для жрецов — чаша». Вариант этого мифа — рассказ Геродота [История, IV, 5-7] о скифских царях, хранящих упавшие с неба в огне золотые дары: плуг, ярмо, секиру и чашу. Отголосок этих легенд — нартовское сказание об упавшем с неба золотом оружии [Кузьмина, 1994, с. 163-194].

Собственно, на этом можно было бы и поставить точку в этой книге. Действительно: древним индоиранцам и индоариям хорошо было знакомо чудо коммуникации, чудесная коммуникативная технология воздействия на свои социумы, они ею хорошо владели и применяли ее на практике, что и зафиксировали их письменные традиции.

Однако остаются неясными ответы на вопросы: кто такие древние индоиранцы и индоарии? Как соотносятся с этими народами известные археологические и изобразительные источники? Как эти почти забытые народы перемещались в пространстве и во времени? Поиск ответов на эти вопросы и определяет круг задач этого исследования. ■

Территория

В советской археологической литературе понятие «Средняя Азия» включает в себя территории Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Южного Казахстана. После распада СССР этот термин стал неактуальным и редко теперь используется. Более распространены самоназвания новых государств и географическое понятие «Центральная Азия». Такому пониманию (включая Казахстан) соответствует англоязычный термин *Central Asia*. Русскоязычное понятие «Центральная Азия» охватывает территории Восточного Казахстана, Алтая, Забайкалья, Внутренней и Внешней Монголии и соответствует термину *Innermost Asia*.

Наряду с географическими понятиями территории – Средиземноморье, Закавказье, Скандинавия – используется принятое административное деление бывшего СССР по государственным границам 1991 года и существующие границы и названия новых государств, образовавшихся на этой территории.

Географические понятия и их историко-культурные эквиваленты не всегда совпадают. Территориальное деление историко-культурных регионов условно, поэтому в данной работе принято физико-географическое понимание территории. «Степная Евразия» «Великий пояс степей Евразии» – термины, определяющие территорию, объединенную сходным ландшафтом, природно-экологическими условиями и расположенную в меридиональном направлении на значительной части континента. Этот термин включает в себя устоявшиеся, вошедшие в специальную литературу, понятия: «причерноморские», «южно-русские»,

«урало-казахстанские» степи, Казахский мелкосопочник (Сары-Арка, Бетпак-Дала); Приаралье, Прикаспийскую низменность, Барабинскую степь, Минусинскую котловину, степные и полупустынные пространства Внутренней Монголии, Синьцзяна, Центральную равнину Китая, степные пространства Монголии, а также другие распространенные географические понятия. Вместе с тем, в книге широко используются исторически сложившиеся названия регионов: Туран, Магриб, Маргуш, Маргиана, Ордос, Туркестан, Восточный Туркестан и другие, историко-географическое понимание которых также имеется в специальной литературе.

Поскольку ключевую роль в коммуникационных процессах в указанных регионах сыграли инновации в селекции домашних животных и особенно domestикации лошадей, а широкое применение их было возможно только на травянистых поверхностях, где пока еще ничем не защищенные их копыта стирались более медленно, то здесь рассматриваются и обширные равнинные территории Северной части Сахары, Ближнего и Переднего Востока, которые в эпоху палеометалла были значительно более увлажненными и травянистыми в сравнении с их нынешним состоянием. ■

Инструментарий и методы

Подход к анализу привлеченных источников диктуется мобильным характером исследуемых обществ скотоводов. В классификациях используется комплексный типолого-технологический метод, основанный на особенностях приемов изготовления отдельных конструктивных элементов посуды.

Реконструкции исторических процессов предприняты на основе методов французской исторической школы [Гарден, 1983; см.: Stoianovich, 1976; Ламберг-Карловски, 1990, с. 3-21], которые предполагают выделение закономерностей, циклично повторяющихся каждый раз на новом качественном уровне. Анализ изобразительных памятников, данных мифологии, фольклора и археологии опирается на сравнительно-исторический метод, принцип историзма.

Значительное влияние на формирование моих взглядов на исторические процессы в степях Евразии оказали работы Л.Н.Гумилева, посвященные проблемам этногенеза народов, ее населяющих. И прежде всего – в части «пассионарности» процессов первоначального формирования этноса. Картографирование памятников, широко здесь используемое, наглядно показывает расположение их в пространстве и маршруты коммуникаций.

Компьютеризация некоторых этапов исследования позволила применить пакеты программного обеспечения для обработки изображений, их визуального сравнения и трехмерного моделирования.

Методологические основы компьютеризации процесса изучения петроглифов практически не отличаются от таковых при описании и анализе любых иных археологических материалов. Впервые они были сформулированы еще в 50-х – 60-х гг. [Gardin, 1958, 1960, 1963, 1965, 1967, 1968, 1974; Шер, 1977]. Затем последовали и более глубокие методологические проработки [Gardin, 1971, 1974; Шер, 1970, 1977; Каменецкий и др., 1975].

В свое время был выполнен целый ряд исследований, способствовавших впоследствии более узкой «специализации» использования компьютеров для работы с наскальными изображениями [Anati, 1968, р.133-155, 1969, р. 63-71, 1970, р. 255-261, 1977; Шер, 1977], исследованы способы записи информации, методы классификации изображений и интерпретации, методологические основы документирования и описания петроглифов [Anati, 1977, р. 35-61; Шер, 1980], компьютерные методы исследования петроглифов успешно применялись в ряде работ западных исследователей, посвященных петроглифам Сахары [Striedter, 1983, 2004], Северной Европы [Burenhult, 1973; Bertilsson, 1989].

Постепенно открывались новые области применения компьютеров в изучении петроглифов – для группы памятников в северной части шведской провинции Богуслэн разработана система электронного картографирования петроглифов [Bertilsson, 1989, р. 287-321].

Появление новых поколений компьютеров, способных обрабатывать графическую информацию, вывело на новый качественный уровень их применение; возможности использования таких систем для документирования археологических исследований, реконструкций,

моделирования уже рассмотрены некоторыми авторами [Reilly, 1988; Пойкалайнен, Талпсепп, 1990, с. 30-33; Рогожинский, Хорош, Чарлина, 2004, с. 156-161; Швец, 2005, с.275-276; Епимахов, Чечушков, 2008; 2010 и другие].

Базы данных (БД) и процедура

Следует выделить два уровня в практическом использовании компьютерных систем: разработка структуры и принципов описания для **БД** с простыми подсистемами (1); расширение возможностей системы путем использования элементов искусственного интеллекта – экспертной системы (2).

Ниже изложу некоторые наблюдения, полученные в результате разработки и использования компьютерной системы первого уровня, опуская излишние технические подробности [Новоженков, Смирнов, Шер, 1993]. Принципиальная схема **Базы данных (БД)**:

- **Ввод** изображений в компьютер с фото/видеокамеры или «оцифровка изображений» позволяет оперативно и достаточно точно копировать многие тысячи изображений со скал.

- **Описание** на английском, русском или французском языках, причем описание, созданное на одном языке, автоматически формируется на двух других. Выбор языка описания производится в начале сеанса работы. см. Приложение 1

- **Анализ.** **БД** снабжена системой оперативного поиска нужной информации по всем атрибутам описаний. Исследователь имеет возможность, используя любые сочетания признаков, получить интересующую его информацию не только в виде словесных описаний, но и графических прорисовок изображений. Вся информация может быть выведена на принтер или передана в сеть.

Описание и термины

Приступая к описанию любого археологического объекта, исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью использования или создания языка описания – метаязыка [Шер, 1980, с.43-60], который всегда содержит в себе два противоположных требования: он должен быть достаточно стандартным и в то же время – универсально описывать максимально всю доступную информацию. Всякий стандарт, как и любая универсальность, не может учитывать и прогнозировать новые особенности объекта, в том числе и такого, каким являются наскальные изображения повозок. Следовательно, система описания и сам метаязык его должны быть изначально гибкими и открытыми для ввода новых характеристик. Это влечет за собой требование: система описания должна оперировать значительным количеством таких характеристик (**полей описания**).

Любое словесное описание петроглифа никогда не сможет полностью отразить его образ, как в силу недостатка наших знаний об объекте, так и в силу несовпадения «знаковых» систем. Каждое наскальное изображение может быть рассмотрено как некая «вещь в себе», полная информация о которой уже никогда не будет получена. Тем не менее, неустраиваемая информация сохраняется в этой «вещи» пропорционально увеличению наших знаний о ней.

Необходима разработка системы проверки (верификации) любого исторического вывода, основанного на археологических материалах. Вместе с тем, руководствуясь здравым смыслом и неизбежной последовательностью отдельных этапов процесса познания, возможно организовать наши знания, а значит – и информацию, как максимально возможную совокупность данных, которую ис-

следователь сегодня может получить от археологического объекта, сообразно основным этапам научного исследования.

Вся информация изначально разделена на **документирующую и содержательную**, состоящую из основных дескрипторов, значения которых соответствующим образом оговорены в словарях:

- географическое положение памятника;
- название памятника;
- макротопография;
- микротопография;
- сохранность изображения;
- техника изображения;
- масштаб используемой копии;
- источник информации.

Указанные единицы описания объединяются в два класса: жесткие словари и свободный текст (комментарий). Дескрипторы первого типа могут быть найдены автоматически, в отличие от свободного текста, автоматический поиск по которому требует некоторых дополнительных усилий и не всегда нужен.

Документирующая информация, как правило, всегда конкретна. Поэтому в полях описания используется только одно значение.

Содержательная информация образуется из следующих дескрипторов, описывающих составные элементы изображения повозки:

- описания конструкции;
- описания возничего (возничих);
- описания упряжных животных;
- особенностей в изображении конструкции;
- возничего и упряжных животных;
- взаимное расположение этих элементов.

При содержательном описании одну и ту же характеристику можно выразить несколькими понятиями. Например:

руки у возничего могут быть одновременно и подняты (правая рука), и опущены (левая рука), и согнуты в локтях. Поэтому в полях описания содержательной части для описания одного атрибута используется несколько значений одновременно.

Наиболее сложный раздел в структуре **БД** – это определение полей описания и выбор значений терминов (построение иерархии). Процедура этого выбора субъективна и зависит в значительной мере от квалификации исследователя и его интуиции – как, впрочем, и любое описание археологических объектов с использованием информационной технологии или без нее.

В литературе о петроглифах уже намечены методические основы выбора признаков для описания изображений животных [Шер, 1980] и изображений человека [Пяткин, Мартынов, 1985; Рогожинский, и др., 2004], которые проверены на больших сериях и могут быть использованы.

Количественные показатели, а также очевидные характеристики объекта как в документирующей, так и в содержательной части, достаточно надежны. Если исходить из принципа очевидности, то исследователь должен описывать явные особенности изображения, сообразно внутренней структуре объекта. Изображение повозки есть совокупность данных о конструкции, возничем и упряжных животных. Эти атрибуты, в свою очередь, состоят из набора определенных элементов. Описание конструкции немислимо без информации о колесах, платформе, ее положении, оси, дышле, способе запряжки и деталях сбруи. Информация о возничем состоит из описаний его головы, рук, ног, туловища; по изображениям упряжных животных можно описать их видовую при-

надлежность, количество и положение ног, а также такие элементы, как голова, корпус, хвост.

Наряду с этими очевидными элементами каждого изображения, как правило, присутствуют особенности в их трактовке, как в сравнении с реальным прототипом, так и в соотношении всех элементов повозки в конкретном изображении. Поэтому введены поля описания, фиксирующие такие характеристики, как особенности конструкции, положение возничего и его атрибуты, положение упряжных животных и их детализация. Всего используется 65 полей описания.

При необходимости могут быть введены новые поля описания и новые варианты ответов, количество которых неограниченно. Практическая работа с использованием комплекса показывает, что в процессе описания большого количества изображений происходит «естественный отбор» работающих и не работающих атрибутов – так же, как и вариантов ответов. Окончательную оценку необходимости изменения описания дают квалифицированный специалист или группа экспертов.

Термины (см. *Терминологический словарь*) описания несут основную смысловую нагрузку, их выбор и толкование – ответственная задача любого описания. В БД используются термины, уже вошедшие в литературу о повозках [Littauer, Crouwel, 1979, p.3-7; Piggott, 1983, p. 2, с учетом результатов дискуссии о терминах на страницах журнала *Antiquity*, vol. LVIII, 222, 1984, p. 71-72; Епимахов, Че-чушков, 2008; 2010]. Список их расширен специальными терминами, характеризующими особенности наскальных изображений повозок (например, «контур», «силуэт» и т.д.) и снабжен соответствиями на английском и французском языках.

Сообразно структуре БД и согласно выбранным полям описания, термины разделены на документирующие и содержательные.

Документирующие термины могут содержать информацию как общего характера, так и конкретную. Например, термин «повозка» – общий для описания всех типов колесных экипажей: колесниц, двуколок, телег; термин «Алтай» отражает конкретный географический регион.

Содержательные термины фиксируют определенный вариант в изображении конкретного элемента. Количество таких вариантов ограничено, поэтому каждый из них получает словесное соответствие. Например: термин «колесо» включает в себя значения терминов, обозначающих возможные варианты его изображения на скале: колесо с показанными спицами; дисковое колесо, показанное сплошной выбивкой; «кросс-баровое», изображенное с пересекающимися досками или выемками колесо.

Наряду со специальными терминами, в содержательной части описаний широко используются термины, применяющиеся в геометрии, которые сами себе не требуют специальных объяснений: «прямой», «изогнутый», «треугольная», «округлая», «прямоугольная», «план», «профиль» и т. д., однако их использование в данной системе носит всегда условный характер.

Трудно ожидать от древнего художника правильного начертания на скале геометрических фигур – в силу как особенностей техники изготовления, так и общего замысла изображения. Поэтому геометрические термины здесь подразумевают лишь наибольшее соответствие элемента изображения какой-либо геометрической фигуре.

Термины «контур» и «силуэт» отражают преимущественно технику и манеру изготовления фигур: контурной выбивкой (или линией), либо сплошной выбивкой (или заполнением краской) по всей поверхности.

Анализ и сравнение

Особенностью классификации наскальных изображений является ее двойственность. С одной стороны, она учитывает то, что изображено (план содержания), а с другой – то, как изображено (план выражения). Один и тот же образ может быть воплощен на скалах в разной манере. Если для определения типологии образов достаточно визуального сравнения изображений, то выделение стилей требует более сложного анализа. Выявленные и устойчиво повторяющиеся иконографические особенности и составляют стиль изображений.

Впрочем, выделение дробной структуры типов и подтипов не исключает различных дополнительных исследований, но они, как правило, также опираются на визуальные суждения. Очевидно, что изображения повозок необходимо сравнивать с известными в истории древними типами реально существовавших экипажей. Однако не всегда это возможно сделать в силу отсутствия на многих изображениях повозок четко различимых деталей конструкции. Иконографические особенности в изображениях повозок легко узнаваемы, они имеют как глобальный характер, так и местные варианты.

Изначально все изображения повозок разделены на 2 основных типа: двуосные – телеги (4W), и одноосные – двуколки (2W). Тип двуколок содержит также изображения колесниц, которые выделены здесь в отдельный тип.

Многие исследователи используют для сравнения пропорции изображений [Lumley, 1968; Шер, 1980, с. 50-52]. Отношения расстояний между парами фиксированных на изображении точек могут быть представлены в виде коэффициентов пропорциональности, удобных для математического анализа. Опорные точки на каждом изображении определяются как в полуавтоматическом режиме, так и автоматически. В изображениях повозок такие точки фиксируют длину дышла и размеры колесной базы, длину платформы и максимальные размеры колес. Коэффициенты пропорциональности расстояний между точками являются основой для сравнения. Визуализация всех признаков, использованных в БД, представлена в Приложении 1.

Для классификации наскальных изображений повозок применялись в основном визуальные методы. Сравнение проводилось как внутри всего массива наскальных изображений повозок, так и по отдельным географическим регионам и типам экипажей.

Обоснованность выделения каждого типа и подтипа в предлагаемой ниже классификации проверялась путем сравнения с известными в древности типами реальных повозок из могил и с классификациями других авторов. ■

Глава 1

Распространение образа повозки в петроглифах Евразии и классификация изображений повозок

Изображения повозок на скалах достаточно широко распространены в петроглифах западной части Евразийского континента: в Скандинавии, Средиземноморье и на Кавказе. Изображения из этих районов оказались лучше изученными, как в силу сочетания их с хорошо датируемыми фигурами – топорами, кинжалами и другими артефактами – так и в силу длительных систематических археологических исследований на этих территориях. Уточнению датировок способствовали многочисленные находки моделей повозок, элементов колесничной упряжи и остатков самих повозок. Разработаны классификации наскальных изображений этих районов, что позволяет уделить больше внимания «стилям» и типологии изображений.

Скандинавия (10; рис. 31-34)

Корпус петроглифов этой зоны весьма разнообразен по сюжетам и опубликован в многочисленных изданиях, одно лишь перечисление которых заняло бы здесь несколько страниц. Некоторое представление о них можно составить по обобщающим исследованиям [Glob, 1969; Malmer, 1981; и др.].

Множество однотипных наскальных изображений найдено в Швеции, Норвегии и Дании. Всего известно более 60-ти изображений повозок. Они сосредоточены в основном на территории Швеции: 28 – в провинции Бохуслэн, 16 – в провинции Сконе, 16 – в Остфольде (Норвегия). В юго-восточной и западной частях Швеции и в провинции Эстерйетланд – по одному-два изображения [Malmer, 1981, p. 43].

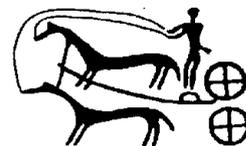
Грыт. Провинция Сконе. На массивной горизонтальной плоскости выбиты пять изображений колесниц, солярные знаки и углубления. Упряжные лошади показаны схематично. [Historiska nyheter, 1976, p. 18].

Фрэннарп. Провинция Сконе. На горизонтальной плоскости выбито 12 изображений распряженных колесниц, направленных дышлами в одну сторону. На другой плоскости выбито четыре двуколки, три из которых имеют упряжных лошадей, показанных схематично [Anati, 1960, p. 59, fig. 12; Haugen, 1986, s. 109-138; Piggott, 1983, p. 117, fig. 70-A].

Боттна. Провинция Бохуслэн. Плоскость 364 – изображение двуосной повозки на колесах со спицами, запряженной парой лошадей, пере-

Region	A1a	A3c	B1a	B1b	B1c	B1d	B2a	B2c	B3a
Skone	2	-	7	-	-	-	-	-	-
SW Sweden	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Ostergotland	2	-	-	-	-	-	-	-	-
Bohuslan	-	1	4	2	7	1	3	-	1
Ostfold	-	-	1	-	2	1	-	1	-
W Sweden	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Total	4	1	13	2	9	2	3	1	1

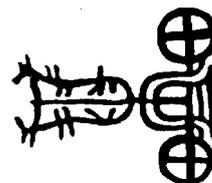
Region	C1f	C1b	C1c	C2a	C2b	C2c	C2d	Total	%
Skone	7	-	-	-	-	-	-	16	14,5
SW Sweden	-	-	-	-	-	-	-	1	1,5
Ostergotland	-	-	-	-	-	-	-	2	0,5
Bohuslan	-	1	4	1	1	2	-	28	2,5
Ostfold	-	-	3	-	1	-	4	13	4
W Sweden	1	-	-	-	-	-	-	1	2
Total	8	1	7	1	2	2	3	60	1,5

A1a.

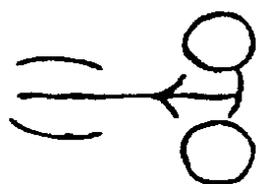
A3c.

B1a

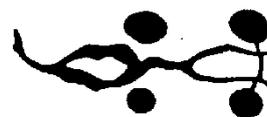
B1b

C1c

B2a

C2d

Рис. 31. Скандинавия. Основные типы наскальных изображений повозок. [Malmer, 1981].

крыто изображением лодки. Повозка представляет собой две сочлененные колесницы (10.Bo5).

Плоскость 384 – изображение четырехколесной повозки с прямоугольным кузовом и дисковыми колесами (10.Bo4) в окружении фигуры человека, выбитых ямок и неопределенных изображений [Fredsjö, 1975, p. 118-120].

Свеннеби. Провинция Бохуслэн. Плоскость 232 – одиночное изображение повозки на четырех колесах со спицами представляет собой две сочлененные вместе колесницы, вторая – имеет А-образное дышло (10. Kv2).

Плоскость 245 – изображение двуколки (10.Kv3), запряженной парой животных, показанных схематично [Fredsjö, 1971, p.18,47].

Квилле. Провинция Бохуслэн. Плоскость 308 – изображения двух двуколок, запряженных лошаадьми. За второй повозкой выбита фигура мужчины с поднятыми вверх руками и растопыренными пальцами (10. Во1-2).

Плоскость 334 – изображение пароконной колесницы с возничим (10.Bo6), сходное с выбитым на плитах в Кивике. На отдельной плоскости выбиты изображения двух колесниц, одна показана без дышла [Fredsjö, 1975, p. 33-34].

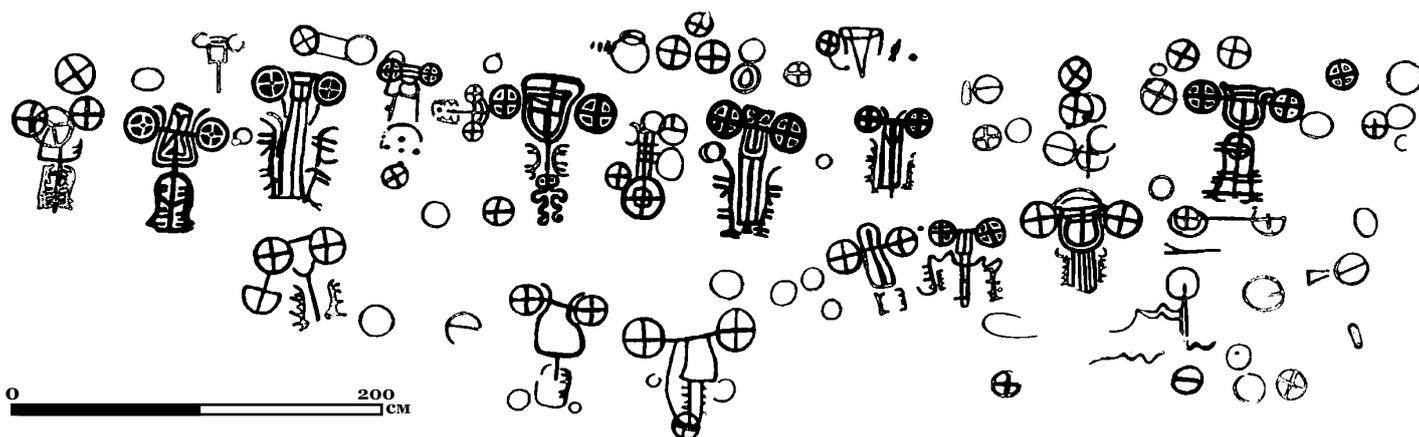

Рис. 32. Скандинавия. Фрэннарп. [Larsson, 2004, s. 387, abb.6].

Рис. 33. Скандинавия. Провинция Бохуслэн. Аскум. [Larsson, 2004, s. 396-397, abb. 21-22].

Из приведенного выше далеко не полного обзора отмечу некоторые особенности скандинавских изображений: колесницы показаны без возничих и без упряжных животных, либо последние показаны схематично; среди изображений телег представлен тип повозки, состоящей из соединенных вместе двух колесниц, где последняя имеет, как правило, «А»-образное дышло – например, из Ришда (Бохуслэн), Лангона (Норвегия) и других памятников (10. Of1; 10. Of3; 10. Of10; 10. Kv2; 10. Bh1), [Hayen, 1986, s.117].

Подобный тип повозок встречается в Минусинской котловине (г. Седловина, Шишка) и в Монголии (Гобийская квадрига).

М. Мальмер выделил несколько основных показателей в изображениях повозок Северной Европы. Изображения разделены первоначально на три группы в зависимости от наличия или отсутствия упряжных животных и возничего: А – повозки с упряжными животными и возничим; В – повозки с упряжными животными, но без возничего; С – распряженные повозки без возничих. Затем изображения разделены по количеству показанных на рисунке колес: 1 – двухколесные; 2 – четырехколесные; 3 – показано одно колесо. Далее изображения классифицируются в зависимости от типа колеса: а – колесо с четырьмя спицами; b – колесо без спиц с точкой в центре (или показанное как два концентрических круга); с – колесо в виде окружности; d – колесо, показанное сплошной выбивкой внутри. Комбинация этих элементов позволяет описать тип конкретного изображения повозки. Выделено семь основных типов (рис. 31), [Malmer, 1981, p. 43-46, fig. 16, tab. 7].

Средиземноморье (9, рис. 35-39)

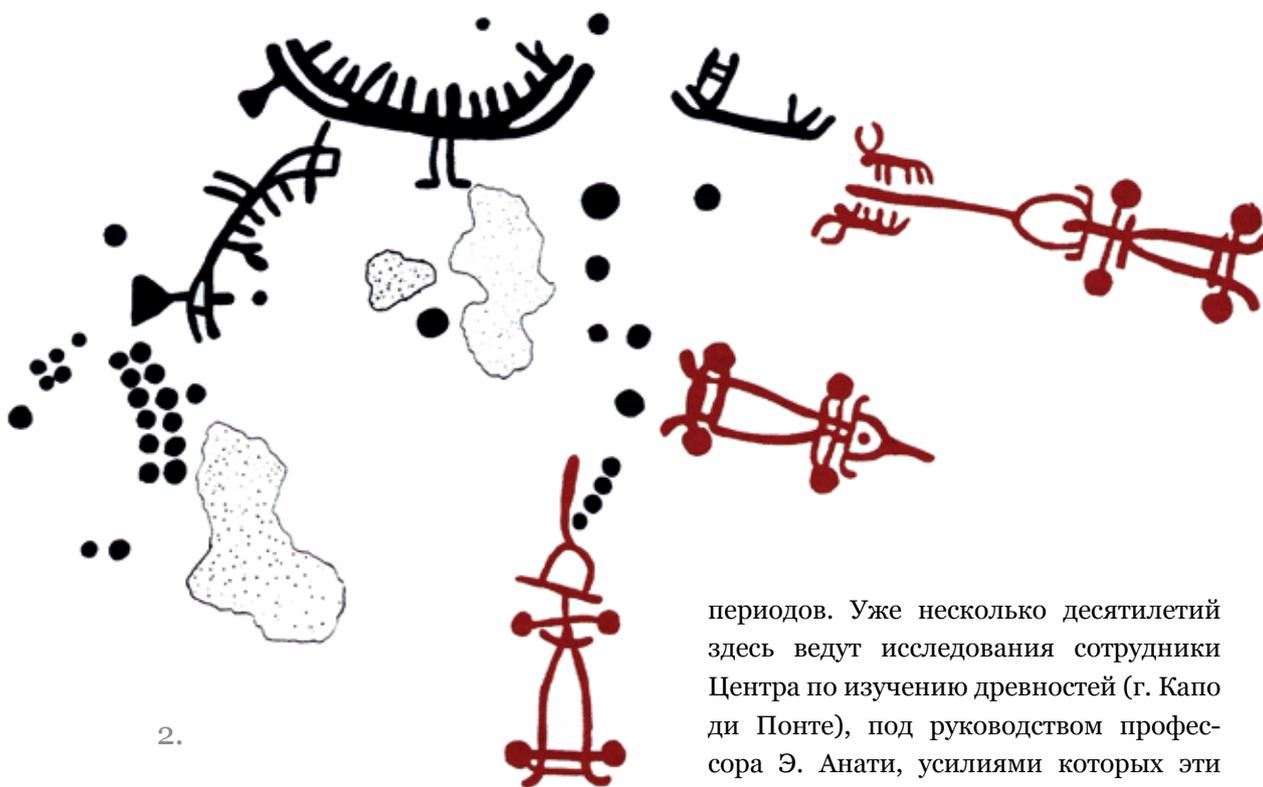
Наскальные изображения повозок обнаружены в трех основных регионах:

9.1. Греция. В местности Кавала и на склонах горы Пагайон обнаружены разновременные гравировки собак, оленей, лучников, фигуры всадников. Много изображений переплетенных линий в сочетании с различными знаками, в том числе и солярными. На одном участке скопированы гравировка лодки с мачтой (?) и изображения повозок. По-видимому, это соединенные последовательно три А-образные колесницы (9.1.KL1). Под ними показаны отпечатки четырех ступней. [Ataktidis, 1988, p. 16-24].

9.2. Италия. Долина Камоника. Обнаружены многие тысячи наскальных изображений разных исторических

1.

2.

Рис. 34. Скандинавия. Провинция Бохуслэн. 1 – Брастад; 2 – Аскум. [Larsson, 2004, s. 389, 397, abb. 10, 22].

периодов. Уже несколько десятилетий здесь ведут исследования сотрудники Центра по изучению древностей (г. Капо ди Понте), под руководством профессора Э. Анати, усилиями которых эти петроглифы стали известны широкой аудитории. В петроглифах Камоники представлено несколько типов колесных экипажей.

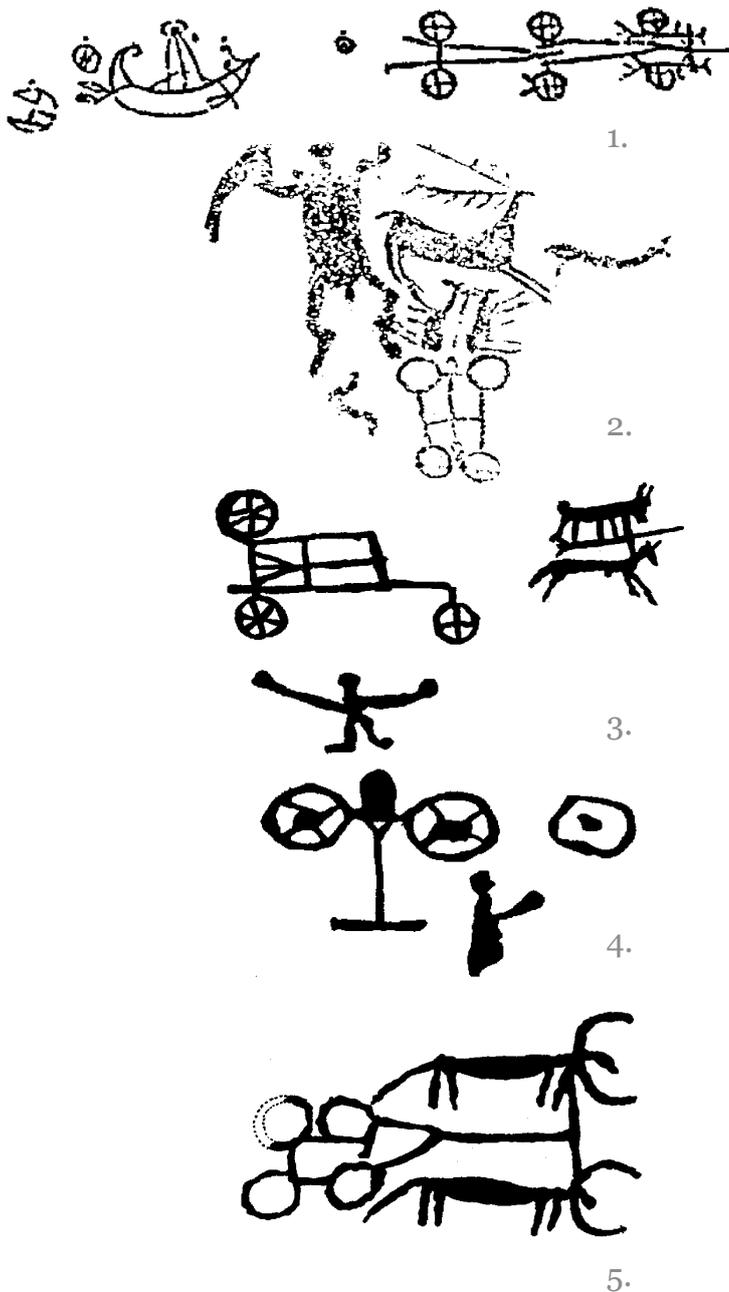

Рис. 35. Средиземноморье. Изображения повозок: 1 – Кавала, Греция; 2-5 – долина Камоника, Италия [Anati, 1976; Piggott, 1983].

Двухколесные: колесница без упряжных животных (9.2.Км1) выбита на отдельной плоскости, позади повозки изображен человек с разведенными в стороны руками, рядом – окружность с точкой в центре и неопределенная фигура [Anati, 1960, p. 53, fig.6]. На другой плоскости

изображена двуколка (9.2. Км2), запряженная парой лошадей, в окружении мужских фигур с поднятыми и разведенными в стороны руками. Рядом выбиты круги [Anati, 1960, p. 53, fig 7].

Четырехколесные: в местности Кеммо, на плоскости 2, выбито изображение телеги (9.2. Км3), запряженной быками, ниже – еще одна пара быков в упряжке, но повозка неразличима. В правой части плоскости – многочисленные фигуры людей с разведенными в стороны ногами и руками, горные козлы, неопределенные животные и кинжалы. Вверху – соляренный знак и изображения двух топоров [Anati, 1975; Piggott 1983, fig.21; Muller-Karpe 1974, taf. 441-13]. На отдельной плоскости представлено изображение телеги, запряженной парой животных неопределенного вида, вокруг – трудноразличимые фигуры. Под повозкой выбиты изображения двух пар отпечатков человеческой ступни [Muller-Karpe 1974, taf. 441-1]. Изображения телег известны в других частях долины [Anati, 1976, p. 117,123, fig. 108,123] и на стелах (9.2.Км4-10). Все повозки этого типа имеют прямоугольный кузов и дисковые колеса. Датированы фазой ША, что соответствует концу 3 тысячелетия до н.э. [Anati, 1975;1976].

9.3. Сахара. Несколько тысячелетий тому назад эта территория представляла собой цветущую саванну, сходную своим ландшафтом с природно-географическими условиями Великого пояса степей Евразии.

Тассили-Аджер. Многофигурные полихромные наскальные фрески на одноименном плато в системе Атласских гор открыты участниками французской экспедиции под руководством А. Лота [1973; 1984]. Среди разновременных росписей зафиксированы изображения

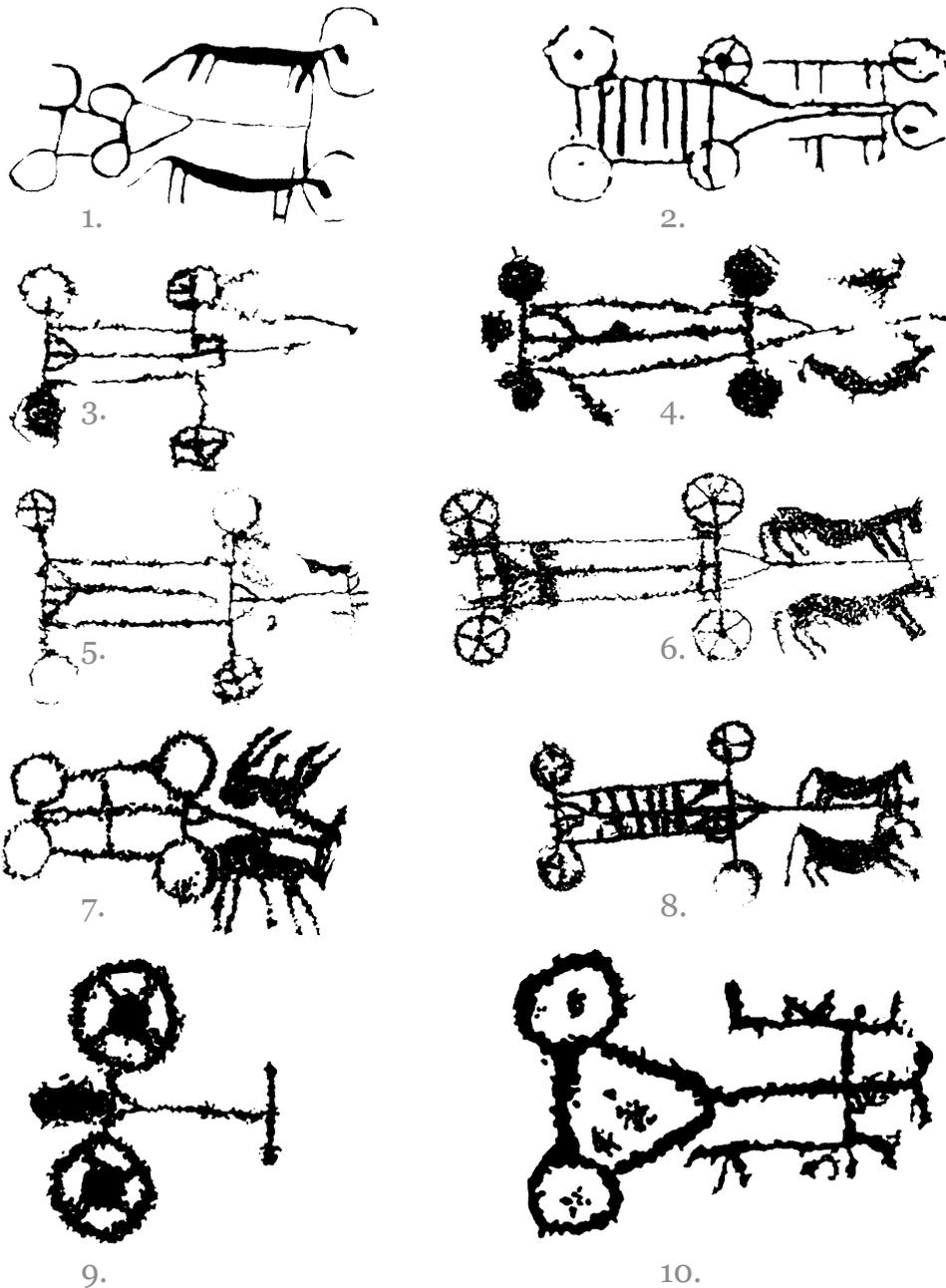

Рис. 36. Средиземноморье. Долина Камоника и Южный Тироль. 1 – Кеммо2; 2 – Лагундо (Меран); 3-9 – Накуане; 10 – Кампанья [Zuchner, 2004, s. 406, abb. 8].

повозок. В фресках Тассили представлен только один тип экипажей – колесницы (9.3.Ts1-14; 9.3. Sh1-2).

Если упряжные животные – лошади, то повозка показана «в профиль» (имеется одно исключение), на ней всегда присутствует возничий с вожжами и предметом в руках (топор, кнут, стрелка-

ло). Лошади показаны бегущими, поза возничих напряженная, все изображение явно выражает идею подвижности и маневренности экипажа. Такие изображения являются частью многофигурных композиций с участием людей и животных. Два изображения колесниц имеют в качестве упряжных животных

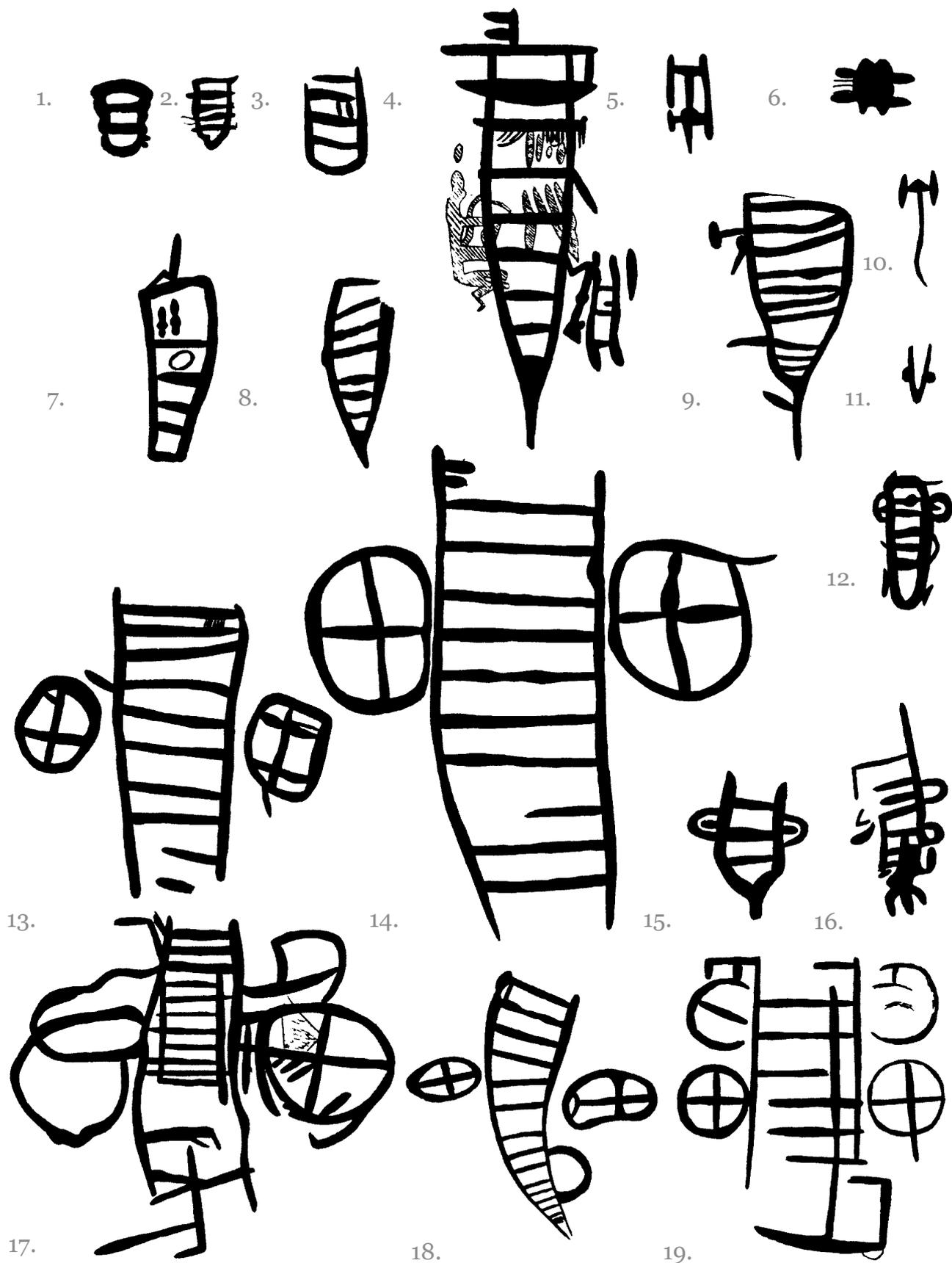

Рис. 37. Средиземноморье. Южная Испания. 1, 3 – Ностра Сеньорадель Кастильо (Nuestra Senoradel Castillo, fels 3); 2, 10, 15-16 – Лос Бютрей (Los Buitres, fels 5); 5, 6, 8-9, 12-14, 17-19 – Лос Бютрей (Los Buitres, fels 10) [Zuchner, 2004, s. 403, abb. 6].

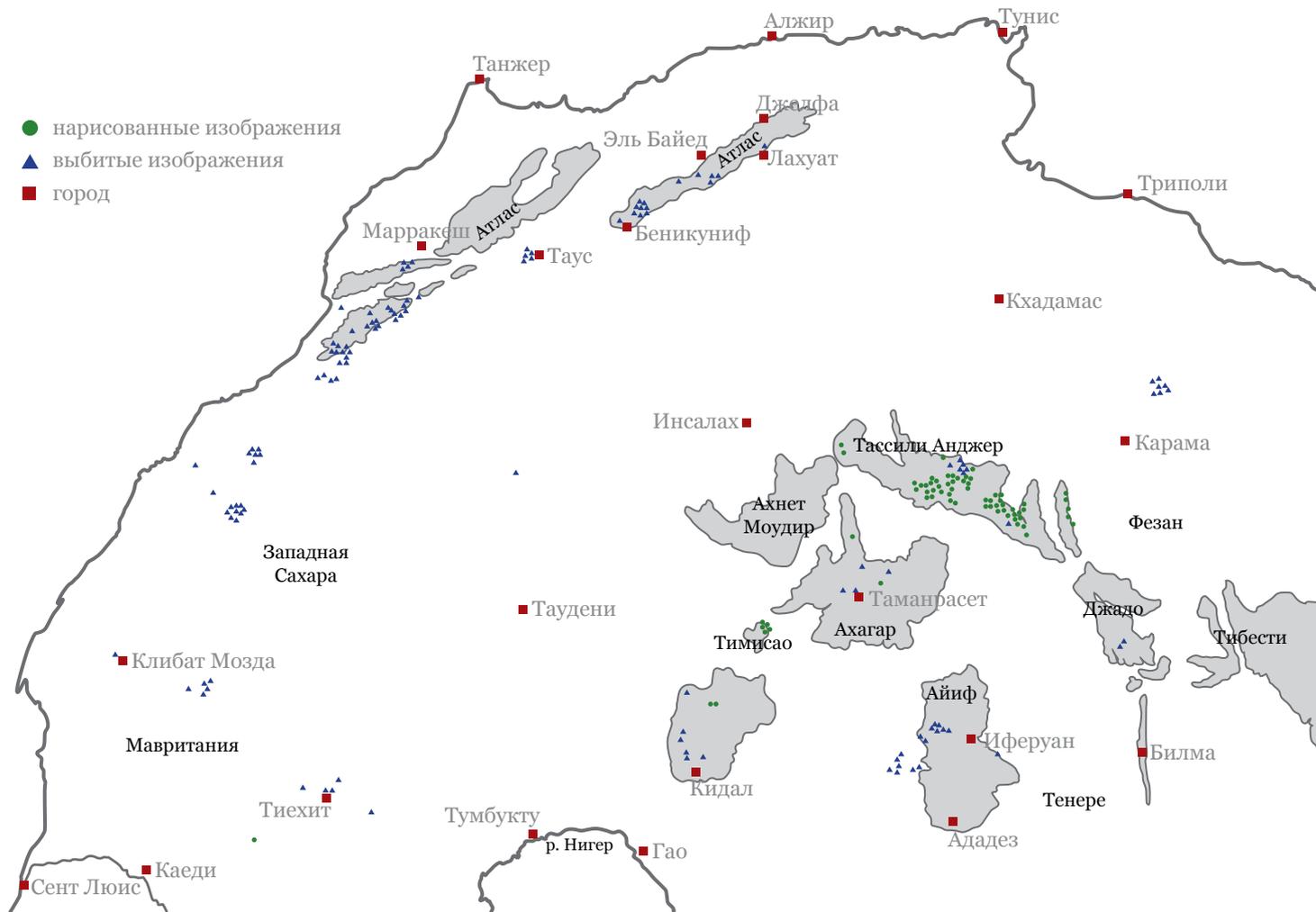

Рис. 38. Средиземноморье. Сахара. Карта памятников. [Striedter, 2004, s. 159, abb. 1].

по одному быку. Дышло повозки изогнуто и закреплено на загривке животного, а сами повозки даны в таком ракурсе, что видна прямоугольная площадка и два колеса со спицами. Поза животных статична [Науен, 1986, s.80-84]. Изображения повозок известны и в других частях Сахары [Мириманов, 1973, с. 248; Trost, 1981].

Закавказье (8, рис. 40)

Достаточно условное использование термина, под которыми подразумеваются не только собственно Кавказские горы, но и территория Закавказья, и прилегающие степные районы.

8.1. Северное Причерноморье. Каменная Могила. Недалеко от г. Мелитополя. Зафиксировано три типа

повозок: профильное изображение колесницы, на котором показано колесо и трапециевидный кузов (плита 27), и изображения бычьих упряжек в плановой проекции двух типов – с волокушей и двуколками (8.1. КМ1-4). [Чередниченко, 1976, с. 138, рис. 4-2; Михайлов, 2005, с. 181 – 185].

8.2. Закавказье. Гобустан. Расположен между юго-восточными отрогами Большого Кавказского хребта и Каспийским морем. Петроглифы сосредоточены группами на склонах гор Беюкдаш, Кичикдаш, Джингирдаг и Язылы тепе. На 700 скальных выходах и отдельных валунах обнаружено свыше 4 000 изображений, надписей, знаков. Выбиты изображения быков, архаров, лошадей, собак, женщин, мужчин-луч-

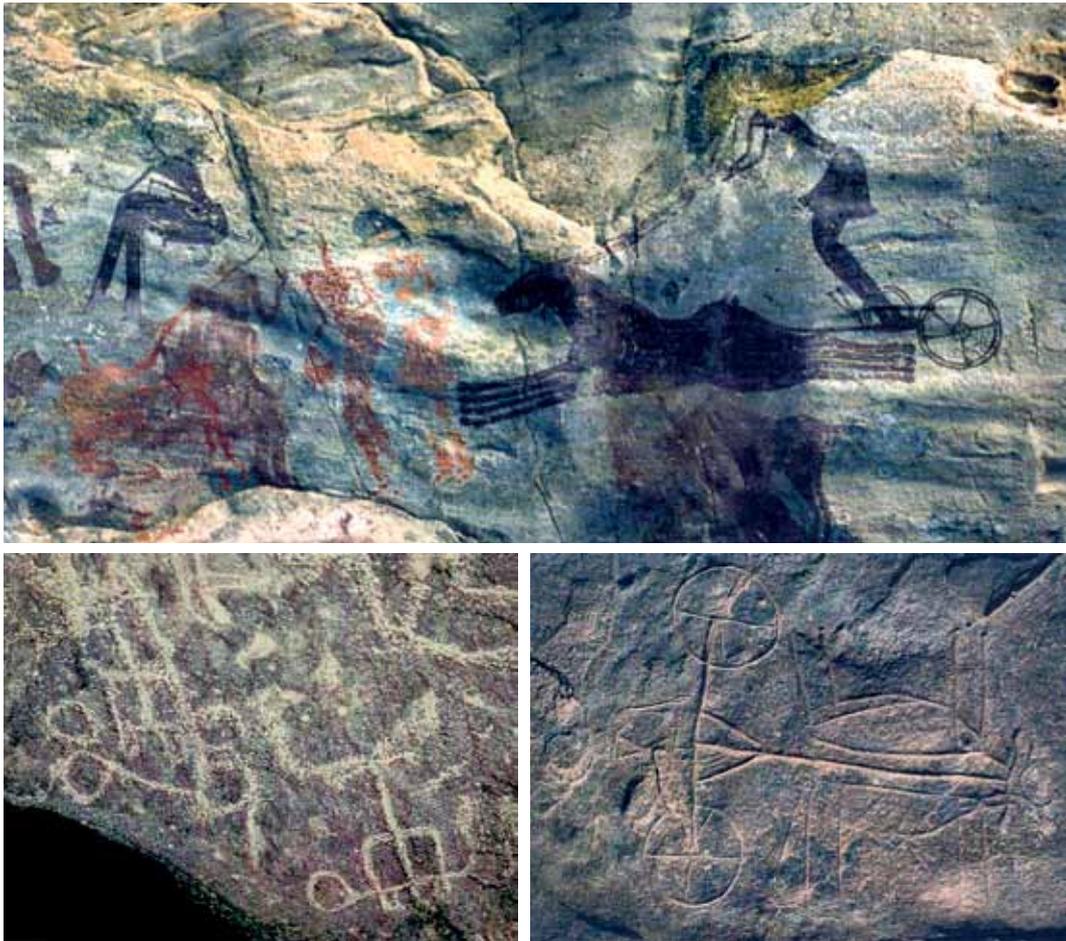

Рис. 39. Средиземноморье. Сахара. 1 – Tamajert (Tassili n'Ajjer, Алжир); 2 – El-Rhallouya, Dhar Adrar, Мавритания); 3 – Arkana (Djado Plateau, Нигер)[Striedter, 2004, s. 160-164, abb. 2, 6, 10].

ников и др. Выделена группа изображений, выполненных охрой. [Мурадова, Рустамов, 1986].

Камень 55. Язылы тепе. Выбито одиночное изображение А-образной колесницы без упряжных животных (8.2.G01), [Джафарзаде, 1973; Мурадова, Рустамов, 1986, с. 8-25; Алиев, 2005].

Гемизая. Мифологическое (легенда о Ноевом ковчеге) название самой высокой горы Малого Кавказа – Капыджика, в 60 км к северу от г. Ордубад. На южном склоне, на высоте 3 500-3 700 м над уровнем моря, зафиксировано свыше тысячи наскальных изображений человека, оленей, быков, горных козлов, собак, фантастических животных и различных композиций: сцен охоты, ритуальных плясок

и др. На одной из плоскостей выбито четыре изображения двуколки, запряженных животными неопределенного вида (8.2.Ge1). [Алиев, 1985, с. 3-15, рис. 16].

Сюник. Гегамские горы. В местностях Ухтасар и Джермаджур, в 30 км от населенного пункта Сисиан, на высоте 3 300 м над уровнем моря, обнаружено несколько тысяч плоскостей с разновременными изображениями, в том числе свыше 70 изображений разнообразных по типам повозок [Караханян, Сафян, 1970]. Скопления петроглифов зафиксированы в окрестностях вулканических конусов Малого и Большого Пайтасара, Зиарата, Шейхи, Чингила и др., где также были найдены изображения повозок [Мартиросян, 1981].

Рис. 39 А. Средиземноморье. Сахара. 1 – Wadi Aramat (Tassili n’Ajjjer, Ливия); 2 – Wan Tabarakat (Tadrart, Алжир); 3 – Arkana (DjadoPlateau, Нигер); 4 – Iwelen (Air, Нигер) [Striedter, 2004, s. 160-162, abb. 3,4,5,7].

На основе анализа как самих изображений, так и находок реальных повозок в могилах на этой территории, Ст. Пиггот выделил в петроглифах Сюника несколько типов повозок [Piggott, 1983, p. 78-83, fig. 7]:

- волокуши, запряженные быками, показанные без колес, аналогичные выбитым на скалах в местности Пенальсордо (Испания) и в долине Фонтанальба (Лигурийские Альпы), а также на скалах Каменной Могилы (8.2. Su1-6, рис 40).

Четыре типа телег:

- с прямоугольным кузовом, на больших дисковых колесах (8.2. Su7-19);
- с прямоугольным кузовом, на больших колесах со спицами (8.2. Su20);
- с прямоугольным кузовом, на очень маленьких дисковых колесах (8.2. Su21-44);
- «А»-образные телеги на дисковых колесах (8.2. Su41,45).

Три типа двуколок:

- с прямоугольным кузовом, на дисковых колесах (8.2. Su46-51);
- «А»-образной формы, на дисковых колесах (8.2. Su53-54);
- «А»-образной формы на колесах со спицами (8.2. Su52).

Выделен тип – колесницы, изображения которых рассмотрены в специальной работе (8.2. Su55-64) [Littauer, 1977, p. 243-262, fig. 1-7, с учетом замечаний: Piggott, 1983, p. 103-104]. Неклассифицированы изображения: 8.2. Su65-70.

Добавлю сюда петроглифы из восточной части полуострова Апшерон, расположенные на самой удобной трассе вдоль каспийского побережья на пути из Месопотамии в степную зону Евразии, которые позволяют представить маршруты передвижений древнего населения этого региона из Месопотамии в северные предгорья и степные районы, минуя Кавказский хребет [Алиев, 2005, с. 25 – 27].

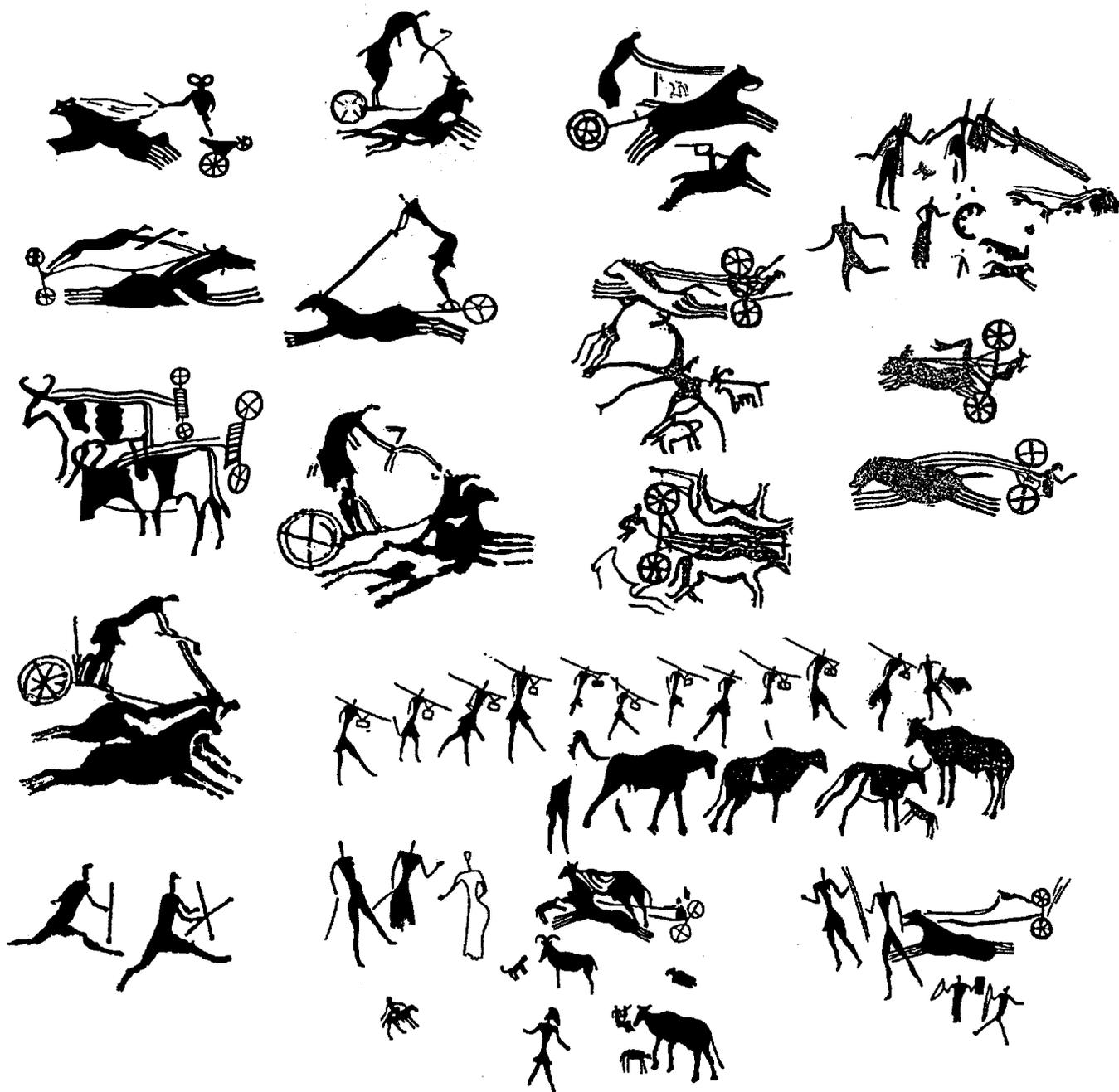

Рис. 39Б. Сахара. Фрески Тассили. [Лот, 1973; 1984; Науен, 1986, s. 83].

Петроглифы таежной зоны Азии (7) известны по работам А.П. Окладникова и сотрудников его экспедиций [Окладников, Запорожская, 1969; 1970; 1972; Окладников, 1971]. Наскальные изображения повозок, обнаруженные здесь, отличаются от петроглифов в других частях Евразии [Дэвлет, 1988, с. 54-83], что, очевидно, связано с иной средой обитания местных племен. Наскальные изображения повоз-

ок древнейших исторических периодов, синхронные окуневской либо карасукской культурам, здесь неизвестны. Гравировки повозок более позднего времени найдены на берегу р. Чулым, притоке р. Оби, в местности Кара-Улус, на горе Сулек, [Ksica, 1974, s. 41, fig. e-4]. На р. Селенга, в местностях Чана-Шулуун и Табангутское обо, обнаружены гравированные изображения повозок, [Ksica, 1974, s. 52, 1977]. ■

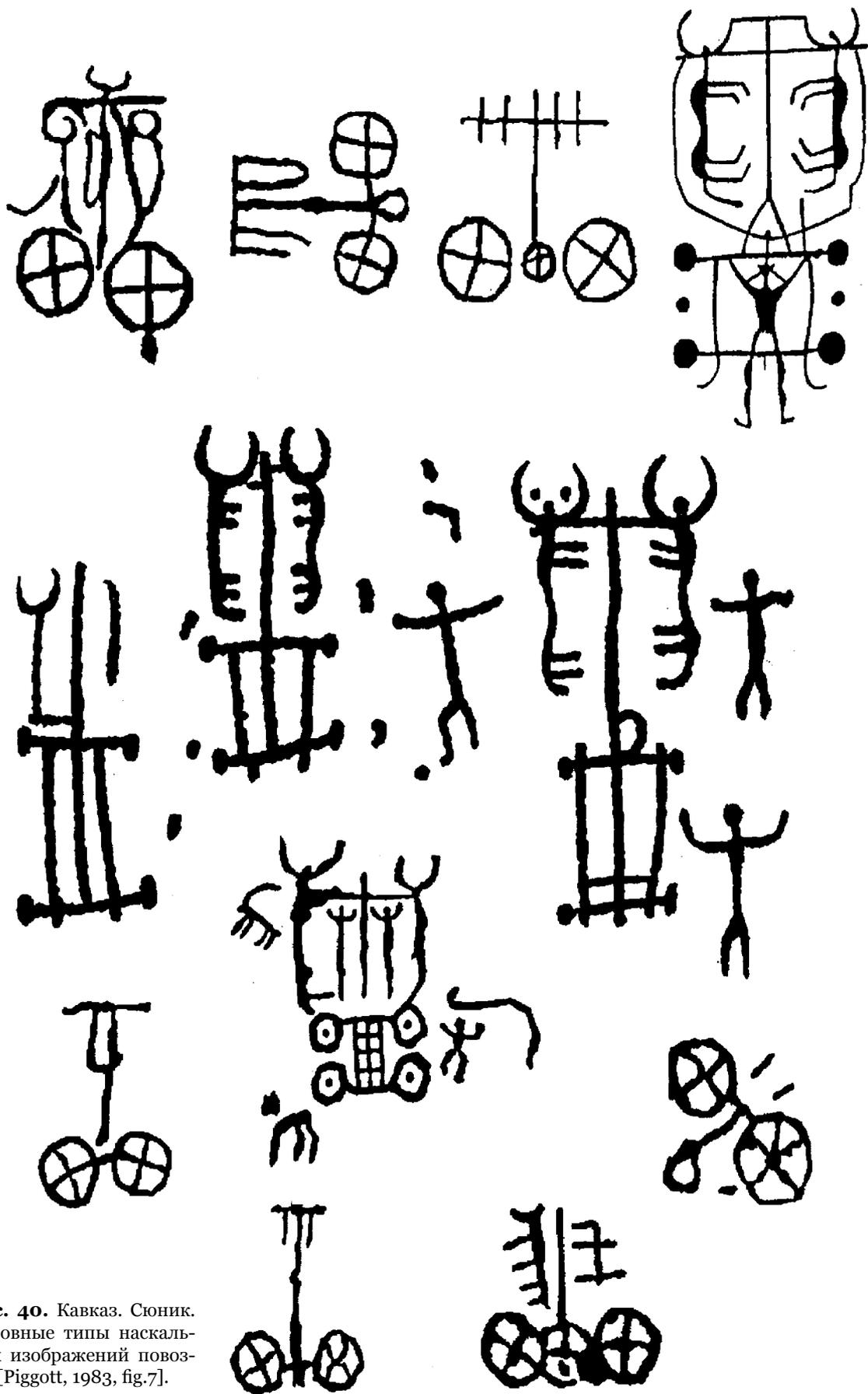

Рис. 40. Кавказ. Сюник. Основные типы наскальных изображений повозок. [Piggott, 1983, fig.7].

Общее и особенное в изображениях азиатских повозок

В настоящем обзоре учтены изображения повозок, обнаруженные более чем в семи десятках крупных пунктов их скоплений, расположенных в следующих географических регионах: Памиро-Алай (1), Западный Тянь-Шань (2), Внутренний Тянь-Шань (3), Северное Притяньшанье (4), Джунгарский Алатау (5), Тарбагатай (6.1), Горный Алтай (6.2), Монгольский Алтай и Внутренняя Монголия (6.3-4), Западный Саян (6.5), Минусинская котловина (6.6). Такое деление на регионы весьма условно и предполагает объединение в ряде случаев обширных прилегающих территорий. Полный каталог изображений, их подробные описания и особенности памятников приведены в приложениях к этой книге. Визуализация всех признаков, использованных в БД, представлена в Приложении 1.

Больше всего повозок зафиксировано в Горном Алтае, Западном, Внутреннем Тянь-Шане и в Монголии. Чаще всего изображены колесницы и двуколки, реже – телеги. Колесницы примерно в равном количестве представлены во всех регионах, кроме Горного Алтая и Западного Тянь-Шаня, где их количество преобладает. Сходная ситуация наблюдается и с двуколками: к приоритетным регионам относятся Алтай, Монголия и Внутренний Тянь-Шань. Телеги чаще всего изображены в Минусинской котловине, Западном Тянь-Шане и Притяньшанье.

Картографирование и анализ памятников на уровне макротопографии показали, что они расположены в таких пунктах, где имеется река или источник, высоко в горах, либо предгорьях. Крупные памятники с изображениями повозок расположены в местах, где еще в этнографическое время существовали традиционные караванные пути. Так, Елангаш расположен на древней дороге, ведущей в Китай, Тхор – на старом каракорумском пути в Южную Индию, Байконур – на одном из ответвлений Великого Шелкового пути, Саймалы-Таш – на перевале, через который проходит самый удобный путь в плодородную Ферганскую долину. Таким образом, подтверждается предположение о том, что памятники с петроглифами использовались как храмы под открытым небом и могут фиксировать пункты, через которые проходили древние торговые и караванные пути еще задолго до того, как начал активно действовать Великий Шелковый путь.

На микротопографическом уровне плиты с изображениями повозок обнаружены в наиболее архаичных частях святилищ (Елангаш) или же рядом (Мугур-Саргол, Тамгалы), а также в укромных местах и отдельных отщелках (Байконур, Тамгалы, Чинге и др.). Больше половины всех повозок зафиксированы в составе композиций как часть некой повествовательной структуры или «образительного ряда». Чаще всего изо-

бражения повозок сочетаются с образом горного козла, что может свидетельствовать об их мифологической взаимосвязи. Это справедливо и для образов человека и собаки-волка. Повозки сочетаются также с фигурами быков, верблюдов, лошадей, личинами, всадниками, солярными знаками. Отмечены сочетания с изображениями руки и стопы человека. «Изобразительный ряд» повозок выглядит следующим образом:

повозка > бык > горный козел (олень) > собака > человек (солярная символика);

для колесниц:

колесница > лошадь > горный козел (олень) > собака (волк) > человек (ступня, рука, солярный знак).

Топографическое расположение изображений повозок и «колесничных изобразительных рядов» в самых информативных и архаических «изобразительных рядах» святилищ, в «алтарной» части, однозначно свидетельствует о ключевом их значении, как одного из главных образов в нарративных структурах этих памятников и в соответствующих дешифровках «message» древних.

Зафиксированные изменения сочетаний образов «изобразительных рядов» на разных памятниках могут свидетельствовать как о хронологических различиях самих этих «изобразительных рядов», так и о различиях в знаниях и представлениях, которые они описывают.

Четвертая часть всех рассмотренных изображений имеет различные повреждения, что соответствующим образом снижает достоверность полученных выводов, особенно для памятников в Минусинской котловине и Туве, где они сохранились до настоящего времени в самом худшем состоянии.

Анализ самого образа повозки рассматривается здесь как совокупность трех составляющих: изображения конструкции повозки + изображение возничего + изображение упряжных животных.

Первоначально и условно весь массив изображений разделен на три группы – телеги, двуколки и колесницы – на основании только двух критериев: количества колес и того, как это колесо изображено в двухколесных повозках (со спицами или без). На этом уровне анализа из всех признаков, использованных в описаниях, устойчиво повторяются некоторые группы общих признаков, характерных для каждой серии образов. Именно они и отличают каждую группу изображений друг от друга. Приведу здесь эти группы более подробно.

Особенности изображения телег. Изображения этого типа выполнены в большинстве техникой точечной выбивки, показаны в плановой проекции, реже – «в профиль». Снабжены колесами всех типов, но преобладают дисковые. Кузов изображен преимущественно контурными линиями, прямоугольной или реже – округлой формы. Четвертая часть изображений представлена крытыми фургонами. Ось «плановых» фигур чаще изображена короткой, чем длинной. Дышловый способ запряжки преобладает. Дышло «А»-образное или прямое, реже – комбинированное или изогнутое с поперечной перекладной и ярмами-рогатками, каждое четвертое изображение имеет изображение вожжей – в виде линий, отходящих от головы упряжных животных, при этом довольно редко сопровождаются фигурами возничих.

Особенности изображения двуколки. Изображения преимущественно выполнены точечной выбивкой, очень

мало гравированных фигур, встречаются рисунки охрой, показаны сплошной либо контурной выбивкой, очень редко представлены иные типы колес. Зафиксированы крытые двуколки. У большинства повозок площадка передана контурной линией, реже силуэтом, преобладают «D»-образная и округлая формы. Платформа чаще расположена над осью или перед ней, чем за осью. Ось – как длинная, так и короткая, редко показаны ступицы в виде выступов. Подавляющее большинство повозок имеют центральное прямое, реже – «А»-образное и изогнутое дышло. Более половины изображений показаны с поперечной перекладиной дышла, четвертая часть – с ярмами-рогатками и вожжами. В конструкции повозок выделяются некоторые особенности: большие по диаметру колеса показаны у 1/4 части изображений.

Особенности изображения колесниц. Анализ изображений показывает, что многие характеристики, свойственные типу двуколок, совпадают. Однако имеются признаки, выделяющие колесницы в отдельный тип: колеса всегда показаны со спицами, оглобельный способ запряжки никогда не применяется, колеса всегда большого диаметра и превосходят по своим размерам площадку, часто число спиц в колесах разное; чаще, чем в двуколках, изображен возничий. Он показан в плановой проекции, чаще – рядом присутствует второй человек; зафиксировано больше изображений, на которых возничий изображен стоящим на платформе колесницы; у него показан «хвост» (иногда с «шаром» на конце), подчеркнут половой признак, в руках – лук или кнут. Для колесниц наиболее характерны лошади в упряжках, показанные спинами друг к другу, четверть

повозок изображена с животными, расположенными одно над другим или отдельно от колесницы.

Особенности изображения возничего (возничих). Показан преимущественно с колесницами и двуколками. Наблюдаются локальные особенности: изображен с колесницами в Памиро-Алае, Западном и Внутреннем Тянь-Шане, на Алтае и в Монголии. В других регионах таких сочетаний нет вообще, либо отмечены единичные случаи. В локальных вариантах колеблется соотношение повозок с возничим и без него. Возничий чаще изображен с прямыми, расставленными ногами, опущенными, прямыми или согнутыми руками, с прямоугольным и силуэтным туловищем с талией. Голова часто изображена с отходящими от головы лучами, выделен нос.

В петроглифах Евразии изображения «солнцеголовых» людей имеют весьма широкую географию и древнюю традицию. Возничий двуколок преимущественно показан в плановой проекции, идущим за повозкой, либо стоящим на ней. Он изображен с подчеркнутым признаком пола, с кнутом или стрекалом в руках.

Особенности изображений упряжных животных. В отличие от возничих, фигуры животных изображены вместе с повозками во всех географических регионах, однако соотношение запряженных и распряженных повозок колеблется. В Памиро-Алае, Внутреннем Тянь-Шане, Притяньшанье, Джунгарском Алатау и на Алтае практически все повозки показаны запряженными. Примерно половину изображений в Западном Тянь-Шане, Тарбагатае, Монголии, Туве и в Хакасии составляют распряженные повозки. Преобладают пароконные упряжки (двуколки изред-

ка запряжены быками и верблюдами). У животных изображено по две-четыре ноги, расположенные в статичной, реже – активной позе, либо со скошенными вперед ногами. Корпус, чаще – массивный и без талии – передан силуэтной выбивкой. Голова показана скорее треугольной формы и удлиненная, чем округлая, прямоугольная и укороченная. Упряжные животные с телегами чаще представлены верблюдами, реже – быками и лошадьми. Упряжные животные двуколок чаще изображены спинами друг к другу, чем одно над другим, либо отдельно от повозки.

Примерно половина изображений упряжных животных двуколок показана с ушами, реже – подчеркивался рот, копыта, выступ на холке, фалос и грива лошадей.

Таким образом, каждое изображение повозки идентифицируется по трем основным уровням признаков:

- для элементов конструкции повозки;
- для фигуры возничего;
- для упряжных животных.

Следующий уровень признаков описывает состояние вышеназванных элементов на конкретном изображении. Различные варианты сочетаний этих признаков на двух основных уровнях надежно определяют устойчивые группы, формирующие их типологию.

Конструкция повозки (С):

> Количество показанных колес: (4,2,1) > Колесо (W): дисковое (d); кроссбаровое (сг); спицы показаны (sp); большое (lg); маленькое (sm) > Дышло (DP) или Оглобли (SH): «А»-образное (af); «У»-образное (yf); изогнутое (сг); прямое(sf); комбинированное (mix); «многодышловое» (mul) > Ярмо в виде поперечины (Y): ярма-рогатки (ys); распорки (br) > Ось повозки (AX): длинная (lg); короткая (sh); показана ступица (s)

> Кузов повозки (BX): открытый (ор); крытый (vn); показан «контуром» (сн); показан «силуэтом» (sh); «D»-образной формы (df); округлой формы (gnf); прямоугольной формы (rf); показаны вожжи (rs) > **Возничий (DR):** количество изображенных: (1,2,3); сидит (s); стоит на повозке (st); идет за повозкой (wl); показан «в план» (pl); показан «в профиль» (pr); показаны атрибуты: оружие, кнут, стрекало, «хвост», «рога»(at), половой признак (sex) > **Упряжные животные (DA):** количество животных: (1, 2, 3, 4); расположены спинами друг к другу (bb); ногами друг к другу (ll); одно над другим (ss); отдельно от повозки (sp); показаны детали – уши, гривы (at); половой признак (sex); запряжены разные животные («чудесная упряжка») – (dif).

Каждый последовательно и устойчиво повторяющийся вариант взаимного сочетания вышеприведенных признаков формирует индивидуальный идентификационный код из цифр и букв:

C>W>DP>Y>AX>BX>(DR>DA), наподобие VIN-кода у современных автомобилей, позволяющий получить автовладельцу и сервисным службам всю необходимую информацию о производстве, особенностях комплектации его автомобиля. ■

Типология, предназначение и особенности «СТИЛЯ»

Визуализация всего массива данных в диаграммах позволила выделить из всех использованных атрибутов определяющие содержательные признаки, которые описывают конструкции повозок и их изменения, примененные новации и этапы развития конструкторской мысли. В меньшей мере эти признаки отражают манеру изображения одинаковых конструктивных деталей, их взаиморасположение в конкретном изображении повозки, а скорее – определяют некие этапы эволюции этого изобретения. Конечно, манера исполнения на скалах любой новации всегда имела художественную и образную подоплеку и не могла «фотографически» фиксировать детали реальных повозок, но именно эти признаки представляются более надежными для построения типологии повозок. Только сопоставленные с остатками реальных повозок, найденных в древних могилах, выделенные типы могут быть приняты.

Вместе с тем, особенности трактовки образа повозки (план выражения): признаки канонизации образа (схематизации, упрощения, замещения по принципу «pars pro toto») – словом, все заметные иконографические различия позволяют определить некоторые особенности локального (регионального) «стиля». Слово стиль я умышленно заключаю в кавычки по причине того, что анализ регионального стиля, как такового, для всего репертуара петроглифов отдельного региона

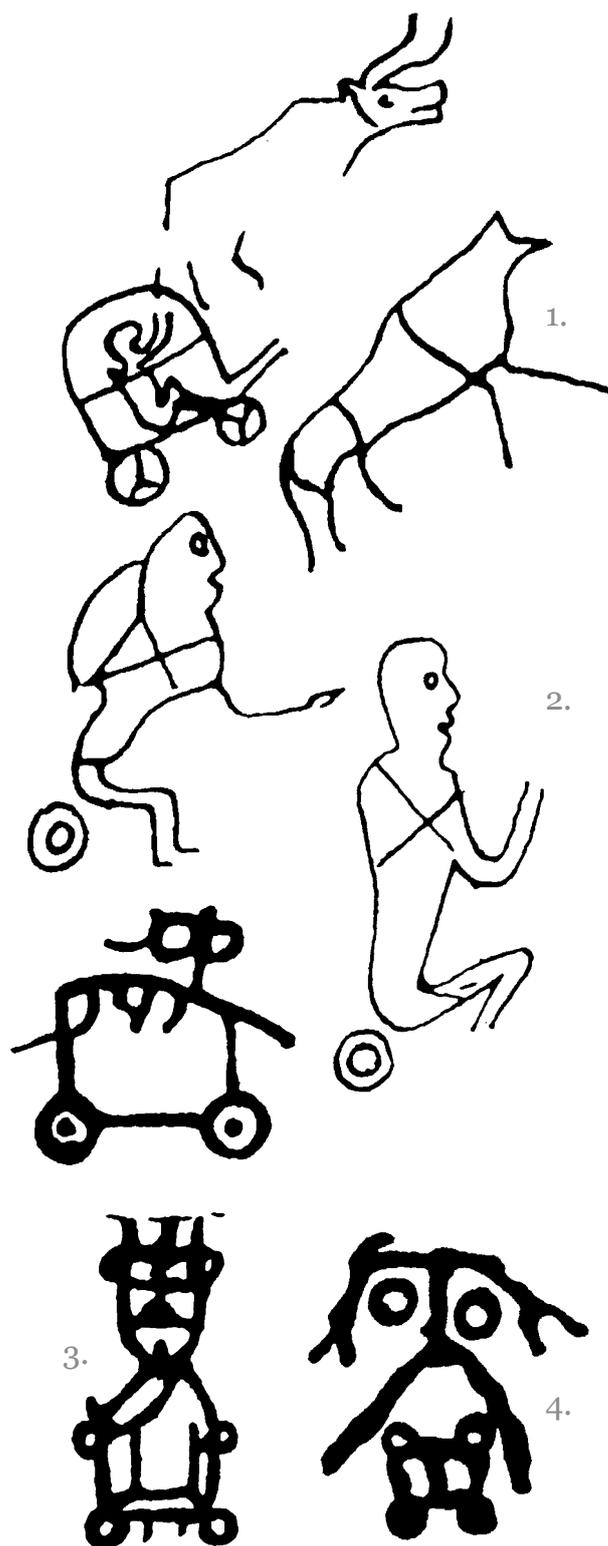

Рис. 41. Телеги. 1 – Знаменка; 2 – Черновая 8; 3 – Тунчух (Ю. Н. Есин, при повторном обследовании Тунчухской писаницы, не подтверждает наличия этих изображений телег на скалах [Есин, 2011]; 4 – Усть Туба 2. [Devlet, Devlet, 2004, p. 238, fig. 1].

требует значительного расширения рамок этого исследования и уводит нас от главного объекта изучения. Здесь подразумевается только выделение совокупности некоторых иконографических особенностей, применительно к изображениям повозок. Очевидно, что «художественной обработке» менее всего подвергались элементы образа, связанные с конструкцией повозки, а в большей – связанные с фигурами возничего и упряжных животных.

В основе предлагаемой классификации – технологические изменения конструкции различных типов повозок и их сочетание с фигурами упряжных животных и возничего.

Телеги тип C4Wd(cr,sp) (рис. 41-43). Этот тип повозок представлен двухосными экипажами, образующими четыре подтипа, и их варианты.

Подтип 1: C4Wd(cr)DPsfAXsBXvn,c (DR1s,prDA2ss, sp). Профильные фургоны – крытые телеги на дисковых или кроссбаровых колесах. В центре колеса показана ступица или ось в виде точки. На Знаменской стеле изображен сидящий в крытой повозке человек и пара упряжных быков. Божество (?) восседает и на тунчухской повозке. Здесь, как и на усть-тубинской телеге, уже предпринята попытка изобразить повозку в плановой проекции. Повозки этого подтипа имеют сходство с ранними ближневосточными крытыми повозками с сидящим возничим и крытыми телегами с «А»-образным дышлом из кургана 2 могильника Лчашен в Армении, близки по конструкции телегам, найденным в ямных и катакомбных могилах. Как вариант профильных фургонов, может быть рассмотрено изображение «ладьеобразной» телеги (6.6.UB.1). Изображение профильного фургона обнаружено только в Минусинской котловине.

Для таких изображений характерны не только профильная проекция, но и отделенность на плоскости повозки от фигур упряжных животных, либо отсутствие последних. Колеса всегда дисковые или облегченные. Детали конструкции не проработаны, изображения переданы контурными линиями.

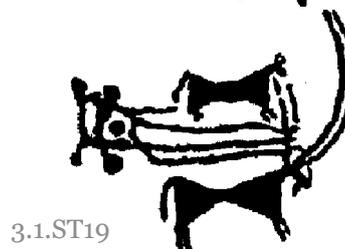
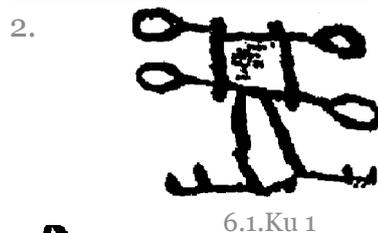

Рис. 41. Телеги. Подтипы 1 и 2.

Подтип 2: C4Wd,smDPsfYysAXlgBXop, rf, rs (DR1st,prDA2ss,at,dif). Повозки-платформы. Всегда показаны с открытым кузовом прямоугольной формы – возможно, каркасной конструкции, с дисковыми колесами небольшого диаметра на длинных осях. Центральное дышло в виде одного прямого бруска, либо двух параллельных, (6.1.Ku.1) снабжено поперечной перекладиной. Запрягались парой верблюдов, лошадей или смешанной парой – быком и архаром. Поперечный брусок выполнял функцию единого ярма и крепился сыромятными ремнями у верблюдов – на уровне плеч, у лошадей – под головой, аналогично способу, известному по сахарским фрескам [Spruytte, 1983, p. 78-79]. В одном случае на перекладине изображены ярма-рогатки. В двух случаях изображены вожжи, переданные одиночной линией, отходящей от головы животного. Возможно, это свидетельствует об управлении животными, скорее, посредством носового кольца, чем при помощи псалиев и органических удил. Возничий управлял повозкой, стоя в кузове. Повозки этого подтипа обнаружены в Казахском мелкосопочнике, Тарбагатае, Внутреннем Тянь-Шане и на Алтае, широко представлены в петроглифах Армении. (8.2.Su.21-44). Особенности этого подтипа – в изображении самой повозки в плановой проекции, а упряжных животных и возничего – в профильной. Дисковые колеса и прямоугольная платформа показаны сплошной или контурной выбивкой, проработаны детали упряжи.

Подтип 3: C4Wd (sp),smDPmix YAXBXop, rs(DRDA1,2ss,sp). Телеги на небольших дисковых колесах с комбинированным дышлом или оглоблями. Вариант этого подтипа – повозки на колесах со спицами. Платформа – прямоугольной, реже – округлой формы. Применялось оригинальное комбинированное центральное дышло, разделяющееся на две короткие оглобли, которые охватывали заднюю часть одного упряжного животного – верблюда. Дышло могло закрепляться сыромятными ремнями между горбами животного. (2.2.Ко.26; 2.2.Ар.3.) Скорее всего, это был промежуточный этап для перехода к оглобельному способу запряжки. В повозках этого подтипа использовались один верблюд или одна лошадь. Колеса двух типов – дисковые и со спицами. Тамгалинская телега изобра-

6.3.Nd 1

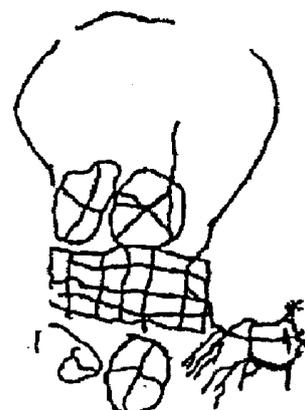
2.2.Ко26

4.1.Tg2

2.2.Ар 5

5.1.ЕО 3

2.2.Ар 3

2.2.Ко 16

Рис.42. Телеги. Подтип 3.

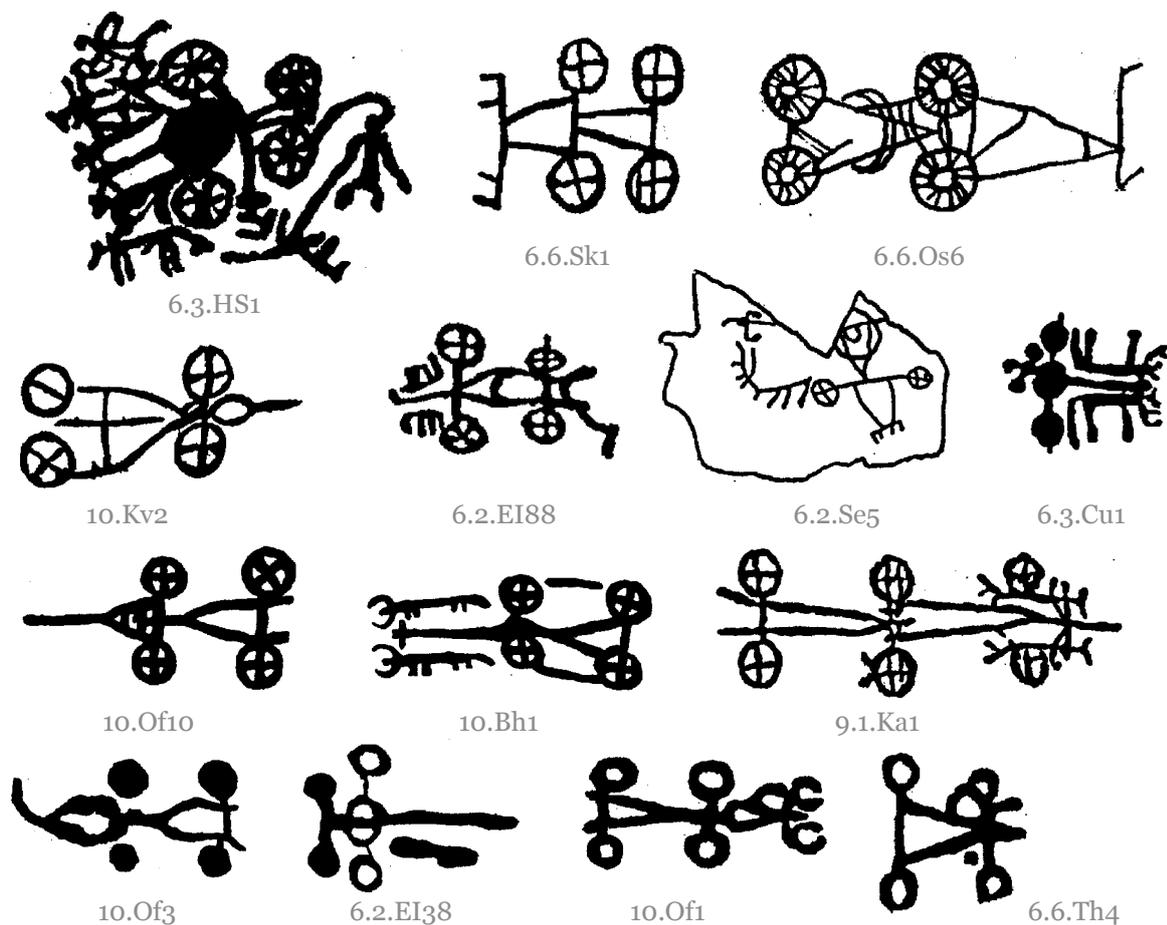

Рис. 43. Сочленённые телеги. Подтип 4.

жена или с оглоблями, или с двухстержневым дышлом, аналогичным изображенному у курчумской телеги. Повозки этого подтипа в основе конструкции имеют открытую платформу, но могли снабжаться и навесом (5.1.EO.3).

Географически они распространены в Монголии, на Каратау, в Северном Притяньшанье и Джунгарском Алатау. Изображены в плановой проекции, распряженными, либо с одним упряжным животным, показанным всегда в профильной проекции. Дисковые колеса переданы как сплошной, так и контурной выбивкой, используется гравировка. Хорошо проработаны детали конструкции.

Подтип 4: C4Wd(sp)DPaf,cf, YyAXBXop (DRDAo, 1, 2, 4, sp). Сочлененные телеги. Выделены в двух вариантах:

4.1. вариант: на колесах со спицами;

4.2. вариант: на дисковых колесах.

Представляют собой сцепленные вместе две колесницы или двуколки. Прицепные повозки имели обычно дышло «А»-образной формы и сами по себе составляют отдельный подтип «А»-образных двуколок – на дисковых колесах (подтип 1, вариант 1.1), а колесницы – соответствующий подтип 1 (см. далее).

Соединяющий узел был подвижным, о чем свидетельствуют изображенные непараллельными оси монгольских повозок (6.3.HS.1; 6.3.Cu.1). Такая телега должна быть более маневренной по сравнению с четырехколесными повозками с неподвижной в горизонтальной плоскости передней осью, разворот которых был возможен только по большой дуге. Передняя повозка в такой сцепке имела «А»-образное либо прямое дыш-

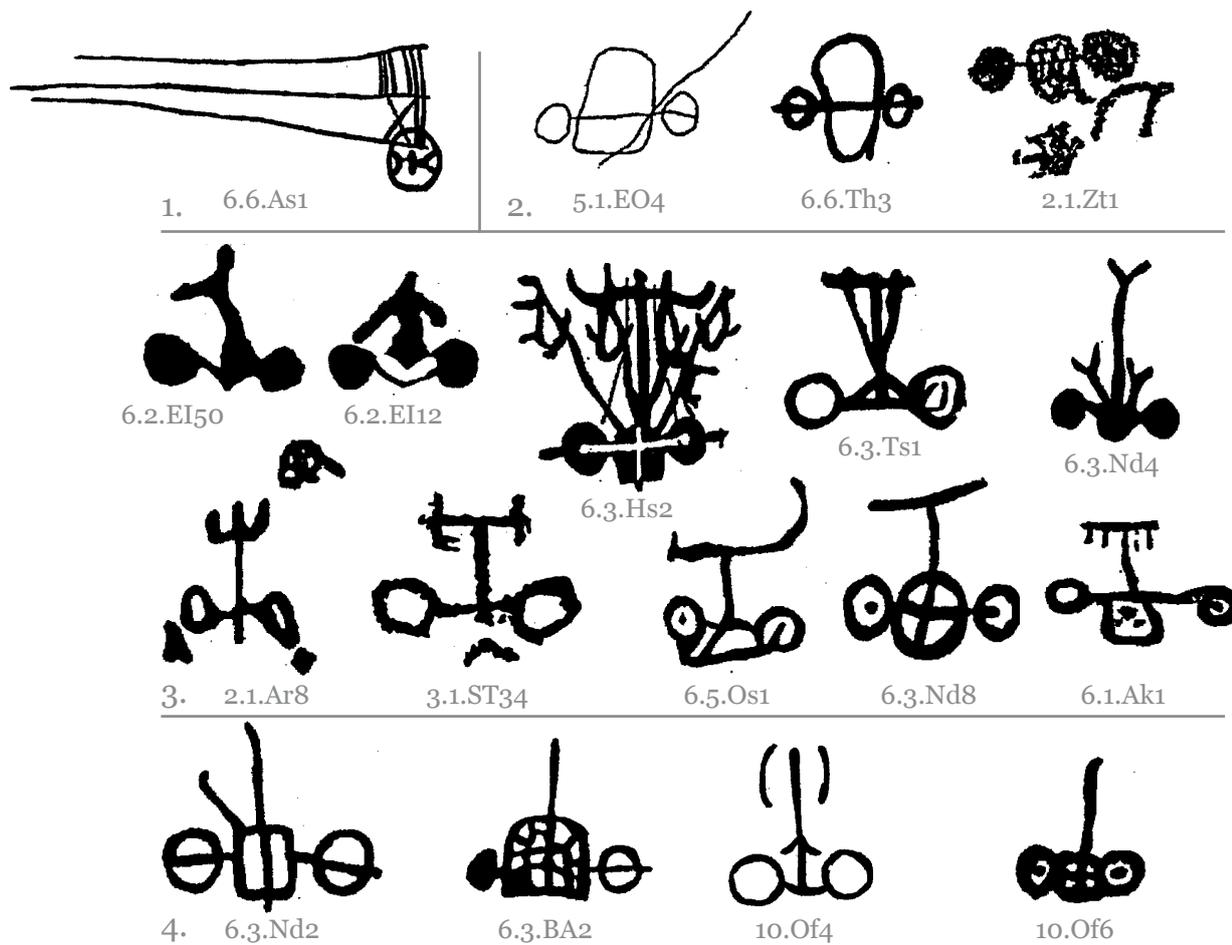

Рис. 44. Двуколки. 1 – подтип 1; 2 – подтип 3; 3 – подтип 3, вариант 3.2; 4 – подтип 3, вариант 3.3.

ло с перекладной-ярмом или без него. В четырех случаях зафиксированы ярма-рогатки. Упряжные животные – лошади или быки (в Скандинавии). Возможны различные варианты крепления дышла к упряжным животным: при помощи индивидуальных ярм-рогаток на загривках, при помощи единого ярма-перекладки – на загривках, под головой, на спине и при помощи кожаных плечевых ярм. Обнаружены в Монголии, Минусинской котловине, на Алтае.

Значительная по количеству серия таких изображений представлена в петроглифах Северной Европы и Средиземноморья. Телеги данного подтипа изображались чаще всего распряженными и в плановой проекции, а в Монго-

лии и на Алтае – с упряжными конями (квадрига, биги). Прицепная повозка в Монголии и на Алтае изображалась несколько меньших размеров, по сравнению с первой. В Минусинской котловине использовались только телеги с «А»-образным дышлом.

Двуколки *тип C2Wd(cr)* (рис. 44-47). Определение изображений этого типа опирается на особенность показывать колесо повозки сплошной или контурной выбивкой, что связано, очевидно, со стремлением изобразить дисковое колесо. С другой стороны, при движении колесницы спицы ее сливаются в единый диск и также воспринимаются, как сплошное колесо. Соответственно, такое «сплошное» колесо и показывается

древним художником на скале именно в таком виде. Поэтому атрибуция некоторых изображений достаточно условна, поскольку одноосные повозки на дисковых колесах могли выполнять в реальной жизни древних обществ такие же функции, как боевые колесницы, что, например, имело место у древних британцев [Piggott, 1983, p. 11, fig. 1].

По этой причине группа таких образцов выделена в отдельный подтип «двуколки-колесницы». Условность отнесения некоторых изображений к этому подтипу определяется природой самих иконографических источников, манера изображения которых не позволяет различить важные детали конструкции. Здесь выделяются только те изображения, которые определенно относятся к типу двуколок.

Подтип 1: C2Wd,sm(cr)DPaf? AXs?BXop,rf. Распряженные двуколки. Профильная двуколка с облегченными (кроссбаровыми) колесами изображена на аскизской стеле из Минусинской котловины. Близка изображениям профильных фургонов на Знаменской стеле и на Тунчухской писанице. Двуколки в профильной проекции, запряженные быками, с сидящим возничим, обнаружены в долине р. Елангаш.

1.1. вариант: «А»-образные двуколки (см. выше).

Подтип 2: C2Wd, smDPyf (sf) YAXsBXrs (DR1wl, pr(pl)atDA2ss, dif). Двуколки на очень маленьких дисковых колесах (рис. 45-46). На Алтае такие повозки были известны еще в этнографическое время, их здесь называют «медведками» [Окладникова, 1990, с. 126]. Повозка сходного подтипа была обнаружена в Пазырыкском кургане.

2.1. вариант: двуколки на маленьких колесах с возницей, идущим сзади (рис. 45), показаны с «У»-образным

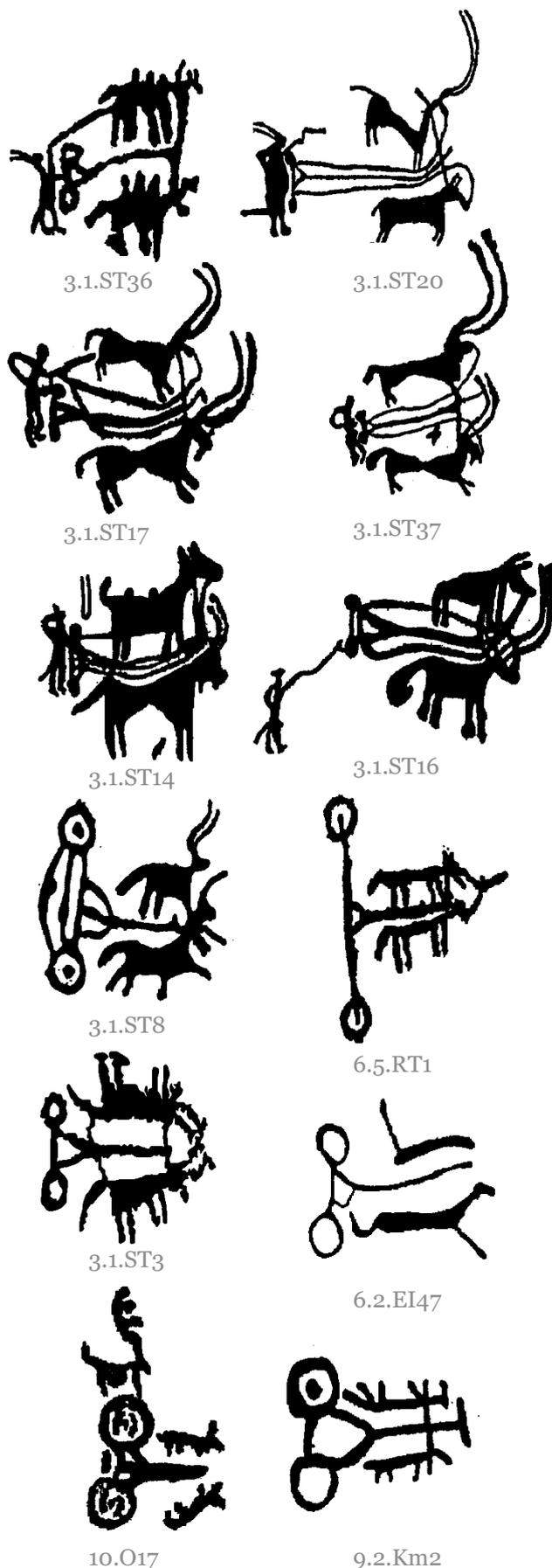

Рис. 45. Двуколки на маленьких дисковых колесах. Подтип 2, вариант 2.1.

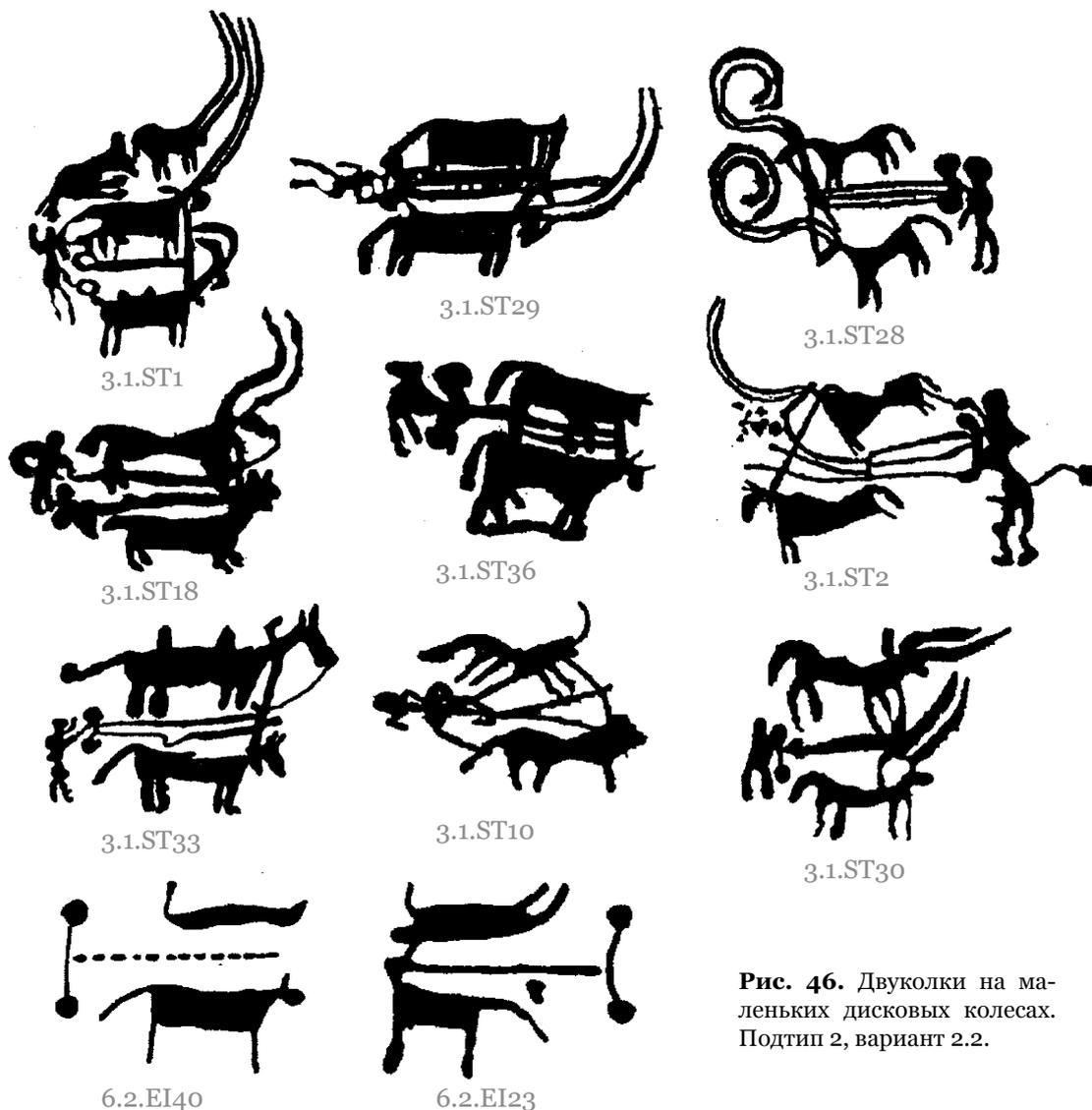

Рис. 46. Двухколки на маленьких дисковых колесах. Подтип 2, вариант 2.2.

дышлом, рогатка которого обращена к колесам и могла быть одновременно площадкой повозки. Дышла прямые, с перекладиной и без нее. Часто изображены поводья и стрекало. Перекладина, возможно, крепилась под головой животных. Повозки этого типа обнаружены на Саймалы-Таше, в Туве, на Алтае и в Скандинавии. Для этого типа характерно расположение упряжных животных – лошадей, быков, горных козлов(?), верблюдов – в профильной проекции и в смешанных упряжках (исключение составляют алтайские и скандинавские повозки). Возничий изображен также в профильной проекции, часто от его головы отходят лучи, показан «хвост», в одном случае –

с «шаром» на конце. Колеса изображены сплошной или контурной выбивкой, намечена ось или ступица.

2.2. вариант таких повозок (рис. 46) отличается от предыдущего отсутствием «Y»-образного разветвления, возничий изображен иногда в плановой проекции, идущим за повозкой, иногда он не показан вовсе, отличаются изображением возничего и животных в профильной проекции, представлены в петроглифах Саймалы-Таша и долины р.Коксу.

Подтип 3: C2WdDPstYys(br) AXsBXop (cn, df, rnf). Распряженные двухколки-колесницы с округлой платформой (рис. 44: 2, 3, 4) изображены без

10.Bh2

7.1.SI1

6.3.YU

7.1.ТО1

Рис. 47. Двухолки в профильной проекции. Подтип 4.

дышла, с колесами, которые переданы сплошной или контурной выбивкой. Зафиксированы в Минусинской котловине, Джунгарском Алатау и в предгорьях Западного Тянь-Шаня.

3.1 вариант: двухолки без дышла (рис. 44:2). Обнаружены на юге Казахстана.

3.2. вариант: двухолки-колесницы с поперечной перекладной-ярмом (рис. 44:3), иногда показаны с ярмами-рогатками, (в двух случаях переладина дышла укрепена распорками). Платформа округлой, «D»-образной и прямоугольной формы. Колеса показаны как сплошной, так и контурной выбивкой. Подчеркнута ось или ступица. Возможны различные варианты крепления ярма повозки к упряжным животным. Обнаружены в Монголии, на Каратау, Тарбагатае, в Туве и на Саймалы-Таше.

3.3. вариант: двухолки-колесницы без поперечной перекладки (рис. 44:4) с прямоугольным «в плане» кузовом на дисковых колесах, переданных контурной линией. Выделена ступица или концы оси. Запряжка животных возможна только с использованием кожаных ремней, плечевых мягких ярм или постромков. Обнаружены в Монголии и Скандинавии.

Подтип 4: C2WspSHDBXvn, rf..... Обнаружена группа изображений крытых двухолок на колесах со спицами в профильной проекции, которые резко выделяются своей манерой исполнения (рис. 47) и, очевидно, датируются гунно-сарматской эпохой [Окладникова, 1990, с. 123]. Этот тип повозок очень хорошо известен в Китае, начиная с времен династии Хань и в последующие периоды, как основной и, пожалуй, единственный тип экипажей (в пассажирском и грузовом вариантах) вплоть до новейшего периода истории.

Колесницы тип C2Wsp(d). (рис. 48-60). Для изображений этого типа характерны более сложные и вместе с тем надежные и легкие конструкции: системы дышловой тяги, кузова и колеса со спицами. Упряжные животные – только лошади, запряжены в бигах, тригах и квадригах. Кроме конструктивных особенно-

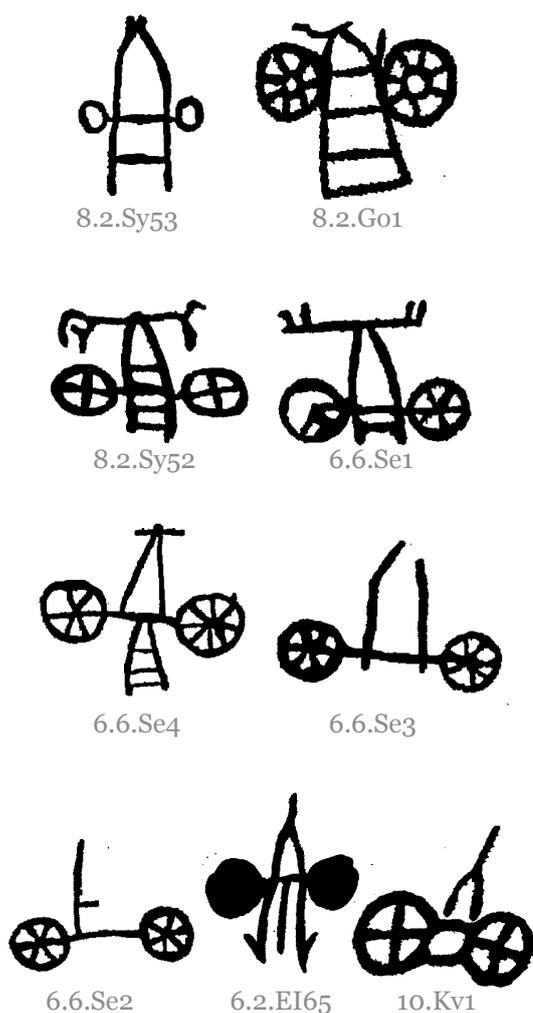

Рис. 48. Колесницы «А»-образного вида. Подтип 1.

стей, выделение подтипов определяет и наличие фигур упряжных животных и возничих, а также их иконографические особенности.

Колесницы в смысле конструкции представляли собой более совершенный механизм, производство которого требовало достаточно развитой ремесленной технологии и определенных производственных навыков – например, изготовление под нагревом изо-

гнутых деревянных деталей кузова и колес со спицами. Для некоторых древних скотоводческих обществ такая технология могла быть недоступной.

Подтип 1: C2WspDPafYysAXsB Хор. «А»-образные колесницы (рис. 48), выделяются по треугольной форме дышла, которое одновременно является и платформой повозки. Усилие тягловых животных могло передаваться при помощи поперечного бруска и ярм-рогатов, либо плечевых кожаных ярм. Не исключено применение постромков. Использовались как прицепные или основные повозки в сочлененных телегах.

Географически изображения этого подтипа представлены, кроме Закавказья, в петроглифах Скандинавии, Прикаспия, Минусинской котловины и Алтая (на дисковых колесах).

Подтип 2: C2WspDPsf (Yys) AXs BXrnf. Распряженные колесницы с поперечной перекладной дышла изображены с ярмами-рогатками или кожаными шейными ярмами, либо без ярма (рис. 49), либо только с поперечной перекладной-ярмом (рис. 50). Эти варианты, очевидно, связаны с двумя способами крепления дышла к упряжным животным: на шею лошадей посредством специальных ярм-рогатов и к плечевым кожаным ярмам, когда дышло расположено параллельно поверхности земли. В последнем случае возможно крепление и под головой лошади, и на спине. Чаще всего изображены с округлой площадкой и четырьмя спицами в колесах.

Широко распространены в Евразии, обнаружены в петроглифах Италии, Скандинавии, Закавказья, Западного Прикаспия, в Джунгарском Алатау, Чу-Илийских горах, в Туве, на Алтае и в Монголии.

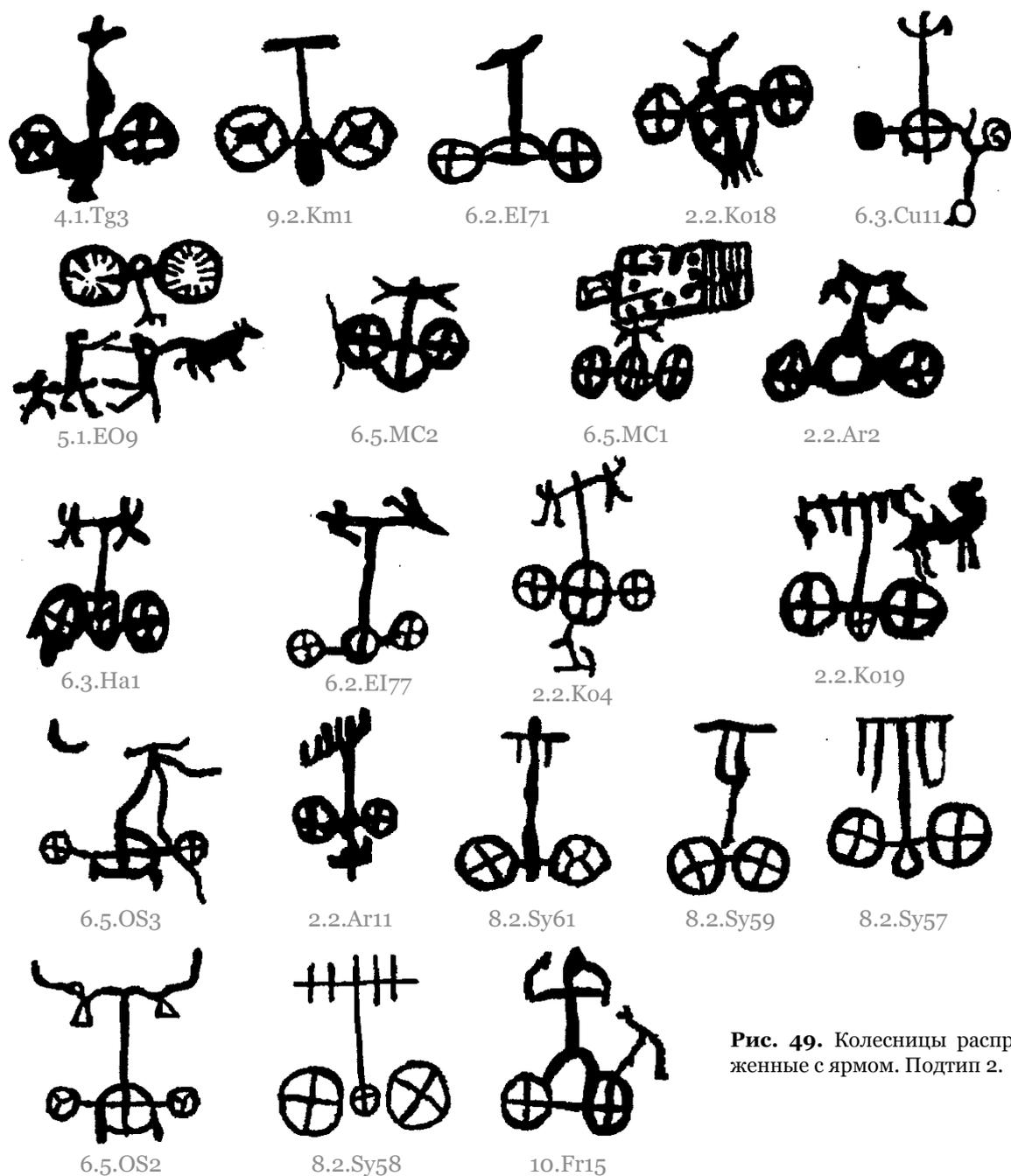

Рис. 49. Колесницы распряженные с ямом. Подтип 2.

Подтип 3: C2Wsp, lg (d) DPsfAXBXrnf (df) (DR1st, plDA2bb (ss)). Колесницы с возничим без поперечной перекладки (рис. 51, 52:2). Дышло могло крепиться к упряжным лошадям при помощи кожаных плечевых ям и постромков. Изображены без возничего (вариант 3.1.) и с возничим (вариант 3.2.). Для этих вариантов характерно расположение пары лошадей

спинами друг к другу, а возничего – в плановой проекции, стоящим на платформе (для второго варианта). Представлены на Алтае, в Китае, Западном и Северном Притяньшанье, Джунгарском Алатау, в Монголии и на Памире.

3.3. вариант: условные изображения колесниц с одной или двумя лошадьми, показанными в профильной проекции, отдельно от повозки (рис.

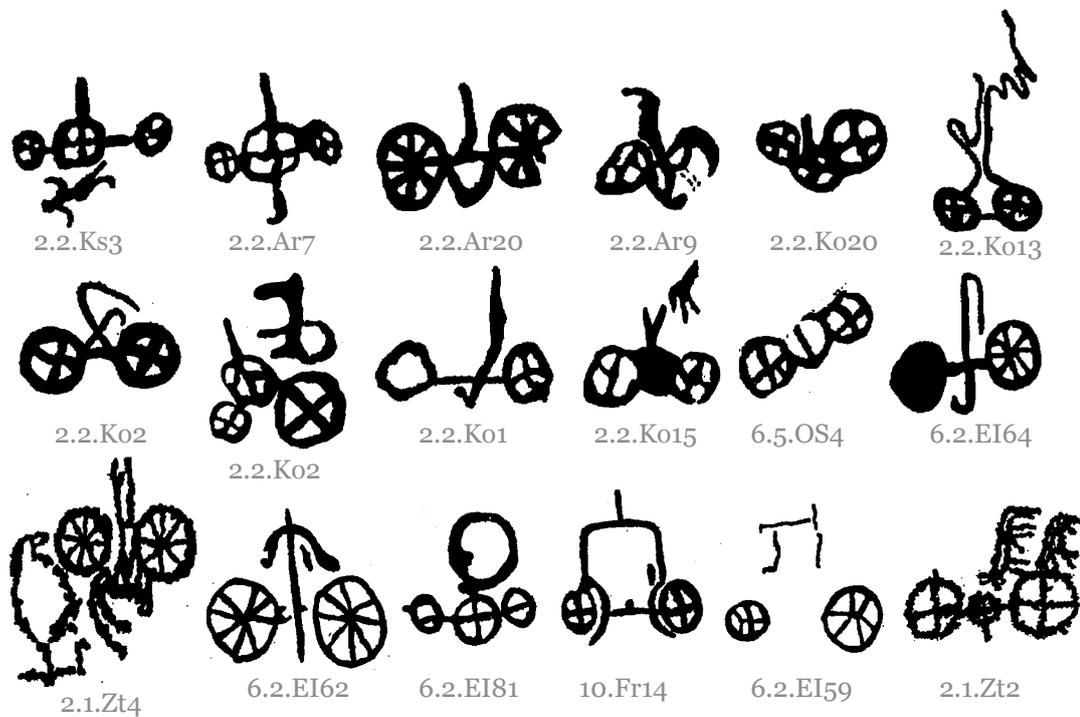

Рис. 50. Колесницы распряженные без ярма. Подтип 2.

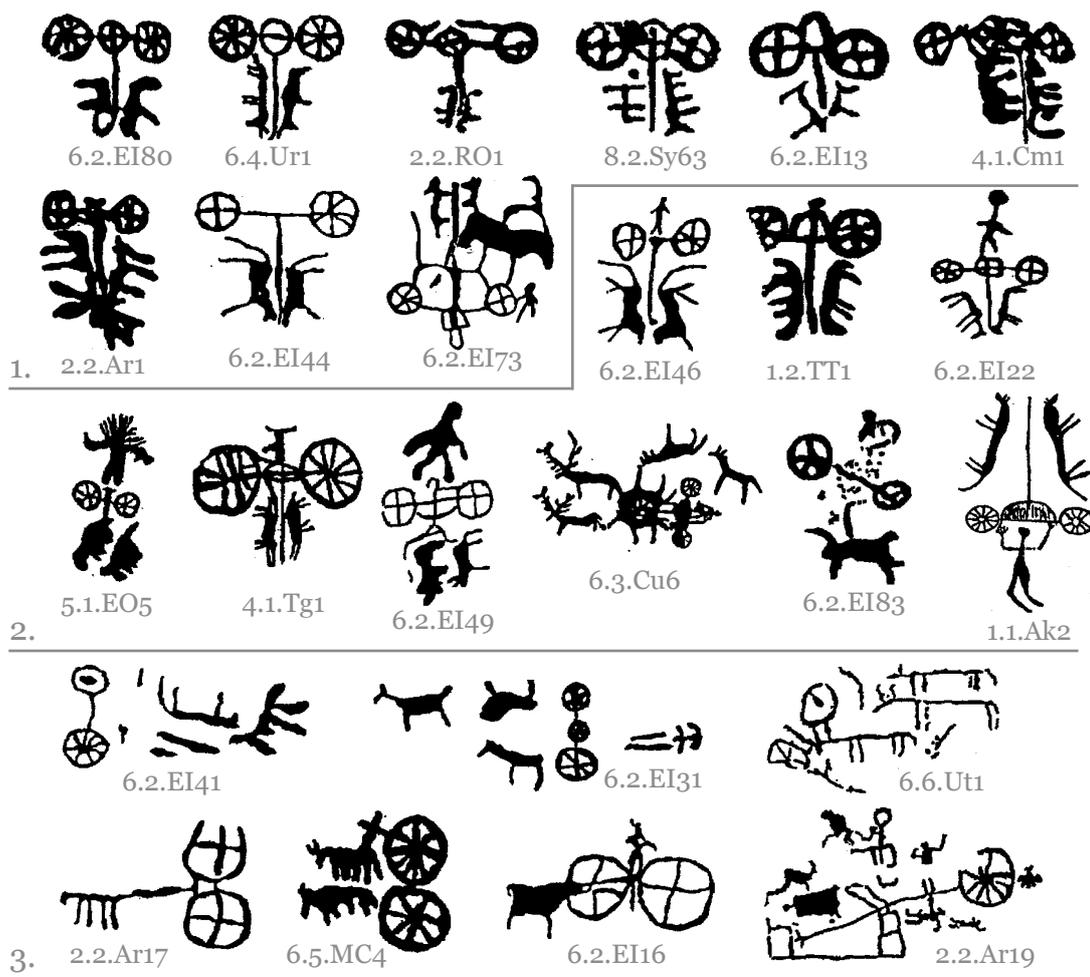

Рис. 51. Колесницы. Подтип 3. 1 – вариант 3.1; 2 – вариант 3.2; 3 – вариант 3.3.

51:3), обнаружены на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и Западном При Тяньшанье.

3.4. вариант: двуколки-колесницы без поперечного ярма-перекладины (рис. 52:2). Колеса изображены разными способами, площадки различных форм, упряжные животные расположены спинами друг к другу. Представлены в Индии, Монголии и на Алтае

Подтип 4: C2WspDPsfY(yf) AXBXrnf(df) (DR1st(wl, st) prDA2bb (ll, ss)). Колесницы с поперечной пере-кладиной дышла и возничим (рис. 52:1; 53; 54). Возможно, в этих изображениях древние подчеркивали способ запряжки упряжных животных при помощи поперечного бруска-ярма, который крепился как на загривках лошадей, так и под головой животных.

4.1. вариант: колесницы с округлой площадкой без возничих, животные расположены спинами друг к другу (рис. 53:1), обнаружены на Алтае, в Туве и в Западном При Тяньшанье.

4.2. вариант: колесницы с идущим или стоящим рядом возничим в профильной проекции (рис. 52:1; 53:2), представлены на Саймалы-Таше, в долине р. Коксу и в Каратау.

4.3. вариант: колесницы с упряжными животными, ноги которых обращены друг к другу (рис. 53:3), представлены в Западном При Тяньшанье, Джунгарском Алатау и в петроглифах Скандинавии.

4.4. вариант: колесницы с лавролистным навершием дышла и возничим (рис. 53:4), обнаружены на Алтае, в Монголии и на Каратау.

4.5. вариант: колесницы, упряжные лошади которых изображены в профильной проекции (друг над другом), дышло закреплено под головой лошади, иногда показан возничий (рис. 54:5).

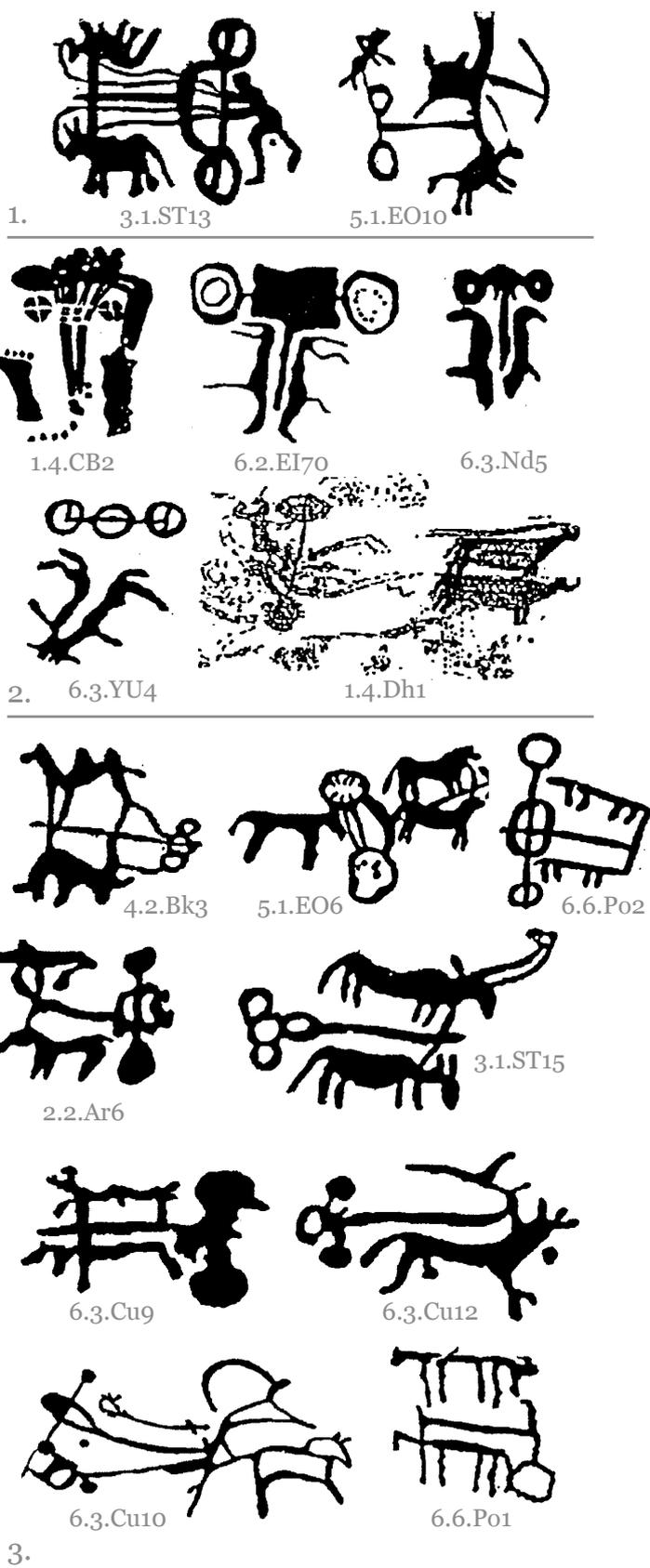

Рис. 52. Колесницы. 1 – подтип 4, вариант 4.2; 2 – подтип 3, вариант 3.4; 3 – подтип 4, вариант 4.7.

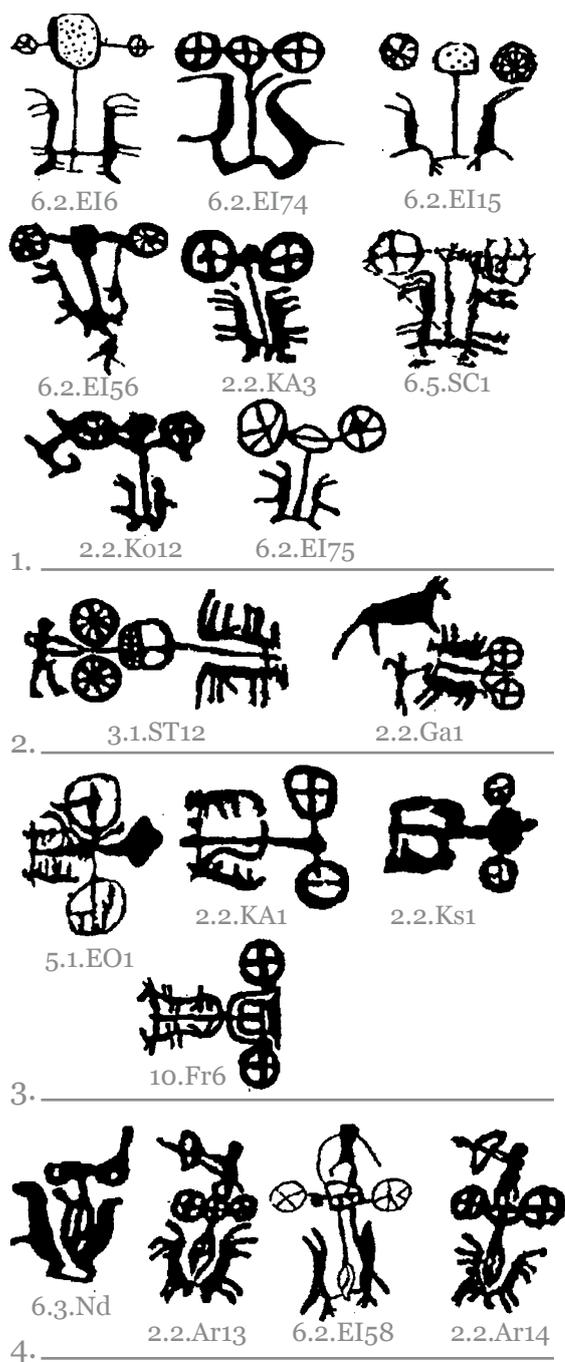

Рис. 53. Колесницы. Подтип 4: 1 – подтип 4, вариант 4.1; 2 – подтип 4, вариант 4.2; 3 – подтип 4, вариант 4.3; 4 – подтип 4, вариант 4.4.

Изображения этого варианта известны в Тарбагатае, Внутреннем Тянь-Шане, Западном Притяньшанье и Джунгарском Алатау, аналогичны колеснице, выбитой на плите могилы в Кивике (Швеция).

4.6. вариант: колесницы с «У»-образным разветвлением дышла (рис. 54:6). Жестко фиксируется место крепления дышла к площадке при помощи специальных распорок. Представлены в Туве, Внутреннем Тянь-Шане и Западном Притяньшанье.

4.7. вариант: двуколки-колесницы с поперечным ярмом-перекладной (рис. 52:3), которое прикреплялось к животным в разных положениях. Характерно расположение упряжных животных друг над другом. Колеса изображены разными способами. Представлены в Монголии, Минусинской котловине, Казахском мелкосопочнике, во Внутреннем Тянь-Шане, на Каратау.

Подтип 5: C2Wsp,lgDPsfYAXBX rnf(df)rs(DR1st,pl,atDA2bb, at, sex).

Колесницы с упряжными конями и стоящим на площадке возничим (рис. 55-60), повозки показаны с вожжами и без них. Колесницы демонстрируют очень развитую конструкцию с широкой колесной базой, устойчивую на поворотах, снабжены поперечной перекладной-ярмом, прикрепленным чаще всего к загривкам лошадей. Колеса большого диаметра, что позволяло смягчать неровности дороги. Площадка округлой и «D»-образной формы, либо отсутствует вообще. Возничий всегда изображен в плановой проекции с разведенными и слегка опущенными руками, держит в руках кнут или вожжи. Лошади всегда расположены спинами друг к другу, переданы в несколько условной манере, всегда подчеркиваются уши, изредка – каплеобразные окончания хвоста и копыт, фаллос.

5.1. вариант: двуколки-колесницы с возничим (рис. 55-56) рассматриваются как вариант этого подтипа. Повозки показаны со стоящим на платформе возничим. Площадка округлой или

Рис. 54. Колесницы. Подтип 4. Варианты 4.5 и 4.6.

«D»-образной формы. Дышло прямое, укреплено на загривках двух упряжных лошадей посредством поперечной перекладки. Колеса переданы сплошной выбивкой, спиральными или контурными линиями. Возничий изображен в стандартной позе: в плановой проекции с разведенными в стороны и слегка опущенными руками. Упряжные животные всегда расположены спинами друг к другу. Обнаружены в Монголии и на Горном Алтае. Иногда показаны вожжи, идущие от головы животного, что может указывать на применение удил.

Фигуры лошадей изображены с подчеркнутым половым признаком, выделены уши. Зафиксированы в долине р. Елангаш на Алтае.

5.2. вариант: колесницы с возничим и показанными вожжами (рис. 57). Обнаружены на Алтае, в Индии и в южных регионах Казахстана (Каратау, долина р. Коксу) иконографически больше тяготеют к «многодышловым» колесницам.

5.3. вариант: с поводьями-вожжами, но без возничего, представлены в Скандинавии, Тарбагатае, на Алтае (рис. 58).

Особняком стоят так называемые «многодышловые» колесницы, изображенные с возничим в плановой проекции и запряженные парой быков или лошадей (1.4. CN1), либо распряженная колесница в сцене с колесничим, собакой и парой коней (2.2. KO28), либо запряженная пароконная повозка без возничего (2.2 KO17). Представлены на Каратау (Койбагар) и в Индии.

Изображения этого вида могут быть сопоставлены с находками двухдышловых терракотовых моделей повозок на Кипре, датированных 2 финальной фазой архаического периода [Karageorghis, 1977, append. by Littauer & Crouwel, p. 67-73]. Возможно, происхождение этого образа связано со стремлением укрепить поперечную перекладку-ярмо в строго перпендикулярном

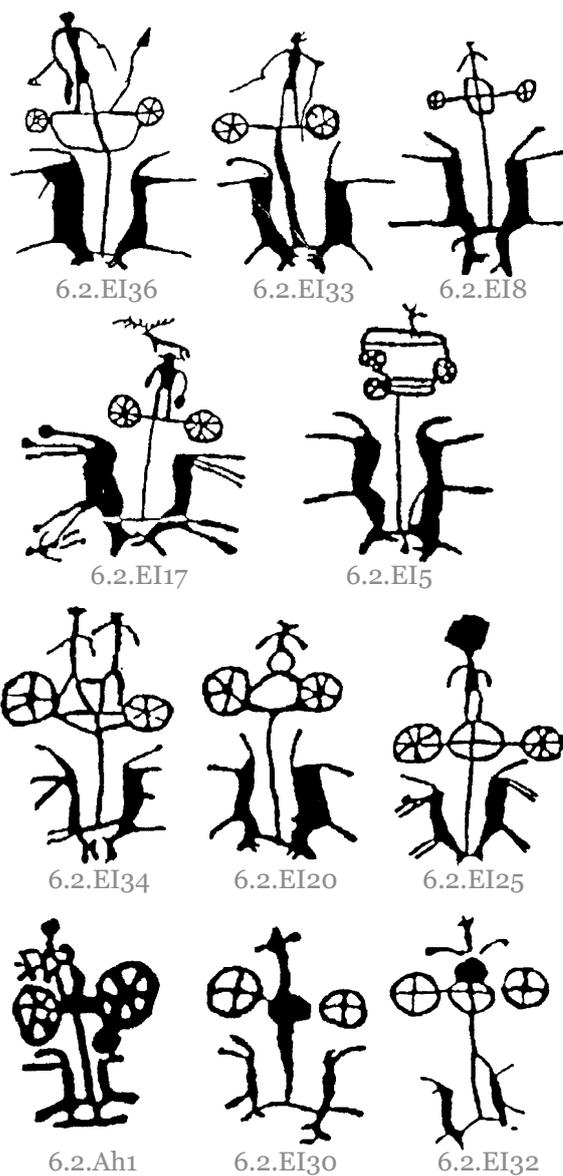

Рис. 55. Колесницы. Подтип 5. Вариант 5.1.

положении относительно центрального дышла, при помощи дополнительных параллельных брусьев и сыромятных ремней. Так изображены некоторые дышла телег – например, из Тамгалы и Курчума. Для стиля этих изображений характерно расположение упряжных лошадей спинами друг к другу в довольно условной манере, редкое присутствие возничего, стоящего на платформе.

Д. В. Черемисин оспаривает правомерность выделения такого вида колесниц применительно к изображениям

из Горного Алтая, мотивируя это некачественными прорисовками копий со скал, где вожжи показаны как параллельные центральному дышлу линии и восприняты другими исследователями не как поводья, а как тройное центральное дышло [Черемисин, 2005, с. 269]. Поскольку в моем распоряжении имеются изображения аналогичных колесниц, нарисованные краской на скалах в Индии, а также из других памятников в Казахстане, и более того: такие новации в укреплении центрального дышла

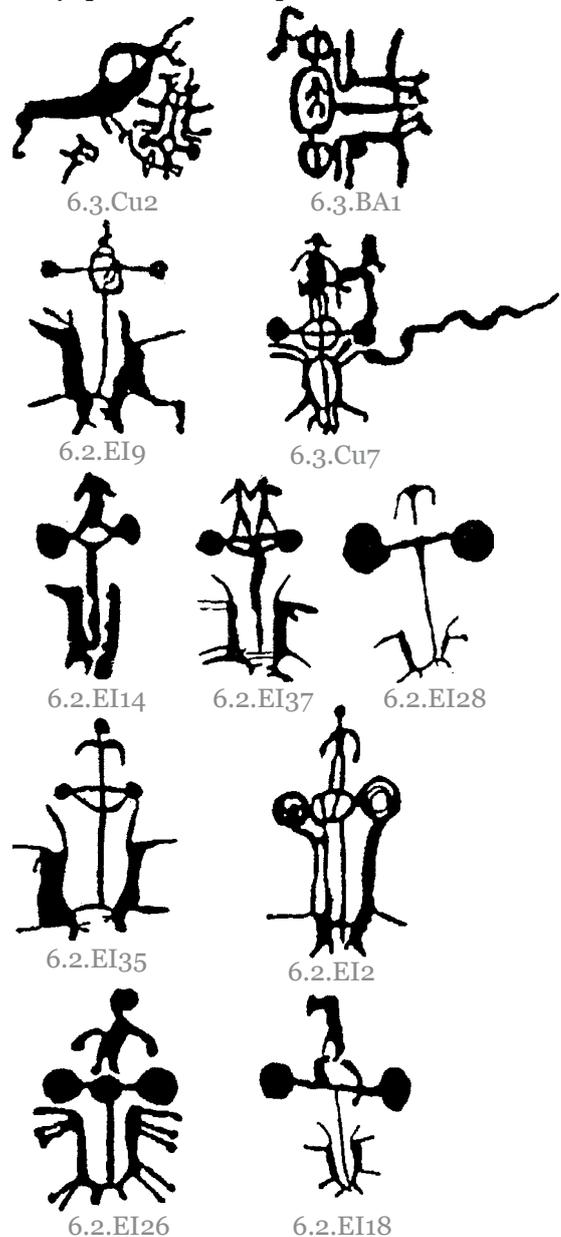

Рис. 56. Колесницы – двуколки. Подтип 5. Вариант 5.1.

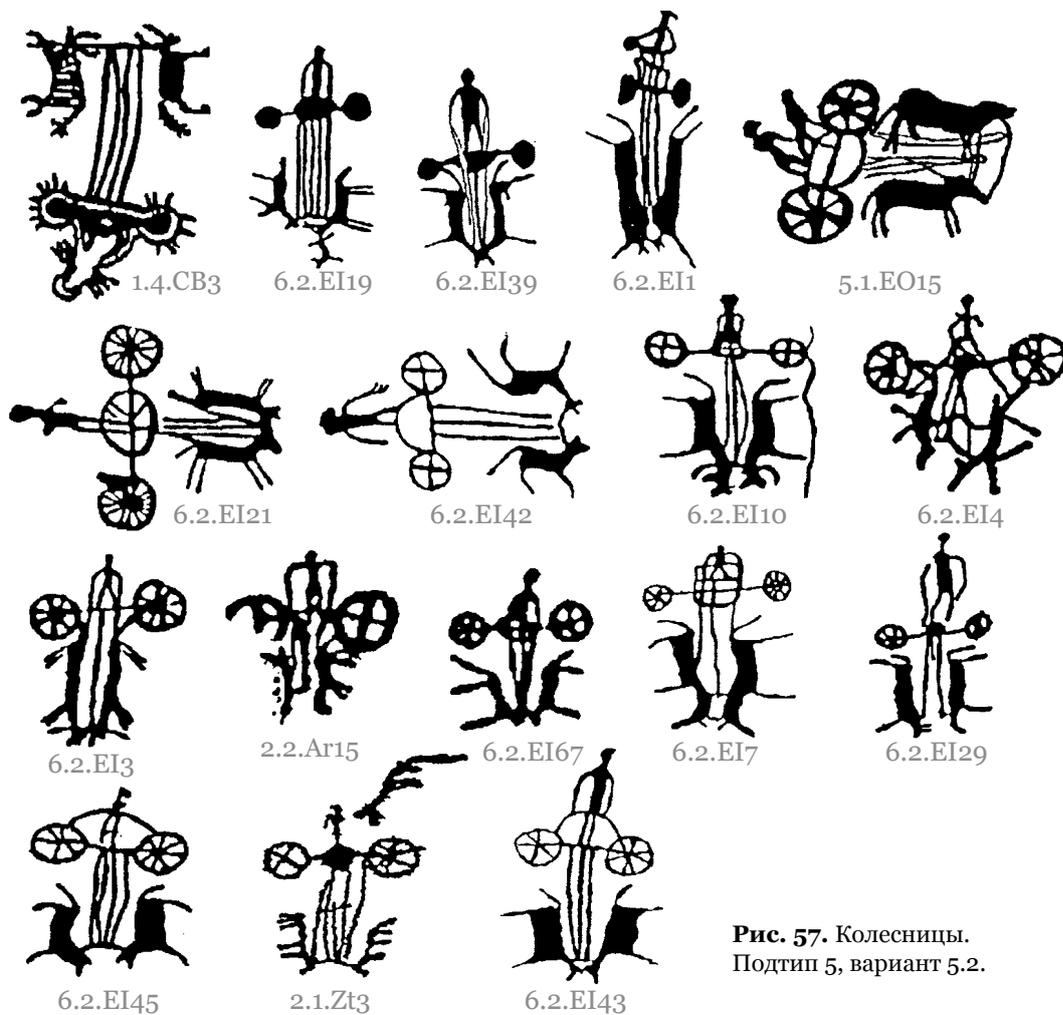

Рис. 57. Колесницы.
Подтип 5, вариант 5.2.

зафиксированы в кипрских моделях, явно показаны на курчумской телеге и описаны в письменных источниках (см. введение), то нет оснований согласиться с этим возражением. Показательна в этом смысле композиция 2.2. Ко28, где в распряженной повозке, без колесничной упряжи и, стало быть, без вожжей, явно прорисованы дополнительные линии, параллельные дышлу.

5.4 вариант: колесницы с поперечной перекладиной и распорками дышла. Отражают изменение конструкции, связанное с необходимостью жесткой фиксации поперечной перекладины-ярма и дышла под прямым углом при помощи специальных распорок (рис. 59). Эти укрепляющие детали были совершенно необходимы в конструкции наиболее быстрых и маневренных колесниц при

резких разворотах и для большей безопасности езды. Возможно, отходящая от дышла к перекладине линия на изображении колесницы на срубном сосуде из могильника Сухая Саратовка передает именно эту конструктивную деталь. Колесницы этого вида представлены в двух подвариантах: распряженные (5.4.1.) и с упряжными животными и возничим (5.4.2.). К этому подтипу отнесены колесницы-двуколки, выполненные весьма условно, подобно знакам-символам.

Стилистически все колесницы этого подтипа 5 разделены на «реалистичные» изображения и «схематичные».

Для первых характерна подчеркнутая детализация конструкции повозок: тщательно прорисованы мелкие детали, показаны ремни пристяжных лошадей, ярма-рогатки, детали сбруи и конструк-

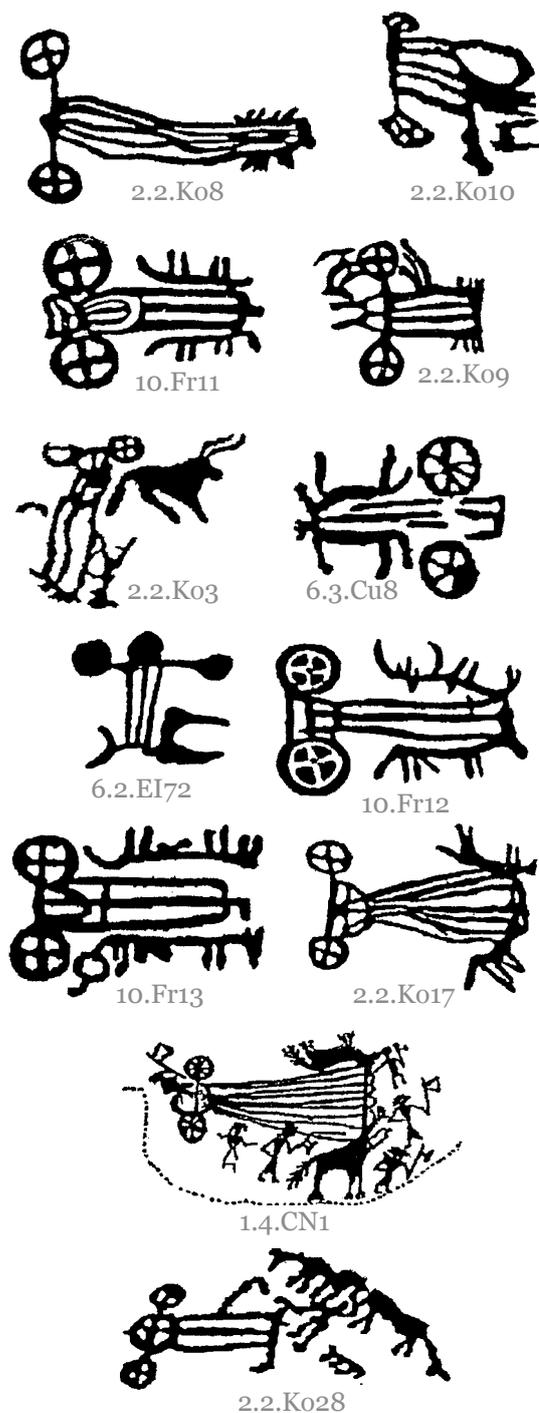

Рис. 58. Колесницы. Подтип 5, вариант 5.3.

ции платформы. У животных показаны копыта, уши, утолщения на конце хвоста. Повозка имеет широкую колесную базу, большие колеса, круглую или «D»-образную платформу, показаны вожжи. Упряжные животные расположены спинами друг к другу в бигах, тригах и

квадригах. Локализуется географически в Монголии, Туве (без возничего) и на Памире.

«Схематичные» колесницы представлены на Алтае, в Западном Притяньшанье и в Джунгарском Алатау. В стиле этих изображений наблюдаются пренебрежение к мелким деталям, условность линий и абриса фигур как возничего, так и упряжных животных. Иконографически близкими им выглядят двуколкие колесницы с упряжными животными (рис. 60):

5.5. вариант: с колесами, переданными сплошной или контурной выбивкой, упряжные животные расположены спинами (подавляющее большинство изображений) или ногами друг к другу (в двух случаях). Представляют собой этап дальнейшей схематизации в изображении образа колесницы, когда детали конструкции, видимо, теряют свою значимость и на скалах выбивают знак-символ. Колесницы этого варианта обнаружены на Алтае, в Тарбагатае, в Северной Монголии, Минусинской котловине, аналогичны некоторым двуколкам из Северной Европы.

Таким образом, выделенные подтипы азиатских повозок и разнообразные варианты (рис.61) в целом наглядно демонстрируют их эволюцию от простейших к более сложным и разнообразным конструкциям, фиксируя некоторые изменения стилистики выражения на скалах в разных регионах. При этом наблюдается наличие одинаковых подтипов повозок в весьма отдаленных друг от друга регионах, в которых нет свидетельств какой-либо предшествующей эволюции транспортных средств от простейших – к более сложным конструкциям. Новационные технические решения – «чудеса» конструкторской мысли древних – в стандартном виде по-

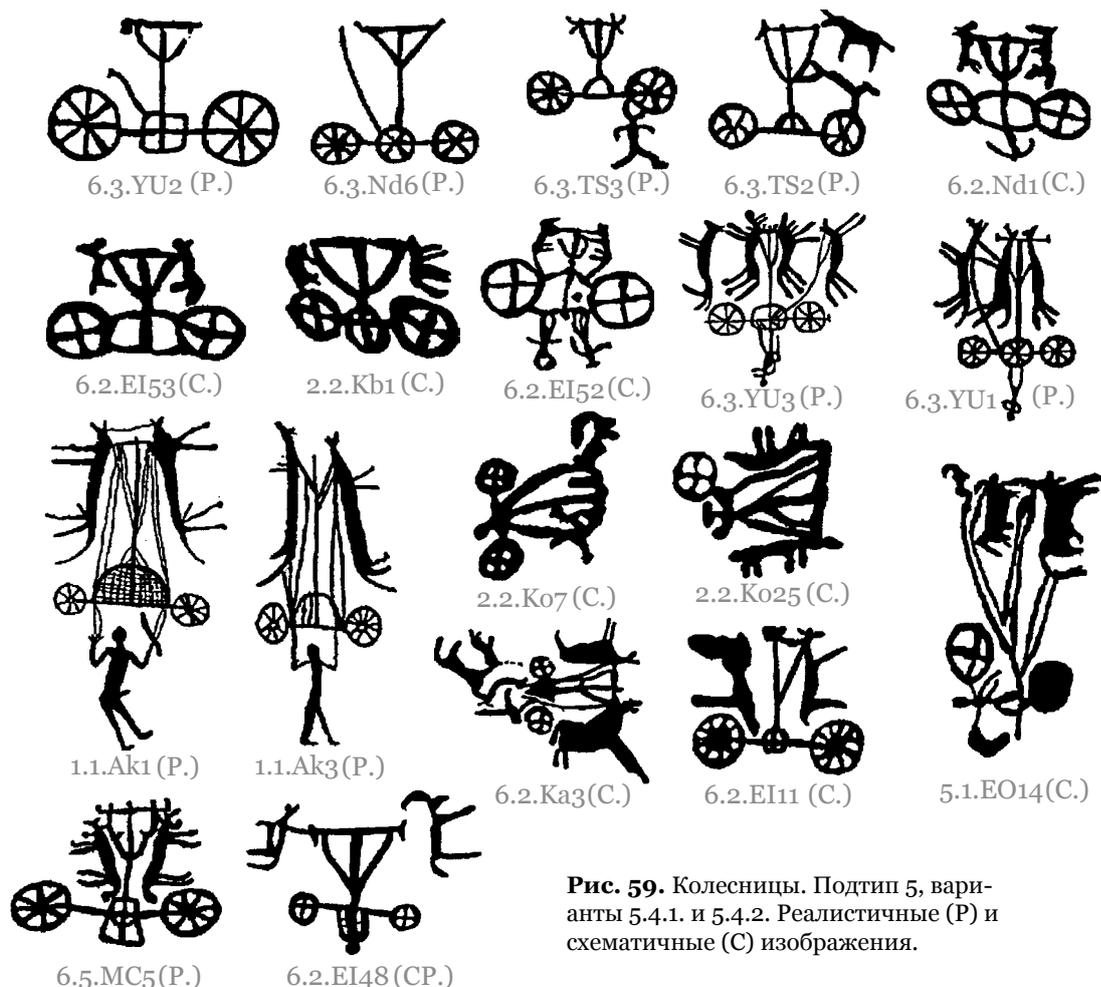

Рис. 59. Колесницы. Подтип 5, варианты 5.4.1 и 5.4.2. Реалистичные (P) и схематичные (C) изображения.

являются на скалах, в самых сакральных и сокровенных, культовых центрах этих регионов.

Телега – двухосная, массивная и добротная повозка на дисковых колесах, запряженная парой быков – наиболее удобное и практичное средство передвижения в древних социумах. Чудо ее изобретения давало невероятные возможности в освоении новых территорий, развитии хозяйственной деятельности, увеличении поголовья и поисках новых пастбищ, что являлось жизненно важной задачей для скотоводов в степи. Изобретение навеса, шалаша или кибитки, наподобие юрты, поставленной на подвижную, четырехколесную платформу, есть изобретение подвижного жилища, кардинальным образом увеличившее мобильность этих социумов.

Так, показательным является появление крытого фургона, запряженного быками, с сидящим возничим, обнаруженное на Знаменской стеле в Минусинской котловине, за тысячи километров от основного центра реального применения такого типа повозок, зафиксированного археологическими методами в Закавказье, Причерноморье, южнорусских степях. А повозка из Усть Бюрь, запечатленная на скале в долине р. Енисей, очень точно повторяет своеобразную глиняную модель телеги (сосуд), найденную в Будакалеше, Венгрия.

Техническая новация, связанная с попытками сделать большую телегу более вместительной, управляемой, маневренной и способной разворачиваться по малому радиусу, а также – более легкой для

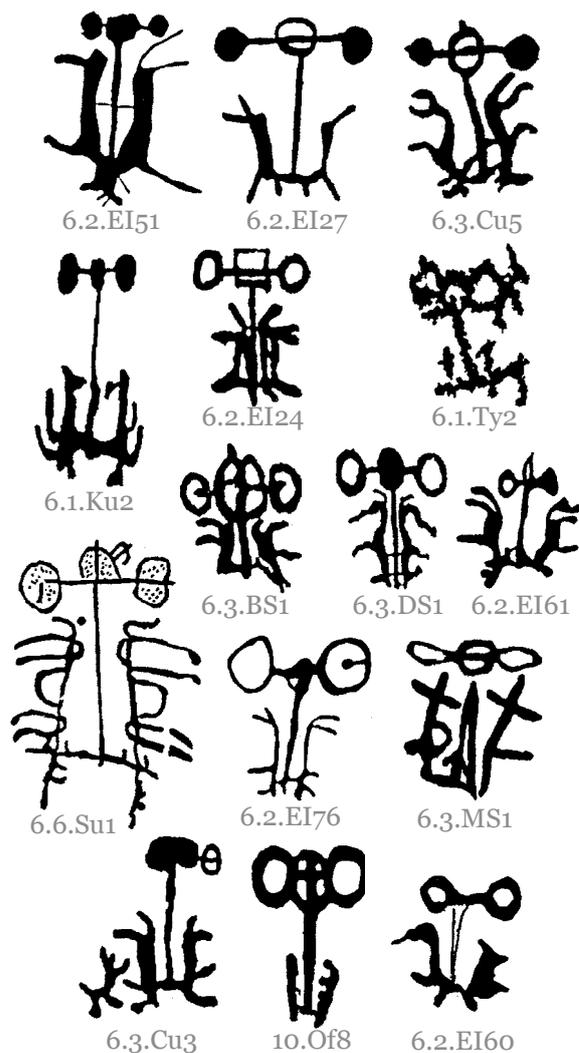

Рис. 60. Колесницы. Подтип 5.5. Схематичные изображения.

упряжных животных и, соответственно, – грузоподъемной, находит выражение в выделенном 4 подтипе телег и появлении нового типа повозок: двуколки, которые, по сути, представляют собой переднюю часть телеги – переднюю ось с парой колес.

Сочлененные телеги с «А»-образным дышлом на разных типах колес имеют обширную географию распространения и обнаружены в петроглифах Скандинавии, Средиземноморья, Закавказья, а также в Монголии, на Алтае и в Минусинской котловине. В петроглифах Закавказья представлена эволюция «А»-образных

повозок от бесколесных волокуш, запряженных быками, к «А»-образным двуколкам на небольших дисковых колесах, к колесницам со сложной системой упряжи (показаны ярма-рогатки).

«А»-образные повозки на дисковых трехчастных, соединенных внутренними шпонками колесах, найдены в кургане 2 могильника Лчашен [Румянцев, 1961, с. 236-242; Есаян, 1966; Мнацаканян, 1957, с. 146-153; 1960, с. 139-152]. Имеются превосходно сохранившиеся образцы этого вида из археологических комплексов, раскопанных в Северной Европе и причерноморских, южнорусских степях. Этот совершенно узнаваемый вид повозок характерен массивным дышлом из двух крепких брусьев в виде буквы «А», к нижним концам которой крепились колеса, а к верхнему – переключина-ярмо для запряжки упряжных животных.

Площадкой или платформой для возничего или грузов являлось место над осью между колесами. Прицепленные друг за другом, они представляли собой двусную телегу с поворачиваемой передней осью. По отдельности, в зависимости от используемого типа колес и видов упряжных животных, они могли быть двуколками и даже колесницами.

Эволюция этого вида повозок шла путем поиска способов облегчения самой повозки, способов компенсации «эффекта опрокидывания», улучшения маневренности и приспособления новых видов упряжных животных. По этой причине наблюдается применение первоначально массивных трехсоставных дисковых колес, затем более легких, с выемками – «кроссбаровых» и, наконец, колес со спицами. Упряжные животные также менялись по мере облегчения самой конструкции: быков и верблюдов сменили лошади. Скорее всего, эволюция транспортных средств напрямую связана с непростым процес-

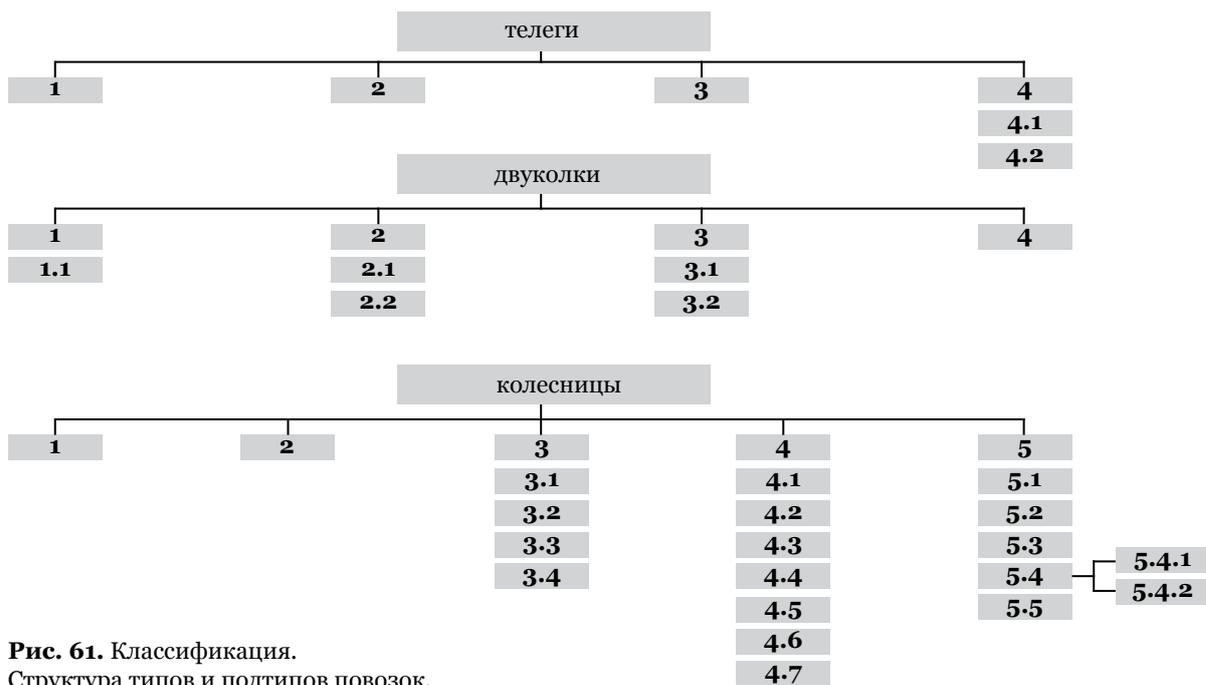

Рис. 61. Классификация.
Структура типов и подтипов повозок.

сом доместикации упряжных животных, их физиологическими возможностями, и оказывала, а возможно, и диктовала их развитие. Именно успехи в доместикации лошади в степи повлекли за собой появление двухколесных повозок-двуколок.

Детальные реконструкции «А»-образных двухколесных повозок из Минусинской котловины предприняты Ю.Н. Есиным и опубликованы в серии работ [Есин, 2009, с. 68-72; 2011а, с. 267-273].

Показательной в этом смысле является двуколка первого подтипа, с облегченными дисковыми колесами, зафиксированная на Аскизской стеле в Минусинской котловине; сходные изображения есть на скалах в долине р. Елангаш на Алтае.

Двуколки второго подтипа, на маленьких дисковых колесах, имеют хорошие этнографические параллели и найдены как в Скандинавии, так и в азиатских памятниках – Ешкиольмес, в долине р. Коксу, Саймалы-Таш – в Западном Притяньшанье, в Туве и на Алтае.

Особняком стоят изображения четвертого подтипа: крытые двуколки на больших колесах со спицами, исполненные на

скалах в иной манере и трактовке, найденные на скалах Монголии, Алтая и в Китае. Этот тип экипажей теперь хорошо документирован раскопками погребального комплекса основателя цинской династии Цин Шихуана в Китае, где найдены две великолепные повозки: колесница с зонтом над возничим и крытая двуколка императора.

Примечательно, что в древнем Китае эволюция транспортных средств традиционно развивалась путем совершенствования исключительно двухколесных повозок. В основе этой эволюции находятся боевые колесницы Шан-Иньского периода и Западного Чжоу, усовершенствованные и модифицированные до основательных грузовых двуколок, крытых парадных экипажей знати и превосходно оснащенных, совершенных по-конструкции и амуниции, бронзовых колесниц с зонтиком.

Однако самый многочисленный класс рассмотренных изображений составляют колесницы, выделенные в 5 разных подтипах и 16 вариантах. География их распространения весьма обширна: уже упомянутые выше «А»-образные колесницы

подтипа 1 известны в петроглифах Закавказья, Прикаспия, Скандинавии, Алтая и Минусинской котловины.

Только распряженные колесницы подтипа 2, колесницы подтипа 3, вариант 3.4, напоминающие знаки-схемы, а также колесницы подтипа 4, варианты 4.3 и 4.5, имеют аналогии в Скандинавии, Италии и Закавказье. В этих упряжках кони обращены ногами друг к другу или изображены друг над другом.

Следовательно, особенностью азиатских колесниц справедливо определить стандартную позицию лошадей исключительно «спинами друг к другу», а иные варианты считать «западным» влиянием. Все остальные подтипы и варианты имеют аналогии в рамках памятников азиатской части континента, однако более многочисленны и разнообразны. Кроме традиционного ареала их распространения в Западном Притяньшанье, Джунгарском Алатау, степной зоне Казахстана, Джунгарском Алатау, Внутреннем Тянь-Шане, Чу-Илийских горах, Таласском хребте, Тарбагатае, на Алтае, в Туве и Минусинской котловине, они зафиксированы на Памире, в Индии и Монголии. (3.1-3; 3.5; 4.4; 4.7; 5.1).

При этом «реалистичные» изображения (подтип 5) фиксируются на Памире и в монгольских памятниках, а «схематичные» – исключительно в памятниках определенного выше ареала. Это может отражать, с одной стороны, развитие образа колесницы – его иконографии и семантики в рамках определенного географического ареала, одной коммуникативной системы, от реалистических изображений до более схематических образов, превратившихся в знак коммуникации и соответственно могут дать относительную хронологию этих образов, а с другой стороны – отражать расширение этого ареала и направления движения древних социумов.

Такое массовое появление этого образа на скалах, очевидно, связано с явными успехами в процессе приручения лошади и развития способов жесткого контроля над этим животным в упряжках, более совершенными навыками и инновациями в плотницком деле, бронзолитейном производстве. А главное – в возросшей потребности обитавших здесь древних социумов в расширении каналов коммуникации, освоении новых территорий и возможной экспансии.

Изобразительные материалы из азиатской части Евразии не подтверждают применение колесниц в военном деле и, напротив, зафиксированы сцены охоты, в которых колесницы используются как подвижные платформы для стрельбы лучников в горных козлов (Арпаузен V, пл. 42), в оленя (Чулуут) или для управления табуном лошадей (Жалгыс-Тепе) [Пяткин, Миклашевич, 1990, с. 148, рис. 2-17]. Однако неясно, насколько такие композиции отображают мифологические представления их создателей и смысл практического использования колесниц в этих сценах. Применение колесниц в облавной или загонной охоте, часто в окружении фигур собак, и имеющих в композициях на скалах культовое значение на манер «царской охоты», представляется весьма вероятным. Поддерживает мнение, высказанное Д. Черемисиным [2005, с. 267 – 270], о том, что нет никакой необходимости выбивать сюжеты батальных сцен, когда уже сам образ колесницы, запечатленной на скалах, отражал целый комплекс разнообразных представлений и ассоциаций, с ним связанный. Поскольку здесь мы имеем дело уже с достаточно развитым каналом коммуникации, каковым являются святилища с петроглифами, то образы «изобразительных рядов» этих памятников несут полисемантическую, очень разнообразную информацию, о которой мы часто пока только догадываемся. ■

Несколько общих замечаний по иконографии и относительной хронологии

Иконографические особенности напрямую связаны с разработкой новых деталей конструкции. Изначальная изобразительная традиция и манера исполнения характеризуются стремлением показывать саму повозку, возничего и упряжных животных в профильной проекции.

Следующий шаг в развитии иконографии связан с попытками точнее изобразить новые конструктивные особенности повозки – и, как результат, их стали изображать в плановой проекции, в более удобном для этой цели ракурсе.

Фигуры упряжных животных и возничих на первых порах продолжают изображаться в профильной проекции, поскольку могли иметь для древнего художника второстепенное значение по сравнению с самой конструкцией. Формирование нового изобразительного приема представлено изображениями повозок, у которых упряжные животные и возничий переданы в профильной проекции, а колеса – разного размера: ближнее к зрителю колесо изображено всегда большим по размеру, чем второе.

Дальнейшее развитие изобразительной традиции выразилось в попытках познания законов перспективы и многочисленных экспериментах с размещением фигур на плоскости «каменного холста», в изобретении новых типов конструкций, прежде всего колесниц, что повлекло за собой манеру изображения упряжных животных и возничих также в плановой проекции.

Эта изобразительная традиция в какой-то период времени в стандартной форме распространяется на значительной территории степной Азии.

Постепенная утрата практических функций колесниц в жизни древних обществ, возрастание роли всадничества, замещение многих функций, свойственных ранее колесничеству, повлекло за собой развитие условности и схематизма этих изображений, возрастание их мифологического значения как знака-символа в коммуникативных каналах народов, населяющих эти территории.

В рамках хронологических этот процесс мог происходить три тысячелетия: с конца четвертого и до последней четверти первого тысячелетия до н.э., со времени изобретения колеса – инновации, существенно изменившей повседневную жизнь древних социумов, – до походов киммерийцев, скифов на Ближний восток, зафиксированных записями ассирийской и нововавилонской канцелярий, и временем, когда всадничество уже наглядно доказало свое преимущество в тактике боя. Этот огромный период истории определенно распадается на два больших этапа.

Первый – эпоха изобретения колеса и первых опытов его применения, создания первых внешних коммуникаций в пределах Евразийского континента, освоения новых территорий и распространения знаний о нем. В это время формируются древнейшие очаги активного использования примитивных четырех-

Рис. 62. Карта распространения ТИПОВ ПОВОЗОК

- 1 – Акджилга; 2 – Текке-Таш; 3 – Охна; 4 – Каракиясай; 5 – Тхор; 6 – Чиббарнала; 7 – Дхарампури; 8 – Чатур Бху Нэш; 9 – Эдда Калькаве; 10 – Жалтырак-Таш; 11 – Тэрс; 12-18 – Койбагар I, II, III; Арпаузен I, II, IV, V, VI, VIII; Кошкар-Ата I, II; Габаена; Кокбулак; Ксан; Рапг-Озен; 19 – Саймалы-Таш; 20 – Тамгалы; 21 – Чумыш; 22 – Джамбул; 23 – Кестелетау; 24 – Байконур III; 25 – Саяк; 26 – Ешкиольмес; 27 – Акбаур; 28 – Курчум; 29 – Мойнак; 30 – Тюлькуне; 31 – Саур Тарбагатай; 32-35 – Калбак Таш; Жалгыз Тепе; Елангаш; Адырхан; 36 – Яманы Ус; 37 – Цаган Гол; 38 – Бичигтын-Ам; 39 – Ховд-Сомон; 40 – Бэгэр-Сомон; 41 – Чучуут; 42 – Дарвин-Сомон; 43 – Манлай-Сомон; 44 – Хавцгайт; 45 – Урад (Ланшань); 46 – Янгсу (Кангуан); 47 – Сын-Чурек;

ARCTIC OCEAN

 Подтип 1 Телеги	 Подтип 4 Телеги	 Подтип 3 Колесницы	 Подтип 5 Колесницы вариант 1, 2, 3	 Подтип 5 Колесницы Вариант 5
 Подтип 2 Телеги	 Подтип 1 Колесницы	 Подтип 4 Колесницы	 Подтип 5 Колесницы Вариант 4	 Подтип 2 Двуколки
 Подтип 3 Телеги	 Подтип 2 Колесницы	 Подтип 4 Колесницы вариант 4,5 и 4,6		

48 – Мугур Саргол-Чинге; **49** – «Дорога Чингисхана»; **50** – Орта-Саргол; **51** – Усть-Туба; **52** – Шаман Камень (Оглахты); **53** – Суханиха II; **54** – Гора Тунчух; **55** – Ошкольская писаница; **56** – Гора Седловина; **57** – Гора Шишка; **58** – Гора Полосатая; **59** – Гора Сулеек; **60** – Чана-Шулуун; **61** – Табангутское Обо; **62** – Каменная Могила; **63** – Таш-Аир; **64** – Губустан; **65** – Гемигая; **66** – Сюник; **67** – Кавала; **68** – Микены; **69** – Камоника; **70** – Тассили; **71** – Фрэннарп; **72** – Ботгна; **73** – Свеннеби; **74** – Квилле; **75** – Остфольд; **76** – Бохуслэн; **77** – Симрис; **78** – Остерготланд; **79** – Знаменка; **80** – Усть-Бюрь; **81** – Черновая 8; **82** – Венгрия; **83** – Причерноморье; **84** – Сармишсай; **85** – Инамгаон; **86** – Кивик; **87** – Китайский Алтай.

колесных повозок и их модернизации. Этот процесс непосредственно связан с инновациями в процессе приручения и активной селекции различных видов упряжных животных.

Второй период – эпоха колесниц. Изобретение колесниц революционно поменяло экономический потенциал древних социумов и кардинально изменило процесс формирования каналов коммуникации: они стали приобретать экспансионистский и далеко не мирный характер по воле тех правителей, кто владел этим «секретным» оружием.

Изобразительные памятники в азиатской части Евразии содержат разнообразный репертуар петроглифов, в силу своего долговременного использования, доступности и удобства, формировавшийся тысячелетиями. Эти коммуникативные центры использовались многими социумами, обитавшими в этих местах.

Однако, образы повозок достаточно определенно датируются современными специалистами и относительно других петроглифов надежно датированы 3 – 1 тысячелетиями до н. э. [Шер, 1980, с. 194-232; Дэвлет, 1980, с. 225-240; 1982, с. 22-47; Новгородова, 1984, с. 59-90; 1989; Кадырбаев, Марьяшев, 1977; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985; Марьяшев, Рогожинский, 1991, с. 5-21; и др.]; при том, что по сюжетам с повозками, методом стратиграфических наблюдений, определенно выделяются два разных пласта петроглифов: 3 – 2 тысячелетий до н.э. и 2 – 1 тысячелетий до н. э.

Для первого характерны композиции с изображениями фургонов и телег, запряженных быками, выполненные в профильной проекции; для второго – конных колесниц, показанных в стандартной форме.

Такая широкая датировка соответствует предложенным выше наблюдениям, однако не может удовлетворить с точки зрения конкретизации коммуникативных процессов. Описанные выше подтипы колесниц и иконографические особенности, с ними связанные, определенно позволяют выделить ранний пласт изображений колесниц в «реалистичной» манере и конкретизировать датировку «схематичных» образов/знаков в рамках целого тысячелетия.

На обширной территории наблюдается значительное стилистическое сходство образа повозки, связанное, очевидно, с единой изобразительной традицией, формированием общих каналов коммуникации, которые развивались в степной Евразии древними социумами, исповедовавшими сходные религиозно-мифологические представления. Такое положение может быть соотнесено с периодом распада единой общеиндоевропейской общности на индоарийскую, индоиранскую, тохарскую ветви и расселения составлявших эту общность племен на территории Евразийского континента.

С точки зрения лингвистов эта ситуация соотносится с финальной фазой очень длительного и начавшегося еще задолго до описываемых событий процесса разделения единой общеиндоевропейской языковой семьи на отдельные группы и возникновения сходных языков у народов, населяющих очень отдаленные друг от друга регионы. В какой степени это предположение соответствует исторической реальности – поможет прояснить анализ археологических источников. ■

Глава 2

Древнейшие центры применения колесного транспорта и формирование трансконтинентальной системы коммуникации (конец 4 – 3 тысячелетия до н.э.)

В серии работ Г. Чайлд сформулировал основные положения своей теории о Шумере как центре, в котором было впервые изобретено и использовано колесо – главное механическое средство для перемещения тяжелых грузов. [Childe, 1951, 1954, 1954a]. Эта концепция опиралась на ряд работ, вышедших к этому времени в Германии и Франции: [Nuoffer, 1904, Studniczka, 1907, Popplow, 1934, Potratz, 1938, Wiesner, 1939, Noettes, 1931].

Исследования, появившиеся в разных странах в 50-е и 60-е годы, значительно развили и дополнили основные положения этой концепции [Hancar, 1955, Haudricourt, 1948, Yadin, 1963, Hrouda, 1965, Foltiny, 1959, Smolian, 1964, Nagel, 1966, Potratz, 1966, Wiesner, 1968, Клейн, 1963, van der Waals, 1964, Piggott, 1968, Gimbutas, 1970; Kammenhuber, 1961 (по хеттским текстам), Salonen, 1951, 1956; Zarins, 1976; Кожин, 1985, с. 169-183; 1990; Горелик, 1985, с. 183-193; Littauer, Crouwel, 1979].

Некоторые материалы заставили усомниться в правильности отдельных выводов Г.Чайлда [Кузьмина, 1974, 1980; Сафронов, 1989; Piggott, 1983]. К числу таких материалов относятся находки ацтекских керамических статуэток на колесах из Америки, весьма сходных с древними игрушками на колесах из Индии.

Ст. Пиггот в фундаментальной работе о повозках Европы привлекает внимание к радиоуглеродным датировкам находок, калибровка которых на основе дендрохронологической шкалы удревняет их возраст до начала третьего тысячелетия до н. э., что соответствует датировкам многих находок на Ближнем Востоке [Piggott, 1983, p. 36-39; 54-64].

В.А. Сафронов сформулировал концепцию о происхождении колесного транспорта в индоевропейской среде, где-то в Восточной или Центральной Европе, независимо от влияния ближневосточных цивилизаций [Сафронов, 1989, с. 155-179].

А. Хойслер в своей сводке приводит перечень находок из европейской части Евразии и обосновывает независимое происхождение как западноевропейских находок, так и повозок из Предкавказья и Причерноморских степей. Распространение повозок в указанных регионах связывается с древнейшей культурой (культурой окрашенных костяков) [Hausler, 1981, s. 581-647].

Новые материалы и исследования представлены работами, опубликованными в специализированных сборниках о современных проблемах изучения древнего колесного транспорта [Fansa, 2004, s. 9-13; Burmeister, 2004, s. 13-40; Crouwel, 2004, s. 69-86; и другие]. ■

Древний Ближний и Средний Восток

Регион, ограниченный на западе Двуречьем, на востоке – бассейном Инда, на севере – среднеазиатскими государствами, а на юге – северо-восточным побережьем Аравийского полуострова, культурно-историческая ситуация в котором представляется как «некий вполне определенный континуум повторяющихся структур» [Ламберг-Карловски, 1990, с. 3-21].

В литературе о колесных повозках имеются два объяснения их происхождения: от саней происходит 4-колесная повозка, а от волокуши – 2-колесная. Стремление к облегчению процесса перемещения грузов – побуждающая причина эволюции. Подкладывание под платформу с грузом круглых бревен – первый шаг к колесной повозке. Следующий этап – фиксация этих двух бревен под платформой. Такое развитие представляется более естественным, чем желание подкладывать бревна под нижние концы волокуши. Двухколесная повозка развивалась как облегченный вариант тяжелой двухосной телеги [Littauer, Crouwel, 1979, p. 8-12].

Самые древние свидетельства применения катков в сочетании с санями присутствуют на пиктограммах из Урука. И только в первой половине 2-го тысячелетия до н.э. появляются «А»-образные повозки из Закавказья, которые могут быть соотнесены с волокушей [Piggott, 1968a, p. 289, Littauer, 1977, p. 260] (рис. 3:1-2).

О том, что в древнем Шумере проводились разнообразные эксперименты, целью которых было стремление ис-

пользовать тягловую силу животных, свидетельствует оттиск цилиндрической печати из Южной Месопотамии, датированный серединой 4 тысячелетия до н.э. (рис. 63:1-2). В результате многолетних исследований транспортные средства на древнем Ближнем Востоке оказались изученными лучше [Littauer, Crouwel, 1979, с учетом критики этой книги: Jacobs, 1984/85, s. 153-158].

Типология древних колесных повозок зависит от вида используемых упряжных животных и основана на эволюции основных элементов конструкции: колеса, системы передачи тяглового усилия, кузова [Littauer, Crouwel, 1979; Piggott, 1983].

Древнейшие колеса были одночастными, небольшого размера, так как делались из поперечного спиля бревна. Позже появляются составные дисковые колеса, собранные из двух или трех досок, соединенных вместе специальными креплениями или шпонками. Следующий этап связан с попытками облегчить тяжелое дисковое колесо за счет пазов и использования поперечных планок (кроссбаровое колесо). Завершается этот эволюционный ряд изобретением колеса со спицами, которое также усовершенствовалось во времени путем использования различных ободьев и шин из металла или сыромятной кожи.

В древности широко применялся дышлообразный способ запряжки животных, который имел несколько вариантов. Оглобли в сочетании с хомутом зафиксированы в Ханьском Китае (3 в до н.э.) [Littauer, Crouwel, 1979, p. 8-9; Noetts, 1931, p. 83-109; Needham, 1965, p. 247; Piggott 1968a, p. 267]. В последнее время появились новые данные, свидетельствующие о более раннем времени этого изобретения в Средней Азии [Кирчо, 2009; Сарианди, 2010. Приложение 3.].

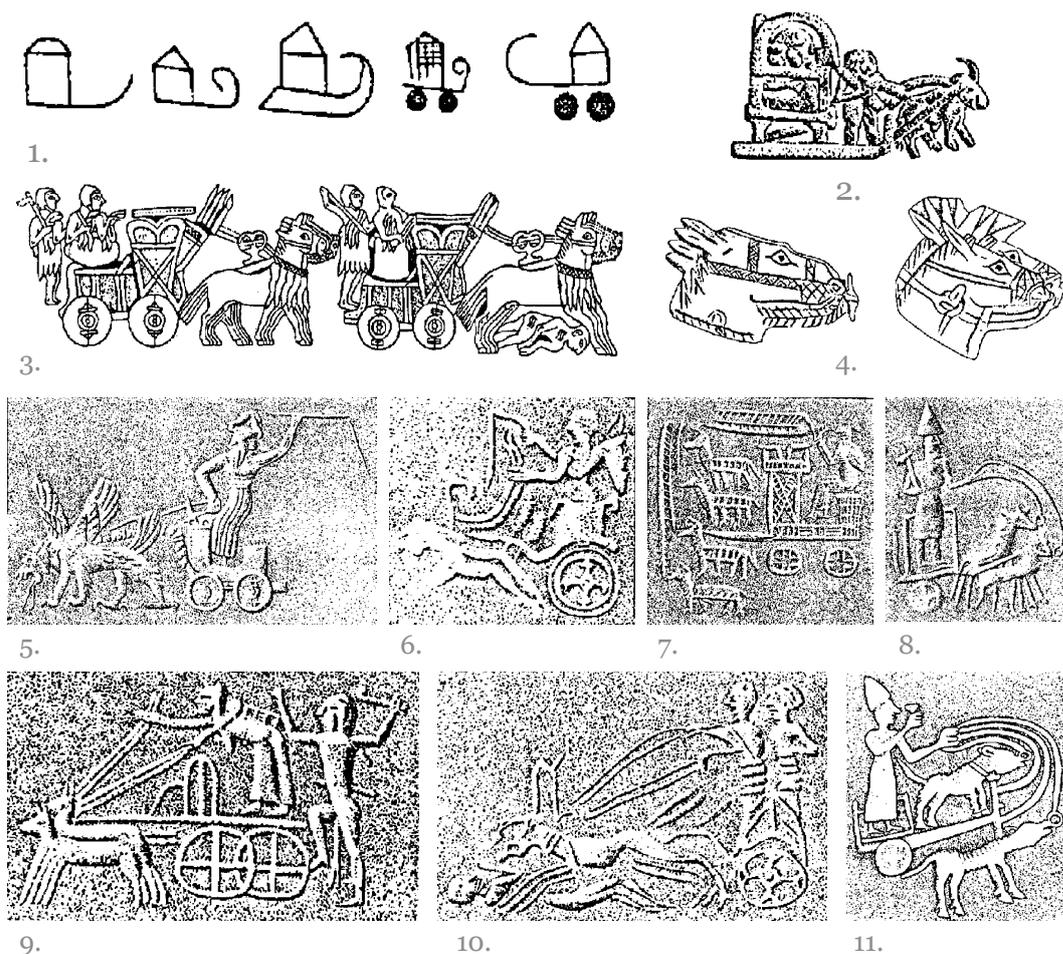

Рис. 63. Ближний Восток. 1 – Урук IVa, пиктограммы на глиняных табличках; 2 – каменная плитка, Лондон, Британский музей, N 128858; 3 – деталь «Штандарта из Ура», Лондон, Британский музей, N 121201; 4 – Мари, деталь панно, Париж, Лувр; 5 – деталь цилиндрической печати, Нью-Йорк, Музей Метрополитен, коллекция Моргана N 230; 6 – деталь цилиндрической печати, Оксфорд, Музей Ашмолиан N1920.25; 7 – деталь отпечатка цилиндрической печати, Париж, Лувр, коллекция Клера, N 284; 8 – деталь отпечатка цилиндрической печати, Нью-Йорк, Музей Метрополитен, N66.245.17в; 9 – деталь цилиндрической печати, Париж, Национальная библиотека, N 480; 10 – деталь цилиндрической печати, Йель, Вавилонская коллекция Невила, N 343; 11 – Карум II, Культепе, деталь отпечатка цилиндрической печати. [Littauer, Crouwel, 1979, p. 8-21]

Ярма, посредством которых дышло прикреплялось к упряжным животным, также изменились: от массивных поперечных перекладин-ярем, используемых в бычьих упряжках, до ярем-рогатов с шейными ремнями для каждого животного и появления плечевых ярем. [Spruytte, 1983, p. 9-20].

Если прогресс в развитии конструкции тяжелых четырехколесных экипажей свелся, в основном, к изобретению передней поворотной оси и использованию более легких типов колеса при различных формах кузова, то одноосные повозки развиваются в легкие, маневренные экипажи – боевые колесницы,

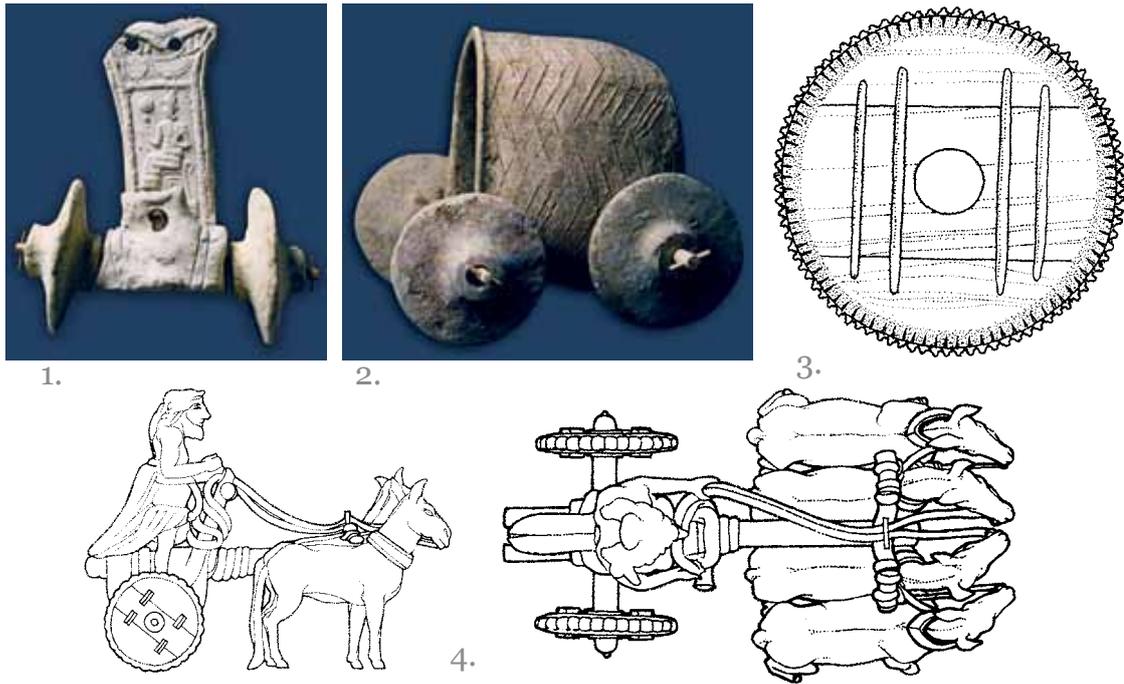

Рис. 64. Ближний Восток. 1 – терракотовая модель повозки с восседающим божеством (foto Musee du Louvre); 2 – терракотовая модель фургона, Сирия (foto Allard Pierson Museum, Amsterdam); 3 – колесо из Суз; 4 – модель из Тель Аграба [Littauer, Crouwel, 1979 б fig. 5, 7].

представляющие собой совокупность передовых достижений древних цивилизаций. Совершенствуется система управления животными: появляются новые типы псалиев и удил, разрабатываются новые технологии для изготовления прочных и надежных частей повозок.

Важное значение в изучении истории древних колесных экипажей имеет приоритетное их использование по сравнению с верховой лошастью. Как отмечают М. Литтауэр и Дж. Крауэл, на Ближнем Востоке верховая езда появилась одновременно или несколько позже изобретения колесных повозок. Но использование всадников, как регулярной военной силы, долго сдерживалось стадным инстинктом лошадей, которые не могли применяться по-одиночке. Кроме того, лошади еще не имели подков, и копыта их стирались значительно быстрее, чем у ослов и других эквидов.

Эквиды здесь использовались в караванах для перевозки вьюков и под седлом, расположенным на крупе животного (ослиное седло) [Littauer, Crouwel, 1979, р. 10-13]. В южной части Месопотамии в слое IVa Урука, датированном по радиоуглероду 3200 – 3100 г.г. до н.э., обнаружены глиняные таблички с изображениями крытых повозок на 4-х колесах или же с катками. На одной из повозок показаны носилки с восседающим на них человеком. Упряжные животные – быки. Система тяги – центральное дышло. Управление животными – посредством веревки, конец которой привязан к носовому кольцу (позднее так управлялись и эквиды).

Шумер: повозки обнаружены в Кише, могильник «У», могилы 237, 357, 529, и в Уре, в царском некрополе, могилах 580, 789, 800. Исследователи этих комплексов отмечали высокий уровень

мастерства изготовителей повозок, что подразумевает наличие устойчивых приемов обработки дерева, металлов и определенных технологических навыков. Реконструкция одной повозки с изогнутыми прутьями над платформой и высоким передком позволяет предположить установку в могиле фургона [Woolley, 1934; Кожин, 1982, с. 48-52].

Элам: могилы с повозками N 280, 322 в могильнике Донжон в Сузах содержали совместно с остатками повозок фрагменты керамики с изображением крытой телеги, запряженной быком.

Остатки шумерских и эламских повозок в сочетании с синхронными изобразительными материалами позволили выделить древнейшие виды повозок, которые применялись здесь в первой четверти 3-го тысячелетия до н.э. Отмечу генетическую связь изображений на глиняных табличках из Урука IVa: крытой волокуши – подвижного дома на катках – и фургонов, представленных в этих погребениях. Последние целесообразно рассматривать как крытый вариант «боевой» телеги, нашедший свое продолжение в значительной по количеству серии игрушек-моделей из глины.

Датировка большей части эламских могил с повозками определена в пределах Раннединастического периода (РД IIIa), что соответствует по «средней» хронологии 2723-2600 гг. до н.э., по «короткой» – 2500-2400 гг. до н.э. Могилы в Кише, так же, как модели фургонов и двуколок из Тель Хуейры и Аладжа-Хююка в Анатолии, датируются РД II периодом [Littauer, Crouwel, 1979, p. 16], что еще больше удревяняет возраст выделенных типов повозок.

Южная Туркмения, Иран: в слоях конца 4 – начала 3 тысячелетия до н.э. древнеземледельческого поселения энеолита и бронзы Алтын-депе на юго-восто-

Рис. 65. Анатолия. Бронзовая модель из Алакахююк (Alacahuyuk) [Burmeister, 2004, s. 18, abb. 4].

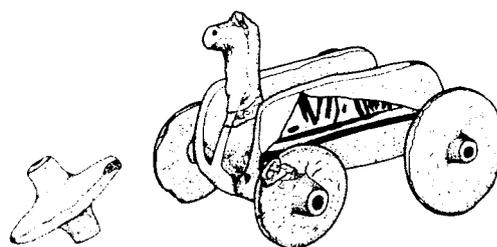

Рис. 66. Туран. Анау Тепе. Модель с протомой верблюда и колесо от модели [Kenoyer, 2004, s. 93, abb. 5].

ке Туркменистана встречаются глиняные (с деревянными осями) и терракотовые модели одноосных двухколесных повозок с центральным дышлом, запряженные парой быков. Во второй половине 3 тыс. до н.э., появляются модели четырехколесных телег с высокими бортами и двумя оглоблями, изредка – в верблюжьей упряжке [Кирчо, 2009, с. 25-33]. В Гонуртепе найдены похожие телеги с бронзовыми шинами и оглоблями в могилах [Сарианиди, 2010, см. Приложение 3]

Таким образом, способ передачи тяги с помощью оглобель здесь появляется очень рано. Возможно, дальнейшие исследования этих артефактов позволят уточнить предложенные датировки. Модели повозок из Алтын-тепе демонстрируют различные варианты форм кузовов и их бортов, крытых конструкций над ними, а также способ неподвижного крепления осей для вращающихся сплошных дисковидных колес.

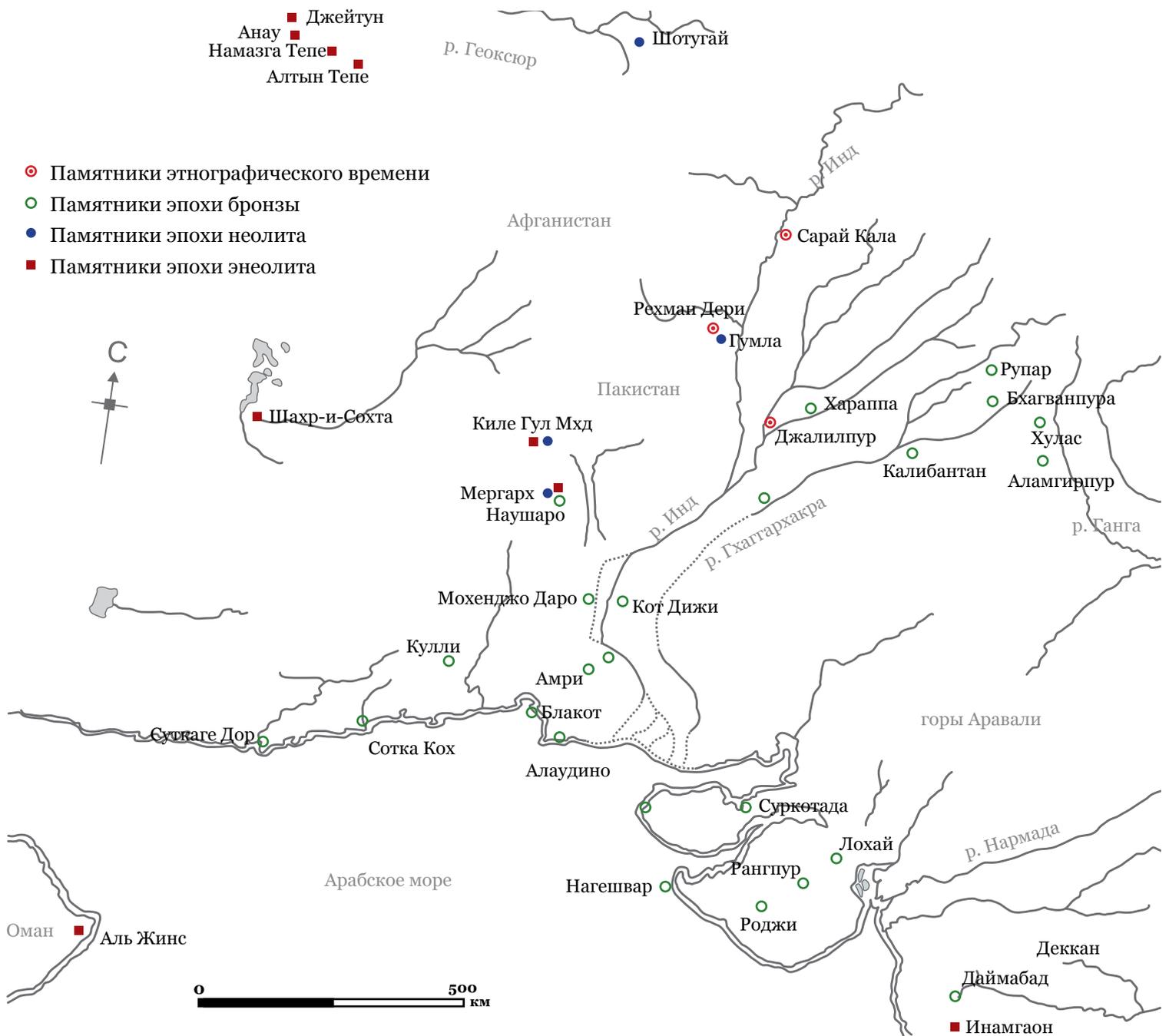

Рис. 67. Харашпа и Туран. Карта памятников [Kenoyer, 2004, s. 88, abb. 1].

На Среднем Востоке более ранние образцы моделей с двухсторонними втулками, датируемые началом 4 тысячелетия до н.э., происходят из раннеземледельческого поселения Сиалк в Иране. Известны модели колес из Шах-тепе, Намазга III и модель повозки с протомой упряжного животного – верблюда (Анау III, рис. 66), а также отпечатки цилиндрических печатей

[Кузьмина, 1980, с. 11-35]. Памятники датируются РД I периодом [Сафронов, 1989, с. 164].

Харатская цивилизация: обнаружены главным образом двухколесные модели повозок (рис. 67-68) со своеобразной, овальной «в профиле» платформой кузова и сохранившимися прутьями, образующими основу перекрытия этих повозок. Ко-

лесные повозки хараппской цивилизации имеют достаточно своеобразную конструкцию, отличающуюся от синхронных ближневосточных повозок [Шер 1980, с. 215].

Какой-либо эволюции транспортных средств в Хараппе не наблюдается. Не найдены здесь погребения с остатками реальных повозок в могилах. Новации в конструкциях свелись к раннему изобретению оглобельного способа упряжки (в Туране), что привело к замене двух тягло-

вых животных на одно и замене тяжелых дисковых колес – на более легкие, со спицами. В Туране стали очень рано запрягать вместо быков – верблюдов, а в Хараппе развивались повозки практически одной конструкции: на двух больших колесах со спицами – (арба) универсального грузо-пассажирского назначения, запряжённые парой быков – которые сохранились вплоть до этнографической современности в своей первоначальной форме (рис. 69).

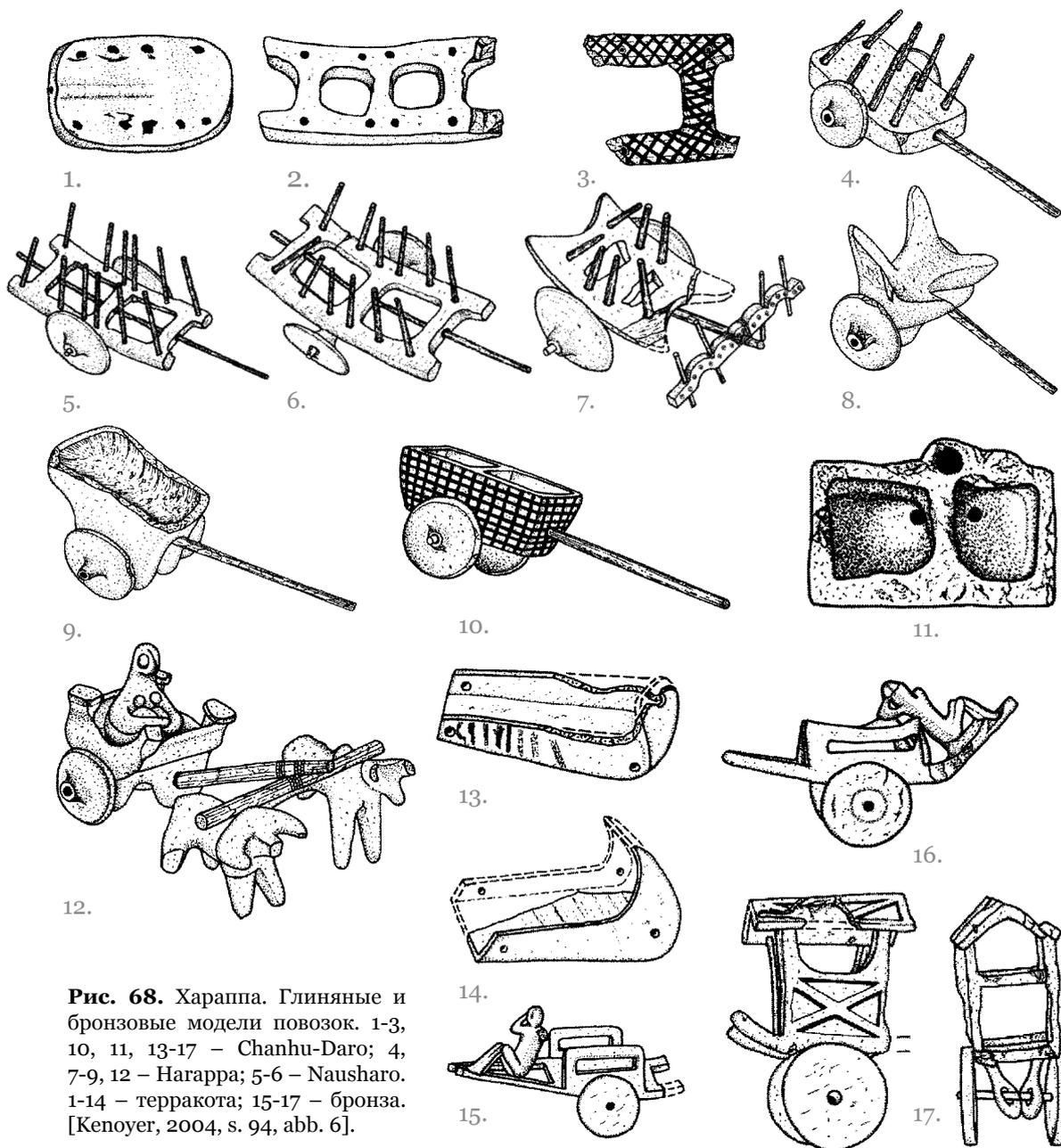

Рис. 68. Хараппа. Глиняные и бронзовые модели повозок. 1-3, 10, 11, 13-17 – Chanhu-Daro; 4, 7-9, 12 – Harappa; 5-6 – Nausharo. 1-14 – терракота; 15-17 – бронза. [Kenoyer, 2004, s. 94, abb. 6].

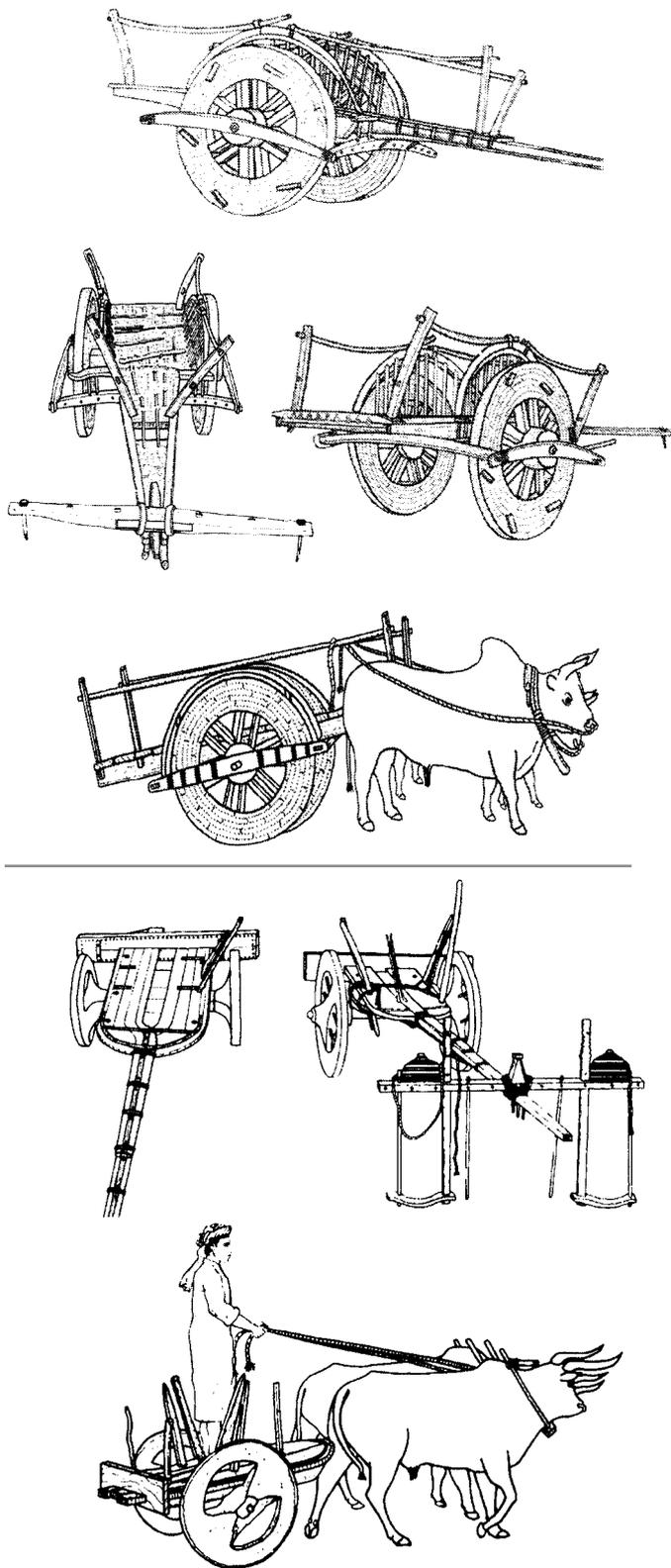

Рис. 69. Повозки из Пакистана и Индии [Kenoyer, 2004, s.100, 102, abb. 10, 14].

В начале 3-го тысячелетия до н. э. ближневосточные четырехколесные экипажи представлены типом боевых телег с высоким передком, поручнями и низкими боковыми стенками, с узким кузовом, достаточным для возничего и пассажира (рис. 63: 3, 5, 7). В это время впервые появляются двуколки двух типов – «сидячие повозки» с массивным дышлом, на котором сидел возничий (рис. 64: 4), и повозки с открытой площадкой, представляющие собой двухколесную версию боевой телеги (рис. 63: 6, 8, 11).

Особенность этих экипажей – специальное сиденье для возничих. Все типы повозок имели составные трехчастные дисковые колеса, которые вращались на неподвижных осях. Дышло – изогнутое или прямое. Впервые в качестве упряжных животных используются эквиды – азиатские «полуослы» (*Equus hemionus*) и ослы (*Equus asinus*), очень редко – лошади (*Equus caballus*). Упряжка, как правило, состояла из 4-х животных: двух тягловых и двух пристяжных (рис. 64:4).

Боевые двухосные повозки применялись как передвижные платформы, с которых метали дротики и копья под прикрытием высокого передка. Эти повозки могли разворачиваться только по большой дуге, пока их передние оси не стали подвижными в горизонтальной плоскости. Использование двуколок в военном деле не зафиксировано. Они могли применяться как транспорт для связи и охоты.

К концу 3-го тысячелетия до н.э. все типы повозок совершенствуются. На колесах появляется металлический обод. Впервые используется колесо с поперечными планками. Дышла – преимущественно арочного типа. Зафиксировано применение всех типов повозок в культовых целях [Littauer, Crouwel, 1979]. ■

Закавказье

Население этого обширного региона осваивало районы Причерноморья, Прикаспия, Приазовья и находилось в постоянном контакте с земледельческими цивилизациями Месопотамии и Передней Азии, что подтверждается анализом традиционных культовых вещей в известных здесь археологических культурах [Джапаридзе, 1981, с.31-34].

Предполагается и непосредственная миграция из Передней Азии и северных районов Месопотамии отдельных групп населения, что зафиксировано по археологическим данным древностями майкопской и, возможно, куро-аракской культур [Сафронов, 1989, с. 155-179].

Модели повозок в куро-аракской культуре обнаружены в северо-восточной Армении, на поселении Арич [Хачатрян, 1975], и датированы второй половиной 3 тысячелетия до н.э. Чернолощеная керамика этой культуры с красной внутренней поверхностью и канеллюрами аналогична найденной в Сирии и в Палестине (Хирбет-Керак и др.). Захоронения совершались как в ямах, так и каменных ящиках, в скорченном положении на боку. К финальной фазе этой культуры относятся и могилы с повозками в курганах Бедени [Гобеджишвили, 1980]. Найденны остатки четырехколесной повозки в кургане 10. Сохранилась декорированная деревянная деталь кузова с резным геометрическим орнаментом [Кожин, 1982, с. 53]. Эта находка позволяет определить повозку как фургон, аналогичный найденным в более позднее время в Триалетских курганах, и очень похожий на найденный в Кише. Беденские могилы с повозками датированы второй половиной 3 тысячелетия до н.э.

Остатки фургона открыты в Предкавказье, в могильнике Павлоград, курган 4, могила 18 [Сафронов, 1989, с.175-176, рис. 49-4,6]. Судя по опубликованному плану, останки погребенного находились внутри повозки. Керамический комплекс из 10 сосудов и сама могила отнесены к древностям майкопской культуры, которые датируются концом 4 – началом 3 тысячелетия до н.э. [Андреева, 1977,1979] или 24 – 23 вв до н.э. [Сафронов, 1989,с. 176].

В могильнике Триалети обнаружены остатки четырехколесных повозок: в курганах XXIX, XVIII, XLVI [Куфтин, 1941]. Затем работы на памятнике были продолжены, и в кургане 5 найдена еще одна повозка [Джапаридзе, 1969]. Детали кузова телеги из кургана XXIX не сохранились. Размеры кузова повозки из кургана 5 – 1.7 x 1 м [Piggott, 1983, p. 68].

В передней части платформы изготовлено специальное сидение-помост для возничего, высотой 25 см, на продольных брусках кузова имеется по 12 отверстий для крепления стоек перекрытия. О том, что в могилу был поставлен фургон, свидетельствуют план и разрез кургана (рис. 70). Остатков дышла и ярма не обнаружено. Передняя ось не разворачивалась в горизонтальной плоскости. Для разворота этой повозки, судя по реконструкциям, потребовалось бы 20-30 м.

На одном из кубков, обнаруженных в Триалети, запечатлена сцена, где присутствуют антропоморфные существа в масках и с «хвостами» [Куфтин, 1941. с. 75]. Набор украшений и культовые предметы из этих могил по многочисленным аналогиям на древнем Ближнем Востоке датированы рубежом 3-2 тысячелетий до н.э. [Burney, Lang, 1971, p. 95; Maxwell-Hyslop, 1971, p. 74-76]. Имеется радиоуглеродная калиброванная дата – 1730 г. до н.э. [Burchuladze at al., 1976, p. 355-361; Piggott, 1983, p. 70].

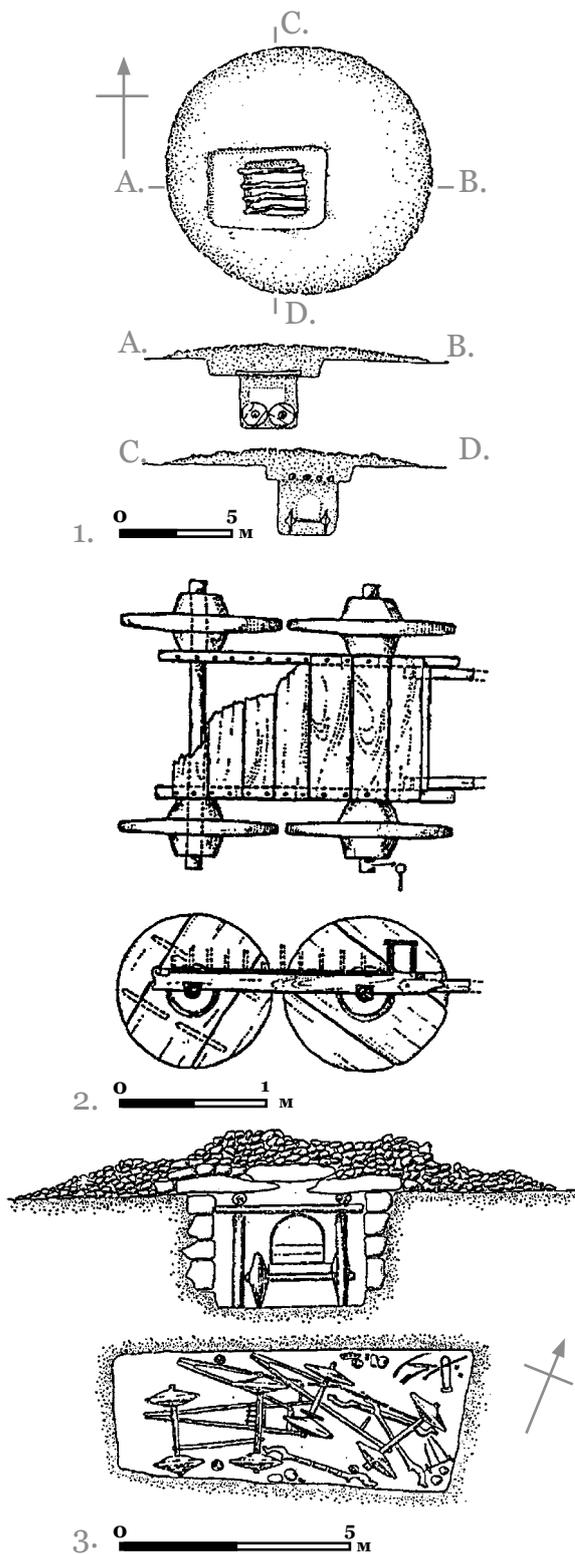

Рис. 70. Кавказ. Могилы с повозками. 1 – могильник Триалети (Грузия), курган 5, план и разрезы; 2 – повозка из кургана 5, могильника Триалети; 3 – могильник Лчашен (Армения), курган 2, план и разрезы могильной ямы с повозками. [Piggott, 1983, fig. 28;31-32].

Сходные типы телег – видимо, синхронные по времени, найдены и в других могильниках Триалетского плато. В могильнике Зуртакеты, в кургане 5, в могилу установлен фургон, перед которым лежало ярмо. Втулки этой повозки, выполненные из дуба, сильно расточены от длительного употребления [Кожин, 1982, с.52]. Остатки повозок найдены и в Утамышских курганах [Котович и др., 1980, с. 46-47].

В 3 тысячелетии до н.э. в Закавказье и сопредельных предгорных и степных регионах представлены находки моделей повозок и остатков фургонов – крытых телег. Зафиксирована традиция декорирования стенок фургонов, которая ярко представлена в находках последующих периодов.

Повозки из Лчашенских курганов описывались неоднократно [Мнацаканян, 1957, с. 146-153; 1961, с. 139-152; Румянцев, 1961, с. 236-242; Есаян, 1966; Кожин, 1982; Piggott, 1983; Hancar, 1955, s. 173; Burney, Lang, 1971, p. 104-107]. Курганы представляют собой каменную насыпь, под которой имеется большая могильная яма-циста, облицованная каменными блоками и перекрытая сверху крупными плитами. Иногда в одну могилу устанавливалось сразу несколько повозок. Так, в кургане 2 обнаружены: фургон, две двуколки и модель повозки (рис. 71). В могилах, кроме повозок, обнаружены коллективные захоронения людей до 30 человек, кости крупного рогатого скота и лошади, керамика, бронзовые предметы и украшения.

Остатки фургонов представлены в этих могилах следующим образом: курган 1 – сохранились детали перекрытия фургона. Дышло «А»-образной формы и ярмо положены на дно могилы отдельно от повозки. Рядом находились черепа двух быков и человека; курганы

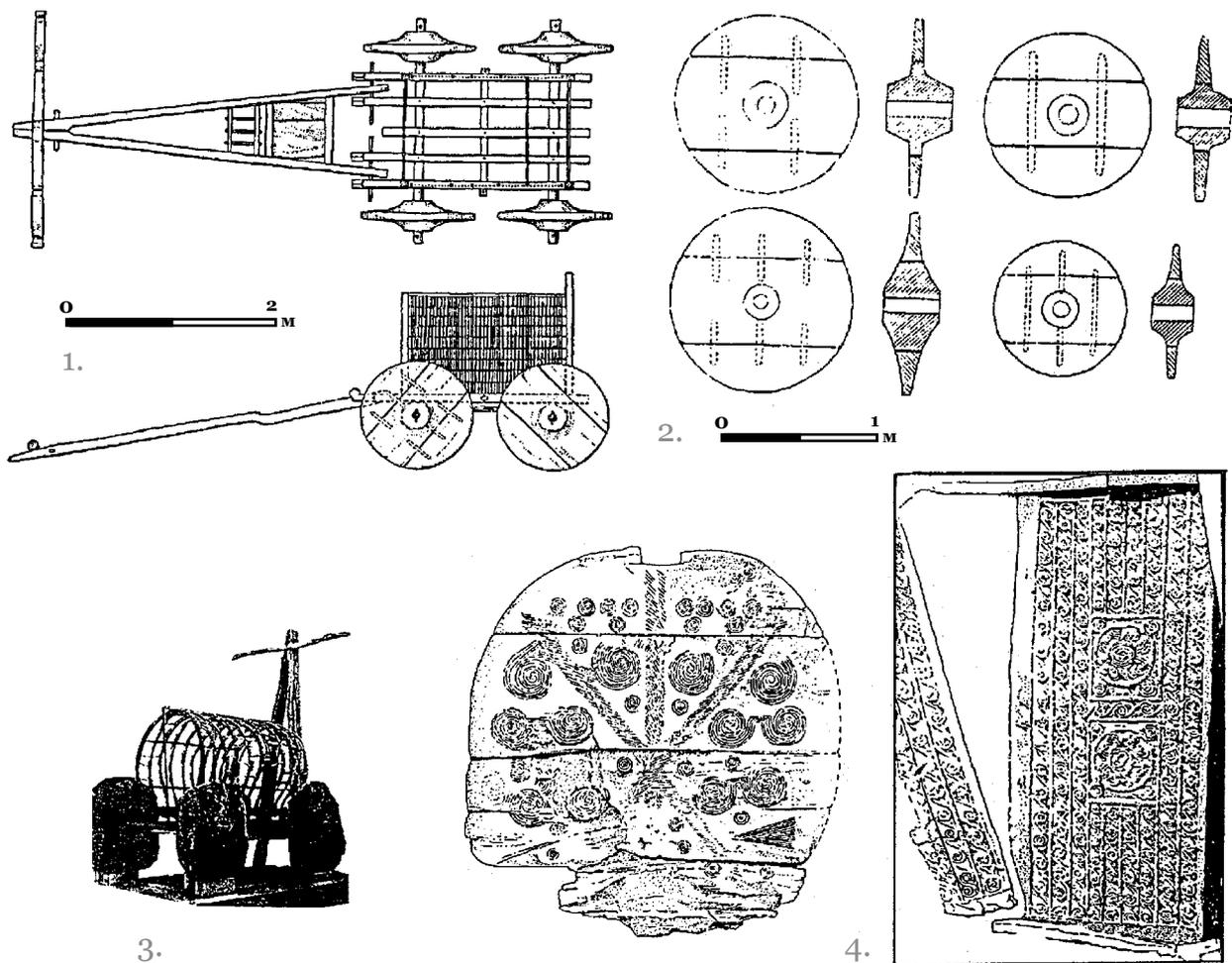

Рис. 71. Армения. Могильник Лчашен. 1 – повозка из кургана 11; 2 – типы трехчастных колес из могильников Лчашен и Триалети; 3 – фургон из кургана 2; 4 – орнаментированные детали фургонов из кургана 9. [Piggott, 1983, fig. 33-34;36;38].

2-3 – представлены части фургонов, «А»-образное дышло; курганы 9-10 – найдены два хорошо сохранившихся фургона, перекрытие одного из них состоит из аркообразных прутьев, укрепленных в отверстиях боковых перекладин рамы. Эта конструкция сверху покрывалась войлоком или циновками. Передняя стенка фургона из кургана 9 украшена резным спиральным орнаментом (рис. 71:4); курган 11 – обнаружена открытая телега с высокими решетчатыми боковыми бортами и задней панелью, округлой сверху и орнаментированной резным геометрическим узором.

Эти находки фургонов типологически близки триалетским, а также повозке в кургане 17 могильника Нижний Адиаман [Лалаян, 1931]; здесь найдена деревянная деталь конструкции фургона, богато украшенная концентрическим, круговым, спиральным и прямолинейным резным орнаментом. Судя по этим находкам, древняя традиция украшения стенок фургона находит дальнейшее развитие. Орнаменты передних и задних стенок фургонов, за исключением изображений оленей на передке повозки из кургана 10, резко отличаются от орнаментального стиля, который известен

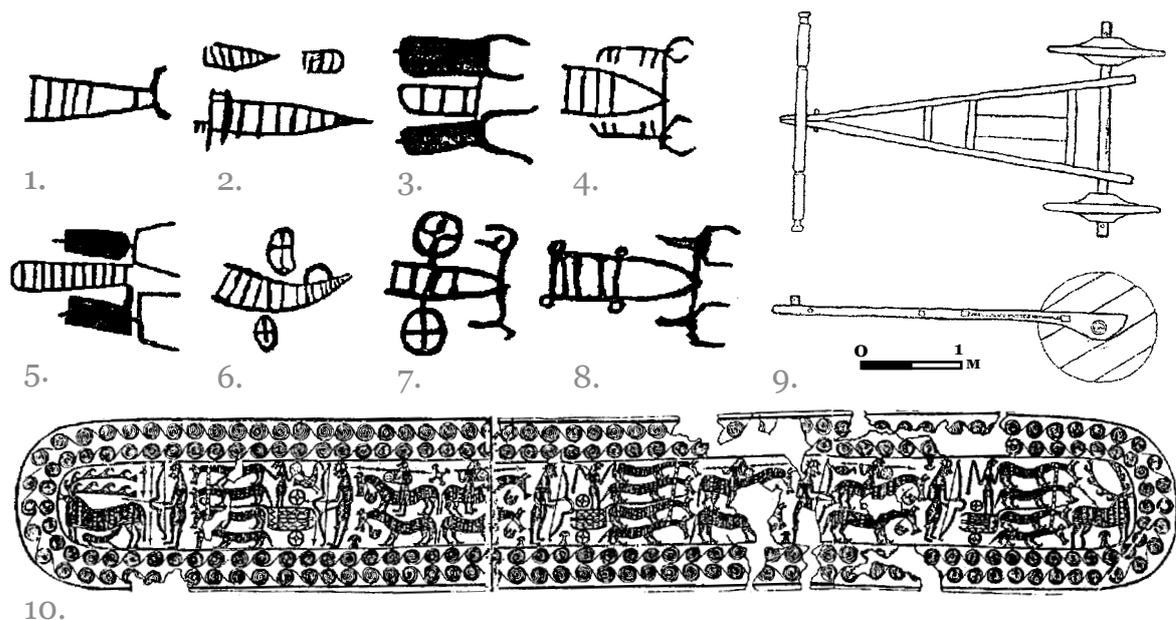

Рис. 72. Кавказ. Повозки. 1, 4, 7, 8 – петроглифы Сюника, Армения; 2, 6 – волкуши, Пенальсордо, Испания; 3, 5 – Фонтанальба, Испания; 9 – «А»-образная двуколка из могильника Лчашен, кургана 2, Армения; 10 – пояс из Астхи-блур, Армения (8-9 вв до н.э.). [Piggott, 1983, fig.37].

по металлическим изделиям и основной массе керамики из лчашенских могил [Кожин, 1982, с. 57].

Дисковые колеса этих фургонов – трехчастные с внутренним шпоночным соединением двух видов и диаметром от 0.60 м до 1.7 м, (рис. 71:2) – крепились на неподвижных осях и фиксировались на их концах чеками. Основу кузова составляли два продольных бруска, закрепленных на осях. Дышла треугольной, «А»-образной, формы имели длину до 3.6 м и, возможно, крепились подвижно к раме кузова, что позволяло передвигать его в вертикальной плоскости. Поперечные перекладки дышла-ярма представляют собой деревянные бруски с небольшими изгибами на концах и отличаются от предшествующих массивных ярм, которые состояли из двух параллельных брусков и известны в материалах новотиторовской культуры.

Предполагается, что эти облегченные ярма крепились непосредственно к рогам упряжных быков [Piggott, 1983, p. 75]. Трудно определить и способ управления упряжными быками. Скорее всего, это носовое кольцо или примитивный недоуздок, если судить по ранним ближневосточным находкам и изображениям таких повозок в Гегамских горах (Сюник, Ухтасар; рис. 72:1,4,7,8).

Двуколки с дышлами «А»-образной формы представлены в двух экземплярах в кургане 2, совместно с фургоном и моделью двуколки длиной 75 см; в кургане 6 – кузов двуколки сохранился фрагментарно в виде четырех параллельных брусков, соединенных между собой. Сверху лежали останки погребенного.

В курганах 8 и 10 найдены отдельные детали «А»-образных двуколок, совместно с останками погребенного на повозке, фургоном (курган 10), парными черепами быков и лошадей. В конструкции дву-

колок имеется ряд особенностей: колеса сделаны из 5-6 соединенных между собой толстых досок, ось длиной до 2.35 м, колесная база – 1.7 м, общая длина – 3.5 м. В основании треугольного дышла перед осью встроены поперечные планки, которые и образуют кузов этой повозки (рис. 72:9).

В кургане 11 совместно с фургоном обнаружена колесница, в колесах которой содержится по 28 спиц, кузов закреплен на прямом дышле, имеет прямоугольную форму и собран из трех прямоугольных рам. Колеса состоят из отдельно изготовленной ступицы, обода и спиц, которые собирались в единый узел и скреплялись сверху шиной – сыромятной кожей (рис. 109:2).

Комплекс вещей из севанских могильников по многочисленным аналогиям датирован двумя периодами: 14-13 вв. до н.э. и 13-11 вв. до н.э. [Piggott, 1983, p. 77-78; Burney, Lang, 1971, p. 104-107; Maxwell-Hyslop, 1971, p. 190-192]. Имеется одна радиоуглеродная дата остатков повозки – 1200+/-100 г. до н.э. [Cherdyntsev et al., 1968, p. 423], калибровка которой составляет 1500 г. до н.э. Такое расхождение в датировках объясняется долговременным существованием этого могильника, а сходство триалетских и лчашенских фургонов позволяет предполагать более древнюю дату последних, в пределах середины 2 тысячелетия до н.э.

Таким образом, в конце 3 – первой половине 2 тысячелетий до н.э. в этом регионе активно развиваются несколько типов колесных повозок:

- четырехколесные массивные, крытые телеги-фургоны, запряженные парой быков. Усовершенствуется конструкции ярма треугольной, «А»-образной формы и способы его крепления к животным. Передние стенки фургонов украшены

резными орнаментом и в одном случае – фигурой оленя. Найдены в коллективных (до 30 человек) погребениях;

- модель «А»-образной двуколки;
- колесница, найденная в более позднем кургане 11;
- двуколки «А»-образной формы.

Изображения «А»-образных телег и двуколок, выделенных ранее: тип С4Wd, подтип 4.3;4.4., известны в петроглифах Армении, в Скандинавии, в Южной Сибири и на сосуде в Индии. Тип «сочлененные телеги» в классификации наскальных изображений повозок происходит от «А»-образных двуколок. Такие петроглифы имеют также широкую географию, представлены в Скандинавии, Южной Сибири и Монголии.

План и разрез могильной ямы кургана 2 могильника Лчашен (рис. 70:3) позволяют предполагать, что помещенные здесь две «А»-образные двуколки расположены друг за другом и представляют одну такую сочлененную телегу. На это указывают также находки только двух ям в этой могиле – для фургона и для такой двуколки с прицепом. Использование такого типа телег позволяло решить важную проблему маневренности тяжелых повозок, поскольку фургоны не имели передней поворотной оси.

Применение именно такого конструктивного решения отмечается по многочисленным этнографическим параллелям. Такие повозки сохранились в Малой Азии, Средиземноморье, в ряде районов Кавказа [Гегешидзе, 1966; Кожин, 1982]. Сочлененные «А»-образные телеги применялись, например, с бычьими запряжками в северо-восточной Болгарии и в Уэльсе в этнографическое время [Marinov, 1973, s. 347-394, abb. 24, 30; Jenkins, 1973, p. 261-293, fig. 12]. ■

Степная Евразия

Повозки из степи представлены в памятниках катакомбной культуры, генетически связанной с древнеямной. Наиболее ранние экипажи относятся к III этапу новотиторовской культуры [Гей, 1991, с. 60-61, 68-69; 2000]. Памятники с повозками (рис. 73) распространены в Причерноморских степях, Предкавказье и Калмыкии [Кожин, 1982, с. 64-74].

В Элистинском могильнике, в кургане 5, могиле 9, сохранились две оси длиной по 1.7 м с колесами, расстояние между трехчастными колесами составляет 1.3 м. Остатки фургонов с аркообразным каркасом найдены в кургане 8, могилах 6, 8, 12. В могиле 6 в фургоне найдены останки женщины и ребенка. Всего на этом могильнике зафиксировано не менее четырех повозок [Синицын, Эрднеев, 1971, с. 68-71].

В Лолинском могильнике найдены остатки повозки на двух маленьких, 30-сантиметровых в диаметре колесах (курган 4, могила 4) [Синицын, Эрднеев, 1966, с. 33-43]. В находках этого могильника представлены также фургоны с арочным перекрытием в кургане 4, могилах 7 и 8. Отмечены следы украшения войлока или циновки покрытия, а у фургона из кургана 4 могилы 7 задняя деревянная стенка украшена спиральными, прямоугольниками и треугольниками, как на лчашенских повозках.

В последние годы в предгорных и степных районах Предкавказья – Прикубанье, Поднепровье, юго-западном Причерноморье и других районах – найдено значительное количество могил с остатками повозок. В настоящее время

это единственный район Евразии, где представлено такое большое число древнейших погребений этого типа [Сафронов, 1989, с. 169-177, Гей, 1991, с. 54-71]. Если в северо-западном Причерноморье известны 6 могил, в Поингулье – 3, в Поднепровье – 6, в Приазовье – 1, в Подонье – 1, то в Прикубанье сосредоточен основной массив этих памятников. [Гей, 1991, с.56-58, рис.1]. В нижнем Подунавье представлены находки моделей колес и повозок, а в северо-западном Причерноморье – находки деревянных колес в могилах (Этулия, Балабаны, Холмское, Вишневое, Богатое, Яски и др), отнесенных к древнеямной и катакомбной культурам [Гудкова, Черняков, 1981, с. 38-50].

В степных погребениях, насколько можно судить по сохранившимся деталям, выделяются два типа повозок – это двуколки (Сторожевая могила, Тягунова могила, Первоконстантиновка 1\8) и четырехколесные повозки: крытые фургоны (Павлоград 4\18) и «платформенные» телеги, на которых, как полагают исследователи этих памятников, устанавливались кибитки [Гей, 1991, с.64]. Такая повозка открыта в могильнике Останий, курган 1, могила 160 (рис. 74). Здесь на платформе имеются специальная укрепляющая крестовина и дополнительная широкая рама, покрытая украшенной узорами циновкой, которая служила основанием-полом для этого подвижного жилища. В передней части кузова оборудовано специальное возвышение – сидение для возничего.

База повозок, раскопанных в степных памятниках, уже насчитывает от 248 [Избицер, 1993] до 257 случаев находок

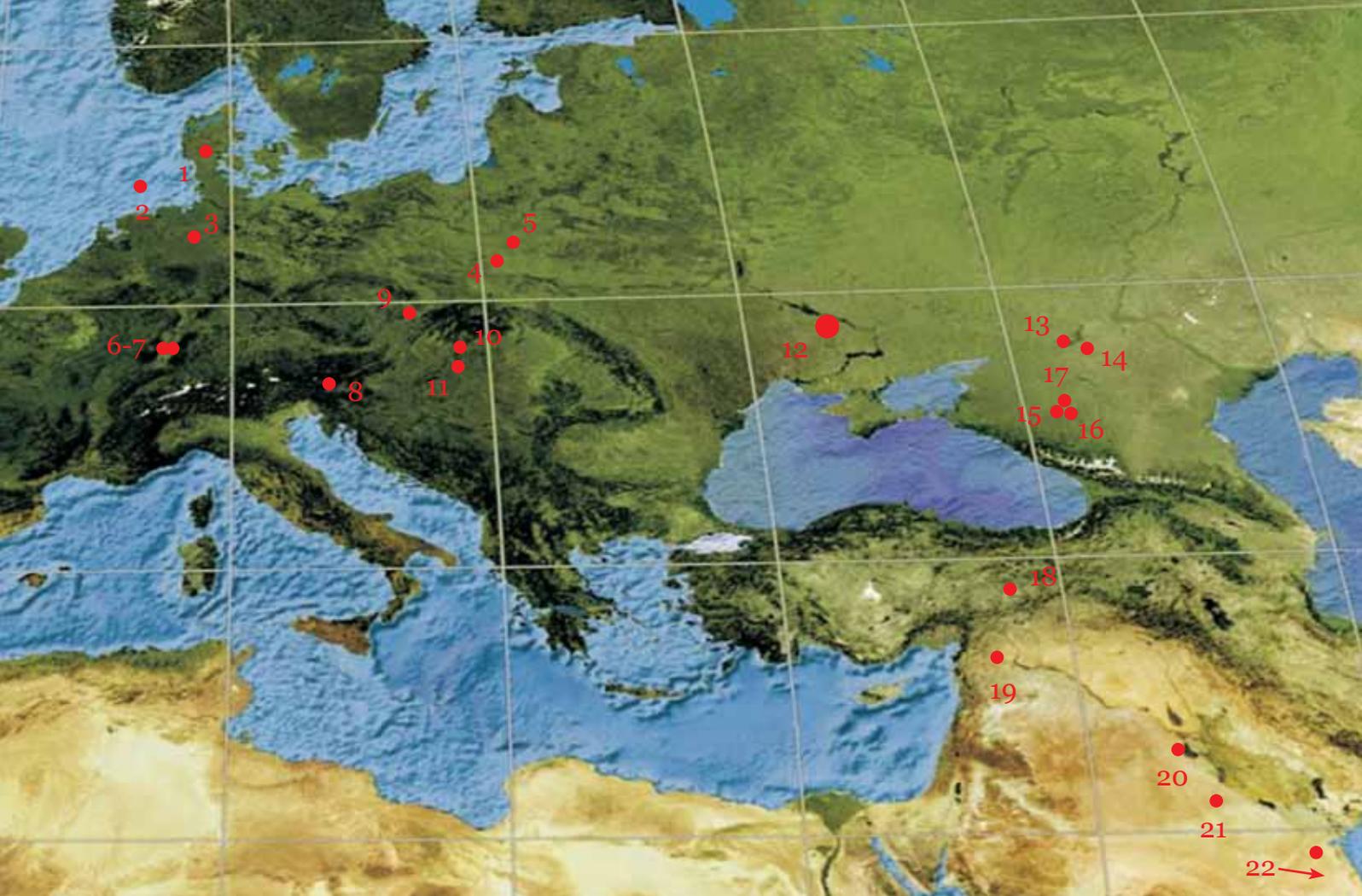

Рис. 73. Карта памятников конца 4 – 3 тысячелетий до н.э. 1 – Flintbek; 2 – Moorweg XV; 3 – Lohne-Zuschen; 4 – Bronocice; 5 – Ostrowiec; 6 – Zurich – Seerosenstrabe; 7 – Zurich – Akad; 8 – Stare gmajne; 9 – Radoshina; 10 – Budekalash; 11 – Szigetszent – marton; 12 – Tripol’e-Kukuteni; 13 – Koldyri; 14 – Konstantinovskoe; 15 – Cicho; 16 – Psekujchabl’; 17 – Starokorsunskaja; 18 – Arslan-tepe; 19 – Gebel Aruda; 20 – Tel’ al Uqer; 21 – Uruk IV; 22 – Harappa [Burmeister, 2004, s. 17, abb. 3].

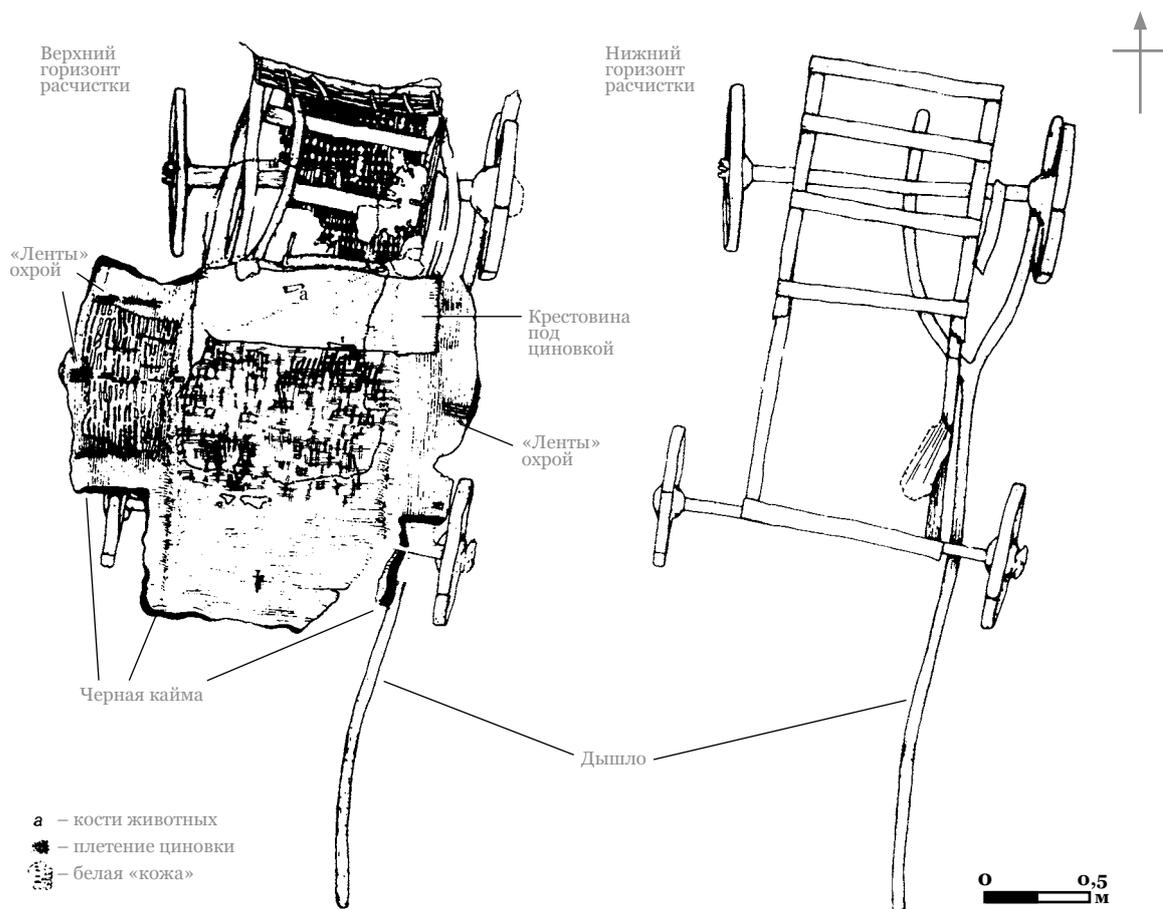
самых повозок и их деталей [Гей, 2000, с. 176], что является солидной базой для их реконструкции и изучения технических характеристик. (рис. 74-76).

Анализ всей серии повозок показывает их значительное конструктивное сходство, и прежде всего – тяжелых жилых повозок-фургонов, а все имеющиеся различия сводятся к вариациям форм дышла, ярма и диаметров колес [Избицер, 1993, с. 20-21; Гей, 2000, с.187].

А.Н.Гей относит зарождение новотиторовского обряда захоронений с повозками к нижнемихайловской-новосвободненской традиции, нашедшей свое продолжение в позднемаякопской

культуре (новосвободненский этап), в степных районах повсеместно стратиграфически предшествующей ямным и новотиторовским памятникам с датировкой концом 4 – первой четвертью 3 тыс. до н.э., и синхронизирует этот период с находкой «сырцовой гробницы» 6/16 из Новоалександровского 1 могильника в Украине [Ковалева, 1991] – одной из самых ранних на европейской части континента находкой остатков колесного транспортного средства [Гей, 2000, с.191].

При этом отмечаются устойчивые признаки генетического родства и преемственности всей свиты степных ар-

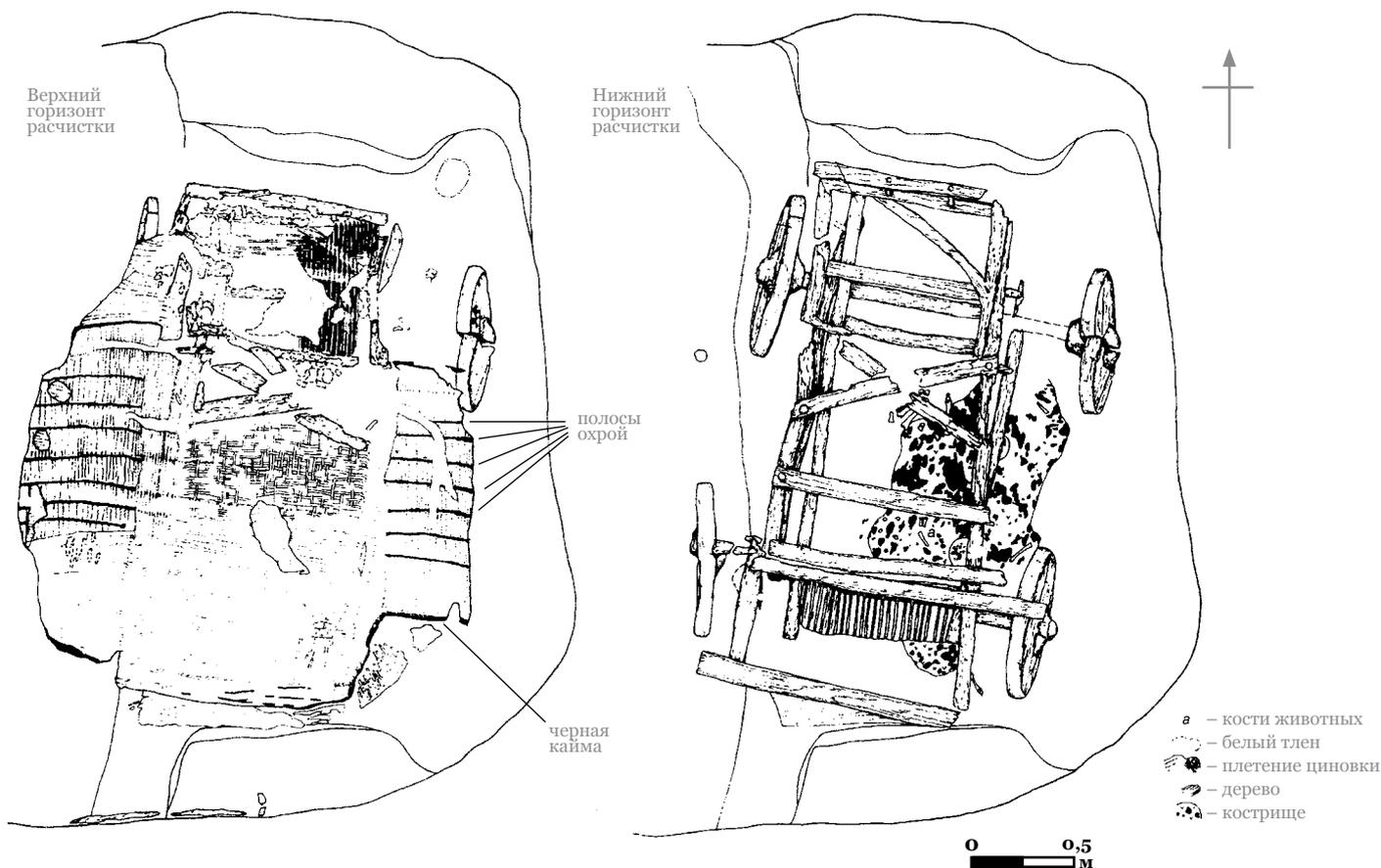

Конструкция повозки. Верхний и нижний горизонты. Могильник Останий, курган 1, погребение 150 [Гей, 2000, с. 179, рис. 53].

хеологических культур с повозками и подчеркивается принадлежность таких могильников «конкретным родовым и семейным группам, сохранившим как отдельные яркие культурные признаки, отличающие их от соседних групп, так и устную традицию, передававшуюся из поколения в поколение правила использования отдельных курганов и целых могильников». Это обстоятельство, как справедливо считает автор, «особо важно для определения культурной преемственности..... семейных и родовых групп, перешедших из одной культуры в другую или прошедших сквозь несколько культур, традиционно определявшихся как принципиально разнородные» [Гей, 2000, с. 192].

Датировка степных могил с повозками остается дискуссионной. Первые находки этого рода определялись как своеобразные древнеямные или катакомбные и датировались концом 3 – началом 2 тыс. до н.э. [Тереножкин, 1951, с. 53-54, Козенкова, 1973].

В 1980 году эти памятники выделены в «культуру с повозками и новосвободненской керамикой» и объявлены «степной филиацией новосвободненской культуры», датированной 24 – 18 вв до н.э.. Подчеркивались взаимосвязи выделенной культуры с носителями европейской культуры шаровидных амфор [Сафронов, 1980, с. 10-12; Николаева, 1980, с.20-30]. Географически новая культура охватыва-

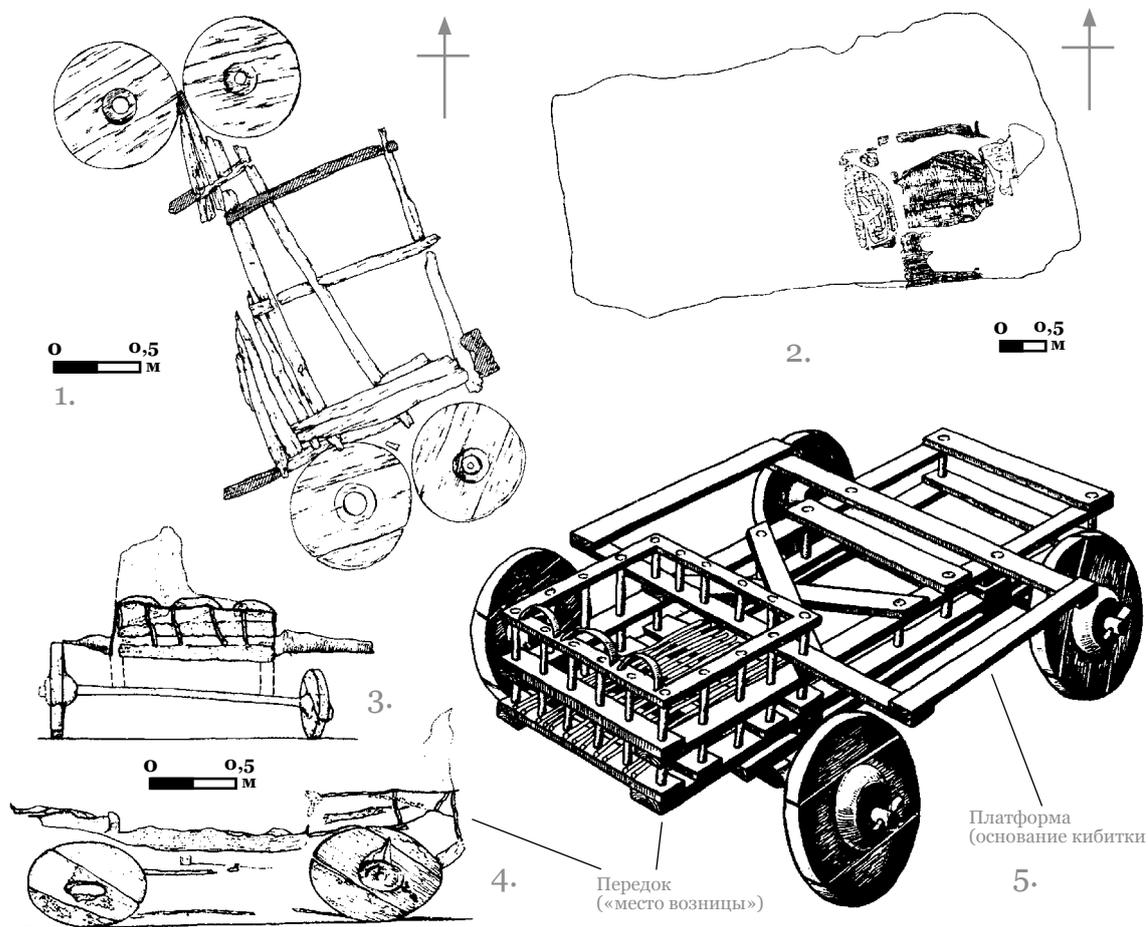
Конструкция повозки. Верхний и нижний горизонты. Могильник Останий, курган 1, погребение 160 [Гей, 2000, с. 183, рис. 54].

вала в основном могилы с повозками в степной зоне Предкавказья. Новые находки этого типа позволили расширить границы выделенной культуры, появилось и новое название «кубано-днепровская культура», изменена ее датировка: 23 – вторая половина 18 в. до н.э.

При этом древности майкопские и новосвободненские противопоставляются друг другу на основании их якобы различной этнокультурной атрибуции. Обосновывается взаимосвязь блока дольменных культур – новосвободненской, кеми-обинской, усатовской с выделяемой кубано-днепровской культурой [Николаева, Сафронов, 1983, с. 43-83, Сафронов, 1989, с.175, 205-217].

Альтернативная точка зрения [Гей, 1991, с. 54-71; 2000; Трифионов, 1982] сформулирована в концепции новотиторской культуры, которая территориально охватывает довольно компактную группу памятников с повозками у восточного побережья Азовского моря, является предкатакомбной по своей сути.

Выявленная культура органично вписывается в ареал сходных культурных образований, расположенных в южной периферии ямной культурно-исторической области. К их числу отнесены некоторые древнеямные памятники буджакской группы в Северном Причерноморье, старосельская группа в Нижнем Поднепровье [Шилов, 1982], часть па-

Реконструкция новотиторовской повозки, выполненная по находкам из могил 150 и 160 кургана 1 могильника Останий. [Гей, 1991, рис. 3, 6; Гей, 2000, с. 185, рис. 55]. 1 – могильник Лебеди I 2/116, нижний горизонт расчистки повозки; 2 – Малаи I 9/25, верхний горизонт расчистки повозки; 3 – Останий 1/150, вид с севера или спереди на повозку 1; 4 – то же, вид с востока; 5 – реконструкция повозки (без циновки-настила и кибитки).

мятников степного и предгорного Крыма, отнесенных к кеми-обинской культуре [Щепинский, Черепанова, 1969].

Все перечисленные группы датированы второй половиной 3-го тысячелетия до н.э.

На рубеже 3 и 2 тыс. до н.э. дериваты новотиторовской культуры появляются восточнее – архаринский горизонт (мог. Три брата, Архара, рис. 77) в памятниках Калмыкии [Шилов, 1982]. Отмечаются взаимосвязи новотиторовской и беденской культур в Грузии. «Ядро» этих сходных групп – новотиторовская культура – датируется 27-22 вв до н.э., что подтверждено радиоуглеродными датами.

Основное различие двух концепций степной культуры с повозками, кроме названия, – в определении нижней границы датировки, связанной с пониманием авторами хронологической позиции майкопских древностей, которые в свою очередь становятся ключевыми в этом вопросе.

По-разному представляется авторам и генезис этой культуры: в первом случае – миграция из восточной Европы ее носителей и соответственное противопоставление степных памятников древнеямным и майкопским, и во втором – напротив: местное развитие в рамках древнеямной культурно-исторической

области (в понимании Н.Я. Мерперта) при несомненном влиянии майкопско-новосвободненского компонента.

Объединяет две концепции стратиграфическое положение этих памятников. Самые ранние – петропавловской группы – сменяют в Закубанье новосвободненские и, видимо, какой-то период сосуществуют с раннеямными, новосвободненскими и майкопскими. На следующем этапе памятники новотиторовской культуры всегда находятся выше новосвободненских и древнеямных. Погребения последнего этапа предшествуют древнейшим захоронениям приазовской катакомбной культуры (памятники пред-донецкого типа) [Гей, 1991, с.66-67, ср. Сафронов 1989, с.211-213].

Известны погребения с повозками и в других степных регионах: в Ставропольском крае у с. Веселая Роща, в курганах 7, 10, 15, 16, диаметром от 50 до 56 м и высотой до 2.8 м обнаружены повозки, которые оказались во впускных, катакомбных могилах – при том, что основные могилы были древнеямные. Обнаружены остатки 6 повозок. В курганах 15 и 7, могилах 7 и 9 повозки стояли у входа в катакомбы. Колеса трехчастные или многочастные, со шпоночным соединением, имели диаметр 55-62 см. Кузов представлял собой прямоугольную раму размерами от 85 x 125 см до 110 x 145 см. Иногда рама скреплялась крестовиной, как на новотиторовских повозках II этапа. Отмечены деревянные штырьки от каркаса кузова – возможно, арочного типа. Днище повозки устлано камышом – видимо, это остатки циновки-перекрытия. Все повозки сделаны из тополя, осины, вяза и ясеня.

Зафиксирован и другой тип могил, когда колеса сняты с осей и уложены по углам рамы (рис. 78). Могилы с по-

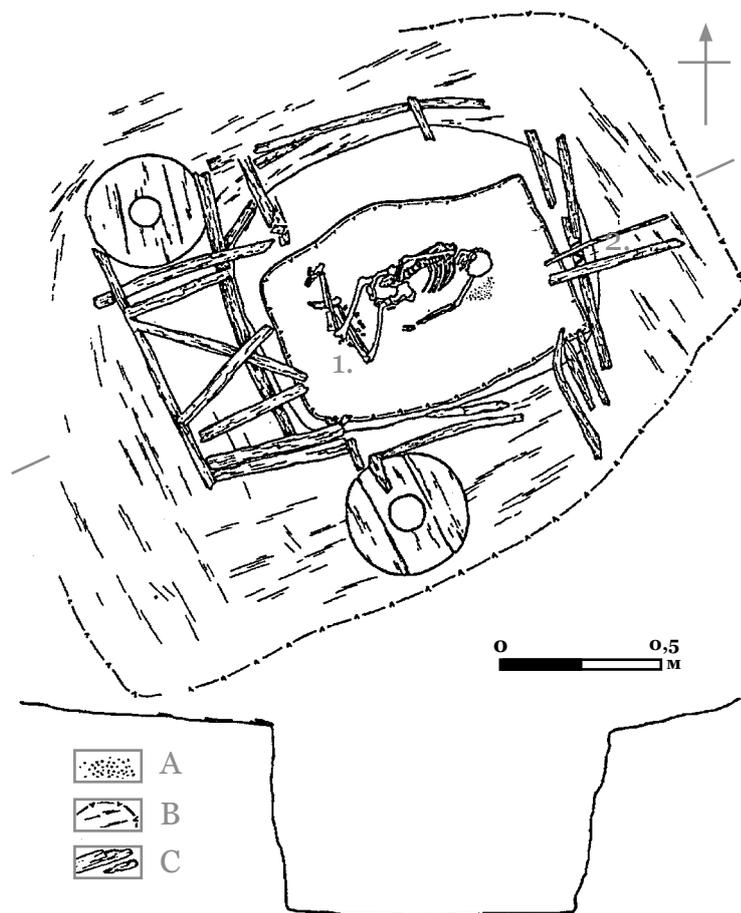

Рис. 74. Степная зона. Захоронение первого этапа новотиторовской культуры (могильник Лебеди I, курган 2, могила 119). 1 – просверленные астрогалы овцы; 2 – рисунок красной краской; А – подсыпка красной краской; В – черный камышовый тлен; С – истлевшее дерево. [Гей, 1991, рис. 2].

возками датируются рубежом 3-2 тыс. до н.э. или самым началом 2 тыс. до н.э. [Романовская, 1982, с. 102-108].

В Крыму, близ Сиваша, раскопан курган высотой 2.2 м, диаметром 60 м. Зафиксировано 30 могил разного времени, сгруппированных вокруг древнеямной. В одной из катакомбных погребальных камер (могила 28) обнаружено парное захоронение. В области пояса найдена бронзовая орнаментированная пластина и просверленный клык собаки, кусок охры, глиняный горшок и другие предметы (рис. 79). В ногах погребенных находились 4 колеса и куль с пшеницей.

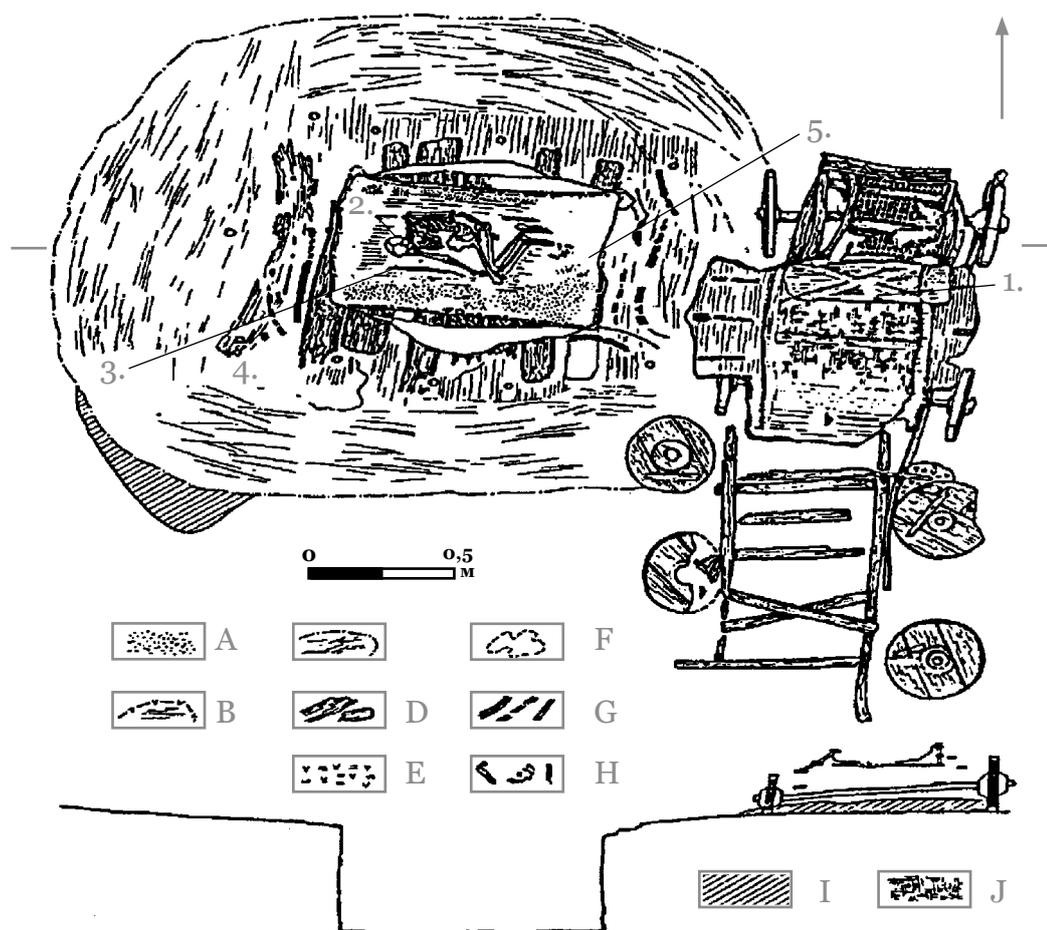

Рис. 75. Степная зона. I: Захоронение второго этапа новотигоровской культуры (могильник Останий, курган 1, могила 150). 1 – ребра крупного животного; 2 – серебряные височные кольца; 3 – позвоночник рыбы; 4 – скопление рыбьей чешуи; 5 – костяные трубочки, разрисованные красной краской; А – подсыпка красной краской; В – черный камышовый тлен от подстилки; С – серо-белый камышовый тлен; D – ислевшее дерево; E – кострище; F – белый тлен; G – полосы красной краски на цинковке; H – черная краска на цинковке и колесах; I – выкиды из могилы; J – плетение цинковки [Гей, 1991, рис. 3, 6].

Два колеса лежали плашмя, слегка прикрывая куль, два других стояли вертикально. Колеса сделаны из дуба, трехоставные, с внутренними шпоночными соединениями. Ступицы двухсторонние. На краях колес толщиной в 2 см имеется скос, что предполагает определенный «развал колес», изначально заложенный в конструкцию повозки. Колеса вращались на неподвижной оси и фиксировались с помощью чеки, прикрепленной к оси кожаны́м ремнем. Отмечены на дереве следы стаместки шириной 1.2 см, отверстия для шпонок высверливались кремневым

сверлом одного диаметра. Исследователи памятника интерпретируют могилу как культовое погребение, отмечают особую священную роль собаки в мифологии периода индоевропейского единства [Корпусова, Ляшко, 1990, с. 166-175].

Недалеко от г. Запорожья, на правом берегу Днепра, у с. Марьевка в юго-западном поле кургана «Тягунова могила», (курган 11, могила 27) раскопана двухкамерная катакомба; в первой обнаружены костяки четырех человек – двух взрослых мужчин, женщины и ребенка, лежащие на растительной подстилке

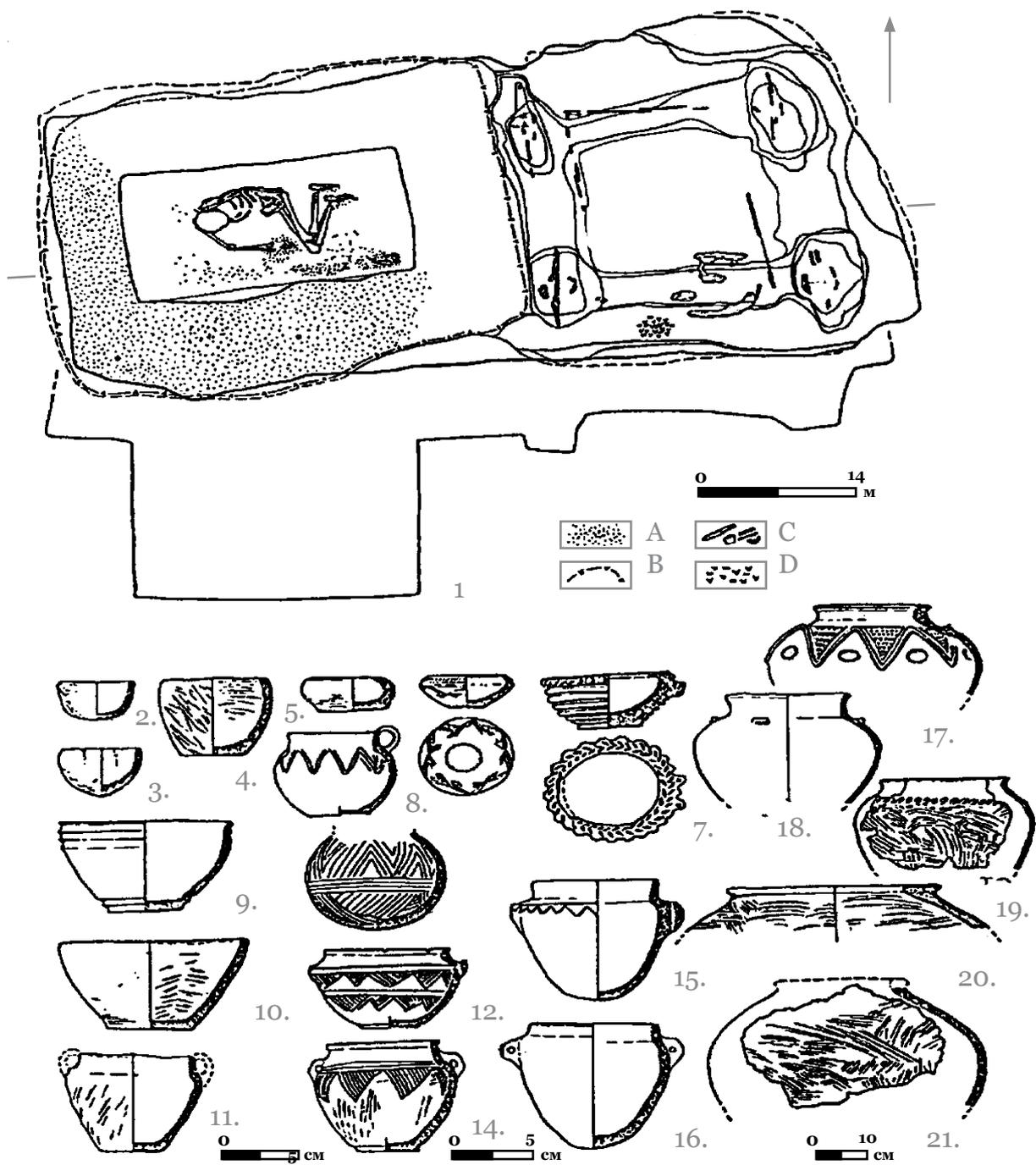

Рис. 76. Степная зона. Захоронение в «протокатакомбе» третьего этапа новотиторовской культуры (могильник Малаи I, курган 9, могила 25). 1 – каменная мотыга; 2 – серебряное височное кольцо; 3 – череп и ноги особи мелкого рогатого скота; А – посыпка красной краской; В – тлен черного цвета; С – истлевшее дерево; D – кострище. Посуда из новотиторовских могил: 2,11 – Лебеди I, курган 2, находки в насыпи; 3 – Лебеди I, курган 2, могила 73; 4 – Малаи I, курган 9, могила 14; 5 – Лебеди I, курган 2, могила 100; 6 – Малаи II, курган 1, находка в насыпи; 7 – Пластуновский I, курган 2, могила 26; 8 – Лебеди I, курган 2, могила 61; 9 – Лебеди I, курган 2, могила 112; 10 – Греки I, курган 2, могила 78; 12 – Лебеди I, курган 2, могила 120; 13 – Малаи I, курган 9, могила 11; 14 – Малаи I, курган 9, могила 24; 15 – Царский, курган 1, могила 7; 16 – Лебеди I, курган 7, могила 7; 17 – Олений I, курган 2, могила 25; 18 – Останий, курган 2, могила 15; 19 – Пластуновский I, курган 2, могила 11; 20 – Олений I, курган 3, находка в насыпи; 21 – Лебеди I, курган 2, могила 116. [Гей, 1991, рис. 4, 5].

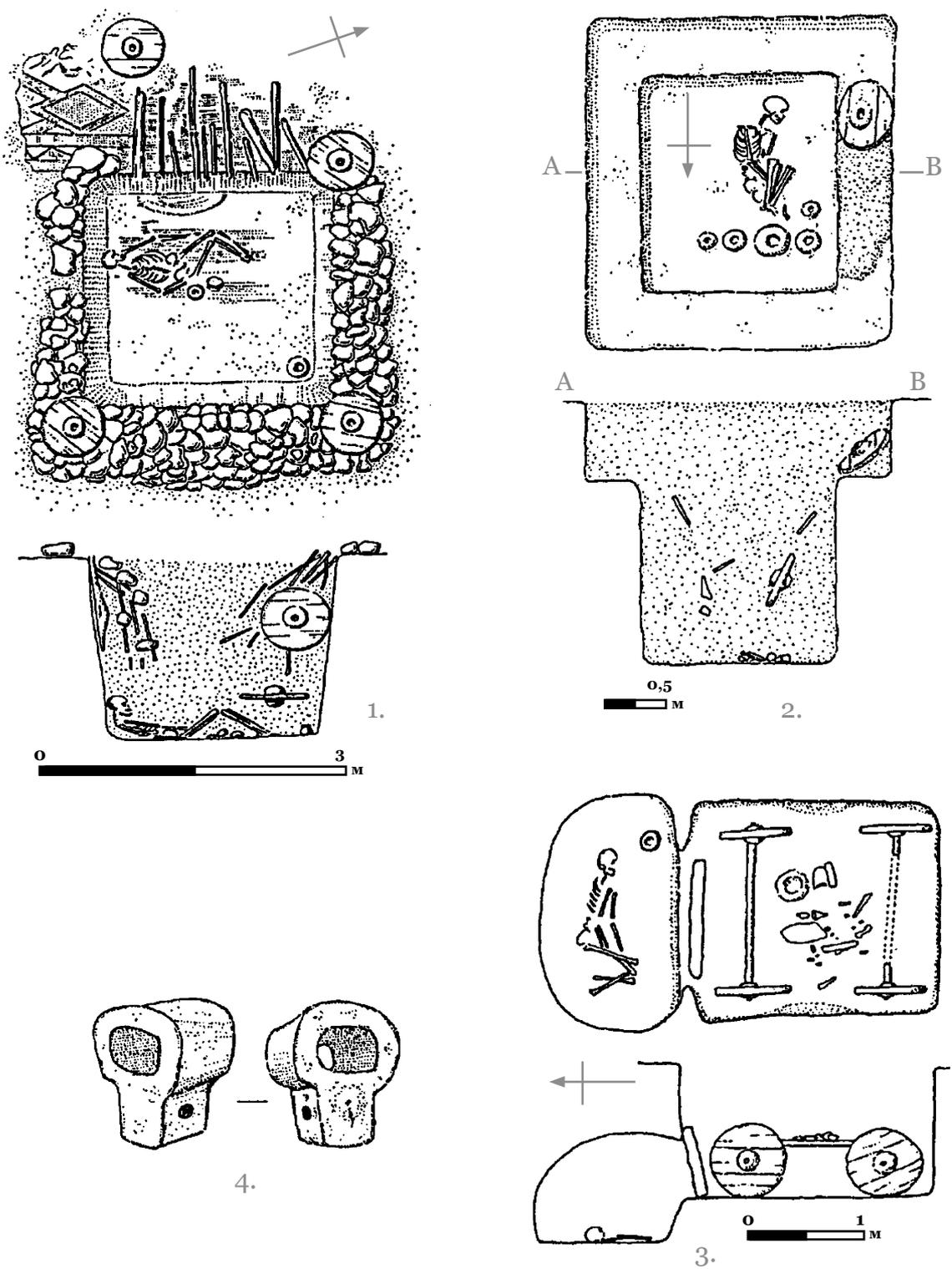

Рис. 77. Калмыкия. Могила с повозками. 1 – могильник Три Брата; 2 – могильник Архара; 3 – Элистинский могильник, курган 5, могила 9; 4 – глиняная модель крытой двуколки, могильник Три Брата. [Piggott, 1983, fig. 23-26].

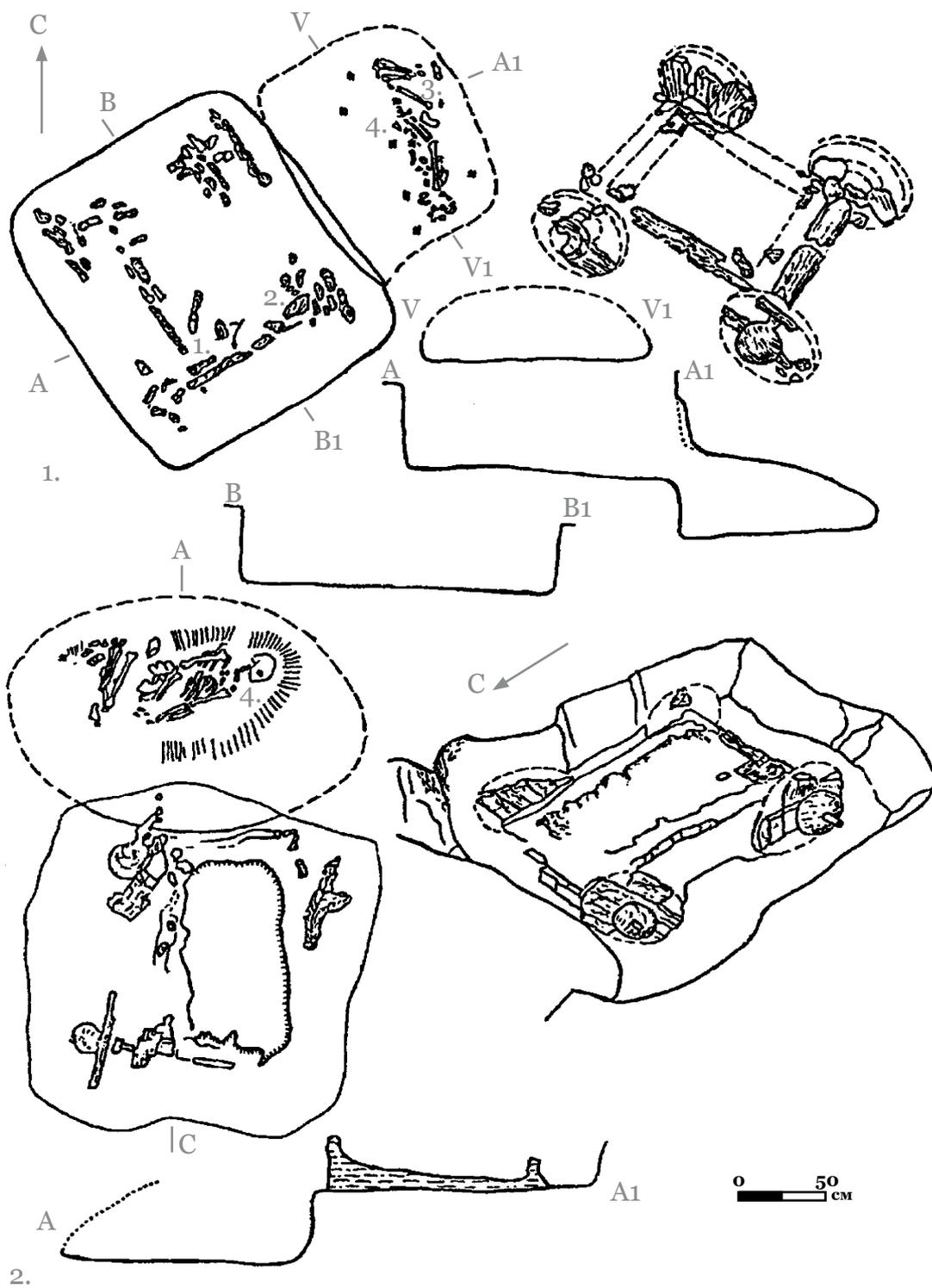

Рис. 78. Ставрополье. Могильник у с. Веселая Роща. 1 – курган 7, могила 7; 2 – курган 15, могила 9. 1 – лопатка овцы; 2 – бронзовое шило; 3 – бронзовый нож; 4 – бусы. [Романовская, 1982, рис. 3].

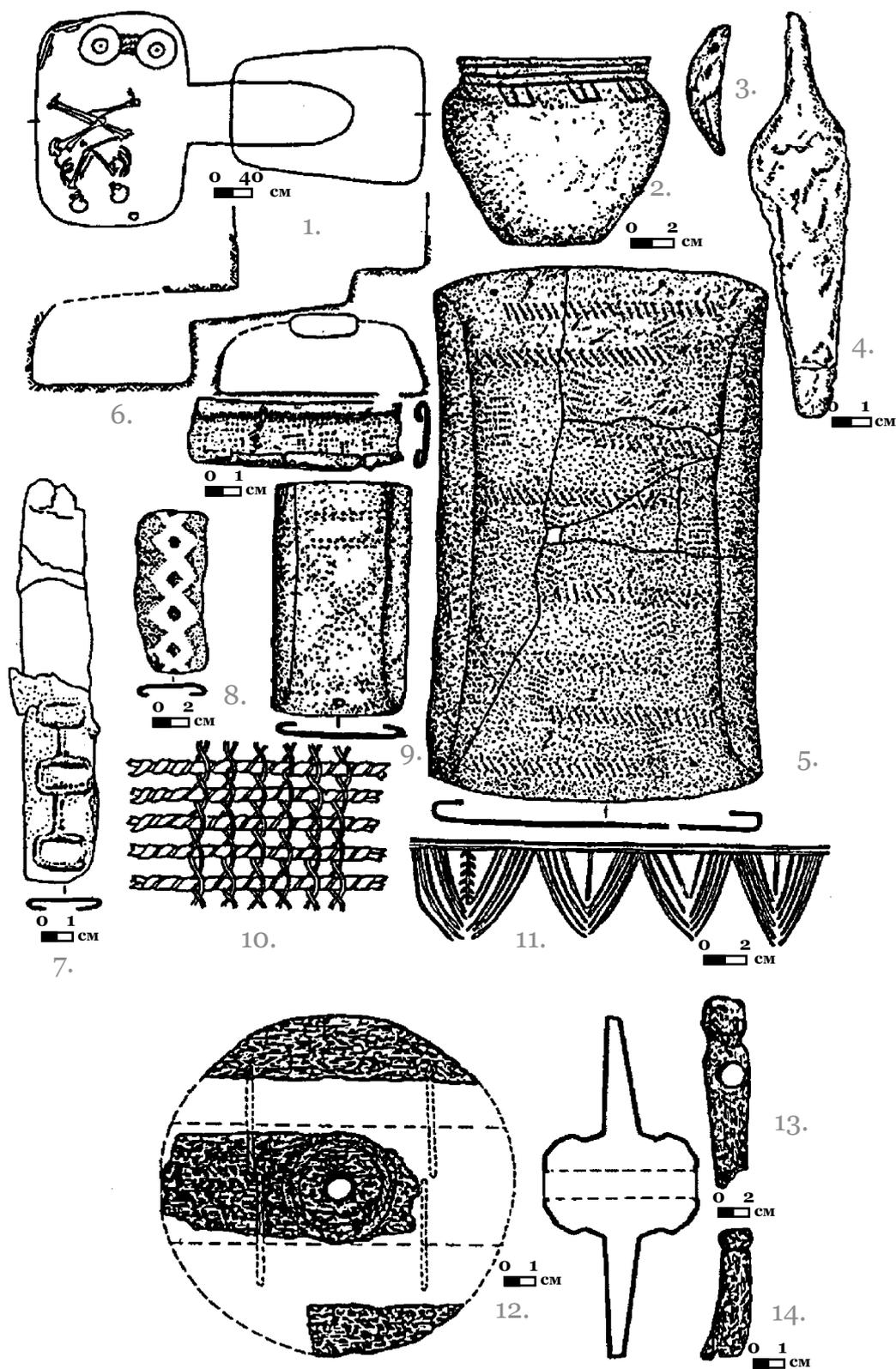

Рис. 79. Крым. Могильник у с. Болотное, курган 14, могила 28. Находки. 1 – план и разрез могилы; 2 – сосуд; 3 – клык собаки; 4 – бронзовый нож; 5-9 – бронзовые пластины; 10 – строение ткани мешка; 11 – развертка орнамента сосуда; 12 – реконструкция колеса; 13-14 – сохранившиеся детали конструкции. 1-5,10,12-14 – Болотное, курган 14, могила 28; 6,7 – Аккерман I, курган 4, могила 1; 8 – Приморск, курган 1, могила 5; 9 – Каменка Днепровская, курган 11, могила 10; 11 – Филатовка, курган 8, могила 11. [Корпусова, Ляшко, 1990, рис. 1; 5].

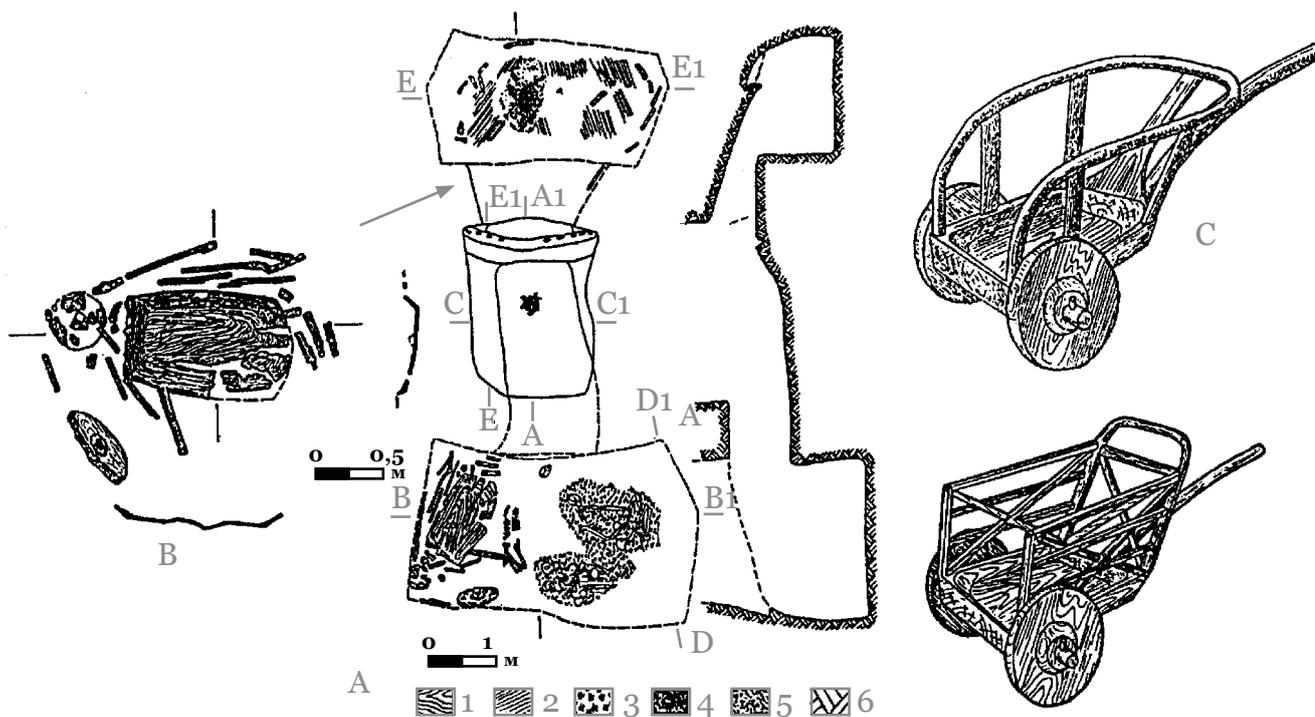

Рис. 80. Нижнее Поднепровье. Тягунова могила, курган 11, могила 27 у с. Марьевка. А – план и разрезы могилы: 1 – дерево; 2 – камни; 3 – погребальное ложе; 4 – прокаленный грунт; 5 – угли; 6 – материк; В – план и разрезы остатков двуколки; С – два варианта реконструкции внешнего вида двуколки. [Чередниченко, Пустовалов, 1991, рис. 1; 3; 4].

ке. Скелет одного мужчины сохранился в анатомическом порядке, остальные были расчленены. Рядом находились остатки помещенной в камеру двуколки. Верхняя часть кузова и одно колесо сильно повреждены в процессе раскопок. Хорошо сохранилась нижняя часть кузова в виде цельной деревянной плахи, выдолбленной наподобие корыта, размером 1,2 x 0,74 м, высотой 0,15 м. Передняя часть кузова была овальной. Борта повозки состояли из нескольких тонких деревянных планок, подпрямоугольных в разрезе. Рядом с перилами левого борта отдельно лежала сохранившаяся часть дышла с характерным изгибом. Сохранилось одно колесо, диаметром 0,6м, выполненное из цельного куска дерева. Рядом с повозкой обнаружен бронзовый острый предмет – стрекало с сохранившейся деревянной рукоятью: длина бронзового, ква-

дратного в сечении острия 1,1 см, длина округлой рукояти – 2,2 см. Предложены два варианта реконструкции этой двуколки (рис. 80).

Погребение датируется рубежом 3-2 тысячелетий до н.э., либо последними веками 3 тыс. до н.э. [Чередниченко, Пустовалов, 1991, с. 206-216].

Наиболее восточная находка колеса обнаружена в Приуралье, в могильнике Герасимовка I, кургане 7, могиле 1. Оно находилось рядом с погребенным. Колесо диаметром 50 см вырезано из цельного куска дерева. В памятнике сочетаются разнокультурные материалы, датировка его не вполне ясна [Федорова-Давыдова, 1971; Мерперт, 1974, с. 94].

Как видим, в степном регионе происходит активное развитие двух типов повозок: телег-фургонов и одноосных двуколок на дисковых колесах разной конструкции, генетически близких двум

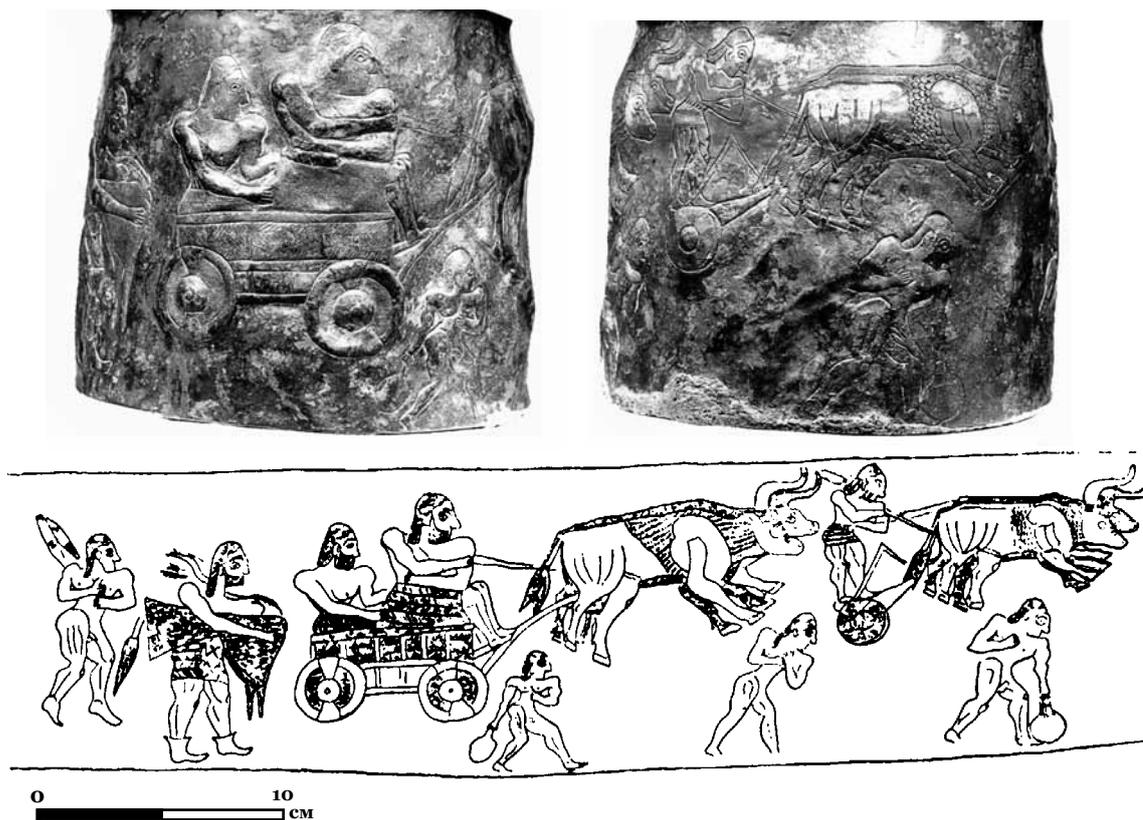

Рис. 81. Серебряный сосуд из Бактрии. Лувр. АО 28518. Высота – 0,132 м, диаметр – 0,143 м. (Foto Musee du Louvre).

выделенным типам повозок на древнем Ближнем Востоке конца 4 – начала 3 тыс. до н.э. Инновации связаны с попытками расширения пространства для установки на эту телегу более просторного жилища и попытками облегчить саму повозку – сокращая вес самой конструкции за счет меньших в диаметре колес.

Возможно, это связано с попытками использовать в упряжке более быстрых лошадей и для повышения грузоподъемности самих фургонов. Развивается традиция украшения циновок, покрывающих стенки и пол фургонов, а также декорирования передних и задних стен. Показательными представляются найденные в Лолинском могильнике фургон и двуколки на маленьких (до 30 см в диаметре) дисковых колесах. Орнаментированный

спиралями фургон и эти двуколки, очевидно, стали «праобразом» выделенного в петроглифах типов С4Wd, запечатленного на Знаменской стеле в Минусинской котловине и С2Wd, подтип 2, распространенных в петроглифах Алтая, Западного Тянь-Шаня, Притяньшанья и Скандинавии.

Исследователи памятников отмечают наличие двух вариантов погребального обряда: установка в могилу фургона целиком и в разобранном виде – колеса лежат по углам могилы или рамы повозки. Отмечается культ собаки, что совпадает с выделенным ранее фрагментом «изобразительного ряда» сюжетов с повозками в петроглифах: повозка >.....>собака>.....>.

Недвусмысленные аналогии с материалами ближневосточных памятников позволяют предполагать наличие

устойчивого канала коммуникации между населением степного Предкавказья и ближневосточными городами-государствами. Выразительные артефакты майкопской культуры и наличие всех необходимых факторов позволяют говорить о непосредственной миграции из ближневосточных городов-государств через Кавказский хребет в степные районы Предкавказья отдельных групп населения. Либо в обход – по побережью Каспия. Далее, в этой главе, я еще вернусь к этому вопросу.

Из приведенного краткого обзора видно, что в 3 и самом начале 2 тыс. до н.э. волю в парной упряжке являлись основным видом тягловых животных. Тяжелые, неповоротливые фургоны и телеги как нельзя лучше были приспособлены к физическим особенностям этих животных, что подтверждают парные находки этих черепов в лчашенских могилах. Длительное традиционное использование парных бычьих упряжек в древних обществах подтверждают находки их изображений на деревянных планках из Тепсейского склепа в Южной Сибири, датированных 4-3 вв. до н.э. [Грязнов, 1979, с. 103, рис. 61] и на серебряном сосуде из Бактрии, где они запряжены как в телегу, так и в двуколку, управляются при помощи стрекала и двух веревок (рис. 81).

Очень рано на древнем Ближнем Востоке предпринимались попытки запрягать эквидов – ослов, мулов – в специально приспособленные для этих животных двухколесные повозки. Судя по находкам достаточно легких типов двуколок и черепам лошадей в лчашенских могилах, попытки запрягать лошадей предпринимались и в этих социумах. Не исключается возможность использова-

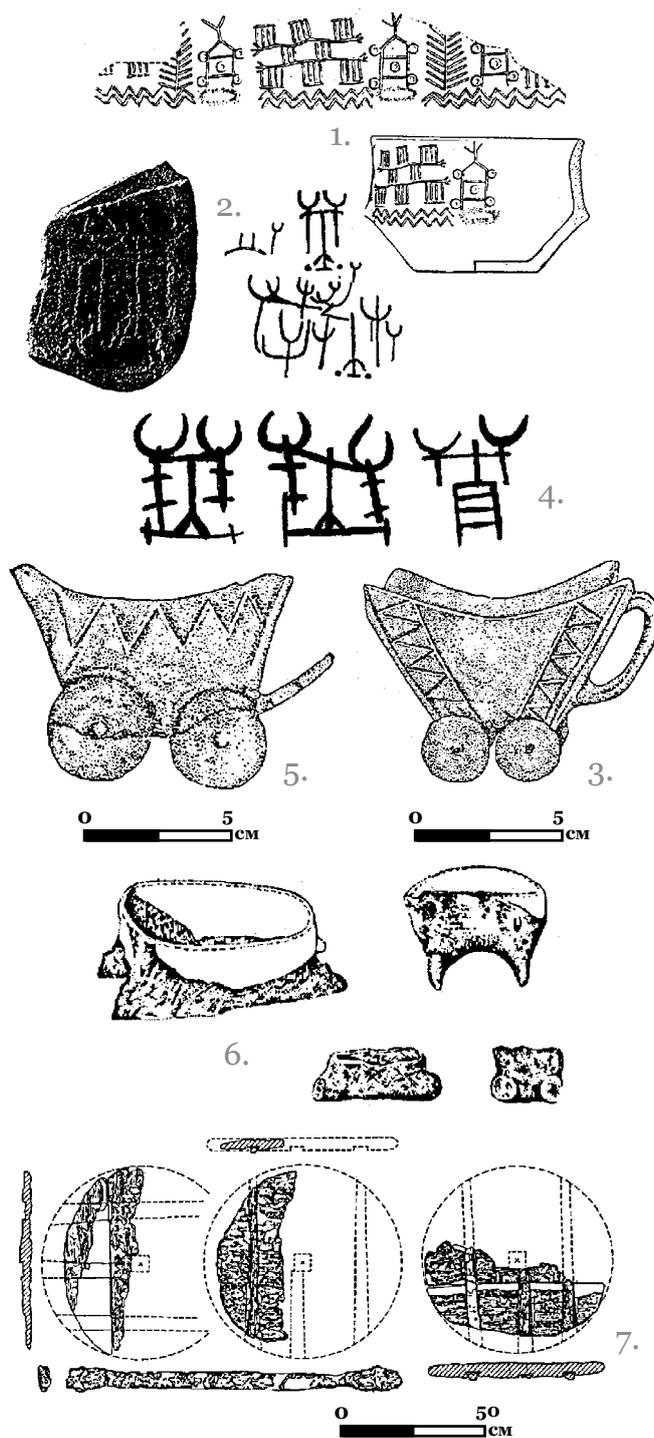

Рис. 82. Восточная и Центральная Европа. 1 – сосуд с изображением повозки, поселение Броносицы, Польша; 2 – изображения повозок на плите могилы, Лонэ, Германия; 3 – сосуд-модель из Сегесентмартона; 4 – петроглифы, Каменная Могила; 5 – сосуд-модель из Будекалаша; 6 – глиняные модели салазок, культура Триполье-Кукутени; 7 – трехчастные дисковые колеса, Цюрих, Швейцария. [Piggott, 1983, fig. 6; 13; 19; Кызласов, 1986, рис. 113].

ния в одной запряжке животных разных видов, чему есть многочисленные этнографические параллели – например, в Индии и Пакистане, а также и таких нетрадиционных для упряжки животных, как козлы.

Важным тягловым животным в этот период был и двугорбый верблюд. Очень раннее изобретение в Туране оглобельного способа упряжки, возможно, связано с попытками его использования в упряжке, наиболее приспособленной к анатомии этого животного, применение которой наиболее оправданно в степных, полупустынных и засушливых районах. Примечательно, что все известные в петроглифах изображения повозок, запряженных верблюдами, найдены именно в таких районах: Байконур, Каратау, Букантау. Скорее всего, верблюды были окончательно одомашнены в то же время, что и лошадь. Анатомическая особенность двугорбого верблюда-бактриана, а именно наличие уступа между горбами, создавало естественную и удобную форму ярма, с помощью которого можно было эффективно передать тягловое усилие животного непосредственно повозке.

Судя по остеологическим материалам из археологических памятников Казахстана, находки костей верблюда единичны на неолитических памятниках, но их количество резко возрастает в материалах могильников эпохи бронзы: Тельжан-Кузеу, Аксу-Аюлы, Бегазы, Милы-Кудук, и поселений: Атасу, Алексеевском [Нурумов, Макарова, 1988, с.25; Цалкин, 1972, с.77; Маргулан, 1979, с.258-259]. Верблюдоводство, очевидно, практиковалось в этот период только в Средней Азии, а позднее – у носителей андроновской КИО и тазабагъябской культуры [Итина, 1977, с. 138, 185-190; Кузьмина, 1980, с. 30].

В петроглифах Средней и Центральной Азии изображен только один вид верблюда – двугорбый бактриан, а на древнем Ближнем Востоке обитал одногорбый верблюд-дромадер. По этой причине наличие в самых ранних свидетельствах применения колесного транспорта из Турана изображения не дромадера, а бактриана свидетельствует о местных инновациях в конструкции упряжи используемых здесь повозок.

Роль верблюда в экономике привела к сложению его культа, нашедшего яркое отражение в индоиранской религиозной традиции. В Авесте он фигурирует многократно и выступает как главное жертвенное животное [Видевдат, 9, 37, Ясна, 44], как одно из воплощений бога ветра Вайю, бога грозы и победы Веретрагны [Бахрам Яшт, 8] и олицетворение Славы – Фарна [Замьяд Яшт, 34-38].

В индоиранских языках, в отличие от других индоевропейских, верблюд называется общим словом: *ustra* – в древнеиндийском и *ustra* – в авестийском. Название одногорбого верблюда – *gamal* – в других индоевропейских языках – позднее заимствование из семитского. Сходство названий верблюда, возможно, свидетельствует о том, что индоиранцы познакомились с этим животным после того, как они ушли с индоевропейской прародины, но еще не разделились на древнеиндийскую и иранскую ветви [Кузьмина, 1980; 1988, с.353; 1994]. ■

Восточная и Центральная Европа

Со времен В. Г. Чайлда в Европе появились новые данные по ранней истории колесного транспорта. К их числу относится контурное изображение телеги с дышлом в плановой проекции, которое является частью орнаментального декора на глиняном сосуде ручной лепки из Броносицы (рис. 82). Это двухслойное поселение расположено в 45 км к северо-востоку от Кракова, в южной Польше. Горшок обнаружен в слое поселения III-ей фазы, датированном по радиоуглеродным датам в пределах 2750-2550 гг. до н.э. и отнесенном к культуре воронковидных кубков (TRB) [Piggott, 1983, p. 41, fig. 10-11; Kruk, Milisauskas 1977, 1981; Bakker, 1976; ср. Сафронов, 1989, с. 178].

Другая находка происходит из поселения Радошина болеразской группы в Словакии. Это глиняный предмет прямоугольной формы, с орнаментированными в виде наколов краями и с протомами быков(?) на передней стенке, которая, в свою очередь, заканчивается дугообразным навершием. Колес или узлов их крепления не зафиксировано. [Nemejsova-Pavukova, 1973, p. 300, fig 3].

В позднебаденских (пецельских) могилах обнаружены своеобразные керамические сосуды модели телег с высокими, в виде корытца, бортами, декорированными геометрическим орнаментом (Будекалаш, могила 117, севернее Будапешта, и Сегетсентмартон, в 32 км севернее Будапешта) [Banner, 1956, pl. 120; Vona, 1960, p. 83-111; Калиц, 1976, с.

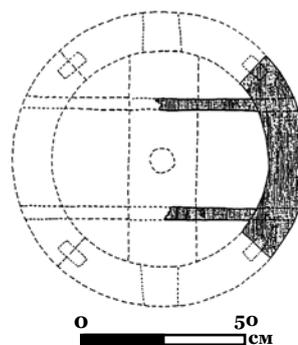
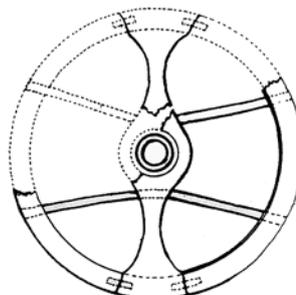
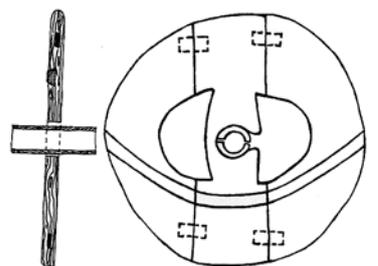

Рис. 83. Европа. Колеса из Меркураго (Mercurago I). Северная Италия. [Schlichtherle, 2004, s. 309, abb. 15]. Плита из могилы в Лонэ (Lohne-Zuschen)[Bakker, 2004, s. 289, abb.9].

Расчистка «А»-образного дышла в торфянике.[Schlichtherle, 2004, s. 303, abb. 11].

106-117; Сафронов, 1989, с. 168-169]. Поразительно сходный тип такой телеги с высокими и заостренными бортами обнаружен в тысячах километров восточнее – на стеле у ст. Усть-Бюрь в Хакасии. Датировка сосудов-моделей определяется в пределах 2500 – 2200 гг до н.э. [Piggott, 1983, p. 45].

В 1884г. в местечке Лонэ (Цюшен) в Германии раскопан каменный ящик, на одной из плит которого выбиты трудноразличимые изображения двух- или четырехколесных повозок на небольших колесах, запряженные парой быков, выполненные в плановой проекции. Фигуры сильно повреждены сколами плиты. Сходные изображения повозок обнаружены в Гегамских горах (Сюник, Ухтасар в Армении) и в петроглифах Каменной Могилы близ Мелитополя.

Телеги с быками в качестве упряжных животных, которые расположены друг над другом, выбиты на плите 2 в местеч-

ке Кеммо (долина Камоника) в северной Италии. Они датируются по изменениям стиля третьей фазой, т. е. концом 3 тыс. до н.э. [Anati, 1975]. Датировка находки в Лонэ затруднена ввиду некачественных первых публикаций материалов. Некоторые сосуды из этой могилы могут быть отнесены к культуре воронковидных кубков – 2600-2200 гг. до н.э. [Piggott, 1983, p. 43-44].

Перечисленные находки и их датировка радиоуглеродным методом стали основными аргументами в концепции европейского происхождения колесного транспорта [Сафронов, 1989, с.155-179]. Полагаю, что эти находки не могут служить решающим свидетельством широкого применения – и тем более происхождения – колесного транспорта в обществах неолитической Европы, поскольку документируют только факт знакомства с колесом, так же, как в Туране и Хараппе.

Доказательством практического использования повозки являются находки остатков повозок в могилах, когда они уже становятся устойчивым элементом в системе мифологического мировоззрения общества, ключевым образом коммуникации. Трудно предполагать, что при той хорошей степени изученности археологических памятников первобытной Европы такие могилы еще не найдены и, напротив, – в более поздние исторические эпохи такие могилы здесь обнаружены в большом количестве. Ссылки на венгерские могилы древнейшей культуры в Кетедьхаза – безосновательны, поскольку в них не найдено ни одного колеса [Сафронов, 1989, с. 166-167].

Реальные свидетельства применения древними европейцами повозок открыты в торфяниках и других местах Голландии, Дании, Швейцарии и Северной Италии [van der Waals, 1964, p. 51-75; Piggott, 1983, p. 49-51]. Это одночастные (Де Ессе, Голландия) или трехчастные с осью (Цюрих, Швейцария) дисковые колеса, не связанные с погребениями, а изолированные находки на обочинах или вблизи древних дорог (рис. 83). Все радиоуглеродные датировки этих колес располагаются в пределах второй половины 3 тыс. до н.э. (2340-2010 гг. до н.э.).

Только изображения на плите каменного ящика в Лонэ могут рассматриваться как единственный серьезный аргумент в пользу концепции европейского происхождения колеса. Здесь изображения повозок являются составным элементом погребального обряда и, возможно, свидетельствуют о причастности покойного к колесным повозкам. Если это так, то следует объяснить поразительное сходство этих изображений с аналогичными на Кавказе и в степном Приазовье, при несомненном хронологическом приоритете первых. Едва ли

это возможно сделать на материалах только одной могилы. Скорее, это свидетельствует о развитом канале коммуникации в это время между степными социумами и племенами первобытной Европы, а возможно, и прямыми миграциями степного населения на обширные и плодородные европейские равнины.

Итак, в последние годы в историографии древнейших колесных повозок открыта новая страница: многочисленные находки реальных повозок в степной зоне Евразии. Эта серия находок позволяет конкретизировать концепцию В.Г. Чайлда о происхождении и распространении древнейших колесных экипажей из Шумера в другие районы Старого Света. ■

К проблеме прародины колеса

Простым ответом на вопросы «Есть или нет?» или «Что древнее?» вряд ли можно определить первоначальный центр или центры происхождения колеса. В основе этого изобретения лежал комплекс причин, на одном полюсе которого сосредоточены насущные потребности в нем общества, а на другом – возможности общества его осуществить. Это историческое событие не может быть «оторвано» от предшествующего периода, когда в древних обществах использовались другие технологические решения задачи перевозки слишком тяжелых для одного человека грузов. Другой аспект проблемы – абсолютная датировка европейских и ближневосточных находок и их синхронизация.

Система датировок европейских памятников основывается на многочисленной серии радиоуглеродных дат, полученных в последние годы, в то время как шумерские находки обнаружены, главным образом, в начале прошлого столетия, когда радиоуглеродный метод еще не применялся. Вся ближневосточная хронология относительна, поскольку опирается на даты конкретных исторических событий, время правления царских династий, устанавливаемое в том числе и по письменным источникам. В результате используются так называемые системы «длинной», «средней» и «короткой» хронологий, разница датировок по каждой из которых составляет примерно 300-500 лет. Я здесь ориентируюсь на «длинную» и «среднюю» системы, поскольку они наиболее близки калибро-

ванным радиоуглеродным датам Урука IV [Cambridge Ancient History, 1971; 1973; 1975; *Cronologies in Old World Archaeology*, 1965, с учетом корректирующих таблиц E. Porada 1970-1977; Littauer, Crouwel 1979, p.2]. Многие исследователи используют и систему дат по «короткой» хронологии [Бикерман, 1975].

Сопоставим имеющиеся в нашем распоряжении радиоуглеродные даты самых древних из известных находок – табличек с пиктограммами из Урука IVa – 2815+/-85 гг до н.э. и слоя третьей фазы поселения Броносицы, в котором был обнаружен сосуд с изображением телеги – 2750-2550 гг. до н.э. Все радиоуглеродные даты требуют корректировки по дендрохронологической шкале [Klein, Legman, Damon, Ralph, 1982, p. 103-150], после которой получаем калиброванные даты интересующих нас объектов – 3580 г. до н.э. – Урук IVa и 3530-3310 гг. до н.э. – Броносица [Piggott, 1983, p.62-63]. Такое сопоставление свидетельствует как о ближневосточном приоритете, так и об относительной синхронности данных находок.

Если рассматривать проблему с точки зрения генезиса и развития типологии колесных повозок, то пиктограммы из Урука IVa, как знаки древнешумерского письма, должны были стать таковыми только тогда, когда они стали отражать устойчивые и универсальные понятия в древнешумерском обществе [см. Гельб, 1982, с. 34-78]. Хотя бы в силу только этого обстоятельства попытки исключить урукские пиктограммы из числа древнейших свидетельств применения

колесного транспорта представляются, по меньшей мере, странными. [Николаева, Сафронов, 1983, с. 48; Сафронов, 1989, с. 155-179]. Что касается памятников неолитической Европы, то здесь пока не найдено никаких убедительных свидетельств «предистории» колесных повозок. Исключение составляют находки двух глиняных моделей салазок в памятниках трипольской культуры начала или середины 3 тыс. до н.э. [Hanscaj, 1955, pl. 2].

Решающее значение в проблеме прародины колеса имеет сопоставление находок из регионов, где обнаружены остатки реальных повозок в могилах, которые, как правило, сочетаются с другими видами источников – изображениями повозок и их моделями. К числу таких регионов отнесены Шумер и Элам, Закавказье и степная зона Предкавказья, примыкающие друг к другу географически. Представляется, что древности майкопской культуры позволяют связать находки колесного транспорта в этих районах между собой.

Материалы яркой майкопской культуры находятся в центре внимания исследователей вот уже почти сто лет и регулярно вызывают горячие споры о ее происхождении и этнической атрибуции ее носителей [СА, 1990, №4, с.106-158]. Простое сопоставление археологических материалов и отдельных слов из древних языков никак не может служить доказательством этнического и языкового родства. Должны сопоставляться между собой общие структуры отдельных исторических явлений [Андреева, 1990, с. 122-125]. Поэтому проблема этнической атрибуции носителей майкопской культуры не может решаться сегодня только традиционными археологическими методами. Это утверждение не отвергает гипотетических атрибуций, но они всег-

да должны проверяться с позиций общей историко-культурной ситуации, реконструируемой в результате комплексного анализа различных источников: археологических, письменных, антропологических, на основе моделирования взаимосвязей древних обществ.

Вместе с тем, у большинства исследователей не вызывает сомнения формирование майкопской культуры под непосредственным влиянием ближневосточных импульсов. Отмечается сходство майкопской керамики с посудой Северной Месопотамии [Мунчаев, 1975, с. 375], Тепе Гавра [Трифонов, 1987, с. 20], Тель Хуэйры [Николаева, Сафронов, 1982; Сафронов, 1982, 1983, 1989]. Художественный стиль майкопских кубков сходен с традициями зооморфного натурализма древнего Шумера [Андреева, 1977, 1979], а золотые граненые бусы (Чегем, курган 5, могила 3) находят прямые аналогии в могилах царского некрополя в Уре и отсутствуют в более поздних шумерских памятниках времен Саргона Аккадского [Корневский, 1981]. Предполагается и непосредственная миграция носителей майкопской культуры с территории древнего Ближнего Востока [Gimbutas, 1970, p. 155-197; 1978, p. 277-338; Сафронов, 1989].

Рассмотрим последнюю гипотезу с позиций эволюции древнейших колесных повозок. В коллекции находок из Тель Хуэйры имеются две глиняные модели, датированные стратиграфически исследователями этого памятника периодом РДИ [Littauer, Crouwel, 1979, p.16, сноска]. Одна из них представляет собой декорированную крытую телегу-фургон, другая – облегченную двуколку, запряженную парой эквидов. Остатки повозок именно этих двух типов и обнаружены в степных могилах Предкавказья, а фургон – в могиле, отнесенной по сопутству-

ющему материалу к майкопской культуре (Павлоград 4/18). Примечательно, что покрытия степных фургонов – циновки и войлок – украшены рисованными охрой линиями и геометрическим орнаментом. Если предполагать миграцию носителей майкопской культуры из северных областей древнего Ближнего Востока, то основное средство такого передвижения – фургон – подвижный дом на колесах, было им известно.

В специальной литературе подчеркивалось сходство майкопской цилиндрической печати из могилы близ Красногвардейска и ближневосточных находок Додинастического периода [Нехаев, 1984, с. 69-79, 1985, с. 59-60, 1987, с. 22-24]. Предпринимались попытки оспорить их сходство на основании стилистических различий в изображении фигуры горного козла или оленя [Сафронов, 1989, с. 251, рис. 73-74]. При этом игнорируется тот факт, что на всех рассматриваемых аналогиях животное изображено рядом с «древом жизни». Этот образ широко распространен в глиптике и искусстве древнего Шумера и Аккада [Комороци, 1981, с. 47-52]. В орнаментальном декоре сосуда из Броносицы телега помещена рядом с «древом жизни», а образ горного козла близок, если не тождественен, образу повозки в системе мифологических представлений. Сюжет «животное или кони у мирового древа» часто встречается в петроглифах Азии.

Трудно объяснить такую широкую географию этого сюжета только конвергентным развитием, либо предполагать его проникновение из Европы. Принципиальное значение в понимании датировки майкопских древностей имеет тезис о том, что погребенные в могиле Большого Майкопского кургана сокровища могли быть долговременными родовыми символами и не были изго-

товлены в период жизни захороненного здесь человека высокого ранга [Кореневский, 1990, с.127]. Именно эти высокохудожественные, традиционные вещи могут рассматриваться как самый древний и «этнически чистый» пласт этой культуры – несомненно, связанный с искусством древнего Шумера.

В силу специфики данной работы ограничусь приведенными выше примерами, но и они не позволяют согласиться с линией синхронизации майкопских древностей по находкам периода РД III на древнем Ближнем Востоке в ее «короткой» интерпретации с датировкой 24-23 вв. до н.э. [Сафронов, 1989, с. 242-258]. Корректнее пользоваться «длинной» хронологией. Присутствие аналогий Протописьменного и РД I-II периодов и сходство художественных серебряных сосудов с древнешумерской изобразительной традицией позволяют согласиться с датировкой майкопской культуры концом 4 – началом 3 тысячелетия до н.э. [Андреева, 1977; 1979; Марковин, 1990, с. 106-122; Гей, 1991].

Пришлый характер майкопской культуры подтверждается, с одной стороны, отсутствием ее генетических корней в степном Предкавказье, сходством с керамическими комплексами из памятников Северной Месопотамии и Сирии, наличием древнешумерской изобразительной традиции на культовых, традиционных вещах, с другой – использованием носителями этой культуры передвижного дома на колесах – фургона, как средства, позволившего осуществить эту миграцию. Военная экспансия Шумера и демографический взрыв в северной Месопотамии конца 4 тыс. до н.э. явились, вероятно, основными факторами этой миграции. ■

Памятники восточной части Евразии

Сейчас нет определенных данных, которые позволили бы конкретизировать процесс продвижения скотоводческих племен в азиатской части Евразии, определить его динамику и механизм формирования контактных зон в предгорных и лесостепных районах. Рассматриваются две возможности такого продвижения: в виде «скачка» (импульса) или непрерывной миграции [Грязнов, 1956; Марков, 1973, с.109].

Археологические памятники в урало-казахстанских степях фиксируют факт такого продвижения и образования контактной зоны в Южной Сибири, на Алтае и в Монголии. Происхождение афанасьевской культуры непосредственно связывалось с переселением части ямных племен в Сибирь и на Алтай [Киселев, 1951; Алексеев, 1961, с. 380-384; Вадецкая, 1986, с. 22; Семенов, 1987, с.18].

Находки в Оренбургской области [Федорова-Давыдова, 1971] и могильниках Верхняя Алабуга и Убаган, позволили поставить вопрос о расширении восточной границы древнеямной культурно-исторической области до р. Тобол [Потемкина, 1985, с. 276].

Крайняя восточная точка распространения древнеямных памятников определяется теперь находками из могильника Карагаш в Центральном Казахстане. Здесь раскопан каменно-земляной курган, диаметром 30 м и высотой до 1 м. Одна из могил под полой кургана оказалась непо потревоженной и представляла собой глубокий (свыше 1 м) каменный ящик, перекрытый сверху плитами. Погребенный лежал на спине, согнутые в

колени ноги завалились вбок. В головах найдены бронзовое четырехгранное шило и «пламевидный» по форме нож. С правой стороны к поясу погребенного был, очевидно, привязан керамический сосуд яйцевидной формы с прямым невысоким венчиком, орнаментированный по всему тулову пальцевыми защипами. С левой стороны – на уровне пояса – отмечены следы деревянной чаши. Могилу окружали остатки погребальных кострищ. Костяк посыпан кусочками охры и угля [Евдокимов, Ломан, 1989, с. 34-46].

Обоснование генетического родства носителей ямной и афанасьевской культурных традиций нашло яркое подтверждение в антропологических материалах. Установлено их значительное сходство [Дебец, 1948; Алексеев, 1961]. При этом антропологи отмечают формирование центральноазиатского очага брахикефализации в Минусинской котловине, на Алтае и в Туве, а также значительное сходство афанасьевских и окуневских черепов. Брахиокранные черепа известны у населения Нижнего Поволжья и в культуре Триполье-Кукутени [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987, с. 228, ср.: Шевченко, 1984, с. 119]. Окуневские черепа имеют ближайшие аналогии в антропологических материалах из могильников эпохи бронзы юго-западного Таджикистана (Ранний Тулхар), которые относятся как к широколицему протоевропеоидному типу населения степной полосы Евразии, так и к южному протосредиземноморскому расовому типу, при этом отмечается необычайно

Рис. 84. Минусинская котловина. Стела из деревни Знаменка. Прорисовка.

большая высота лица. Этот признак находит точные аналогии в материалах из могил в Сиалке (Иран), в Самтаврском могильнике (Грузия) и в могильнике Гинчи (Дагестан) [Мандельштам, 1968, с. 182, см. определения Т. П. Кияткиной – с. 168-182].

Ареал афанасьевских памятников составляют районы Южной Сибири, Алтая [Киселев, 1950; Вадецкая, 1986], Западной и северо-западной Монголии [Новгородова, 1989, с. 78-89]. Монгольские памятники представляют собой невысокие курганы с каменными выкладками и погребениями в грунтовых ямах на спине или на боку «скорченно», головой на восток или на запад. Костяки густо покрыты охрой. Антропологические определения погребенных обнаруживают большое сходство с краниологическими

сериями афанасьевской культуры Алтая и Минусинской котловины [Мамонова, 1979, с. 205]. В монгольских находках, связанных с афанасьевской культурой, представлены жезлы с зооморфными скульптурными навершиями, фрагменты керамики, украшения, кремневые орудия [Новгородова, 1989, с. 87-88].

Энеолитическим (афанасьевским) временем датированы древнейшие петроглифы долины р. Чулуут в Северной Монголии. Это сюжеты с антропоморфными существами, пальцы которых намеренно расставлены в стороны, массивными быками и женщинами-прародительницами [Новгородова, 1989, с. 89 и сл.].

Нижняя дата афанасьевских памятников Горного Алтая устанавливается в пределах конца 4 – начала 3 тыс. до н.э.,

а верхняя еще не уточнена. Ю.Ф. Кирюшин высказал предположение, что эта культура существовала вплоть до раннескифского времени [Кирюшин, 1985, с. 47]; согласно С.В. Цыбу – до перв. четв. 2 тыс. до н.э. [Цыб, 1984, с. 13, 18], а по данным Э.Б. Вадецкой – до сер. четвертой четв. 3 тыс. до н.э. [Вадецкая, 1979, с. 98-100]. С.В. Цыб обосновывал гипотезу, согласно которой так называемый алтайский вариант афанасьевской культуры Южной Сибири, образующий самостоятельную культурно-археологическую единицу раннего бронзового века, возник в результате переселения части раннескотоводческих племен восточно-европейских степей – носителей синхронной древнеямной культуры [Цыб, 1980, с. 38-51; Цыб, 1984, с. 12-18]. Им выделены две хронологические группы афанасьевских памятников Алтая: кон. 4 – первая и вторая четверти 3 тыс. до н.э. – первая четверть 2 тыс. до н.э., которые стадильно близки культурам других регионов: Восточной Европы, Средней Азии, Казахстана, Верхнего Приобья и Прибайкалья. Отмечая раннее появление металлических изделий у афанасьевских племен Горного Алтая, С.В. Цыб объясняет этот факт «расселением афанасьевцев в непосредственной близости от медных и полиметаллических месторождений Рудного Алтая» [Цыб, 1984, с. 15].

К числу наиболее ярких памятников Южной Сибири относятся многочисленные антропоморфные стелы, на которых, как правило, сочетаются скульптурные изображения женского (?) лица на торцевой части и различные петроглифы на боковых сторонах. Иногда это просто каменные плиты с различными изображениями, но почти всегда выбиты личины с отходящими от головы лучами, «антеннами», непонятными отростками [Вадецкая, Леонтьев,

Рис. 85. Минусинская котловина. Изображения повозок на стелах и стенах каменных ящиков. 1 – могильник Усть-Бюрь, ограда 5, могила 1; 2 – стела из села Аскиз; 3 – из долины р. Уйбат; 4 – могильник Северный берег р. Варчи I; 5 – могильник Хара-Хая. [Леонтьев, 1980; Кызласов, 1986; Филипова, 1992, с. 63].

Максименков, 1980, с. 123-147]. Известны на таких изваяниях и изображения повозок.

Плита из деревни Знаменка (рис. 84). Случайно обнаружена в 1899 г. крестьянином, который, выкапывая подполье, наткнулся на могилу, обложенную с трех сторон и сверху каменными плитами. В могиле найдено около 70 бронзовых бус, горшок, бронзовые браслет и нож. Погребенный лежал головой на запад. Найденные предметы не сохранились. Плита перекрытия этой могилы с выбитыми изображениями стала объектом нескольких публикаций [Грязнов, Шнейдер 1929; Грязнов 1960, с. 85-89; Леонтьев 1970, с. 265-270; и др.].

В настоящее время стела хранится в Красноярском краеведческом музее и представляет собой расколотую на две части плиту с изображением женского (?) лица на узкой грани и различными фигурами, выбитыми точечной техникой на правой плоскости плиты. Левая сторона разрушена. Изображения лица и петроглифы выбиты в разное время. Первоначально это было типичное для хакасских степей каменное изваяние с тремя показанными на лице глазами, звериными ушами, непонятными отростками, солярными знаками и трудно-различимыми деталями. Петроглифы выбиты сплошным силуэтом и представляют собой две фигуры быков, одна из которых перекрывает солярный знак и неопределенное животное. Видны изображения горного козла (?), антропоморфной фигуры и неопределенных животных. В нижней части плоскости представлены изображения крытой телеги и двух быков, выполненные контурными линиями (6.6.Zn1.).

Микалентная копия, выполненная Е.А. Миклашевич, позволила выявить новые детали на этой плоскости, а имен-

но – фигуру сидящего в повозке человека и специфические выемки на колесах, аналогичные показанным на аскизской двуколке.

Отмечу, что сама по себе эта находка свидетельствует о той значительной роли, которую фургон с бычьей упряжкой играл в жизни древнейшего населения как Южной Сибири, так и всей степной Евразии. Важная деталь этого изображения – сидящий внутри фургона возничий, что соотносится с особой конструктивной деталью древнейших сохранившихся повозок – специальным помостом-сиденьем. В последнее время добавились новые изображения этой серии – условные изображения «сидячего возницы на колесе» [Devlet, Devlet, 2004, s. 237-246, abb.1].

Курган в окрестностях с. Аскиз (рис. 85:2). Плита с изображением двуколки на краю лицевой грани использована в качестве углового камня ограды кургана тагарского времени. Обнаружена Г.А. Максименковым в 1973г., хранится в Минусинском музее. Двуколка показана «в профиль», дисковое колесо изображено с выемками и может быть определено как кроссбаровое колесо (6.6.A1). [Леонтьев, 1980, с 68]. Кузов аскизской двуколки украшен резными линиями, что соответствует особенностям декора на глиняных моделях повозок из Тель Хуейры и Тепе Гавра.

Курган у ст. Усть-Бюрь (рис. 85:1). На крупной плите с антропоморфной личиной из кургана окуневского времени выбита четырехколесная повозка, кузов которой напоминает ладью. (6.6.Ub1). Исследователи памятника отмечают одновременность изображения окуневской личины и повозки, «связанных сюжетно» [Кызласов, Кызласов, 1973, с. 223; Леонтьев, 1980, с. 68](6.6.Ub1.). Уже отмечалось поразительное сходство этой повозки с венгерскими моделями-сосудами.

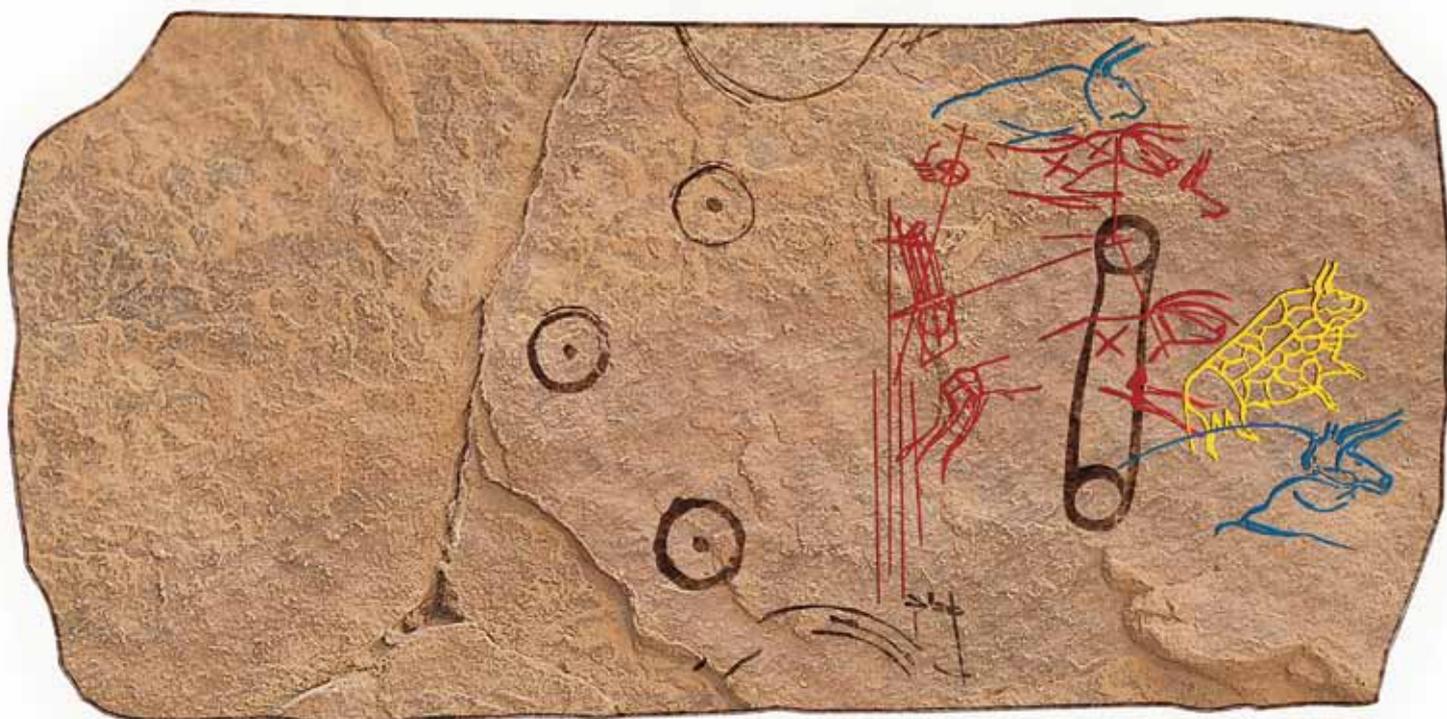

Рис. 85А. Плита из могильника Черновая VIII. [Соколова, 2001, с. 129-132, рис.1]. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

Могильник Разлив X. На обратной стороне плиты с антропоморфной личиной выбито изображение одноосной повозки. Могильник датирован окуневским временем. [Пшеницина, 1975, с. 228; Леонтьев, 1980, с. 68].

Стела из улуса Красный Камень. Опубликовано изображение двух быков под ярмом, с дышлом, раздвоенным на конце. Условия находки неясны. [Appelgren-Kivalo 1931, abb. 131; Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 135, табл. 44]. Перечисленные выше изображения повозок датированы окуневским временем как по условиям их фиксации, так и в результате стилистического анализа. [Леонтьев 1980, с. 65-68].

Могильник Черновая VIII, курган 5, могила 2. Здесь на одной из могильных плит, хранящейся теперь в Эрмитаже, помимо известных изображений быков и личины, обнаружены две «А»-образные двуколки. Одна из них

запряжена парой быков, вторая – частично разрушена: сохранилось изображение одного колеса с четырьмя спицами (?) и половина треугольного дышла. Композиция на плите многослойная: «поджарые» упряжные быки перекрывают «тучных» быков, один из которых, в свою очередь, перекрывает более раннее изображение быка, выполненное в совсем другой стилистике. Упряжных быков повозки перекрывает (или наоборот – быки перекрывают) «рот» личины, изображенной на всей поверхности плиты [Соколова, 2001, с. 129-132, рис.1]. Более точная прорисовка этой плиты опубликована Ю.Н. Есиным [2009].

Датировка изображений на знаменском изваянии остается дискуссионной. М.П. Грязнов саму стелу относил к андроновскому времени, а петроглифы – к карасукскому на основе датировки самой могилы, инвентарь которой может принадлежать и андроновскому, и

карасукскому периодам [Грязнов, 1960, с. 88]. Н.В. Леонтьев на основе сходства с фигурами быков на плитах могильника Черновая VIII датировал фигуры изваяния окуневским временем. [Леонтьев, 1970, с. 270].

С такой датировкой согласны многие исследователи [Дэвлет, 1982; Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980]. Однако стилистическая неоднородность изображений животных на плитах могильника Черновая VIII и на некоторых окуневских изваяниях позволили Я.А. Шеру поставить вопрос о «доокуневской» датировке части этих изображений, в том числе и повозки. [Шер, 1980, с. 170-256], а Л.Р. Кызласову в Хакасии – выделить так называемую «тазминскую» культуру [Кызласов, 1986].

Определяются две стилистические манеры в изображении быков на Знаменской стеле: массивные упряжные быки в фургоне и поджарые, схематичные фигуры быков, которые притом еще и перекрывают более ранние изображения личины и солярного знака.

Единственное основание «окуневской» атрибуции всех стел – стилистическое сходство с изображениями на плитах могильника Черновая VIII. Проблема датировки и этнокультурной принадлежности этих стел осложняется тем, что неизвестны, как правило, изначальное положение и условия их нахождения в степи. Часть этих стел попала в музеи еще в позапрошлом веке без каких-либо документирующих данных об их происхождении, часть – использовалась вторично более поздним населением.

У хакасов существовал обычай переносить с места на место эти изваяния, которым они традиционно поклонялись, в зависимости от изменения маршрутов кочевков скота [Устное сообщение Я.И. Сунчугашева]. В таких условиях пред-

ставляется, что стилистическое сходство не может служить достаточно надежным аргументом датировки, поскольку сходные изображения массивных быков известны в петроглифах Северной Монголии – в долине р. Чулуут [Новгородова, 1989, с. 93, 104 и др.], в Центральном Казахстане – в долине р. Байконур [Новоженков, 1987; 2002] и других районах внутренней Азии, где окуневские памятники отсутствуют.

Если сравнивать инвентарь окуневской культуры с материалами из древнеямных памятников, то обнаруживается поразительное сходство как в наборе этих предметов, так и в их типологии. Для новотиторовской культуры характерны многочисленные костяные орудия и предметы, украшения – височные кольца, костяные пластины, подвески из клыков животных, «пламевидные» ножи, шилья, в том числе набор предметов для сетевязания или ткачества [Гей, 1991, с. 63, 66].

Вместе с тем трудно ожидать абсолютного сходства утилитарных предметов, поскольку в силу своей практической значимости их формы и типология изменяются в древних обществах быстрее, в сравнении с этнической основой. Изменения последней проявляются в эволюции культовых предметов, изобразительной традиции и во всей системе культово-мифологических представлений.

В этой связи окуневский жезл с зооморфным навершием целесообразно сопоставить с аналогичными находками в древнеямных памятниках и находками жезлов в северо-западной Монголии. Окуневский «ритон» вообще может сравниваться только с алебастровыми культовыми сосудами из храма богини Инанны в Уруке, датированными началом 3 тыс. до н.э. [Margueron, 1965, fig.

94, 96; Дмитриева, Виноградова, 1986, с. 99] или с ритонами Микенской цивилизации и с металлическими ритонами более позднего периода в ахеменидском Иране. То, что эти предметы были традиционными родовыми символами власти, подчеркивают условия их находки на памятнике – в могиле 21, кургана 8, где похоронен мужчина, на поясе которого обнаружен набор указанных культовых предметов и череп журавля-красавки; предполагается, что они находились в мешке или сумке [Вадецкая, Максименков, Леонтьев, 1980, с. 24].

Керамический комплекс могильника поражает разнообразием орнаментов при господстве только одной формы посуды – банок. В орнаментации используются гребенчатый штамп, насечки, вдавления, оттиски раковин. Многие сосуды имеют ряды параллельных желобков по венчику, а один фрагмент имеет жемчужины – налпные украшения [Вадецкая и др. 1980, с.118, рис. 14-15, с. 119, рис. 15-19, с. 120, рис. 3-4]. Сравнение этого комплекса с керамикой новотиторовской культуры выявляет значительное сходство: все плоскодонные сосуды представлены банками, имеются миниатюрные сосуды; преобладает зигзагообразная орнаментация. Используются жемчужины и канеллюры, которые вырождаются позднее в прорезанные линии. Примечательно, что в новотиторовской серии керамики имеется сосуд с уступом и рядами заштрихованных треугольников, что характерно для более поздней алакульской посуды [Гей, 1991, с. 63-64, рис. 5].

Изобразительная традиция находит наиболее яркое проявление на плитах каменных ящиков могильника Черновая VIII. Здесь обнаружены плиты, содержащие как одиночные изображе-

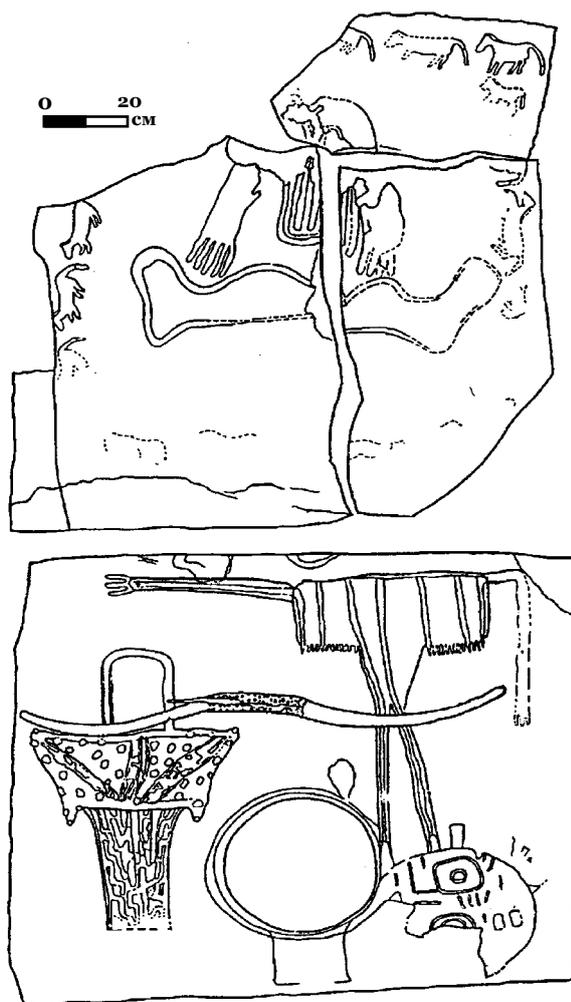

Рис. 86. Могильник у станицы Новосвободная. Роспись на стенах каменного ящика в кургане 28. [Резепкин, 1981, рис. 1].

ния животных или личин, так и многофигурные композиции, которые перекрывают друг друга. Зафиксированы 34 фигуры быков и коров, две фигуры собак, три – ворона, фрагмент головы лося и одна сомнительная фигура лошади. Изображены только массивные фигуры быков и коров, которые значительно отличаются от поджарых быков на плитах из кургана Разлив X. Находка двуколок «А»-образного типа, запряженных «поджарыми» быками, свидетельствует о более позднем вре-

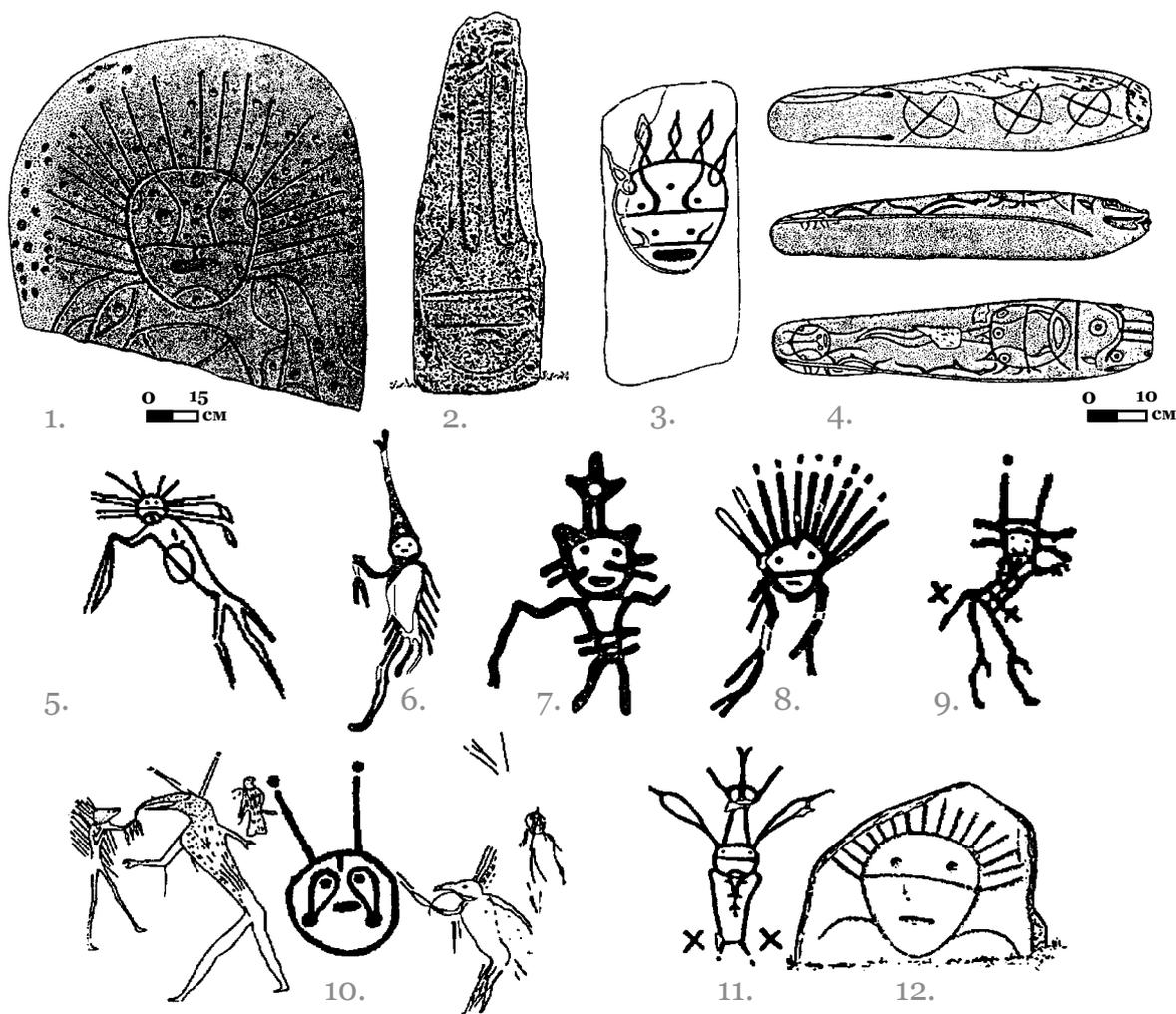

Рис. 87. Изображения «солнцеголовых» на стелах и в петроглифах Южной Сибири. 1 – стела, вторично использованная в качестве северного углового камня тагарской ограды в могильнике на Черном озере; 2 – изваяние на перевале из долины р. Теи в долину р. Таштыша; 3 – деревня Фарпус, использовано вторично в тагарском кургане; 4 – переносное изваяние из песчаника, найденное в Ширинском районе Хакасии (хранится в СО АН СССР, Институт истории); 5 – могильник Тас Хазаа, гравировка на плите могилы 5; 6-8 – рисунки охрой на скалах Кантегир I и II; 9,11 – наскальные изображения, нанесенные охрой у деревни Быстрой на правом берегу Енисея; 10 – могильник Тас-Хазаа, могила 1; 12 – стела близ улуса Верхний Долгий Маяк на реке Ербе. [Кызласов, 1986].

мени существования этого пласта изображений в сравнении с их более тучными собратьями.

При этом справедливо сопоставить плиты из Черновой VIII с более древними изображениями личин, антропоморфных существ и птиц, как выбитых, так и выполненных охрой на плитах могильника Тас-Хазаа. Этот могильник был определен как афанасьевский [Липский, 1961, с.

271], затем часть впускных могил отнесена к окуневскому времени [Максименков, 1965, с. 40]. Большая древность антропоморфных фигур на плитах из Тас-Хазаа подтверждается аналогиями с фигурой человека с растопыренными пальцами на Керновском идоле в Причерноморье, на стенках могил в Новосвободной (рис. 86) и с изображениями трехпалых антропоморфных существ в петроглифах

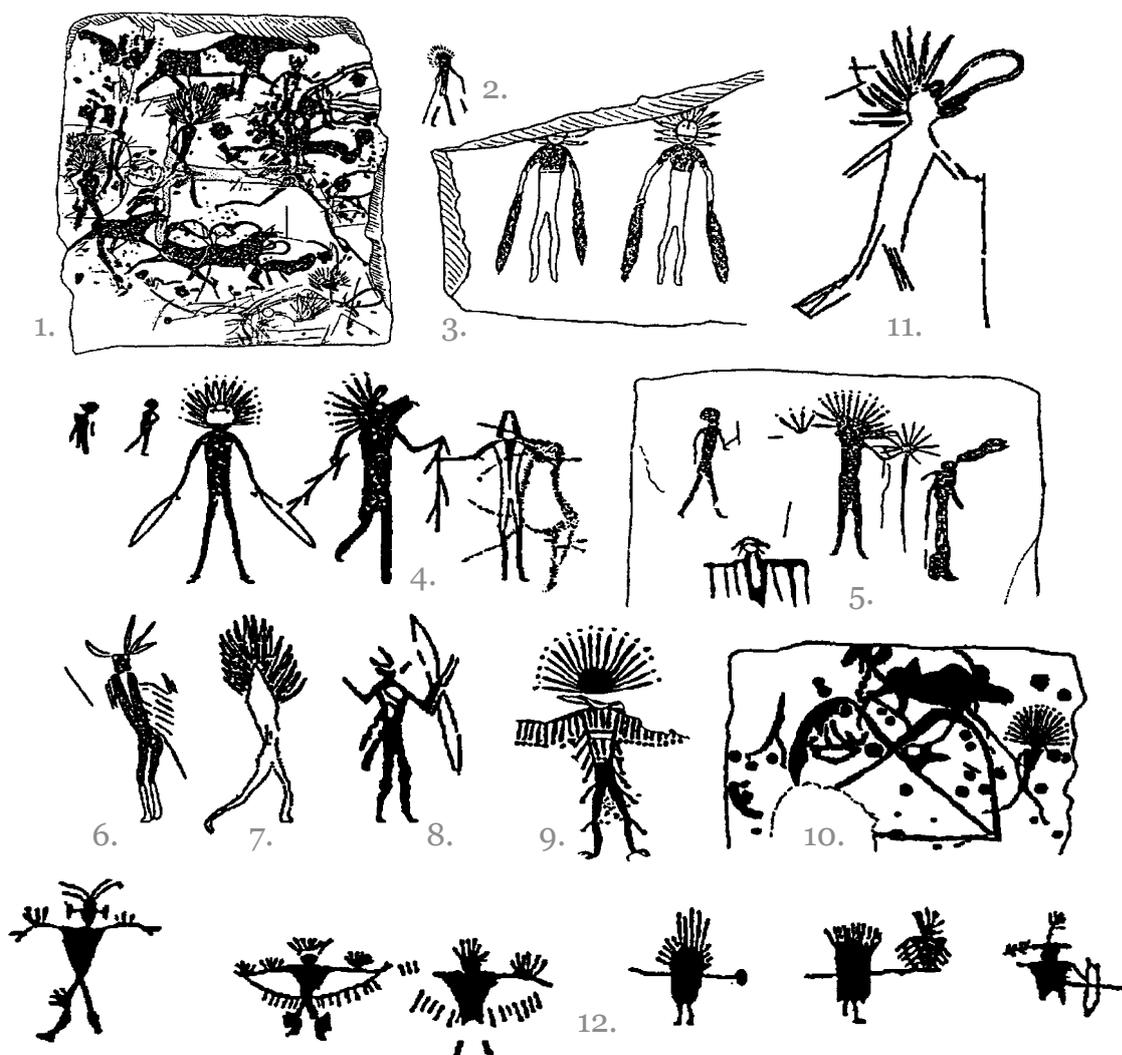

Рис. 88. Изображения «солнцеголовых» существ на плитах могильника Каракол в Горном Алтае и в Китае. 1 – курган 2, могила 2, плита 3; 2 – курган 2, могила 2, плита 4; 3 – курган 2, могила 2, плита 1; 4 – могила 5, плита 1; 5 – могила 5, плита 6; 6 – курган 2, могила 2, плита 2; 7,11 – курган 2, могила 2, плита 2 (гравировка); 8 – могила 5, плита 4; 9 – курган 2, могила 2, плита 5; 10 – могила 5, плита 3; [Кубарев, 1988]; 12 – Кангуан, провинция Юнань. [Chen Zhaofu, 1988].

Чулуута, где эти изображения сочетаются на плоскости с массивными фигурами быков [Новгородова, 1989, с. 92-93].

Если это так, то плиты из Тас-Хазая являются таким же основанием для афанасьевской атрибуции некоторых антропоморфных изваяний Южной Сибири, каким являются плиты с изображениями из могильника Черновая VIII для обоснования их связи с окуневской культурой.

С учетом изложенных замечаний представляется, что окуневские памятники генетически связаны с афанасьевскими и отражают хронологические изменения главным образом в материальной культуре, которые претерпели здесь первые переселенцы из западной части степной Евразии [см. подробнее: Шер, 1980, с.216-232]. Скотоводы, пришедшие с запада, принесли с собой тра-

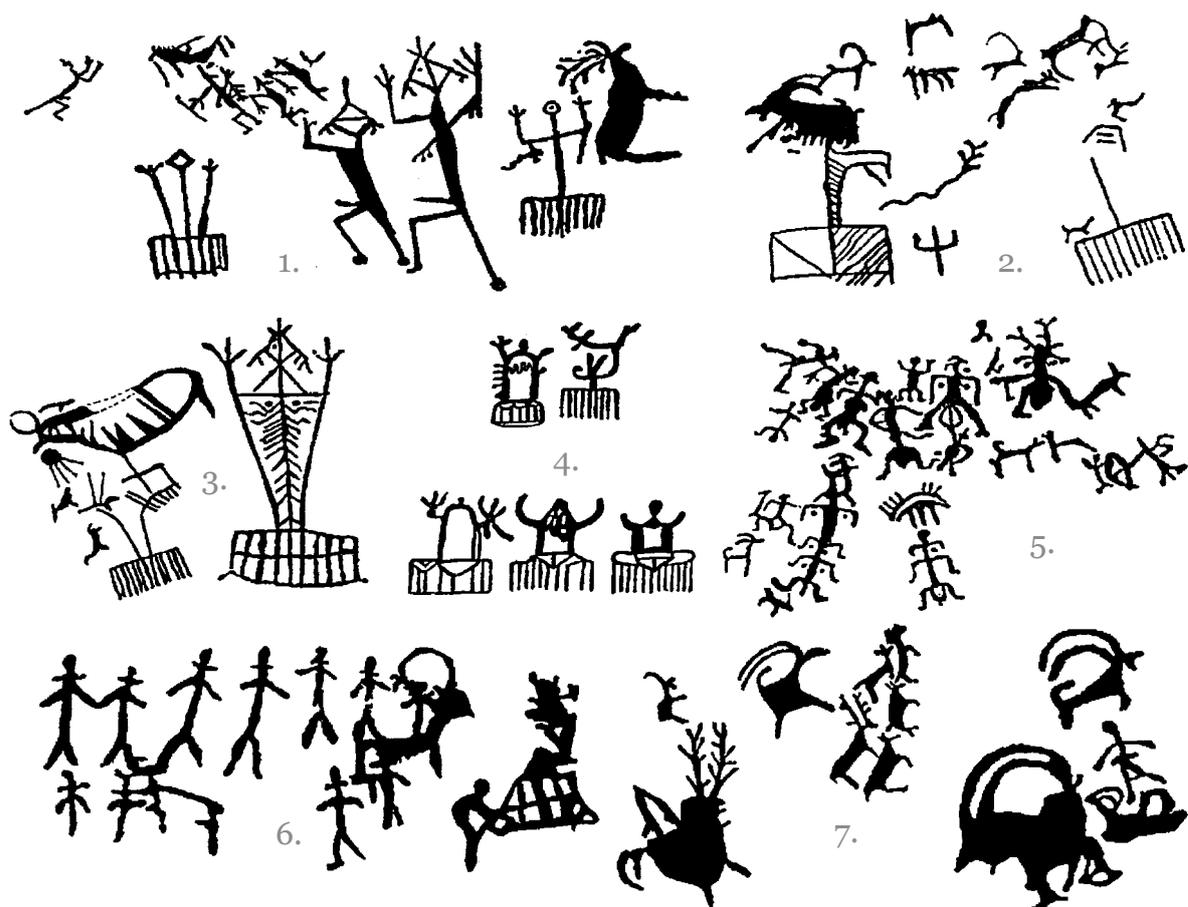

Рис. 89. Монголия. 1-7 – изображения людей и животных в петроглифах долины р. Чулуут. [Новгородова, 1984].

дицию устанавливать менгиры и антропоморфные изваяния. Эта идея нашла здесь дальнейшее местное развитие, что проявилось в изменениях стиля, многочисленных наложениях изображений друг на друга, в разработках образа женщины – хранительницы семьи. В монгольских степях эта идея развилась в обычай устанавливать оленные камни. Видимо, существует хронологическое различие между временем установки каменной стелы и нанесением на нее изображений.

Инновациями в истории древнейших племен Южной Сибири стали обычай украшать стенки каменного ящика и сам мегалитический каменный об-

ряд с курганом. При этом древнейшие изображения выполнялись охрой (Тас-Хазаа), а затем стали выбиваться.

Древнейшие в Центральной Азии изображения повозок – фургонов на Знаменской стеле, телеги на изваянии у станции Усть-Бюрь и двуколки на аскизской стеле – датируются афанасьевским временем.

У с. Каракол на Алтае раскопан могильник, большая часть могил – каменных ящиков которого – оказалась ограбленной или разрушенной. На стенках этих ящиков открылись удивительные полихромные росписи, главный персонаж которых – антропоморфное «солнцеголовое» существо, изображенное как

в плановой, так и в профильной проекциях [Кубарев, 1988]. Ближайшие аналогии этой фигуре находим в росписях на каменных ящиках могильника Тас-Хазаа, петроглифах Чулуута, на стенках гробниц кургана 28 у ст. Новосвободная [Резепкин, 1982, с. 28, рис. 1]. Близкие персонажи изображены и на афанасьевских (окуневских) стелах (рис. 86-89). Это сходство позволяет предполагать афанасьевскую атрибуцию могильника. Отмечу удивительную близость «солнцеголовых» фигур и антропоморфных изображений на Керносовском идоле и поразительное совпадение цветовой гаммы (красная, черная, белая краска) и отдельных фигур на каменных ящиках у станции Новосвободная и из Курбан-Байрама, а также в петроглифах китайской провинции Юнань.

В 50-60 км от станции Каракол при вспашке поля у пос. Озерное обнаружена уникальная плита серого сланца (рис. 90), на которой техникой выбивки в сочетании с элементами барельефа и резьбой нанесены 13 фигур животных. Уверенно определяются только быки. Фигуры группируются в 3 горизонтальных фриза, тщательно проработаны мелкие детали: рога, уши, копыта. Авторы публикаций не находят прямых аналогий этим изображениям в Центральной Азии и указывают на характерное сходство с барельефами Египта и древнего Ближнего Востока [Молодин, Погожева, 1990, с. 167-177]. Отмечу сходство фигур быков и козлов (?) с изображениями на сосудах из Большого Майкопского кургана и с древнешумерской изобразительной традицией, а также с тонкими гравировками антропоморфных фигур на плитах могильника Тас-Хазаа в технике исполнения.

Плита из Озерного может служить прямым доказательством продвижения скотоводческих племен в степные районы

Рис. 90. Горный Алтай. Плита из Озерного. [Молодин, Погожева, 1990, с. 170].

внутренней Азии и свидетельствует об их взаимодействиях с древними ближневосточными цивилизациями через Кавказ.

В восточной части Казахстана открыт грот Акбаур (рис. 16), по стенам и потолку которого темно-красной краской нанесены геометрические знаки, изображения легких переносных жилищ типа шалаша и распряженной двуколки, всего свыше 80-ти фигур [Самашев, 1990; 2010]. Автор датирует повозку по сочетанию дисковых колес с показанными особенностями ярма (вертикальным притыком) – началом-первой половиной 2 тыс. до н.э. Представляется, что эти изображения могут датироваться рубежом 3 – 2 тысячелетий до н.э.

Приведенные выше материалы и аргументация позволяют предполагать существование трансконтинентального канала коммуникации древнейших сообществ скотоводов, сформировав-

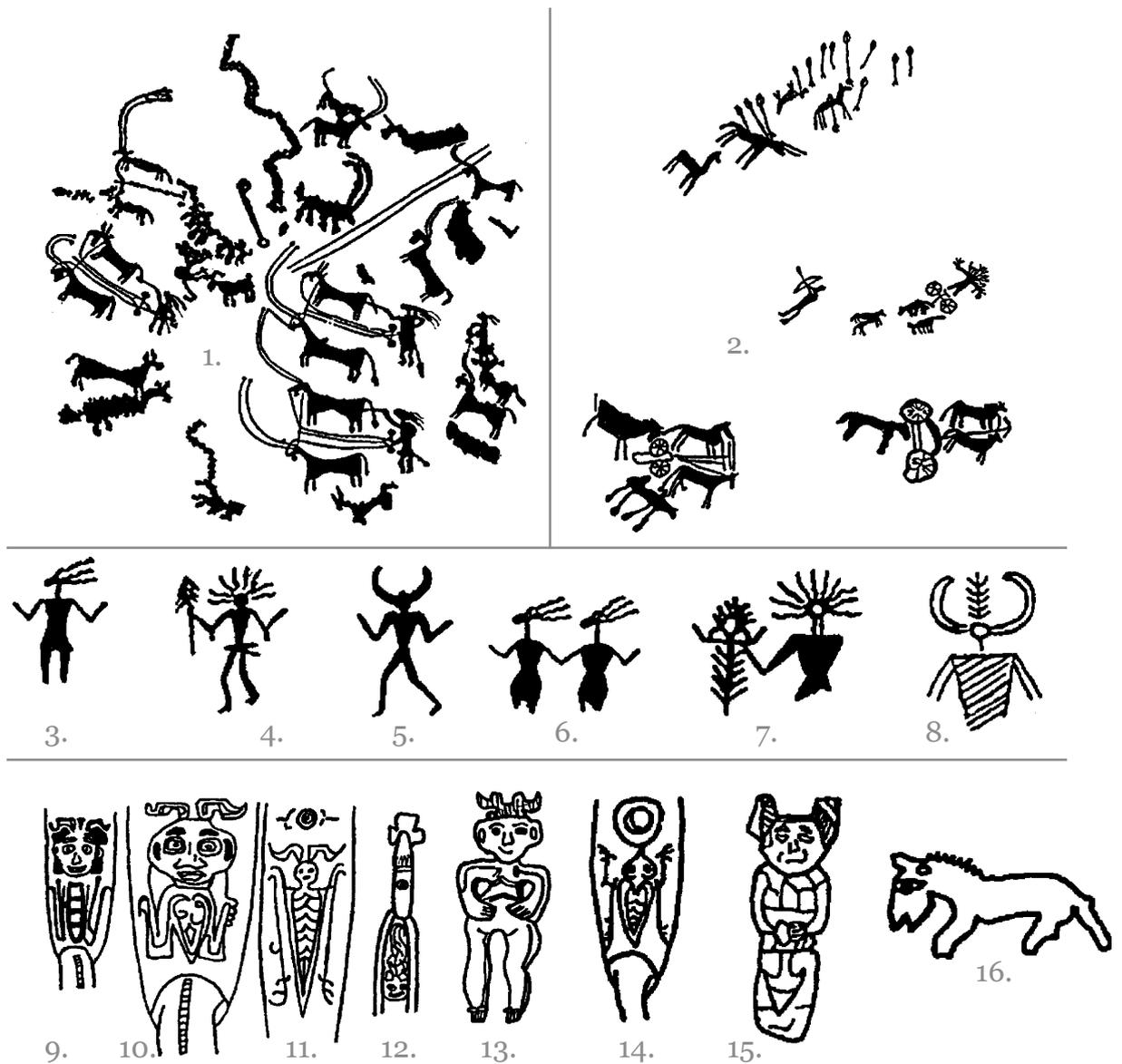

Рис. 91. «Солнцеголовые» возничие повозок, индийские и китайские параллели: 1 – Саймалы-Таш; 2 – Ешкюльмес; 3 – Моди; 4,5 – Бхимбетга; 6 – Хараппа; 7 – Навадатоди; 8 – Калибанган. 3-5 – росписи краской в гротах, 6-8 – изображения на керамике; 9-12,14 – изображения человека на пластинах «моделей ярма» иньского и чжоуского (14) времени; 13,15 – чжоуская и иньская нефритовые фигурки; 16 – нефритовая скульптура лошади, аналогичная графическим знакам с иньских бронзовых сосудов. [Шер, 1980; Марьяшев, Рогожинский, 1991; Brooks, Wakankar, 1986;Кожин, 1988].

шегося в широтном направлении, по всему континентальному поясу степей. Кочевавшие на своих фургонах-жилищах вслед за своими многочисленными стадами в поисках новых пастбищ некоторые производственные группы скотоводов постепенно продвигались на восток и достигли Минусинской

котловины, которая естественным образом ограничивает евразийские степи на востоке.

Эти первые переселенцы привезли с собой многие необычные навыки: изобразительную традицию – украшение охрой стен своего жилища-фургона, традицию возводить мегалиты – сте-

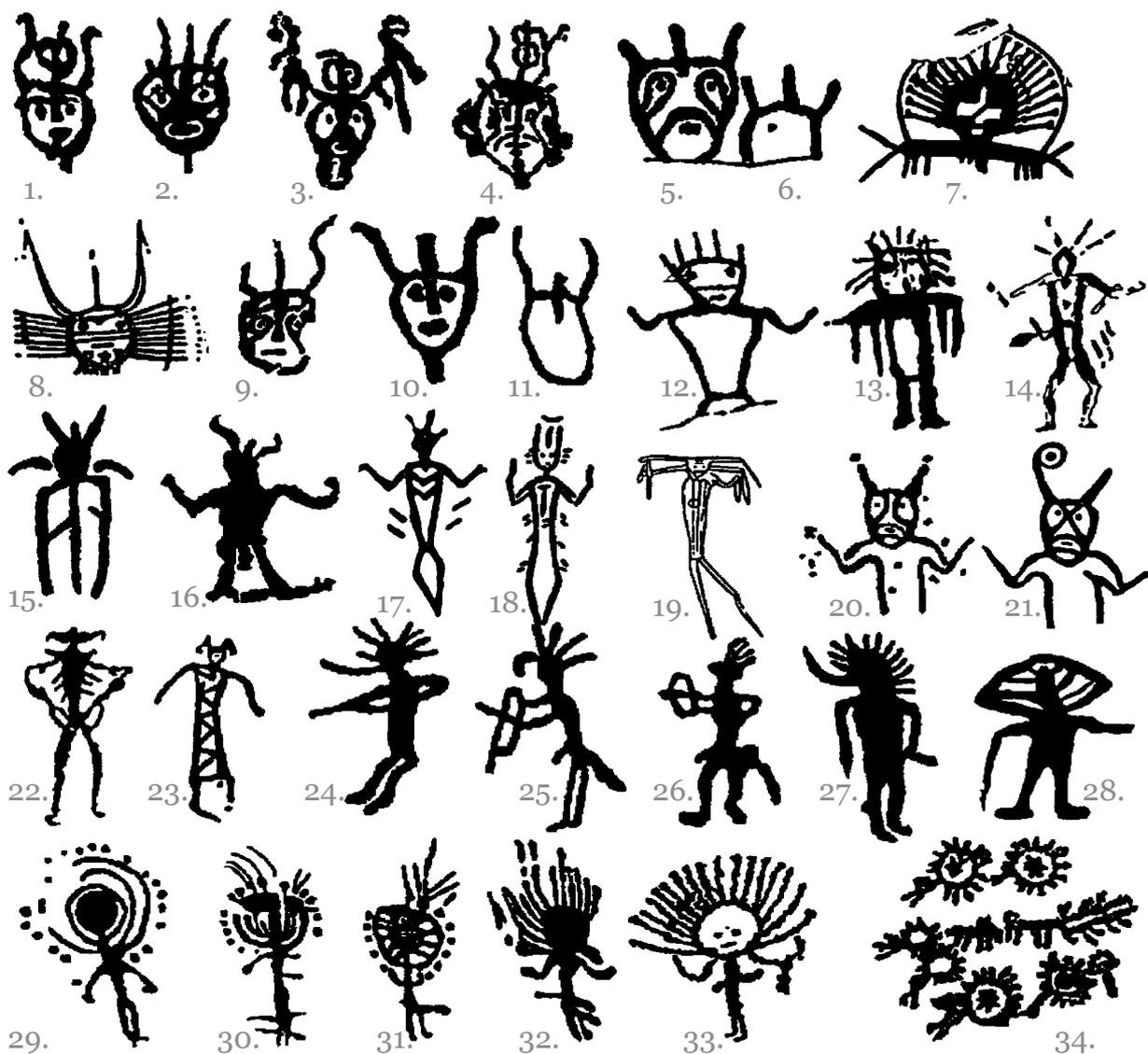

Рис. 92. Изображения «солнцеголовых» существ в петроглифах Средней и Центральной Азии. 1-4, 9-11 – личины эпохи бронзы Мугур-Саргола; 5,6 – Тепсей; 7, 8, 12 – Шалаболино; 13 – Карбан; 14 – Сосновка Джойская; 15 – Средняя Лена; 16 – Мугур-Саргол; 17 – Ангара; 18 – Самусь IV (керамика); 19 – Тас-Хазая; 20, 21 – Камышга; 22 – Оглакты; 23 – Синьцзян; 24-28 – Байконур; 29-32 – Тамгалы; 33-34 – Саймалы-Таш. [Новоженков, 2002, с. 33].

лы-менгиры и каменные ящики своих гробниц – жилищ в ином мире, свои производственные навыки и свои собственные коммуникативные системы [Лазаретов, 2011; Семёнов, 1987; Есин, 2010]. Оказавшись в комфортной и достаточно обширной экологической нише, каковой является Минусинская котловина, они активно стали вступать

в различного типа отношения с редким аборигенным населением, воспринимая их традиции и некоторые обычаи через своих местных жен. Дальнейшее продвижение этих групп было возможно только в южном направлении, вектор этого движения направлен на степные пространства Монголии и Синцзяна, через горные долины Алтая. ■

Реконструкция путей миграции в 3 – начале 2 тысячелетия до н.э.

В специальной литературе уже высказывалась концепция распространения колесного транспорта с запада на восток, из районов Переднего Востока в Туран с юга – на север, от земледельцев Средней Азии в степные и северные районы [Иванов, 1983, с. 36; Гамгрелидзе, Иванов, 1984, с. 950-951]. Ее поддерживают многие исследователи петроглифов [Самашев, 2010; Шер, 1980; Марьяшев, Горячев, 1998; 2002; Слободзян, 2003, с. 157-158] на основании того, что на перевале Саймалы Таш, через который проходит древняя караванная тропа в Ферганскую долину, зафиксирован пласт изображений упряжных животных – быков и горных козлов – в битреугольном стиле, показанных в профильной проекции [Бернштам, 1952; Шер, 1980].

В этом стиле изображены упряжные быки в двух- и четырехколесных повозках на небольших дисковых колесах. Возникшие этих повозок изображены сходящими от головы лучами (рис. 91:1, 92). З.С. Самашев [2010] вместе с тем отмечает, что наскальные изображения животных в битреугольном стиле, которые встречаются вместе с изображениями колесного транспорта, к северу от Ферганского хребта встречены только в Шу-Илийских горах и в незначительном количестве – в петроглифах Жетысуского Алатау. Немногочисленные экземпляры подобных изображений известны

на Тарбагатае и они, по-видимому, значительно моложе, чем саймалыташские и тамгалинские.

Представляется, что взаимодействие групп степной культуры скотоводов и среднеазиатской земледельческой цивилизации (туранской) согласуется с третьей «конъюнктурой» модели К.К. Ламберг-Карловски, которая характеризуется активными взаимосвязями в конце 3 тыс. до н.э. индской и туранской цивилизаций. «Экспансионистские тенденции в Средней Азии были направлены, с одной стороны, на Северный Белуджистан и Индскую цивилизацию, а с другой – на районы Маргианы и Бактрии. Эти ранее необитаемые области были впервые заселены пришельцами – носителями культуры Намазга V/VI» [Ламберг-Карловски, 1990, с. 16-17].

В восточных и северо-восточных районах древнего Ближнего Востока обнаружены многочисленные модели повозок или их детали. Сами по себе они не могут служить свидетельством широкого применения реальных повозок в этих обществах, а фиксируют лишь факт знакомства с этим изобретением. Модель или изображение повозки есть наиболее простой способ фиксации (записи) чудесных знаний о новом объекте в древних обществах.

Особняком стоят находки повозок в Гонур-Тепе, возраст которых синхронен датировкам могил с повозками в Шу-

мере и Эламе. Такое быстрое распространение знаний о повозке, либо самих повозок, следует рассматривать с точки зрения общей культурно-исторической ситуации на древнем Ближнем Востоке в этот период [Ламберг-Карловски, 1990, с. 3-21].

В период с 3300 по 2400 гг. до н.э. отчетливо выделяются три повторяющиеся ситуации («конъюнктуры»).

Первая – 3300 г. до н.э. – связана с образованием шумерских городов-государств и колонизацией ими соседних районов: Хабуба в Сирии и Годин-Тепе, Сузы в Иране. Эти памятники содержат культурные слои, аналогичные позднеурукскому.

Вторая «конъюнктура» – ок. 2900 г. до н.э. В этот период шумерская колонизация оказала значительное влияние на протоэламскую культуру Суз (слои 16-14) и способствовала экспансии протоэламской общины в соседние районы Иранского нагорья – Сиалк IV, Тали Мальян (период Банеш), Тепе Яхья IVc, Шахр-и Сохта, вплоть до Средней Азии, поскольку на памятнике Шахр-и Сохта совместно с оттисками протоэламских цилиндрических печатей обнаружена керамика Намазга III. В этот период колонизация протоэламитов с запада дополняется такой же экспансией с северо-востока, из Южной Туркмении. Добавлю, что в этот период происходит экспансия или миграция из Месопотамии «протомайкопского» населения на север, в степные регионы через прибрежные районы Каспия.

Третья «конъюнктура» – ок. 2400 г. до н.э. Является наиболее сложной моделью взаимодействия Месопотамской, Эламской, Туранской и Индской цивилизаций, каждая из которых активно распространяет свое влияние на довольно удаленные друг от друга территории.

Если отношения Месопотамии и Элама в этот период характеризовались враждой и соперничеством, то Туран и Хараппа демонстрируют развитие активных взаимосвязей. Находки Намазга V-VI обнаружены вблизи Мергарха (Боланский проход в Пакистане), а индские – в Северном Афганистане на поселении Шортугай [Francfort, 1989].

Связи Месопотамии и Индской цивилизации, которая называлась в месопотамских текстах Мелухха, начались еще в период первой конъюнктуры, причем ни одного шумерского предмета не найдено в долине Инда и, напротив, хараппские предметы известны в Шумере. Очевидно, инициатива этих контактов принадлежала Индской цивилизации. Не зафиксированы взаимосвязи Хараппы и Элама, который, судя по всему, стремился мешать торговым связям Хараппы с Месопотамией. Последняя, усилиями Саргона Аккадского, расширяет колонизацию Северной Месопотамии – Пурушханы в Анатолии и Симурры в Ассирии.

В основе этих культурно-исторических взаимодействий лежит комплекс причин, связанный с формированием новой социальной технологии – бюрократических государственных структур, успехами в сельскохозяйственном производстве и, как следствие, очень быстрым ростом численности населения.

Так, в Шумере зафиксировано десятикратное, а в Сузиане позднее – трехкратное увеличение населения [Adams, 1981, p.70]. С этих позиций становится понятным царский погребальный обряд в Уре, требовавший насильственного умерщвления большого числа юношей.

Первые колесные повозки в Шумере, как и другие ранние свидетельства формирующейся государственно-бюрократической структуры управления, явились совершенно новым и очень важ-

ным средством колонизации соседних территорий. Источники свидетельствуют о ярко выраженном военном аспекте их применения (например, Штандарт из Ура). Вместе с тем особенность распространения колесных повозок на древнем Ближнем Востоке – в оседло-земледельческом характере развивающихся здесь цивилизаций.

Потребности в их использовании связаны прежде всего с перевозкой тяжелых грузов и урожая с полей. Не вполне ясно, насколько сильны были эти потребности в Туране и Хараппе. Очень рано возникает идея использования повозок как передвижного жилища – фургона. Эта функция была важна для тех групп населения, которые должны были покинуть свои места в связи с постоянным избытком населения и в результате военно-бюрократической экспансии Шумера.

Представляется, что сходная и не менее сложная система коммуникаций формировалась и на севере – в степной полосе Евразии.

В 3 тыс. до н.э. в Евразии произошло глобальное изменение климата – он стал более континентальным и сухим [Долуханов, 1984, с. 31; Lozek, 1971], что явилось главной предпосылкой к развитию скотоводческого уклада хозяйства. Аридизация климата неизбежно вела к развитию в степном поясе Евразии номадизма – специфической культуры скотоводов. В культурно-историческом понимании это – обширное сообщество пастухов, объединенных единым занятием: воспроизводством скота, обслуживанием этого процесса и сходной системой мифологических представлений.

Особенности скотоводческого типа хозяйства по Н.Э. Масанову [1984; 1987, с. 29-39; 1989, с. 55-81; 2000, с. 116-130]:

- традиционность, которая обусловлена, с одной стороны, природно-экологическими факторами, а с другой – естественными биологическими потребностями стада. Сложившись однажды, этот тип хозяйства сохранялся практически без изменений в течение следующих тысячелетий;

- дисперсность, постоянная подвижность населения, происходящая от потребности искать новые и новые пастбища для скота;

- цикличность передвижения, которая определяется привязкой к конкретной экологической нише – источникам воды и восстанавливающимися через определенный промежуток времени пастбищам: так, например, казахи в этнографическое время совершали тысячекилометровые циклы кочевков;

- незначительная плотность населения, которая диктуется численностью поголовья стада, требующего значительной площади пастбищ – с одной стороны – и ограниченного числа людей, способных прокормиться от этого стада – с другой.

- универсальность, которая происходит от конкретных условий определенной экологической ниши и проявляется в сочетании различных форм скотоводства: оседлого, полукочевого, яйлажного и вспомогательных производств – кузнечных, плотницких, гончарных, ткацких и других, вплоть до занятий земледелием.

По археологическим данным, степная культура скотоводов фиксируется памятниками древнейшей культурно-исторической области [Мерперт, 1974, 1977, с. 68-79, 1988, с. 7-36, Энеолит СССР, 1982], с ее многочисленными вариантами, которые соотносятся с конкретными экологическими нишами в степи и связаны, вероятно, с циклическим характером скотоводства.

Выделяются контактные зоны взаимосвязей скотоводов с аборигенным населением. К их числу в западной части Евразии относятся: чересполосное сосуществование древнеямных и других энеолитических групп в Восточной и Центральной Европе, отмеченное В. А. Сафроновым [1989, с.203-204], группа памятников в степном Предкавказье – новотиторовская культура, Причерноморская группа памятников, старосельская, Приуральская и другие.

В восточной части степной Евразии такие зоны фиксируются находками афанасьевской и окуневской культур в южной Сибири и Монголии, каракольской культуры на Алтае, заманбабинской группы памятников в Средней Азии. Необходимое звено, позволяющее связать западные и восточные памятники, обнаружено в Центральном Казахстане. В могильнике Карагаш раскопан ямный курган [Евдокимов, Ломан, 1989, с. 34-46]. Материалы этого кургана соотносятся с находками в Зауралье и на Эмбе [Потемкина, 1978, с.273].

Одним из важнейших каналов коммуникации в этот период представляется возникновение и развитие изобразительной традиции.

Истоки центральноазиатской изобразительной традиции. Рассмотрим погребальный обряд с повозками с позиций тезиса «могила – жилище для покойного». Выделяются две модели такого обряда.

Первая модель предполагает установку повозки в собранном виде непосредственно в могильной яме, либо у ее края или в протокатакомбе (2-й и 3-й этапы новотиторовской культуры, майкопская могила Павлоград 4/18 и др.).

Другая модель в основе имеет известный в древности принцип *pars pro toto*, когда части повозок, чаще всего колеса,

укладываются плашмя по краям (углам) могилы, либо на ее перекрытии (1-й этап новотиторовской культуры, мог. Архара, Три брата и др.). Непременный атрибут могил этого типа – покрытие из войлока или циновки и остатки специальных столбов внутри могильной ямы, что, возможно, является попыткой воссоздать в этой яме конструкцию фургона.

Циновки и деревянные детали, лежащие на перекрытиях могил, как в первой, так и во второй моделях, раскрашены зигзагообразным узором, нанесенным красной краской (Лебеди I, курган 2, могила 119). Иногда узоры имеют вид косых крестов, выполненных белой краской, либо пересекающихся полос в виде лент красного, черного, белого цветов, отмечены также черные окантовки циновки (Останий, курган 1, могилы 100, 140, 150, 160, курган 2, могила 15, Пластуновский I, курган 1, могила 11). И, наконец, обнаружена и сюжетная роспись красной краской на таком перекрытии в могиле 11, кургана 3, Могильника Батурицкий II [Гей, 1991, с. 59-60; Шарафутдинова, 1983].

Генетическая связь новотиторовской и новосвободненской культур не вызывает сомнения у кавказоведов – более того: в последней известна могила с повозкой [Кондрашов, Резепкин, 1988]. Допускается прямое наследование новосвободненских традиций, либо сосуществование двух культур на раннем этапе новотиторовской культуры [Гей, 1991, с. 66-67]. В.А.Сафронов подробно обосновывает сходство новотиторовской (кубано-днепровской) культуры с древнеямными и новосвободненскими памятниками [1989, с. 213-241] и объединяет дольмены Новосвободной с усатовскими и кемиобинскими мегалитическими сооружениями в единый блок культур.

Последний вывод представляется весьма важным, поскольку позволяет лучше понять истоки степной изобразительной традиции.

Погребальные сооружения новосвободненской культуры представляют собой крупные каменные ящики, грунтовые ямы, или ямы с деревянными ящиками. На каменных стенках одного из двухкамерных ящиков обнаружена полихромная роспись [Резепкин, 1987, с. 26-32]. Красной и черной краской на белую грунтовку нанесены антропоморфная фигура и вереница лошадей. Аналогичные росписи, выполненные в той же цветовой гамме, найдены на стенке каменного ящика в Курбан-Байраме, отнесенного к кеми-обинской культуре [Щепинский, 1985, с. 334-335]. Особенность кеми-обинской культуры, памятники которой распространены в Крыму, Поднепровье и Приазовье, – в украшении стенок каменных ящиков различными геометрическими фигурами, и в установке стел над могилами в виде простой плиты или антропоморфной фигуры.

Так, Керносовский идол представляет собой антропоморфную стелу, на лицевой стороне которой выбиты топор, посоховидные предметы, нож, булава и др. предметы, а в основании – вереница лошадей(?). На боковой стороне стелы – две человеческие фигуры, одна из которых показана с преувеличенно растопыренными пальцами.

Если сравнить эти особенности кеми-обинского, новосвободненского и новотиторского погребальных обрядов, то традиция украшать стенки ящика, циновки покрытия и стенки могил (Три брата) представляется тождественной.

Использование каменных плит в могилах определялось, во-видимому, природно-географическими условиями. В степи трудно найти плиты подходящих

размеров, транспортировка их невыгодна, это влекло замещение их функции более подручными для скотовода материалами: войлоком или циновками, деревом, при сохранении традиции украшать их росписью.

Таким образом, производственные коллективы степной культуры скотоводов были знакомы с изобразительной традицией, что проявилось в украшении стенок фургонов (Бедени) и погребальных сооружений, установке антропоморфных стел и менгиров. Это были необходимые условия для развития собственной традиции изображения повозок. Эта традиция имеет, видимо, ближневосточные корни. В среде скотоводов она получила свое дальнейшее продолжение в виде изображений на скалах Каменной могилы, в Гегамских горах, на плите могилы в Цюшене и в орнаментальном декоре сосуда из Броносицы, который имеет по форме прямые аналогии в новосвободненской посуде и мог быть получен из скотоводческой среды в результате обменов.

Мое представление о степном импульсе с запада, под влиянием которого формировалась центральноазиатская изобразительная традиция, ни в коей мере не исключает и не игнорирует местную неолитическую наскальную изобразительную традицию, представленную памятниками Шишкино, Шалаболино и др. в таежной зоне Сибири. Интересная проблема взаимопроникновений в степной и в таежной традиции требует тонкого детального анализа и еще ждет своих исследователей.

Вообще, сопоставление какого-нибудь персонажа в изобразительной традиции с какой-либо археологической культурой вряд ли целесообразно. Скорее, эти персонажи должны соотноситься с определенной локальной изо-

бразительной традицией и, если есть аргументы, то и с этносом, который эта традиция выражает. Такие термины, как «афанасьевское», «окуневское», «андроновское» искусство в известном смысле условны и служат рабочими понятиями археологов.

Профильная и плановая проекции. В ближневосточной изобразительной традиции известен только один ракурс – профильное отображение повозки и упряжных животных. В петроглифах Каменной могилы упряжные быки и платформа переданы в плановой проекции, а колеса – в виде прямых коротких линий. На горшке из Броносицы, плите в Цюшене и петроглифах Гегамских гор не только упряжные животные показаны в плановой проекции, но и колеса изображены в виде кружков, как бы уложенными плашмя. Это, очевидно, соотносится со второй моделью степного погребального обряда с повозками, когда колеса по углам могилы символизировали повозку, кузовом которой являлась могильная яма – праобраз дома на колесах. Видимо, это устойчивое мифологическое представление лежит в основе плановой проекции в изобразительной традиции, кибитка-фургон при этом как бы подразумевается в виде собственно могильной ямы.

Изображения на плитах могил новосвободной, кеми-обинской культур и на циновке из мог. Батурицкий II, свидетельствуют об использовании профильных фигур. Представляется, что выбор ракурса для изображения повозки зависел исключительно от стремления художника показать наиболее значимую для него деталь изображаемого объекта – колесо или конструкцию кузова. С представлением о повозке в профильной проекции, возможно, соотносится первая модель степного погребального обряда,

когда телега устанавливалась в неразобранном, обозримом со всех сторон виде.

Изобразительные источники свидетельствуют о широком распространении повозок «А»-образного типа и двуколки на мелких колесах в достаточно удаленных друг от друга регионах. Это может свидетельствовать о формировании в этот период устойчивых каналов коммуникации между этими регионами. Скорее всего, периодически «выдавливаемые» из Месопотамии группы скотоводов вынуждены были заниматься скотоводством, искать новые пастбища для своего скота как в восточном, так и в западном широтном направлениях. Часть этих социумов осваивала равнинные пространства Европы, находя для себя наиболее удобные экологические ниши, формируя свои собственные и внешние каналы коммуникации с аборигенным населением. Направленность этих каналов определяется в этот период Скандинавией и Средиземноморьем, где на местных скалах зафиксирован факт их присутствия.

Судя по изобразительным памятникам Турана, обитавшие здесь группы имели сходную структуру мифологических представлений. Исследователи синхронных памятников в Пакистане и Афганистане отмечают проникновение степных племен с севера, о чем наглядно свидетельствуют петроглифы долины Инда [Jettmar, 1980, s.185-221; 1980a, s.151-199; 1982, s.293-308; Dani, 1983].

А.-П. Франкфор, сопоставляя медные печати и амулеты из Бактрии и Ордоса, пришел к выводу об отсутствии каких-либо активных контактов в широтном направлении между населением этих двух районов, признавая при этом наличие взаимосвязей степных обществ с древними земледельцами по линии север – юг [1989, с. 203-217].

Рис. 93. Казахский мелкосопочник. Грот Тесиктас. Быки, роспись. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

В степях Южной Сибири, на Алтае и в Западной Монголии под влиянием проникающих сюда с запада групп скотоводов сформировалась единая культурно-историческая общность, носители которой близки по антропологическому типу, материальной культуре и, вероятно, имели единую систему религиозно-мифологических представлений, что и проявилось в формировании яркого пласта в центральноазиатском наскальном искусстве.

Сейчас трудно конкретизировать пути продвижения древнеямных групп в южном направлении через бескрайние казахстанские степи в Среднюю Азию.

Не исключаю возможности продвижения и с юга – на север; в любом случае факт такого продвижения документируют памятники заманбабинской группы в низовьях Зеравшана (Кызыл-Кумы) [Кузьмина, 1958; Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966].

Возможно, освоение древнеямными племенами южных, степных районов фиксируют и изобразительные памятники. Так, в Центральном Казахстане обнаружен грот Тесиктас, на своде которого красной краской нарисованы различные геометрические знаки и две массивные фигуры быков (рис.93). Стиль их изображения полностью совпадает с

трактовкой аналогичных фигур на плитах Черновой VIII и в энеолитических петроглифах долины р. Чулуут [Новожезов, 1987, с. 68-78; 2002].

Такое широкое распространение памятников сходного типа по всему степному поясу Евразии может быть объяснено ранним возникновением номадизма, как основного типа хозяйства, уже в начале 3 тыс. до н.э. [Мерперт, 1968, с. 41-43, Шилов, 1975, с. 5-15].

А. Тойнби относил начало кочевничества к концу 4 – началу 3 тыс. до н.э. [1934, р. 404]. Трудно согласиться с представлением, что переход к кочевому скотоводству совершился лишь на рубеже 2-1 тыс. до н.э. [Хазанов, 1973, с. 5-10, Грязнов, 1955, 1956, 1957, Марков, 1973, с. 109], в этот период кочевое скотоводство, очевидно, заняло определяющее место в жизни степных обществ и приобрело, как отметил Н.Э. Масанов, универсальный характер.

Памятники этой культуры, впервые выделенные В.А.Городцовым, определялись как древнеямные – по основному элементу погребального обряда: захоронению в грунтовой яме. Позднее эти памятники получили и другое название – «курганная культура» [Gimbutas, 1970] по характерному погребальному сооружению. Представляется, что к этим терминам, описывающим погребальный обряд, должно быть добавлено определение «фургонная», поскольку фургон или разборное жилище, устанавливаемое или перевозимое на телегах, есть основной тип жилища носителей этой культуры.

Немногочисленные поселения древнеямной культурно-исторической области, возможно, являлись пунктами обменов, ремесленными центрами для подвижных групп скотоводов. Крупные поселки типа Ливенцовки на Дону или

укрепленные – типа Михайловки или Скеля Каменоломня на Нижнем Днепре – составляют, скорее, исключение и выполняли функцию обменных и ремесленных центров, а также убежищ в зимний период.

Социобиологический фактор.

Рассмотрим подробнее одну производственную ячейку сообщества скотоводов на материалах новотиторовской культуры [Гей, 1991, с. 54-71; 2000]. Среди 500 изученных могил повозки представлены в 90 случаях и найдены только во взрослых погребениях (старше 20-ти лет). Такие погребения составляют четвертую часть всех взрослых могил или до 40% в отдельных группах памятников. На те же 500 могил приходится одно захоронение литейщика-кузнеца, две могилы плотников (вероятных строителей повозок) и три могилы с набором инструментов, предположительно связанных с ткацким или сетевязальным делом.

А.Н. Гей особо подчеркивает, что «выделения особого воинского сословия не отмечено, нет и ярко выраженных захоронений вождей, тем более – военных предводителей» [Гей, 1991, с. 66].

Единовременную численность этой группы можно представить при помощи следующих подсчетов: продолжительность существования новотиторовской культуры составляет примерно 500 лет (по 100 могил за каждое столетие). При средней продолжительности жизни в 25 лет приблизительное количество членов этого коллектива составит 25 человек; при том, что детские могилы составляют 17-37% в различных группах памятников, а в среднем – 27%. В итоге – получаем в одно поколение производственный коллектив из 18-ти взрослых человек и 7-ми оставшихся в живых детей.

Рис. 94. Казахский мелкосопочник. Петроглифы долины р. Байконур. Группа 1. Эротическая сцена. Визуальная реконструкция первоначального вида (коллаж).

Такая ячейка составляла, вероятно, основу сообщества скотоводов и соответствует по численности большой патриархальной семье, которая, скорее всего, была автономной и удовлетворяла основные свои потребности самостоятельно. Если предположить, что пастбища вокруг истощались в течение одного поколения [Масанов, 2000, с. 116 – 130], а число членов этой ячейки возрастало естественным образом, то единственный способ ее развития – откочевка на фургане к новым пастбищам либо всей семьи, либо представителей молодого поколения этого социума. Возможно, именно такая «модель» позволяет объяснить громадный ареал памятников степной культуры скотоводов.

Нет никаких археологических данных, которые позволяли бы предполагать наличие социальной дифференциации в этих производственных ячейках – кланах, основу которых составляли кровные родственники. Допустимо предположение об объединении этих групп в родовые сообщества, которые имели вождя-старейшину, врачевателя-шамана, специалистов-плотников, кузнецов и, возможно, художников-жрецов.

Явные свидетельства социальной дифференциации появляются несколько позднее – в конце следующего периода – в виде мегалитических сооружений-мавзолеев бегазы-дандыбаевской культуры, карасукских оленных камней, херексу-

ров и гигантских погребальных курганов сакско-скифского времени. Вместе с тем, традиция установки крупных мегалитов с изображениями на них уже имеет место быть.

Социобиологический фактор лежал в основе саморазвития этих производственных коллективов-кланов. Каждый такой коллектив целесообразно рассматривать как совокупность двух составляющих групп: промысловой и домашней. В первую входили взрослые мужчины и обучающиеся производственным навыкам юноши, во вторую – женщины, дети и старики. При «мобильном» укладе хозяйства эти две специализации членов коллектива тесно взаимосвязаны. В основе отношений между двумя группами лежал сексуальный договор, который выполнял три основные функции: пищевую, сексуальную и воспитательную. Этот договор (статус-секс) регламентировал внутреннюю жизнь такой группы и стал основой появления системы различных моральных установок, табу и норм поведения [Новожинов Ю.И., 1991, с. 31-46; 2005]. К их числу следует отнести естественное стремление к воспроизводству членов семьи и стремление избежать инцеста. Многочисленные эротические сюжеты в петроглифах демонстрируют важную роль такого договора (рис. 94).

Социальный статус выделяющихся в обществе предводителей во многом определялся их физическими возможностями. С другой стороны, стремление во всем следовать устоявшимся нормам поведения и морали нивелировало одаренную личность и неизбежно вело к стагнации культурного развития социума. Очевидная традиционность кочевого общества, по-видимому, есть следствие развитой системы табу, различных поведенческих предписаний, словом – очень

развитого канала внутренней коммуникации социума. В результате стало возможным сохранить одну социальную структуру в течение тысячелетий без существенных изменений.

Таким образом, мы выяснили, что единственный возможный способ расселения скотоводов в степи – в небольших производственных коллективах-кланах, разделенных между собой значительными пространствами пастбищ. Демографический рост численности этих коллективов приводил к выделению производственных групп родственников, вынужденных искать новые пастбища для своего скота, поскольку конкретное количество домашних животных требовало определенного их физиологическим потребностями количества биомассы [Федорович, 1973; Масанов, 1984, 1989]. Так, для нормального воспроизводства одной особи лошади в течение одного года требовалось не менее 20 га пастбищ, для одной особи овцы – 12-24 гектара.

Палеодемографический фактор. Некоторые данные из археологических комплексов этого периода могут свидетельствовать о наличии обряда насильственного умерщвления сородичей (или плененных рабов) и совместного их захоронения с погребенными членами социума. Так можно объяснить находки расчлененных при жизни костяков людей, найденные в Тягуновой могиле, а позднее в колесничных комплексах Синташты, Аркаима и других памятниках. Этот жестокий обычай описывают древние китайские письменные источники, в том числе – гадальные кости в Шан-иньском Китае. В следующих главах я еще вернусь к этому вопросу, здесь же отмечу, что в рассматриваемый период, при всей своей иррациональности и связи с развитой системой внутренней коммуникации социума, он может

к изменению языка общения, сохраняя при этом и консервируя наиболее архаичные и устойчивые черты собственной идентификации.

Если археологические данные и позволяют зафиксировать достаточно значительные события и явления в истории, то изменения в социальной жизни могут реконструироваться, главным образом, только теоретически. При этом применимы два уровня исследований: исторический, отражающий глобальные процессы и изменения, и социальный, учитывающий изменения, в основе которых – естественные биологические потребности. Изменения на этих двух уровнях не всегда адекватны.

Социальные процессы сильнее подвержены влиянию случайных факторов – таких, например, как болезни, эпидемии, брачно-семейные отношения, изменения климата и др., которые и предопределяют их значительную подвижность. Насколько сильно такие «микроизменения» могут оказывать влияние на глобальные исторические процессы?

Лингвистический фактор. В своей работе Дж. Робб [Robb, 1991, p. 287-291] попытался ответить на этот вопрос на основе компьютерного моделирования такого исторического процесса, как распространение языков индоевропейской семьи на территории Евразии [подробнее об этом процессе см: Mallory, 1989; Renfrew, 1987]. «Микроизменения» в социальной сфере рассматриваются как «вид социального броуновского движения» [Robb 1991, p. 287].

Оказалось, что небольшие по численности условные языковые группы либо перемещались на карте Евразии на значительные расстояния, либо развивались изолированно. При этом ареал «мобильных» групп более стабилен и непрерывно расширяется за счет «коло-

низации» чужих территорий. Изолированные группы более уязвимы и склонны к вымиранию (рис.95).

Разработанная модель позволяет реконструировать особенности в истории распространения индоевропейских языков. Многие древние неиндоевропейские языки исчезли, видимо, в результате этого процесса – так же, как одни индоевропейские языки замещались другими языками одной и той же семьи. Если на начальных этапах этот процесс носил случайный и хаотический характер, то на завершающих этапах он сопровождался осознанием целесообразности и необходимости завоеваний и гегемонии [Robb, 1991, p. 291].

Длительное пребывание отдельных производственных коллективов в изоляции влекло за собой неизбежную опасность вырождения этих групп и их физическую деградацию. Поэтому принципиальное значение имели брачно-семейные отношения с другими, значительно удаленными группами скотоводов и другими, в том числе и земледельческими социумами, которые и предопределили характер каналов коммуникации, формировавшихся здесь в 3 тысячелетии до н.э. носителями многочисленных археологических культур степной Евразии между собой, а также определили своеобразие и направленность этих каналов на существующие в это время оседлые цивилизации, обладавшие многими недоступными в степи ценностями.

Как бы ни были сложны и противоречивы данные лингвистов, ясно одно: что к концу 3 тысячелетия до н.э. на евразийском континенте уже существовала довольно сложная и развитая система различных каналов коммуникации между обитавшими здесь разнообразными социумами. Очевидно, что в широтном направлении сформировался транскон-

тинентальный транспортный коридор, связывающий европейскую и азиатскую его части. Определенно фиксируются две ветви этого коридора: северная и южная. Первая проходила по равнинным, степным и лесостепным районам континента до Минусинской котловины и северных районов Китая на востоке и до Скандинавского полуострова – на западе. Вторая проходила южнее: до Харappy на востоке и средиземноморского Магриба – на западе. В азиатской части континента зафиксированы каналы коммуникации по линии север – юг через территорию Турана. В этот период формируются контактные зоны, в которых складываются различные по характеру системы взаимодействия групп скотоводов с инокультурным, аборигенным населением.

Выделяются внутренние и внешние каналы этих коммуникаций, для которых характерны взаимоотношения, главным образом, между этнически родственными и близкими по языку группами скотоводов и менее развитыми в экономическом отношении социумами.

В этой системе взаимосвязей, скорее, преобладали брачно-семейные отношения, натуральные обмены, совместные ритуальные (культовые) церемонии, наподобие праздника медведя у северных народов или индийских вакхических праздников плодородия [Косамби, 1968], которые проходили в святилищах с петроглифами, в своеобразных храмах под открытым небом, в самых значимых и удобных местах, на маршрутах к новым пастбищам и плодородным долинам.

Очевидно, что в конце 3 тысячелетия до н.э. в степной среде происходили известные в этнографии процессы ассимиляции и интеграции, включая немирные отношения отдельных групп

скотоводов. Весьма проблематично в настоящее время прямое отождествление каких-то отдельных групп степного населения, зафиксированных здесь многочисленными и уже выделенными археологическими культурами, с какими-то определенными местонахождениями петроглифов, зафиксированными на этой территории. Скорее – это общие святилища нескольких различных кланов или групп социумов, объединенных единой или сходной духовной культурой, «свои» коммуникативные знаки и образы которой были им понятны. Такое представление объясняет различия в стилистике на одном памятнике и имеющиеся хронологические «разрывы», которые не могли быть слишком продолжительными.

В целом, в 3 тыс. до н.э. в западной части степной Евразии формируется сложная система взаимосвязей отдельных групп скотоводов с оседло-земледельческими местными племенами в лесостепных и предгорных районах, что отразилось в возникновении как новых археологических культур, так и отдельных вариантов древнеямной культурно-исторической области. Развитие последней связано с конкретными природно-экологическими нишами и циклическим характером скотоводства в них. Эта система соотносится с ситуацией, определяемой по лингвистическим данным как позднеиндоевропейское языковое единство [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 895-959].

Как соотносятся предложенные выводы с известными концепциями о прародине древних индоевропейцев, созданными на основе лингвистических анализов? Наиболее полно они соответствуют концепции, согласно которой прародина локализуется в Анатолии [Гамкрелидзе, Иванов, 1984].

Отдельные положения «динамической» концепции о локализации поздних прародин в Восточной Европе и на Балканах могут учитываться в той части, которая посвящена анализу взаимосвязей древнейших и кубано-днепровских (новотиторовских) групп населения с местными европейскими племенами [Сафонов, 1989]. При этом нельзя согласиться с семитской атрибуцией майкопской культуры, ее явно «омоложенной» датировкой и концепцией происхождения колесного транспорта на территории Европы.

Индоарийская атрибуция кубано-днепровской (новотиторовской) культуры недостаточно пока аргументирована; вместе с тем я не исключаю проникновение индоарийских и тохарских групп в Минусинскую котловину в этот период.

Этническая атрибуция ямной КИО определяется как индоиранская, что опирается на представления об ираноязычности создателей срубных и андроновских памятников, а также скифов и саков [Членова, 1980, с. 66-67; 1984, с. 259-268; 1985, с. 119; 1990, с. 150-165; Кузьмина, 1988, с. 333-381; Грантовский, 1960, с. 351-357; 1970, с. 359-360; 1977; Абаев, 1965, с. 134-135; Барроу, 1976, с. 123; Толстов, 1962, с. 59; Бернштам, 1957, с. 18-19; Черников, 1960, с. 112; Мерперт, 1974, с. 14; Литвинский, 1981, с. 160-162; Сальников, 1965, с. 347; Мандельштам, 1968; Генинг, 1977; Погребова, 1977, с. 133-140; Березанская, 1982, с. 206-209; Раевский, 1977].

Культурно-мифологические представления скотоводов отражены в древнейших гимнах Ригvedы и особенно Авесты, в Гатах и Яснах которой «мы находим то же наивно-непосредственное, прозрачное переключение в религиозный план простых, элементарных чувств и мыслей пастуха, для которого нет высшего блага, чем его скот» [Абаев, 1990, с. 15 и сл.].

Ну а теперь, уважаемый читатель, раз уж вы дочитали книгу до этой страницы, предлагаю сделать рекламную паузу и поиграть в популярную компьютерную игру из серии «цивилизация». Создайте «свою» степную цивилизацию, используя изложенные в этой главе факторы. Уверяю вас, получите «райское наслаждение». Ну а коль скоро корпорации-монстры, производители компьютерных игр, отказались стать спонсорами издания этой книги, то я не могу предложить вам диск с такой игрой в качестве бесплатного приложения; возможно, «пиратская» копия такой игры есть на Вашем компьютере? ■

Глава 3.

Эпоха колесниц: начало 2-го тысячелетия – конец 1-го тысячелетия до н.э.

Эта эпоха занимает в истории человеческой цивилизации неполных два тысячелетия, но именно она коренным образом изменила все существовавшие ранее взаимосвязи между степными социумами и древнейшими цивилизациями Старого Света. Этот период представляется наиболее интересным и информативным в плане формирующихся каналов коммуникации в степной Евразии, и он во многом предопределил исторические судьбы многих проживающих и проживавших здесь народов.

Изобретение легкой, маневренной и быстрой повозки на лошадиной тяге произвело революцию в военном деле и стало такой мощной «чудесной» новацией для древних, что вошло в духовную культуру практически всех обитавших здесь народов в виде героических преданий, мифов, легенд и, конечно же, этот образ нашел достойное выражение в изобразительных памятниках этого периода. Этот образ был настолько ярким и выразителем, что потом еще долго использовался в искусстве многих европейских и азиатских народов, как, впрочем, широко используется многими художниками и сегодня.

Невозможно представить историю Старого Света без поразительных фресок с колесницами в усыпальницах египетских фараонов, дворцовых барельефов ассирийских царей в Ниневии, изображающих верховных правителей на парадных колесницах в церемониях по случаю очередных военных побед и в моменты охоты, или без знаменитого терракотового войска китайского императора Цин Шихуана и его замечательных бронзовых колесниц.

Вместе с тем, популярность этого образа в древнем и современном искусстве несколько затмила многие вопросы происхождения колесничества, распространения знаний об этой боевой, транспортной, культовой машине, а главное – ее реальном использовании в жизни евразийских социумов. ■

Проблема происхождения колесниц

В специальной литературе долгое время обсуждается вопрос о месте изобретения боевых колесниц. Одни исследователи полагают, что колесницы появляются на Ближнем Востоке с индоевропейскими кочевыми степными племенами [Mejer, 1928, p. 44; Lechler, 1933; Helk, 1969, p. 222; Piggott, 1977; Кузьмина, 2000]. Другие считают, что ближневосточные колесницы – результат местного развития [Clark, 1941; Littauer, Crouwel, 1979, p. 68-71; Crouwel, 2004, p. 69-86].

Аргументы последних сводятся к следующему: колеса со спицами и пересекающимися планками зафиксированы в самом начале 2 тыс. до н. э. в Анатолии, южной части Месопотамии и на цилиндрических печатях 18 – 17 вв. до н.э. из Сирии, как результат эволюции предшествующих форм колеса и всей конструкции повозки в этом регионе. Восточные же находки повозок (Лчашен, Синташта, Сухая Саратовка и др.) датируются не раньше середины 2 тыс. до н.э.

Противники этой концепции отмечают отсутствие на Ближнем Востоке до 15 в. до н.э. псалиев с шипами для эффективного управления лошадьми в колеснице, тогда как степные племена широко применяли жесткие и болезненные для лошади костяные и роговые псалии в сочетании с органическими удилами. Они отмечают также наличие индоевропейских технических терминов в ближневосточных текстах – например, в знаменитом трактате об обучении лоша-

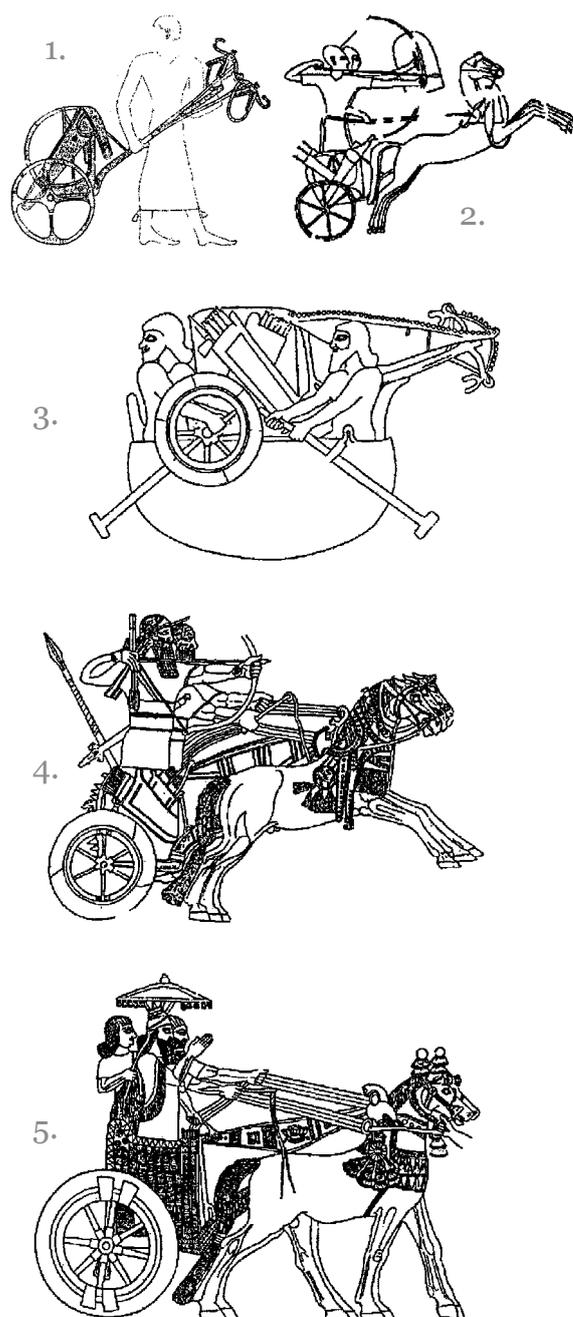

Рис. 96. Ближний Восток. 1 – деталь настенной росписи, Фебы, могила Рекхмира, Нью-Йорк, Музей Метрополитен, N 31.6.34; 2 – деталь каменного рельефа Рамзеса III, Медият Хабу; 3 – деталь каменного рельефа Ашшурнасирапа II, Нимруд, Лондон, Британский музей, N124543; 4 – деталь каменного рельефа Ашшурнасирапа II, Нимруд, Берлин, Азиатский музей, N 959; 5 – деталь каменного рельефа Тиглатпаласара III, Нимруд, Лондон, Британский музей, N 118908. [Littauer, Crouwel, 1979, p. 8-21].

дей, написанном конюхом Кикулли из Богазкея. Однако этот хурритский текст написан в 14 в. до н.э., т. е. позже, чем документированные находки колесниц из южной Месопотамии и Сирии.

Большинство индоевропейских терминов в таких текстах связаны с хурритами и датированы 2-й половиной 2-го тыс. до н.э. Кроме того, на Ближнем Востоке употреблялись местные термины для обозначения повозок: в клинописном шумерском тексте – GIS.MAR.GID.DA (слоговая запись egeqqu) – для обозначения грузовых телег и бычьих упряжек; термин GIS.GIGIR (слововый эквивалент – parkabtu) определял пассажирские повозки с лошадиной упряжкой, в том числе и в военном контексте. Возможно использование последнего термина применительно к колесницам [Salonen, 1951, p. 45; Kammenhuber, 1961, p. 10, 28; Sasson, 1969, p. 31,170].

Хотя эта дискуссия далека от своего завершения, но важным результатом ее стал четкий вывод о том, что в ареале ближневосточной цивилизации, включая территорию Передней Азии и Турана, у боевых колесниц существовали два вида колес со спицами и, соответственно, разные технологии их изготовления (рис.97).

Первый способ – египетский: колеса с 4-мя спицами делались из монолитных деревянных деталей, совмещающих половинки спиц и ступицу колеса, склеенных в единое целое. В такой конструкции колеса применение более 4-6-ти спиц неэффективно.

Второй способ представлен в колесницах хеттов и их азиатских союзников: цельнодеревянная ступица с пазами, обод и спицы изготовлялись отдельными деталями. Спицы вставлялись в пазы ступицы и обода, а затем скреплялись в одно целое специальной шиной.

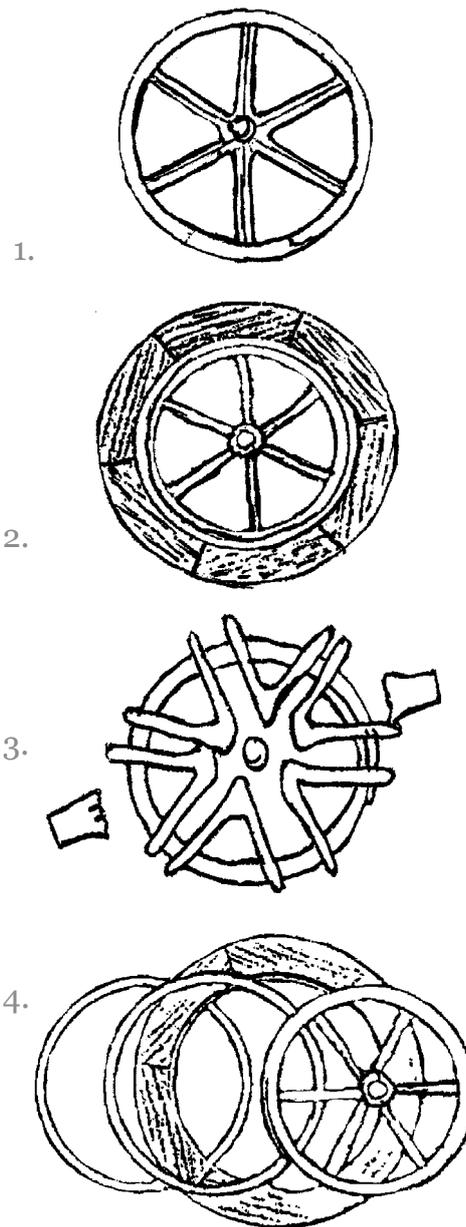

Рис. 97. Две технологии изготовления колес: египетская и хеттская. Модели древних колес. Реконструкция. 1, 3 – колесо египетских боевых колесниц; 2, 4 – колесо ассирийских боевых колесниц. [Spruytte, 1983].

Количество спиц могло быть больше – от 6 до 28. Существовали промежуточные варианты и модификации каждого типа [Spruytte, 1983, p. 26, 114-120].

В последнее десятилетие появились новые материалы из степной полосы Евразии, которые позволяют внести

Колесницы Египта и Ассирии

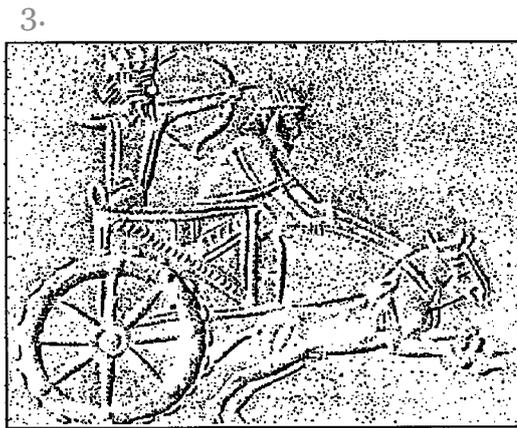
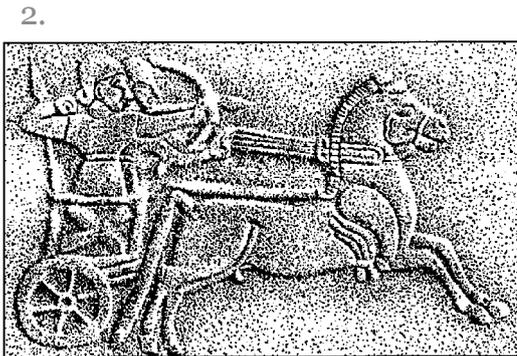

Рис. 98. Ближний Восток. 1 – деталь каменного рельефа из Сакчагозу, Берлин, Азиатский музей, №971; 2 – деталь каменного рельефа, Малатия, Париж, Лувр, N АО-255; 3 – деталь цилиндрической печати, Лондон, Британский музей, N 89132.[Littauer, Crouwel, 1979, p. 8-21].

ясность в этот вопрос, однако прежде рассмотрим подробнее, какими аргументами располагают сторонники этих двух концепций. ■

В первой половине 2 тыс. до н.э. боевые колесницы представлены находками из Анатолии [Littauer, Crouwel, 1979, p. 68-71]. Они имеют колеса со спицами или пересекающимися планками, запряжены четверкой эквидов, которые, как и в предшествующий исторический период, по-прежнему управляются при помощи веревки и носового кольца. Двухколки с сидящим возничим исчезают. Широко используются двухколесные повозки с открытой площадкой, которые в этот период развиваются в боевые колесницы (рис. 96;98;99). Дисковые колеса заменяются на более совершенные, высокий передок – на легкое ограждение, убирается сиденье для возничего. Дышло теряет свой арочный изгиб и становится слегка согнутым в середине. Ось удлиняется, а расстояние между колесами расширяется. Экипаж состоит из двух человек. Упряжные животные в этот период – пара лошадей под ярмом. Начинают применяться ярма-рогатки. Самые ранние находки повозок имеют колеса с 6-ю, 8-ю и даже с 9-ю спицами.

На цилиндрических печатях из Сирии колесницы изображены в сценах охоты с применением лука, в культовых сценах и, вероятно, применялись как представительские экипажи.

Древнейшие изображения запряженных не конями, а эквидами, повозок на колесах со спицами известны в Анатолии в Канише (Кюль-Тепе), а модель – в Асем Хюйюке. Они датируются

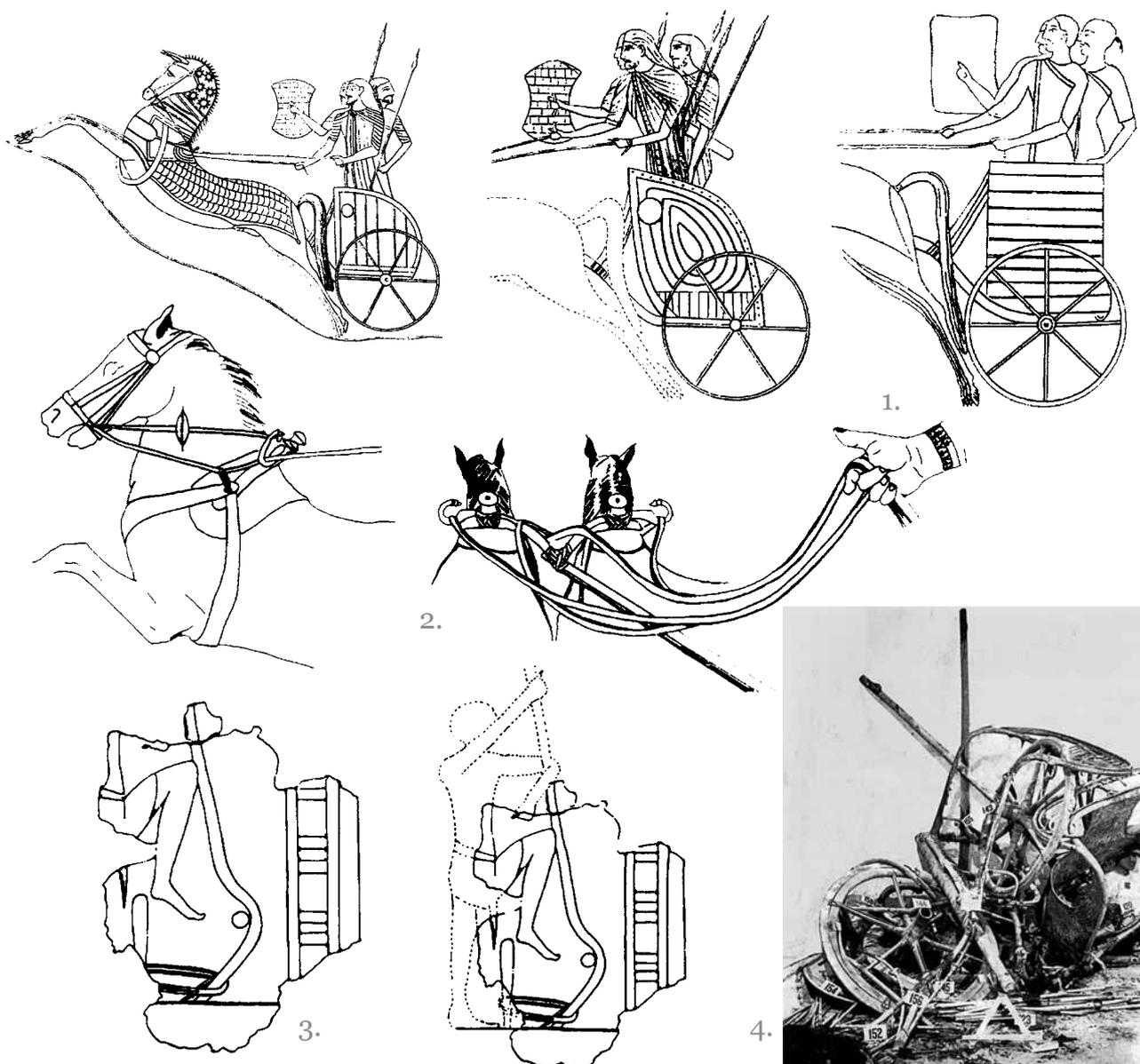

Рис. 99. Древнеегипетские и хеттские колесницы [Herold, 2004, s. 127, 129, 135- 136 abb. 6, 8, 15, 16]. 1 – храм Рамзеса Великого (1279-1213 гг до н.э.), деталь композиции, повествующей о битве при Кадеше, с изображениями хеттских колесниц; 2 – реконструкция древнеегипетского способа запряжки колесничной лошади; 3 – могила Интефа (Фебы, могила 155), процесс изготовления детали колесницы; 4 – погребальная камера гробницы Тутанхамона (1333-1323 гг до н.э.), разобранный колесница.

первой-второй четвертью 2 тыс. до н. э. [Nagel, 1966, рис. 15 – 17]. В Месопотамии и Сирии повозки на колесах со спицами появляются в 18-17 вв. до н.э., но изображения боевых конных колесниц в Передней Азии известны не раньше конца 17–16 в. до н.э. [Moorey, 1986; Кузьмина, 1994].

Вторая половина 2 тыс. до н.э. – время расцвета и господства боевых колесниц. Но используются и другие типы повозок: телеги, двуколки, которые становятся более легкими по конструкции. Последние запрягались быками или мулами и применялись, главным образом, в военных обозах для снабжения.

Колесницы, запряженные лошадьми, представлены на Ближнем Востоке двумя типами: египетскими и хеттскими. Так, в битве при Кадеше между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским царем Маватилусом хетты и их азиатские союзники выставили свыше 2500 колесниц, египтяне – около 1000. В битве при Мегиддо (нач. 15 в. до н.э.) фараоном Тутмосом III было захвачено 894 колесницы неприятеля, а фараон Аменофис II привез в Египет в качестве трофея из двух военных походов в Левант от 730 до 1032 колесниц [Helk, 1971, p. 205; von Shuler, 1965, p. 73].

Египетские колесницы (рис. 99) были очень устойчивы на поворотах; кузов, открытый сзади, имел легкие низкие боковины и достаточно места для двух человек. Хеттские и азиатские колесницы приспособлены для 3-х человек, стоящих друг за другом. Египетские и хеттские колесницы имели разные типы колес со спицами, которые вращались на неподвижных осях, размещенных в задней части повозок. Оба типа имели ободья, состоящие из находящихся друг на друга деревянных сегментов, изогнутых под нагревом. Шины делались из сыромятной кожи или бересты. Дышла имели двойной неглубокий изгиб. Место крепления дышла к кузову закреплялось специальными деревянными распорками или ремнями. В этот период для передачи тяглового усилия лошадей используются ярма-рогатки, приспособленные к анатомическому строению животных.

Военное использование колесниц связано с дезорганизацией боевых построений пехоты и применением их в качестве подвижных платформ для стрельбы из лука по неприятелю. Египетские колесницы разработаны для возницы и лучника, а хеттские трехместные боевые колесницы применялись как транспорт-

ное средство на поле боя. Колесницы использовались также и в облавной охоте, и в культовых церемониях.

Телеги в этот период оснащены колесами различных типов, запряжены быками или мулами. Эламские телеги имели колеса с 12-16-ю спицами, запрягались мулами или лошадьми и применялись как военный транспорт. На Кипре сохранились остатки телег с вращающимися осями.

В первом тысячелетии до н.э. колесницы часто изображались на ассирийских дворцовых рельефах (рис.98).

Колесницы, изображенные на каменных рельефах Ашшурнасипала II и Салманасара III (9 в. до н.э.) показаны с «D»-образной в плане площадкой и низким передком. Экипаж – из двух, реже – трех человек. В колесах изображено по 6 спиц (на колесницах неприятеля – по 8), они вращались на неподвижных осях, размещенных в задней части платформы. Деревянные ободья колес – широкие и состояли из трех или шести сегментов. Дышло «Y»-образного типа. Изображены преимущественно триги (две лошади под ярмом, третья – пристяжная). Четыре лошади использовались только с царскими колесницами.

На рельефах Тиглатпаласара III и Саргона II (2-я половина 8 в. до н.э.) показан иной вид колесниц: с прямоугольным в плане настилом, более высокими боковинами кузова. Колеса становятся больше в диаметре и имеют по 8 спиц. «Y»-образные дышла оснащаются единым ярмом для четверки упряжных лошадей, в отличие от ярм-рогаток, индивидуальных для каждой лошади.

Рельефы Сеннахериба и Ашшурбанипала (7 в. до н.э.) демонстрируют сходный с описанным выше тип колесниц, которые, однако, увеличиваются в размерах. Колеса царских колесниц снаб-

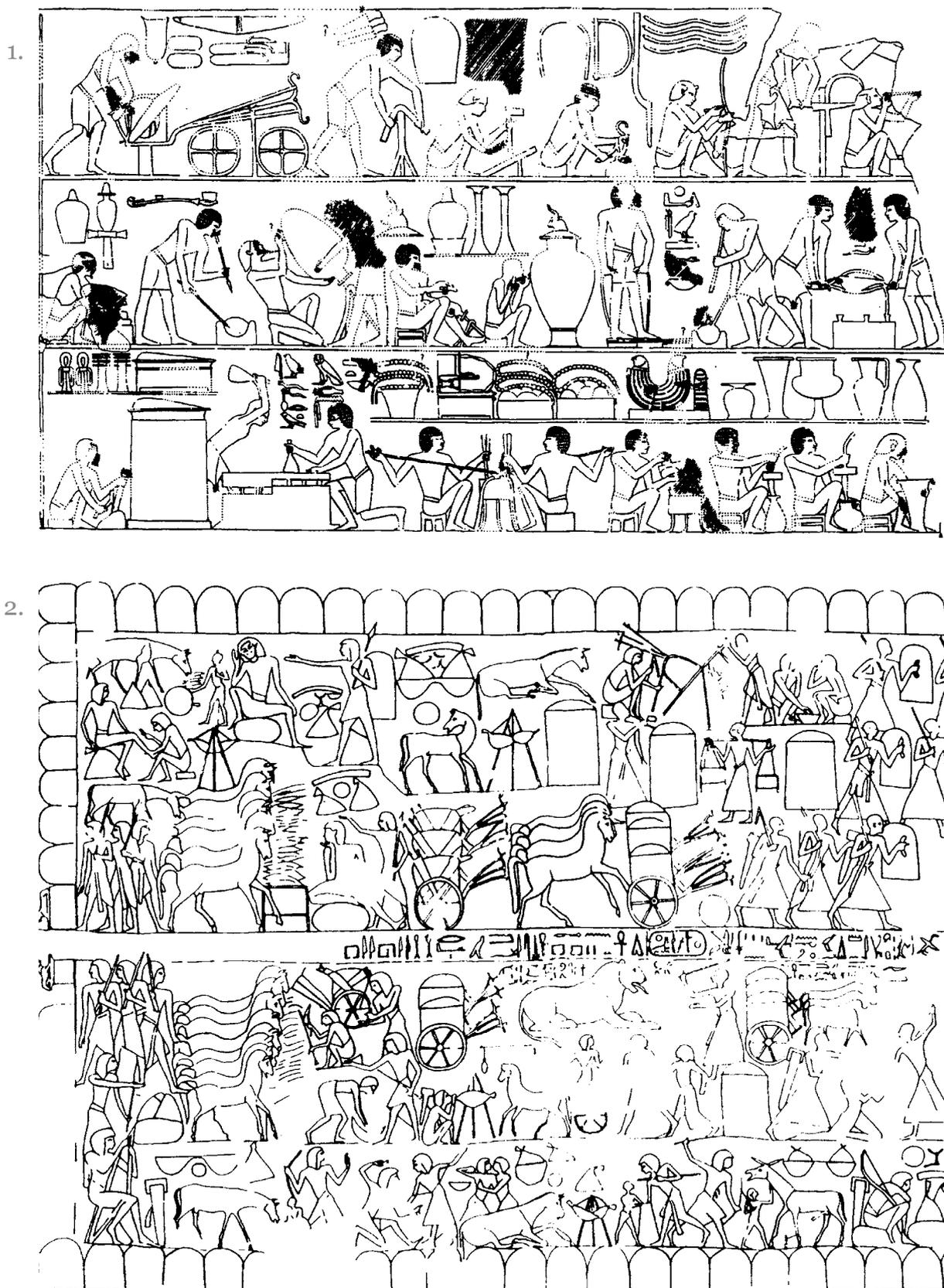

Рис. 99 А. Процесс изготовления колесниц [Herold, 2004, s. 125, 137, abb. 2, 18]. 1 – могила Пуэмри (Фебы, могила 39), период фараона Тутмоса III (1479-1425 гг до н.э.), 2 – храм Рамзеса Великого (1279-1213 гг до н.э.) в Фебах, полевой лагерь армии Рамзеса.

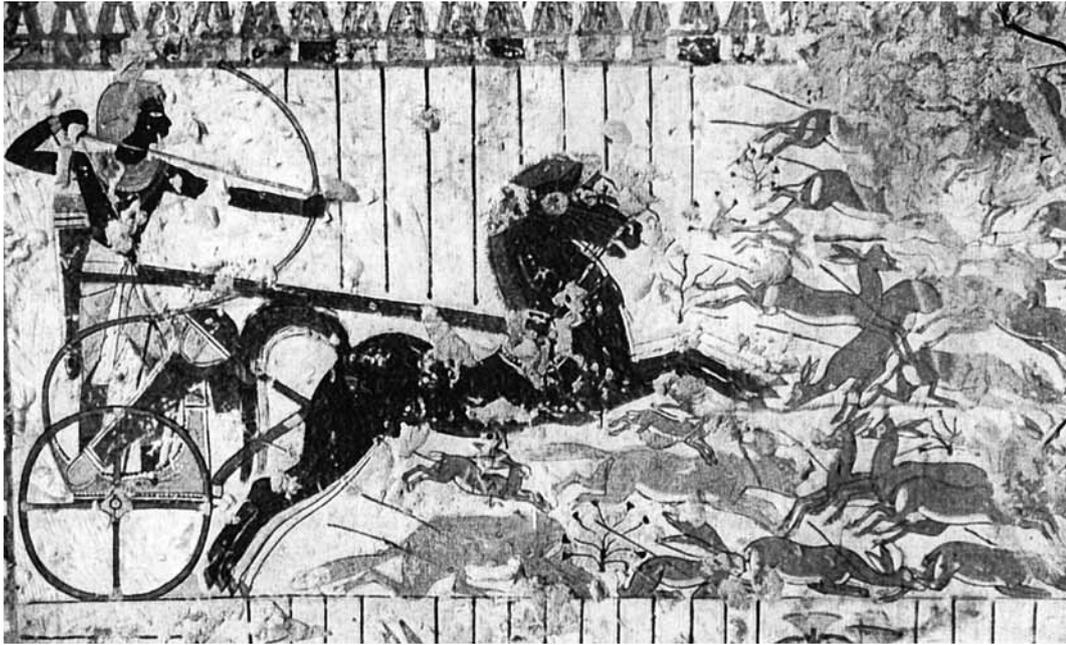

Рис. 99Б. Узрхет, помощник фараона Аменофиса II (1428-1397 гг. до н.э., Фебы, могила 56). Сцена охоты. Вожжи привязаны к поясу. [Herold, 2004, s. 126, abb. 3]

жены ребристыми шинами. В уздечках применяются шоры, накладки на голову лошади, украшения дышла и удила мягкого действия нескольких типов. В этот период известны и другие типы колесниц – например, двухдышловые на Кипре.

Во второй половине первого тысячелетия до н.э. колесницы представлены в ахеменидских и греко-персидских источниках. Это повозки с прямоугольным кузовом и боковинами различных форм. Двухколки представляют собой легкие пассажирские экипажи с сиденьем. Ось размещена в задней части площадки, колеса снабжены шинами с ребристой поверхностью. В упряжках появляются лошади знаменитой несинской породы.

Колесницы первого тысячелетия до н.э. в своей конструкции демонстрируют тенденцию к утяжелению. Хотя по сравнению с прежними временами колесницы и потеряли присущую им ма-

невренность, они все еще остаются на поле боя подвижными платформами для стрельбы лучников. Экипаж повозки увеличивается до четырех человек, тыл прикрывает щитоносец, выполняющий исключительно оборонительные задачи.

На последнем этапе в истории колесничества предпринимались попытки возродить былую славу и мощь: использовались серпы на осях колесниц для разрушения боевого строя неприятеля – у ахеменидов, а затем – и у эллинов [Нефедкин, 1998, с. 10; 2001].

Кавалерия очень скоро доказывает свои преимущества в тактике боя, и колесницы теряют свое военное значение. Они все чаще используются в культовых и представительских целях. На рубеже новой эры колесницы постепенно теряют и эту свою функцию. Основные типы телег и двухколок совершенствуются и сохраняются вплоть до наших дней [Littauer, Crouwel, 1979, p. 68-71]. ■

Азиатский колесничный комплекс

К началу 2 тыс. до н.э. в степных обществах сложились все необходимые предпосылки для использования легких, быстрых и маневренных конных экипажей – колесниц. Они разрабатывались, при несомненной боевой и ритуальной функции, еще и как средство управления огромными стадами домашних животных, прежде всего – очень мобильных и малоуправляемых табунов лошадей – и для охоты, которая служила важным источником пополнения ресурсов этих социумов.

Исследование степных колесниц основано на данных о доместикации лошади, на находках их частей и элементов специальной колесничной упряжи в степных памятниках, а также на анализе изображений на каменных стенках могил, керамике, цилиндрических печатях, которые определенно датируются в археологических культурах.

Эволюция транспортных средств в степи предшествующего периода свидетельствует о серьезных попытках модернизации тяжелой четырехколесной повозки в направлении ее облегчения и повышения маневренности с целью приспособления к физиологическим особенностям нового упряжного животного – лошади. Какими бы спорными ни были реконструкции двуколки из Тягуновой могилы, факт ее находки есть яркое доказательство таких попыток. [Избицер, 2010, с. 187-194].

К вопросу о доместикации лошади.

Применение лошади привело к коренным изменениям в способах передвижения, хозяйстве, торговле, охоте, военном деле – словом, во всех основных сферах деятельности степняков.

Древнейший центр доместикации лошади в европейской части континента представлен остеологическими материалами культуры Средний Стог II на Украине (Дереивка, Репин Хутор и др.). Уже в конце IV тыс. до н.э. 60% всего остеологического материала на поселении Дереивка составляют кости лошади, а на поселении Репин Хутор – до 80%. Морфологические особенности костных материалов явно указывают на существование одомашненного поголовья [Бибикова, 1967, с. 106-118; Бёкёни, 1984, с. 10; Nobis, 1971].

Существование центра доместикации лошади предполагалось теоретически и в азиатской части степной Евразии [Бёкёни, 1984, с. 9-11]. Это предположение подтвердилось находками из поселения Ботай в Северном Казахстане [Зайберт, 1985, с. 3-17; 1987, с. 63-64]. Здесь 99% остеологического материала составили кости лошади. Статистический сравнительный анализ показывает сходство биометрических параметров с аналогичными материалами из Дереивки, Восточной Европы, а также синхронными неолитическими находками из поселений Соленое Озеро I, Роцинское и из поселений эпохи бронзы Казахстана (Атасу). Это сходство дало основание отнести ботайских лошадей к одомашненной форме [Нурумов, Макарова, 1988, с. 12-20], что оспаривается некоторыми исследованиями [Косинцев, 2002]. Поселение Ботай датируется финальной фазой атбасарской культуры, которая развивается на местной неолитической основе с конца 4 и в 3 тыс. до н.э. [Зайберт, 1985; 1987].

Изучение материальной культуры энеолитических племен терсекской и суртандинской культур в Северном Казахстане и прилегающих районах показывает генетическое сходство ее с ямно-афанасьевскими памятниками и более поздними андроновскими [Логвин, 1991, с. 51-52; Матюшин, 1981].

Антропологические материалы из погребений в поселении Ботай отнесены к протоевропейскому типу, характерному для населения восточных областей распространения европеоидной расы и близки антропологическому типу афанасьевского населения Алтае-Саянского нагорья. Эти материалы позволяют говорить о наличии южных контактов ботайского населения с районами распространения земледельческих культур Туркмении, северо-восточного Ирана, Средиземноморья, где зафиксированы формы с экваториальными расовыми особенностями [Рыкушина, Зайберт, 1984, с. 121-136]. Эти данные хорошо соотносятся с ситуацией, описанной в предыдущей главе.

Судя по находкам из поселения Ботай, процессы domestikации лошади в европейской и азиатской частях степной Евразии – явления синстадиальные и свойственные исключительно населению степного сообщества скотоводов.

Вместе с тем, процесс domestikации лошади коренным образом отличался от более ранних форм приручения овцы, козы или собаки. В.Б. Ковалевская предполагает, что в связи с развитием коневодства у племен Приднепровья первыми всадниками стали табунщики-пастухи [1977, с. 150].

В. А. Шнирельман считает, что в энеолитических культурах лошади разводились главным образом на мясо и исключает раннее возникновение более сложных форм domestikации лошади, когда

ее уже можно было использовать под всадником [1980]. Остается неясным, как же могли контролироваться такие большие табуны лошадей, насчитывающие сотни особей, о численности которых можно судить по остеологическим материалам поселений Деревка, Репин Хутор, Ботай?

В качестве аргумента в пользу раннего возникновения всадничества приводились находки костяных предметов в виде стержня с отверстиями, обнаруженные на поселениях Деревка, Репин Хутор и в афанасьевских могилах [Telegin, 1973, s. 324-327; Кожин, 1970]. Однако эти находки по аналогиям из шан-иньских могил определяются как приспособления для развязывания узлов [Коммисаров, 1980], а В.Ф. Зайберт определяет сходные предметы как детали пут на ноги лошадей [Зайберт, Даниленко, Горбунов, 1990, с. 60-66].

Самые ранние примитивные органические удила из веревок или кожи уже были настолько болезненны для лошади, что не требовали дополнительных приспособлений-псалиев при верховой езде, когда всадник имеет множество возможностей для непосредственного управления конем.

Развитие всадничества сдерживал устойчивый стадный инстинкт лошадей, преодоление которого требовало очень длительной селекции. Кроме того, копыта лошади стирались бы под весом всадника значительно быстрее, а никаких приспособлений для их сохранения в археологических материалах пока не зафиксировано.

Я не исключаю ранние попытки использования лошади под верх именно в составе стада, как это предполагает В.Б. Ковалевская. Вместе с тем, реальный контроль за большими табунами лошадей можно было осуществить, только

используя небольшую конную двуколку того же типа, что найдена в Тягуновой могиле в Украине. Функция разведки – поиск новых плодородных пастбищ и обследование новых степных территорий – также была актуальной. Кроме того, парная запряжка сама по себе уже была самым эффективным этапом в процессе и действенным средством приручения лошади.

Успехи в селекции пород лошадей, потребности скотоводческого уклада хозяйства, вероятно, стали основой изобретения нового типа повозок – легких колесниц на колесах со спицами и новых типов удил в сочетании со щитковыми псалями с шипами для более строгого дистанционного управления. С этого времени такая конная колесница, наряду с фургоном, становятся основными типами повозок в степи.

Приведенные данные свидетельствуют о формировании в степной полосе Евразии не менее двух центров ранней доместики лошади. Уже в конце 4 тыс. до н.э. доместичированные формы лошади распространились на обширной территории Восточной и Центральной Европы [Бёкёни, 1984, с. 11-12; Вокону, 1978, р. 17-76]. В восточной части степной Евразии распространение одомашненных форм лошадей менее изучено. Установлено, что шанские и западно-чжоуские правители получали лошадей из степи, о чем свидетельствуют китайские хроники [Кожин, 1969; 1977]. В Южную Туркмению лошади попали в одомашненной форме только во второй половине 2 тыс. до н.э. [Кузьмина, 1988, с. 322]. По мнению палеозоологов, древнейшие домашние лошади Индии принадлежали к восточной (степной) породе [Azaroli, 1975, р. 353-355].

Таким образом, доместичированные лошади, по-видимому, служили важным средством обменов степных

скотоводов с оседло-земледельческими обществами. Более того: степняки в 3-2 тысячелетиях до н.э. обладали монополией на селекцию, разведение и поставку обученных лошадей. Этот вывод имеет принципиальное значение в последующих реконструкциях и конкретизирует сущность формирующихся в этот период каналов коммуникации.

Степные колесницы

В азиатской части степной Евразии исследована теперь уже большая серия могильников и группа курганов с остатками деревянных колесниц, которые зафиксированы в них благодаря традиции устанавливать колеса в специальные канавки на дне могилы. В отдельных случаях на стенках и в канавках сохранились четкие отпечатки обода и спиц, а в одном случае зафиксированы следы прямоугольной платформы и остатки ступицы.

Памятники этого типа известны в Южном Зауралье (Синташта, Николаевка II), в Северном (Кенес, Улубай, Берлик II, Новоникольское) и Центральном Казахстане (Сатан, Ащису, Бозинген, Нуртай) [Зданович, 1988, с. 71-76, 138-140; Генинг, 1977, с. 66, 69, рис. 1 – 3; Евдокимов, 1981, с. 434; Новоженков, 1989, с. 110 – 122; Епимахов, Чечушков, 2006; 2008; 2010; Кукушкин, 2011, 2011а], а также в Приуралье [Anthony, Vinogradov, 1995], (рис. 100).

Важная составная часть обряда – погребения лошадей. Обычно два конских костяка лежат на глине подкурганых площадок или на перекрытии могил. Головы лошадей ориентированы на запад, положение ног имитирует бег. Иногда вместо лошади положены черепа и ноги, обрубленные в коленных суставах [Зданович, 1988, с. 135-136].

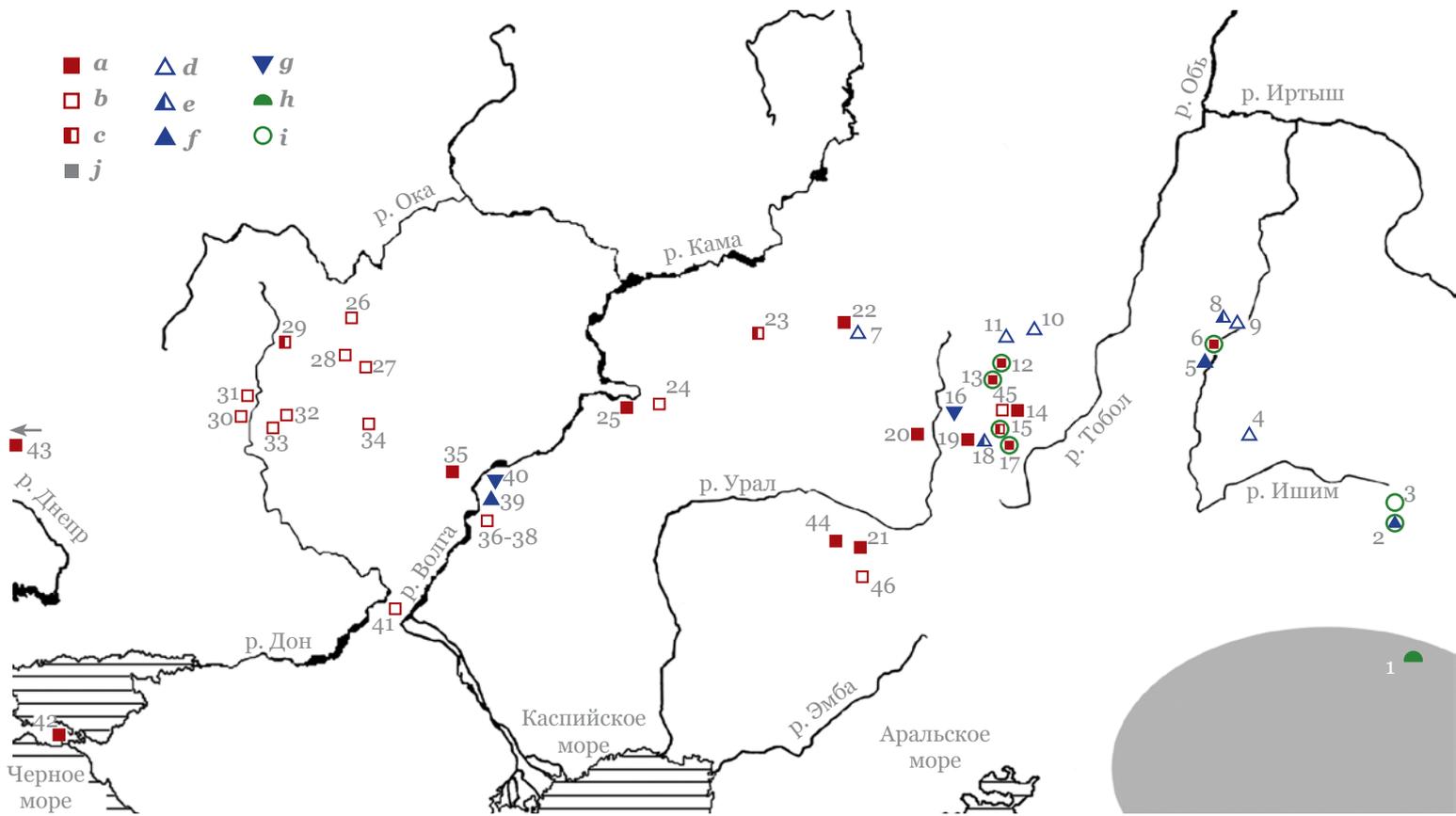

Рис. 100. Карта распространения колесничного комплекса в урало-казахстанских степях. [Чечушков, Епимахов, 2010, рис. 8, с. 213]. 1 – Атасу I, 2 – Сатан, 3 – Нуртай, 4 – Айдабуль, 5 – Аксайман, 6 – Берлик II, 7 – Казангулово I, 8 – Петровка II, 9 – Новоникольское, 10 – Алакуль, 11 – Шибяево I, 12 – Кривое Озеро, 13 – Солнце II, 14 – Кулевчи III, 15 – Каменный Амбар 5, 16 – Спасское, 17 – Синташта, 18 – Мирный IV, 19 – Большекараганский, 20 – Тавлыкаево IV, 21 – Танаберген II, 22 – Баланбаш, 23 – Потаповка, 24 – Красноселка, 25 – Утевка VI, 26 – Старо-юрьево, 27 – Селезни, 28 – Пичаево, 29 – Филатовский, 30 – Кондрашевка, 31 – Богоявленка, 32 – Софьино, 33 – Кондрашкинский, 34 – Власовский, 35 – Большая Дмитриевка, 36 – Березовка, 37 – Старицкое, 38 – Бородаевка II, 39 – Краснополье, 40 – Сухая Саратовка I, 41 – Баранниково, 42 – Каменка, 43 – Трахтемирово, 44 – Обилькин Луг; 45 – Устье; 46 – Илекшар. а – памятники, содержащие щитковые псалии с монолитными шипами, б – памятники, содержащие щитковые псалии со вставными шипами, с – памятники, содержащие оба типа щитковых псалиев, d – памятники, содержащие щитковые псалии без шипов, e – памятники, содержащие оба типа щитковых псалиев: с шипами и без шипов, f – памятники, содержащие псалии из расколотой кости, g – памятники, содержащие сосуды с изображениями колесниц, h – памятники, содержащие стержневидные псалии, i – находки колесниц, j – зона распространения петроглифов с изображениями колесниц.

Наиболее показательными из всей серии могил этого типа оказались погребения в курганной группе Берлик II (рис. 101 – 102). Здесь в кургане 2, диаметром 18 м, высотой 0,2 м, вокруг центральной могильной ямы зафиксировано кольцо из глины толщиной до 20 см и глиняная площадка, на которой уложены два конских скелета, головами на запад. У восточного края могилы поло-

жены два черепа и четыре пары конечностей быков или коров. Могильная яма подквадратной формы, размером 5,2 x 4,1 м, обложена глиняными блоками (?) толщиной до 20 см по стенам и полу. В заполнении могилы обнаружен участок рухнувшей сверху глиняной площадки – перекрытия могилы, на котором сохранились два скелета собак без черепов, несколько резцовых зубов жи-

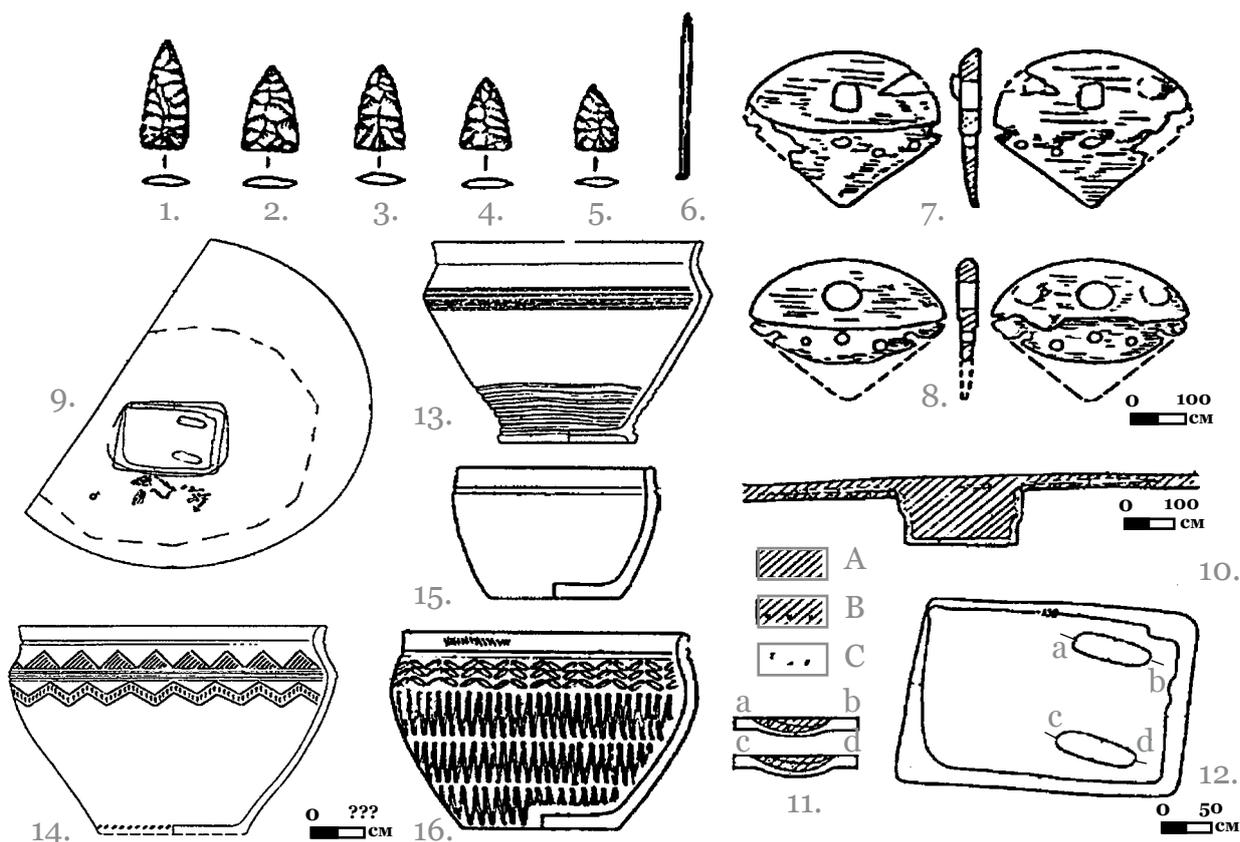

Рис. 101. Северный Казахстан. Могильник Берлик II, курган 10. 1-8, 13-16 – вещевой инвентарь; 9, 10 – план и разрез кургана; 12 – план могильной ямы; 11 – разрезы колесных канавок; 1-5 – камень; 6 – бронза; 7-8 – кость; 13-16 – глина; а – гумус; б – погребенная почва; в – глина. [Зданович, 1988, рис. 31].

вотных и три пары жаберных крышек крупных рыб. На уступе могилы найдены череп, зубы и ребра лошади. На дне погребальной камеры сохранились бронзовые проколка и скрепка, обломки 16-ти сосудов на разной глубине, а в восточной части могилы – две параллельные ямки для колес. В разрезе на фоне глиняного заполнения в северной канавке зафиксирована часть обода и две спицы, в южной – фрагмент обода и отпечатки трех спиц [Зданович, 1988, с. 74-76, рис.29-32].

В Центральном Казахстане, в 3-х км к западу от ямного кургана в могильнике Карагаш, исследован могильник Сатан. На склоне и вершине небольшой одноименной сопки раскопаны 3 курга-

на (рис. 103А), ниже у подножия сопки расположены алакульские ограды с каменными ящиками.

Конструкция курганов совпадает с описанным выше, с той лишь разницей, что на могильнике Сатан не использовалась подкурганная глиняная площадка, а стенки могильной ямы не облицовывались глиной. В центральных могилах обнаружены деревянные срубы из цельных стволов деревьев, уложенных в 2-3 венца. Все могилы оказались ограбленными и подожженными в древности.

В центральной могильной яме кургана 1 удалось расчистить не успевшие сгореть полностью отдельные детали установленной на дне колесницы. Зафиксированы остатки прямоугольной в плане платфор-

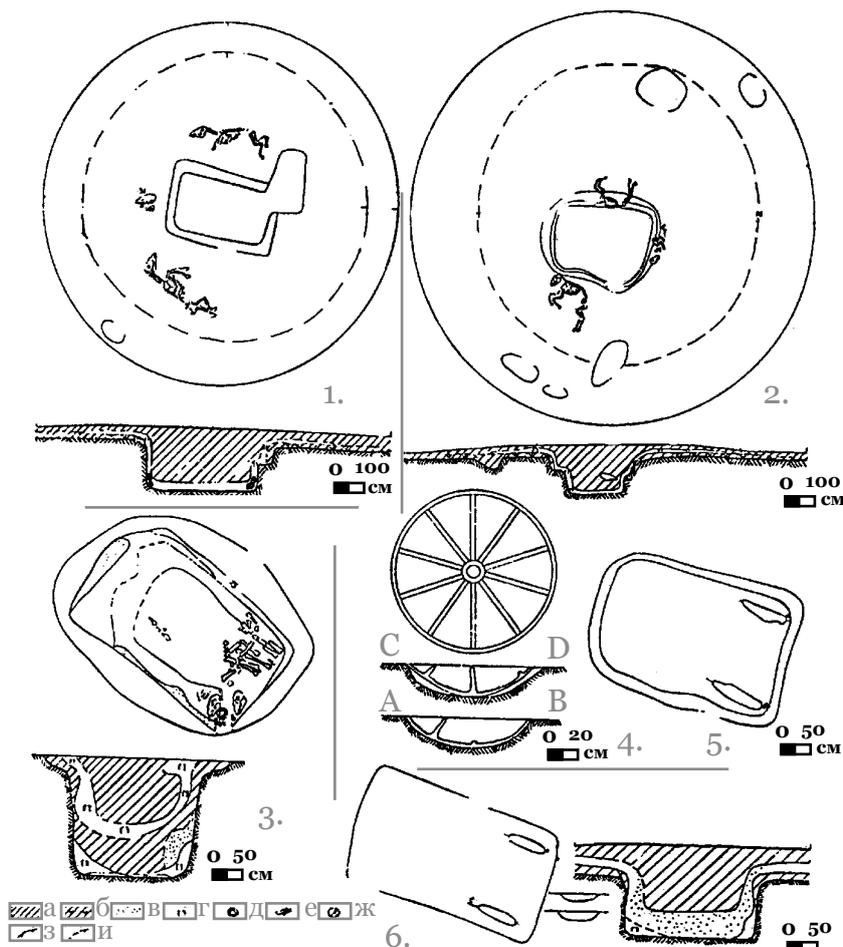

Рис. 102. Северный Казахстан. Могильники у с. Берлик. 1 – могильник Берлик II, курган 1, план и разрез; 2,4,5 – могильник Берлик II, курган 2, план и разрез кургана, разрезы канавок, реконструкция колеса; 3 – могильник Кенес, курган 3, яма 3, план и разрез; 6 – могильник Кенес, курган 5, план и разрез могильной ямы; а – гумус; б – погребенная почва; в – суглинок; г – глина; д – сосуд; е – кости животных; ж – дерево; з – границы раскопа; и – границы глиняных площадок. [Зданович, 1988, рис. 29].

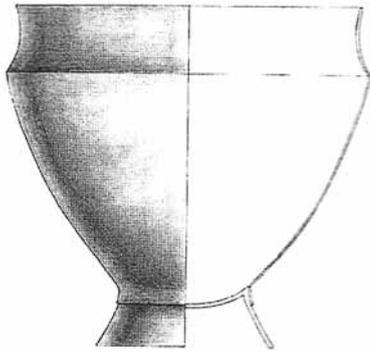
мы кузова, размером 106 x 60 см, толщиной до 10 см. В верхней части площадки отмечены плохо сохранившиеся куски дерева. Под древесным тленом от платформы колесницы находились две подпрямоугольные параллельные канавки: в первой обнаружены остатки обгорелого обода колеса и ступицы; во второй – фрагмент обода с круглым пазом для спицы и тлен от ступицы колеса. Под ободом сохранились: небольшой кусок сыромятной кожи красного цвета и 4 конусообразные костяные гвоздя длиной от 8 до 17 мм, которые, очевидно, крепили кожаную шину на ободу с внутренней стороны. В могилах курганов 1, 3 найдены щитковый псалий с шипами, орнаментированный резными

линиями, разрозненные кости животных и людей, фрагменты керамики [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 20-23, рис.3-4].

Имитации погребений колесниц в Казахском мелкосопочнике найдены также в могильниках Нуртай [Ткачев, 2002, с. 161-165], Аяпберген и Ащису [Кукушкин, 2007, с. 40-65; 2011, с. 110-116]. Материалы последнего памятника демонстрируют превосходные образцы оружия: бронзовые копья, нож-кинжал, крюк-багор и кремневые наконечники стрел (рис. 103, 157А). Из предметов колесничного комплекса выделяются костяной орнаментированный псалий и костяная орнаментированная муфта с бронзовым наконечником стрела. К

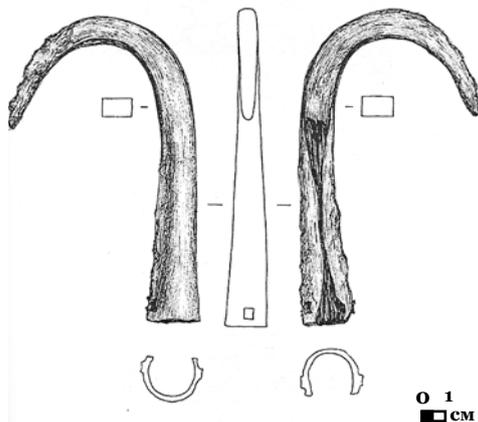
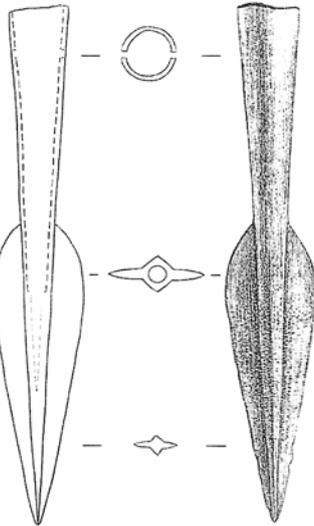

Рис. 103. Центральный Казахстан. Могильник Ащису. Инвентарь: 1-2 – бронзовый сосуд; 3 – копье; 4 – крюк-багор. [Кукушкин, 2011, с. 110-116].

0 2
■ CM

0 2
■ CM

0 1
■ CM

числу редких и уникальных находок относится найденный в этом могильнике острореберный медный сосуд на кольцевом поддоне. Радиоуглеродная датировка этих находок по костям погребенных лошадей определена в пределах конца 3 – начала 2 тысячелетий до н.э. [Кукушкин, 2011, с. 110].

Все известные к настоящему времени находки колесниц происходят из синташтинских, петровских и алакульских памятников Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана. Опубликована информация о более чем 20-ти колесницах.

Интерес также представляет погребальный комплекс Бестамак, расположенный в пределах Тургайской ложбины, где кроме щитковых псалиев были зафиксированы парные и непарные конские захоронения – причем, в одном случае, три костяка в стоячем положении. Среди сопроводительного вещевого комплекса имеется крестообразно оформленная булава, являющаяся не только символом власти, но и, наряду с боевыми топорами, (которые также представлены здесь бронзовыми образцами), является составной частью колесничного комплекса [Калиева, Логвин, 2008, с. 32-58].

Значительных успехов и впечатляющих результатов в изучении колесничных комплексов в последние годы добились уральские исследователи А.В. Епимахов и И.В. Чечушков [2006, с. 168-182; 2008, с. 205-211; 2010, с. 182-229]. В понятие «колесничный комплекс» авторы включают: собственно остатки колесниц и их частей в могилах; остатки узды – находки псалиев; комплекс вооружения колесничного, а

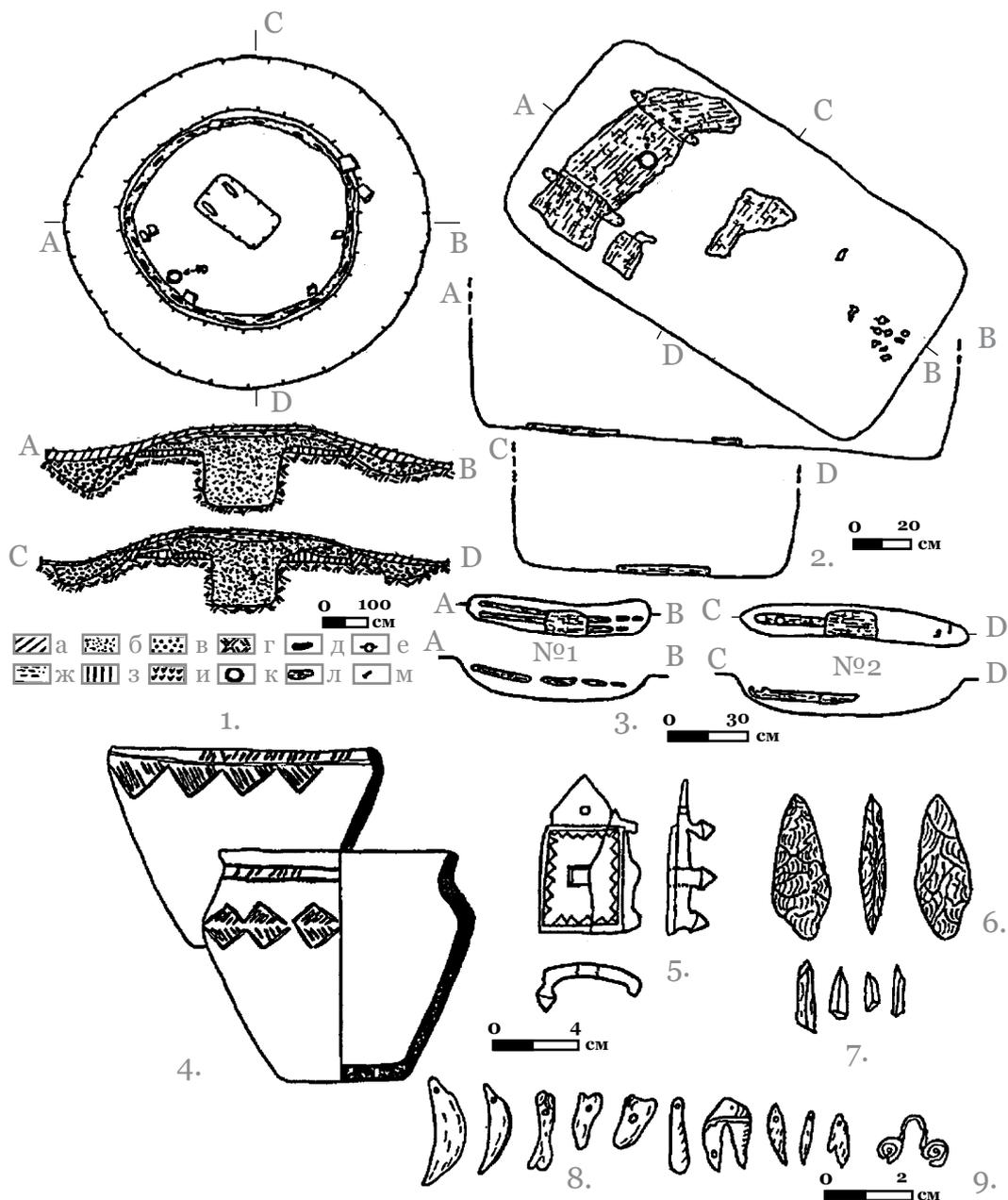

Рис. 103А. Центральный Казахстан. Могильник Сатан. 1 – план и разрезы кургана 1: а – дерновый слой, б – светло-коричневый суглинок, в – коричневый суглинок, г – погребенная почва, д – темно-коричневый суглинок, е – черный суглинок, ж – материк, з – керамический сосуд, и – вкопанные на ребро плиты, к – остатки дерева, л – позвоночные кости человека, м – костяные гвоздики; 2 – план и разрезы могилы с остатками колесницы; 3 – канавки с остатками колес; 4 – сосуды, курган 1; 5 – костяной псалий, курган 3; 6 – каменный наконечник стрелы, курган 3, могильная яма; 7 – костяные гвоздики, крепившие кожаный обод на колесе; 8 – амулеты из клыков животных; 9 – бронзовая подвеска, курган 3, могильная яма.

также изобразительные источники – рисунки на сосудах и соответствующие петроглифы [2008; 2010, с. 182].

Поскольку колесницы сохранились в степных могилах фрагментарно, то наибольший интерес представляет их

реконструкция [Генинг и др., 1992, с. 218-219; Anthony, Vinogradov, 1995]. Первые реконструкции по материалам могильников Синташта и Кривое Озеро подверглись справедливой критике [Littauer, Crouwel, 1996. p. 934, 939 etc.]

на основании одного параметра: длины ступицы, которая в реконструкциях оказалась слишком маленькой, чтобы рассматривать эти двуколки как настоящие боевые и маневренные колесницы, не вполне пригодные, по мнению авторов, к использованию в окружающем степном ландшафте.

Более объективная реконструкция предпринята на основании математического анализа всей серии погребений и компьютерного моделирования [Епимахов, Чечушков, 2006, с. 168-182; 2008; 2010], свидетельствующая о некоей общей «модели» или стандартизации технических параметров этих повозок (рис. 104): колесо диаметром от 80 до 100 см имело не менее 9-12 спиц с сечением 4-5х4-5 см, обод с внешней стороны имел кожаную шину (обтягивался сыромятной кожей, которая с внутренней стороны обода прибивалась костяными гвоздями – В.Н.);

ось – длиной не менее 160-180 см, при колесной базе (расстояние между колесами) – 110-130 см;

ступица – диаметр и длина не превосходили 15 см, судя по сохранившимся остаткам с внешней стороны колеса. Фиксация колеса на оси осуществлялась за счет вставленного в специальное отверстие стержня-чеки, очертания которого также зафиксированы на расстоянии 10 см от концов оси. (Замечу, что расчистка монолитного блока с остатками колеса и ступицы от колесницы из могильника Сатан в камеральных условиях, при которой автор присутствовал, свидетельствует о более массивной и длинной ступице – не менее 30 см, тлен от которой находился с двух сторон от обода);

кузов – прямоугольный, деревянный, сплетенный из веток или собранный из досок, размером по основанию 110-130х80-100 см, высота переднего борта-поручня 90 – 100 см (реконструируется исключительно теоретически – В.Н.) Кузов располагался над осью или слегка был смещен вперед, к упряжным животным.

Параметры дышла и способ запряжки восстановлены на основании анализа физических параметров погребенных лошадей, а также формата лошади и предпо-

Рис. 104. Моделирование и компьютерная реконструкция степной колесницы, выполненные И.В. Чечушковым [2011].

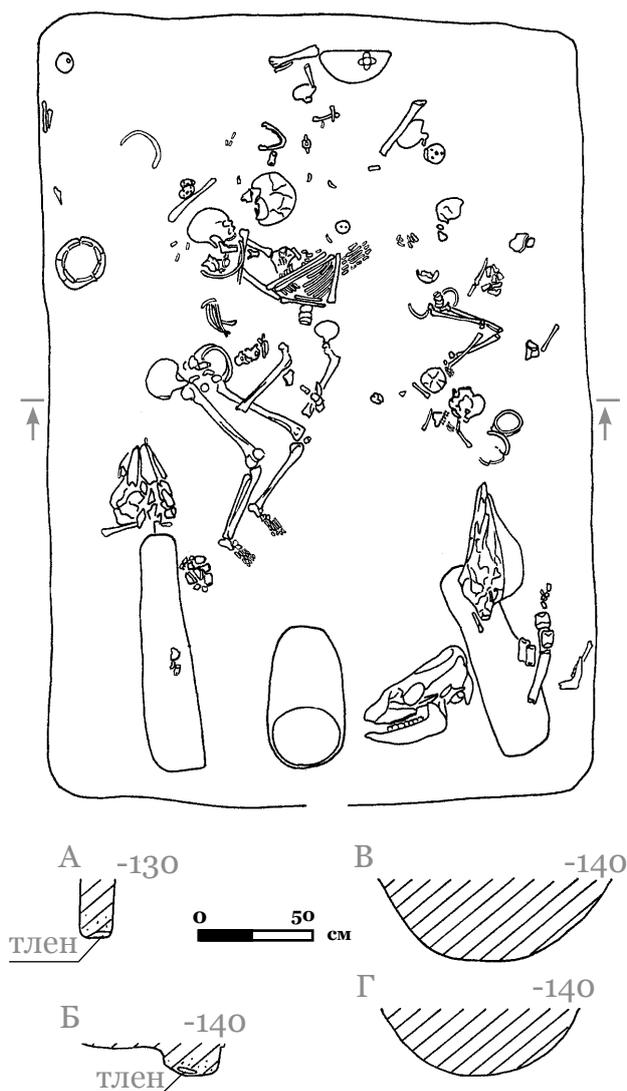

Рис. 105. Имитация погребения с колесницей (КА5К2Я8). Могильник Каменный Амбар – 5, курган 2, могильная яма 8. [Епи-махов, Чечушков, 2006, рис.5].

ложения, что основным рабочим аллюром колесничных лошадей является галоп. Минимальная длина дышла при этих параметрах составляет не менее 180 см. Очевидно, что на конце дышла было закреплено ярмо, имеющее прямую форму. Тяговое усилие передавалось посредством широкого нагрудного ремня, прикрепленного непосредственно к ярму и зафиксированного на лошади при помощи подпруги и, возможно, ярм-рогатов.

Другой важный вывод, сделанный авторами на основании анализа погребального обряда всей серии погребений с колесницами, состоит в том, что явно выделяется группа из 7 могил с «имитацией» (рис. 105), когда «установка колесницы в погребальную камеру лишь имитировалась, обозначалась наиболее яркими чертами (колесными ямками, псалиями, лошадьми и т.п.), либо колесница находилась в могиле лишь во время совершения погребального обряда, после чего извлекалась, а на дне оставались только колесные ямки. В некоторых случаях, когда размеры погребальной ямы заведомо больше, а комплекс содержит псалии и лошадей, колесница могла быть установлена без углубления колес в дно, либо в разобранном виде, как это предполагается для доно-волжской традиции» [Епимахов, Чечушков, 2010, с. 191-192; см.: Виноградов, 2000].

Китайские колесницы

Уточнить конструкцию степных колесниц позволяют находки в китайских чемакынах – могилах с колесницами периодов Шан-инь и раннего и позднего Чжоу, Чюнсю и Чжанго. Многие исследователи китайских колесниц предполагают их заимствование из степных районов Евразии, о чем недвусмысленно свидетельствует сходство технических параметров, погребального обряда и данные письменных источников – надписи на гадальных костях и древнекитайские хроники [Кожин, 1969; 1977; Васильев, 1976; Watson, 1978, p. 1-32; Piggott, 1978, p. 32-52; von Dewall, 1986, s. 168-186; Варенов, 1980, с. 164-169; Комиссаров, 1980, с. 156-163; 1988, с. 54-56; Новоженев, 1989, с. 110-122]. Из степной среды заимствованы и отдельные китайские мифы, связанные с представлениями о колеснице [Евсюков, Комиссаров, 1984, с. 52-67; 1985].

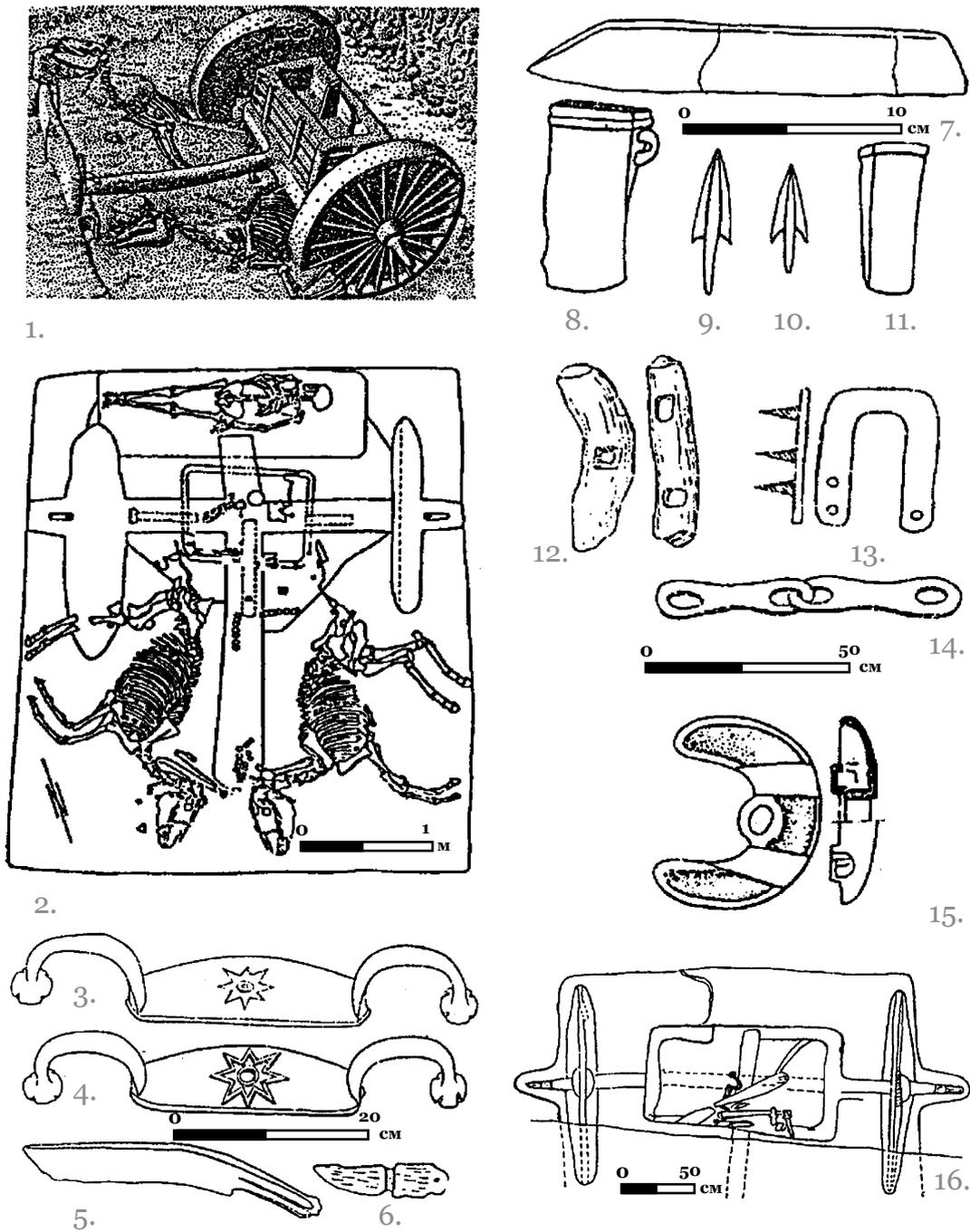
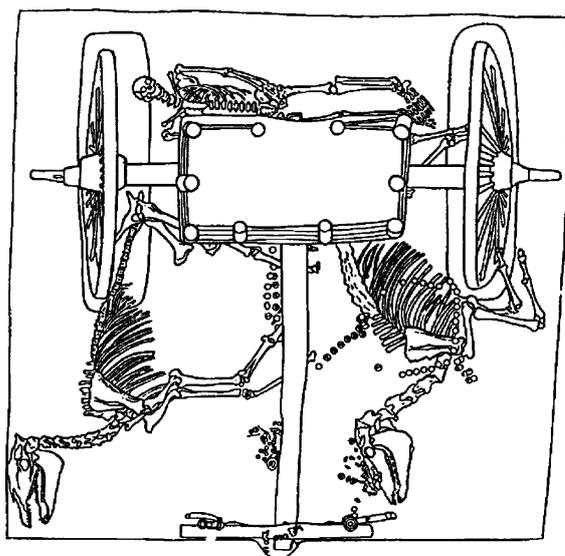

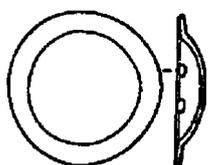
Рис. 106. Китай. Могилы с колесницами. 1 – общий вид чемакына, Сяоминьтун; 2 – план чемакына М175, Даськуньцун; 3 – 4 – «модели ярма»; 5 – нож; 6 – концевая накладка на лук; 7 – клевец; 8, 11 – кельты; 9, 10 – наконечники стрел; 3 – 5, 8 – 11 – бронза; 6 – кость; 7 – камень; 12 – 15 – предметы из западножюусского могильника Байфу: 12, 15 – псалии; 13 – шипы-усилители; 14 – удила; 12 – рог; 13 – 15 – бронза; 16 – чемакын М43 в западном секторе иньского городища Аньян: 1 – «модель ярма»; 2 – остатки колчана со стрелами; 3, 4 – клевцы. [Варенов, 1980, рис. 6; 17; 19; von Dewall, 1986].

Наиболее полная и подробная сводка и анализ всех погребений с колесницами из Китая опубликованы недавно тайваньской исследовательни-

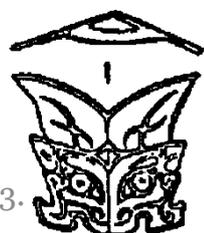
цей Ву Сяюнь [Wu, Hsiao-yun, 2009]. В этой работе она анализирует более 230 образцов реальных колесниц из погребений от эпохи Шан-инь до ко-

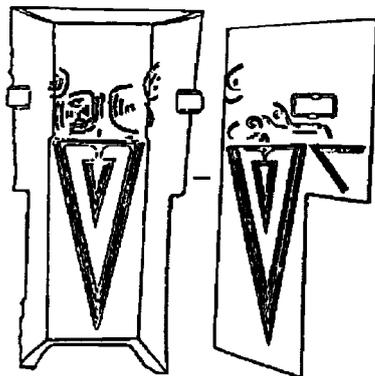
1.

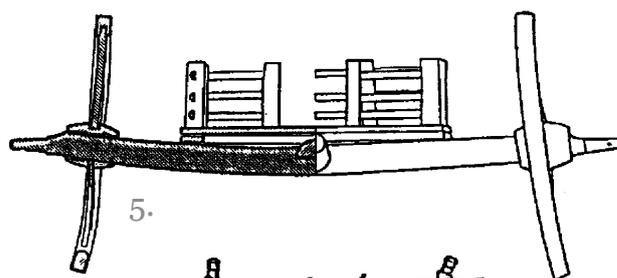
2.

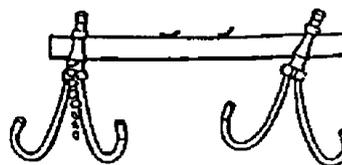
3.

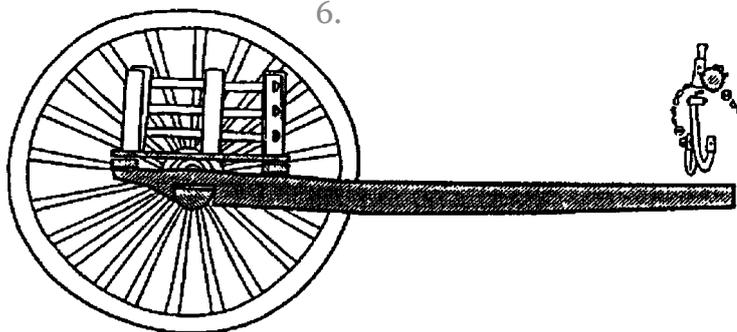
4.

5.

6.

7.

Рис. 107. Китай. Сяоминьтун. 1 – план чемакына; 2 – бляшка пао; 3-4 – украшения «хвоста» дышла и перекадины; 5-7 – конструкция колесницы, вид спереди и сбоку, ярмо-перекадина. [Кучера, 1977, рис. 64; 67].

лесниц императора Цин Шихуана, а также особенности погребального обряда и топографии могильников, в которых они найдены. Автор также выделяет значительную серию могил, в которых зафиксирована «имитация» или установка колесниц в разобранном состоянии [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 49-59]. Автор подробно рассматривает типологию повозок, основанную на эволюции некоторых технических

приемов их изготовления и практического применения [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 22-42].

Шан-иньские чемакыны обнаружены в районе Аньяна, в местностях у деревни Дасыкуньцун, Сяоминьтунь [Кучера, 1977, с. 133-142; Варенов, 1980, с. 164-169], Гоцзяжуан, Сяотун (рис.106-107). Эти памятники представляются наиболее показательными. Колесницы, найденные в них, кро-

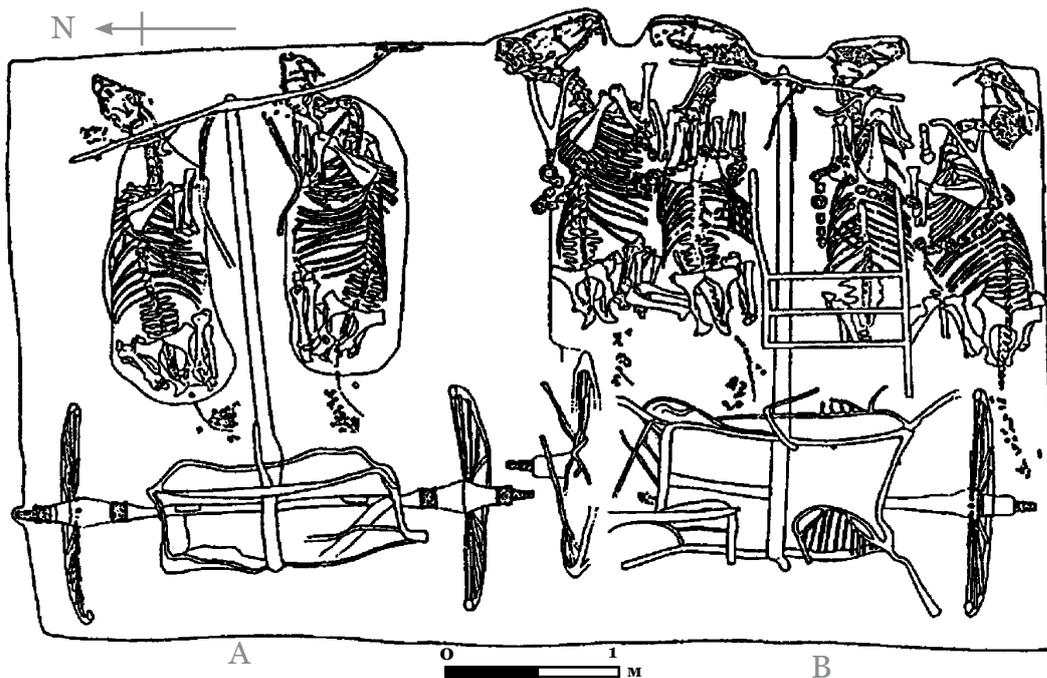
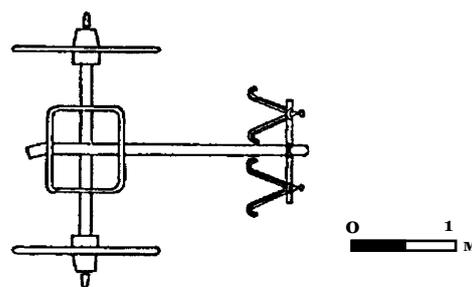
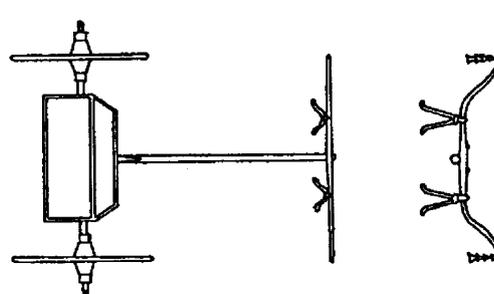

Рис. 108. Китай. Жучзяжуань, №3, Чжанцзяопо. Западная Чжоу. План чемакына и реконструкция колесниц [Littauer, 1977, fig. 30].

A

B

потливо расчищались по изменению цвета почвы и следам тлена от деревянных конструкций и сохранились лучше, чем повозки в степных курганах. Найдены Шан-иньские колесницы и в таких памятниках, как Цяобэй, Байдзяфын, Мейюаньджуан, Люцзяджуан, Цяньчжанда и других (см. Приложение 2).

Чжоуские колесницы раннего периода происходят из чемакынов в северных и реже центральных провинциях Китая, в таких памятниках, как Байцяопо, Чжанцзяопо (рис. 108-109), Люлихэ, Чжаогу, Чантайгуан, Шанцуньлин, Фэньшуйлин, Юиндун, Цайцзяган, Наньшангэнь, Байоцзы, Сикун, Сяохешигу и других [Комиссаров, 1980, с. 156-163; 1988, с. 54-56; Wu, Hsiao-yun, 2009, р. 211-231]. Всего известно около

30 памятников этого периода. Более двух десятков насчитывается памятников периода Восточной Чжоу, включая периоды Чунсю и Чжанго. В общей сложности на территории современного Китая известно более 60-ти памятников ранних периодов с колесницами.

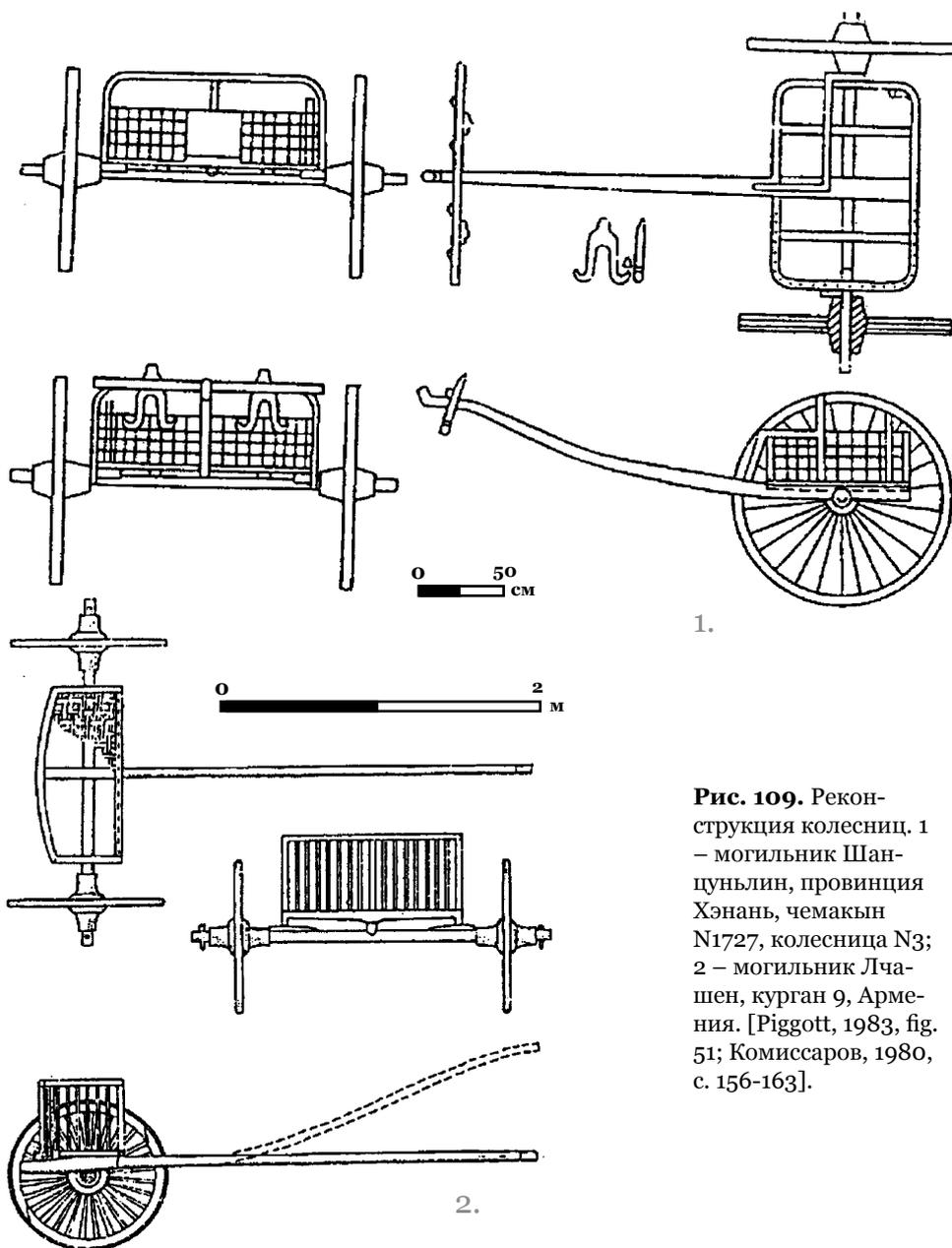

Рис. 109. Реконструкция колесниц. 1 – могильник Шанцуньлин, провинция Хэнань, чемакын №1727, колесница №3; 2 – могильник Лчашен, курган 9, Армения. [Piggott, 1983, fig. 51; Комиссаров, 1980, с. 156-163].

Некоторые особенности топографии памятников

В шан-иньское время могилы с колесницами группируются, как правило, вокруг нескольких могил – очевидно, близких родственников – и отличаются от могил соплеменников несколько большими размерами. Вместе с колесницами в них похоронены упряжные лошади и люди. Так, на могильнике Сяотун (Аньян, сектор С) чемакыны М20, М45 и М202 расположены в составе ярко выра-

женных групп могил, между которыми находится еще одно большое погребение с колесницей М40 (рис. 110-111).

В период Западной Чжоу погребения с колесницами значительно увеличиваются в размерах, устанавливаются уже по нескольку экипажей в одну могилу, появляются отдельные погребения с жертвенными конями и чемакыны, в которых обнаружены только повозки. Сохраняется тенденция их группировки вокруг других могил, однако они уже расположены

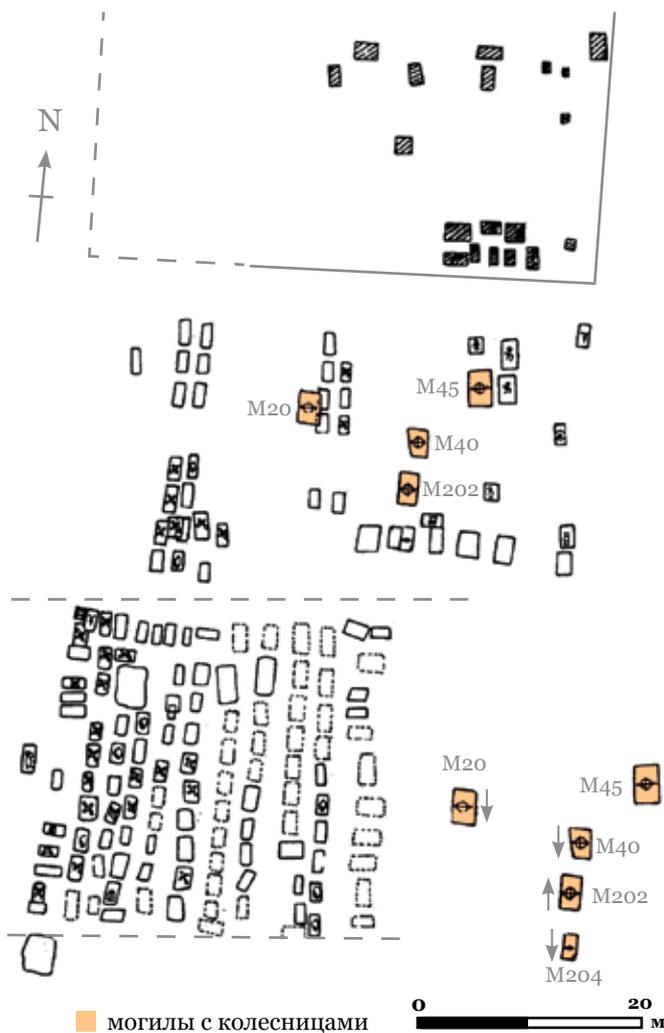

Рис. 110. Общий план шан-иньского некрополя Сяотун. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 105].

более обособленно. Это хорошо заметно как на плане могильника Шанцунлин, где большие чемакыны представлены отдельными группами (№№ 1051, 1052, 1810, 1811 и 2011, 2012, 2013, 2016 и др.), так и в составе обособленных групп могил – №№ 1715, 1702, 1602 и др. (рис. 112-115). В могильнике Люлихэ (Пекинский округ) 60% всего инвентаря составляет колесничное снаряжение, которое содержится только в четырех могилах. Вообще бронзовое оружие и колесничное

снаряжение, аналогичное шан-иньскому, чаще всего встречается в едином комплексе. Обращает на себя внимание особенность погребального обряда: могилы с деревянными срубам и богатыми наборами оружия.

Наконец, в период позднего Чунсю очень большие погребения с колесницами расположены совершенно отдельно от других могил, совместные захоронения с людьми практически неизвестны (храм Сичуаньсяши, М2, 8, 10, 11, 36, рис. 116).

Особенности типологии могил с колесницами

Во всем многообразии чемакынов совершенно четко прослеживаются две традиции: установка реальных колесниц в могилу (рис. 117-119) и «имитация» ее установки (рис. 120-126). Если для шан-иньского времени характерны одиночные могилы с одной колесницей (или ее имитацией), парой лошадей, одним-двумя погребенными колесничными, то в раннечжоуское и более позднее время количество разнообразных вариантов и их сочетаний существенно возрастает.

Зафиксированы также отдельные безинвентарные могилы с колесницами без людей, инвентаря и упряжных животных (например, архитектурный ансамбль Мацзячжуан, К17, №1 [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 56, pl. 1]), либо могилы с колесницей и инвентарем (рис. 123; Банцзяджуан, М5).

Для первой традиции возведения могил с колесницами возможны различные сочетания: колесница + упряжные животные; колесница (или несколько) + упряжные животные + человек (люди) + жертвенный инвентарь. Возможны различные сочетания этих компонентов.

«Имитация» всегда предполагает наличие разобранной колесницы, либо ее значимых частей, как правило – колес,

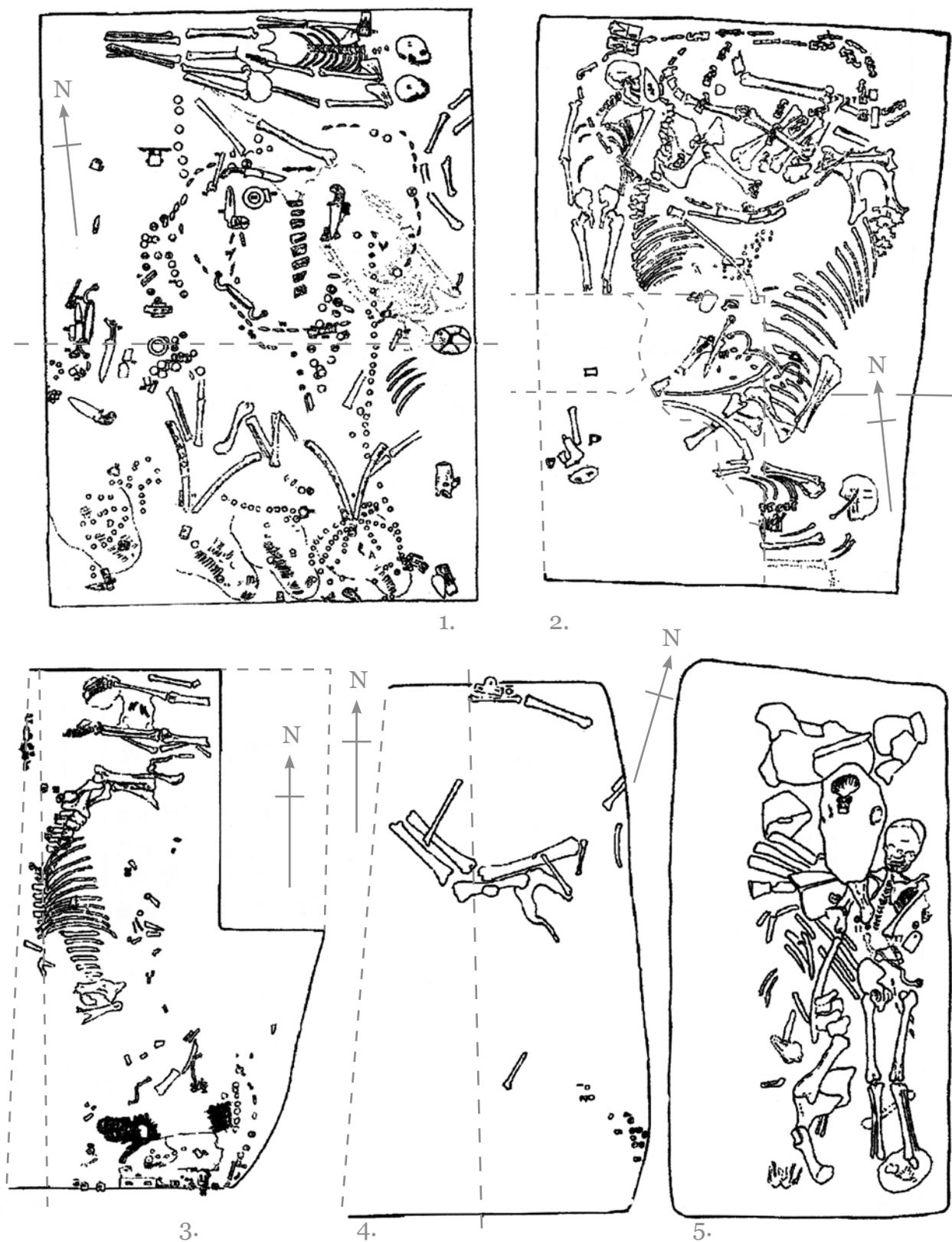

Рис. 111. Сяотун. Чемакыны: 1 – M20; 2 – M40; 3 – M202; 4 – M204; 5 – M614. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 106].

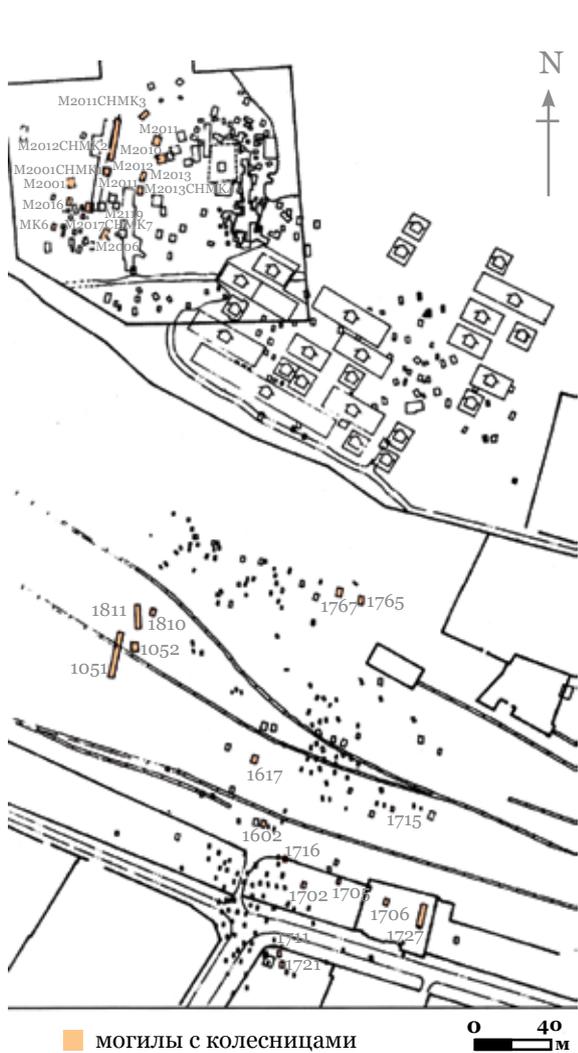
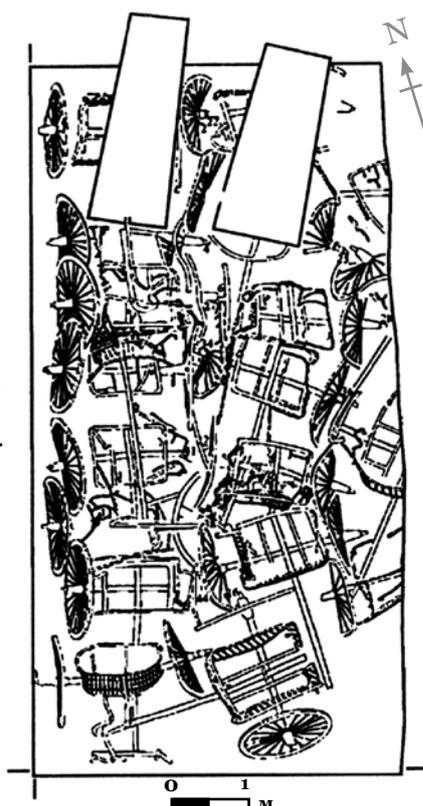

Рис. 112. Общий план могильника Шанцуньлин. Западная Чжоу. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 148].

Рис. 113. Могильник Шанцуньлин. Чемакыны из северной части могильника. (погребение Хугоу): 1 – M2001CHMK1; 2 – M2016MK6; 3 – M2012CHMK2. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 150].

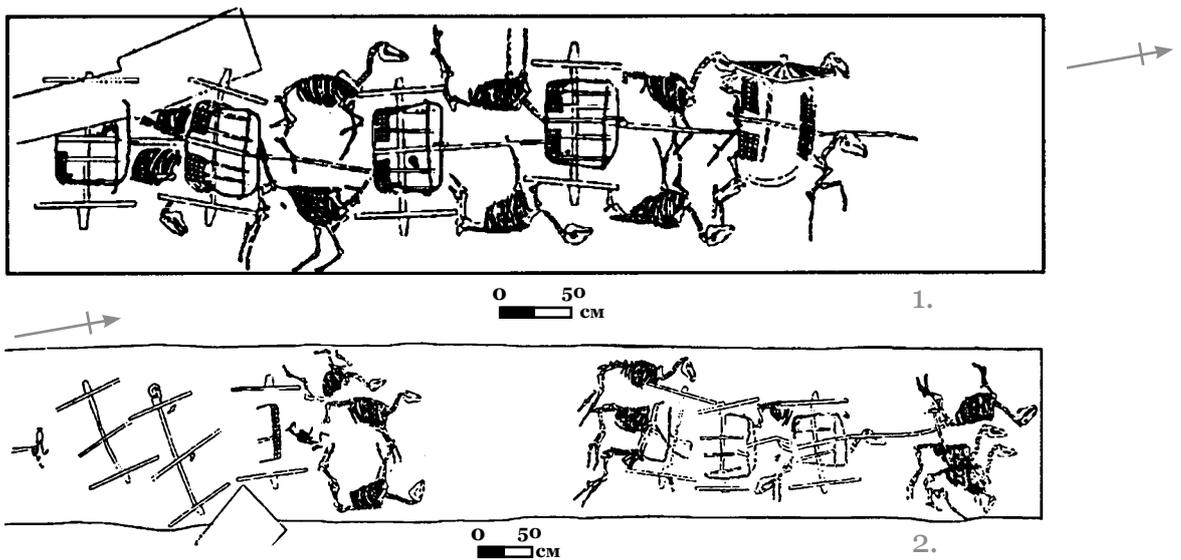

Рис. 114. Могильник Шанпуñлин. Чемакны из южной части могильника (погребение Хугу): 1 – М1727; 2 – М1051. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 149].

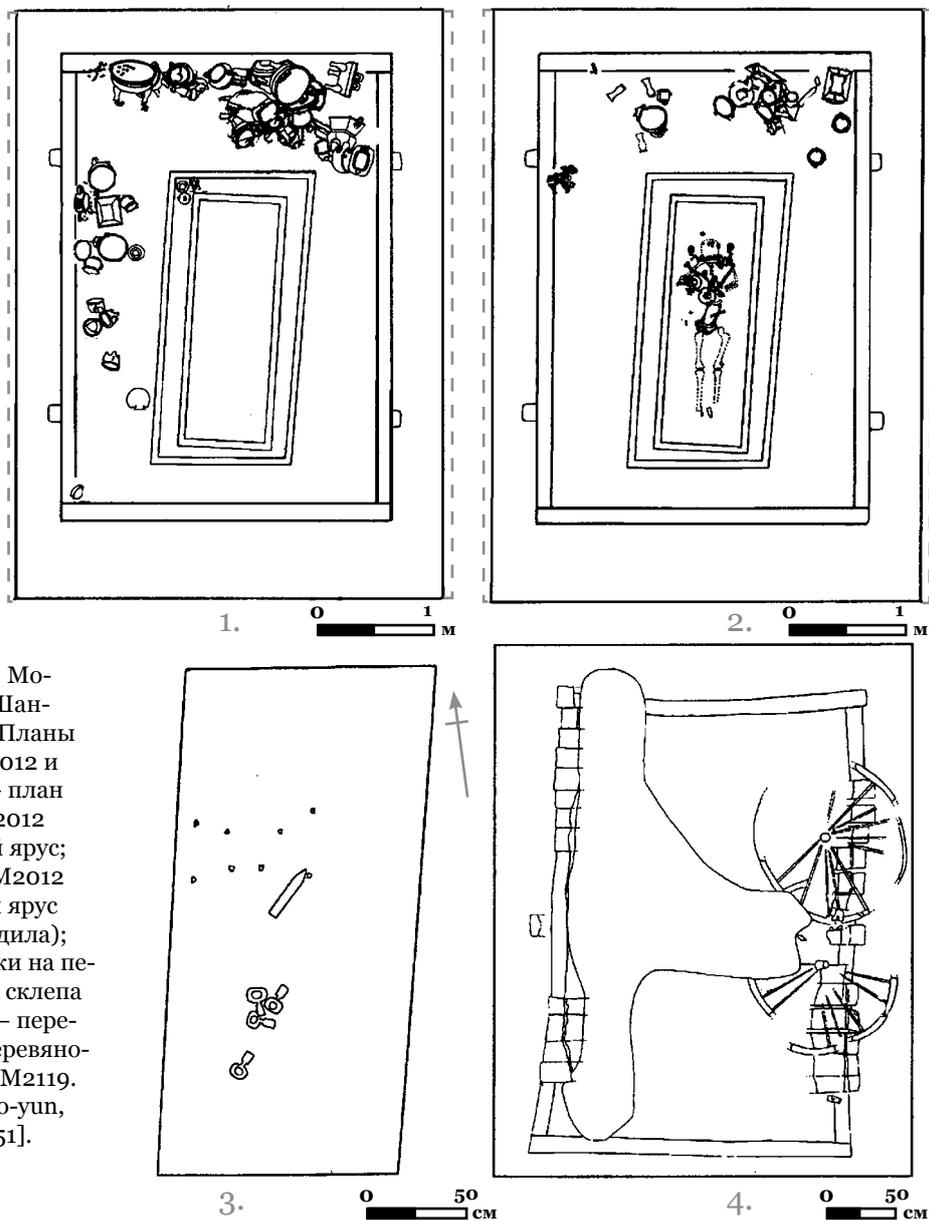

Рис. 115. Могильник Шанпуñлин. Планы могил М2012 и М2119. 1 – план склепа М2012 – верхний ярус; 2 – план М2012 – нижний ярус (61-62 – удила); 3 – находки на перекрытии склепа М2012; 4 – перекрытие деревянного склепа М2119. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 151].

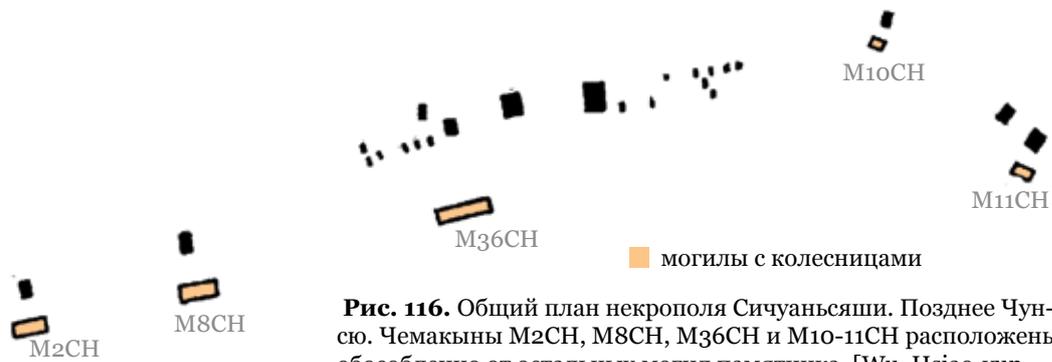
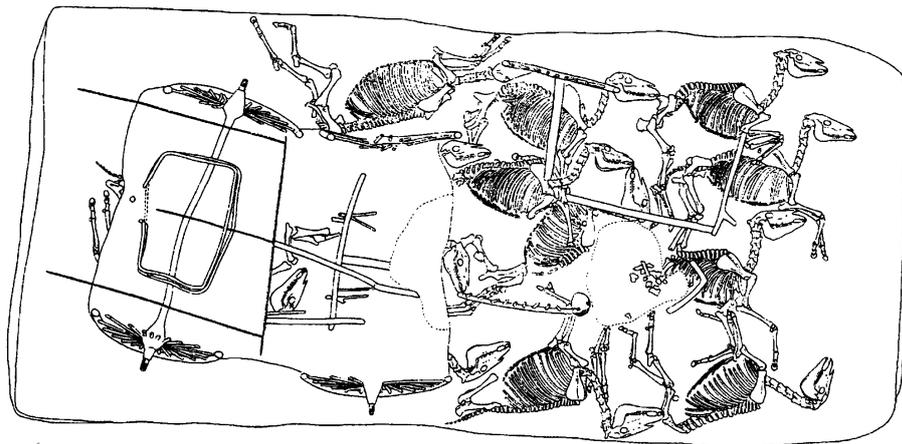
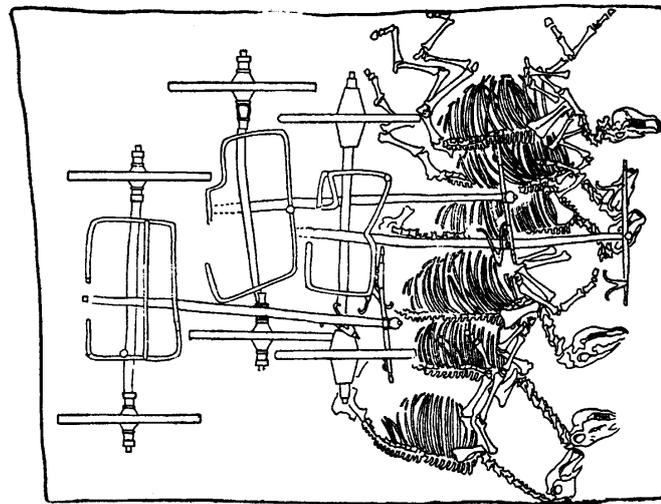

Рис. 116. Общий план некрополя Сичуаньсяши. Позднее Чунсю. Чемакыны M2CH, M8CH, M36CH и M10-11CH расположены обособленно от остальных могил памятника. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 164].

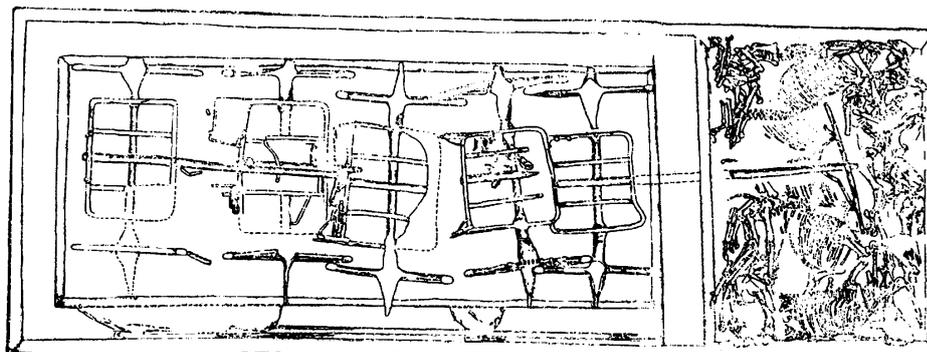
1.

Рис. 117. Погребения с реальными колесницами: лошади и колесницы. 1 – могильник Люлихэ, чемакын M52CH1; 2 – могильник Чжанцзяопо, чемакын M168N^o2; 3 – могильник Фэнгао. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 51].

2.

0 1 м

3.

0 1 м

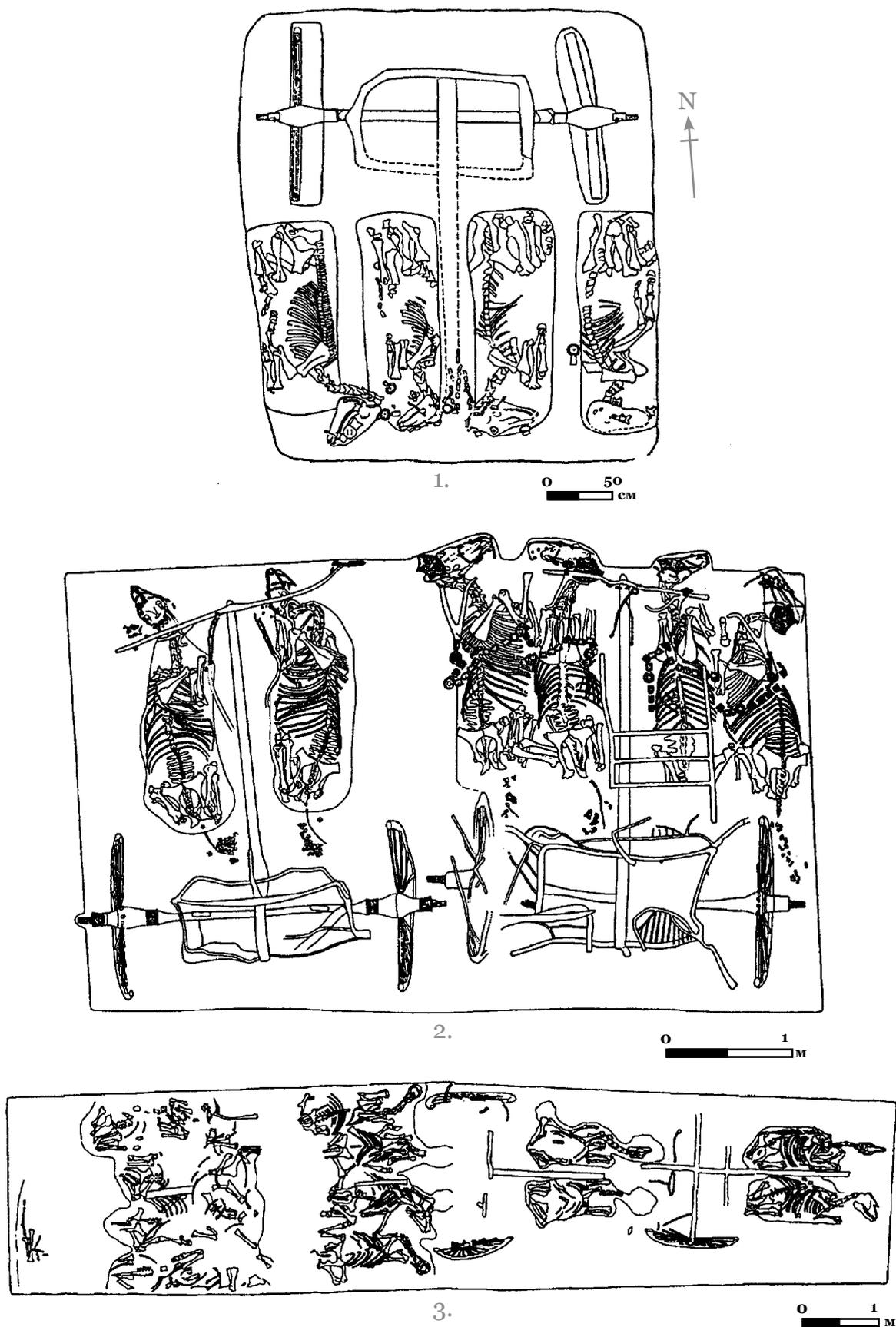
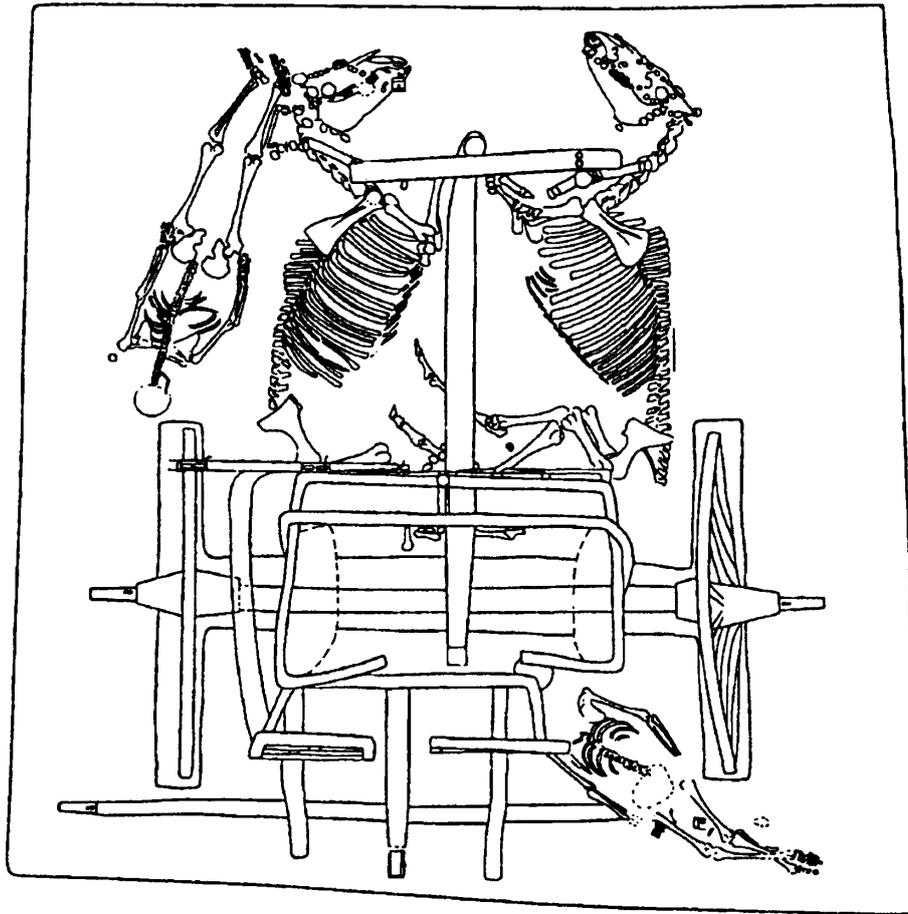
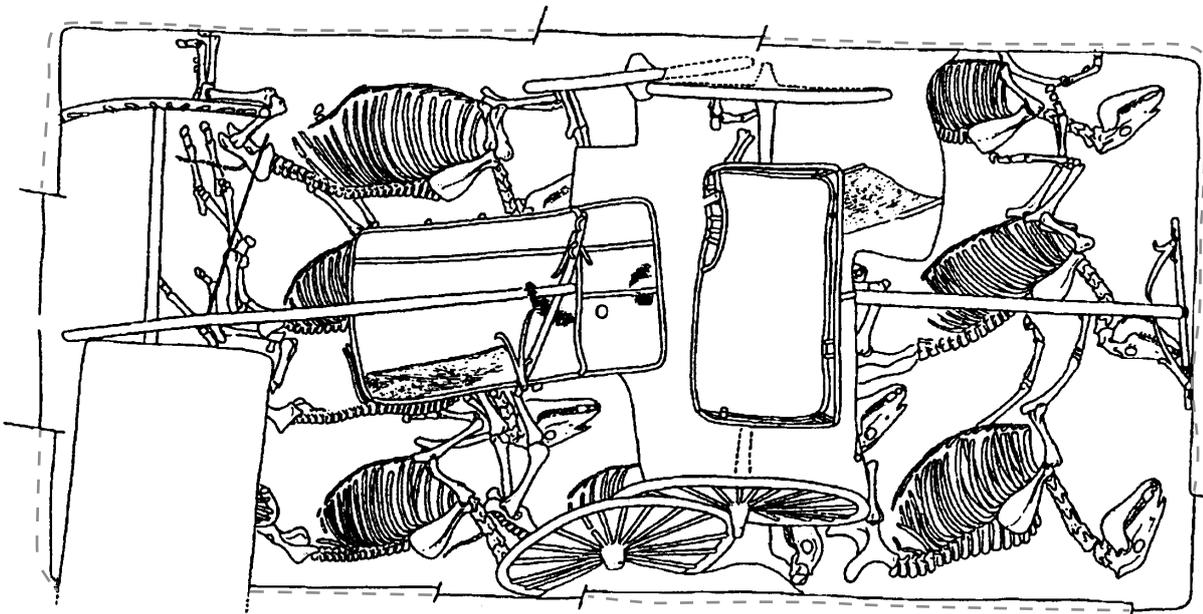

Рис. 118. Погребения с реальными колесницами: лошади и колесницы. 1 – могильник Тяньмапучунь, зона J4, №2; 2 – могильник (Чжанзяопо) Жуцзяжуань, №3; 3 – мавзолей Шанма, №2. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 53].

1.

2.

Рис. 119. Погребения с реальными колесницами: люди, лошади и разобранная колесница. 1 – могильник Мейюаньчжуан, М40; 2 – могильник Тяньмацзунь, зона J4, №3. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 54].

Рис. 120. Погребения с имитацией: детали колесниц, лошади и люди. 1 – могильник Сяотун, М20; 2 – могильник Сяотун, М40; 3 – могильник Люлихэ, №1100; 4 – могильник Чжанцзяпо, М155: 1 – лакированный щит с бронзовыми накладками; 2, 10 – бронзовые псалии; 3, 6, 7 – бронзовые бляшки; 4, 5 – бронзовые навершия (?); 8 – фигурки рыб из раковин; 9 – бляшки из раковин. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 49].

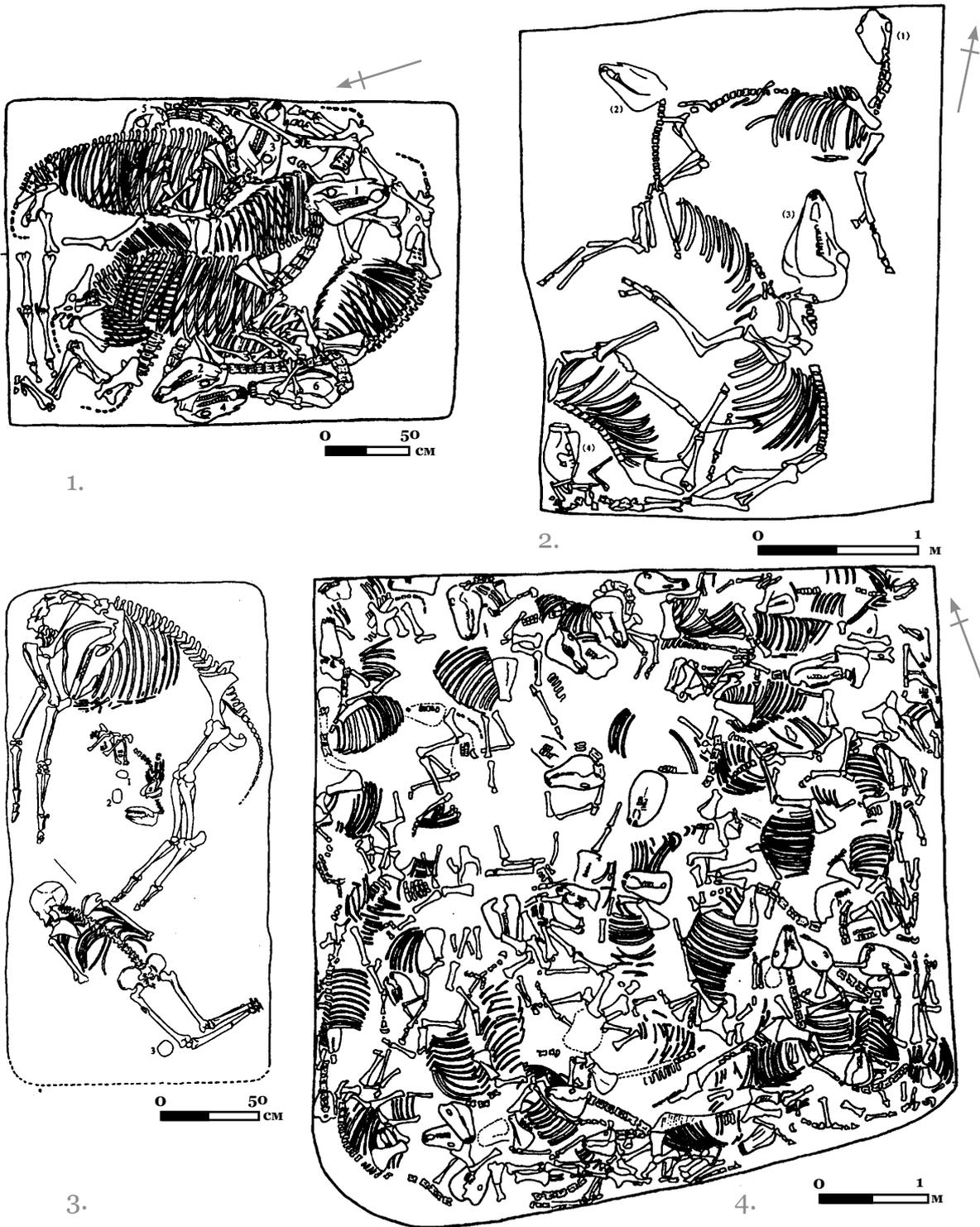

Рис. 121. Погребения с имитацией: лошади и люди. 1 – могильник Чжанцзяпо, М340; 2 – могильник Бэйяо МК 724; 3 – могильник Лаоюньпо, 86XLIII1М30; 4 – могильник Чжанцзяпо, М 153. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 58].

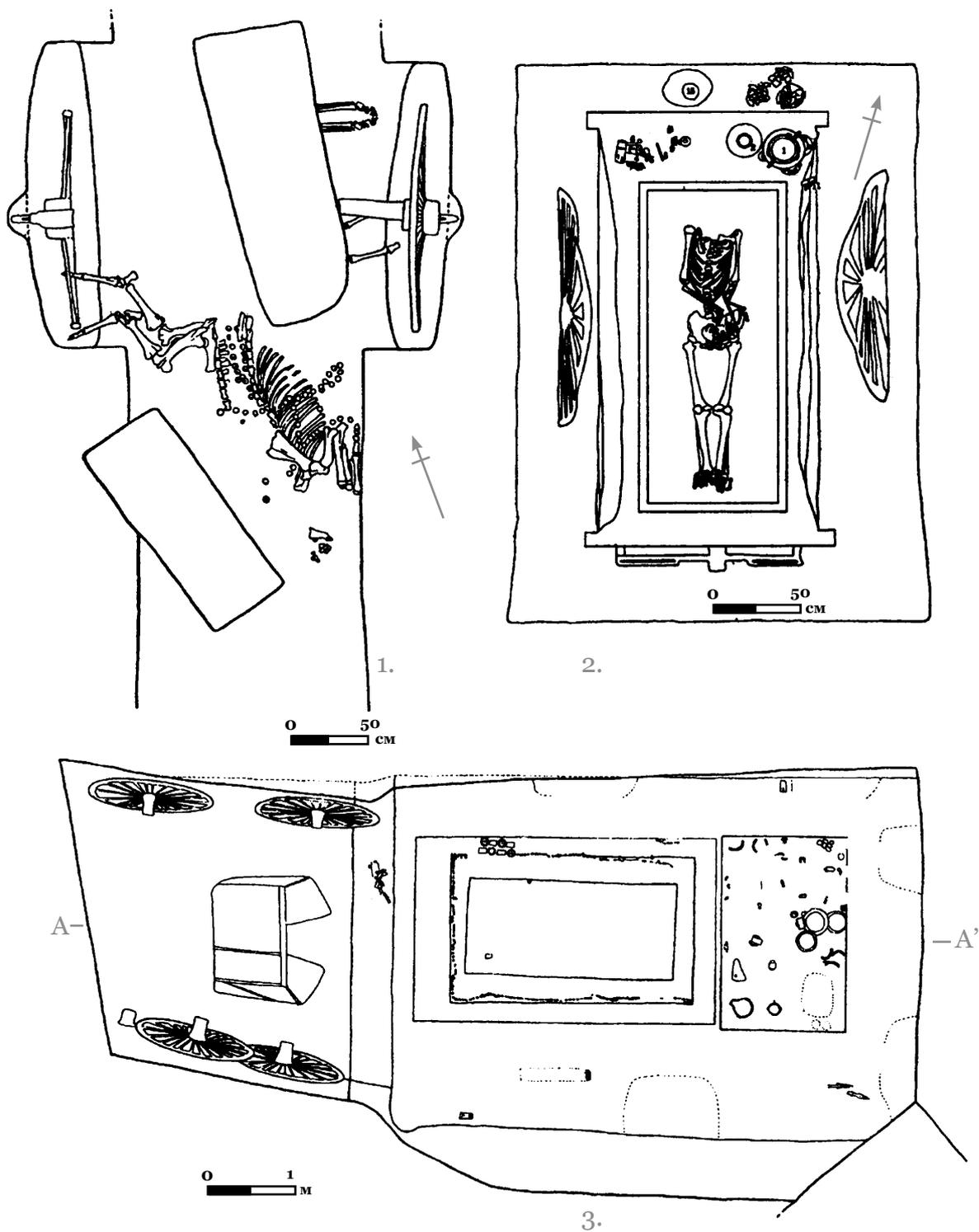

Рис. 122. Погребения с имитацией: люди, лошади и разобранные колесницы. 1 – могильник Сяомингунь, М698; 2 – могильник Фуфэньхуангунь, М1; 3 – могильник Чжанцзяопо, М 152. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 62].

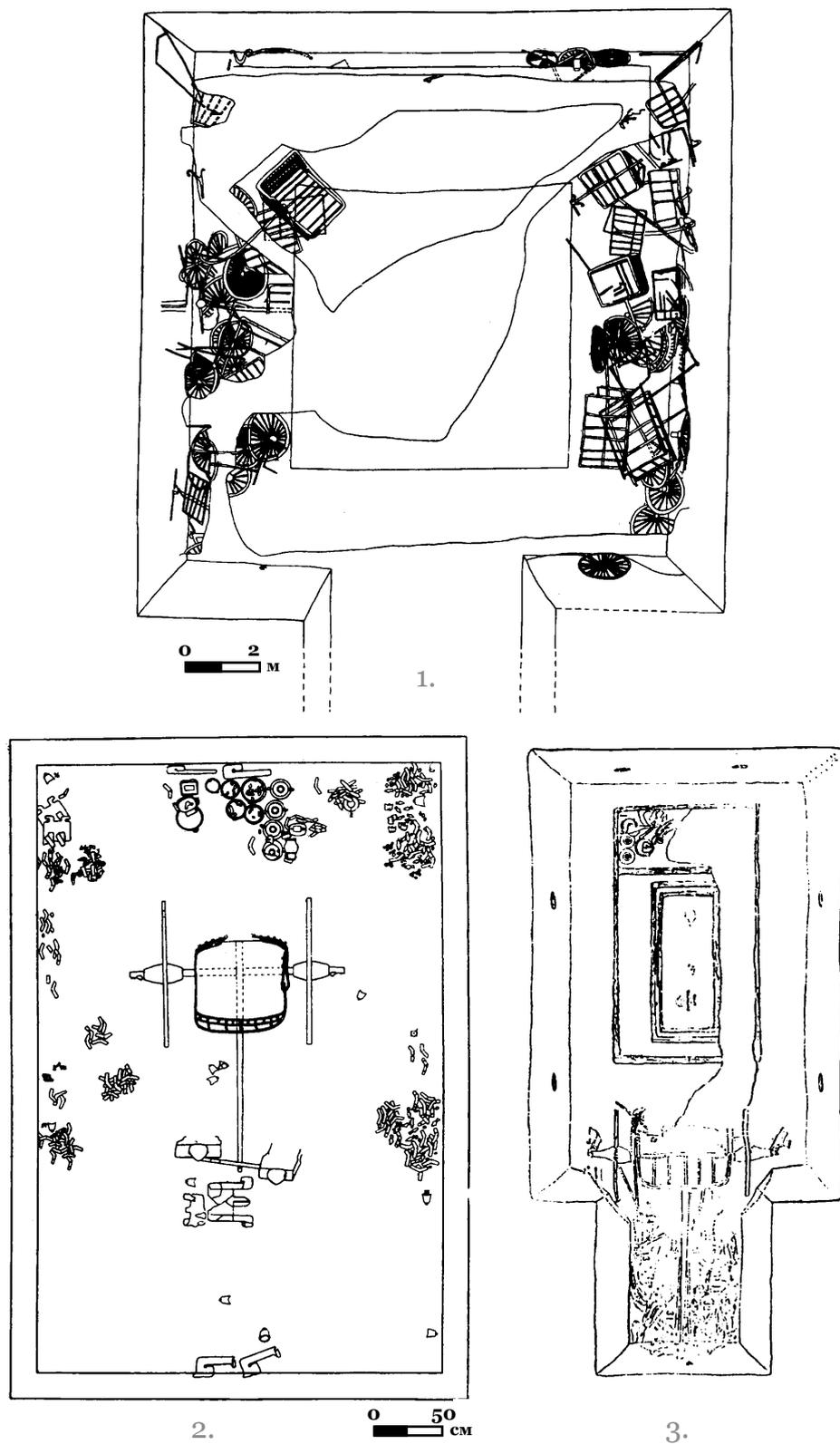

Рис. 123. Погребения с колесницами: без коней и без людей. 1 – мавзолей Люхедянь, №2; 2 – могильник Банцзячжуан, М5 (уезд Лунсянь); 3 – могильник Пинлянмаочжуан, М6. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 64].

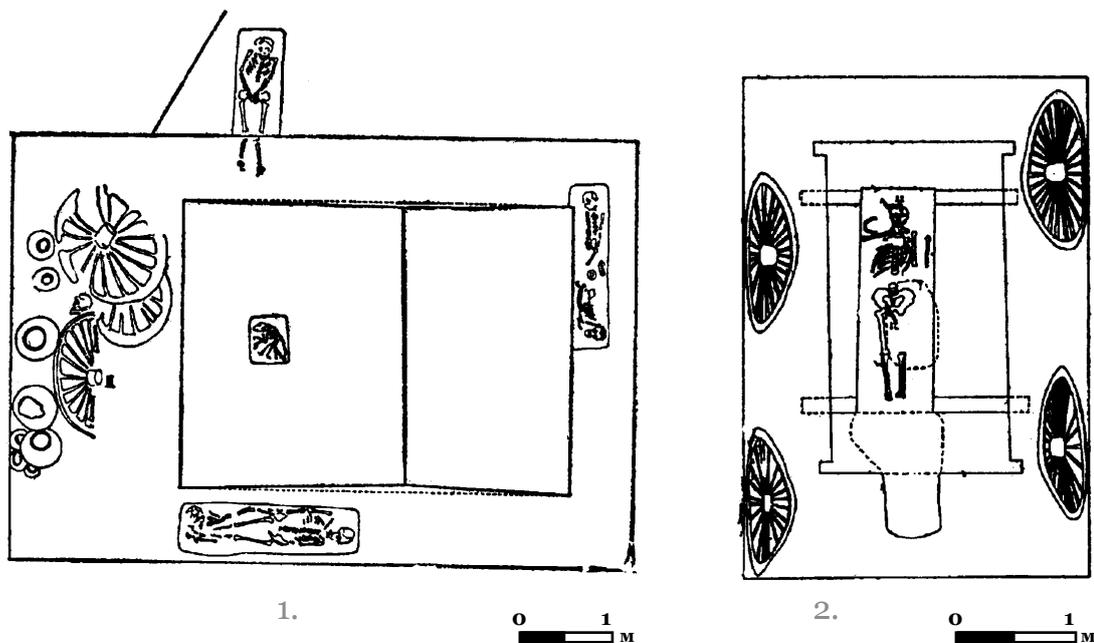

Рис. 124. Погребения с имитацией: разобранные колесницы и люди. 1 – могильник Жуцзячжуан, BRM1; 2 – могильник Фуфэньхуантунь, M4. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 65].

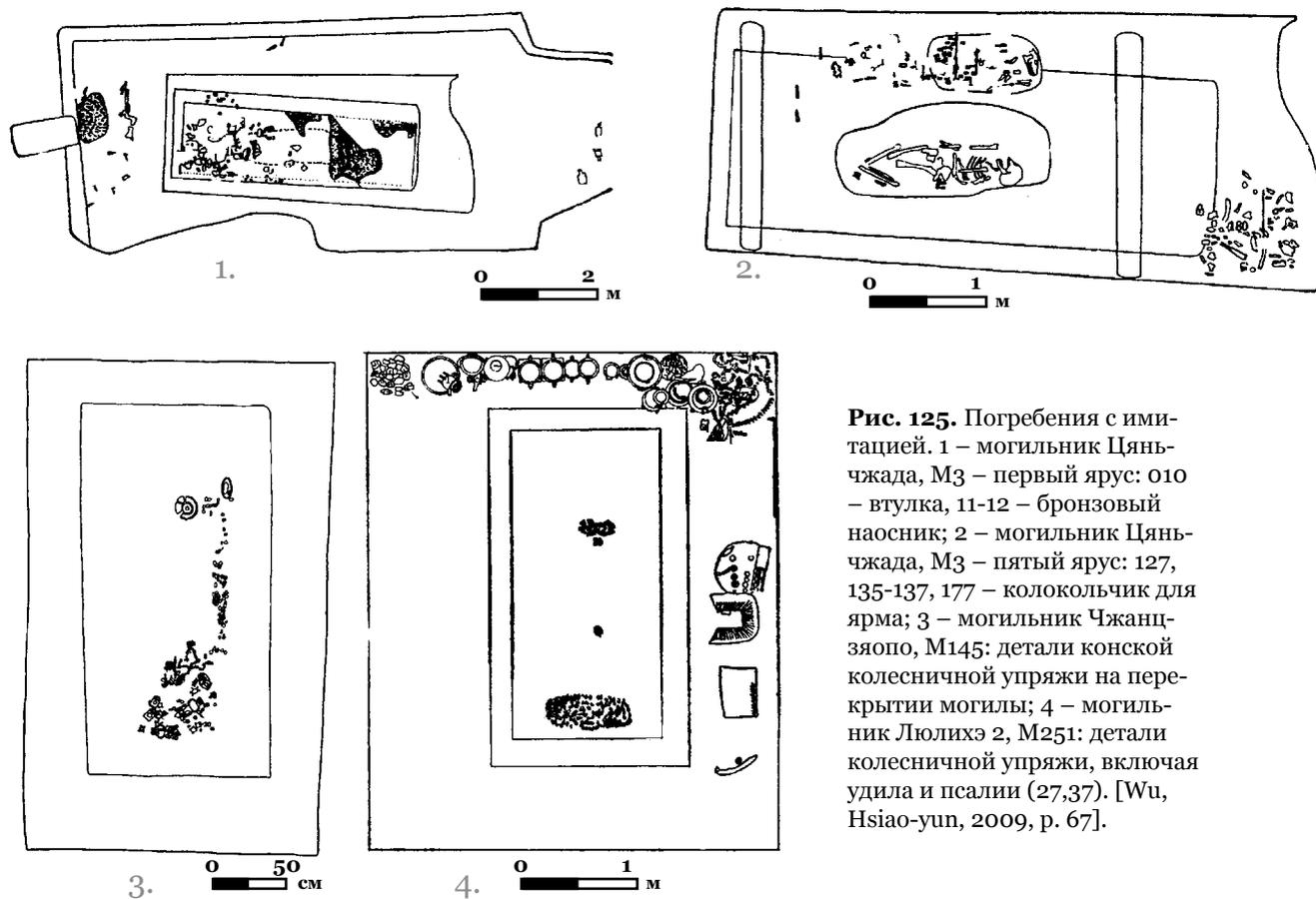

Рис. 125. Погребения с имитацией. 1 – могильник Цяньчжада, M3 – первый ярус: 010 – втулка, 11-12 – бронзовый наосник; 2 – могильник Цяньчжада, M3 – пятый ярус: 127, 135-137, 177 – колокольчик для ярма; 3 – могильник Чжанцзяпо, M145: детали конской колесничной упряжи на перекрытии могилы; 4 – могильник Люлихэ 2, M251: детали колесничной упряжи, включая удила и псалии (27,37). [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 67].

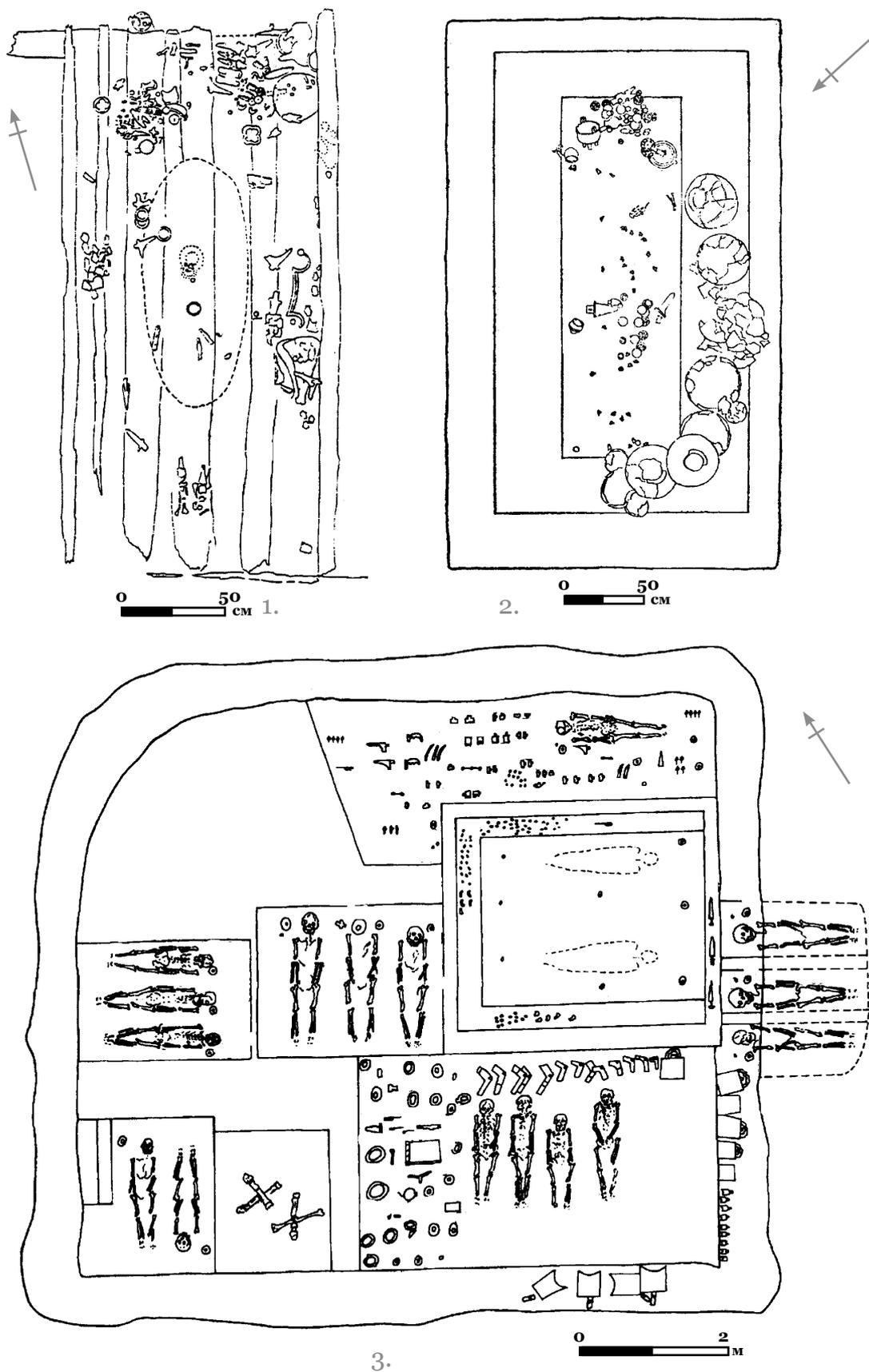

Рис. 126. Погребения с имитацией: люди и детали упряжи. 1 – могильник Байфу, М3; 2 – могильник Чжюаньгоу, могила 3; 3 – могильник Цзюньдун, курган 3.[Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 68].

ярм, дышла, элементов упряжи и оголовья, бронзовых наосников, «башмаков» для крепления дышла к кузову, чек, фиксирующих колесо на оси, украшений ярма и сбруи, бубенцов-колокольчиков, наконечников ярма-перекладины. Также имитация сопровождается погребениями людей, коней и сопутствующим инвентарем в различных сочетаниях.

В раннечжоуское время появляется особый вид чемакынов – с длинными коридорами, отходящими от центральной ямы (Чжанцзяопо, №157), а также длинные и узкие могильные ямы, в которых могут находиться только жертвенные лошади (Цыгучень), и колесницы без упряжных (Лоуган, Люлихэ, рис. 127-131), но чаще всего – колесницы с упряжными животными.

В качестве примера рассмотрим чемакын N 1727 из могильника Шанцуньлин в провинции Хэнань (рис. 114:1). В прямоугольной яме, размером 15,1 x 3,82 м и глубиной 1,1-1,3 м, найдено 5 колесниц и 10 лошадей. Колесницы расположены в ряд, дышлом ориентированы на север. Пары лошадей уложены под каждой колесницей, а под платформами повозок NN 3 и 5 обнаружены скелеты собак. Все колесницы однотипны и близки по техническим параметрам. По своей конструкции колесницы из Шанцуньлина сходны с шан-иньскими, но отличаются меньшими размерами. Кузов у них сдвинут вперед относительно оси, перила кузова более прочные и надежные, появляется специальный барьер-опора. Отсутствуют в ранних чжоуских чемакынах и захоронения людей, ямы с колесницами расположены обычно рядом с богатыми инвентарем могилами.

Особый тип могил представлен в материалах кургана 3, могильника Цзюнуйдун, где зафиксировано большое коллективное захоронение с разнообраз-

ным набором инвентаря, комплексом колесничного вооружения и имитацией колесницы [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 68].

В период Чжанго в длинных прямоугольных ямах ставились десятки колесниц разных типов и размеров с упряжными конями (рис. 129), и эта тенденция сохранилась позднее – в терракотовой армии императора Цин Шихуана.

Несколько слов о положении упряжных лошадей в могилах: чаще всего они уложены спинами друг к другу и относительно дышла, как в бигах, так и в квадригах. Это положение следует считать основным в погребальном обряде с реальными колесницами, характерном для шан-иньского периода. Эта традиция устойчиво сохраняется и в последующие периоды, однако уже в период Западной Чжоу появляются новые варианты: кони в могилы с колесницами (биги и квадриги) укладываются ногами друг к другу, ногами к спинам лошадей (поза, известная по петроглифам, как «одно над другим») или расположены с подогнутыми ногами вертикально, как бы «стоящими» по обе стороны от дышла, если смотреть на могилу сверху. В «имитациях» погребений и жертвенных ямах коней они укладывались бессистемно или, скорее всего, в расчлененном состоянии по принципу «pars pro toto» (рис. 121:3, 4). ■

Классификация колесниц из чемакынов

Значительная серия уже зафиксированных и тщательно расчищенных колесниц в могилах позволяет с высокой степенью достоверности представить эволюцию и особенности конструкции, а также выделить отличительные черты разных категорий представленных в этой серии экипажей (рис. 132-140).

1. Колесницы одноместные. Размеры кузова этих колесниц позволяют разместиться в нем одному стоящему колесничему. Это пароконные экипажи с маленькой округлой «D»-образной или прямоугольной площадкой, которая имеет невысокое ограждение, либо обходится вовсе без него. Одноместные колесницы первого типа всегда запрягались парой лошадей, мощности которых в две лошадиные силы вполне достаточно для довольно скоростной езды. Управление такой повозкой требовало серьезных навыков, поскольку колесничий не имел никакой дополнительной опоры во время движения, кроме натянутых вожжей. Он должен был балансировать на оси колесницы, используя натяжение вожжей, постоянно отклоняясь назад, упираясь в платформу и при этом каким-то образом должен был освободить свои руки для стрельбы из лука или для использования другого оружия. Поэтому неслучайна находка специальных приспособлений для фиксации ноги, отмеченная на платформе колесницы из Гоцзяжуан М 52 (рис. 144:17), и «моделей ярма», прикрепленных к поясу, которые помогали

держат устойчивость при движении и освободить руки от вожжей. Возможно, поводья просто привязывались к поясу, как это делали египетские фараоны, а управлять колесницей можно было поворотом туловища. Колеса такой колесницы, диаметром около метра, имели широкую ступицу. Тяговое усилие передавалось посредством прямого или слегка изогнутого дышла, поперечного ярма-перекладины, к которому крепились ярма-рогатки. Не исключено использование кожаных ремней в качестве треугольных растяжек в местах крепления дышла к ярму-перекладине и оси к дышлу, как это показано в изобразительных источниках, однако в китайских могилах следов таких деревянных или кожаных распорок не зафиксировано. В целом этот тип одноместных колесниц представляется наиболее архаичным во всем колесничном комплексе. Разделяется на два подтипа:

1.1. – С округлым или «D»-образным в плане кузовом. Колесницы этого подтипа обнаружены в шан-иньских памятниках Цяобей, Гоцзячжуан, М1003, практически неизвесны в западночжоуское время и зафиксированы в несколько трансформированном виде в период позднего Чунсю (Цзиньгоу, могила Чжао Цин, М251, рис. 132), где ограждение уже достаточно высокое и имеется передний поручень, и в период позднего Чжаньго (Мацзяюаньчжуан, №4, рис. 132).

1.2. – С подпрямоугольным в плане кузовом. Колесницы этого подтипа происходят из шан-иньских памятников Гоцзячжуан, М52, Мейюаньчжуан, М41, Даськуньцун, М175 (рис. 133; 143; 144) и не зафиксированы в последующие периоды.

2. Колесницы двухместные, появившиеся, очевидно, в конце шан-иньской эпохи, становятся самым массовым ти-

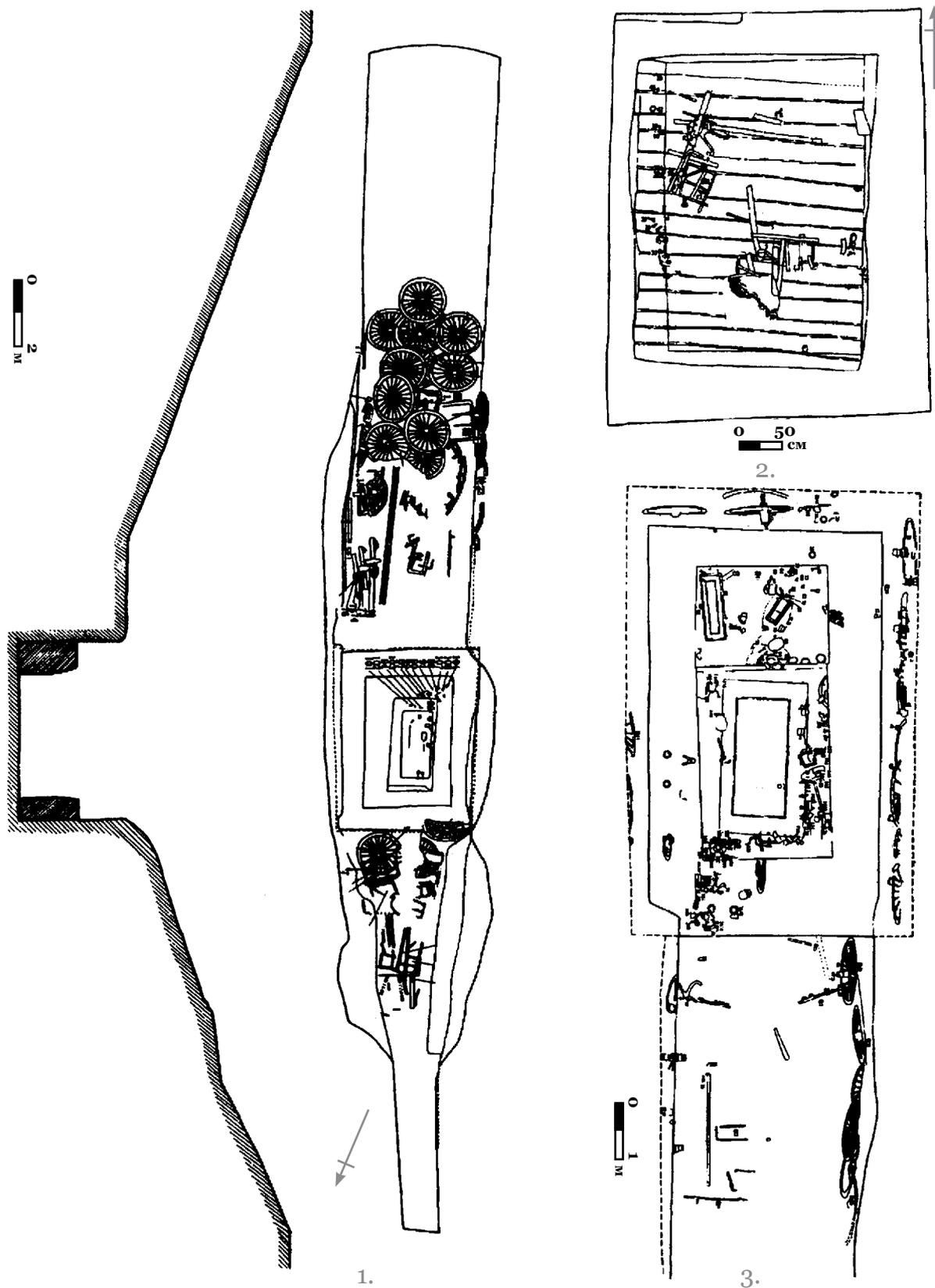

Рис. 127. Могилы с «коридором» из могильника Чжанцзяопо. 1 – чемакын М157; 2 – план перекрытия центральной могилы М 157; 3 – чемакын М170. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 127].

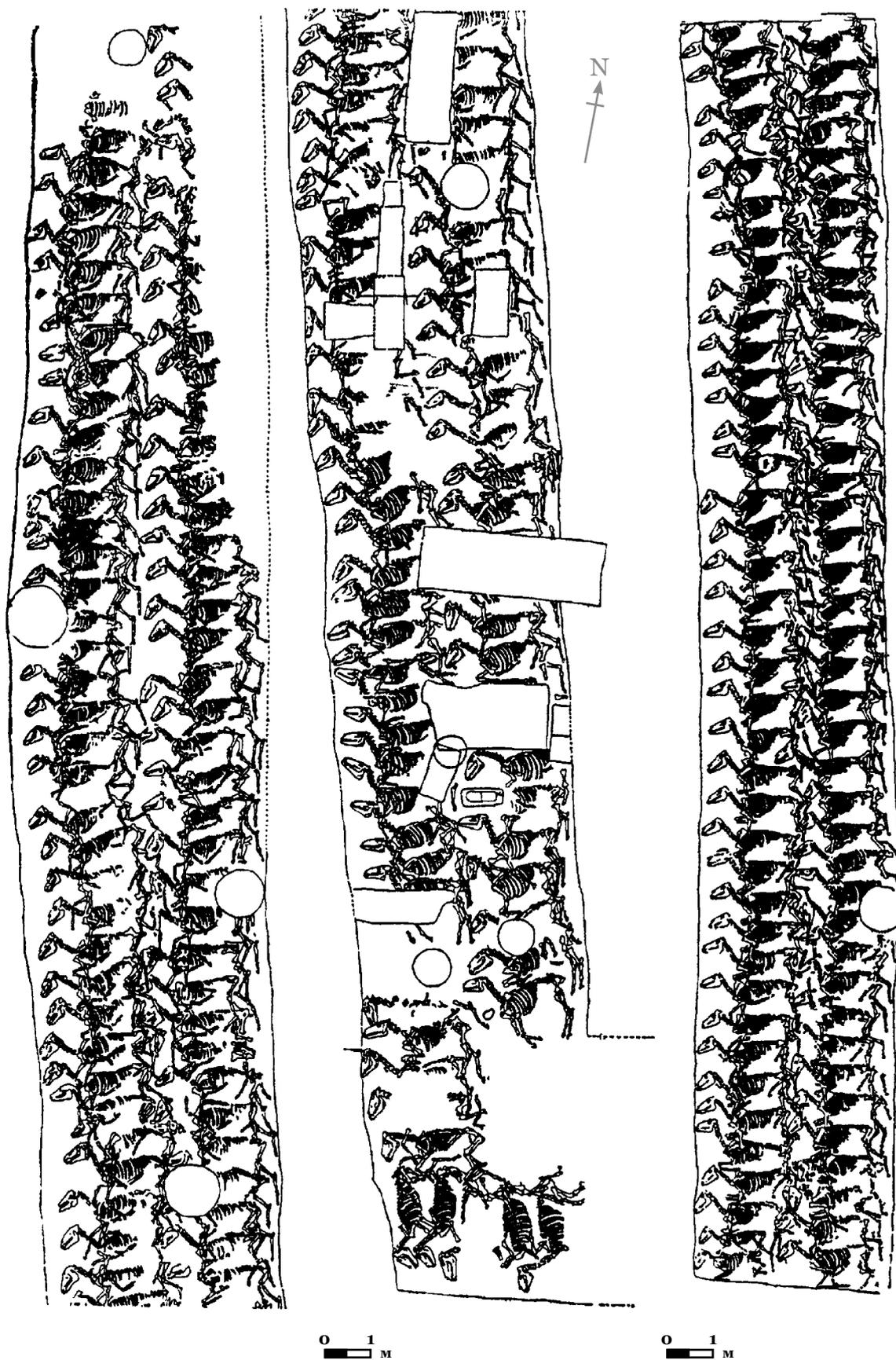

Рис. 128. Жертвенные ямы коней. Могильник Цигучень, яма 5. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 59].

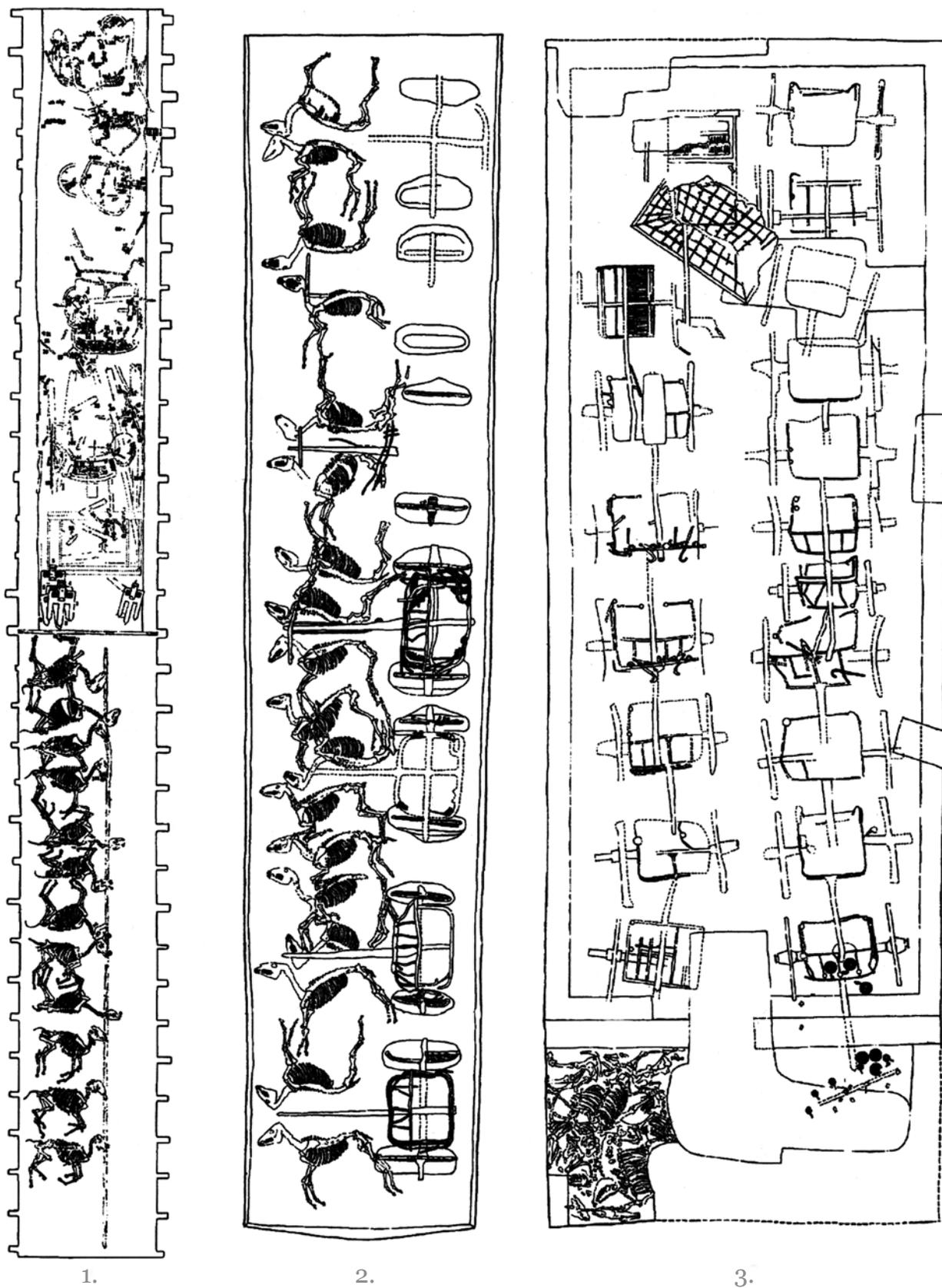

Рис. 129. Погребения колесниц без людей. 1 – могила Чжуншан вана, №2; 2 – могильник Лоуган, М1СН (Ичен), провинция Хубэй; 3 – могильник Люлихэ, уезд Хуйсянь. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 80].

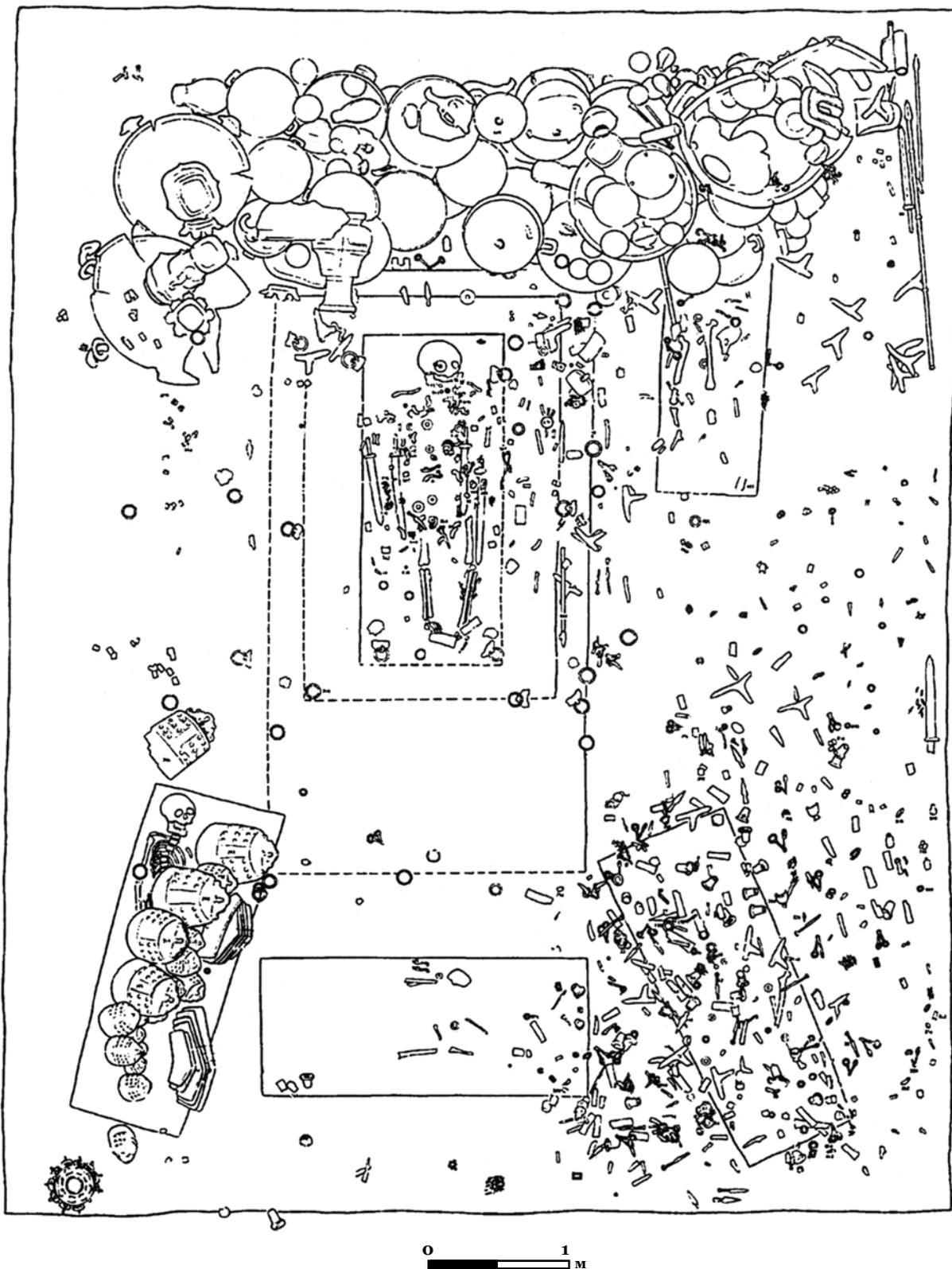

Рис. 130. Могила Чжао Цин. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 160].

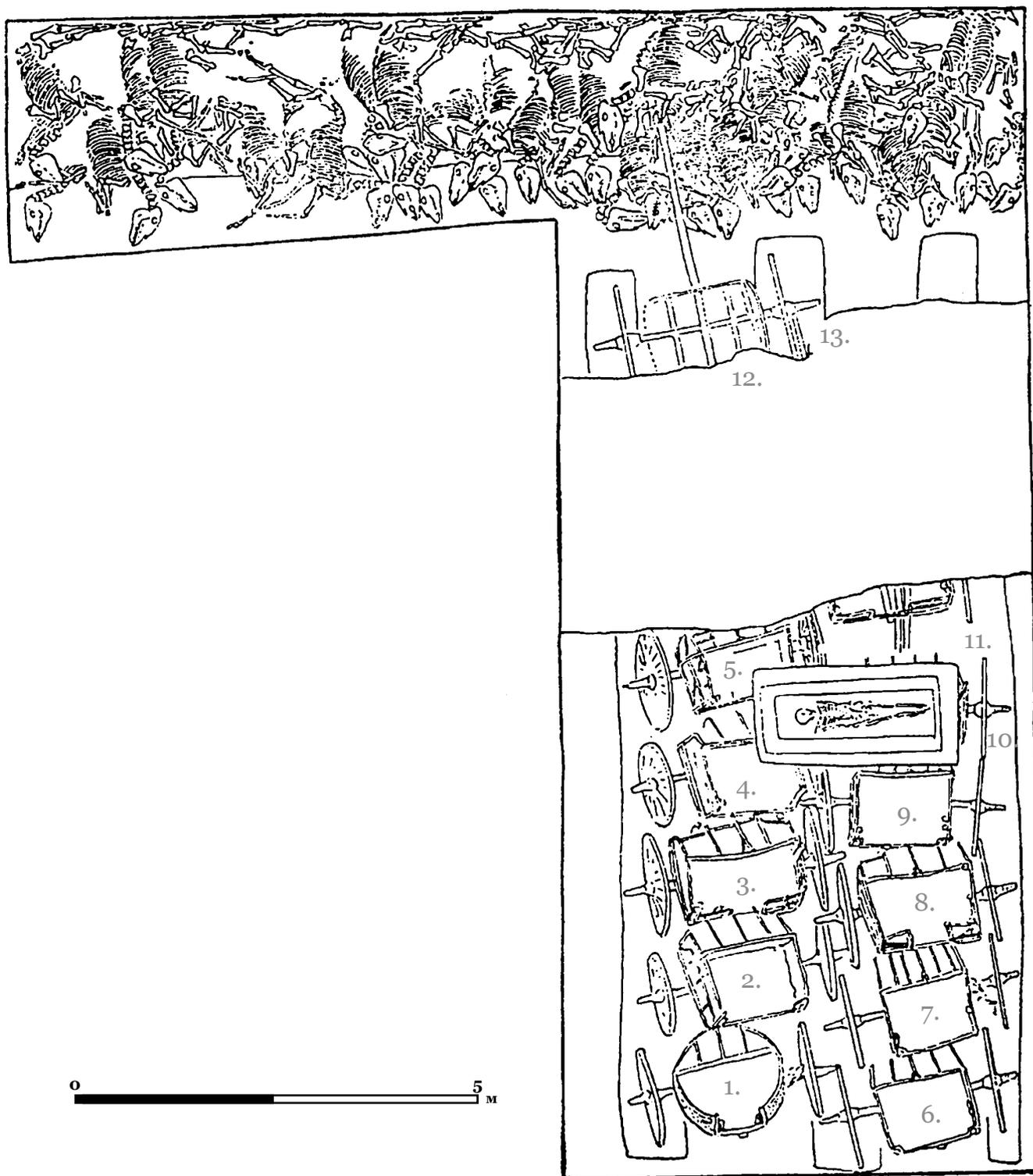

Рис. 131. Могила Чжао Цин. Погребение лошадей и колесниц рядом с могилой. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 161].

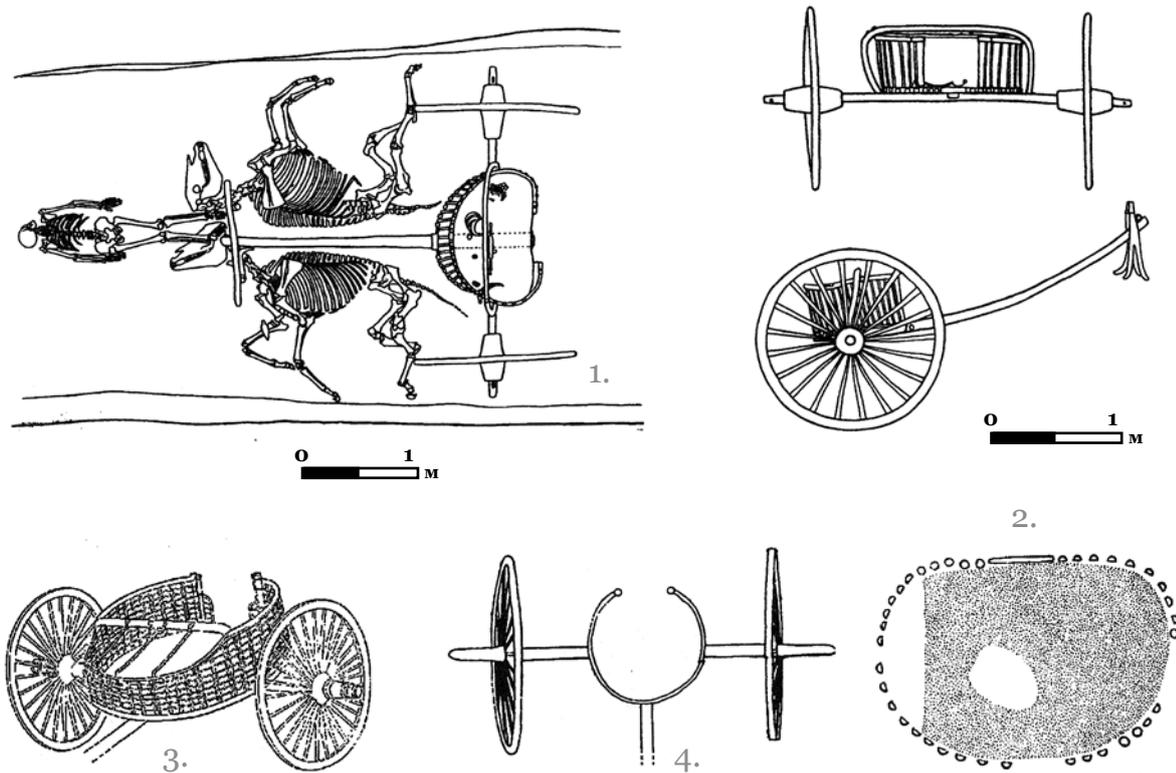

Рис. 132. Типология. Колесницы с маленькой округлой платформой. 1 – могильник Цяобей (Шан-инь); 2 – могильник Гоцзячжуан (Шан-инь), М1003, остатки кузова; 3 – могила Чжао Цин (Цзиньгоу), М251, №1(позднее Чюнсю); 4 – могильник Мацзяюань, №4 (позднее Чжанго). [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 22, 23].

пом колесниц в западножюуское время. Их принципиальное отличие от одноступенчатых экипажей состоит в более крупной по размеру прямоугольной площадке, с высоким, до полуметра, ограждением, при уменьшении габаритов колесной базы и ярма-перекладины. Они снабжены удобным проемом для выхода/входа в задней части кузова, прочным передним поручнем различных вариантов конструкции. Размеры кузова достаточные для двух человек, общей площадью не более одного кв. м. Площадка прямоугольной, либо «D»-образной формы, всегда имеет высокое ограждение, в передней части появляется поручень на уровне пояса колесничего (до 90 см высотой), который укрепляется специальной перемычкой, прикрепленной к

дышлу, и имеет несколько вариантов конструкции. Появляется перегородка в кузове, которая разделяет его на две части (Тяньмацзунь, J4, №3). А в период позднего Чюнсю вместо переднего высокого поперечного поручня появляется подобный, но расположенный вдоль кузова, разделяя его пополам (могила Шанма, №3, рис. 135). Кроме пароконной упряжки, начинают использоваться триги и квадриги с целью компенсации возросшей массы повозки и для увеличения скорости. Система дышловой тяги не претерпевает существенных изменений: дышло получает специальный изгиб на конце для более надежного крепления ярма-перекладины и становится более выгнутым, у дышла появляется двойной изгиб. Используются постро-

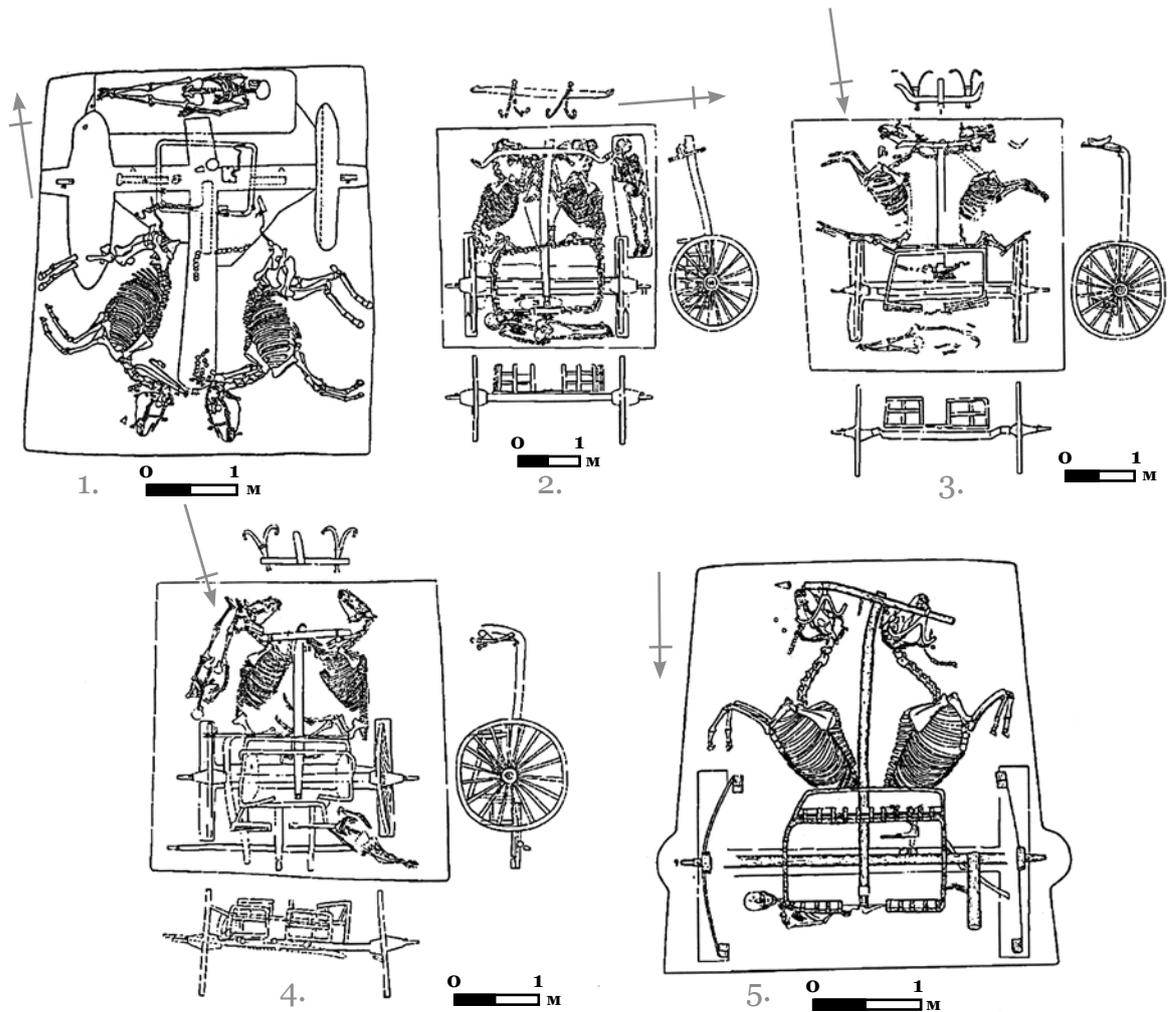

Рис. 133. Типология. Одноместные колесницы с маленькой прямоугольной платформой (Шан-инь). 1 – Дасыкуньцунь, М175; 2 – Гоцзячжуан, М52; 3 – Мэйюаньчжуан, М41; 4 – Мэйюаньчжуан, М40; 5 – Цзянчжанда №131. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 24].

ки, совершенствуется система оголовья и контроля над упряжными лошадьми. В конструкции учтены недостатки предшествующего вида колесниц, езда на них становится более комфортной благодаря появлению переднего поперечного поручня, к которому можно было привязать вожжи, пристегнуть себя за пояс и пристяжных коней, а также опереться на ухабах и резких разворотах. Поэтому этот важный поручень укрепляется различными распорками, соединенными с дышлом для более прочной связки всей конструкции кузова (рис. 136). Появляются бронзовые соединительные детали,

скрепляющие надежно между собой самые уязвимые узлы конструкции – места соединения дышла с ярмом-перекладной и дышла с осью и кузовом. Для устойчивой фиксации колеса на оси используются бронзовые наосники с внутренней и внешней стороны колеса. Снаружи колеса фиксируются бронзовой чекой. Но самое главное в этих колесницах – экипаж из двух человек, позволивший одному специализироваться на управлении колесницей, а второму сосредоточиться на использовании оружия на поле боя и обеспечивать защиту экипажа в случае необходимости. Выделяются два подтипа:

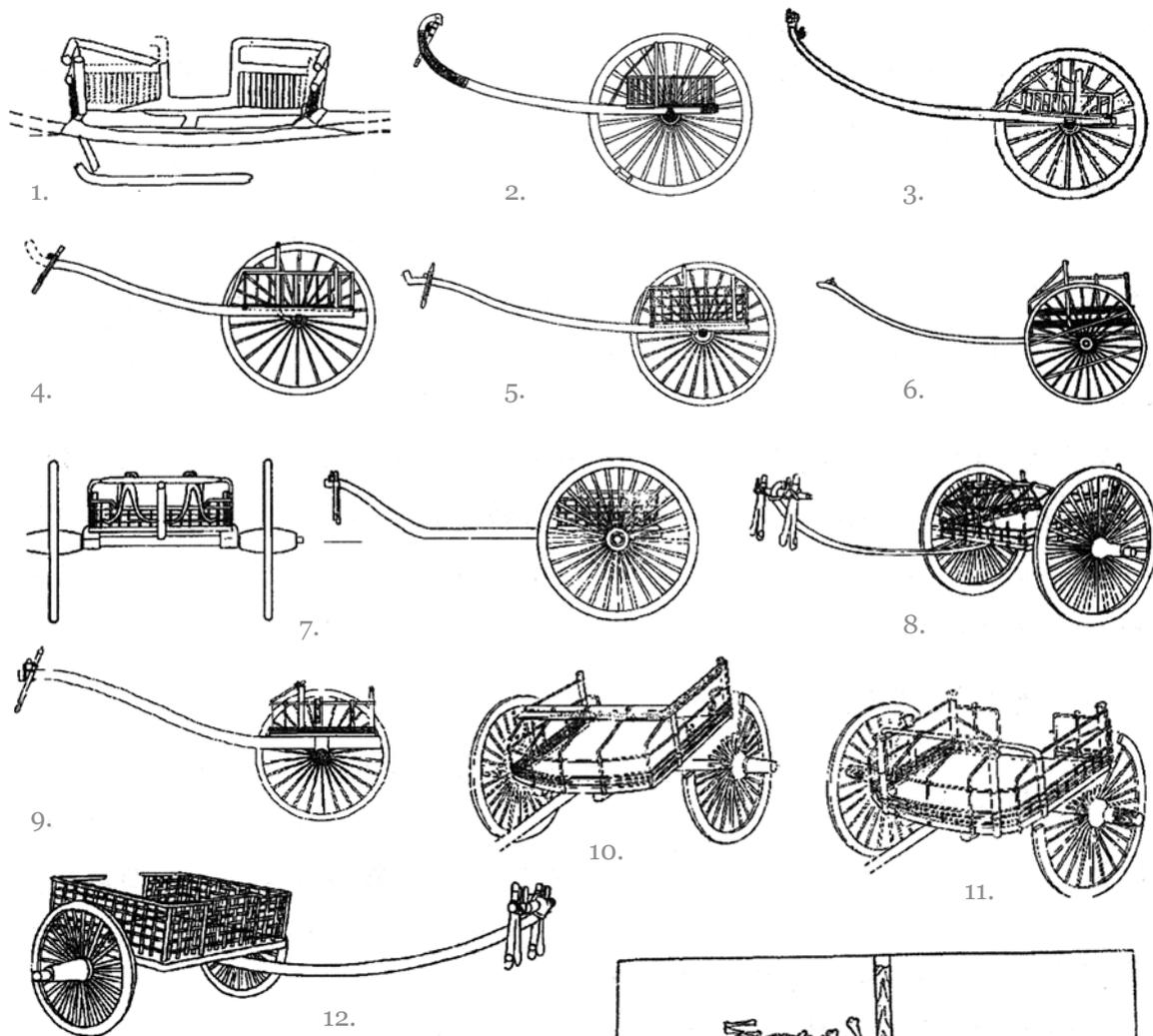

Рис. 134. Типология Чжоуских колесниц. 1 – Тяньмачучунь М6231; 2 – Чжанцзяопо; 3 – Жуйцзячжуан ВРСН 3:1; 4 – Шанцунлин (могила Фугоу) М2001 СНМК1:СН; 5 – Шанцунлин (могила Фугоу) №1727; 6 – Логан (Ичень), М1, № 4; 7 – Шамамуди, колесница №1, чемакын № 3; 8 – Люхэдянь, М2, №20; 9 – Цзянлин Цзюдянь, М104, № 2; 10 – Цжао Цин. Колесница № 9; 11 – Цжао Цин, колесница № 3; 12 – Люхэдянь, колесница №1; 13 – город Лоян, улица Чжунчжулу. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 27].

2.1. – с прямоугольным кузовом и передним поручнем. Представлены находками в могилах периода Западной Чжоу, в памятниках Тяньмацучунь, М6231, зона J4; Чжанцзяопо; Жуйцзячжуан ВРСН 3:1; Шанцунлин, М2001; 1727, в период ранней и средней Чжанго – Ло-

ган, М1, №4; Люхэдянь, М2, №20; Цзянлин Цзюдянь М104, №2 (рис. 134).

2.2. – с «D» образным большим кузовом и передним поручнем. Обнаружены в могиле Чжао Цин, некрополя Цзингоу периода позднего Чунсю, памятнике Чжушанван, №3, среднего Чжанго и

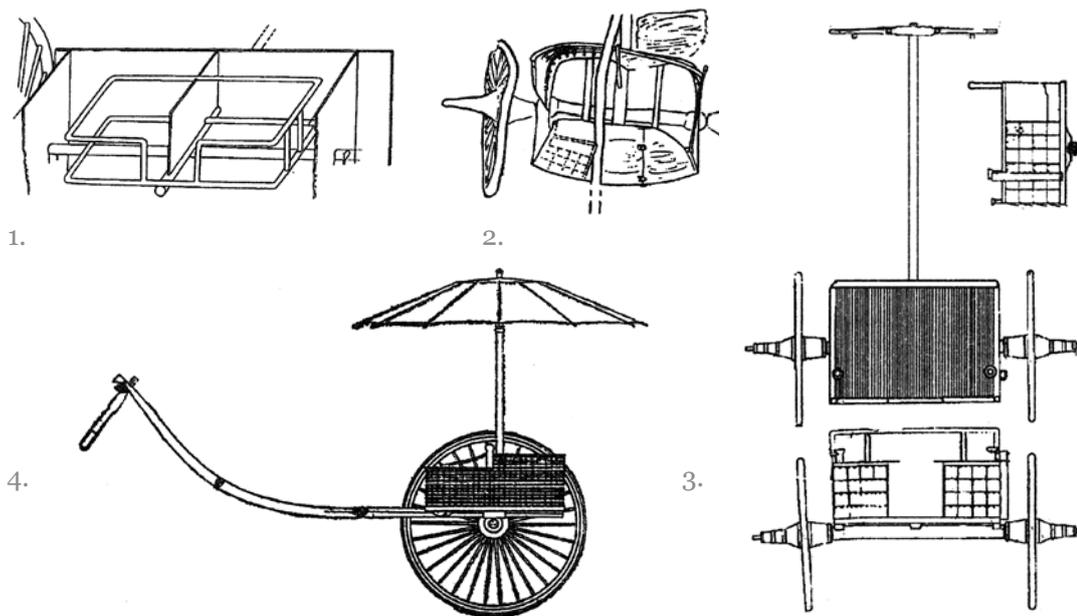

Рис. 135. Типология. Двухместные колесницы с продольной перегородкой кузова, с поперечным поручнем и зонтом: 1 – могильник Тяньмацучунь, зона J 4, чемакын № 3, колесница № 2 (Западная Чжоу); 2 – могила Шанма, чемакын №3, колесница № 4 (позднее Чунсю); 3 – могильник Мааджун, чемакын № 2, колесница № 4 (позднее Чжанго); 4 – могильник Пинлян-маочжуан, колесница №1 (позднее Чжанго).[Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 30].

других (рис. 137:5). Этот подтип представляется поздней модификацией первого подтипа, связанной с изменением формы площадки с прямоугольной на «D»-образную и увеличением общих габаритов колесницы.

Вообще, все китайские колесницы периодов Шан-инь и Западной Чжоу демонстрируют расположение площадки кузова строго над осью для сбалансированного распределения центра тяжести непосредственно на ось повозки и с целью предотвращения опрокидывания во время движения. Незначительные смещения кузова вперед к упряжным или назад, против движения повозки, компенсировались, очевидно, индивидуальными навыками и балансировкой каждого отдельного колесничего. Возможно, колесницы строились с учетом индивидуальных физических особенностей и навыков их владельцев, конструкция диктовалась степенью профессионализ-

ма и опытом колесничего. Практическое использование определялось решением военных задач на поле боя, в охоте, в ритуальных и погребальных церемониях, в представительских целях.

3. Грузопассажирские повозки. В основе конструкции – большая добротная колесница, запряженная парой или четверкой лошадей, на крупных, массивных колесах со спицами. Передний поручень отсутствует. Площадь платформы увеличивается до двух кв. метров и более за счет удлинения площадки в сторону дышла и за осью, при сохранении стандартной колесной базы. Эта модернизация повлекла за собой увеличение и утолщение тягового дышла, которое трудно сделать сильно изогнутым по этой причине. Дышло таких повозок более прямое, что, в свою очередь, диктует увеличение диаметра колес. Однако удлинение кузова требовало сохранения центра тяжести над осью и горизонталь-

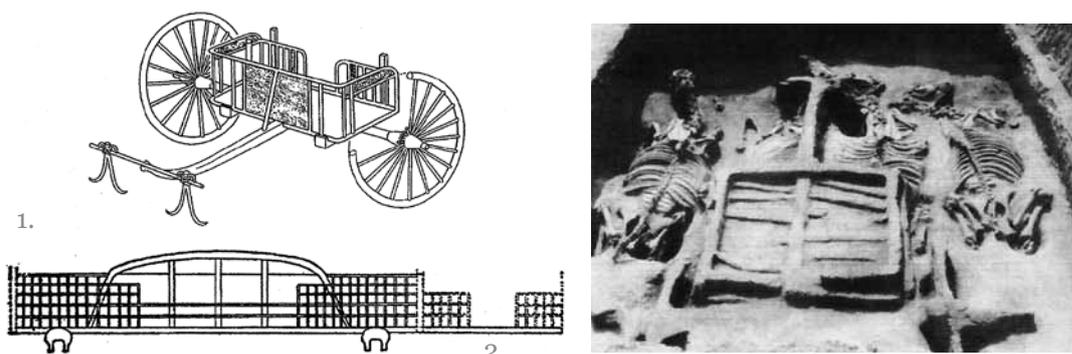

Рис. 136. Типология. Двухместные и грузовые колесницы. 1 – могильник Тяньмапучунь, зона J 4, чемакын № 3, колесница № 1 (Западная Чжоу); 2 – мавзолей Шанма, чемакын № 1, колесница №1 (Чунсю); 3 – мавзолей Чженьджоува Лю, чемакын № 2 (Западная Чжоу); 4 – мавзолей Люхэдянь, чемакын № 2, колесница № 11 (Чжанго). [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 31-32].

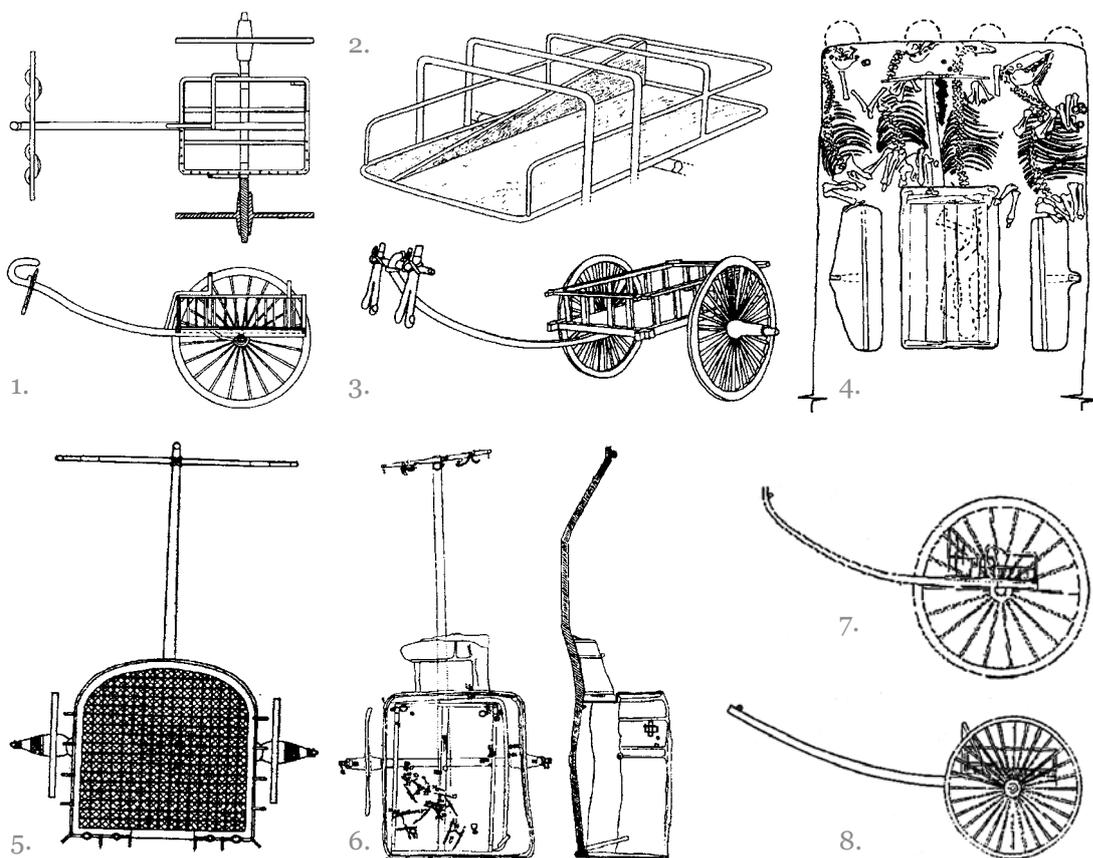
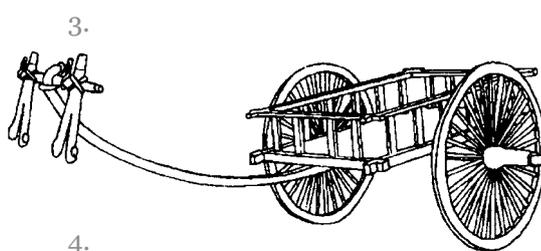

Рис. 137. Типология. Большие грузовые и маленькие колесницы на «человеческой» тяге. 1 – Шанцунлин (могила Хуго), M2012СНМК2: СН15, (Западная Чжоу); 2 – Тяньмапучунь, зона J 4, чемакын № 3, колесница № 2 (Западная Чжоу); 3 – Люхэдянь, (кладбище Линлю), чемакын № 2, колесница № 11 (раннее Чжаньго); 4 – уезд Лисянь, Юаньдяньшан 98 LDK1; 5 – мавзолей Чжуншан вана, чемакын № 2, колесница № 3 (среднее Чжанго); 6 – Маанчжун, чемакын №2, колесница № 13 (позднее Чжанго); 7 – Банцзячжуан, колесница на перекрытии могилы (уезд Лунсань); 8 – Фэнсябацитунь, BS 26 (раннее Чунсю). [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 26, 33].

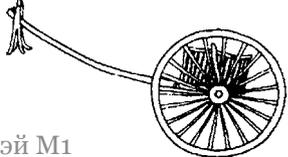
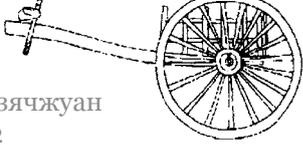
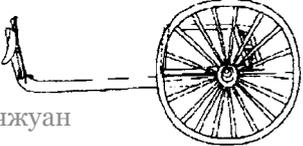
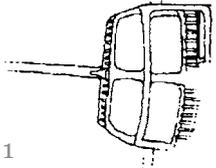
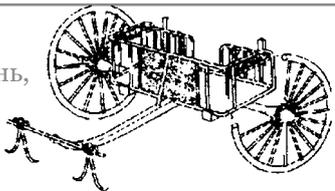
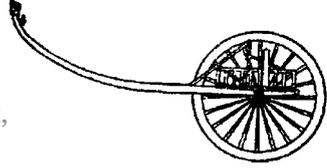
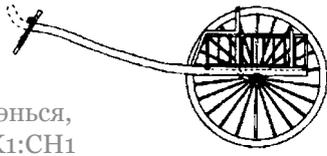
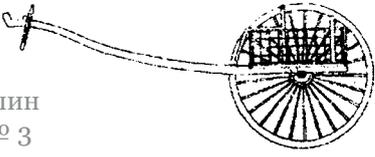
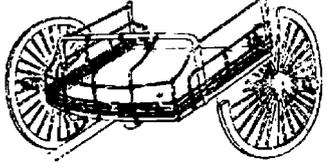
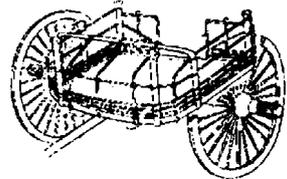
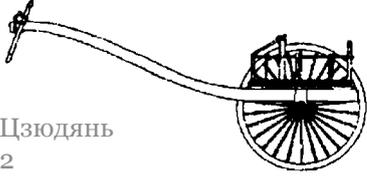
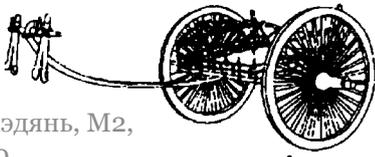
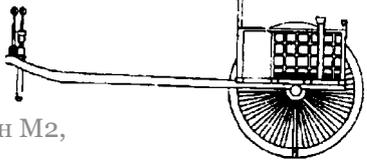
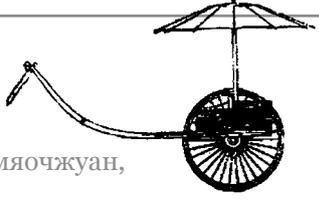
Шан – инь	 Цяобэй М1	
Шан – инь	 Гоцзячжуан М52	 Мэйюаньчжуан М41
Зап. Чжоу	 Люлихэ, М 1100, № 1	 Тяньмацзунь, № 3
Зап. Чжоу	 Жуцзячжуан, ВРСН 3:1	
Зап. Чжоу	 Шанцунлин (мог. Хуго) город Саньмэнься, М2001СНМК1:СН1	
Зап. Чжоу	 Шанцунлин М1727, № 3	 Фэнсянбацитунь BS26
поздн Чунсю	 Чжаоцин, №2;	 Чжаоцин, №3
Чжаньго	 Цзянлин Цзюдянь М104, № 2	 Люхэдянь, М2, №20
поздн. Чжаньго	 Маанчжун М2, №4	 Пинлянмяочжуан, № 1

Рис. 138. Типология и эволюция китайских колесниц.

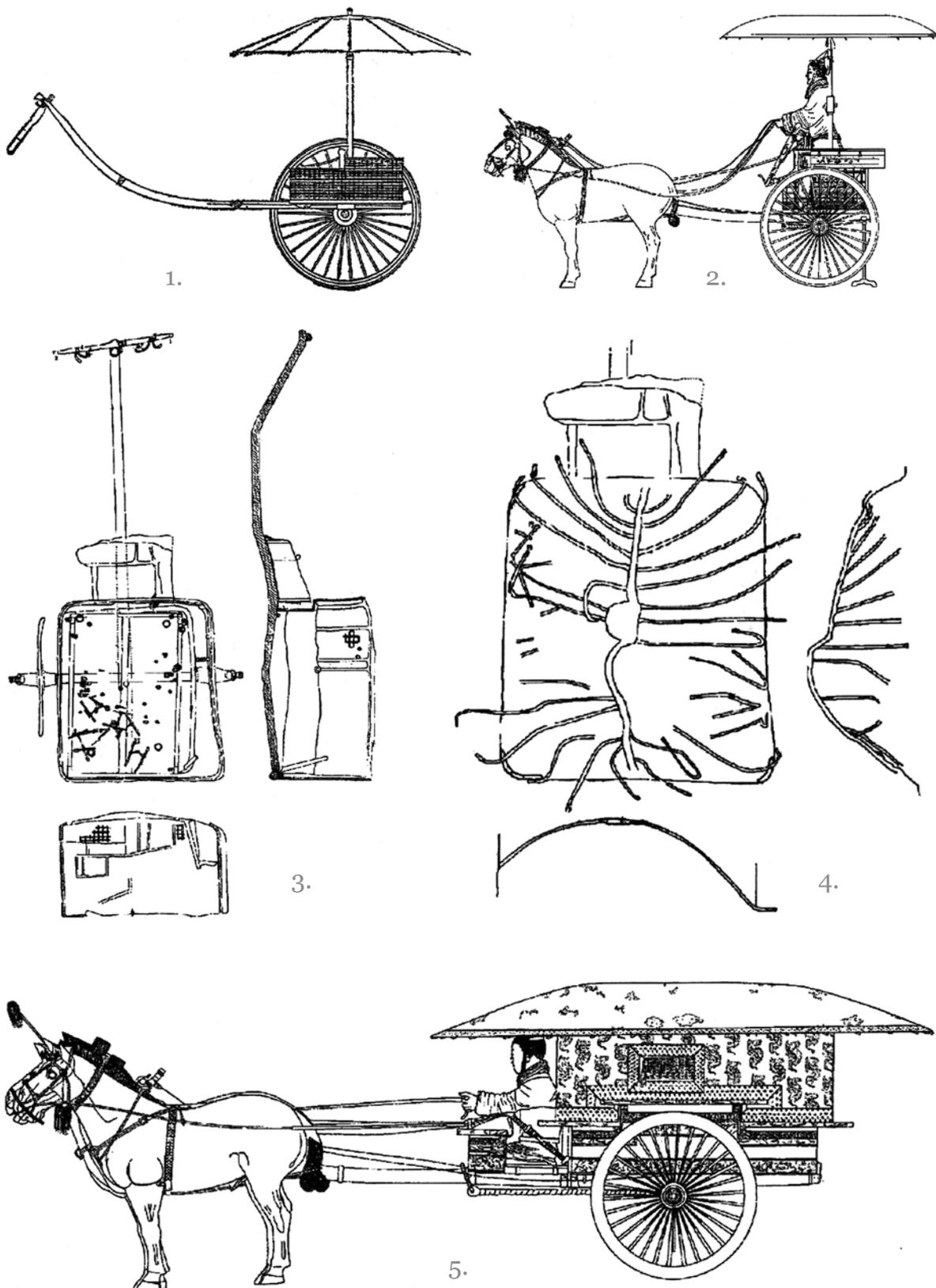

Рис. 139. Представительские колесницы. 1 – Пинляньмяочжуан, колесница № 1; 2 – мавзолей Цин Шихуана, колесница № 1; 3, 4 – могильник Маанчжун, чемакын № 2, колесница № 13; 5 – мавзолей Цин Шихуана, колесница № 2. [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 40].

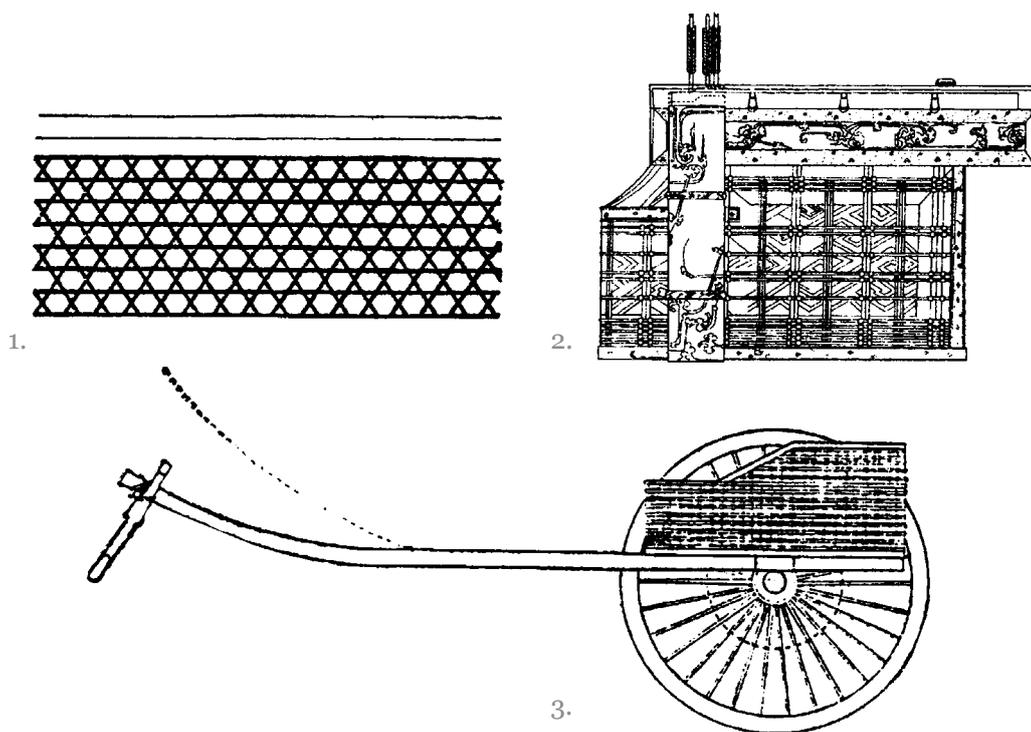

Рис. 140. Декоры боковин колесниц: 1 – Фэнсябацитунь, BS 33 (Западная Чжоу); 2 – боковой вид колесницы № 1 Цин Шихуана; 3 – Пинлянмяочжуан, колесница № 2 (позднее Чжанго). [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 42].

ного положения кузова повозки относительно поверхности земли. Удлинение кузова вперед ограничивалось форматом лошадей и их физическими параметрами – способностью идти шагом, галопом – а также толстым дышлом, которое не могло быть слишком длинным. Существенное расширение площадки назад могло привести к опрокидыванию и к неэффективному использованию тяглового усилия в четыре лошадиные силы, поскольку упряжные лошади должны были сопротивляться неизбежной подъемной силе в ущерб тягловой, которая должна быть направленной строго вперед. В силу перечисленных причин технические параметры грузопассажирских повозок были строго ограничены. Повозки этого типа управляются возничим, сидящим или стоящим на коленях спереди повозки. Применялись в обозах, для снабжения войск и в хозяйстве для

перевозки различных грузов. Могли доставлять небольшие воинские подразделения к местам сражений. Впервые зафиксированы в период Западной Чжоу: в могильнике Шанцунлин колесница №15 из чемакына M2012СНМК 2 (прототип) и в мавзолее Чженьчжоува Лю, №3, особенное распространение получили в период Чжанго и позднее сохранились с незначительными модернизациями вплоть до этнографической современности. Представлены в трех подтипах:

3.1. – с большим открытым прямоугольным кузовом и невысоким ограждением. Обнаружены в могильнике Люхедянь 2, № 11, Чженьханьгучен, Юандяньшан 98, LDK 1 периода раннего Чжаньго (рис. 136-137);

3.2. – с большим прямоугольным невысоким крытым кузовом, с низкими бортами, пригодная для развозки, например, бронзового оружия – длинных

Рис. 141. Погребальный комплекс Цин Шихуана. Общий вид во время раскопок (колесница №2) и реставрация (колесница №1) [Цинь Вэнь, 2009, с. 114, 117].

копий и боевых топоров-чеканов, луков и арбалетов, стрел к ним на поле боя и в обозе, для перевозки штандартов, имеет внутри специальную перегородку. Сверху накрывалась войлоком, шкурами или тканями с целью защитить ценный груз от непогоды. Представлена в могильнике Тяньмацучунь, зона J 4, №2 (рис. 137:2);

3.3. – крытая повозка (фургон) с глухими бортами и навесом-крышей, обнаружена в некрополе Маанчжун, чемакын 2, №13, периода позднего Чжанго. Представляет собой прототип бронзовой повозки №2 императора Цин Шихуана, снабжена специальным открытым местом для возничего, оборудованным спереди повозки непосредственно на дышле и отделенным от основного фургона (рис. 139).

4. Представительские колесницы. Наиболее изящные, декорированные и хорошо укомплектованные экипажи. Реальные шедевры, «ролс-ройсы» колесничной индустрии древнего Китая. К их числу относятся следующие подтипы:

4.1. – колесницы с зонтом из некрополя Пинлянмяочжуан, №1 и мавзолея Цин Шихуана №1;

4.2. – крытая повозка (фургон) с окнами и задней дверью из мавзолея Цин Шихуана №2;

4.3. – маленькие колесницы на «человеческой» тяге, найденные в могильнике Фенсябацитунь, BS26 периода раннего Чунсю и на перекрытии могилы в Банцзячжуань, в уезде Лунсян, эпохи Цин. Эти колесницы, подобно паланкинам, предполагали использование людей в качестве тяговой силы и применялись для парадных выходов императора или знатных особ в ритуальных и культовых церемониях.

В чемакыне, расположенном в 20 м к юго-западу от гробницы Цин Шихуана, в составе единого погребального комплек-

Рис. 141А. Погребальный комплекс Цин Шихуана. Бронзовая колесница № 1. Детали. [Цинь Вэнь, 2009, с. 123].

са, пока обнаружены и реставрированы две точные бронзовые копии повозок в 1/2 натуральной величины: колесницы с зонтом (№1) и крытой повозки (№2), запряженных четверкой лошадей. По мнению китайских археологов, в этом чемакыне еще находится не менее 8 повозок, которые пока не раскопаны.

Рис. 141Б. Погребальный комплекс Цин Шихуана. Бронзовая колесница № 1. Детали: колчан (короб) со стрелами, прикрепленный к левой боковине колесницы; деталь конской упряжи и бронзовый щит. [Цинь Вэнь, 2009, с. 126].

На первой колеснице, общими размерами 2,25 x 1 м, установлена изумительная скульптура возничего, с вожжами в руках, одетого в длинный халат и подпоясанного поясом с прикрепленным к нему мечом. Он стоя управляет этим экипажем, позади него имеется круглый зонтик на массивной подставке. Колесница укомплектована арбалетом в специально отведенном для него месте на переднем борту кузова, отдельным прямоугольным

контейнером для стрел разного типа – по правому борту, и щитом для обороны. Вся колесница собрана из более чем 3,5 тысяч различных деталей (рис. 141).

Вторая колесница, размером 3,17 x 1,06 м, копирует в бронзе фургон на двух колесах с 30-ю спицами, стенки которого сделаны из деревянных досок, покрыты сверху изящной крышей-навесом, толщиной 4 мм. Возничий, с вожжами в руках, восседает на коленях на передке

Рис. 142. Погребальный комплекс Цинь Шихуана. Бронзовая колесница № 2. Общий вид и детали: походный чайник и конская упряжь. [Цинь Вэнь, 2009, с. 121, 127].

повозки. По обеим сторонам и спереди фургона имеются окошки со ставнями, украшенные резным ромбовидным орнаментом. В задней стенке устроена дверка, серебрянный засов которой с изогнутой ручкой помещается слева. Весит повозка 1241 кг и состоит из 3462 деталей, в том числе из 737 золотых и 983 серебрянных, и даже укомплектована походным чайником (рис. 142).

Использование представительских колесниц в ритуальных обрядах поклонения Небу и церемониях жертвоприно-

шений описано в древнекитайских письменных источниках. В «Исторических записках» подробно описываются поездки императора Цинь Шихуана с целью обследования подвластных ему территорий, во время одной из которых он, собственно, и умер в 210 г. до н. э.

Существовал специальный регламент, согласно которому для наиболее важных поездок формировался кортеж из 81 колесницы, для решения менее значимых задач – из 36 экипажей [Сыма Цянь, 1972].

Изобразительная традиция занимала важное место в древней индустрии производства колесниц. Артефакты из китайских чемакынов убедительно свидетельствуют об устойчивости этой традиции на протяжении многих веков. Это выразилось в использовании драгоценных (эквивалент денег) раковин каури в оголовье упряжных лошадей, использовании бронзовых и золотых бляшек «пао», зооморфных и антропоморфных бляшек в уздечных наборах и декорировании кузовов колесниц архаичного типа. Особое изящество проявилось в украшении ярм-перекладин, дышл и ярм-рогатов различными колокольчиками, навершиями и наконечниками ярм. В период Западной Чжоу украшались все значимые детали конструкции как ярм, так и самой повозки: дышла; оси, чеки, боковины. Известны находки разукрашенных минеральными красками, цветных колесниц в могильнике Тяньмацунь, могила Бэйчжао. В Фансябацитуни, BS33, геометрическим орнаментом украшены боковины ранне-чжоусской колесницы.

Искусно декорированы обе раскопанные повозки императора Цин Шихуана, которые расписаны снаружи и внутри минеральными красками красного, зеленого, коричневого, синего, других цветов и украшены геометрическими узорами, а также облаками, фениксами и драконами на высочайшем художественном уровне. Особый интерес представляет декор боковин колесницы № 1 – это геометрический орнамент-меандр, классический образец степного «знакового кода» андроновской керамической посуды (рис. 140).

Дальнейшая эволюция азиатских колесниц выразилась в изобретении «серпов», укрепленных на осях боевых колесниц подобно поздним ахеменидским

[Нефедкин, 1997, с. 10], и открытии в эпоху династии Хань нового способа запряжки тягловых животных – оглобельного, позволившего запрягать в повозку одно животное [Littauer, Crouwel, 1979, p. 10-25], который активно использовался вплоть до недавнего времени. ■

Колесничная упряжь и снаряжение

Важным элементом колесничной упряжки является реконструкция оголовья запряжных лошадей, особенностью которого являются щитковые псалии с шипами или уголками на ребрах, найденные *in situ* на головах лошадей совместно с остатками колесницы в могильнике Синташта [Генинг, 1977, с. 66-69] и в шан-иньских могилах [Варенов, 1980, с. 168]. Неоднократно предпринимались попытки классификации псалиев [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 44-45, рис. 11; Кузьмина, 1980, с. 8-21; 1994; Пряхин, 1976, с. 122-124].

Г.Б. Зданович, исследуя коллекцию степных щитковых псалиев, пришел к выводу, что «круглые и прямоугольные псалии с шипами давно сосуществуют. Это только разновидности одной и той же категории псалиев – щитковых. Форма щитка в значительной степени определялась материалом, из которого изготавливался предмет. Эволюция изделий, как круглых, так и прямоугольных, шла в одном и том же направлении: к появлению экземпляров с дополнительным торцовым отверстием на щитке и, в конечном счете, к их полному исчезновению» [Зданович, 1985, с. 110-120; 1988, с. 138-139].

Широкое географическое распространение различных типов псалиев дало основание многим исследователям генерировать гипотезы происхождения и распространения этих предметов на

территории континента. Е.Е. Кузьмина предполагает появление псалиев в степи, откуда затем они распространились в Китай, Грецию и другие регионы [Кузьмина, 2000]; противоположную точку зрения высказывали другие исследователи [Oancea, 1976; Boroffko, 1998].

Все известные системы конской узды, составным элементом которых являются роговые псалии, основаны исключительно на применении органических удил, т.е. обыкновенной толстой веревки, либо скрученных вместе полос сыромятной кожи (рис. 145). Эти оголовья происходят от простого узла, который завязывался на нижней или верхней челюсти лошади [Sorokin, 1990, fig. 15], либо от капюга-недоуздки, который представлял собой систему узлов и веревок или кожаных ремней в виде корзины, которая надевалась на морду лошади [Смирнов, 1961, с. 63], (рис. 145-146).

Введение в узду нового приспособления – щиткового псалия – имело целью усилить давление на наиболее чувствительные кости головы лошади при помощи специальных элементов – шипов или ребер-уголков. Это потребовалось для дистанционного управления парой животных и как дополнительное средство, чтобы компенсировать недостатки в выезде лошадей.

Нет никаких оснований предполагать, что стержневые двух-трехдырчатые псалии использовались только в оголовьях верховых лошадей, поскольку такими могли стать и хорошо обученные колесничные лошади. Это подтверждают некоторые египетские и ассирийские рельефы, на которых в уздечках колесничных лошадей определенно изображены стержневые псалии.

Управление (повороты и остановка) лошадью осуществляется за счет давления удила на беззубый край нижней че-

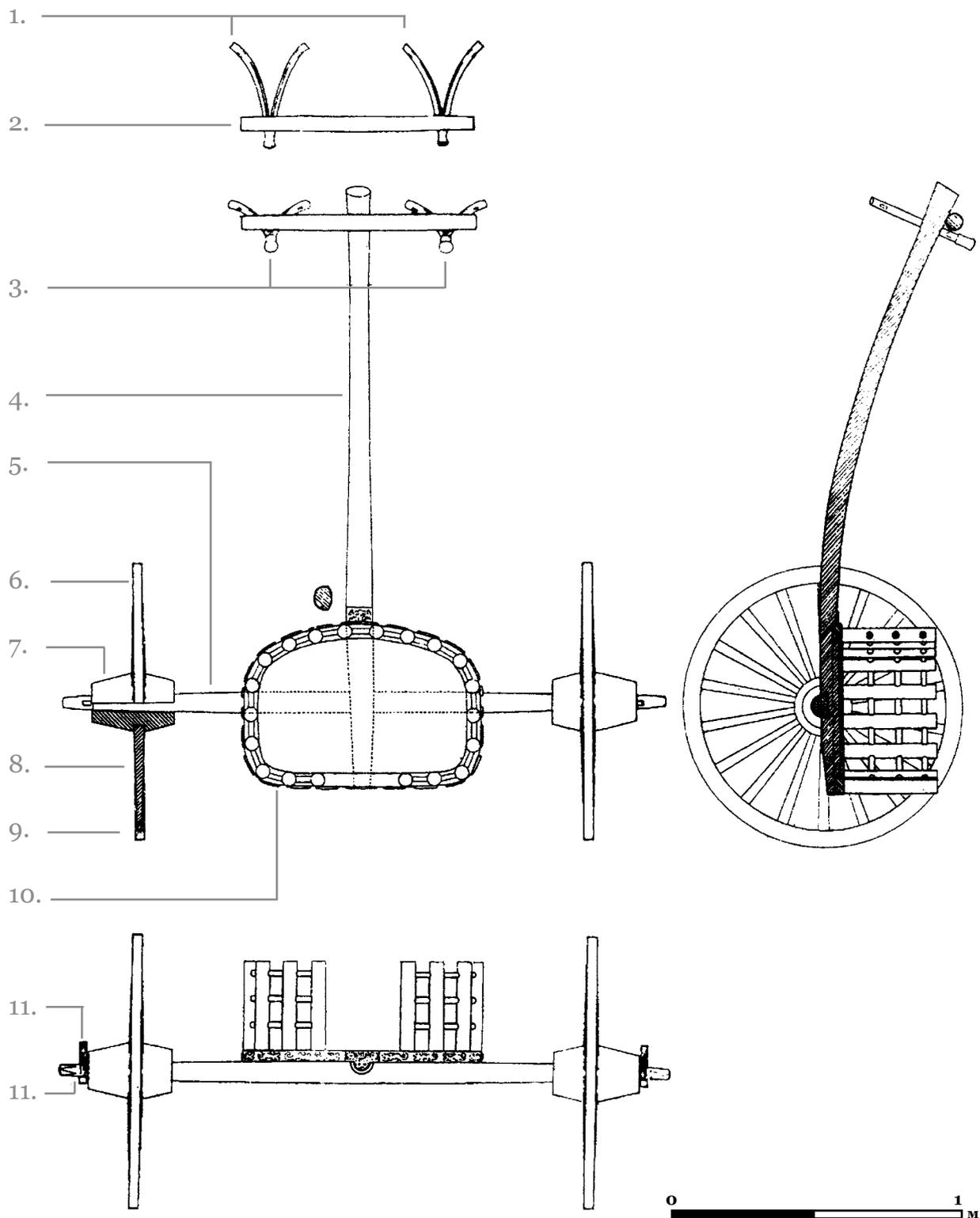

Рис. 143. Могильник Сяотун М40. Реконструкция повозки (поздняя Шан): 1 – яро-рогатка; 2 – яро-перекладина; 3 – навершня на яро-рогатки; 4 – дышло; 5 – ось; 6 – колесо; 7 – ступица колеса; 8 – спица; 9 – обод колеса; 10 – площадка для колесничего (кузов); 11 – чека для фиксации колеса на оси; 12 – наконечник на ось. [Wagner, 2004, abb. 3].

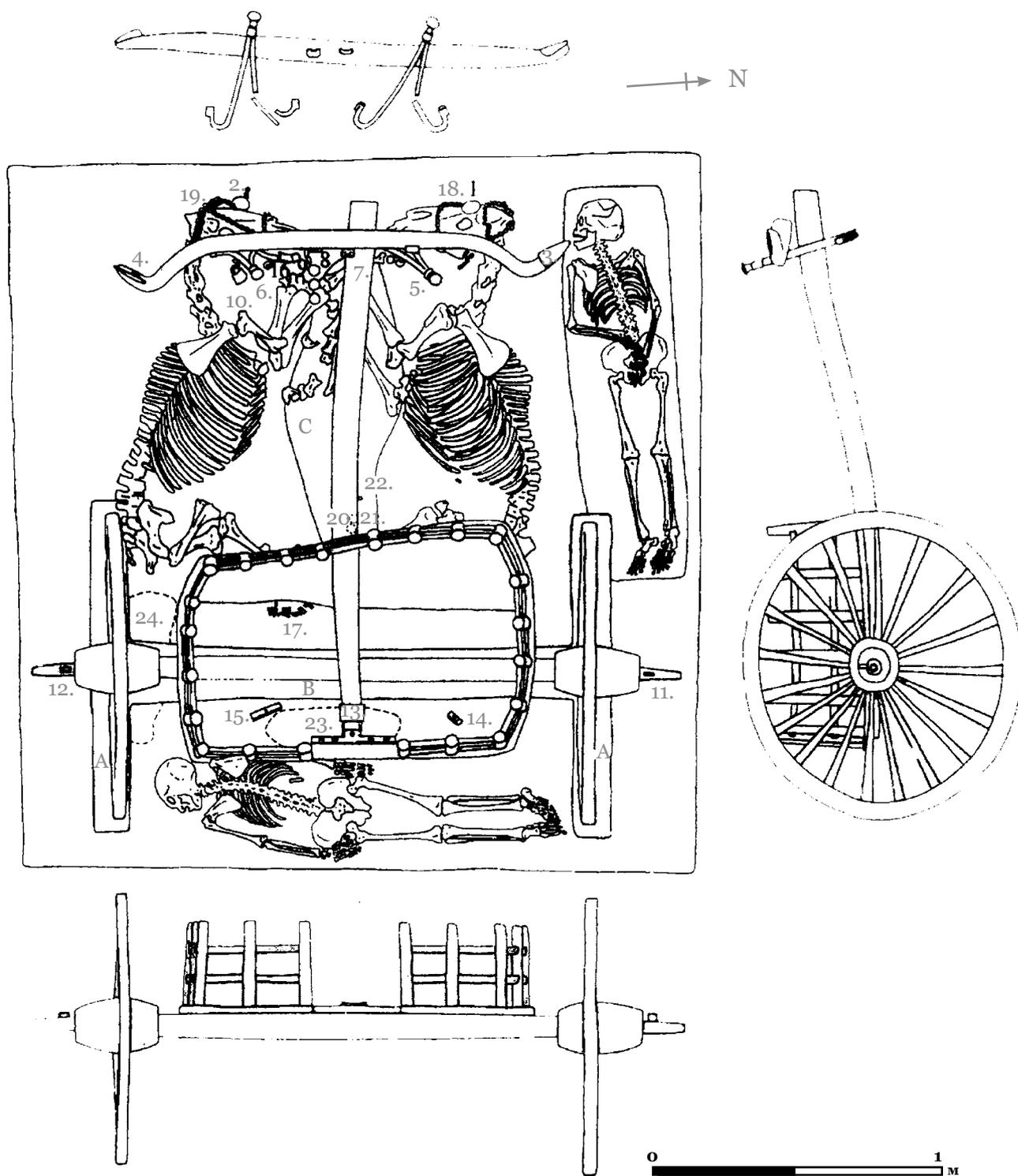

Рис. 144. Могильник Гоцзячжуан, М 52. Найдено: 1, 2, 9, 20 – 22 – бронзовые бляшки; 3, 4 – наворачия на концах ярма – перекладыны; 5, 6 – ярмо-рогатка; 7, 8 – удила (псалии) в форме маски; 10 – язычок от колокольчика; 11, 12 – наконечники на концах оси; 13 – опора/втулка для крепления дышла; 14, 15 – наворачия (наконечники?); 16 – кольцо из раковины (элемент оголовья); – 17 – хомут-крепление для ноги (?); 18, 19 – раковины каури (ремни оголовья); 23, 24 – остатки лака и дерева. [Wagner, 2004, abb. 5A].

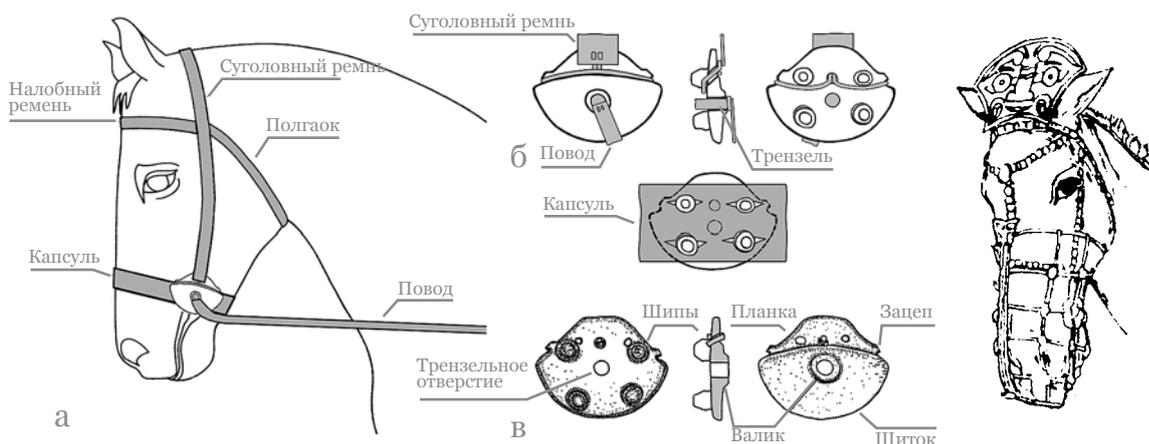

Рис. 145. Реконструкция оголовья. [Епимахов, Чечушков, 2006, рис. 6]. Реконструкция по материалам чемакына из Музея в деревне Чжанцзяопо (реконструировано по связкам раковин каури на ремнях оголовья).

люсти (рис. 147). При натяжении правого повода трензель оказывает воздействие на правую сторону челюсти, при натяжении левого – на левую. Простейший способ управления пароконной повозкой состоит в том, что возничий держит в каждой руке по две вожжи: в левой руке – две левых, в правой – две правых; таким образом каждая лошадь управляется обычными одноконными вожжами. Разновидность такого способа: «правые» вожжи в одной руке, «левые» – в другой. Натяжение той или иной пары вожжей приводит к повороту в соответствующую сторону. При этом трензеля лошадей соединены между собой.

Более сложный способ показан на модели бронзовой квадриги китайского императора Цин Шихуана и отличается от описанного тем, что используются пароконные вожжи и имеются две коренные лошади под ярмами-рогатками и пара пристяжных. Конструкция таких поводьев облегчает управление, поскольку в руках у возницы находится пара вожжей: это достигается путем фиксированного крепления к кузову колесницы двух вожжей коренных лошадей и соединения в

одну вожжу оставшихся левых поводьев (от четверки лошадей), а во вторую вожжу – правых поводьев. Натяжение одной из вожжей приводит к синхронному воздействию на всю четверку лошадей. Специальным плюмажем на голове отмечена главная лошадь, у которой в узде имеется дополнительный элемент – диск, традиционный рудимент дискового псаля, – управление которой определяло движение других лошадей в упряжке.

Для сравнения: при современном способе управления четверкой лошади сцеплены между собой, но и тут существует два варианта – в первом соединены внутренние кольца трензелей, а во втором кольца сцеплены попарно: левое с левым, правое – с правым.

В любом случае, в реконструкциях оголовья колесничных лошадей ключевым элементом является щитковый псаля и его планка, к которой крепится суголовный ремень. От типа применяемых псаля и расположения дополнительных отверстий и зацепов для суголовного ремня изменялось функциональное воздействие на упряжное животное [Епимахов, Чечушков, 2008, с. 205-211].

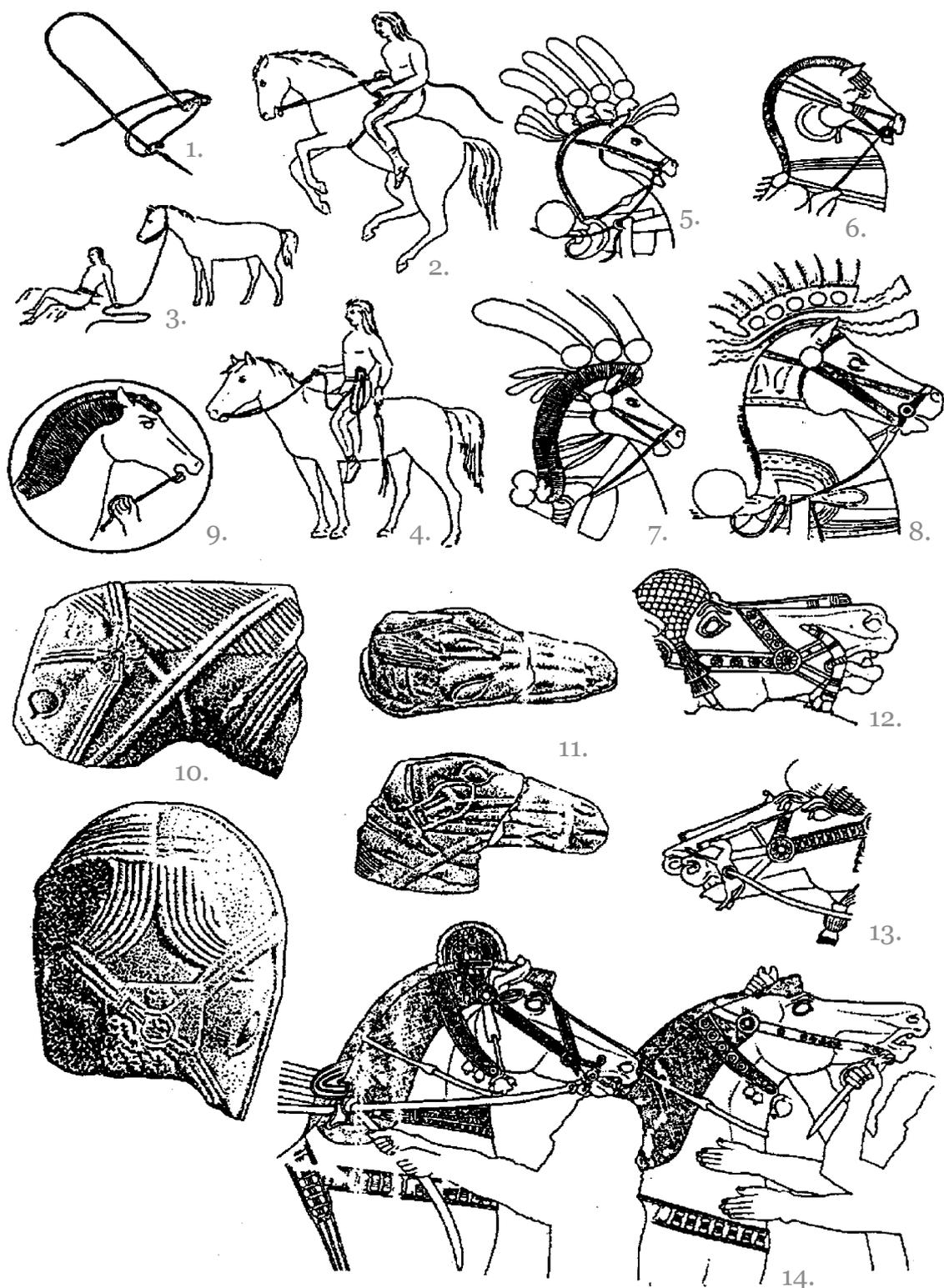

Рис. 146. Типы конской узды: 1-4-узды индейцев племени Блэкфут; 5 – могила Рамзеса II (1317-1251гг. до н.э.); 6 – могила Рамзеса IV (1204-1180 гг до н.э.); 7- могила Аменхотепа II (1491-1465 гг до н.э.); 8-могила Тутанхамона (1400-1392(?)гг до н.э.); 9-деталь ассирийского каменного рельефа; 10-11-каменные головы лошадей из Зинжирли, Берлин, Азиатский музей, NN 3008; 3004; 12-деталь каменного рельефа Ашшурбанипала, Ниневия, Лондон, Британский музей, N 124875; 13-деталь каменного рельефа Сеннахериба, Ниневия, Британский музей, N 124873; 14-деталь каменного рельефа Ашшурбанипала, Ниневия, Лондон, Британский музей, N 124859. [Sorokin, 1990, p. 97-147; Littauer, Crouwel, 1979].

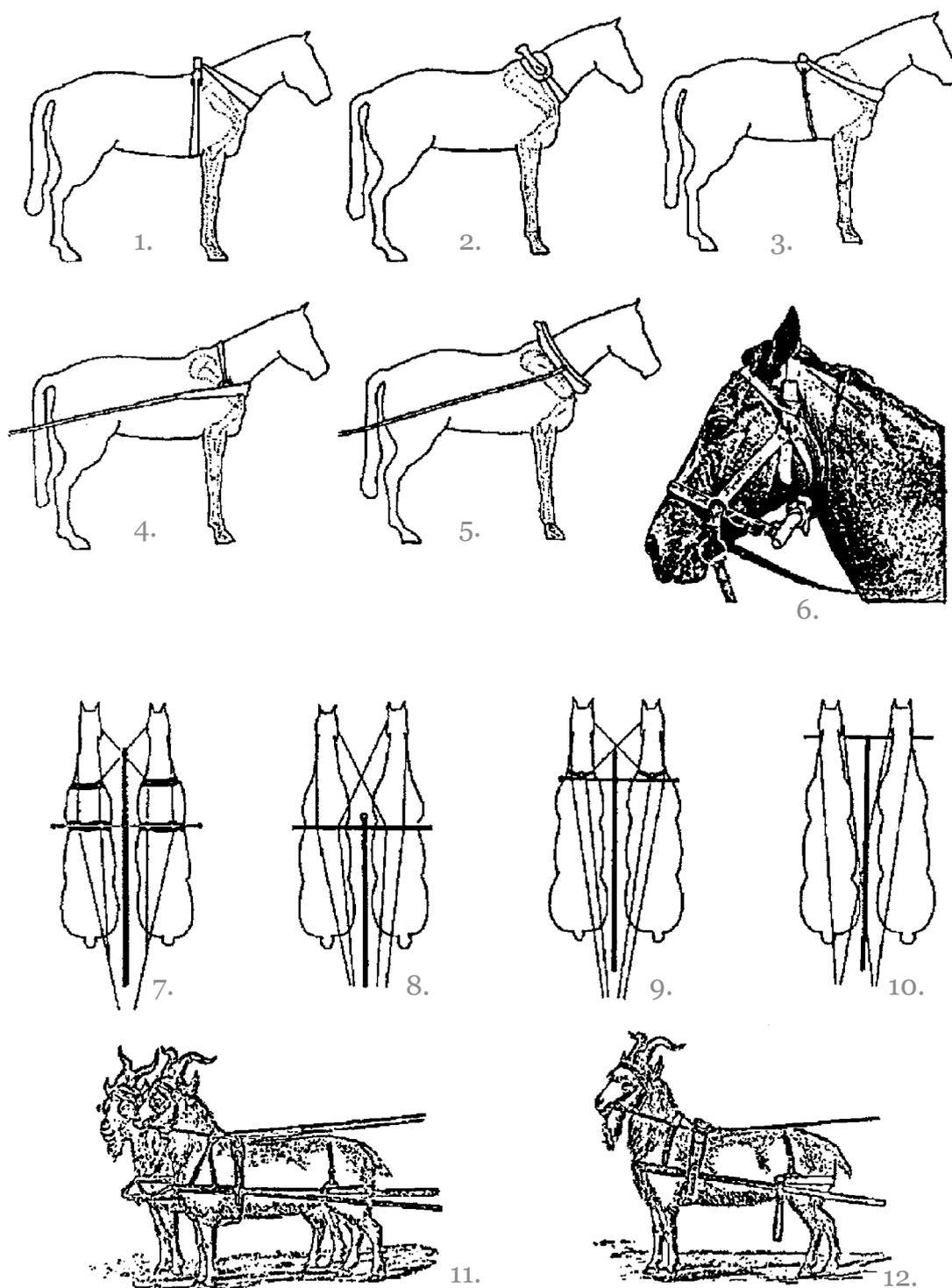

Рис. 147. Типы древних систем запряжки: 1 – система упряжи с использованием двух ремней – тяговое усилие создается нижней частью шеи, что было неудобно для животного; 2 – система упряжи с ярмами-рогатками и фиксирующими ремнями – тяговое усилие создается плечами животного; 3 – дорсальная система-хомут (ремень) опоясывает грудную клетку – тяговое усилие создается грудью животного; 4, 5 – современные системы запряжки лошадей; 6 – крепление поперечного бруска-ярма к оголовью (по сахарским фрескам); 7 – современная парная упряжка; 8 – древняя парная упряжка и дорсальная система ярма; 9 – древняя парная упряжка с ярмами-рогатками; 10 – древняя парная упряжка с поперечным бруском-ярмом, прикрепленным к оголовью; [Spruytte, 1983]; 11, 12 – упряжки с использованием коз [Каталог патентов за 1890 г. Патенты, выданные в 1706-1707 гг.].

Анализ наличия в степных погребальных комплексах колесниц и псалиев показал, что сопровождение одного другим не являлось обязательным условием совершения погребального обряда. Псалии встречены лишь в 9 из 20 учтенных случаев, в то время как их источниковая база пополняется каждый год, и на сегодняшний день найдено более 150 экземпляров в 57 комплексах степной и лесостепной зоны Евразии [Епимахов, Чечушков, 2010, с. 183-191].

Авторы на основании математического анализа БД, в которой описано 107 псалиев из 57 археологических памятников, расположенных в Приуралье (28), Зауралье (53) и Казахстане (24), выделили три типа колесничных псалиев: синташтинские, петровские и алакульские, которые представляют собой этапы эволюции колесничной упряжи и которые проверены авторами путем экспериментального использования реплик на реальной лошади [Епимахов, Чечушков, 2004, с. 39-45].

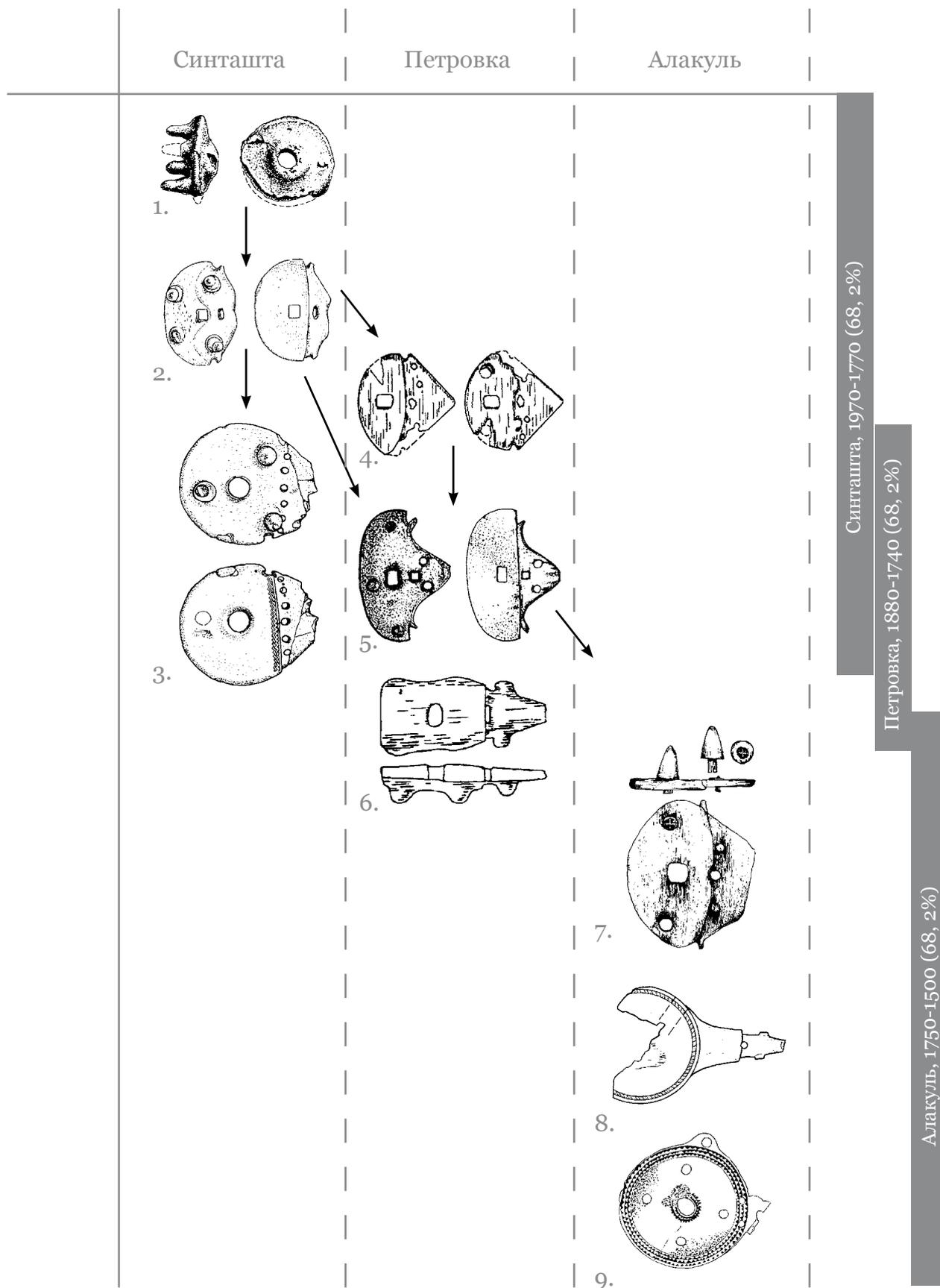
Синташтинские псалии делятся на архаичный и классический варианты, изготовлены исключительно из рога, характеризуются наличием высоких и фигурных шипов, которые необходимы для крепления к ремню капсуля и для жесткого управления лошадьми; наличием трапециевидной планки со стандартным набором отверстий для крепления к суголовному ремню, а также валиком вокруг трензельного отверстия. Авторы допускают, вслед за Е.Е. Кузьминой [1994], происхождение архаичного варианта в южнорусских степях (КМК – Бабино).

Петровские псалии представляют собой эволюцию от синташтинских: меняется материал – появляются экземпляры из кости, трансформируются планка и способы ее крепления к оголовью.

Алакульские псалии – следующий этап эволюции двух предшествующих типов: меняется форма планки, она становится вытянутой, появляется отверстие для крепления ремней оголовья в иной плоскости. Шипы становятся совсем маленькими или исчезают вовсе, что, возможно, связано с изменением трензеля и использованием кости и дерева в качестве удил. Эти псалии практически теряют свою былую функциональность и становятся, скорее, декоративным элементом, выполняющим функцию распределителей ремней в оголовье. Этот тип псалиев четко демонстрирует связь с доно-волжской традицией изготовления псалиев (абашево-срубная КИО) без ясного пока хронологического приоритета (рис. 148).

Дальнейшая эволюция колесничной упряжи, очевидно, шла путем модернизации удил и грызла и всей системы оголовья. Псалии постепенно теряют свою функциональность и становятся декоративными распределителями ремней оголовья на голове лошади. Так, псалий из могильника Амангельды [Зданович, 1988, с. 69, рис. 28-10, 12] представляет собой поперечный спил трубчатой кости с отверстиями и ребрами-уголками на одной стороне, примыкающей к голове лошади. В одном комплексе с этим псалием обнаружена костяная трубочка, совпадающая в сечении с внутренним диаметром псалия. Возможно, эти предметы использовались в одном наборе. Псалии из IV шахтной гробницы в Микенах зафиксированы совместно с костяными трубочками, вставленными в центральное отверстие, что в свое время вызывало сомнения в интерпретации их как псалиев [Littauer, Crouwel, 1973, p. 207-213].

Представляется возможным использование костяных трубочек в качестве своеобразных «усилителей» органиче-

Синташта, 1970-1770 (68, 2%)

Петровка, 1880-1740 (68, 2%)

Алакуль, 1750-1500 (68, 2%)

Рис. 148. Эволюция форм пса́лиев: 1-3 – синташтинские пса́лиев; 4-6 – петровские; 7-9 – алакульские. [Чечушков, Епимахов, 2010, с.213, fig. 8].

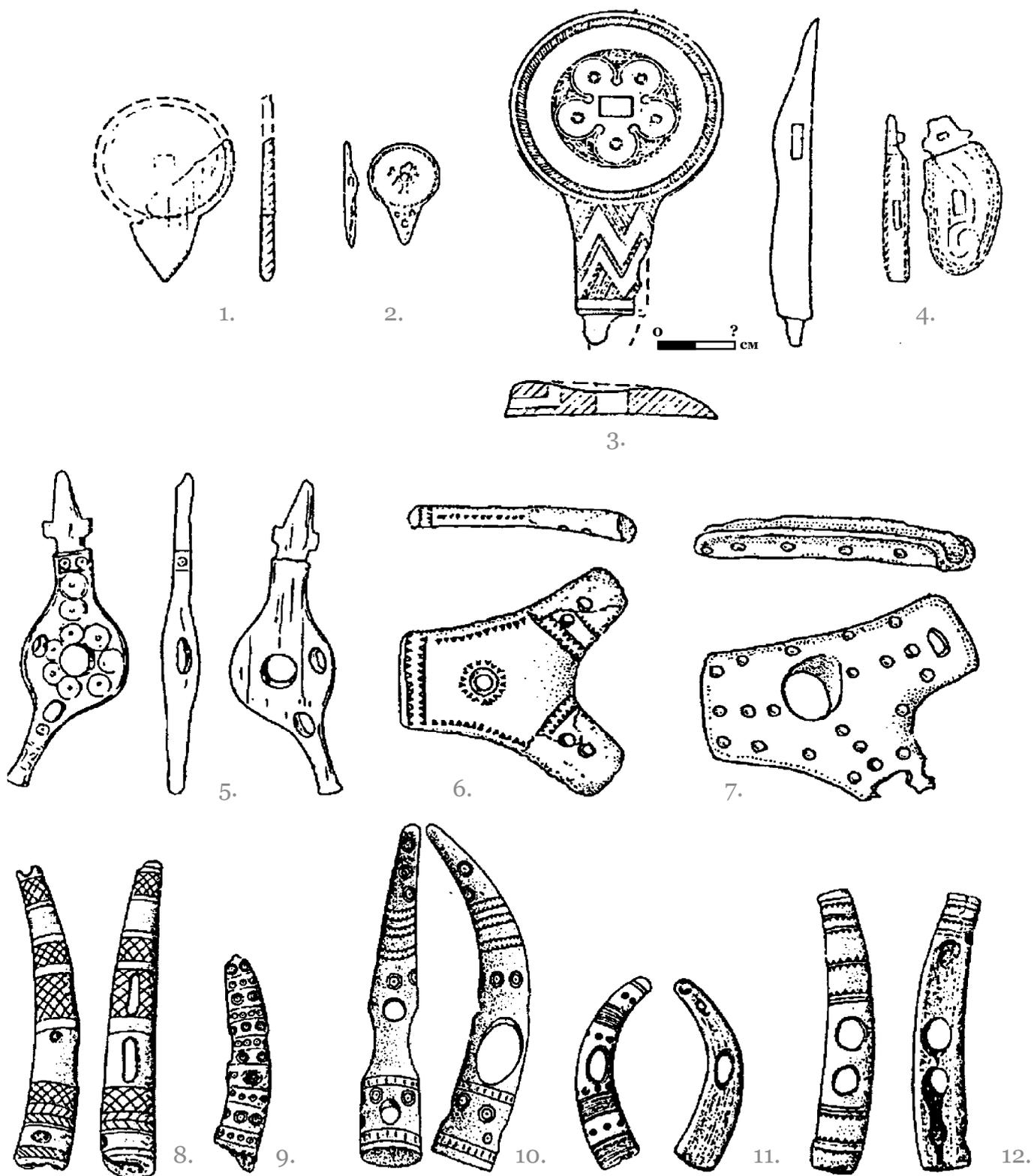

Рис. 149. Переходный тип узды: 1 – поселение Петровка II; 2 – Ватина; 3 – могильник Ново-никольское, курган 5, могила 2; 5-Тосег-С; 6 – Нейргесуйфалу-Теглагьяр; 7 – Пакоздвар; 8-9 – Тосег; 10 – Бейджесултан, Анатолия; 11 – Пакоздвар; 12 – Карастарча. [Piggott, 1983, fig. 56-57; Littauer, Crouwel, 1979; Зданович, 1988, рис. 4].

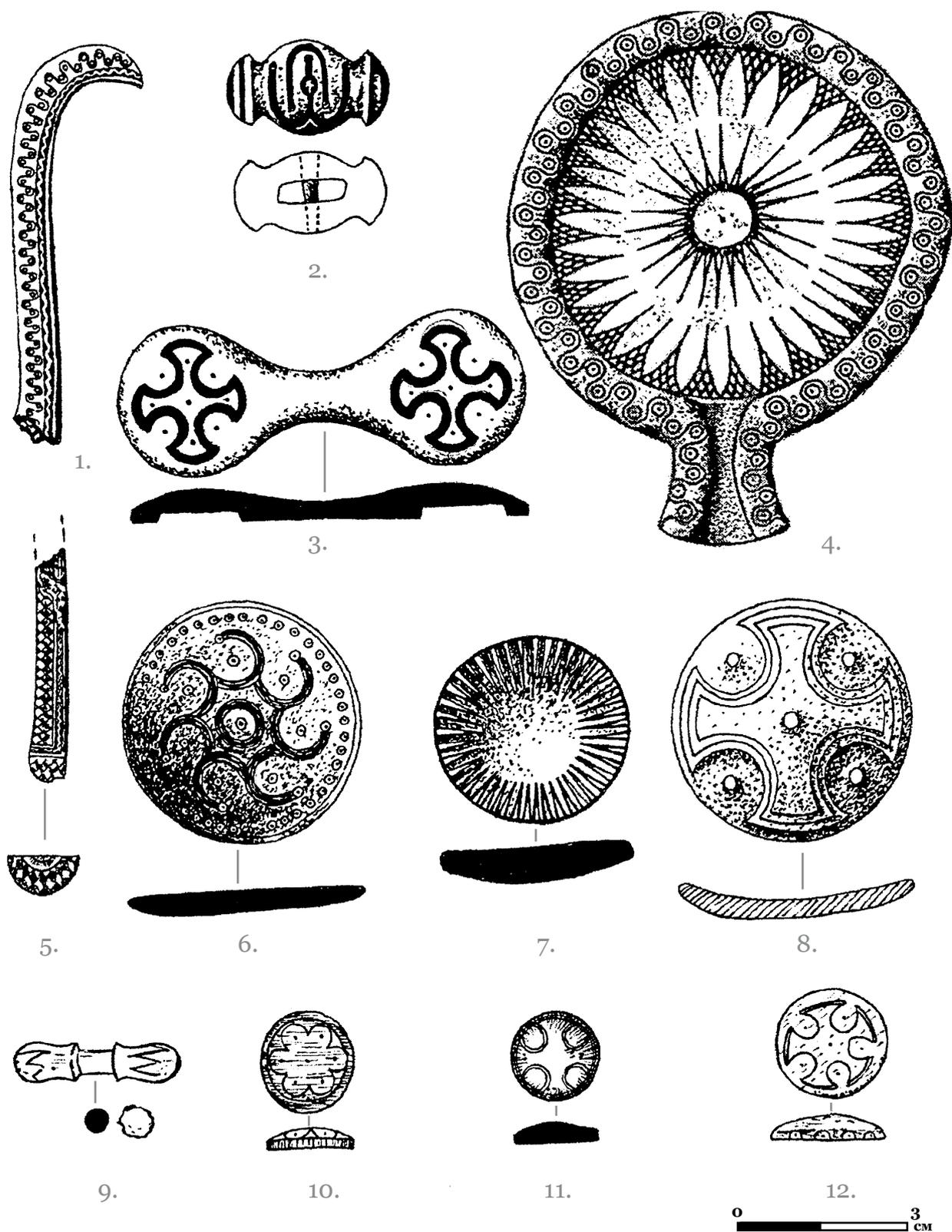

Рис. 150. Центральный Казахстан. Изделия из кости и рога. 1, 5 – «жезлы»; 2, 9 – «застежки»; 3 – двоянная бляшка; 4 – «зеркало»; 6, 7, 8, 10-12 – округлые бляшки. 1-4, 6, 7 – поселение Кент; 5, 8, 10, 11 – поселение Мыржик; 9 – могильник Дандыбай; 12 – могильник Актопрак [Кукушкин, 2007, с. 145, рис.1].

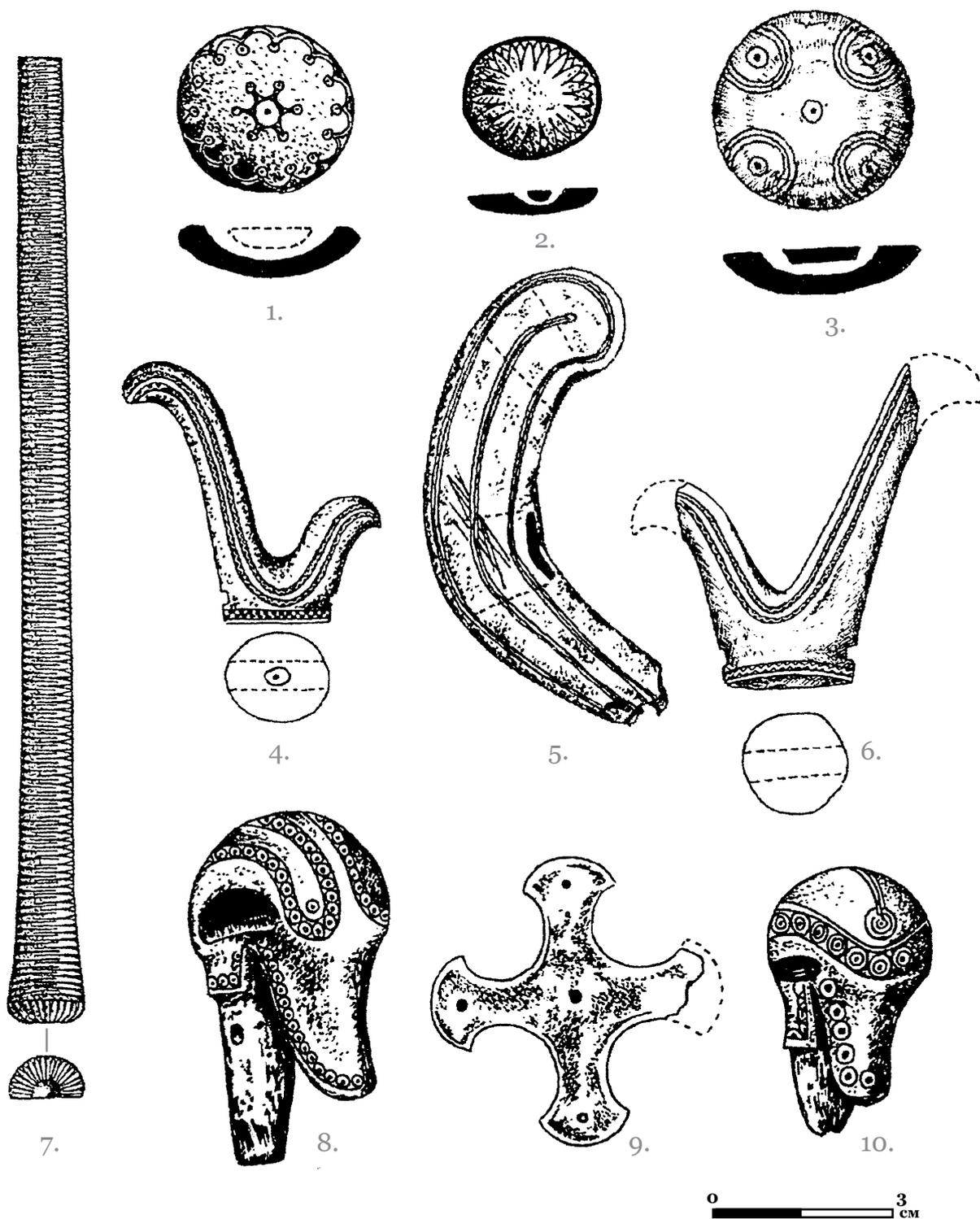

Рис. 150А. Центральный Казахстан. Изделия из кости, рога и бронзы. 1-3 – «пуговицы»; 4, 6 – «уточки»; 5 – псалий; 7 – «жезл»; 8, 10 – наверхия; 9 – бронзовая накладка. 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10 – поселение Кент; 3 – поселение Мыржик; 6 – поселение Шортанды Булак; 9 – могильник Сангру III [Кукушкин, 2007, с. 146, рис. 2].

ских удил. Если это так, то конструкция псалия из могильника Амангельды требует использования иной системы ремней оголовья. В пользу применения такого типа кольцевых псалиев без костяных трубочек свидетельствуют аналогичные находки в андроновском поселении Крещеновка в Центральном Казахстане (раскопки А.Ю. Чиндина), в абашевском кургане у села Иловатка [Либеров, 1980, с. 21-24, рис. 1-4].

Наличие суголовного ремня в колесничной упряжи зафиксировано на черепаках лошадей в шан-иньских чемакынах (Даськунцун) по связкам бляшек пао, украшавших ремни оголовья [Кучера, 1977, с. 135, рис. 65]. На навершии ножа из Иньского городища в виде головы лошади изображено оголовье с одним суголовным ремнем [Кожин, 1990, с. 47]. В Китае в шан-иньское время применялись щитковые псалии с уголками-ребрами, либо с шипами в виде полых трубочек, которые всегда сочетались с органическими удилами [Варенов, 1980, с. 168].

Это очевидный результат заимствования формы и функционального действия степных прямоугольных псалиев с шипами. В уздечках западножюуских колесниц (могильник Байфу) использовались роговые стрержневые псалии со специальными бронзовыми шипованными накладками [Варенов, 1984, рис. 17, с. 48-49], что также соотносится с развитием уздечки в степной зоне.

Таким образом, эволюция оголовья шла от первоначального использования капсуля (носового и подбородочного ремней) к изобретению суголовного ремня, который позволял более жестко фиксировать удила и все другие ремни оголовья.

Дальнейшая эволюция узды идет уже путем разделения концов суголовного ремня, крепящихся к псалию, развитию

и появлению новых ремней оголовья – налобного и подгарка, что и повлекло за собой преимущественное использование стрержневых псалиев.

К такому переходному типу (рис. 149:5-7) относятся экземпляры треугольной формы из венгерских памятников середины 2 тыс. до н.э.: Пакоздвар, Фюзешабонь, Нейргесуйфалу-Теглайгьяр [Piggott, 1983, p. 101, fig 57] и щитково-стрержневые псалии из Тосега, Фюзешабони, которые в основе своей конструкции имеют щиток [Mozsolics, 1953, fig. 6,4-6]. Этот тип предметов может употребляться только в оголовье, суголовный ремень которого имеет два конца.

В результате эволюции появляется классический для степи тип оголовья с двойными или тройными концами суголовного ремня и с трехдырчатыми стрержневыми псалиями различных форм (иногда с одним отверстием для удил, двойной нащечный ремень в этом случае привязывался к концам псалия). Находки псалиев этого типа представлены в позднесрубных поселениях Сабатиновка, Сусканское, Субботовское [Тереножкин, 1965, с. 63-85] в Северном Причерноморье и Поволжье, один псалий – в жилище N 4, поселения Атасу и на поселении Кент в Центральном Казахстане (рис. 150), в венгерских памятниках Тосег, Карастарча, Пакоздвар [Piggott, 1983, p. 101, fig. 56].

Переходный тип, представленный щитково-стрержневыми псалиями в венгерских памятниках, датирован серединой 14-13 вв. до н.э. [Mozsolics, 1960, p.125]. Ст. Пиггот определяет позицию этих псалиев серединой 2 тыс. до н.э. [1983, p. 101]. При этом отмечается сходство орнаментального декора греческих и венгерских экземпляров. Большинство исследователей признает сходство хеттских (Аладжа Хююк) и венгерских стрержневых псалиев типа Фюзешабонь,

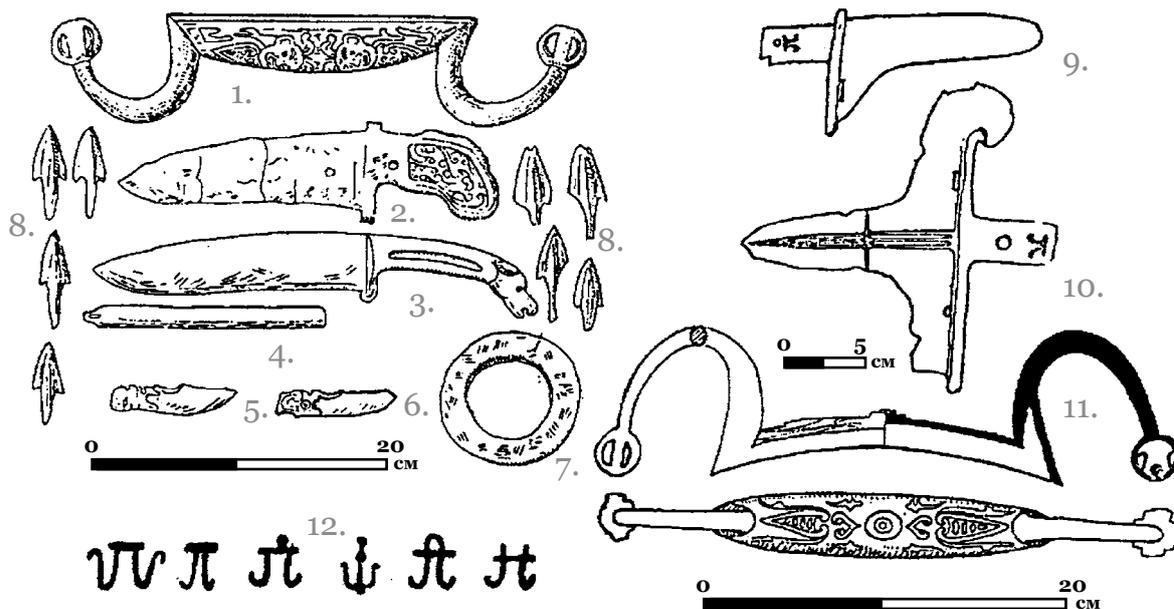

Рис. 151. Китай. «Модели ярма»: 1 – «модель ярма»; 2 – клевец; 3 – нож; 4 – трубочка(?); 5-6 – концевые накладки на лук; 7 – кольцо; 8 – наконечники стрел; 9-10 – «гэ» и «цзи» с изображениями «моделей ярма»; 11 – «модель ярма» из могилы М2 могильника Байцаопо; 12 – изображения «моделей ярма» на оленних камнях, Монголия. [Варенов, 1980, рис. 1-3; 11; 14; 15].

как по конструкции, так и по элементам декора [Mozolics, 1960, p. 133-165; Foltiny, 1967, p. 23].

Датировка этой формы псалиев устанавливается по находкам из Аладжа Хююка в хеттском слое 1450-1300 гг. до н.э. Аналогичные экземпляры происходят из Бейчесултана, Богазкея, Алишара [Voemer, 1972, s. 201; Littauer, Crouwel, 1979, p. 88-95]. Верхняя хронологическая позиция стержневых псалиев определена по находкам горизонта Фюзешабонь, Тосег – С – концом 12 в. до н.э. [Mozolics, 1960, p. 133-165].

Намеченные хронологические рамки существования колесничной узды со стержневыми псалиями не могут ограничиваться только указанным периодом. Судя по ассирийским дворцовым рельефам и находкам в Пазырыкских курганах, этот тип применялся еще длительное время, являясь основной формой уздечки верховой лошади у саков и ассирийцев.

Вместе с тем, выявленное сходство стержневых псалиев в степной зоне Евразии, Подунавье и Анатолии указывает на активные контакты древнего населения этих регионов через Кавказ. Такое предположение согласуется и с лингвистическими данными.

Другим важным элементом колесничного снаряжения являются так называемые «**модели ярма**». Они представляют собой бронзовые предметы с плоским или слегка изогнутым основанием и двумя дугами (рис. 151), концы которых оформлены в виде бубенчиков или округлых наверший, общей длиной от 28 до 40 см. Эти предметы обнаружены в карасукских могилах в Южной Сибири [Киселев, 1951; Комарова, 1952, с. 33; Липский, 1956, с. 121, 124; Кожин, 1969, с. 30-32; 1977, с. 35; Хлобыстина, 1970, с. 188, 192; Членова, 1972, с. 121; Леонтьев, 1980, с. 82], в шан-иньских и западножоуских чемакынах [Варенов,

1984, с. 42-51; Комиссаров, 1988, с. 55-56], в центральной и северной частях Китая, в могилах тагарской культуры в виде бронзовых и костяных моделей [Мартынов, 1979, с. 131, 144] и в изображениях на оленных камнях и антропоморфных изваяниях Монголии [Новгородова, 1989, с. 159-161, 198; Волков, 2002]. По размерам южносибирские предметы меньше иньских.

Существует несколько гипотез, объясняющих использование «моделей ярма». Китайские археологи полагают, что это центральные накладки на лук с натянутой или снятой тетивой [Чен Тек'ун, 1960, р. 207].

Другая точка зрения связана с применением этих предметов в качестве вальков в колесничной упряжке [Кожин, 1969, с. 30-32; Новгородова, 1989, с. 159-161] или как специального крепления на поясе при езде лыжника за конем в зимнее время [Кожин, 1977, с. 35; 1990].

А. В. Варенов предположил использование «моделей ярма» на поясе в виде своеобразной пряжки-держателя поводьев при езде на одноместной боевой колеснице [Варенов, 1984, с. 42-52]. Эта расшифровка представляется наиболее аргументированной. Очевидно, такие предметы входили в комплекс снаряжения воина-колесничего [Варенов, 1984, с. 46]. Отмечено, что пряжки найдены в могилах в непосредственной близости от ножей или кинжалов, которые заведомо носились на поясе. Изображения «моделей ярма» в районе пояса неоднократно зафиксированы на фронтальной части оленных камней в Монголии [Новгородова, 1898, с. 198]. Аналогичные изображения имеются на обухе двух изделий-клевцов «гэ» и «цзи», найденных в могиле М 2 западночжоуского могильника Байфу (рис. 151: 9-10).

Примечательно, что в культовом катакомбном погребении с колесами у с. Болотное в Крыму совместно с клыком-амулетом собаки в районе пояса похороненного человека найдена большая орнаментированная бронзовая пряжка [Корпусова, Ляшко, 1990, с. 169, рис.1].

Изображения крючков на поясах с подвешенным оружием, сходные с «коромыслообразными» предметами на монгольских оленных камнях, отмечены на киммерийских и раннескифских изваяниях [Тереножкин, 1978; Корпусова, Белозор, 1980, с. 224; Попова, 1976]. Исследование поясов у кочевых народов Центральной Азии свидетельствует не только о большом их практическом, но и традиционном культово-ритуальном значении [Добжанский, 1991].

Таким образом, находки «моделей ярма» в карасукских могилах могут рассматриваться как знак принадлежности погребенных к сословию колесничих.

Вместе с тем, расшифровке А.В. Варенова противоречат находки в чемакынах из Дасыкунцуни – М 175 и в секторе С Аньяна, М 20, где зафиксировано по два «коромыслообразных» предмета и по одному погребенному.

Представляется, что это противоречие может быть снято, если допускать применение «моделей ярма» и как распределителей для вожжей, жестко прикрепленных на переднем поручне кузова колесницы. В этом случае они существенно облегчали управление поводьями пары упряжных лошадей и могли бы использоваться в случае необходимости как своеобразный «автопилот», к изогнутым дугам которого привязывались поводья.

Возможно, с таким функциональным предназначением рассматриваемых предметов связано появление в конструкции чжоуских колесниц специального барьера-поручня [Комиссаров, 1980, с. 160].

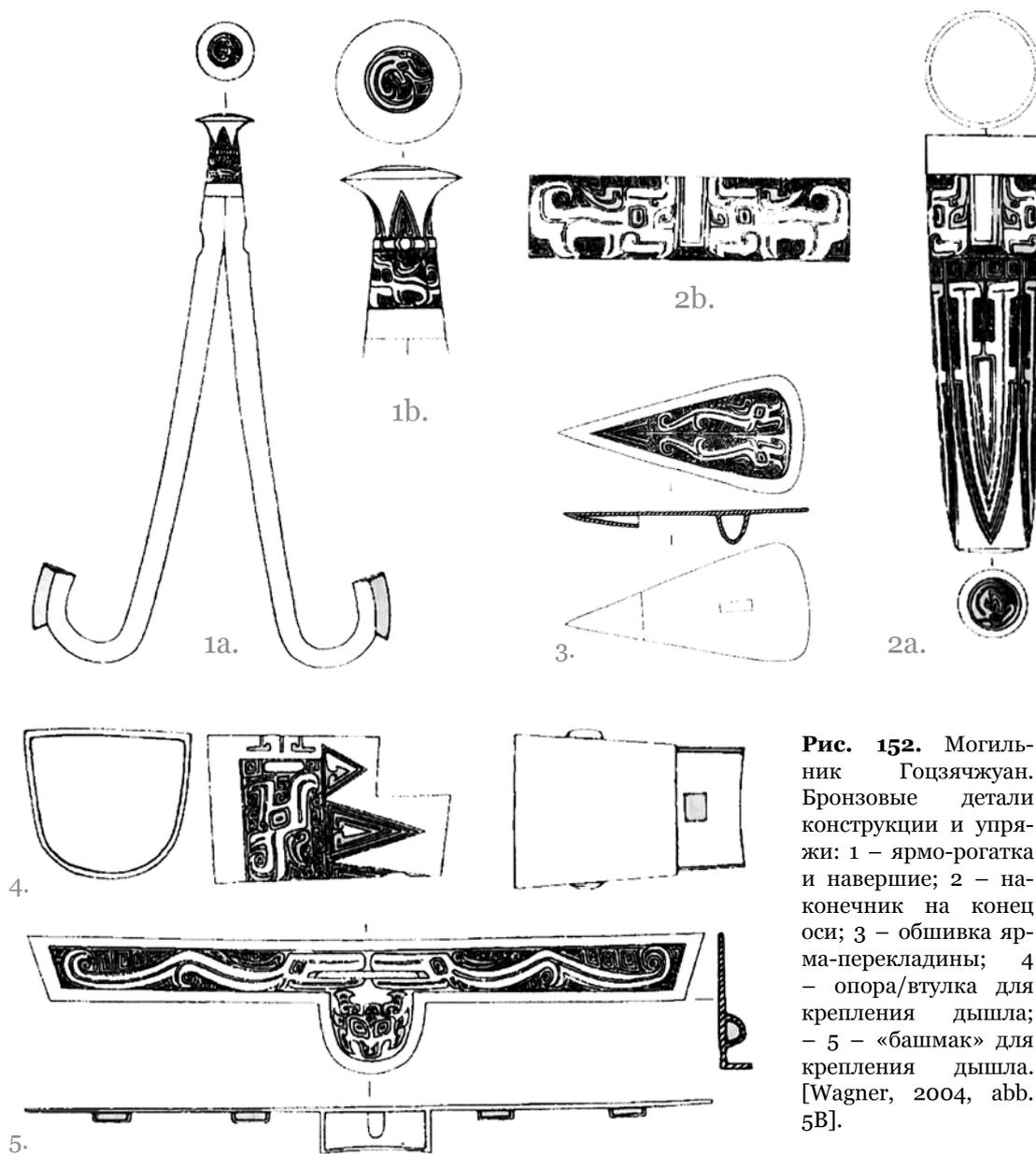

Рис. 152. Могильник Гоцзячжуан. Бронзовые детали конструкции и упряжи: 1 – ярмо-рогатка и навершие; 2 – наконечник на конец оси; 3 – обшивка ярма-перекладины; 4 – опора/втулка для крепления дышла; 5 – «башмак» для крепления дышла. [Wagner, 2004, abb. 5B].

Более того, колесница Цин Шихуана снабжена специальными крючками на передке для привязывания пары вожжей от двух коренных лошадей. Такие крючки также необходимы для крепления постромков, обеспечивающих тягу от двух пристяжных лошадей в квадриге.

Шан-иньский могильник Гоцзячжуан (рис. 152-153) демонстрирует разнообразие предметов колесничного снаряжения [Wagner, 2004, s. 107-122]. Так, в

чемакыне № 52 прекрасно сохранились многие детали упряжи: ремни оголовья пары лошадей, украшенные цепочками из раковин каури, служившими в раннем Китае эквивалентом денег, бляшки оголовья в виде антропоморфной маски, бронзовые ярма-рогатки, колокольчик и наконечники на ярмо-перекладину, «башмак» и опора-втулка для крепления дышла к кузову, наконечники на ось.

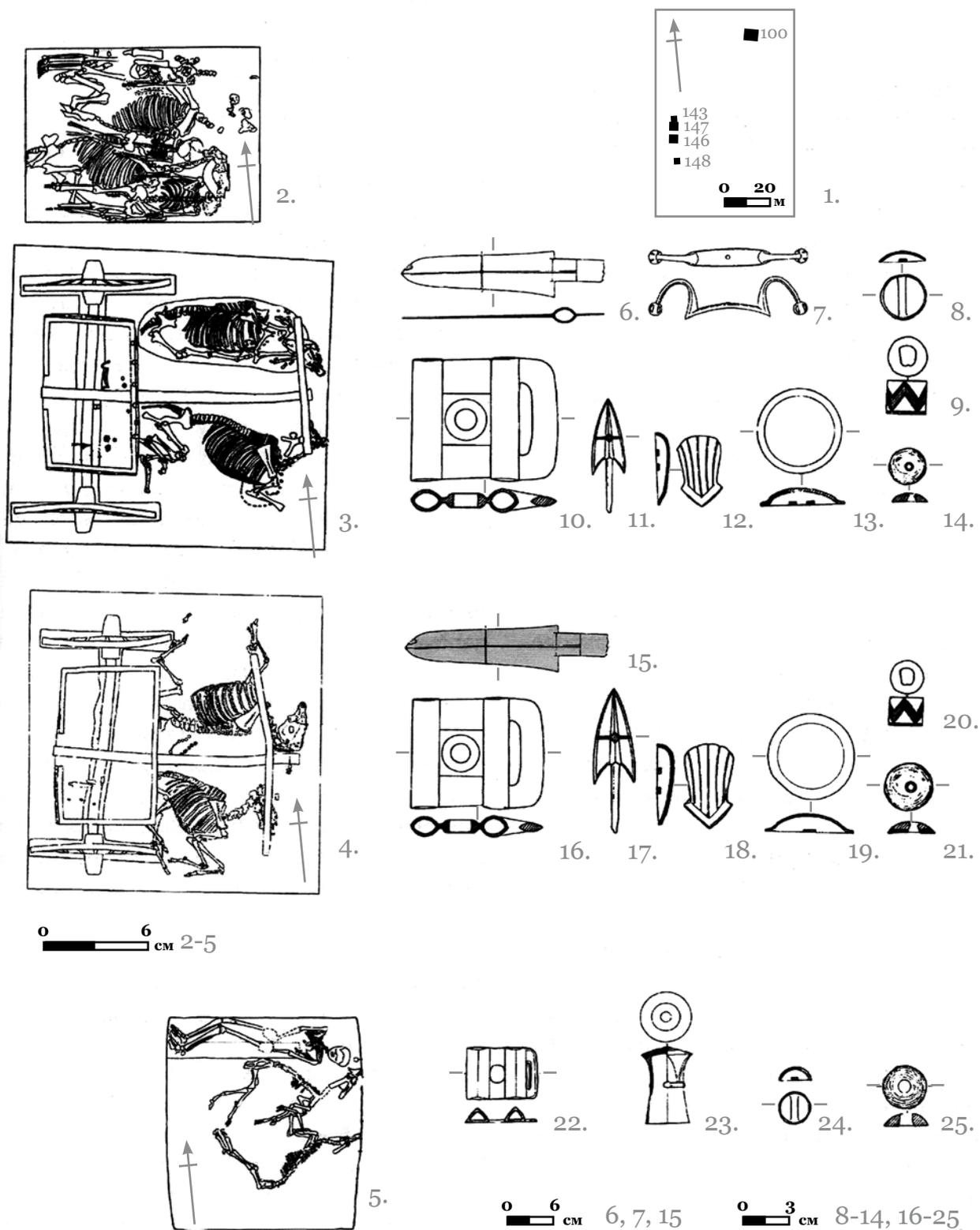

Рис. 153. Могильник Гоцзячжуан. Расположение сопровождающих захоронений № 143, 146, 147, 148 по отношению к главному № 160: 1 – план (фрагмент); 2 – мог. яма 143; 3 – мог. яма 147; 4 – мог. яма 146; 5 – захоронение упряжки с козами и колесничего, мог. яма № 148; 6, 15 – боевой топор-чекан (15 не сохранился, поэтому только обозначен); 7 – «модель ярма»; 8, 13, 19, 24 – бронзовые бляшки; 9, 20 – костяные трубки; 10, 16, 22 – псаали; 11, 17 – наконечники стрел; 12, 18 – отделка ремня оголовья в виде стрелы (псалий?); 14, 21, 25 – бляшки из ракушек; 23 – бронзовое навершие для ярма-рогатки. [Wagner, 2004, abb. 6].

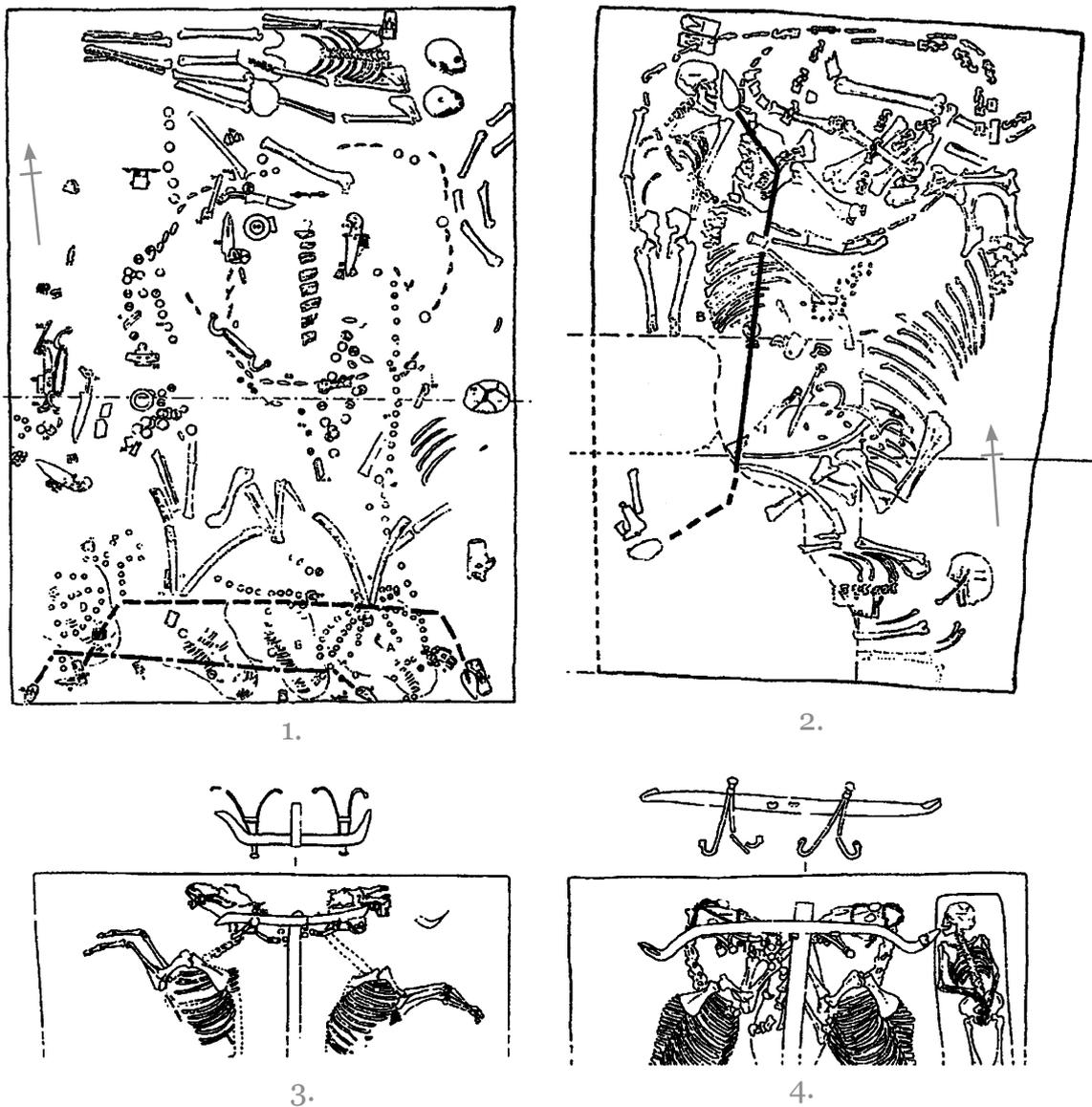

Рис. 154. Ярма с наверхиями и ярма-рогатки в шан-иньских могилах. 1 – Сяотунь, М20 (наверхие ярма «хэнмо»); 2 – Сяотунь, М40 (наверхие «хэнмо»); 3 – Мэйюаньчжуан, М41 (наверхие «хэнмо»); 4 – Гоуцзячжуан, М52 (наверхие «хэнмо») [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 22].

Позднее, в чжоуское время, с внутренней стороны колеса появляется специальный бронзовый ограничитель – наосник. Совместно с бронзовыми наконечниками на концах оси, закрепленными специальной чекой, эти ограничители с противоположной стороны четко фиксировали колесо на оси и не давали ему «люфтить».

Возможно, отмеченные в двух местах на дне могилы остатки лака и древесного тлена свидетельствуют о двух щитах, принадлежавших соответственно двум погребенным в этой могиле колесничим. Отмечу также наличие специального крепления на платформе повозки для ноги возничего, придающего большую устойчивость и позволяющего колесничим

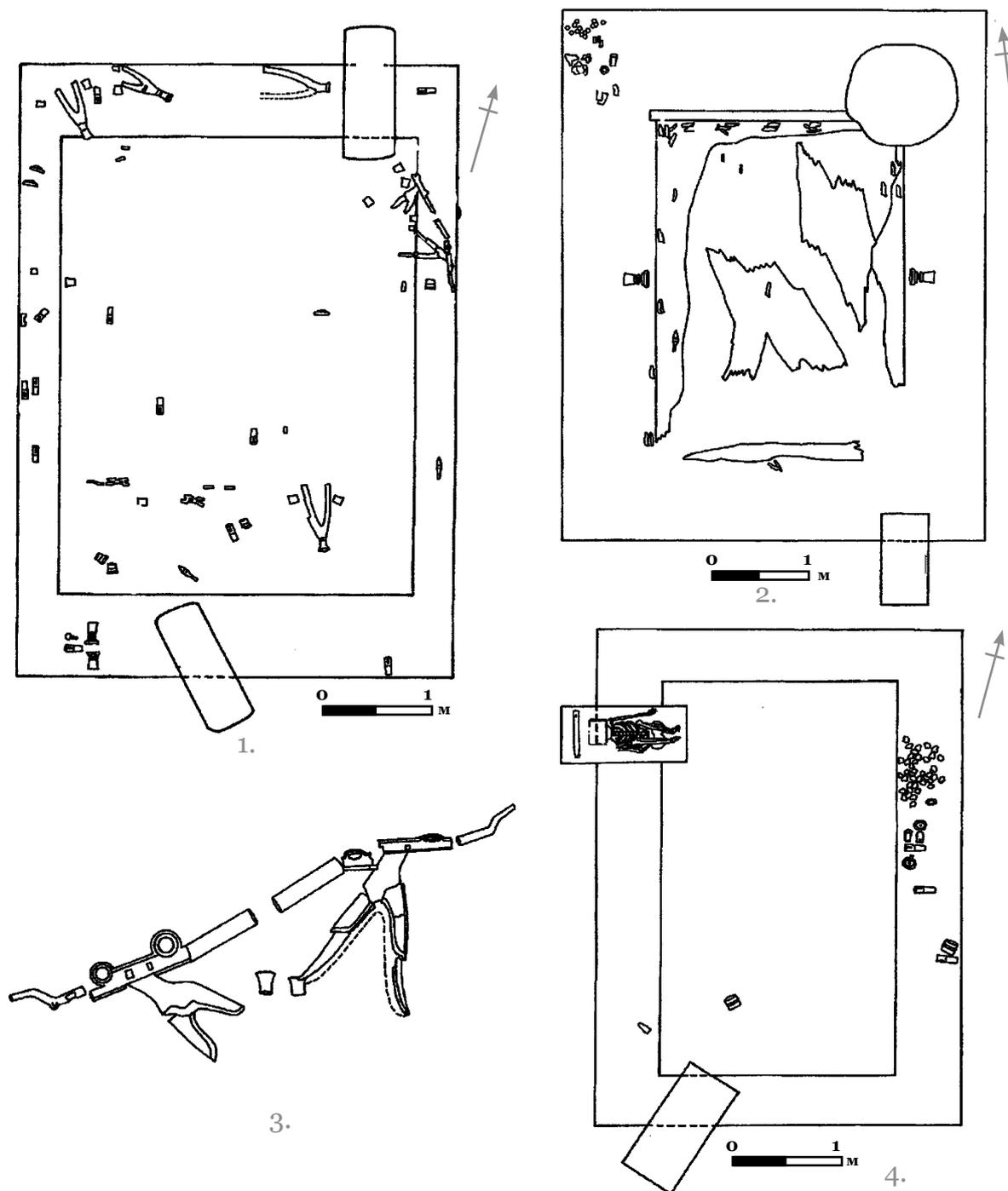

Рис. 154А. Могильник Бэйяо. Финал Западной Чжоу. Детали колесничной упряжи, ярма с наверхиями и ярма-рогатки. 1 – М118; 2 – М534; 3 – ярмо и ярма-рогатки из М118; 4 – М513 [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 122].

чему стрелять из лука и сражаться во время движения колесницы (рис. 144:17).

Рассмотрим чемакыны №№ 143, 146, 147 и 148 [Wagner, 2004, s.112-115] из этого могильника: стандартно в каждой могиле оставлено по одному бронзовому

псалию – распределителю ремней оголовья – и одному стреловидному псалию. В могиле 147 оба предмета лежат на голове одной лошади, рядом с осью зафиксирована «модель ярма», в могиле 146 – один псалий лежит на голове одной лошади,

Рис. 155. Детали колесничной упряжи и колокольчики. Период Чжаньго. 1 – могильник Люлихэ, 131: 7а; 2 – могильник Цзюньюйтай, JM16СНМК: 23; 3 – могильник Сюйлянчжун, XLM8СНМК:33-1; 4 – могильник Маанчжун, ярмо от колесницы 2, чемакыи 2; 5 – могила Ченгун, колокольчики; 6 – могильник Маанчжун, втулки на оси колесницы №4, чемакыи K2:4-58,59; 7 – раковины каури, украшения ремней оголовья колесничных лошадей [Wu, Hsiao-yun, 2009, p. 191].

второй – на голове другой. Вероятно, это свидетельствует о разной степени обучения и о норове лошадей, а также индивидуальном подборе типа оголовья к особенностям животных и возможности использовать только одну лошадь для управления колесницей, когда поводья второй лошади привязаны во время движения к «модели ярма» – пряжке, закрепленной на поясе колесничного или на самой повозке (могила 147).

Примечательно, что в соседней могиле 148 похоронены человек и парная козья упряжка. Здесь для управления козами используется бронзовый пса-

лий меньшего размера с явно выраженными ребрами-уголками, аналогичными по своему воздействию на челюсть животного шипам степных роговых щитковых псалиев. И опять достаточно оказалось одного псалия с одной стороны головы каждого упряжного животного, чтобы ими управлять. Очевидно, что не всегда требовалось использовать псалии жесткого, трензельного типа, с обеих сторон морды упряжного животного – хватало для достижения нужной управляемости повозкой и одного с одной стороны – так же, как в парной упряжке

Рис. 155А. Баоджи. Провинция Шанси. Западная Чжоу, средний период. Детали колесничной упряжи. Антропоморфные наверхшия, бронза [Shaanxi Ancient Civilization, 2008, p. 33].

(а также – триге, квадриге) достаточно было управлять только одной, коренной лошастью.

Важным элементом колесничной упряжи являлись ярма-рогатки, фиксирующие ярмо колесницы на шеях коренных животных. Они изготавливались из дерева и даже из бронзы или украшались различными бронзовыми декорированными наверхшиями. Ярму, в комплекте с ярмами-рогатками, очевидно, придавалось особое магическое значение: в шан-иньское время известны могилы с погребением вместо повозки только одного ярма (рис. 154). В позднечжоуский период такие захоронения известны в некрополе Бэйяо, М118. О магическом значении ярма свидетельствуют различного типа колокольчики-бубенцы и украшения дышла, найденные в чемакнах (рис. 155).

Колесничная узда в египетской традиции.

Совершенно другая традиция изготовления колесничной узды развивалась у народов древнего Ближнего Вос-

тока (кроме хеттов). Все известные здесь системы оголовья разрабатывались на основе применения одночастных металлических удил (рис. 156), снабженных круглыми или прямоугольными бронзовыми пластинами с шипами.

Следующий этап эволюции ближневосточных металлических удил – появление двухчастного грызла. В зависимости от типов псалиев использовались разнообразные системы оголовья. На древнем Ближнем Востоке суголовный (нащечный) ремень появился в колесничных упряжках очень рано, поскольку одночастные металлические удила не требовали дополнительного крепления при помощи капсуля (носового), а основное усилие в ремнях оголовья должно быть направлено в сторону затылка.

Самые древние металлические одночастные удила на круглых или прямоугольных псалиях с шипами имеют специальную петлю для крепления суголовного (нащечного) ремня. Древнейшие находки удил данного типа происходят главным образом с территории Египта и подвластных ему районов. Они обнару-

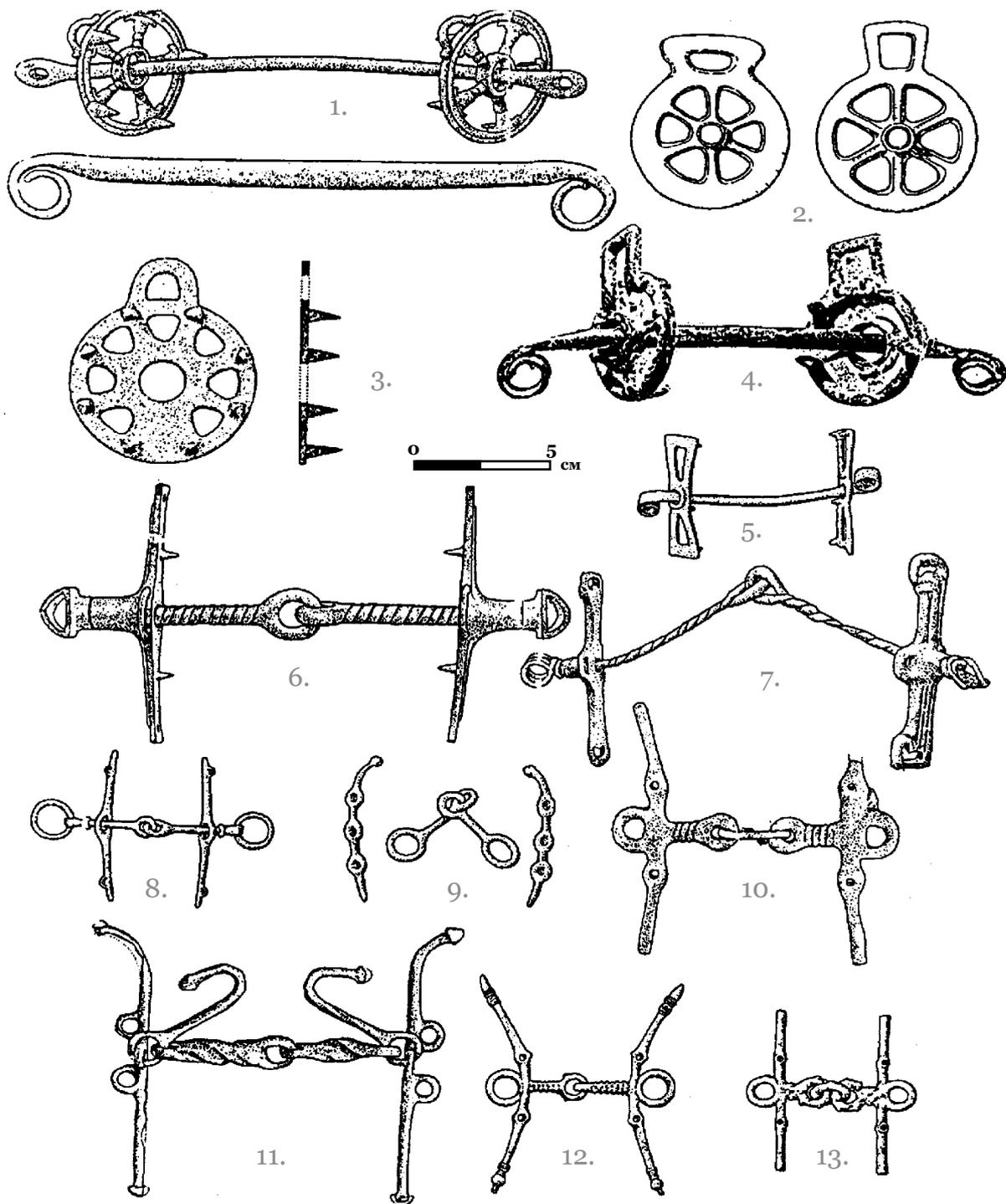

Рис. 156. Ближний Восток. Металлические удила-псалии. 1 – бронзовые удила и псалии, Тель-эль Аджул, Иерусалим, Музей Рокфеллера, N 37.3271; 2 – бронзовые псалии из Анатолии; 3 – бронзовые удила и псалии, Тель-эль Хаддад, Ирак; 4 – бронзовые удила и псалии, Музей Метрополитен, N 1984.85; 5 – бронзовые удила и псалии, Танг-и-Хамамлан; 6 – бронзовые удила и псалии, Тель-эль Амарна, Оксфорд, Музей Ашмолиан, N 1933.1209; 7 – бронзовые удила и псалии, Ашшур, Берлин, Азиатский музей, N 7284; 8 – бронзовые удила и псалии, Сиалк-Б, могила 74; 9 – бронзовые удила и псалии, Сиалк-Б, могила 15; 10 – бронзовые удила и псалии, Нимруд, Лондон, Британский музей, N 91187; 11 – железные псалии и удила, Богазкей; 12,13 – бронзовые удила и псалии, Персеполис. [Littauer, Crouwel, 1979].

жены в Тель-Амарне, Тель-аль Аджуле [Muller-Karpe, 1980, taf. 37,115], в Угарите, Газе, Палестине [Potratz, 1966, s. 103-116, taf. 106-109,115].

Стратиграфическое положение этих находок на памятниках не вполне ясно. При раскопках Тель-аль Хаддада в восточной части Ирака одночастные металлические удила этого типа найдены в слое совместно с касситской керамикой, который покрывал старовавилонский уровень [Littauer, Crouwel, 1988, p. 169-171, fig.1]. Эта находка позволяет уточнить датировку удил рассматриваемого типа.

Дальнейшая эволюция ближневосточной (египетской) узды заключалась в применении составных удил с двухчастным грызлом, менее болезненных для лошади, и двойного суголовного (нащечного) ремня. Этот тип представлен экземплярами из Ашшурра, Сиалка Б, могилы 15, 74, Нимруда, Богазкея, Микен [Littauer, Crouwel, 1979, fig. 66-70; Muller-Karpe, 1980, taf. 19,159,232].

Датировка ближневосточных металлических удил определяется находкой из Тель-аль Хаддада совместно с касситской керамикой. Касситы после хеттского рейда в 1595 г. до н.э. захватили Вавилон и удерживали его в течение почти 400 лет. Возможно, касситы были индоевропейцами, их правители поклонялись индоевропейским богам (Шурия) [Брей, Трамп, 1990, с. 104].

С гиксосами связывается находка удил из Газы [Potratz, 1966, s. 109-110, 115-116], датированных 17 в. до н. э.

Второй половиной 2 тыс. до н.э. определяется время существования удил с колесовидными псалиями из Тель-аль Хаддада, Газы, Амарны [Littauer, Crouwel, 1979, p. 86, 90; 1988, p. 169-171].

Представляется, что датировка ближневосточных одночастных металлических удил в связи с находкой в Тель-аль Хаддаде, может быть определена в пределах 16-13 вв. до н.э.

Роговые псалии в сочетании с органическими удилами на древнем Ближнем Востоке применяли только хетты. Находки происходят из памятников Аладжа-Хююк, Бейчесулан, Богазкей, из слоев, датированных не ранее 1450 г. до н.э. [Foltiny, 1967, p. 23, fig. 5; Littauer, Crouwel, 1979, p. 88-89, fig. 50]. ■

Комплекс вооружения колесничего

Согласно некоторым данным, в ранний период существования азиатского колесничного комплекса экипаж боевых колесниц, либо колесничий, имел защитный панцирь, щит, шлем, а стрелок – метательное оружие дистанционного боя, сложный лук и стрелы с крупными кремневыми наконечниками.

Например, в культурных слоях поселения Токсанбай на Устюрте (Западный Казахстан) разнотипные кремневые наконечники стрел составляют, после изделий из керамики, наиболее массовую категорию находок, что в совокупности с фортификационными системами свидетельствует о значительной воинственности населения региона [Самашев, Ермолаева, Лошакова, 2007, с. 87-102].

В укрепленных городищах Синташта, Аркаим, а также синхронных могильниках обнаружены кремневые и бронзовые наконечники стрел, каменные булавы-дубинки, бронзовые копья, ножи и вислообушные топоры. Возможно, отсутствие оружия в некоторых могилах – результат ограбления. Судя по инвентарю из могильника Синташта – медным вислообушным топорам, копьям с несомкнутой втулкой, теслам, двухлезвийным ножам, каменным булавам и различным по типам наконечникам стрел – это погребения воинов-колесничих.

Есть основания полагать, что к числу колесничего вооружения относятся бронзовый крюк-багор и стрекало. Рас-

копки кургана 1, могильника Ащису в Центральном Казахстане открыли «имитацию» погребения колесницы с великолепно сохранившимися роговым орнаментированным псалием, бронзовым стрекалом с роговой декорированной втулкой и бронзовым крюком-багром с раструбом [Кукушкин, 2007, с. 40 – 63]. В результате дальнейших раскопок этого памятника обнаружено втульчатое копье сейминско-турбинского типа и уникальный бронзовый сосуд [Кукушкин, 2011, с. 110-116].

Аналогичные стрекала найдены в синташтинских памятниках Большекараганский и Каменный Амбар – 5 на Южном Урале, [Зданович Д.Г., 2002, с. 40; Епимахов, 2005, с. 114, рис. 85:9], в могильниках Танаберген 2 [Западный Казахстан, Ткачев В.В., 2007, с. 30, 193-194, рис. 11:8,9] и Бозенген [Центральный Казахстан, Ткачев А.А., 2002, с. 230, рис. 96:9,12]. Бронзовые крюки подобного типа также известны в синташтинских поселениях и могильниках [Кукушкин, 2007, с. 46], а более ранние – в могиле 32 с повозкой, в Ипатовском кургане, датированной по радиоуглероду второй половиной 3-го тысячелетия до н.э. [Belinskij, Kalmykov, 2004, s. 201-220, abb. 14]. Видимо, такие багры стали прототипом более поздних топоров-чеканов с крюком на длинной ручке, хорошо известных по китайским находкам из «северного комплекса».

Крепление пряжек, «моделей ярма», к поясу колесничего подразумевает наличие какой-то жесткой основы – например, защитного доспеха-панциря, поверх которого надевался пояс с такой пряжкой. Остатки защитного панциря обнаружены в сейминско-турбинском могильнике Ростовка, где расчищены костяные пластинки длиной до 40 см, которые покрывали этот доспех

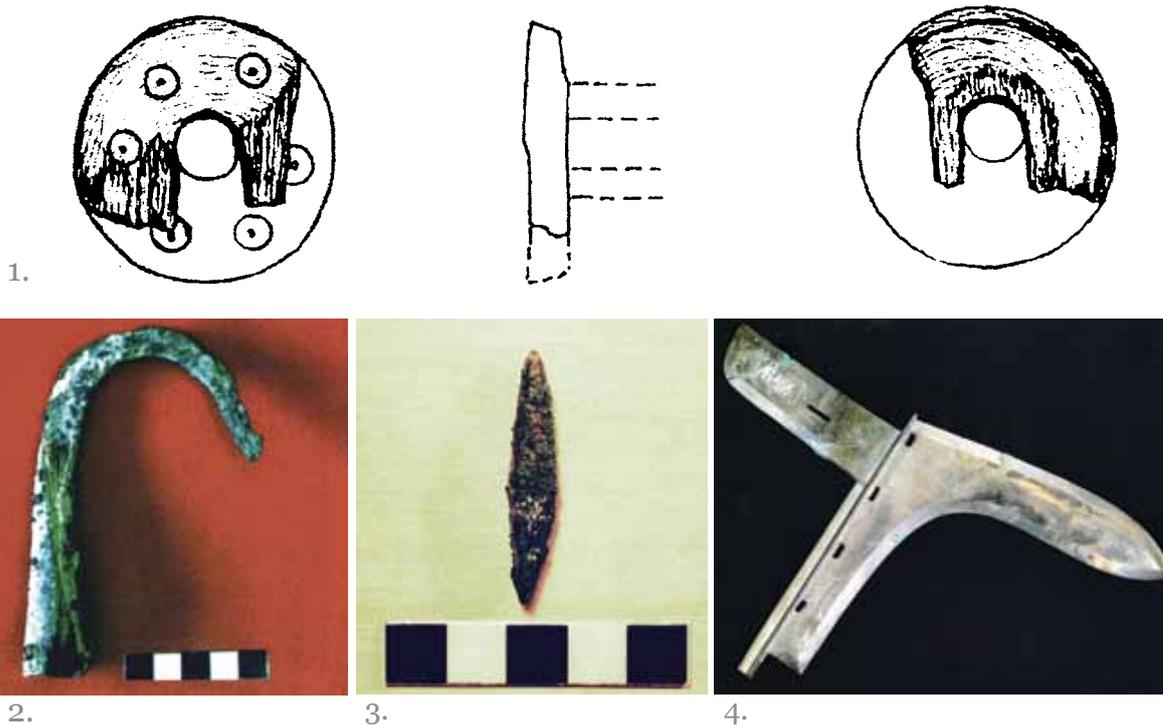

Рис. 157А. 1,3 – стрекало с роговой муфтой и бронзовым наконечником, 2 – крюк-багор из могильника Ащису [Кукушкин, 2007, с. 52, 61, 62, рис. 15-17]. 4 – копьё-чекан на длинной ручке из погребального комплекса Цин Шихуана, склеп 1. На лицевой стороне имеется надпись «изготовлено Люй Бувэем», на оборотной стороне – иероглифы «сыгун» – название учреждения, заведующего изготовлением оружия и боевых колесниц [Цинь Вэнь, 2008, с.66].

На некоторых иньских и чжоуских «моделях ярма» изображены фигуры людей с отходящими от голов рогами или лучами, точно такими же, как и на нефритовых фигурках людей [Кожин, 1990, с. 47]. При всем своеобразии иконографии этих изображений они, видимо, связаны со степной традицией.

Небезинтересной в этом смысле представляется коллекция иньских шлемов (свыше 140 экземпляров) [Варенов, 1990, с. 56-66]. Округлая макушка такого шлема увенчана трубочкой для крепления плюмажа; лицевая часть, как правило, орнаментирована и украшена стилизованным изображением звериной морды (маска тао-те). А.В. Варенов предполагает, что прототипом такого шлема могла быть ритуальная маска или

кожаный (войлочный) головной убор, украшенный тисненным или резным изображением.

Скорее всего, традиция использования маски для ритуальных действий и в боевой практике стала причиной находок таких масок в могилах, в качестве погребальных, в таких удаленных друг от друга регионах, как Китай и Древняя Греция. Украшение предметов колесничного комплекса – колесниц, оружия, «моделей ярма» – звериными масками свидетельствует об их широком распространении и в степной среде. Изобразительные источники демонстрируют большую серию «солнцеголовых» антропоморфных персонажей и личин, которые могут быть соотнесены с такими масками (рис. 87-89, 91-92; см.: подробности в след. главе).

Рис. 157Б. Китай. Комплекс вооружения и защиты колесничего. 1 – бронзовое копье (эпоха Шан) из Шеньцзюнь, провинции Цинхай; 2 – бронзовый топор «цзы» из могильника у деревни Хеджа, могила 1, уезд Цишан (поздняя Шан); 3 – бронзовый декорированный топор из коллекции музея г. Сиань (Западная Чжоу) [Shaanxi Ancient Civilization, 2008, p. 20, 31]; 4 – 6 – погребальный комплекс Цин Шихуана: образцы оружия (4); каменные доспехи (5-6); серпы-крюки на оси колесниц (7) [Цинь Вэнь, 2009, с. 41].

Рис. 157В. Китай. Антропоморфная мелкая пластика и маски. Эпоха Шан-инь. [Китай: история и цивилизация, 2007, с. 6, 11, 22-23, 30].

Изобразительные памятники

Петроглифы эпохи бронзы наглядно демонстрируют комплекс вооружения этого времени: копье, палицу-дубину, топоры-чеканы, ножи-кинжалы и различные типы луков. Так, на байконурских петроглифах запечатле-

ны сразу все виды этого комплекса, включая интересного вида копье, в сцене противостояния быку (рис. 94, 157).

Копья. Среди петроглифов Курчума в Восточном Казахстане пеший воин в каком-то особом головном уборе, с примыкающим к поясу предметом в виде

Рис. 157Г. Казахский мелкосопочник. Петроглифы долины р. Байконур. Сцена противостояния человека с копьем и быка-тура.

хвоста, держит обеими руками копьё с коротким древком и треугольным наконечником. Судя по иконографическим особенностям, изображения антропоморфного персонажа с копьем относятся к сейминско-турбинскому кругу [Самашев, 1992, рис. 105].

Палицы-дубины. Изображения людей с палицами-дубинками чаще всего встречаются в памятниках южного Казахстана, в Сары Арке, на Тарбагатае и на Тамгалы. Общее сходство – палица откидывается боеголовкой за плечи; видимо, это основной способ ношения данного вида оружия в мирной обстановке; палиценосцы изображены с согнутыми ногами, ступни ног направлены вперед; показан «хвост», иногда с шаровидным утолщением на конце; подчеркиваются первичные признаки мужского пола [Мургабаев, Елеуов, Самашев, 2006, с. 69; Рогожинский, 2001, с. 29].

Лук. Самые многочисленные изображения, известные по всему ареалу распространения петроглифов. Плохо различаются по конструкции, но показаны в разных размерах.

Ножи-кинжалы. Изображения бронзовых ножей эпохи бронзы встречаются не так часто, как в петроглифах Европы. На северо-восточном отроге хребта Каратау, на берегу р. Тэрс обнаружены два редких изображения ножей-кинжалов в натуральную величину. Один – повторяет образцы, хорошо известные в Китае, другой – классический для казахстанских поселений финальной бронзы периода 13-10 вв до н.э. [Самашев, 2006, с. 178].

Щиты. Сцена сражения двух пешеходных воинов с помощью палиц из местонахождения Сагыр-2 в Восточном Казахстане интересна тем, что на спинах людей показаны щиты [Самашев, 1992, с. 29; 2006, с. 105]. Эти щиты похожи

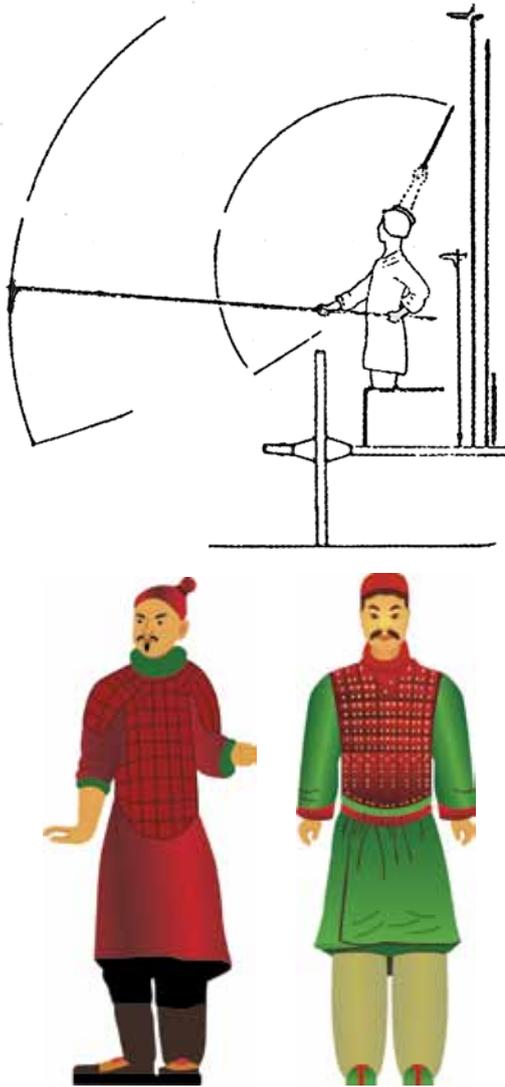

Рис. 158. Схема использования комплекса вооружения на колеснице и реконструкция костюмов колесничего и возничего по материалам погребального комплекса императора Цин Шихуана.

на найденные в китайских чемакынах. Предполагается, что такие плетеные из прямослойных веток крест-накрест щиты, обтянутые сырой кожей, надежно защищали от любых ударов, и их трудно пробить даже копьем [Соловьев, 2003, с. 30, с. 41]. В указанную композицию со сражающимися палиценосцами входят и изображения лошадей, выполненных в сейминско-турбинской традиции.

Тактика колесничного боя

Шан-иньская тактика колесничного боя реконструируется (рис.158) на основе комплексного анализа предметов вооружения и их возможного использования в бою [Варенов, 1990, с. 56-72]. Автор полагает, что основная функция отрядов колесниц состояла в обстреле из луков боевых построений вражеской пехоты с расстояния от 30 до 100 м. Взаимодействуя со своими пехотными подразделениями, они должны препятствовать выходу неприятельских колесниц во фланги [см. Горелик, 1985, с. 183-193].

Открытие терракотовой армии императора Цин Шихуана и его колесниц дает богатейшую информацию о структуре воинских формирований, в которых воины и колесницы расположены в определенном боевом строе и в отведенной для каждого подразделения позиции (рис. 158-160).

В самом большом из раскопанных трех склепов – первом, размером 230 м с запада на восток и 62 м с севера на юг, обнаружено более 6000 фигур воинов, всадников и более 40 деревянных колесниц, построенных в военный строй в виде прямоугольника. В первых трех рядах по 68 фигур, в авангарде стоят пехотинцы, в руках у которых луки или арбалеты, на спине – колчан со стрелами. За головным отрядом следуют укрытые щитами пехотинцы и закрепленные за каждым подразделением колесницы. По краям воинского строя занимают позиции боковые отряды, задача которых – прикрывать войско с флангов. И замыкает строй арьергард: три ряда вооруженных лучников. Колесницы запряжены четверкой лошадей, с колесами диаметром 135 см и 30-ю спицами. Возничие показаны в доспехах: стоят, либо идут за колесницей,

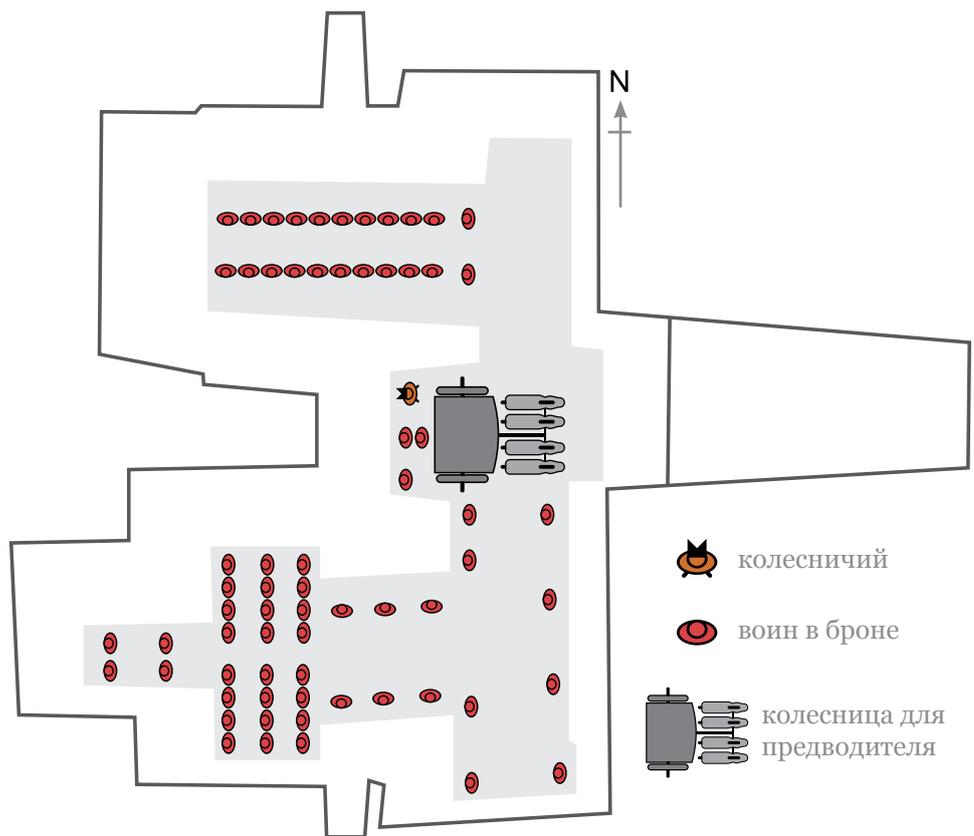
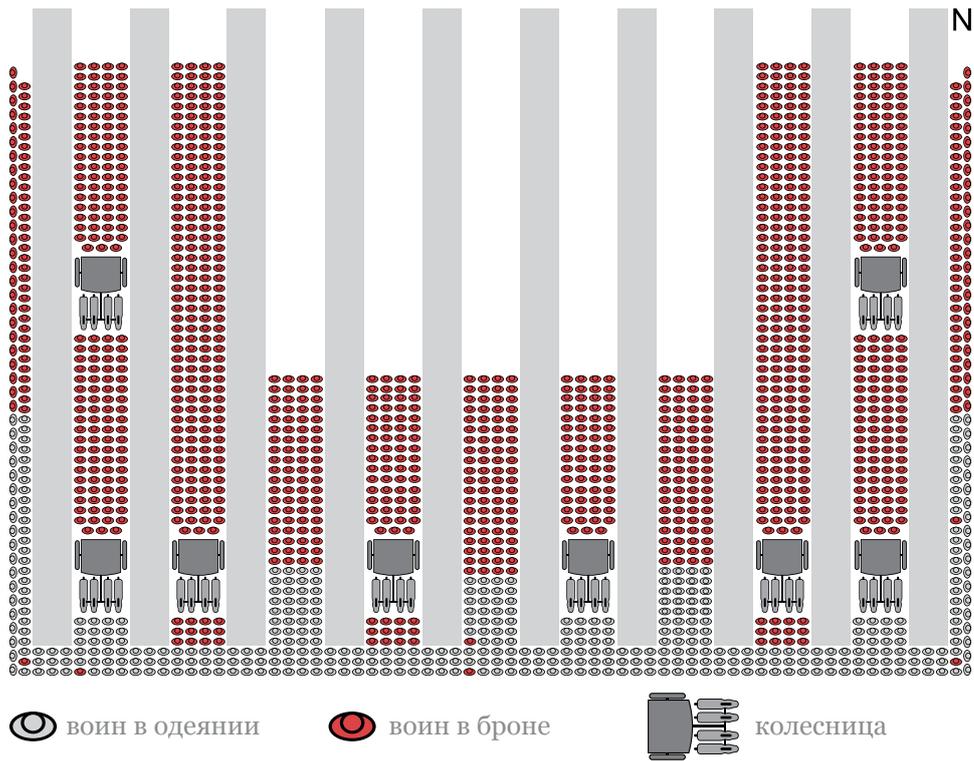

Рис. 159. Китай. Погребальный комплекс Цин Шихуана. Схемы склепов 1 и 3 [Цинь Вэнь, 2009, с. 48, 83].

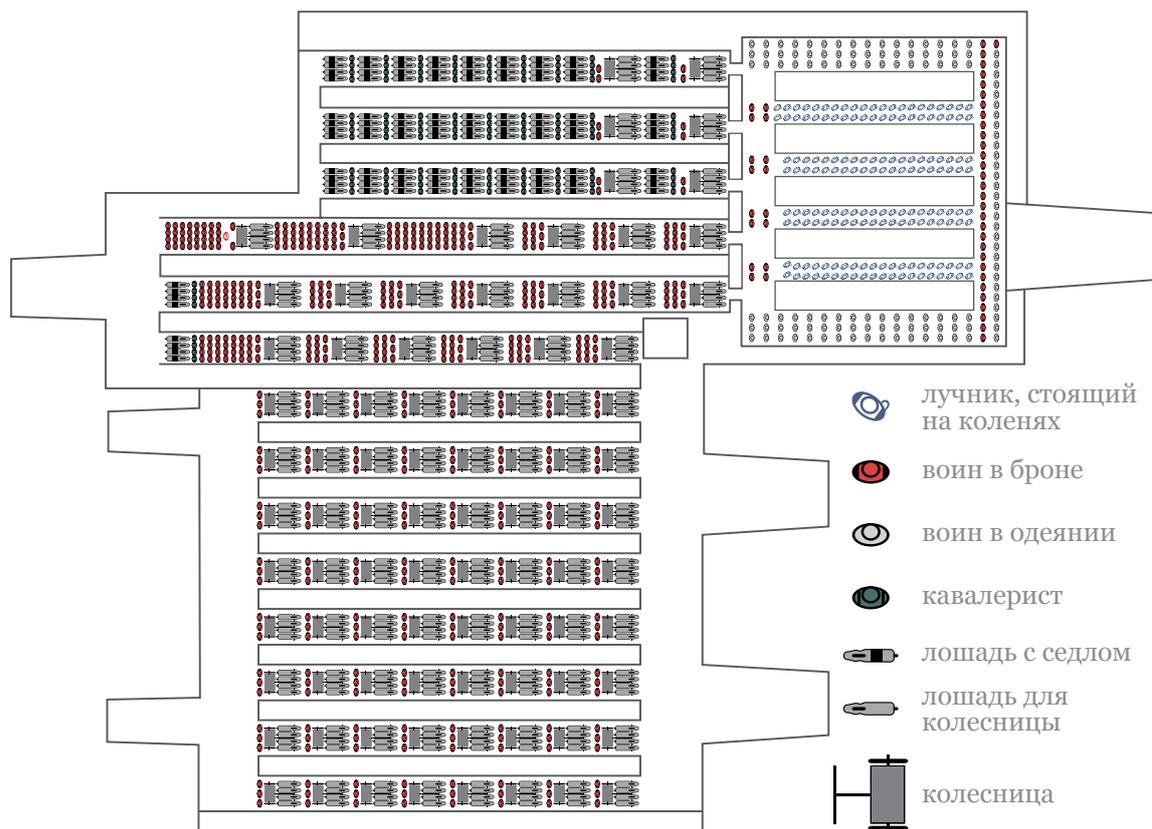

Рис. 160. Китай. Погребальный комплекс Цин Шихуана. Схема склепа 2 [Цинь Вэнь, 2009, с. 70].

их всегда двое, а рядом с ними всегда находится воин в одинаковой форме – возможно, оруженосец колесничего.

В склепе №3, который интерпретируется как командный пункт, найденная колесница-квадрига по анализу сохранившихся остатков декора и зонтика определена как командирская, позади которой стоят офицеры.

Склеп №2, расположенный в 20 метрах к северо-востоку от склепа №1, размером 124 м на 98 м, содержит 89 боевых колесниц и 350 упряжных коней, 900 статуй воинов и всадников. Этот склеп интерпретируется как хранилище колесниц. Примечательно, что раскопанная конструкция этого склепа представляет собой углубленную в землю огромную землянку-сарай, сверху перекрытую дере-

вянными бревнами, накрытыми циновками и шкурами. Согласно ведическим текстам, в Индии для хранения колесниц устраивали заглубленные в землю сараи, в полу которых копали канавки для установки колес.

Колесничное войско состоит из арбалетчиков, пехотинцев, которые окружают колесницы, а замыкают строй 108 всадников и 6 колесниц.

Вместе это войско представляет собой мощный ударный отряд, предназначенный для молниеносного нападения на неприятеля. Экипаж колесниц состоит из трех человек – возничего и двух воинов.

В 1998 году обнаружен новый склеп, в котором открыто более 90 каменных и металлических доспехов и более 30 ка-

менных шлемов [Цинь Вэнь, 2009, с. 41, 67]. Кроме того, в материалах памятника зафиксированы бронзовые «серпы», которые крепились к оси колесницы-квадриги и, подобно поздним ахеменидским колесницам, косили боевые ряды вражеской пехоты, дезорганизуя и нарушая боевой строй неприятеля [Нефедкин, 1997, с. 10; 2001].

Таким образом, колесницы в циньское время (220-235 гг до н.э.) выполняли функцию командирского экипажа, командного пункта отдельных подразделений пехоты, транспорта на поле боя и мощную и быструю ударную силу, разрушающую боевой строй неприятеля и объединенную в единое подразделение, совместно с немногочисленными всадниками.

Основное оружие колесниц для дальнего боя – лук, арбалет; для ближнего боя – копьё, крюк, топор-чекан на длинной ручке; для рукопашного боя – меч, нож-кинжал, топор, булава. Всего уже раскопано более 30 000 единиц различного типа оружия [Цинь Вэнь, 2009, с. 89]. ■

Особенности погребального обряда

В степном и китайском колесничных комплексах обнаруживаются значительные совпадения фрагментов погребального обряда. Это: специальные канавки для колес; культовые захоронения собак; культ рыбы; отдельные жертвоприношения коней; пара лошадей укладывается вместе с частями колесничного снаряжения – псалями; курганы с колесницами имеют особое расположение, в них похоронены только мужчины, что свидетельствует о наличии особого сословия – колесничих.

Отмечаются также следующие особенности: отсутствие в могилах вооружения (за редким исключением); украшение бортов и значимых деталей кузова повозки и наличие на дне могилы специальных канавок для колес, которые, однако, не использовались: колесница помещалась рядом, и ее колеса не вставлены в эти канавки [Кучера, 1977, с.135-140]. Таким образом, присутствует зафиксированная в степной традиции «имитация» погребения колесницы.

Наблюдается сходство основных технических параметров иньских и чжоуских колесниц со степными, при этом первые превосходят вторые по размерам колес и ширине колесной базы.

Замечу, что в Китае, в отличие от степи, традиция изготовления колесных повозок в синхронных и более ранних памятниках не зафиксирована; не случилось и эволюции на уровне инноваций или изобретения четырехко-

лесных повозок в более позднее время, за исключением появления грозных боевых колесниц с «серпами» и представительских экипажей с зонтами, а также увеличения кузова колесницы и превращения ее в грузовую или грузопассажирскую двухколесную крытую повозку.

Во всех ранних китайских династиях письменные источники фиксируют кровавый обычай человеческих жертвоприношений и насильственного погребения подчиненных – наложниц, не родивших правителю детей, пленных и рабов. Многие обстоятельства погребального обряда степных могил с колесницами недвусмысленно свидетельствуют о наличии такого обычая [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 210 и след.].

Степная традиция изготовления бронзовых жертвенных сосудов, зафиксированная в колесничных материалах могильника Ащису, находит свое дальнейшее развитие в раннекитайской бронзолитейной «индустрии», что выразилось в массовом производстве великолепных бронзовых сосудов различного вида.

Ярким доказательством продвижения степных социумов в восточном направлении является значительная серия мумий европеоидного облика и многочисленные серии могильников, найденных в пустыне Тарим, низменности Такламакан, в Синцзян-Уйгурском Автономном округе Китая, представленные ныне в специальном зале Исторического музея г. Урумчи.

Памятники этого типа расположены на тех же самых трассах, по которым позднее проходил Великий Шелковый путь. Раскопки многочисленных могильников этой серии (рис. 161) дают уникальную информацию об этой

миграции. Комплекс керамики, особенности погребальных сооружений и обряда позволили датировать эти памятники 18-17 вв. до н.э.

К. Йетмар, анализируя материалы могильника Гумугоу, расположенного в северо-западной части Синцзяна, предполагает идентификацию их с прототохарами-европеоидами, мигрировавшими сюда из западных районов Евразии около 1500 г. до н.э., в материальной культуре которых есть некоторые черты, характерные и для носителей каракольской афанасьевской культуры Алтая [Кубарев, 2006, с. 49]. Сохранившаяся в этих могилах женская одежда очень напоминает реконструкции, выполненные Э.Р.Усмановой по алакульским и андроновским женским костюмам и украшениям [2010].

Климатические условия пустыни «законсервировали» многие недоступные в степной археологии артефакты – такие, как одежда, красивые женские платья красного цвета, окрашенные минеральными красителями изделия из шерсти и шкур, многочисленные деревянные вещи и предметы (рис. 162).

Исходя из вышесказанного, целесообразно рассматривать степной и китайский колесничные комплексы как единый – азиатский колесничный комплекс, а имеющиеся отличия рассматривать как хронологические. Этот колесничный комплекс был ориентирован на ботайский центр доместикации лошади.

Родственный колесничный комплекс, ориентированный, очевидно, на лошадей из другого центра доместикации лошади – Деревивка – Репин хутор, развивался в европейской части степной Евразии на базе доно-волжской традиции [см.: Anthony, Vinogradov, 1995; Виноградов, 2000; 2003].

1.

2.

3.

4.

5.

6.

Рис. 161. Синцзян. Находки из памятников на южной и средней ветвях Великого Шёлкового пути. 1 – могильник Сяохэ, культура Лоп Нор III, общий вид на 4 и 5 уровнях расчистки; 2 – могильник Вупу, западный пригород города Хами, деревянное колесо, диаметром 79 см, толщиной 14,5 см, обнаружено на перекрытии могилы; 3 – могильник Гумугоу, культура Лоп Нор II, женская мумия, обнаружена в 1978 году; 4 – могильник Сяохэ, культура Лоп Нор III, мумия в деревянном саркофаге из двух аркообразных панелей без дна и крышки; 5 – могильник Тебанхэ, мумия, известная как «Лоулянская красавица»; 6 – могильник Сяохэ, голова быка, разукрашенная черными и красными полосками, обнаружена в одном из саркофагов. [Qi Xiaoshan, Wang bo, 2008, p.22-25, 27,92, fig. 7,3,9,10,4].

Рис. 161А. Синцзян. Керамика из памятников на маршрутах Великого Шёлкового пути. 1, 3 – могильник Лиушуй (лиушуйская культура, 10 в до н.э. высота 10,2 см, диаметр 10,1 см (1) и высота 7,6 см, диаметр 7,2 см (2)); 2 – могильник Цимурциг, в 12 км к юго-западу от города Алтай, высота 22 см, диаметр 17,3 см; 4 – сосуд из могильника на улице Тяньшань Бейлю в городе Хами, могила 214, высота – 15,9 см, диаметр – 11,2 см, нарисованы фигуры мужчины и женщины по обеим сторонам сосуда (19-13 вв до н.э.); 5, 6, 7 – могильник Сиябанди, рядом с городом Таскорган: бронзовые браслеты (диаметр 5,5-6,3 см); бронзовые серьги с раструбом (диаметр 3,3-3,1 см) и керамический сосуд, высотой 10,5 см, диаметром 14,5 см; 8 – могильник Сянгбаобао, высота 10 см, диаметр 10,5 см (период Весна-Осень); 9-10 – могильник на западном берегу р. Манас, в 5 км к северу от города Шихецзы, на территории цементного завода, высота 14,7 см, диаметр 16,2 см (9) и высота 8,2 см, диаметр 15см (10). [Qi Xiaoshan, Wang bo, 2008, p. 59, 89, 216, 184 , fig. 6,7,5,2,4, 5,6,10].

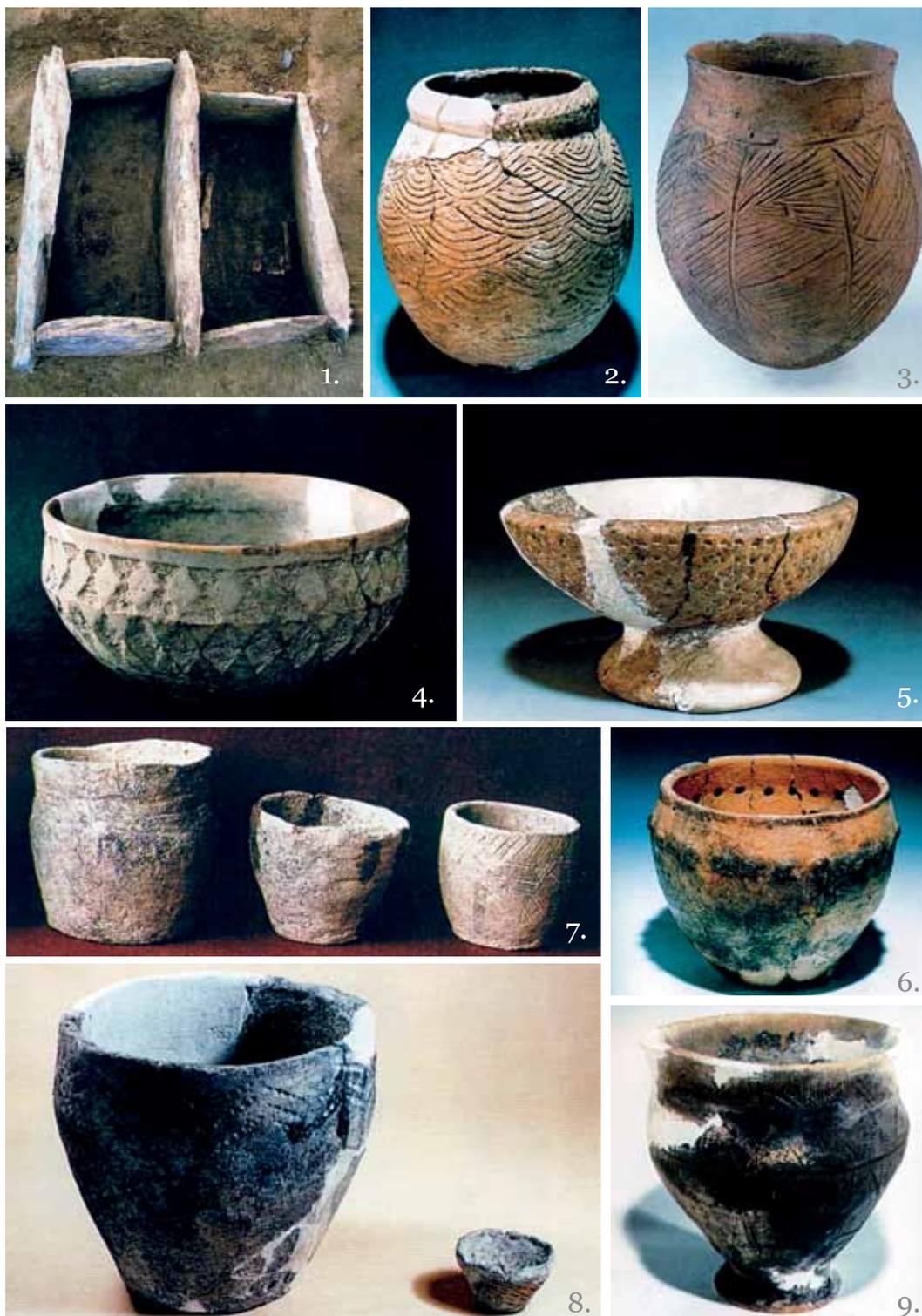

Рис. 161Б. Синцзян. Находки на маршрутах Великого Шелкового пути. 1, 7, 8 – могильник Таченг Вейсяо (город Таченг, на территории Школы здоровья), раскопано 19 погребений в каменных ящиках и с сосудами, орнаментированными гребенчатым орнаментом «андроновского» типа; 2, 5 – могильник Цимурциг, сосуд в форме оливы из могилы 16, высота 17 см, диаметр 9 см и чаша на поддоне из могилы 24, высотой 8,3 см, диаметром 14,3 см; 4, 6 – могильник на западном берегу р. Манас, рядом с г. Шихецзы, сосуды с «жемчужинами» и миска, высотой 6 см, диаметром 18 см; 3 – сосуд из уезда Бурчин, рядом с г. Алтай, высота 20 см; 9 – могильник Сацзы, уезд Толи, высота 16,6 см. [Qi Xiaoshan, Wang bo, 2008, p. 216-217, 222, 227, 231-232, fig. 2, 5,].

Рис. 161В. Синцзян. 1 – уезд Бортал, р. Венгуан, общий вид прямоугольной ограды; 2 – долина р. Или, округ Нилка, сосуд, высотой 17 см, диаметром 20 см; 3 – могильник Таченг Вейсяо (северная окраина г. Таченг), фрагмент керамики; 4 – долина р. Или, пригород Цяолакерек, бронзовые ножи-кинжалы; 5 – бронзовый кинжал с навершием, найденный в г. Таченг, длина 33,5 см; 6, 7 – могильник на берегу р. Кызыл (водохранилище), бронзовые топор и ножи (от 23 до 13,4 см в длину); 8 – могильник Янгхай, деревянное ведро, высота 16,4 см, диаметр 13,2 см. [Qi Xiaoshan, Wang bo, 2008, p. 105, 148, 230, 233, 238, 244].

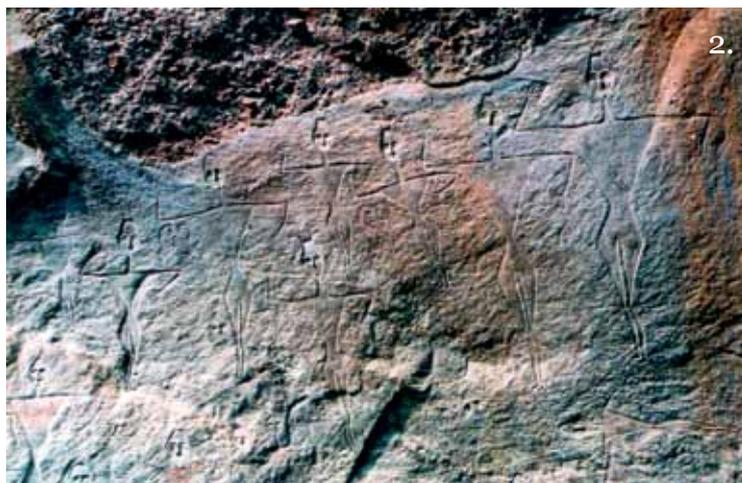

Рис. 161Г. Синцзян. Петроглифы. 1-3 – отроги Тянь Шаня, уезд Хутуби, местонахождение Кангжиашиенцзы; 4 – горы Алтай, местонахождение Дугат, уезд Хабахэ, роспись; 5 – горы Байердакер, уезд Ямин [Qi Xiaoshan, Wang bo, 2008, p.214-215, 224, 234, fig.1-4,6,8,3,2].

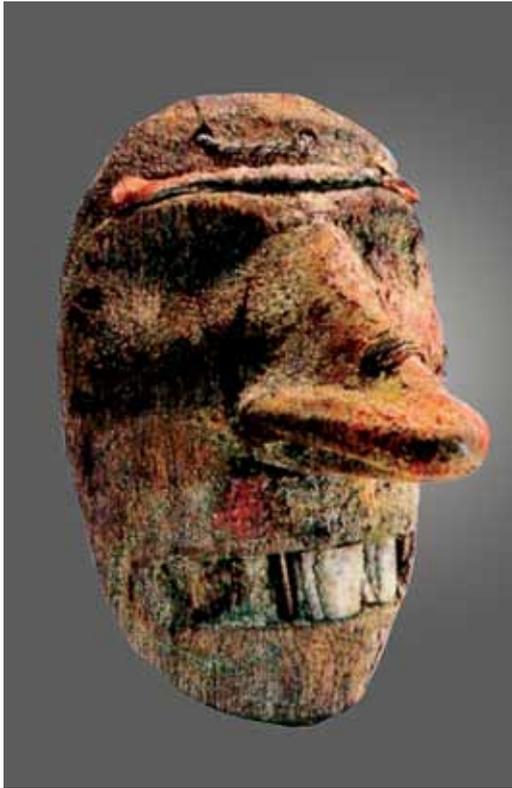

Рис. 162. Синцзян. Исторический музей г. Урумчи. «Маска Ашвинов – Насатъя». Дерево, минеральная краска. Высота – 8,7 см. Обнаружена в могильнике Сяохэ, культура Лоп Нор III. [Qi Xiaoshan, Wang bo, 2008, p. 24, fig. 4].

В.В. Ткачев предполагает, что это были два изначально обособленных, перманентно взаимодействовавших колесничных культурных ареала [Ткачев, 2007, с. 290-291], что представляется маловероятным. Совершенно обособленным и развивающимся самостоятельно, на собственных традициях и инновациях, является египетский колесничный комплекс. Столкновение именно этих двух разных колесничных традиций, азиатской и египетской, документируется крупнейшими колесничными баталиями при Кадеше и Мегиддо. ■

Датировка азиатского колесничного комплекса и хронологический приоритет

В последние годы значительно усовершенствована методика радиоуглеродного датирования, связанная с калибровкой радиоуглеродных дат по дендрохронологической шкале. Это обстоятельство привело к «удревнению» многих исторических событий в Древнем Мире, пересмотру некоторых устоявшихся представлений и встретило определенное неприятие отдельных исследователей. Как любая инновация, эта методика на стадии своего становления имела множество изъянов и справедливо подвергалась критике. Вместе с тем, никто не собирается отвергать старый и проверенный «метод домино» – поиск датированных аналогий и построение систем относительных и абсолютных хронологий. Однако в этом деле только количество может дать так необходимое в этом вопросе качество.

Поэтому проблема синхронизации артефактов и соответствующих событий в удаленных регионах Евразии напрямую зависит от больших серий калиброванных радиоуглеродных дат и единой методики лабораторной обработки результатов. Их сочетание с данными письменных источников в Китае позволяет коррелировать древнюю историю колесничества в Китае, известную сей-

час главным образом по достаточно точным, зафиксированным в исторических книгах, датам царствования династий и отдельных правителей.

В поисках хронологического репера многие годы в историографии степных древностей Евразии большинство исследователей ориентировались на хорошо исследованные артефакты IV шахтной гробницы в Микенах, материалы которой прекрасно датировались как стратиграфическими методами, так и письменными источниками. На долгие годы дата 1550-1570 гг до н. э. стала монументальной, забронзовевшей в своем величии [Кузьмина, 1994; Anthony, Vinogradov, 1995; Littauer, Crowel, 1996]. В последние годы опубликована серия калиброванных радиоуглеродных дат, которые позволяют пересмотреть сложившийся стереотип [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005; Кони, колесницы..., 2010].

Эта серия состоит из 39 дат для синташтинских памятников; 17 – для петровских, 33 – для алакульских. Калибровка их по дендрохронологической шкале произведена в программе OxCal 3.10.

В абсолютных значениях границы этой серии расположились следующим образом:

Синташтинские даты – 2040-1690 гг. до н.э. (68,2%); 2900-1500 гг. до н.э. (95,4%); после проверки этих дат по 15 эталонным датам Аризонской и Оксфордской лабораторий – 1970-1770 гг. до н.э. (68,2%) и 2030-1750 гг. до н.э. (95,4%), что соответствует концу 21 -18 вв. до н.э.

Петровские даты – 2500-2250 гг. до н.э.(13,6%); 1950-1500 гг. до н.э. (54,6%); из-за неоднородности этой серии предпочтение авторы отдают поздним датам, поскольку 6 дат Оксфордской лаборатории очень близки между собой: 1880-1740 гг. до н.э. (68,2%) и 1930-1690 гг. до

н.э. (95,4%), что соответствует 20-17 вв. до н.э. Для памятников Зауралья стратиграфически зафиксировано положение слоев петровского времени над синташтинским [Ткачев, 2002; Виноградов, 2003; 2004].

Алакульская серия – 2500-2000 гг. до н.э. (39,7%) и 1750-1500 гг. до н.э. (28,5%), после калибровки – 2700 – 2000 гг. до н.э. (39,7%) и 1900-1400 гг. до н.э. (28,5%), что может быть синхронизировано со срубными и алакульско-федоровскими древностями – 1750-1530 гг. до н.э. (рис. 163).

Таким образом, весь колесничный комплекс урало-казахстанских степей датируется авторами в пределах: рубеж 3-2 тысячелетий до н.э. – конец 16 века до н.э. Именно эта датировка станет нашим хронологическим репером во всех последующих выводах и гипотезах.

К вопросу о датировке китайского колесничного комплекса. Традиционно в китайской историографии сложилась система периодизации, основанная на летописях придворных хронографов, которые подробно и добросовестно фиксировали все значимые деяния своих хозяев. Из потомственной семьи летописцев династии Чжоу происходит китайский Геродот – Сыма Цянь, написавший «Исторические записки».

Нас будут интересовать только самые ранние династии: Ся (2205-1767 гг. до н.э.); династии Инь, а потом Шан (1767 – 1112 ? гг. до н.э.); Западная Чжоу (1111 – 771 гг. до н.э.); Восточная Чжоу (770-256 гг. до н.э.) включает в себя два периода Чуныццо – дословно: Весна – Осень (770 – 476 гг. до н.э.) и Чжаньго: дословно – Воюющих царств (475 – 221 гг. до н.э.); династия Цин (221 – 206 гг. до н.э.) и династия Западная Хань (206 – 25 гг. до н.э.) [Юн Нэ-Хён, 1985, с. 96; Чжан Чжаншу, 1979, с. 279-284; У Энь, 1985, с. 141; Китай: история и цивилизация, с. 14-48].

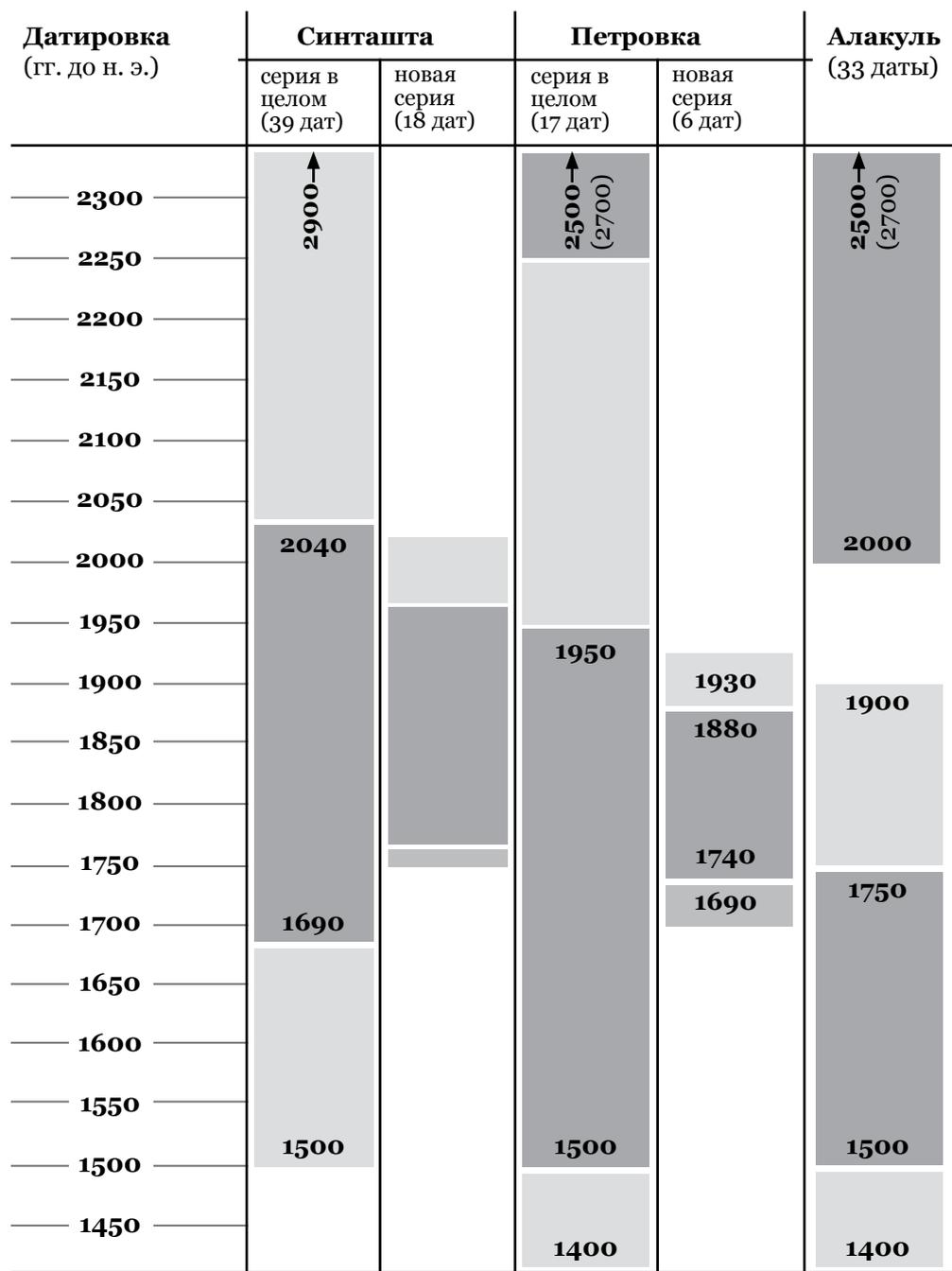

Рис. 163. Хронологический «репер». Радиокarbonная хронология урало-казахстанского колесничного комплекса. Темным цветом выделены значения калибровки с вероятностью 95,4%, светлым – 68,2%. [Чечушков, Епимахов, 2010, рис. 7, с.212].

Перечислю и сгруппирую далее калиброванные датировки северных археологических культур, имеющих отношение к колесничному комплексу в целях их сопоставления с династийными датировками [по Епимахову, 2008, с. 95]:

1. Раннесрубные памятники:

Приуралье – 2400-1950 (2650-1750) гг. до н.э.

Урал – 1900-1750 (1980-1630) гг. до н.э.;

Средняя Волга – 2470 – 2190 (2600 – 2000) гг. до н.э. – могут синхронизоваться только с древностями династии Ся, находки чемакынов в этот период неизвестны;

2. Елунино (Горный Алтай) – 2200-1600 (2600-1300) гг. до н.э., как и сейма-турбино, трансконтинентальный феномен – 2120-1630 (2150-1600) гг. до н.э. синхронизируется с династией Ся, ранний период династии Инь и Шан, так же, как и Окунево – 2200-1750 (2600-1700) гг. до н.э. – хорошо синхронизируется с абашевскими, синташтинскими, петровскими, потаповскими и покровскими древностями и родственной, но более поздней андроновской КИО;

3. Андроново – 1610 – 1410 (1740 – 1400) гг. до н.э. синхронизируется только с древностями династии Шан, развитый период;

4. Карасук – 1440 – 1130 (1700 – 1050) гг. до н.э. – хорошо синхронизируется с развитым и поздним Чжоу.

Далее следуют два важных вывода:

– в формировании китайского колесничного комплекса могли принимать участие носители археологических культур 2-й группы, а на его развитие в средний и поздний периоды династии Шан-инь могли оказывать влияние носители культуры 3 и 4 – й групп;

– синхронизация этих культур и картографирование памятников этой 2-й группы, возможно, показывает направление и этапы перемещения их носителей в пространстве и во времени по направлению к Ордосу, через единственный географически удобный путь – по степным пастбищам, вдоль Алтайских гор и через «Джунгарские ворота».

Мы еще не раз вернемся к этим выводам, а сейчас продолжим сравнение датировок китайского колесничного комплекса.

На всей территории Ордоса встречаются многочисленные кинжалы и ножи сейминско-турбинского и карасукского типа с бубенчиковидными или зооморфными навершиями, вислообушные топоры, копья и др. Эти предметы имеют ярко выраженные северные, степные черты, что свидетельствует о существовании развитого канала коммуникации и поступлении большого количества вооружения из северных регионов; многообразие таких контактов выражалось в том числе и в привлечении китайскими правителями в качестве союзников или наемников отдельных степных групп.

Этими степными группами могли быть известные по надписям на гадальных костях и бронзовых сосудах племена гуйфан, туфан, гунфан, государство Янь, с которыми шан-иньские и раннечжоуские правители неоднократно вели войны. Северный Китай в этот период «представлял собой своеобразную контактную зону, где шло взаимное проникновение и смешение различных культурных элементов» [Комиссаров, 1988, с. 55-56].

Линь Юнь отделяет так называемый «северный комплекс» памятников шан-чжоуского периода, локализованных в северных районах Китая и Внутренней Монголии, от синхронных памятников Центральной равнины [Lin Jun, 1986, p.237-273; Линь Юнь, 1990, с. 29-45]. Анализируя бронзовые изделия «северного комплекса», он выделяет следующие типы предметов: кинжалы и ножи с навершиями в виде голов и скульптурок животных, бронзовые топоры с трубчатými втулками и золотые украшения – височные кольца и серьги с раструбом. Отмечу, что выделенные типы предметов сопоставимы с сейминско-турбинскими, а украшения характерны для материалов андроновской общности. Линь Юнь от-

мечает, что «вопрос, когда бронзовые изделия северного комплекса впервые появились в Китае, еще ждет своего дальнейшего исследования» [1990, с. 33], признает влияние степных племен Центральной Азии на формирование «северного комплекса», при несомненном своеобразии культур Центральной равнины.

Вряд ли следует ожидать полного сходства вещей, изобретенных в среде скотоводов и представленных впоследствии в культурах Эрлитоу или Шан-инь. Особенность взаимосвязей этих двух миров состоит в обоюдном влиянии их друг на друга, в заимствовании на уровне идей, принципов, технологий, которые затем развиваются на основе собственной традиции. Выделенный Линь Юнем «северный комплекс», представляется своеобразной контактной зоной, в которой происходили такие заимствования.

Вместе с тем концепция «северного комплекса» не содержит объяснения происхождения технологии бронзолитейного производства вещей с полый втулкой, в формах. Нет данных, которые позволяли бы предполагать возникновение этой традиции в памятниках «северного комплекса» или Центральной равнины Китая.

Самые ранние чемакыны традиционного датируются в китайской историографии периодом Шан-инь. В целом же серия датировки шан-иньских чемакынов достаточно неоднородная [Cheng Tek'un, 1974, p. 209-229; 1960; 1957, p. 80-98; Кучера, 1977, с. 176-177, табл. 1, 6-10].

Материалы из Сяоминтуня и Дасыкунцуня могут быть отнесены к среднему периоду династии Шан, датированному радиоуглеродным методом 1750-1400 гг. до н.э. Калибровка этих дат по дендрохронологической шкале определяет верхнюю границу не позднее 1550-1520

гг. до н.э. [Klein, Lerman, Damon, Ralph, 1982], что согласуется и с датировками шан-иньских чемакынов другими исследователями [von Dewall, 1986, s. 168-186; Кожин, 1990, с. 45-56; Линь Юнь, 1990, с. 29-45].

Уточнить датировку чжоуских находок позволяет роговой стержневой псалий в западночжоуском могильнике Байфу, радиоуглеродные калиброванные даты деревянных срубов которого – 1120(+/-90) гг. до н.э. [Комиссаров, 1988, с. 55] и 1085+/-130 г до н.э. [Чжун Сук-Бэ, 2000, с. 121].

Могильник Байфу имеет ярко выраженные степные черты, по сходству с материалами могильника Люлихэ он соотносится с древним государством Янь (одним из княжеств Западной Чжоу) в Северном Китае, которое имело, судя по археологическим и письменным данным, активные контакты как с позднейшим населением Центральной равнины Китая, так и с племенами степной зоны Центральной Азии. Радиоуглеродная его датировка не совпадает с традиционной раннекитайской хронологией, которая зафиксировала миграцию яньского населения из провинции Хэнань на территорию провинции Хэбэй (совр. Пекин, где и раскопан мог. Байфу) только во время правления Чэн-вана – 1024-1005 гг. до н.э. Этот факт может свидетельствовать о постоянных и более ранних миграциях степного населения на указанную территорию.

Могильник Шанцунлин связывается с древним государством Го, которое было разгромлено другим государством – Цзинь в 655 г. до н.э. По надписям на сосудах из этого могильника установлены реальные чиновники этого государства, жившие во времена Сюань вана, правившего в 827 – 782 гг. до н.э. В целом этот разновременный могильник

датируется в пределах: вторая половина 9 – первая половина 7 вв. до н. э. [Чжун Сук-Бэ, 2000, с. 132], что также противоречит радиоуглеродной датировке (см. ниже).

Могильник Чжанцзяпо относится ко времени правления Чэн вана и Кан вана (1004-967 гг. до н. э.) и датируется в пределах конца 11-первой половины 10 вв. до н. э. [Чжун Сук-Бэ, 2000, с. 123].

Вопросы датировки «моделей ярма» рассмотрены Линь Юнем. «Наиболее ранними являются образцы из большой могилы в Угуаньцуне (шан-иньская династия, вторая фаза Дасыкунцуня) и из могилы Фу Хао (Шанцунлин)» [Линь Юнь, 1990, с. 38]. Эти могилы датированы по радиоуглероду (1255 (+/-160) г. до н. э.), но эта дата требует корректировки по дендрохронологической шкале, что в любом случае определяет ее карасукским временем.

Далее Линь Юнь отмечает, что «модели ярма» распространились по Центральной равнине Китая и продолжают существовать вплоть до 10-9 вв. до н. э. Он удреверяет их датировку до шанской эпохи и предполагает, что «самые первые изделия ... были произведены в районах, соседних с ареалом иньской культуры, и в результате их влияния появились бронзовые изделия иньского стиля, которые довольно быстро развивались на территории бассейна Хуанхэ. В северных районах сохранялась сравнительно примитивная форма этих изделий, которая довольно поздно достигает Минусинской котловины и еще более западных районов...» [Линь Юнь, 1990, с. 39].

Согласно мнению Линь Юня, основанному на письменных источниках (бамбуковых анналах), шанская цивилизация началась в 1523 г. до н. э., а иньская – в 1300 г. до н. э. [Линь Юнь, 1990,

с. 30], а переход от Шань-Инь к Западному Чжоу произошел в 1027 г. до н. э. [Комиссаров, 1985, с. 87; Чжун Сук-Бэ, 2000, с. 111].

Вопросы датировки финальных этапов существования вещей «северного комплекса» на территории современного Китая, и особенно кинжалов эпохи поздней бронзы и соответствующих им чемакынов и колесничного снаряжения, подробно рассмотрены Чжун Сук-Бэ [2000, с. 110-137]: кинжалы с зооморфными навершиями и с изогнутой ручкой типа Чаодаогоу он датирует в пределах 13 – 10 вв. до н. э.; кинжалы с изогнутой ручкой и бубенчиковидным навершием – второй половиной 12 – серединой 9 вв. до н. э.; кинжалы с прямой ручкой с желобками и без них – концом 10 в. и до 8 в. до н. э. (Наншаньгэнь, Байфу) и даже позже [Чжун Сук – Бэ, 2000, с. 133].

Взаимосвязи степных племен и ранних китайских государств традиционно рассматриваются как противостояние двух миров – «варварского» мира степей и развитой китайской цивилизации. Исследования последних лет позволяют пересмотреть такое традиционное представление и выделить некоторые элементы материальной и духовной культуры скотоводов, которые были заимствованы китайской цивилизацией и развивались в ней согласно собственным традициям и представлениям [Jakobson, 1988, p. 201-240]. К числу таких заимствований в полной мере относится колесница, навыки управления ею, некоторые образы и мифологемы степной изобразительной традиции, технология бронзового литья в формах, лошади и многие мифологические представления, верования и культы.

Итак, уважаемый читатель, уже прочтенные вами страницы свидетельствуют о том, что в начале 2 тысячелетия

до н.э. в Евразии начали складываться крупные колесничные комплексы, основанные исключительно на старых традициях, открытых ранее технологиях и представлениях.

Ближневосточная традиция (точнее – египетская) строительства транспортных средств произвела новое «чудо» техники: легкую пароконную колесницу – эффективное оружие, которое сразу же стало на вооружение многочисленных армий египетских фараонов, и с помощью которого эти фараоны обеспечили на века могущество и безопасность своей страны, бесперебойное снабжение народа и пополнение ресурсов и богатства от покоренных или подвластных территорий – словом, выстроили самую совершенную для того далекого времени систему внутренних и внешних коммуникаций своей страны.

Неудивительно, что Рамзес Великий построил целый новый город для своих колесничих, а также фабрику по ремонту, производству и техническому обслуживанию колесниц, изучение которого дает уникальную информацию о технологии производства колесниц и функционировании древнеегипетского колесничного комплекса [Herold, 2004, s.123-142].

Не забыли фараоны озаботиться и собственным величием и божественностью, создавая сложную систему культов и жреческих ритуалов, обеспечивавших их могущество и процветание на этом свете и в мире ином, используя колесницу.

Степные социумы, расселившиеся к этому времени уже на огромном степном пространстве Евразии в виде больших патриархальных семей – самодостаточных производственных коллективов близких родственников или групп таковых, а проще говоря, пастушеских кла-

нов – развивались исключительно скота своего ради. Многие из них преуспели в изобретении новых механизмов и приспособлений, которые могли бы облегчить их повседневную жизнь. Модернизации и инновациям подверглись самые близкие и любимые, ежедневно окружавшие их объекты. Лошадь, как самый надежный друг, постепенно стала терять свои стадные и дикие черты, начался новый этап ее domestikации, мобильное и неповоротливое жилище на колесах – фургон – стал модернизироваться и менять свои функции. Все это стало теми предпосылками, которые привели к изобретению легкой, удобной для лошадей и человека, более подвижной двуколки – колесницы.

Поэтому не от боевой или колониально-экспансионистской традиции, диктуемой ближневосточными тиранами, а от реальных потребностей своей кочевой тяжелой жизни родилась в степи колесница.

Процесс управления колесницей – довольно опасное занятие, требующее значительных навыков в джигитовке, ловкости и физических способностей. Китайские гадальные кости и хроники описывают многочисленные случаи падений с колесниц и постоянных повреждений последних. Несомненно, что колесничими становились наиболее подготовленные и обученные члены социумов, занимавшие соответствующее социальное положение и получающие за это полагающиеся привилегии. Возможно, первые китайские ваны были именно такими колесничими.

Конечно же, стоило только появиться этому «чуду» степной технологии, в котором сошлись воедино все трудовые и производственные ресурсы всех, без исключения, сородичей, владеть этим чудом мог только самый главный – вожак

или старейшина этого клана. Именно эти физически развитые, ловкие и бесстрашные «хозяева» кланов стали первыми колесничими. И, конечно же, они очень быстро сообразили, что владеют «чудесным» секретным оружием, с помощью которого можно убивать, грабить и подчинять – словом, развивать весьма успешно и активно внешние каналы коммуникации своих поначалу совсем небольших социумов.

Такая модель, вероятно, лежала в основе формирующихся в это время в степи двух центров европейского и азиатского колесничных комплексов в самом начале 2-го тысячелетия до н.э. по обе стороны Уральских гор, точно разделяющих континент на его европейскую и азиатскую части. Эта естественная природная граница, возможно, и предопределила вектор последующего движения этих кланов: одних – на запад, а других – на восток.

По историческим масштабам это был «молниеносный» процесс. Уже в 19-17 вв. до н.э. эти кланы, продвигаясь по уже известным им маршрутам, а точнее – по освоенным их предками пастбищам и экологическим нишам – добрались до контактных зон: вступили во взаимодействие с земледельческими цивилизациями. На западе это – микенская и ахейская Греция, племена первобытной Европы, на востоке – ранние китайские династии, на юге – Хараппа, Ассирия, Вавилон, а к середине тысячелетия – и Египет. Далее, в следующих разделах, мы с вами еще раз обратимся к этим вопросам.

Сейчас вернемся к главной теме раздела о хронологии и приоритете. Полагаю, ответ очевиден. Нет никакого ближневосточного приоритета в изобретении колесниц, есть египетские фараоны, деспотичные вавилонские и ассирийские

тираны и их амбиции. Степной колесничный комплекс в европейском и азиатском его понимании имеет хронологический приоритет над ближневосточным, точнее – египетским, где его появление могло быть очень стремительным, сразу после «чудесного» знакомства с ним. У египетских фараонов и восточных деспотий достаточно было ресурсов моментально воплотить в реальности любую техническую инновацию и увиденную где-то идею.

В этой истории важно еще и то, что, благодаря уточненной датировке азиатского и урало-казахстанского колесничного комплекса в частности, появляется возможность взглянуть несколько иначе на наши колесничные петроглифы. ■

Изобразительные источники

Плиты в могилах

Эти изображения колесниц, в силу своей определенной хронологической позиции, зафиксированной обрядом погребения, выступают в роли своеобразных датирующих «реперов» для выяснения положения во времени всего массива наскальных изображений повозок. Допустимы две возможности использования плит с изображениями: либо в качестве строительного материала, случайно, после того, как на них уже были выбиты повозки; либо изображения наносились на эти плиты специально, как составной элемент обряда погребения человека, каким-то образом связанного в своей жизни с использованием колесного транспорта.

Если определение датировки затруднено, то в любом случае обе эти возможности не исключают использование, самих по себе, уже выбитых ранее изображений. Антропологические материалы таких могил, инвентарь, широкий географический диапазон источников такого рода от Скандинавии и Греции до Енисея позволяют предполагать в них погребения возникших. Серия изображений повозок обнаружена на плитах могильников карасукского времени (рис. 88:3-5), связанного с периодом расцвета азиатского колесничного комплекса.

Могильник Северный берег Варчи I, (рис. 85). Раскопан Г.А. Максименковым. На южной стенке погребального ящика кургана N 11, на плоскости, обращенной к земле, выгравированы схематичное изображение повозки (6.6.V.1.),

неясные линии и восемь фигур животных – очевидно, лошадей, выполненных условно в «линейно-геометрическом» стиле. Лошади на плите сгруппированы парами. Одна пара – у повозки, три другие составлены из особей противоположного пола. Лошади центральной пары показаны повернутыми друг к другу мордами, их разделяет изображение дерева. Это известный в петроглифах Азии сюжет «кони у мирового дерева». Эта находка сама по себе является исключительной для последующей «дешифровки» колесничного «message» (см. подробнее в след. главах).

Первоначально плита имела более значительные размеры, о чем свидетельствуют поврежденная фигура лошади и колеса повозки. Ящик имел трапециевидную форму, погребенный мужчина зрелого возраста, в анатомическом порядке, лежал на спине, головой на восток, рядом обнаружен раздавленный сосуд карасукского облика [Леонтьев, 1980, с. 69-73, рис. 2].

Могильник Черновая VIII (рис. 85A). Изображения двух «А»-образных повозок (одна сохранилась частично) и изображения быков повторно открыты в результате камеральной обработки в Эрмитаже (см. в предыд. главе)

Могильник Хара Хая, (рис. 85). На разбитых плитах перекрытий и северо-восточной стенке одной из могил выбиты фигуры человека, различных животных и пяти повозок. Опубликована хорошо сохранившаяся плита с изображениями, которая была одной из пяти плит, составляющих трапециевидный ящик, устроенный в большой прямоугольной ограде с пристройками. Плита с изображениями обращена внутрь могилы. На ней выбиты: двуколка без упряжных (6.6.НН1.), горный козел, неопределенные животные, различные фигуры,

Рис. 164. 1 – Аржан 2. Плита 10/02 из юго-восточного сектора ограды. Фото и прорисовка [Чугунов, 2011, с. 53-65]. 2 – Дарви сумын. Местность Чулуутын огтох. Кобдоский аймак. Олений камень №1 с изображением колесницы [Волков, 2002, с. 218, табл.103].

изображение повозки перекрывают две линии: одна образует замкнутое пространство, другая – соединяет две фигуры лошадей.

Могила ограблена, обнаружены две бронзовые пронизки, кости крупного рогатого скота и разрозненный костяк мужчины 30-40 лет, со следами многочисленных ранений на черепе, одно из которых явилось причиной смерти. По мнению автора публикации, в этой могиле похоронен колесничий [Филиппова, 1990, с. 166-168, рис. 1].

Изображение повозки выбито на плите из долины р. Уйбат, поступившей в 1912 г. в Минусинский музей. Условия находки неизвестны.

Курган Аржан 2. На одной из плит ограды найдено изображение колесницы [см. Приложение 3].

Кроме того, плиты с изображениями животных без повозок были найдены в карасукской могиле улуса Полтакова, в позднекарасукском кургане у горы Тунчух и в разрушенной раннетагарской могиле у дер. Быстрой [Леонтьев, 1980, с. 72, 74].

В южной части степной зоны Казахстана при раскопках федоровско-алакульского могильника Тамгалы, расположенного у входа в одноименное ущелье с наскальными изображениями, на одной из плит могилы найдено изображение горного козла [Максимова, 1958, с. 108-110]. Последующие раскопки андроновских могильников в этом ущелье позволили выявить на каменной стенке другой могилы две противостоящие друг другу «профильные» человеческие фигуры с поднятыми руками [Рогожинский, 1992].

А.А. Ткачев обнаружил изображение лошади на плите ограды федоровского могильника Самара в центральной части степной зоны Казахстана. Вкопанная на ребро плита ограды обращена плоскостью с изображением к центральной могиле. Фигура лошади выполнена техникой точечной выбивки с последующей шлифовкой. Грива подчеркнута и передана редкими косыми насечками, примыкающими к шее и голове животного. Фигура аналогична изображению колесничной лошади, обнаруженной в долине реки Коксу. Плита с изображением хранится теперь в экспозиции Карагандинского краеведческого музея [Ткачев, 2002].

Оленные камни

Мегалитическая традиция установки памятных стел имеет давнюю историю практически во всех частях континента и характерна для более раннего периода в южнорусских степях (Керносовский идол и др).

Вместе с «мигрантами первой волны» эта традиция «приехала» на фургонах в восточную часть Евразийского континента и проявилась в массовой установке афанасьевских, окуневских стел в Минусинской котловине, известных здесь на рубеже 3 и 2-го тысячелетий до н.э. [Семёнов, 2011; Лазаретов, 2011; Есин, 2011].

С середины 2-го тысячелетия эта традиция ярко возрождается в виде поминательных стел – оленных камней карасукского времени (рис. 164). Полагаю, что новая вспышка этой традиции связана с развитием азиатского колесничного комплекса и возросшей социальной ролью предков – (арухов), многие из которых были славными колесничными и основали когда-то эти кланы.

На значительной части известных оленных камней изображены украшения и оружие карасукского облика. [Волков, 2002; Савинов, 1994]. Более того: на оленном камне в Дарви сумын (высокогорная долина Чулуут, в Монголии) на одной плоскости вместе со стилизованной колесницей выбит карасукский кинжал [Волков, 2002, с. 93, рис. 6, табл. 103-2; Новгородова, 1989].

Предпринималась попытка сопоставить изображения на оленных камнях с их аналогами из могил [Варенов, 1995]. Датировки этих предметов находятся в пределах от 14 в. до начала 10 в. до н.э.

А.А. Ковалев [1986; 2000, с. 138-180; 2001, с. 160-162] выделяет группу оленных камней, являющихся составной частью неких ритуальных «святилищ», не связанных с погребальными сооружениями (в традиционном понимании), и выделяет их в отдельную археологическую культуру.

Категорически возражая против выделения подобной культуры, полагаю, что эта группа оленных камней связана с почитанием предка-колесничего. Этим объясняется присутствие на этих камнях колесничного снаряжения – двухпетельчатых пряжек (так называемых «моделей ярма») для управления повозкой, своеобразного «Hands Free» для возничего – и разнообразного вооружения дальнего (лук и колчан со стрелами) и ближнего боя (топоры, клевцы,

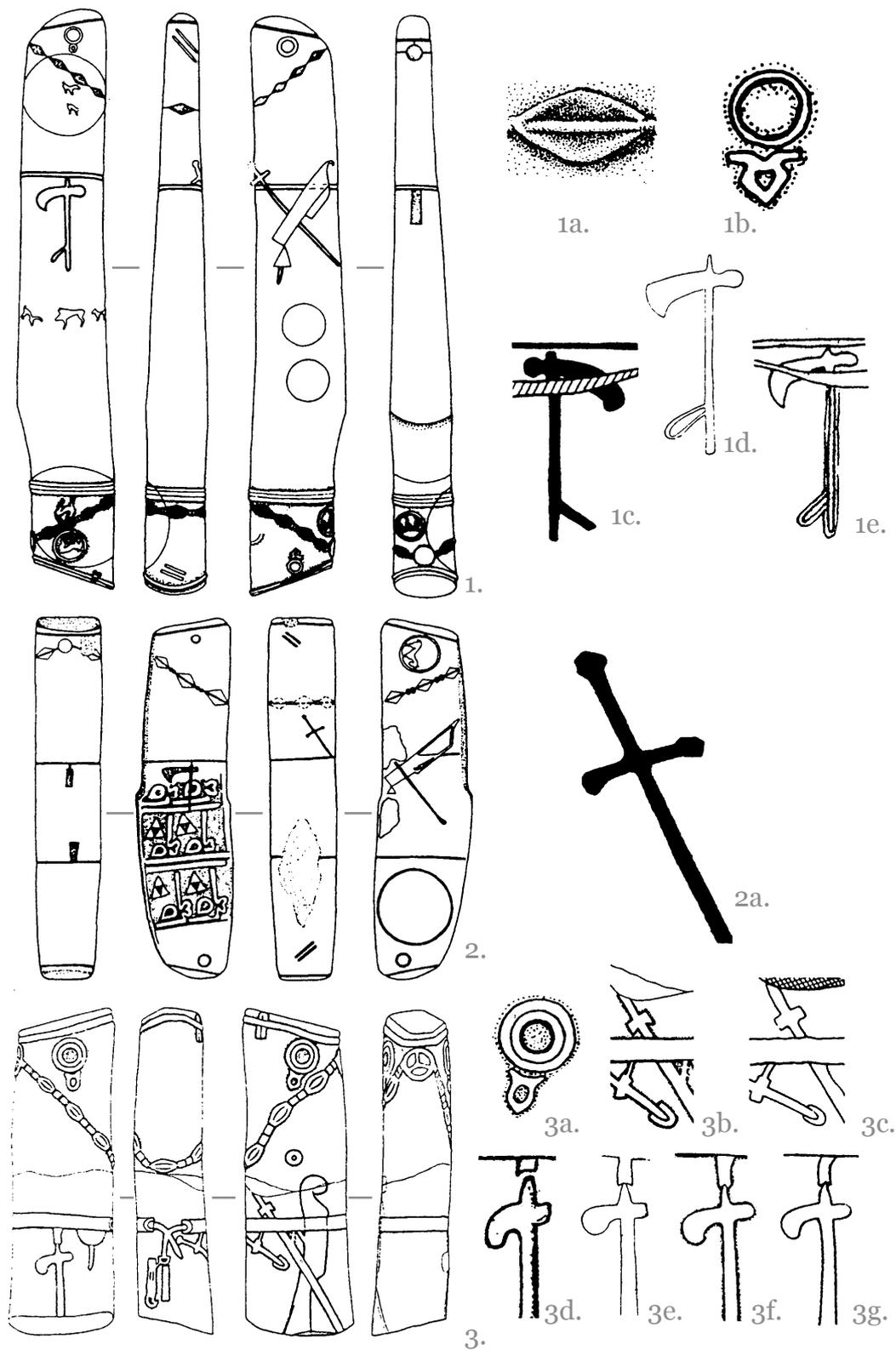

Рис. 164А. Оленные камни западной части Евразии. [Ковалев, 2000, с.139, рис.1] 1 – зубовская стела: 1а – бусина, 1в – височное кольцо, 1с – топор, 1д, е – топор; 2 – усть-лабинская стела: 2а – изображение кинжала; 3 – кызбурунская стела: 3а – височное кольцо, 3в, с – меч, 3д, е, ф, г – топор.

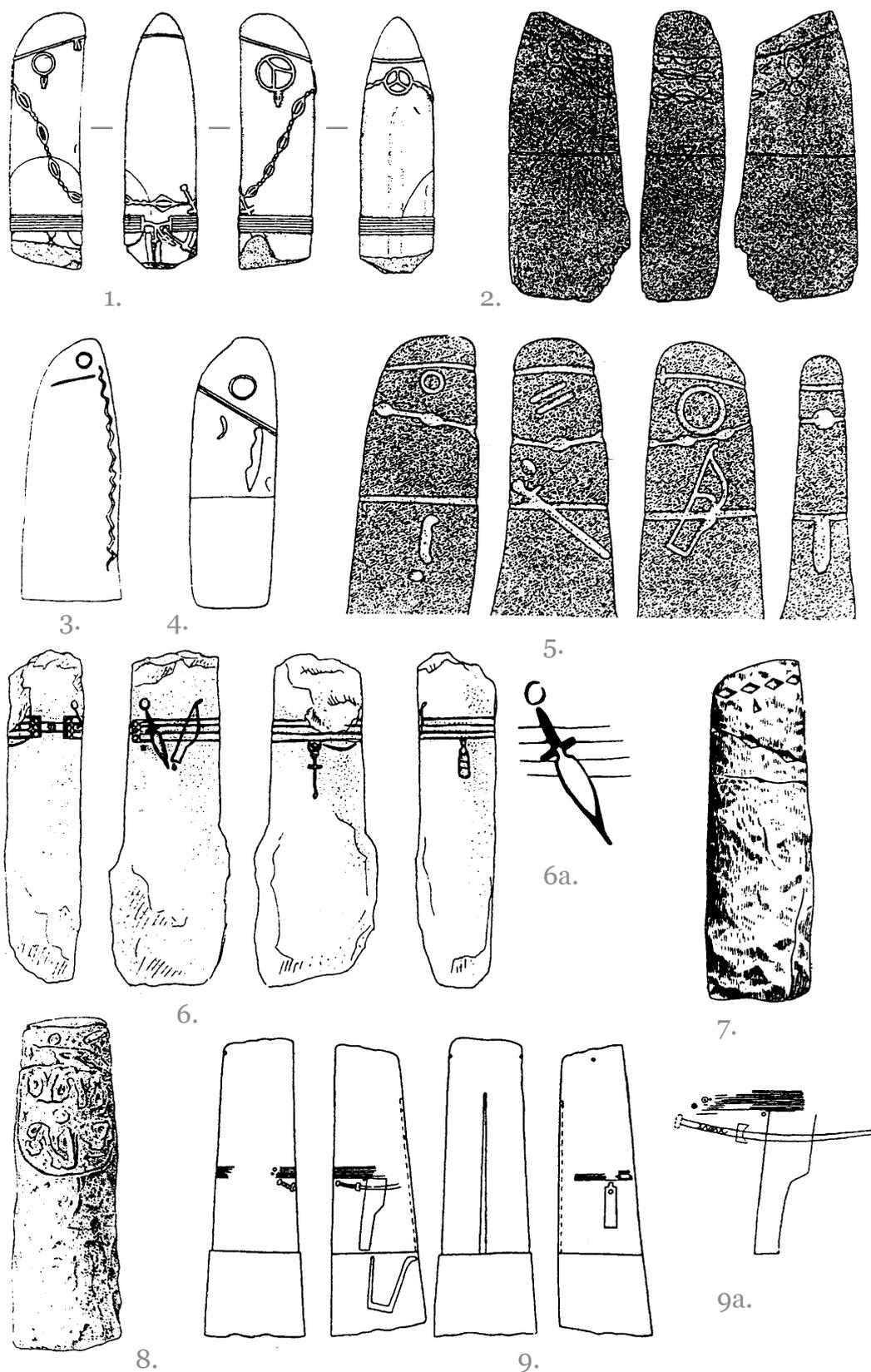

Рис. 164Б. Оленные камни западной части Евразии. [Ковалев, 2000, с. 140, рис. 2]. 1 – армавирская стела (оз.Марьянское); 2 – Диногетия – Гарвэн (Румыния); 3 – Саномер (Грузия); 4 – Зеехаузен (Германия); 5 – Гумарово (Оренбургская обл.); 6, 6а – Целинное (Крым); 7 – Кичкасская переправа, курган 25, погребение 6 (Запорожье, Украина); 8 – Константиновка (Николаевская обл., Украина); 9, 9а – Ольвия.

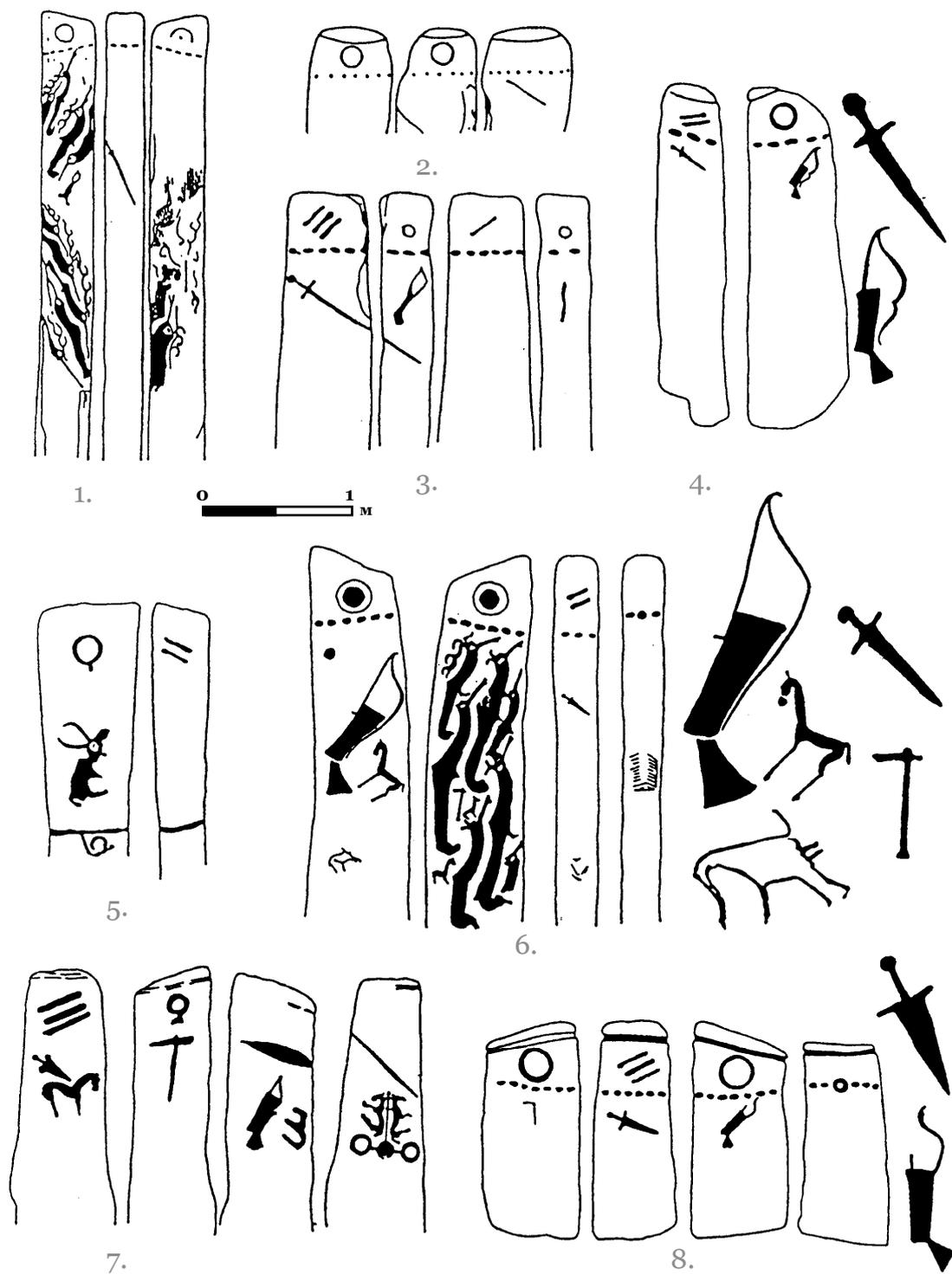

Рис. 164В. Монголия. Оленные камни из бассейна рр. Булан гол и Цингильхэ. 1 – Кэнмонакэ; 1; 2 – Туэрхун: 1; Цюэрбали: 2; 4 – Хар гов: 1; 5 – Теленгетын ам; 6 – Хар гов: 2; 7,8 – Чулуутын огтох: 1, 2. [Ковалев, 2000, с. 164, рис. 12].

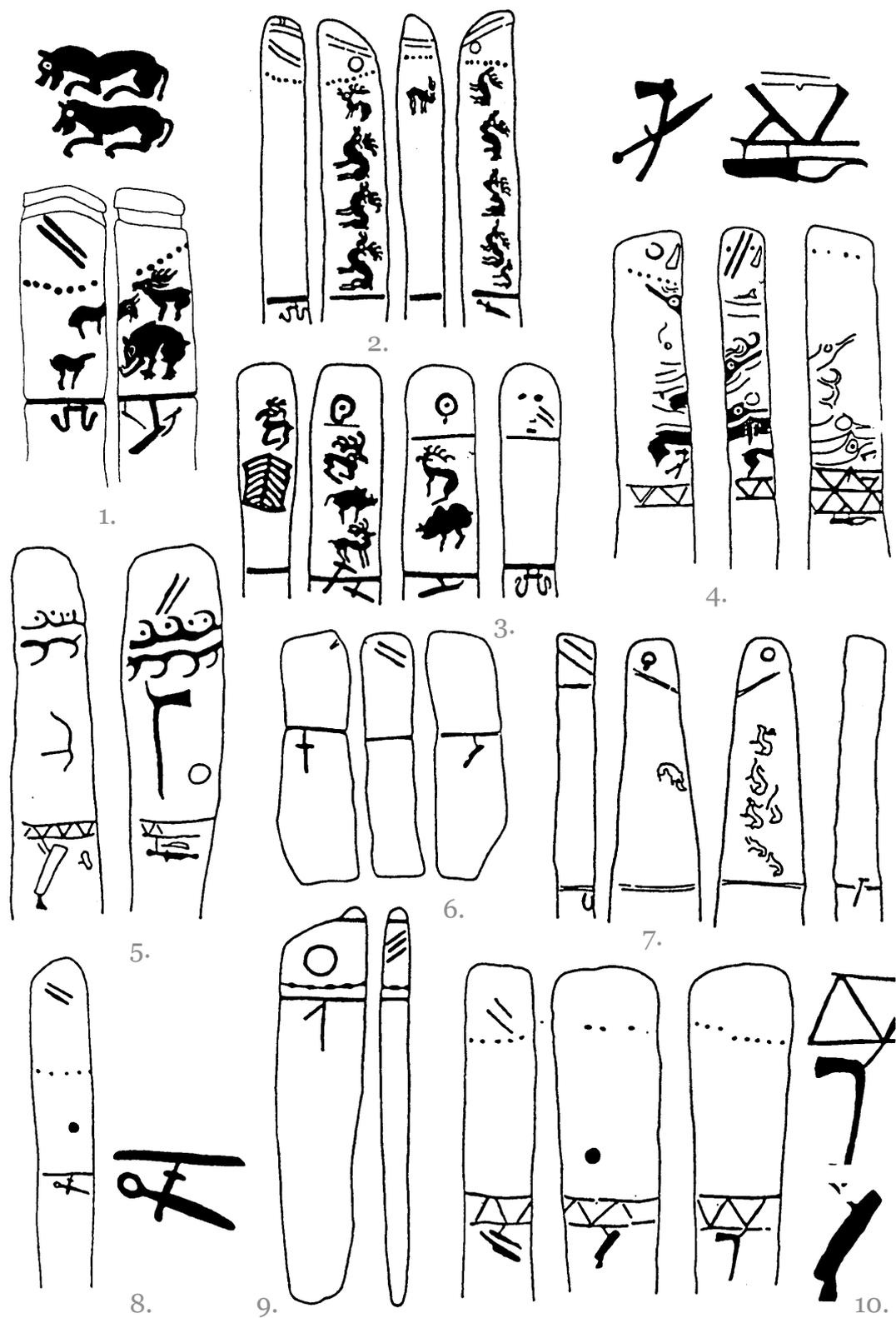

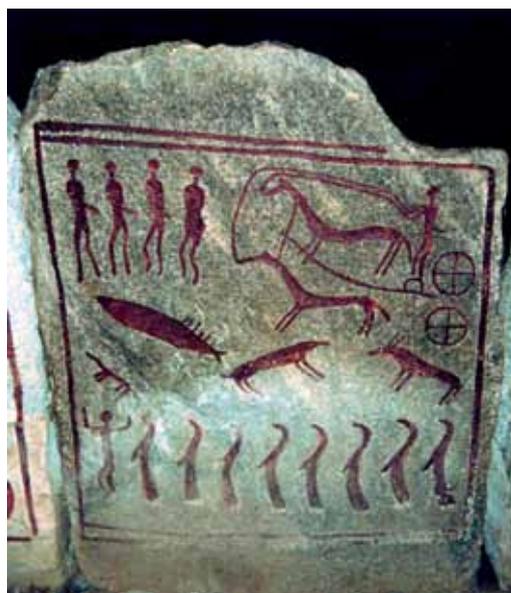
Рис. 164Г. Оленные камни Монголии и Тувы. 1 – Урад Хураин ам; 2 – Дурульжин ам; 3 – Дурульжин ам; 4 – Аргын бригада; 5 – Аргын бригада; 6 – Аргын бригада; 7 – Хушотын ам; 8 – Аргын бригада; 9 – Боош Таг; 10 – поселок Агар: 1, Цагаан уул сумын. [Ковалев, 2000, с. 166, рис.13; Волков, 2002, с. 202, табл. 87].

чеканы, кинжалы-акинаки), характеризующего полный набор воина-колесничего.

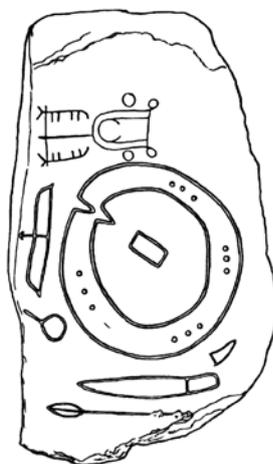
Примечательно, что все перечисленные выше предметы крепились к поясу возничего в разных вариациях и многократно повторяются на оленных камнях в разнообразных сочетаниях. С практической точки зрения, как отмечалось выше, крепление вожжей к поясу колесничего существенно расширяло его боевые возможности и позволяло обходиться без возничего.

Комплекс боевых средств [Худяков, 2002, с. 139-141] – именно то, что когда-то прославляло этих предков – включающий практически все известные на тот момент варианты: сложный лук и стрелы, копье, в том числе и с багром, чекан, кельт, клевец, секира, многозубчатый наконечник, меч, кинжал, а также средство защиты – собственно щит, изображено на карасукских оленных камнях и явно демонстрирует знакомство не только с колесничным вооружением, но и с навыками его правильного и удобного размещения на специальных крюках пояса этих почтенных предков-колесничих.

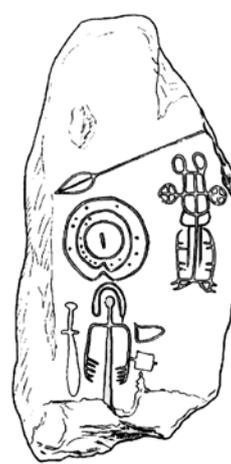
А.А. Ковалев, исследуя распространение ранних типов оленных камней на Евразийском континенте, приходит к выводу о формировании этой традиции в Монголии, в районе бассейна рек Цингильхэ и Булган гол [2000, с. 165] и выделяет две условные исходные изобразительные традиции: «монголо-зabayкальскую» и «саяно-алтайскую», которые сосуществуют в Центральной Азии с «аржано-маэмирским» стилем, формирующим ранний этап скифо-сакского звериного стиля уже в 9 в. до н.э. [2000, с. 165-173], при этом более ранние истоки этой традиции автор видит в памятниках 12-10 вв. до н.э. на территории Северного Китая [2001, 165]. Распро-

1.

2.

3.

4.

5.

Рис. 165. Европа. Плиты и стелы с изображениями повозок: 1 – Кивик, плита из могилы [Larsson, 2004, s. 392, abb. 14]; 2 – Торрейон дель Рубио (Касарес); 3 – Кабеза де Байе I (Бадахос); 4 – Куатро Касас дей Кармона (Севилья); 5 – Атегва (Кордоба)[Pare, 2004, s.367, abb. 11].

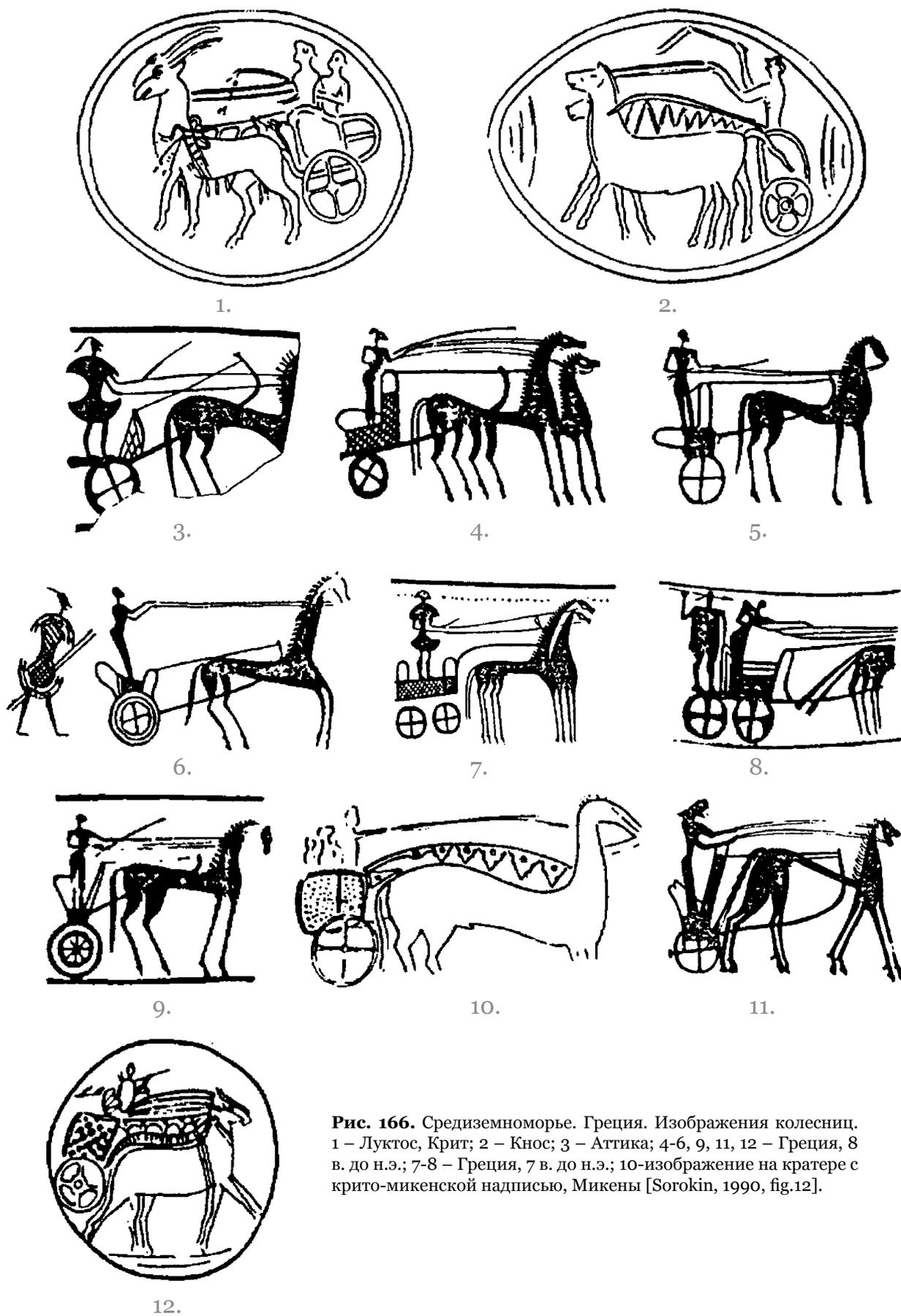

Рис. 166. Средиземноморье. Греция. Изображения колесниц. 1 – Луктос, Крит; 2 – Кнос; 3 – Аттика; 4-6, 9, 11, 12 – Греция, 8 в. до н.э.; 7-8 – Греция, 7 в. до н.э.; 10-изображение на кратере с крито-микенской надписью, Микены [Sorokin, 1990, fig.12].

странение традиции установки оленных камней на запад континента, вплоть до Причерноморья, не вызывает сомнения у многих исследователей [Савинов, 1994; Членова, 1996].

Европейский колесничный комплекс

Изображения повозок на плитах могил найдены и в других регионах Евразии. В Северной Европе наиболее известны плиты из могилы в Кивике, шведской провинции Сконе (рис. 165), где выбиты изображения пароконной колесницы с возничим, сочетающиеся с окружностями с вписанными в них крестами [Malmer, 1981, fig. 6, 16.], а также плиты из Вильфары [Althin, 1945, taf. 81].

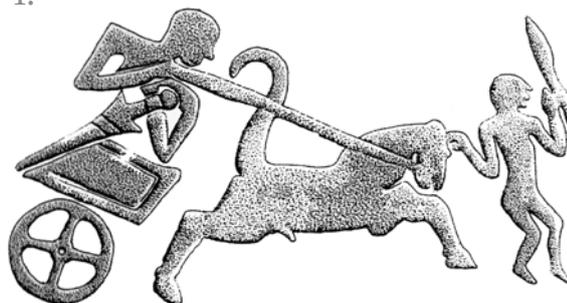
В Греции профильное изображение колесницы с возничим (рис. 167-168) на плитах из V шахтной гробницы в Микенах [Гернес, 1914] сочетается со спиральным орнаментом, совпадающим с декором на стенках фургонов из могильника Лчашен. В Крыму на обломке плиты из разрушенной могилы в Симферопольском кургане сохранилось изображение колеса со спицами и частью оси повозки [Чередниченко, 1976, с. 140, рис. 4-3;7-3].

В Прикаспии, на территории Дагестана, в могильнике Берекей на одной плите каменного ящика зафиксировано изображение колесницы и двух отдельных колес со спицами. В могиле обнаружены наконечник стрелы, кремневые вкладыши и керамические сосуды, датированные концом 2 – началом 1 тысячелетий до н.э. [Круглов, 1940, с. 65-69, рис 12; Littauer, 1977, p. 252, fig. 27].

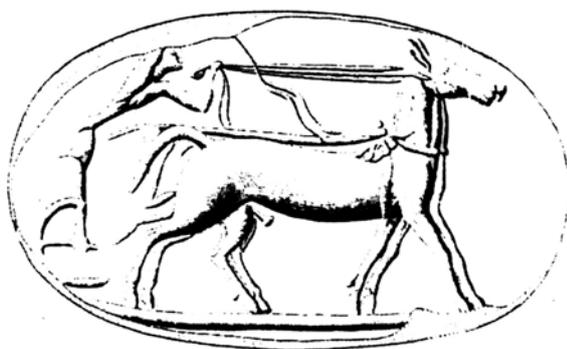
Стелы с изображениями повозок известны в Испании (рис. 166), на памятниках Кабеза де Байе, Торейон дель Рубио, датированных по стилю и аналогиям с предметами вооружения из археологических раскопок 8-7 вв. до н.э. [Piggott, 1983, p. 131, fig.79].

1.

2.

3.

Рис. 167. Средиземноморье. Изображения колесниц. 1 – золотое кольцо, Микены; 2 – деталь каменного рельефа, Микены; 3 – Склавокамбос, Крит. [Чередниченко, 1976, рис. 5; Crouwel, 2004, s. 341-342, abb. 2, 4].

Изображения на сосудах

К числу важных источников для изучения колесниц эпохи бронзы следует также отнести их изображения на керамических сосудах (Спасское, Сухая Саратовка I, Сухая Мечетка II, Политотдельское и других [см.: Захарова, 2000, с. 64-65, рис. 39], связанных с алакульской (андроновской) и срубной КИО (рис. 168).

В Нижнем Поднепровье, в срубном погребении кургана у села Львово Херсонской области раскопан сосуд, под венчиком которого отпечатками шнура нанесено изображение колесницы.

В фондах Ждановского краеведческого музея в Приазовье хранится баночный сосуд срубного облика, обнаруженный случайно. По стенкам сосуда на лепными валиками изображены четыре окружности с вписанными крестами. Отпечатками полой трубочки нанесено два подковообразных знака. Возможно, здесь показаны два изображения колесниц без упряжных животных [Чередниченко 1976, с. 139-140, рис. 5-6].

Сходная композиция изображена на сосуде баночной формы из срубного могильника у с. Политотдельское в Нижнем Поволжье [Чередниченко, 1976, рис. 4-1].

Колесница, выполненная резными линиями, сходная с изображениями на скалах, обнаружена на горшке из срубного могильника Сухая Саратовка, в Саратовском Заволжье [Галкин, 1977, с.189-193], а также на сосуде из срубно-алакульского кургана у села Спасское в Южном Зауралье [Стоколос, 1972, с. 47, рис. 13-12].

Колесо со спицами показано на фрагменте сосуда из позднебронзовой стоянки Тау-Тюбе 3 в Северном Прикаспии [Васильев, Кольев, Кузнецов, 1986, с. 108-148]. Как важный элемент солярной символики, могут быть рассмотрены окружности с вписанными в них крестами на днищах андроновских сосудов [Зданович, 1988, с. 64, рис.26-4].

Европейские находки изображений повозок на сосудах и погребальных урнах представлены в специальном исследовании Ж. Кордые, где он сравнивает их с наскальной изобразительной традицией.

Учтено 45 объектов, из них 11 – изображения повозок на керамике, а остальные – петроглифы, из Центральной Европы, Франции, Испании, Швеции. В этой серии изображений примерно одинаковое соотношение двух- и четырехколесных повозок (23 и 22) [Cordier, 1975, p. 451-482].

В Словакии на глиняном горшке из могилы с трупосожжением пилинской культуры у с. Великие Рашковицы изображены четыре колесницы, запряженные парой лошадей (по две с каждой стороны сосуда). Различимы фигуры возничих позади повозок [Vizdal, 1972, s. 226, taf. 1].

Вырезанный из порфирита зооморфный сосуд из Саразма (хранится в Эрмитаже) содержит изображение лица человека. Глаза глубоко посажены в округлых впадинах, подчеркнуты треугольный, выступающий нос и скулы. Каменные скульптурки людей, выполненные в аналогичной манере, обнаружены Г.Б. Здановичем в междуречье Урала и Иртыша. Будучи случайными находками, они связываются с синташтинско-петровскими памятниками и датируются первой четвертью второго тысячелетия до н.э. Они очень близки шан-иньским фигуркам и маскам, ставшим пробразом многочисленных военных шлемов, описанных А.В. Вареновым [Приложение 3, рис. 40].

В хеттской столице, в Хатуссе (Богазкей), на фрагменте каменного сосуда найдено изображение колеса [Littauer, Crouwel, 1979, fig. 27].

В Индии, в Декане, на памятнике Инамгаон, в керамике II группы имеется изображение двухколесной «А»-образной повозки, запряженной парой быков. [Щетенко, 1979, с. 160, рис. 39].

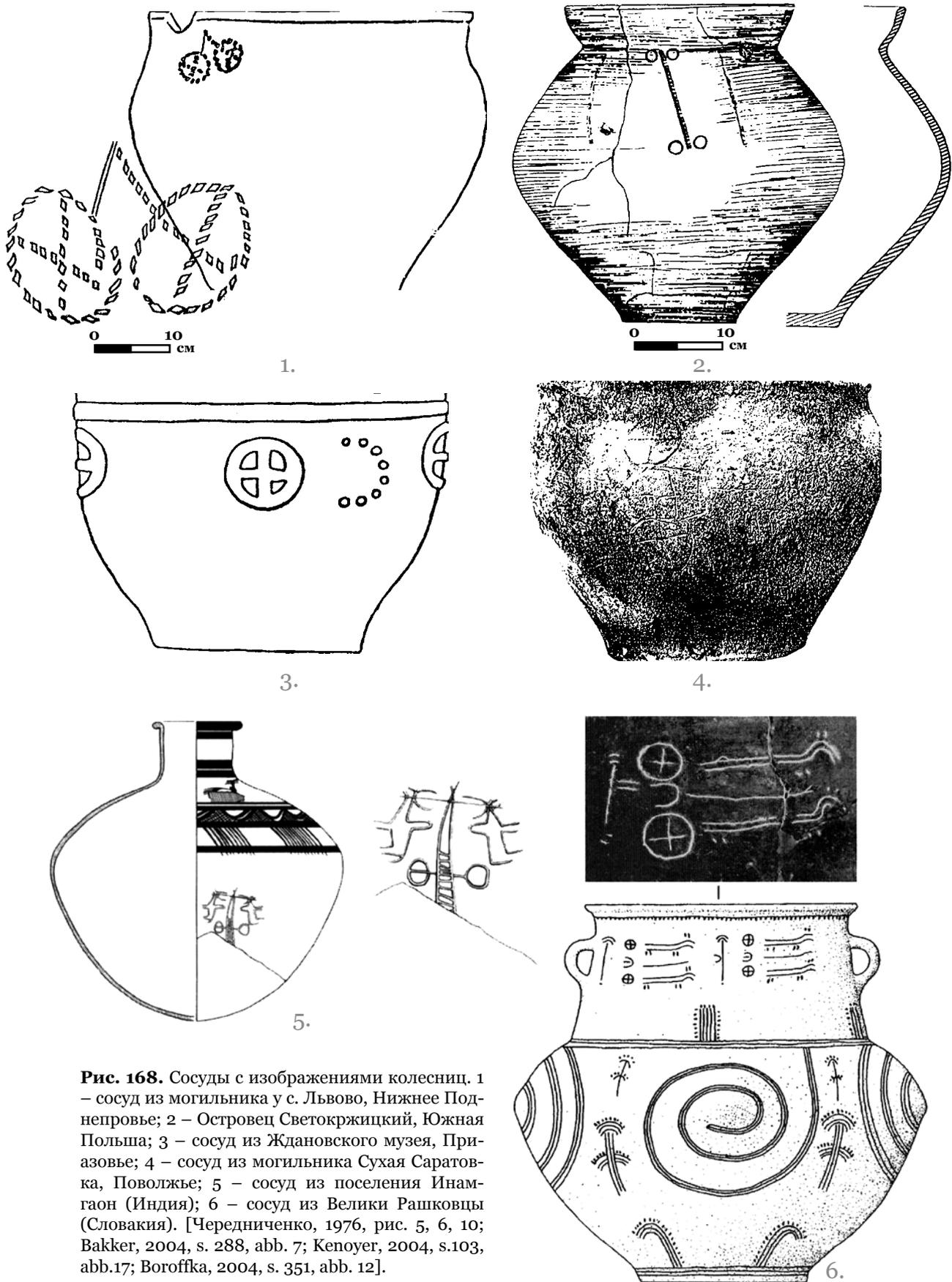

Рис. 168. Сосуды с изображениями колесниц. 1 – сосуд из могильника у с. Львово, Нижнее Поднепровье; 2 – Островец Светокржицкий, Южная Польша; 3 – сосуд из Ждановского музея, Приазовье; 4 – сосуд из могильника Сухая Саратовка, Поволжье; 5 – сосуд из поселения Инамгаон (Индия); 6 – сосуд из Велики Рашковцы (Словакия). [Чередниченко, 1976, рис. 5, 6, 10; Bakker, 2004, s. 288, abb. 7; Kenoyer, 2004, s.103, abb.17; Boroffka, 2004, s. 351, abb. 12].

Рис. 169. Угарит (Рас Шамра). Блюдо со сценой охоты на колеснице. Лувр. АО 17208.
Foto Musee du Louvre

Изображения колесниц на печатях и в мелкой пластике

Находка изображений двух двуколок на костяной пластине обнаружена в Китае, в 102-й могиле комплекса Наншань-гэнь [von Dewall, 1986, s. 168-186; Комиссаров, 1988, с. 89-92, рис. 74]. Стиль изображений на этой пластине совпадает с манерой трактовки этих образов в наскальном искусстве Центральной Азии.

Классическим уже стало изображение колесницы на золотом кольце из IV шахтной гробницы в Микенах [Muller-Karpe, 1980, tafel. 225-16, 25], на цилиндрических печатях [Littauer, Crouwel 1979, fig. 13, 17, 21, 24-29, 33-35, 39-41, 81].

Особый интерес представляет серия композиций с колесницами на цилиндрических печатях, происходящих, главным образом, с территории северной Сирии, Анатолии, из Угарита (рис. 170-173), поскольку именно эти изображения колесниц послужили одним из аргументов в концепции ближневосточного их происхождения [Littauer, Crouwel, 1979, p. 68-72].

Большая часть рассматриваемых цилиндрических печатей находится теперь в фондах Департамента Ориенталистики музея Лувр – так же, как и блюдо из Рас Шамры с великолепной сценой охоты на колеснице (рис. 169), [Amiet, 1961; 1966, см библиографию].

Датировка многих печатей не вполне определенная, часть их – NN 4, 6, 10, 23, 29 и др. – происходит из слоев памятников, датированных XVIII-XVII вв. до н.э. [Littauer, Crouwel, 1979, p. 69]. Верхняя хронологическая граница для угаритских печатей определяется временем разрушения этого города народами моря в 12 в. до н. э. [Caubet, 1990, p. 81-85]. В середине 2 тыс. до н.э. этот город поддерживал особенно активные торговые контакты с хеттами и Ми-

кенами. Дата изображения колесниц на сирийских печатях определяется по аналогии с двумя экземплярами из архива Нузи, датируемыми второй половиной 15 в. до н.э. Тем же временем датируется коневодческий трактат с арийской лексикой из Нузи [Кузьмина, 1994, с. 163-194].

Все колесницы изображены в профильной проекции, в трех случаях – NN 23, 51, 52 – наблюдаются попытки изобразить колесницу и возничего в «плановой проекции». Колесницы сочетаются с различными образами, чаще всего представлен традиционный персонаж «поверженного врага», известный, например, по композиции Стандарта из Ура. Распространены фигуры рака и рыбы. Иногда сцену по краям обрамляют изображения «мирового дерева» – NN 15, 34, 40, 47, 55; в одном случае эти изображения заменяют фигуры коней-олений с ветвистыми рогами – N 48. Изображения колесниц сочетаются с фигурами собак – N 5, 11, 27, 29, 33, 35, 36, 48, 52, 53, что составляет 17.9% от всех композиций, с фигурами горных козлов – N 10, 29, 30, 35, 46, 47, 48, 51, 52, что также составляет 17.9%.

Выделяются фигуры горных козлов, ноги которых подогнуты к корпусу в позе «летающего галопа» – NN 2, 10, 29, 46, 47, которые поразительно напоминают манеру изображения аналогичных фигур в петроглифах Монголии и Казахстана предсакского периода. В этих композициях имеется особый персонаж – человек с «хвостом», возможный праобраз греческого сатира или бога пастухов Пана – NN 22 – 24, 27, 31 – 32, 39, который имеет также многочисленные аналогии в петроглифах Алтая, Казахстана, Монголии и Южной Сибири [Кубарев, 1987; Johns, 1990, fig. 1-3, 13, 23, 26, 28, 69, 71-72, p. 16-96].

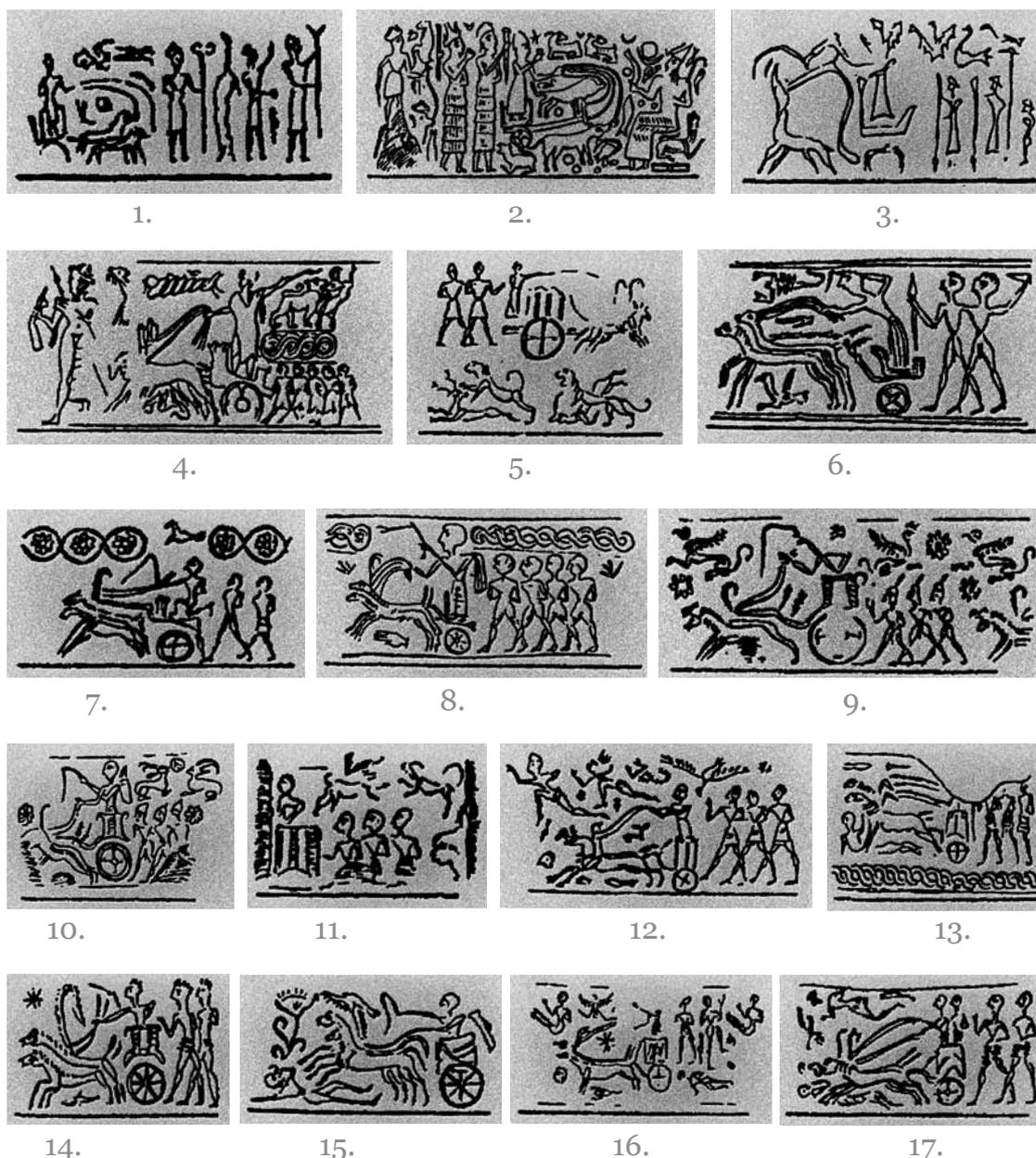
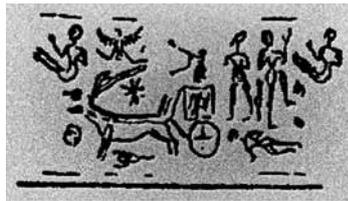

Рис. 170. Передний Восток. Отпечатки цилиндрических печатей. Париж, Лувр и другие музеи. Исследованные цилиндрические печати опубликованы или хранятся в следующих коллекциях: 1, 5, 19, 27, 29 – [Amiet, 1969, p. 1-8, fig. 1-3, 5, 8-9], индекс в Лувре АО 8306; 2 – [Ozguc, 1965, N 24; 3, 4, 8, 10, 13, 16, 18, 30 – [Buchanan, 1971, pl. 1-c,2-c,11-d,14; 1960, p. 32], хранятся в Британском Музее (BM 16815), Музее Ашмолиан (AM NN 892-895), в Вавилонской коллекции Невила (NBC, N 8931), в Йельской Вавилонской коллекции (YBC, 12799); 6, 33, 34, 36 – [Porada, 1947, N 527, 910, 971], в коллекции П.Моргана; 7, 15, 17 – [Osten, 1934] в коллекции Невила, N 341, 343, 687; 9 – Лувр, в коллекции де Клера, N 287; 11, 37 – [Woolley, 1955, pl. LXVI-136; LXII-44]; 12 – [Smith, 1939-1940, pl. IXa]; 14, 28 – из частной коллекции (Document Seyrig); 20, 23, 24, 41 – [Delaporte, 1910; 1920, A.955], в Национальной Библиотеке N 479-480, в коллекции Шлюмберже N 51; 21 – [Speleers, 1917, p. 208, N 489]; 25-26 – [Parrot, 1951, p. 183, pl. XII-1, fig. 2]; 31 – [Katling, Karageorgis, 1960, p. 122-124, pl. 30]; 32 – изображение на скарабее фараона Тутмоса I; 35 – [Moortgat-Correns, 1955, tf. III]; 38 – [Zwierlein-Diehl, 1969, taf.28, N118]; 39 – [Riis, 1970, p.33.36, fig. 9]; 40 – [Frankfort, 1939, pl. XLV], хранится в Лувре, АО 15772.

15.

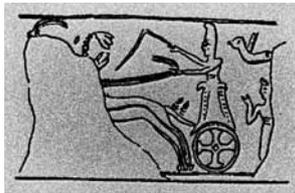
16.

17.

18.

19.

20.

21.

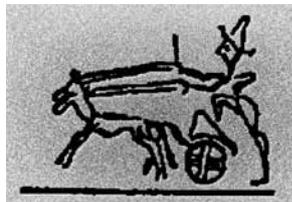
22.

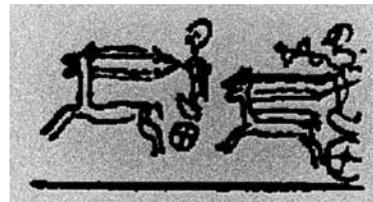
23.

24.

25.

26.

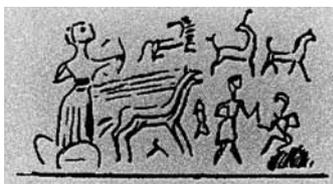
27.

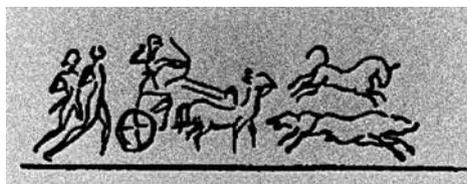
28.

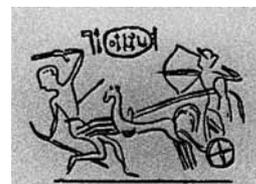
29.

30.

31.

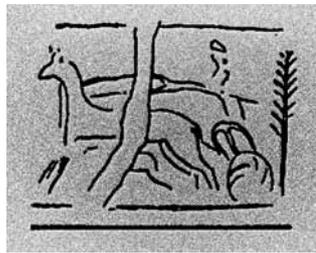

32.

Рис. 171. Передний Восток. Отпечатки цилиндрических печатей. Продолжение.

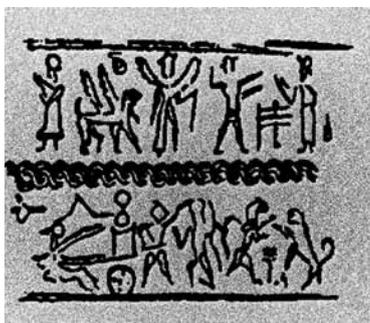
33.

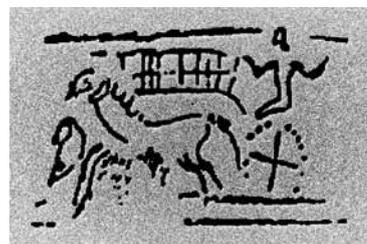
34.

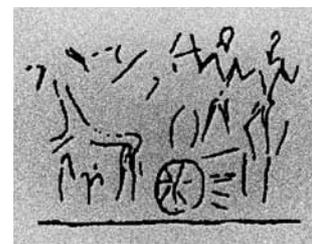
35.

36.

37.

38.

39.

40.

41.

42.

Рис. 172. Передний Восток. Отпечатки цилиндрических печатей. Продолжение.

Рис. 173. Угарит (Рас-Шамра, Сирия). Отпечатки цилиндрических печатей. Париж, Лувр. Из коллекций Департамента Ориенталистики. [Amiet, 1969, p. 1-8, fig. 1-3, 5, 8-9].

Отмечу, что с «хвостами» изображены и рассмотренные выше антропоморфные солнцеголовые существа, происхождение которых связано с образом птицы (могильники Тас Хазаа, Черновая VIII, могила 21). В рассматриваемой серии печатей птица изображена совместно с колесницей в большинстве случаев. Вообще мифологема «повозка солярного бога – птица» (лебедь), характерна именно для индоевропейских (индоиранских) колесничных мифов [Иванов, 1969, с. 54].

Применение колесницы в военном деле, т.е. против «врагов», отмечается в 9 случаях, в сценах охоты на животных – также в 9 случаях, а в культовых церемониях – в 4 случаях. Обращает на себя внимание «Г-образный» предмет в руках возникших. Это стрела, находки которых известны в курганах с повозками из Закавказья (Триалети, Лчашен) и из степной зоны (Тягунова могила, Ащису и др.).

Если сравнить эти наблюдения с результатами анализа сюжетов с повозками в петроглифах Средней и Центральной Азии, то обнаруживается структурное сходство «изобразительных рядов» композиций, а именно: сочетание изображений повозки с образами горного козла, оленя и собаки. Это сходство можно объяснить только совпадением мифологических знаний о повозке и мифологических представлений, с ней связанных.

План содержания колесничных мифов в Анатолии, Сирии, Центральной и Средней Азии может быть близким, если не общим. Различия наблюдаются в плане выражения этих идей, что проявилось прежде всего в использовании профильной проекции, а также типичных древнешумерских сюжетов. Традиционные идеи находят воплощение в других персонажах – поверженном «враге», раке, льве, фантастических грифонах, сфинксе, в иных культовых обрядах. Наблюдаются и отдельные иконографические совпадения – например, в изображениях горного козла

с подогнутыми к корпусу ногами, или в особенности располагать их фигуры в бинарной оппозиции.

В росписях геометрического стиля Аргивской равнины (материковая Греция) и на кратерах, найденных в поздних слоях Угарита, выполненных в позднемикенском стиле, распространен сюжет «хозяин лошадей» – отдельно стоящий мужчина, который держит за уздечку одну или две лошади. Обычно присутствует изображение рыбы или очень редко – водоплавающей птицы [Langdon, 1989, p. 185-201]. На угаритском кратере также имеется фигура горного козла. Иконография этих росписей напоминает рассмотренные сюжеты на цилиндрических печатях.

С. Лангдон высказала предположение об их тождественности по принципу *pars pro toto* и связала с мужским божеством Посейдоном-Гиппиосом. В классической греческой традиции его атрибутами были рыба и лошадь. Он связан с культом плодородия, укрощением лошади, был знаменит гонками на колесницах. Посейдон-Гиппиос оказался центральной фигурой в микенском пантеоне (Пилос); нет убедительных доказательств, что он был богом моря в период, предшествовавший появлению «Илиады» [Langdon, 1989, p. 198-200].

При всей сложности проблемы возникновения мужских божеств микенского пантеона [Бартонек, 1991], предполагаю, что они могли формироваться под влиянием степных религиозно-мифологических представлений. Жертвоприношения рыбы и собаки зафиксированы в синташтинско-петровских могилах с колесницами. Выявленное сходство «изобразительных рядов» в столь отдаленных друг от друга изобразительных памятниках представляется результатом активных контактов и взаимодействий степных групп скотоводов и народов Переднего Востока, важным свидетельством их этнического родства. ■

Азиатские колесничные петроглифы

Представляется, что этот термин наиболее информативно характеризует наскальные изображения колесниц и повозок, определенно принадлежащих к азиатскому колесничному комплексу. Эти петроглифы географически связывают между собой два достаточно удаленных друг от друга ареала распространения колесничных комплексов – урало-казахстанский и древнекитайский, позволяя рассматривать их как важное свидетельство эволюции в пространстве и во времени одного колесничного комплекса.

Выделенные ранее подтипы наскальных изображений хорошо соотносятся с описанными типами колесниц из китайских чемакынов: наиболее архаичному типу одноместных колесниц без поручня с маленькой округлой или подпрямоугольной площадкой наиболее соответствуют все четыре подтипа из пяти выделенных изображений колесниц.

Подтип 1 – «А»-образные колесницы, – судя по-всему, связан с западным или ближневосточным колесничными комплексами, а такие изображения колесниц в восточной части Евразии известны только на скалах в долине р. Енисей. находка «гобийской квадриги – сочлененной колесницы» в Ховд Сомене – пока единственная в этой серии в Монголии. находка в Декане, Индия, «А»-образной колесницы на сосуде (рис. 168:5) свидетельствует о прямых активных контактах Хараппы, Древнего

Ближнего и Переднего Востока, весьма активных в предшествующий период, и не обязательно связана с продвижением на юг степных кланов.

Для азиатского колесничного комплекса характерны изображения возничего и колесниц в «плановой проекции», запряженных парой лошадей, показанных спинами друг к другу – в стандартной позиции, что наиболее соответствует пятому подтипу. Эта устойчивая изобразительная традиция, условно назову ее «индоиранской», быстро распространяется на значительной территории и картографирует перемещение ее носителей в пространстве. К этой серии изображений также относятся колесницы второго, третьего (вариант 3.1-2.) и четвертого (вариант 4.4) подтипов.

Специфика наскальных изображений не позволяет достаточно надежно зафиксировать особенности многих конструктивных элементов – например, переднего поручня для возничего, что существенно затрудняет разделение всего массива изображений. Вместе с тем, колесничные петроглифы помогают выявить некоторые элементы наиболее ранних конструкций, а именно – ремни-растяжки, скрепляющие наиболее уязвимые узлы колесницы, которые могли не сохраняться в могилах.

Наличие более крупных площадок на повозках, присутствие на них двух человек, изменения в иконографии позволяют выделить в этой серии колесницы, близкие двухместным повозкам западножюуского времени. Однако их появление на скалах вряд ли могло произойти ранее середины второго тысячелетия до н.э. В количественном отношении во всем массиве азиатских колесничных петроглифов они представлены единичными экземплярами.

Выявленное иконографическое различие между «реалистичными» и «схематичными» изображениями может свидетельствовать о двух этапах развития этой изобразительной традиции: «пассионарного» (20-19 вв. до н.э.), связанного с активным продвижением населения из урало-казахстанских степей, вдоль отрогов Горного Алтая в монгольские степи и на территорию Ордоса, и стабильного периода циклических кочевков (18-16 вв. до н.э.), связанного с освоением этих новых пастбищ и обустройством новых территорий.

В целом, датировка «индоиранской» изобразительной традиции в колесничных петроглифах определяется первой четвертью второго тысячелетия до н.э. – периодом активной миграции кланов, внезапно забросивших Аркаим и Синташту (так же, как была внезапно заброшена столица Хеттского царства – Богазкей-Хатгуса или Гонур-тепе) и циклично кочевавших в восточном широтном направлении в сторону Ордоса. Наверняка какая-то часть этих социумов продвигались и на юг, через богатые пастбища Казахского мелко-сопочника в плодородную Ферганскую долину и далее на юг в Хараппу.

Другая генетически родственная изобразительная традиция, условно назову ее «индоарийской» или тохарской, представлена в азиатских колесничных петроглифах подтипом 1 – «А»-образными колесницами; подтипом 3, вариант 3.3, возможно – 3.4; подтипом 4, варианты 4.4, 5,6 и 7. В этой серии также выделяются одно-местные маленькие и двухместные большие колесницы, что, соответственно, с большой степенью вероятности может свидетельствовать об их разной хронологической позиции.

Для этой традиции, которая, возможно, является более архаичной, характерно несколько иное понимание перспективы изображения самого образа колесницы на скале. Это проявляется в ином ракурсе ее изображения, приближенном к «профильной» проекции. Так, колеса всегда показаны как бы одно над другим, или часто – в стандартной «плановой» проекции, при этом возникший показан в «профиль» с подчеркнутым признаком пола, как, впрочем, и упряжные животные (положение «одно над другим»).

Эта манера очень близка более ранним изображениям фургонов и двуколок Минусинской котловины предшествующего периода и соответствует архаичному степному обряду погребения реальной повозки. Неудивительно, что «А»-образные колесницы зафиксированы именно на скалах только этого региона и, очевидно, связаны с местным развитием социумов – потомков западных мигрантов предшествующей «первой волны», а также несколько иным каналом коммуникации, которым они пользовались.

При этом у всей этой серии изображений колесниц имеется более широкая география аналогий в классическом, так сказать, «канонизированном» виде в западных памятниках, в Скандинавии (Квилле, Френнарп), Италии (Камоника), в рассмотренной выше серии сирийских цилиндрических печатей и в южных колесничных петроглифах Казахстана, Киргизии, Пакистана и Индии. Примечательно, что только в памятниках южных и восточных предгорий Казахстана и на Саймалы Таше в Киргизии наблюдается сочетание обеих рассматриваемых традиций, что может быть объяснено активными взаимосвязями, контактами и миграциями местного индоиранского, тохарского и

индоарийского населения в степных и предгорных районах бескрайней казахской степи и «выдавливанием» части избыточного населения через горные перевалы в южном и восточном направлениях.

Датировка этой традиции также определяется первой четвертью второго тысячелетия до н.э. с возможностью ее удревления по мере накопления новых данных и артефактов.

В целом, в азиатских колесничных петроглифах, как коммуникативном канале, явно прослеживается тенденция его развития: «от реализма – к схематизму»; от образа – к знаку. Этот канал коммуникации в степи к середине и в третьей четверти второго тысячелетия до н. э. постепенно теряет свое значение, равно как меняется роль и значение колесничества в жизни и ритуальной деятельности местных социумов. Формируется новое сословие – всадников, которые достаточно быстро перенимают социальные функции колесничих и формируют новые каналы своей коммуникации на основании других новаций и жизненных ценностей.

Некоторое возрождение этого колесничного канала коммуникации наблюдается позднее во второй половине I тыс. до н.э. – в других исторических условиях, в контактных зонах соприкосновения степных скотоводов и оседлых древних цивилизаций.

В раннединастическом Китае, в периоды вражды первых китайских государств и объединения их в единую державу, в период, когда роль колесничих императоров в сравнении со всадниками все еще была актуальной; в Ассирии в виде превосходных дворцовых колесничных рельефов – там, где потребности классических восточных деспотий требовали «чудесного» воздействия на

врагов и собственных соплеменников. И, конечно, же в Древней Греции, более всего известной каждому своими колесницами со времен школьной скамьи.

Подводя итоги исследования вопросов датировки, отмечу, что типы реальных колесниц из погребений согласуются с предложенной классификацией их наскальных изображений. Археологические данные позволяют датировать большинство выделенных типов и подтипов колесничных петроглифов. Дискуссионность в определении хронологической позиции выделенных в степной Евразии археологических культур требует изучения исторических процессов и тенденций, в результате которых традиция изображения колесниц распространилась на обширной территории. ■

Глава 4

Этнокультурная ситуация в эпоху колесниц

К проблеме происхождения степных археологических культур

В результате различных этнокультурных процессов к середине 2 тыс. до н.э. в степной полосе Евразии сложились крупные группировки племен, происхождение каждой из которых – предмет многочисленных и порой противоречивых дискуссий, результатом чего, как правило, является выделение многочисленных переходных вариантов, либо хронологических горизонтов.

Отсутствует надежная методика определения этнической основы степных археологических культур. Стадиальные отличия фиксируются обычно по изменениям в технологии производства отдельных видов вещей. Сказываются различия и в степени изученности памятников западной и азиатской частей Евразии.

С целью выявления общих закономерностей и уточнения датировок кратко рассмотрю некоторые современные воззрения на процесс формирования отдельных степных культур эпохи бронзы на рубеже 3-2-го и в первой половине 2 тысячелетия до н.э.

В качестве «хронологического репера» я использую серию калиброванных радиоуглеродных датировок, опубли-

кованных в серии работ И.В. Чечушковым и А.В.Епимаховым [2004, с.39-45; 2006, с. 168-182; 2008, с.205-211; 2010, с. 182-229].

В проблеме происхождения срубной КИО Поволжья рассматриваются две гипотезы: согласно первой, основным компонентом в ее происхождении определяются древности полтавкинской культуры [Качалова, Васильев, 1989], согласно другой – основу срубной культуры составляет генезис катакомбных и абашевских памятников [Пярых, 1990, с. 113; Мельник, 1990, с. 103-107; см. СА, 1990, № 1, с. 103-131].

Первая концепция основывается на сходстве обряда погребения в грунтовых ямах, иногда перекрытых деревянными конструкциями, скорченном положении погребенных, сходстве отдельных форм керамической посуды.

Сторонники второй концепции подчеркивают, что в рамках небольшой по количеству материалов полтавкинской культуры не находят решения вопросы происхождения отдельных форм срубной посуды, особенности положения погребенных, типы срубного орнамента, некоторых орудий труда и украшений [Пярых, 1990, с. 113].

Не вдаваясь в детали дискуссии, отмечу, что многие исследователи при решении проблемы происхождения

срубных древностей выделяют предсрубный хронологический горизонт. Важное значение в этом смысле имеют исследования Покровских курганов, в материалах которых выделен новокумакский [Агапов, Васильев, Кузьмина, Семенова, 1983, с. 15] или предсрубный [Отрощенко, 1990, с. 107-112; Березанская, 1978] хронологический горизонт, при этом обосновывается синхронность сейминско-турбинских древностей с петровскими и абашевскими (Турбино) и с раннесрубными и алакульскими (Сейма) памятниками [Бочкарев, 1986, с. 101, 107-109].

Анализируя материалы могильника Верхняя Алабуга в Притоболье и другие раннеалакульские памятники, Т.М. Потемкина приходит к следующим выводам [1985; 1990, с. 118-130]: раннеполтавкинская посуда по ряду признаков сопоставима с керамикой одиновско-крохалева и вишневого типа, которая является основой раннеалакульской посуды в Зауралье и Северном Казахстане.

Такое сходство обусловлено древнеямной подосновой, достоверно выявленной как в Приуралье, так и в более восточных районах, вплоть до Притоболья. Наряду с полтавкинским, в степной зоне Приуралья и далее на восток отмечается катакомбное влияние, выразившееся в сходстве сосудов, инвентаря, погребального обряда. Катакомбные импульсы, видимо, дошли до Южного Урала вместе с полтавкинским населением и оказали влияние на формирование комплексов синташтинского и петровского типов. В южных районах лесостепи в становлении петровских древностей аналогичную роль сыграли абашевские племена.

Подтверждается существование на определенном отрезке времени полтавкинское, катакомбное, абашевское,

раннеалакульского населения, но в каждом отдельном случае связанного с определенной природно-экологической зоной. В сложении срубной, равно как и алакульской культур, наряду с местной основой участвовали в той или иной степени абашевские, катакомбные группы, что явилось одной из причин близости алакульской и срубной культур на развитом этапе.

Направленность взаимосвязей носителей алакульской культуры на раннем этапе ориентирована на запад – на абашевское, полтавкинское, катакомбное и раннесрубное население; позднее – ведущими становятся восточное и северное направления связей с федоровским и черкакульским населением, при сохранении контактов со срубным племенами вплоть до Подонья и Поднепровья [Потемкина, 1990, с. 123-124; Пряхин, Матвеев, 1988, с. 157-158; Березанская, Гершкович, 1983, с. 100-110].

Ранний этап срубной КИО определяется исследователями в весьма разнообразных терминах, но камнем преткновения, в сущности, является вопрос о месте и таксономическом уровне памятников покровского типа, который имеет наиболее выразительную колесничную атрибутику, часто сопровождаемую наборами вооружения. Колесничные находки (16 экземпляров псапиев и жертвоприношения лошадей) связаны именно с покровской (покровско-маевской по В.В.Отрощенко) частью срубной КИО.

Поиски аналогий предметам упряжи приводят, прежде всего, к наиболее близким территориально потаповским и доно-волжским абашевским памятникам. Разногласия могут быть сведены к нескольким ключевым вопросам: происхождение покровских древностей; степень их самостоятельности в рамках абашевской или срубной КИО; участие

носителей данных традиций (с добавлением синташтинских) в генезисе собственно срубной КИО.

Небольшая серия калиброванных дат раннесрубных памятников Поволжья оказалась хронологически довольно компактной – 1950–1660 (2050–1400) гг. до н.э. Практически идентичные цифры можно привести для немногочисленных анализов уральского варианта этой культуры – 1880–1740 (1920–1690) гг. до н.э. [Епимахов, 2008, с. 93–95].

Абашевская КИО – 2200–1650 (2500–1100) гг. до н.э., представлена тремя локальными вариантами: средне-волжский вариант вовсе не имеет колесничной атрибутики, уральский располагает единичными находками псалиев вне закрытых комплексов (поселения и случайные находки), а в доно-волжском имеются целые серии, происходящие из отдельных погребений, выделены парные псалии (в том числе изготовленные одним мастером); небольшой серией представлены и кости лошади. Несмотря на отсутствие находок повозок, нет никаких сомнений в знакомстве местного населения с колесницей, что прямо подтверждается находками псалиев со следами сработанности, а косвенно – значительным количеством выявленных предметов (30 экз.).

Абашевские образцы, без сомнения, представляют собой продукт длительного технологического и культурного развития, однако достоверные прототипы на территории Северной Евразии неизвестны. Нередко погребения, содержащие находки деталей упряжи, сопровождаются предметами вооружения, в том числе статусного. Следует отметить еще одну особенность этой серии погребений: они, как правило, не входят в состав некрополей и исследованы в одиночных либо парных курганах [Епимахов, 2008, с. 93–95].

Памятники потаповского культурного типа – 2020–1600 (2300–1500) гг. до н.э. Среднего Поволжья (могильники Потаповский и Утевка IV) дали 15 прекрасных экземпляров роговых и костяных псалиев. Авторы исследования Потаповского могильника связывают его генезис со смешением местного полтавкинско-абашевского населения с пришлым, мигрировавшим из-за Уральских гор с территории расселения носителей синташтинской культуры. По конструктивным особенностям часть псалиев имеет прямые аналогии в доно-волжских абашевских памятниках, другая – в синташтинских [Епимахов, 2008, с. 93–95].

Синташтинская культура – 1970–1770 (2030–1750) гг. до н.э., обнаружены остатки не менее 13 колесниц и 46 экземпляров псалиев. Технологического-типологического анализ позволяет говорить, что эти изделия, так же, как и абашевские, являются продуктом длительной технологической и культурной эволюции, однако исходные ее этапы пока достоверно не выявлены.

И.В. Чечушков и А.В. Епимахов полагают, что синташтинская традиция изготовления псалиев не может быть выведена из абашевской, равно как и нет оснований считать абашевские изделия дериватами синташтинских. Все изделия имеют устойчивую совокупность типологических признаков, одинаково сложны в изготовлении и идентичны, с точки зрения управления лошадью [Епимахов, Чечушков, 2008, с. 205–211].

Петровская культура – 1880–1740 (1930–1690) гг. до н.э., по мнению Г.Б. Здановича, сложилась на местной основе при самом тесном взаимодействии с западными абашевскими и раннесрубными племенами, без влияния южных земледельческих

культур [Зданович, 1988, с. 139], генетически связана с синташтинской и полностью дублирует ее колесничные традиции [Чечушков, Епимахов, 2008]. Возможные местные компоненты – постботайское, суртандинское и терсекское население, другой компонент – лесостепные группы, оставившие памятники вишневого типа.

Отмечу находки в петровских и синташтинских могильниках кремневых наконечников стрел с черешком, отдельных типов бронзовых предметов, характерных для сейминско-турбинского оружия. Памятники синташтинско-петровского круга стали одной из основ алакульской культуры, которая развивалась в Казахстане и сопредельных регионах в первой половине 2 тыс. до н.э.

Алакульская культура – 2300–1500 (2600–1400) гг. до н.э., насчитывает менее двух десятков артефактов колесничного комплекса и пока одно погребение с колесницей (Николаевка II), известны плиты из могил с изображением лошади, противостоящих фигур людей в Тамгалы, наскальные изображения с колесницами в районе Мугоджар [Ткачев В.В., 2002]. Вполне вероятно, что эта серия будет «прирастать» новыми находками в результате целенаправленных поисков.

Федоровская культура – 1750–1320 (1900–1250) гг. Одни исследователи считают памятники этого типа сосуществующими с алакульскими, но при этом каждая из них имеет свои истоки происхождения [Косарев, 1965, с. 244–246; 1981, с. 81]; другие полагают, что они генетически связаны и хронологически следуют за алакульскими [Зданович, 1988, с. 244–246; Аванесова, 1979, с. 24]. Е.Е. Кузьмина по результатам анализа керамики предполагает проис-

хождение этой культуры в Центральном Казахстане от местных энеолитических памятников [1988, с. 95–97].

А.А. Ткачев поддерживает выделение раннего и позднего этапов этой культуры, однако ее происхождение связывает с миграцией из Восточного Казахстана в Сары Арку андроновско-канайского населения, а также второй группы – из Павлодарского Прииртышья по Ишимо-Иртышскому водоразделу, что привело к формированию двух разных – атасусской и нуринской – культур, сосуществовавших в Казахском мелкосопочнике в 16–14 вв. до н.э. [Ткачев, 2011, с. 155–159].

На указанной территории, однако, неизвестны федоровские могильники или поселения, которые могли бы соответствовать по всем основным характеристикам погребального обряда, керамики и вещевого инвентаря классическим федоровским памятникам Минусинской котловины [Максименков, 1978] или Зауралья [Сальников, 1951; 1967]. Неолитические и энеолитические памятники Центрального Казахстана находятся еще только в начальной стадии исследования.

Представляется, что происхождение собственно федоровской культуры может быть связано с постафанасьевскими памятниками Зауралья и Минусинской котловины, с датировкой на первом этапе в пределах 17–15 вв. до н.э., так как их датировали первые исследователи [Сальников, 1951, 1967]. Взаимодействие носителей федоровской и алакульской культур в этот период определялось, скорее, брачно-семейными отношениями двух генетически родственных групп. В период с 15 по 13 вв. до н.э. эти контакты становятся более активными и приобретают характер локальных миграций по линии север – юг, что проявилось в появлении в урало-казахстанских степях

памятников с преобладающими федоровскими чертами [Зданович, 1988, с. 244-246].

Полагаю, что термин **«андроновская культурно-историческая общность» – 1610-1410 (1740-1400) гг. до н.э.** – может применяться только к смешанным памятникам алакульско-федоровского типа, географически расположенным в степных районах Казахстана и Средней Азии.

Карасукская культура – 1440-1130 (1450-1050) гг. до н.э. Основные памятники локализуются, главным образом, в Южной Сибири, Монголии и Северном Китае (Ордосе), где широко представлены херексуры и оленные камни. В последние годы надмогильные сооружения с радиально-лучевыми структурами были обнаружены и в составе карасукских древностей [Боковенко, 1999, с. 175-176], известны они и среди бегазы-дандыбаевских [Чугунов, 2002, с. 142-149; Епимахов, 2008, с. 93-95].

Добавлю, что в карасукских памятниках обнаружены плиты с изображениями колесниц, детали колесничной упряжи (модели ярма) и комплекс вооружения колесничного, производство которого основано на технологии втульчатого литья.

Карасукские памятники синхронизируются с китайской эпохой Шан, радиоуглеродные датировки которой несколько разнятся с традиционной хронологией Китая. Согласно C14 – это период 1700-1050 гг. до н.э. или 1600–1046 гг. до н.э. по результатам сопоставления дендрохронологической и радиоуглеродной шкал. Вероятно, с накоплением серий произойдет некоторое сужение интервала, и две системы окажутся согласованы лучше [Епимахов, 2008, с. 92-96].

Рассматриваются две основные концепции происхождения карасукской культуры – «автохтонная» [Киселев, 1951;

Грязнов, 1955, с. 22; Новгородова, 1989, с. 120-140; Вадецкая, 1986, с. 60-61] и «миграционная» [Членова, 1967, с. 124; 1976, с. 11-16; 71-72]. При этом все исследователи едины во мнении, что это яркая и самобытная культура, «принципиально отличающаяся от предшествующих ей энеолитических культур» [Грязнов, 1957, с. 22]. Деление на «автохтонную» и «миграционную» концепции носит довольно условный характер, поскольку сторонники той или иной гипотезы не исключают миграцию какой-то части носителей карасукской культуры. Различия заключаются в понимании генетических основ культуры и направленности локальных перемещений.

С.В. Киселев полагал, что появление карасукской культуры в Южной Сибири связано с притоком нового населения с юго-востока, т.е. из Северного Китая. М.П. Грязнов определял ее как явление сугубо южносибирское, происходящее от андроновских памятников. Э.А. Новгородова, поддерживая концепцию С.В. Киселева, на основании статистических методов обработки материалов пришла к выводу, что между племенами Монголии, Тувы и Южной Сибири в карасукское время существовала этническая связь, причина которой – «в большой миграционной волне, прокатившейся из горно-степных районов Центральной Азии на северо-запад в сторону Енисея и на запад Монголии» [1989, с. 130].

Все эти точки зрения не объясняют происхождения развитых навыков обработки металла и бронзолитейного производства, характерных для карасукцев. Достаточно развитая энеолитическая традиция обработки оловянистых бронз и втульчатого литья в Китае не зафиксирована.

Н.Л. Членова предприняла попытку снять это противоречие и связать происхождение карасукского металла с луристанскими бронзами Ирана. Она предполагала проникновение карасукских элементов из Ирана через Афганистан и Синцзян в Монголию, а оттуда – в Южную Сибирь, Туву, Северный Китай, Забайкалье. Другая ветвь карасукской общности распространялась на запад, вплоть до Центральной Европы [Членова, 1967, с. 124]. Однако скоро выяснилось, что луристанские бронзы не могут датироваться ранее 12 в. до н.э. [Ghirshman, 1979], а некоторые находки из Зивие оказались просто подделками [Muscarella, 1977, p. 197-219].

Э.А. Новгородова, критикуя рассматриваемую концепцию, справедливо отмечала, что «звериный стиль» в горах Загроса появляется с уже сложившимися канонами и формами, которые не связаны с традиционными изображениями животных в Иране [1989, с. 128].

Принципиальное значение, как представляется, имеют выявленные Н.Л. Членовой районы распространения ранних карасукских кинжалов [1976, с. 70-72]. Наиболее архаичные кинжалы, согласно типологии автора, найдены в Минусинской котловине, Ордосе и Внутренней Монголии, а также на Ближнем Востоке, в Закавказье и Северном Иране. Кинжалы сходного типа представлены находками из Восточного и Центрального Казахстана, а западнее – из лесостепного Зауралья (Башкирия). Известны единичные кинжалы этого типа на Украине, вплоть до северо-западного Причерноморья.

Полагаю, вслед за Н.Л. Членовой и Л.С. Васильевым, что карасукская и иньская культуры «генетически восходят к какой-то третьей, еще недостаточно известной бронзовой культуре» [Васильев,

1961, с. 55]. Наверняка такой культурой могут стать древности **«сейминско-турбинского транскультурного феномена»**. Памятники сейминско-турбинского типа, при том, что их насчитывается едва ли более двух десятков, распространены на территории ок. 3 тыс. кв. км – от Молдавии (Бородинский клад) до Южной Сибири (Ростовка).

Хотя многие авторы осторожно высказываются по вопросу генетического родства сейминце-турбинцев с носителями карасукской культуры, все сходится во мнении о значительном сходстве карасукских и сейминско-турбинских кинжалов, и главное – технологии их изготовления и привязки к месторождениям олова в районах Верхнего Иртыша и Горного Алтая [Черных, Кузьминых, 1989, с. 256-259].

Абсолютные даты сейминско-турбинских древностей традиционно определяются второй четвертью второго тысячелетия до н.э. по балканомикенской линии «привязок», основанной на сходстве с материалами из шахтных гробниц в Микенах – костяных щитковых псалиев с шипами, а также по серебряному наконечнику копья, который происходит из уральских центров металлообработки и найден в Бородинском кладе (Молдова).

Для сейминско-турбинского транскультурного феномена теперь имеется одна калиброванная дата по западно-сибирскому могильнику Сатыга (2125–1955 (2140–1940) гг. до н.э.) и три – по средневожскому Усть-Ветлужскому могильнику – 1910–1620 (2020–1600) гг. до н.э. [Чечушков, Епимахов, 2010, с. 182-229].

З.С. Самашев [2010] синхронизирует эти калиброванные даты с учетом новой микенской датировки, кореллированной по дендрохронологической

шкале в пределах 18-17 веков до н.э. и ориентируется на новые даты для культуры Эрлитоу в Китае – 17-16 вв. до н.э., и для Зардчахаалифа в Таджикистане – 21-17 вв. до н.э. [Бобомуллоев, 1993, с. 56-63; Кузнецов, 2002, с. 81-82].

Излишне поспешно, как кажется, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отвергают гипотезу М. Лера о западном, степном импульсе, связанном с племенами андроновской культурно-исторической общности [Loehr, 1956, p. 86], поскольку он сравнивал более поздние, а не синташтинско-петровские памятники раннего периода.

Китайский исследователь Линь Юнь выделяет так называемый «северный комплекс» памятников шаньчжоуского периода, локализованных в северных районах Китая и Внутренней Монголии и отделяет их от синхронных памятников Центральной равнины Китая [Lin Jun, 1986, p. 237-273; Линь Юнь, 1990, с. 29-45]. Анализируя бронзовые изделия «северного комплекса», он выделяет следующие типы предметов: кинжалы и ножи с наверхиями в виде голов и скульптурок животных, бронзовые топоры с трубчатыми втулками и золотые украшения – височные кольца и серьги с раструбом.

Отмечу, что выделенные типы предметов сопоставимы с сейминско-турбинскими, а украшения характерны для материалов андроновской общности. Линь Юнь отмечает, что «вопрос, когда бронзовые изделия северного комплекса впервые появились в Китае, еще ждет своего дальнейшего исследования» [1990, с. 33], и признает влияние степных племен Центральной Азии на формирование «северного комплекса», при несомненном своеобразии культур Центральной равнины.

Вместе с тем, «северный комплекс» не содержит материалов, способных объяснить происхождение технологии бронзолитейного производства вещей с полый втулкой, в формах, основанной на специфических оловянных присадках. Так же, как нет данных, которые позволяли бы предполагать возникновение этой традиции в памятниках «северного комплекса» или Центральной равнины Китая.

Представляется, что такая традиция могла возникнуть на указанных территориях под воздействием сейминско-турбинского импульса, который, видимо, стал основой формирующейся позднее карасукской культуры. Первоначально она локализовалась на территориях Северного Китая и Внутренней Монголии, а затем, в результате взаимодействия с культурами Центральной равнины, расширяет сферу своего влияния до Южной Сибири и Казахстана.

Теоретически преодолеть такое расстояние за сравнительно короткий исторический период возможно было в то время только одним способом: используя колесные повозки и прежде всего – колесницы.

«Чудесное» представление о божественном оружии вообще и о кинжале, как составной его части, сформировалось, очевидно, еще в новотиторовской среде, что проявилось в декорировании их ручек различными геометрическими узорами, в формировании наверхий, пока ещё не фигуративных [Гей, 2000, с. 165, рис. 50]. Эта коммуникативная идея появилась в азиатской части континента вместе с колонистами «первой волны» и нашла свое дальнейшее местное развитие в неповторимой традиции фигуративного декорирования наверхий сейминско-турбинских кинжалов. ■

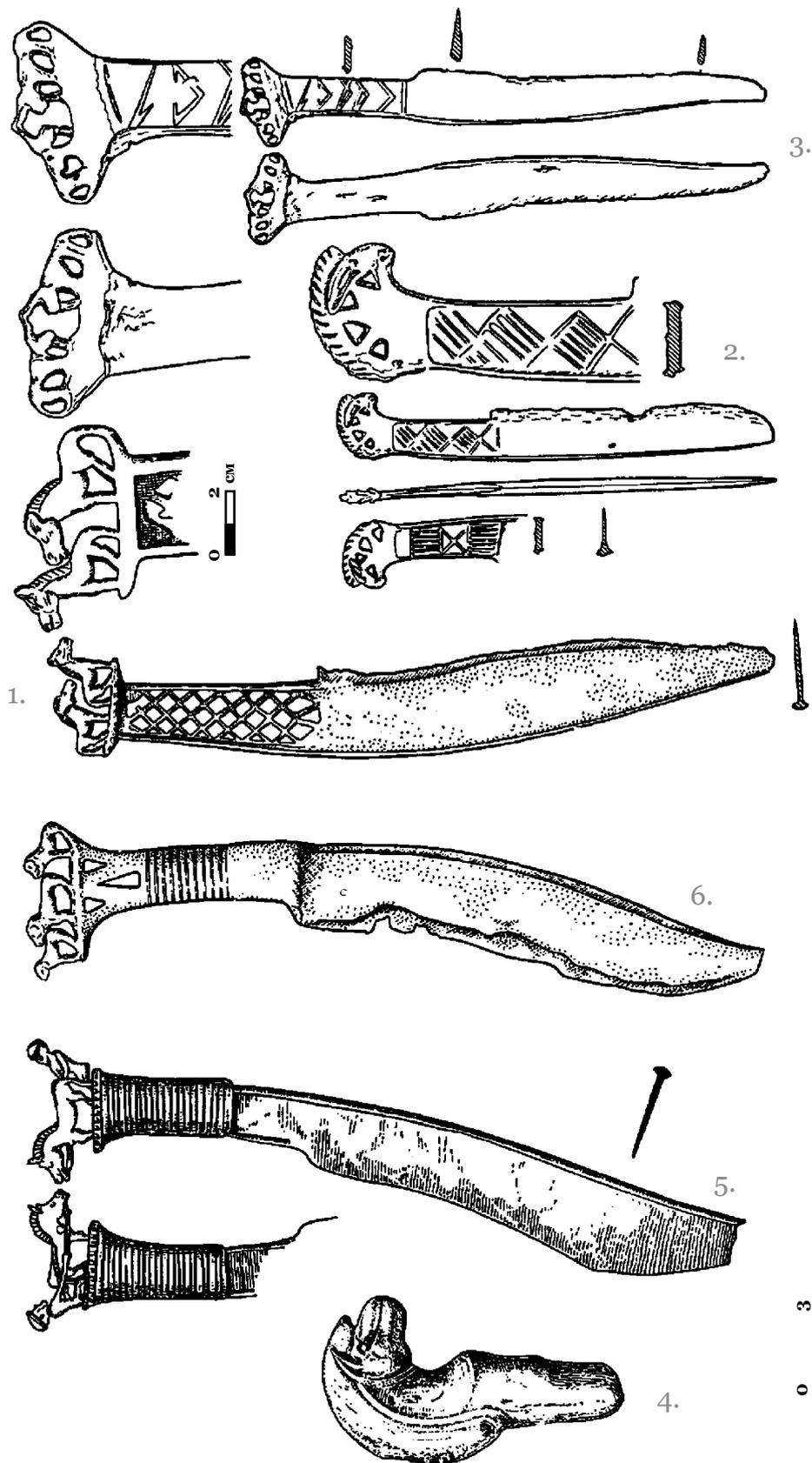

Рис. 174. Сейминско-турбинские параллели. 1 – Сейма; 2 – Елунино I; 3 – Джумба; 4 – Прииртышье; 5 – Ростовка; 6 – Турбино II; 1-3, 5-6 – бронза, 4 – камень. [Черных, Кузьминых, 1989; Матющенко, 1991].

Хронология и сейминско-турбинская изобразительная традиция

Важные подтверждения высказанной выше гипотезе дает анализ изобразительных памятников.

В результате стратиграфических наблюдений, а именно – перекрывания на одной плоскости древних изображений более «молодыми» – в петроглифах степного Казахстана выделены три пласта, которые взаимосвязаны между собой и представляют, очевидно, последовательное развитие манеры изображения одних и тех же персонажей во времени и в рамках единой изобразительной традиции [Новоженков В. А., 2002].

Для первого пласта характерны фигуры «солнцеголовых» существ, животных со связанными ногами, мужчин с «хвостами», подчеркнутым признаком пола. Для этой группы петроглифов свойственна «натуралистичная» манера изображения, преобладают статичные позы.

Второй пласт связан с изображениями животных в так называемом «скелетном стиле». Наблюдается отход от статичности изображений в сторону определенной схематизации и придания динамизма фигурам. Это проявляется в изменении поз животных, в появлении новых деталей: выступов на холке, скошенных вперед ног, стилизованных рогов и округлых контуров фигур.

Третий пласт представлен фигурами животных, выполненными в манере, близкой канонам скифо-сибирского (сакского) звериного стиля.

Особенностью многих фигур лошадей первого пласта изображений является подчеркнутая грива, в некоторых случаях – нависающая над головой животных в виде «челки» (рис. 174-175). Этот элемент характерен и для изображений верблюдов. Именно так изображены лошади, запечатленные в бронзе на скульптурных навершиях металлических предметов, главным образом – кинжалов – из памятников сейминско-турбинского круга, выделенных в единый тип наиболее ярких образцов сейминско-турбинского оружия [Черных, Кузьминых, 1989, с. 122].

Список аналогий может быть расширен находками из более южных районов – пятью кинжалами из Второго Каракольского клада, который был случайно обнаружен на юго-восточном берегу озера Иссык-Куль [Винник, Кузьмина, 1981, с. 48-53]. Орнаментированные рукояти кинжалов оканчиваются скульптурными фигурками животных, три из которых сохранились фрагментарно, а две других изображают лошадь с выделенной гривой и горного козла или архара. Ноги животных скошены вперед.

В могильнике Мыншункур (Семиречье, рис. 175А) найдено золотое височное кольцо с раструбом и скульптурами лошадей, аналогичных фигурам навершия кинжала из Сейминского могильника [Акишев К. А., Акишев А. К., 1983].

Другая группа аналогий представлена случайными находками каменных наверший и «жезлов» в виде головы лошади

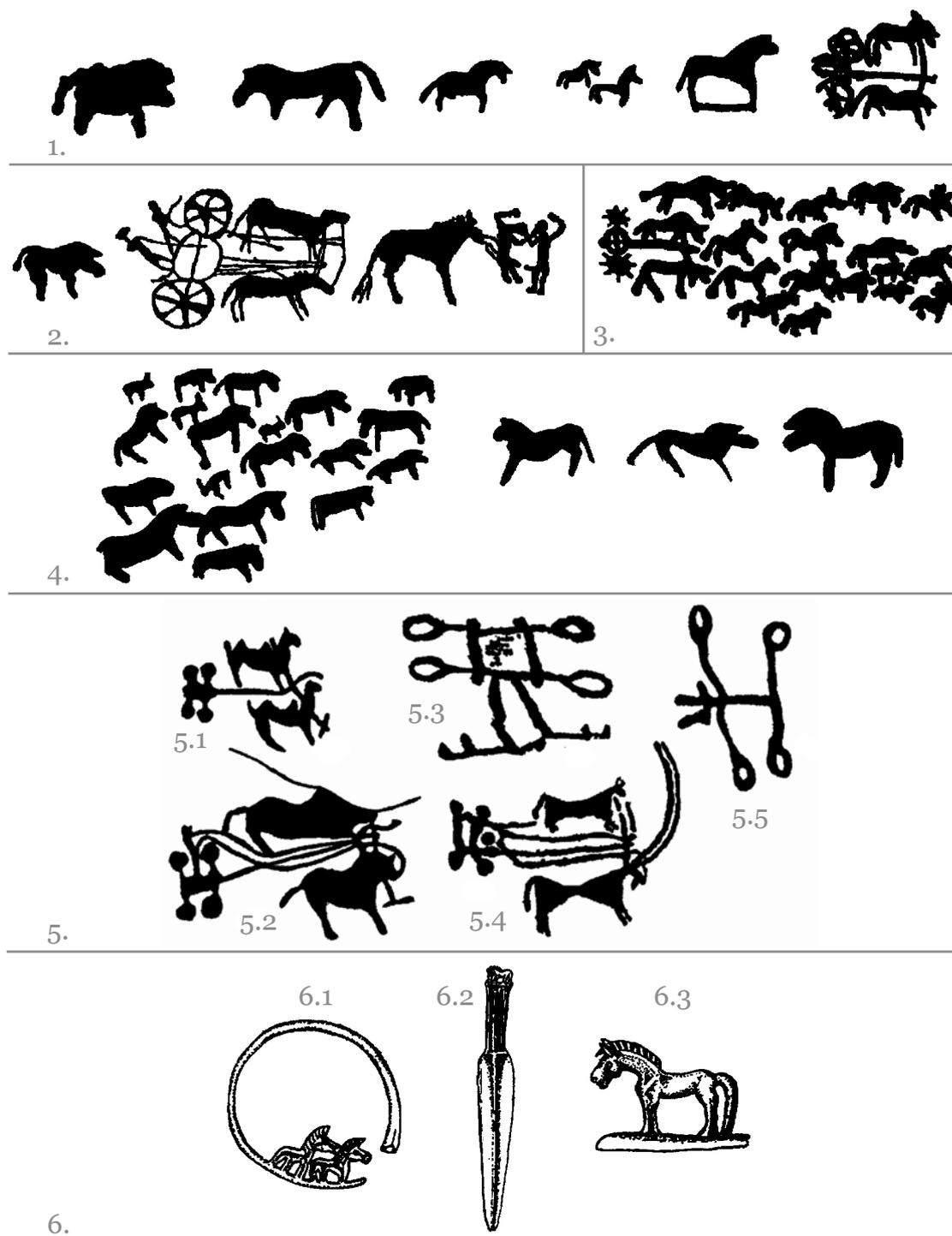

Рис. 175. Аналогии из сопредельных регионов. Петроглифы и мелкая пластика. 1 – Восточная часть Казахстана – Саур-Тарбагатай, Мойнак, Окей, Курчум [Самашев, 1992]; 2 – Притяньшанье и Киргизия – Ешки Ольмес, Саймалы-Таш [Шер, 1980; Марьяшев, Рогожинский, 1991]; 3 – Горный Алтай – Жалгыс-Тепе [Пяткин, Миклашевич, 1990]; 4 – Степная зона Казахстана – Теректы, Зынгертау; 5 – изображения повозок: 5.1-2 – Байконур III, плоскость 2, 5.3 – Курчум, Восточный Казахстан [Самашев, 1992], 5.4 – Саймалы-Таш, Киргизия [Шер, 1980], 5.5 – Елангаш, Горный Алтай [Окладников, Окладникова, 1985]; 6.1 – золотое височное кольцо из могильника Мыншункур, Семиречье [Акишев, Акишев, 1983]; 6.2 – бронзовый кинжал из Второго Каракольского клада, Киргизия [Винник, Кузьмина, 1981]; 6.3 – бронзовая скульптура из Минусинской котловины [Пяткин, Миклашевич, 1990].

[Черников, 1960, с. 85-86, 88]. Из Минусинской котловины происходит случайная находка бронзовой скульптурки лошади на подставке с подчеркнутой гривой [Пяткин, Миклашевич, 1990, с. 147, рис. 1-8].

Значительную серию аналогий и петроглифов в этой манере для памятников Восточного Казахстана выделил и исследовал З.С. Самашев [1992, с. 204; 2010]. Примечательно, что две лошади, запряженные в покровскую колесницу, (рис. 175:1) изображены в сейминско-турбинской манере, а иконографические особенности самой колесницы – лошади расположены одна над другой и показаны в сейминско-турбинской традиции – отличают ее от классических азиатских изображений. В сходной стилистике, но более схематично изображена редкая для азиатских петроглифов трига из Мойнака. Архаичный вариант конструкции этих колесниц, явный «чужой» облик резко выделяют их из всей серии колесничных петроглифов.

Приведенные выше аналогии, как в мелкой пластике, так и в петроглифах, позволили выделить сейминско-турбинскую изобразительную традицию в наскальных изображениях Центральной Азии [Пяткин, Миклашевич, 1990, 146-153, с учетом критики данной концепции – см.: Новоженев, 2002].

Хронологические рамки выделенного первого пласта по изображениям лошадей с подчеркнутой гривой, повозкам и антропоморфным «солнцеголовым» фигурам определяются первой четвертью второго тысячелетия до н.э. Возможны значительные временные допуски верхней даты этого пласта, о чем свидетельствуют «докуневские» и харапские параллели изображений «солнцеголовых» существ.

Фигуры животных, перекрывающие изображения первого пласта, имеют характерные иконографические особенно-

Рис. 175А. Казахстан. Могильник Мыншункур. [Акишев, Акишев, 1983].

сти, а именно: выбиты в «скелетном стиле», ноги скошены вперед, отмечается небольшой треугольный выступ на загривке. Видовой состав животных, представляющих второй пласт изображений, составляют лошади, показанные без гривы и нависающей надо лбом «челки», горные козлы, коровы, степные антилопы и олени. К этой группе примыкают изображения коней, переделанные в быков, и фигуры животных, узнаваемые по манере изображения, близкой сакскому звериному стилю.

Анализ стиля изображений эпохи бронзы различных животных, и прежде всего оленей в петроглифах Центральной Азии, и сопоставление их с материалами кургана Аржан в Туве позволили Я. А. Шеру выделить особый стилистический элемент: треугольный выступ на холке животных. Он является определяющим для изображений позднекарасукского времени и соотносится с ранним этапом формирования скифо-сибирского звериного стиля [Шер., 1980; 1980а, с. 344-346].

Таким образом, в петроглифах выделяются два хронологических пласта изображений, соотнесенных с первой четвертью

второго тысячелетия до н.э. и концом второго – первой половиной первого тысячелетия до н.э., которые, соответственно, могут быть связаны с сейминско-турбинскими памятниками и карасукскими (карасукоидными) племенами.

Примечательно в данном случае использование одного святилища – именно этого места – и, вероятно, одного канала коммуникации в разные исторические периоды. «Стилистически» эти два пласта могут рассматриваться как естественное развитие одной сейминско-турбинской изобразительной традиции в продолжительном временном континууме.

В первой половине 2 тысячелетия до н.э. по всему Великому поясу степей, от Карпат и Балкан до Енисея, сформировался ряд социумов – кланов, обладавших двумя «чудесными» средствами коммуникации: боевыми, мобильными, быстрыми колесницами – и самым передовым, совершенным, по меркам того времени, комплексом оружия. Это было неоспоримое и определяющее преимущество этих социумов в «геополитическом» контексте всего Древнего Мира, важный и существенный аргумент внешних отношений этих кланов.

А какие каналы коммуникации могли развиваться между самими этими социумами внутри «степного мира»? Скорее всего, сохранялись все те факторы, которые были описаны в предыдущих главах: брачно-семейные, соседские и далеко не воинственные, поскольку свободных территорий для новых пастбищ было достаточно. Однако многочисленные данные свидетельствуют о наличии не менее двух разных традиций в коммуникациях этих социумов, которые соотносятся со свидетельствами письменных источников.

Лингвистами зафиксировано существование нескольких языков в индоиранской языковой ветви: кафирского, кото-

рый отмечен у горцев Гиндукуша [Jettmar, 1975], индоарийского и иранского, а тохарский язык документирует пребывание индоиранцев в Туране. Примечательно, что язык Авесты не имеет неиндоиранского субстрата [Дьяконов, 1989, с. 21]. Это означает, что Авесту могли создать только носители указанных выше родственных языков.

Вместе с тем, по мере расширения ареала новых пастбищ и естественной откочевки от родителей молодых семейных пар, эти кланы неизбежно встречали сопротивление со стороны аборигенного населения, и ранее всего они столкнулись с лесостепным населением сейминско-турбинского круга. Некоторые исследователи определяют характер этих первых контактов как далеко не мирный [Бочкарев, 1995; Гончарова, Бехтер, 1999, с. 121-125], конфликт двух коммуникативных систем: колесницы и втульчатого оружия пассивной фазы коммуникации; но очень скоро эти отношения приобретают синтетический характер, что проявилось, очевидно, в обоюдных заимствованиях передовых технологических навыков.

Во всяком случае, оружие сейминско-турбинского типа и технология втульчатого литья активно внедряются в раннеандроновскую среду и стремительно распространяются во всех контактных зонах, где степные кланы взаимодействовали с древними оседлыми цивилизациями.

Преимущества боевой колесницы и, соответственно, тактики колесничного боя, в сочетании с передовым оружием и тайнами его производства, обеспечивали небывалую прежде гегемонию и абсолютное превосходство, сопоставимое с современным обладанием секретами производства атомной бомбы, например. ■

Внешние каналы коммуникации

Для каналов внешних коммуникаций в эпоху колесниц характерны контакты скотоводов с земледельческими, оседлыми народами. К числу контактных зон относятся: лесостепь Великого пояса степей, Северный Китай (Ордос) и Индия, Закавказье, цивилизации Переднего Востока, Туранская и Микенская цивилизации.

В этих районах развивались активные обменные или торговые отношения, сложные интегрирующие процессы взаимного влияния и обоюдных заимствований элементов материальной и духовной культуры. Именно в этих контактных зонах в пассионарную фазу происходило «чудо» коммуникации – синтез разных культур, рождение новых этносов и традиций.

Факторы определяющие. Каналы коммуникации социумов в степной Евразии во 2 тысячелетии до н.э. определялись в основном тремя факторами:

- генезисом постымянных групп скотоводов, расселившихся на обширной территории степной и лесостепной зоны к концу 3 тыс. до н.э., их активными контактами с аборигенным населением и формированием собственной материальной и духовной культуры на основе старых традиций;

- постоянными контактами подвижных, родственных групп населения между собой по всему поясу степей, брачно-семейными отношениями, в которые вступали члены этих групп, а также натуральные обмены и возможные военные столкновения из-за пастбищ и

скота. «Пестрая» карта археологических культур в начале 2 тыс. до н. э. в степной Евразии свидетельствует об активных перемещениях различных групп населения, что, очевидно, явилось результатом климатических катаклизмов и демографических изменений. Так, исследователи палеоклимата, на основании многочисленных анализов почв из синхронных памятников, отмечают на рубеже 3 и 2 тыс. до н.э. значительную аридизацию степи и связанный с этим процессом экологический кризис [Дёмкин, 1999, с. 304-306], который стимулировал поиск новых пастбищ в степи и значительные миграции населения вдоль протекающих здесь многочисленных рек и речушек;

- интенсивным развитием комплексного хозяйства этих социумов: коневодства, колесничества, изготовления одежды, металлообработки и кузнечных навыков производства бронзовых предметов, а также поисками новых пастбищ для конских табунов, сырьевых баз для металлопроизводства – рудных месторождений меди и минеральных присадок – олова и мышьяка, минеральных красителей для одежды.

Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 266 – 278] предложили модель взаимосвязей населения Северной Азии, которая основана на сопоставлении металла из памятников с меднорудными базами, локализованными географически. Территориальное «движение» металла, зафиксированное в археологических культурах, определяет основные направления взаимодействий различных этнических образований [Черных, Кузьминых, 1989, с. 266-277].

Этнокультурная ситуация конца 3 и первой половины 2 тысячелетия до н.э. характеризуется, согласно этой модели, распадом Циркумпонтийской металлур-

гической провинции и началом формирования новой – Евразийской. При этом выделены:

- фаза миграции, сложения, формирования (пассионарная фаза);
- фаза стабильного существования социума.

Система взаимосвязей населения в лесостепной и степной полосе определяется двумя встречными потоками:

- первый – с запада на восток – связан с зауральским металлургическим центром абашевской КИО и древними месторождениями медной руды на Южном Урале – Ташказган и Никольское;
- второй поток – с востока на запад – так называемый «Великий оловянный путь», связан с древними разработками олова в Горном Алтае. Использование олова в качестве присадок позволяет картографировать и этот путь.

Великий оловянный путь. Крупные древние разработки месторождений олова зафиксированы в Восточной Анатолии, Афганистане, Пакистане, Узбекистане, Таджикистане, в Горном Алтае, на Саянах [Парцингер, Бороффка, 2002, с. 163-167], в бассейне верхнего Иртыша, на востоке Казахстана [Черников, 1949; 1960; Штельнер, Самашев и др., 2009, с. 228-238].

В Узбекистане исследованы разработки древних оловянных месторождений Карнаб-Синкончи, Чангали, Лапас, которые датированы 19-17 вв. до н.э. (калибрована по сигма 2) и связаны с тазабагыябской культурой. В Таджикистане (Мушистон), где медная руда очень богата оловом и не требует дополнительных присадок, древние выработки датированы еще более ранним периодом – концом 3 – 2 тысячелетием до н.э. – и также сопровождаются керамикой андроновского облика [Штельнер, Самашев и др., 2009, с. 230-231].

Месторождения олова на Рудном Алтае и в верховьях Иртыша стали местом формирования металлургической традиции на рубеже 3-2-го тысячелетий до н.э. у сейминце-турбинцев и окуневцев, согласно спектральным анализам [Черных, Кузьминых, 1989, с. 247], откуда эта традиция распространилась по всей Северной Евразии. Проникновение оловянистой (втульчатой) металлургии из этого же региона в Северный и Западный Китай аргументирует К.М. Линдафф [2005, с. 25-35], что подтверждает наличие развитого канала коммуникации между скотоводами и ранними китайскими царствами. Крупные древние разработки меди и олова известны также в Центральном Казахстане [Кадырбаев, Курманкулов, 1992].

Работы казахско-германской экспедиции на Аскаралы в Делбегетейском массиве Калбинских гор, в Верховьях Иртыша подтверждают распространение олова из этого месторождения – вплоть до Месопотамии, а на востоке – до Минусинской котловины, где у окуневцев зафиксированы сплавы с оловом из Рудного Алтая [Берденов, Гарнер, Горелик и др., 2007, с. 122-123; Берденов, 2008, с. 48-52].

В клинописных текстах Месопотамии упоминается территория, из которой сухопутным путем на мулах и ослах доставляли олово. Предположительно, таким местом могли быть Туранские месторождения олова, древние копи в Иране, а также в Восточном Казахстане. Не установлены пока источники поступления оловянных присадок в Трою и Микены [Штельнер, Самашев и др., 2009, с. 230].

Последующие исследования в этом направлении наверняка снимут многие дискуссионные вопросы, в любом случае эти новые данные ярко свидетельствуют

о направлениях и контактах древних социумов и, очевидно, во многом их определяют, поскольку бронзовые изделия и оружие составляли основу их хозяйственной деятельности.

Детализировать маршруты «поставок» олова из-за неполноты данных пока не представляется возможным, но обоснованно выделяются периоды глобальных «словом» культур, когда распад стабильных общностей приводит к синтезу новых, впитывающих черты прежних. Именно на рубеж 3 и 2 тысячелетий до н.э. пришелся такой слом в эпоху колесниц, связанный с их триумфальным изобретением, использованием степными социумами и развитием технологии оловянистого бронзолитейного производства.

Товары обмена. Важным определяющим фактором также являются собственно объекты торговых обменов, естественных монополий скотоводов и земледельцев.

Основу взаимоотношений составляли торговые операции, которые, скорее, носили характер бартерных сделок [Янковская, 1985, с. 3-8; 1986, с. 17-24]. Очевидно, такими объектами стали уже упомянутое выше олово, как совершенно необходимый компонент плавки медной руды и литья бронзовых изделий, достижения колесничной «индустрии», и прежде всего – хорошо domesticiрованные, обученные лошади.

Однозначно об этом свидетельствуют данные о самой ранней в Старом Свете domestикации лошадей в двух удаленных друг от друга степных центрах; селекция пород и большие по численности табуны, поголовье которых устанавливается по остеологическим находкам до 70% в составе стада [Грушин, 2011, с. 411-413]. Представляется, что широкая география domesticiрованной лошади

в 3-2 тыс. до н.э. – результат именно таких обменов [Бекени, 1984, см. библиографию].

Интересная картина выявляется по результатам распространения оловянистых бронзовых изделий в древней Евразии [Черных, 1991, с. 162-165; 1982, с. 6-20; 1978, с. 53-82]. В системе Циркумпонтийской металлургической провинции выделено два блока:

- южный, культуры которого локализованы в регионах Закавказья, Малой Азии и Балкано-Карпатья;
- северный блок скотоводческих, курганных культур в степных районах Евразии. Множество меднорудных месторождений сосредоточено именно в южных регионах, в отличие от северных территорий, которые были практически лишены своих рудных баз.

Спектральные анализы совершенно определенно показывают, что огромная масса металла переправлялась от южных земледельцев и металлургов к степным скотоводам, на север. При этом в период с конца 4 – по середину 3 тысячелетия до н.э. до 45% всей выплавленной на юге меди поступало к «курганам» народам. В период с середины 3 тысячелетия до н.э. по 18-17 вв. до н.э. эта доля резко возрастает до 60%.

«Иначе говоря, мы приоткрываем для себя целую индустрию древности. То была сложнейшая, весьма дорогостоящая в отношении энергетических затрат, система дальних взаимосвязей различных народов, отражавшая, по существу, систему международного разделения труда...» [Черных, 1991, с. 165].

Магия красного цвета. Традиция украшения повозок и их полихромной росписи достаточно явно прослеживается со времен «колонизации» восточной евразийской степи – на стенках фургонов и могил предшествующего периода.

Кожаный фрагмент шины петровской колесницы красного цвета найден в могильнике Сатан, многочисленную серию разукрашенных колесниц демонстрируют китайские материалы. Наивысшего расцвета, как уже отмечалось, эта традиция достигла в росписи колесниц династии Цин.

Фрагменты окрашенных текстильных изделий из петровских и алакульских памятников красного и красно-коричневого цвета соответствуют основным цветам женской одежды на таримских мумиях в Синцзяне.

Уже достаточно написано в специальной литературе о символике красного цвета в древних социумах, где он, видимо, ассоциировался с огнем и, в едином семантическом ряду с желтым (золотым), обозначавшим солнце, голубым – небо, символизировал основные элементы космогонии скотоводов [Акишев, 1984, с. 133]. Здесь замечу только, что в Китае, в этнографическое время, существовали строгий запрет и смертная казнь за использование красного цвета в практической жизни, поскольку это – исключительная привилегия (инсигния) императора.

Минеральные краски, главным образом охры красно-коричневого и желтоватого оттенков, широко применялись в эпоху бронзы во всех регионах степной Евразии. Например, анализы химического состава (более 60 образцов) из разных памятников Северного Кавказа и Калмыкии показали существование торговых связей с регионами, достаточно удаленными от Калмыкии – с Северным Кавказом, Мангышлаком и бассейном реки Дон. При этом преобладают красные краски, среди которых доминируют собственно охры (гидроокислы железа) и около 10% составляет минерал киноварь, токсичный и опас-

ный для здоровья [Александровская, Александровский, Шишлина, 2000, с. 108-114].

Анализы красного красителя одежды из пазырыкских могил Горного Алтая 4-3 вв. до н.э. доказывают импортное его происхождение из районов Восточного Средиземноморья – при том, что на Алтае произрастает более 60-ти видов растений, которые могли бы использоваться для окраски. Импортировались, вероятно, красители растительного происхождения – корни марены красильной *Rubia tinctorum* L., и животного происхождения – карминоносные червецы рода *Porphyrophora* или рода *Kermes* K. *vermilio*. Марена красильная произрастает также в Европе, Иране, Индии, Китае и Средней Азии [Полосьмак, Кундо, 2005, с. 590-591; 2006].

Технология крашения – довольно сложный процесс, предполагающий длительное кипячение или «холодный способ»: под солнцем в специальных ямах, в которых происходит брожение красителя. Необходимы серьезные познания химических процессов для успешной окраски шерсти [Усманова, 2010, с. 102-104]. Вероятно, как полагает автор, могли использоваться красители, полученные из местных растений, но, очевидно, наиболее устойчивые и яркие цвета давали все-таки привозные красители.

Семена культурных растений.

Судя по многочисленным находкам мешочков с семенами на поясах таримских мумий в некоторых степных погребениях Великого пояса степей, они могли быть важным объектом торговых обменов. Так, при раскопках погребального комплекса Аржан 2 в Туве, датированного первой половиной 6 в до н.э., в основном захоронении обнаружены плоды и семена растений, большинство

из которых являются импортными. В том числе кориандр, ареал распространения которого находится на Ближнем Востоке, черемуха-антипка из Западного Тянь-Шаня, карликовая вишня из Северо-Западного Казахстана, сыть круглая из южных районов Казахстана [Чугунов, 2011, с. 180; Neef, 2010, s. 242-249].

Таким образом, выявляется международная сеть коммуникаций, система глобального разделения труда, позволяющая более объективно и многомерно оценить взаимодействие «мира степей» и древнейших цивилизаций. Выявленные внешние каналы коммуникации степных социумов пока еще документированы неравномерно, что связано с разной степенью археологического обследования такой обширной территории. Характер и особенности процесса культурогенеза и этногенеза в этих контактных зонах еще предстоит изучить, определить характер взаимодействия пришлого и аборигенного населения, понять механизм продвижения: доказать либо одномоментную миграцию населения, либо постепенную инфильтрацию «чужаков» в земледельческие сообщества.

Отдельного исследования заслуживают процессы постепенной смены расового типа населения, языковой и культурной ассимиляции, формирования новых пассионарных этносов.

Далее приведу наиболее крупные и обоснованные каналы коммуникации степняков, зафиксированные по современным данным археологии и письменным источникам (рис. 177).

Туранский канал коммуникации

Имеющиеся в настоящее время фрагментарные археологические материалы не позволяют достаточно надежно проследить пути продвижения степных пле-

мен в южные земледельческие районы Средней Азии или из этих районов – на север.

Находки в оседлых поселениях земледельцев лепной керамики степного типа, металлических изделий из оловянистых бронз позволяют предположить наличие активного канала коммуникации через Ферганскую долину, Прикаспий и районы Приаралья. Менее документировано археологическими материалами продвижение дальше на юг, в направлении Пакистана и Индии, где этот маршрут фиксируется многочисленными находками петроглифов вдоль Каракорумского шоссе [Jettmar 1980; 1983; Dani 1983].

Тазабагьябская культура – 19-17 вв. до н.э. (Карнаб-Синкончи).

Локализуется в Приаралье [Толстов, 1948, с. 67; 1962, с. 47-60; Итина, 1977]. Как вариант тазабагьябской культуры, рассматриваются памятники низовой Зеравшана, основным компонентом сложения которых стали постыямные памятники заманбабинской группы [Гулямов и др., 1966; Кузьмина, 1958; Итина, 1977, с. 232]. Дальнейшее развитие тазабагьябской культуры связывается с контактами местной суярганской культуры и пришлого срубно-андроновского населения [Толстов, 1962, с. 57, 59; Итина, 1977, с. 139-140; 176].

В северном Афганистане на поселении Шортугай слой с харапскими материалами перекрывают могилы бишкентской культуры с лепной посудой степного типа [Francfort, 1989, p. 211-223; pl. XXV-7 и след.]. В материалах поселения имеются «пламевидный» бронзовый нож, шилья и булавки с наверхшиями, а также глиняная фигурка верблюда, аналогичная подобным статуэткам из поселения Пирак в Северном Пакистане [Jarrige, Santoni, 1979, p. 177-179, fig. 94-95].

Или, например, в Центральном Казахстане, на поселениях эпохи поздней бронзы Кент и Мыржик основной стратиграфический пласт содержит находки посуды алексеевско-саргаринского типа с налепным валиком, составляющие подавляющее большинство, бегазинскую керамику, а также посуду южного земледельческого происхождения, изготовленную на гончарном круге [Варфоломеев, 1988, с. 80-99; 1991, с. 16]. Лепная керамика с валиком появляется в культурном слое Намазга VI (11-9 вв до н.э.) в южнотуркменских поселениях, которые сокращаются в размерах в этот период или забрасываются [Kuzmina, Winogradova, 1983].

Носители **бишкентской культуры** по А.М. Мандельштаму были скотоводами и пришли с северо-запада. Эта культура генетически близка андроновской [Мандельштам, 1968, с. 131-141]. Е.Е. Кузьмина атрибутирует бишкентскую (вахшскую) культуру как индоарийскую, подчеркивая при этом ее связи с Северной Индией. Основные истоки данной культуры – заманбабинский и андроновский [Кузьмина, 1974, с. 188-193].

Находки поселения Саразм имеют сходство с материалами из синхронных памятников Южного Туркменистана, северо-восточного Ирана и Белуджистана. Уже упоминавшийся выше зооморфный сосуд из Саразма содержит изображение лица человека, сходное с синташтинско-петровскими и шан-иньскими статуэтками. Согласно хронологии Саразма, обоснованной Р. Безенвалем, датировка памятника определена между второй половиной 4 тысячелетия и второй половиной 3 тысячелетия до н.э. Сосуд с зооморфным декором, согласно этой хронологии, относится к эпохе энеолита. В это время зафиксированы западные связи

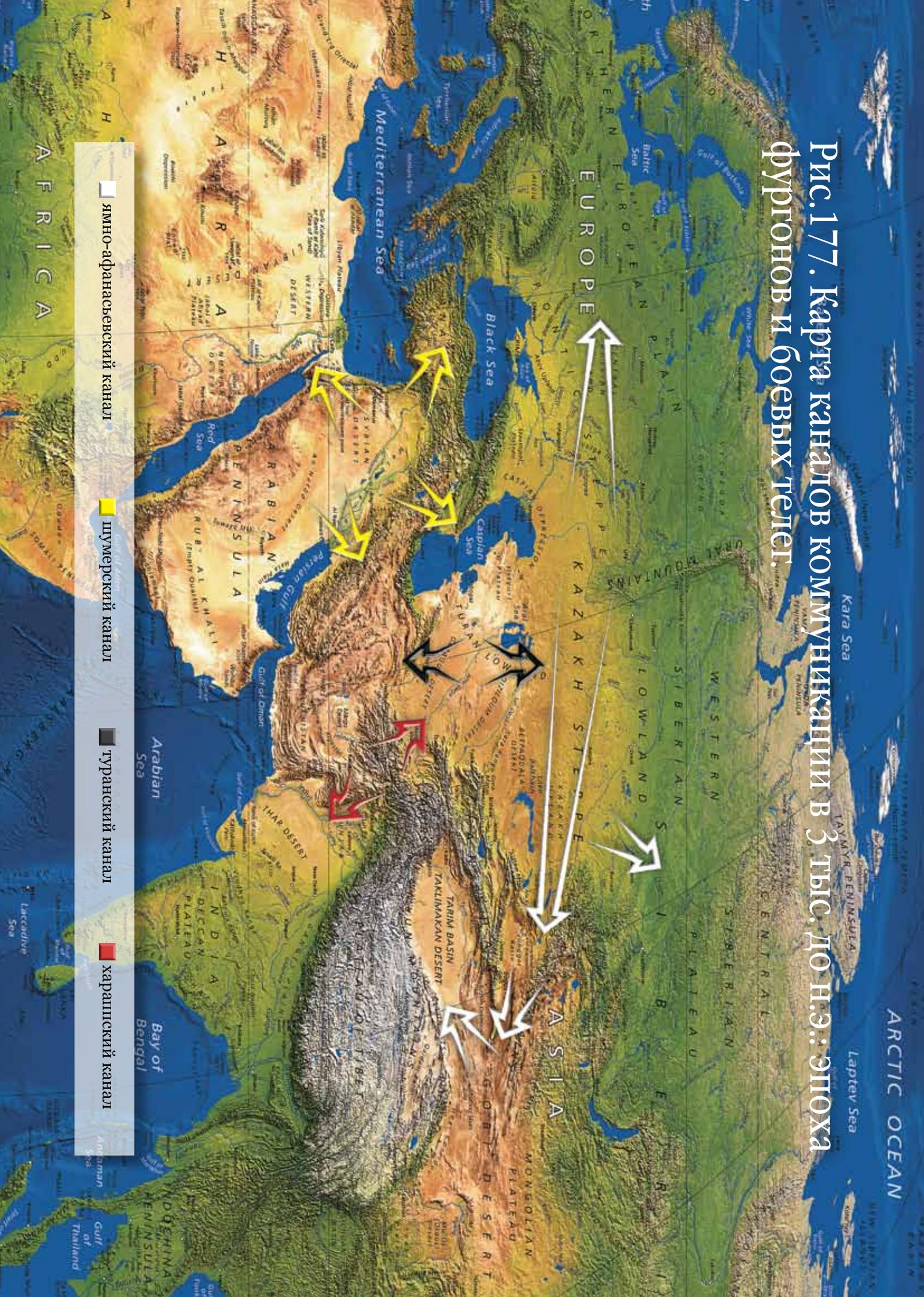
Саразма с другими регионами Среднего Востока, а по сероглиняной керамике кельтеминарского облика – с северными, степными регионами. Приведенная аналогия в мелкой пластике подтверждает наличие северных взаимосвязей [Шкода, 1992, с. 57-59; Besenval, Isakov, 1989, p. 5-20; см. Приложение 3].

Крупнейший специалист по среднеазиатским древностям В.М. Массон относит начало распространения степных комплексов в этом регионе к началу 2 тысячелетия до н.э., когда в местных археологических культурах начинают появляться остатки domesticiрованной лошади и эта постепенная миграция продолжалась в течение всего 2 тысячелетия до н.э. Автор, вслед за И.М. Дьяконовым, отмечает, что «на крайнем юге среднеазиатского региона носители традиций степной бронзы достигают оседлых оазисов, где процветала местная цивилизация древневосточного облика, и проникают в среду городского населения. Это был один из видов процесса культурогенеза – взаимная культурная и, видимо, этническая ассимиляция».

Он определяет эту миграцию не как экспансию завоевателей и не как аморфное «просачивание» степного населения, а как организованный процесс миграции небольших по численности групп. «Надо полагать, заключает автор, что сложившаяся в нуклеарной части степной ойкумены структура раннего комплексного общества с руководящей элитой вооруженных колесничих способствовала этому процессу» [Массон, 1999, с. 72-74].

Полагаю, что это определение ёмко характеризует все степные каналы коммуникации и формирующиеся контактные зоны взаимодействия культур повсеместно в евразийских контактных зонах.

Рис. 177. Карта каналов коммуникации в 3 тыс. до н.э.: эпоха фургонов и боевых телет;

■ ямно-афанасьевский канал

■ шумерский канал

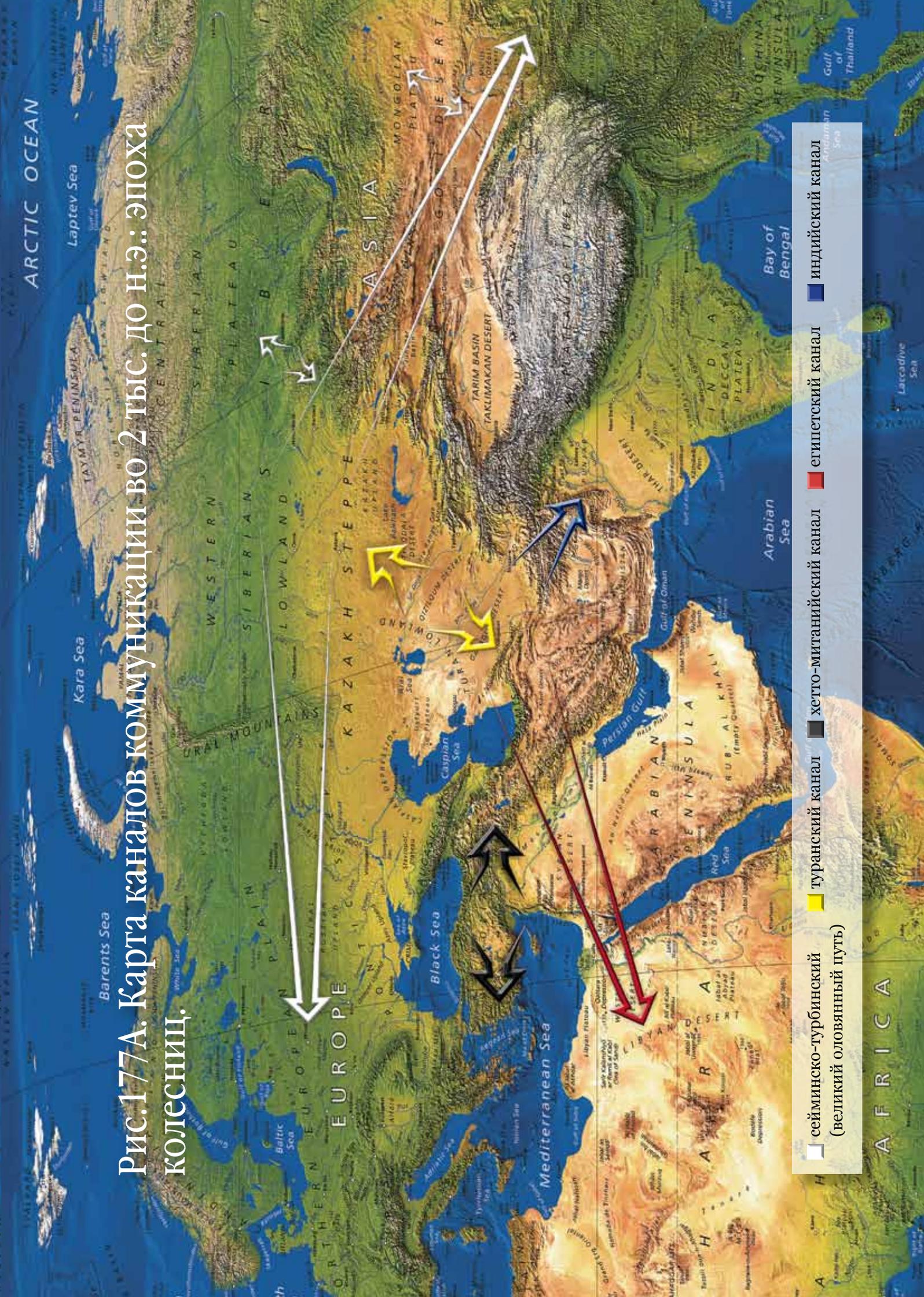
■ туранский канал

■ харашпский канал

А Ф Р И К А

АРКТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Рис.177А. Карта каналов коммуникации во 2 тыс. до н.э.: эпоха колесниц.

- сейминско-турбинский (великий оловянный путь)
- туранский канал
- египетский канал
- хетто-митаннийский канал
- индийский канал

Н.М. Виноградова также полагает, что процесс инфильтрации андроновских племен на юг был относительно медленным, никаких следов гибели земледельческих поселений не наблюдается. Контакты степняков и земледельцев носили мирный характер, что обусловилось обменом продуктов земледелия и ремесла с юга и медью и оловом – из северных областей. Сходные процессы происходят и в южном Узбекистане, на памятниках сапаллинской культуры, что проявилось и в погребальной практике, и в материальной культуре. На юге Таджикистана андроновские племена вступают в контакт и с земледельцами, и с носителями бишкентско-вашхской культуры. Эти коммуникации существуют как в андроновское, так продолжают и в карасукское время [Виноградова, 2000, с. 105-106].

В целом эта ситуация находит объяснение в свете теории Л. Грея и Т. Барроу о расселении индоарийцев и протоиранцев. По их мнению, первоначально на территории Средней Азии и Восточного Ирана постепенно расселились протоиндоарийцы. Последующие миграции были связаны с оттоком части избыточного населения в Индию. Когда иранцы приобрели контроль над этой территорией, они должны были встретить здесь потомков протоиндоарийцев и естественным способом стали с ними смешиваться в течение длительного времени [Vitgrov, 1973; см. подробнее – Литвинский, 1981; 2000, с. 185-288].

Китайский канал коммуникации.

На этих страницах я уже достаточно много привел аргументов в пользу его обоснования. Китайские хроники и надписи на гадальных костях недвусмысленно свидетельствуют об активных контактах со степным населением, при-

Настенная роспись. Династия Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) Повозка, запряженная оглобельным способом запряжки [Over 2200 year Unsolved..., 2011, p. 95].

ходившим с севера. Полагаю, что многие ваны многочисленных государств по северной границе Центральной равнины Китая были старейшинами – вождями степных кланов, мигрировавших вместе со своими сородичами из пределов степной ойкумены. В дальнейшем этот канал коммуникации стал таким мощным, что по мере централизации раннекитайского государства в периоды Цин и Хань потребовал грандиозного по своим трудовым затратам строительства Великой китайской стены, которое продолжалось несколько столетий. Очевидно, существовал ранний канал коммуникации между Хараппой и Северными районами Китая. По крайней мере, буддизм несколько позднее распространился из Индии – в Китай по этому каналу.

Балканский канал коммуникации

Другая система внешних взаимосвязей развивалась между скотоводами и Микенской цивилизацией. Многие исследователи определяют время проникновения

индоевропейских племен в Грецию 1900 г. до н. э. – концом Раннеэлладского III – началом Среднеэлладского I периодов, что соответствует лингвистическим и археологическим данным [Wyatt, 1970, p. 89].

Внезапные изменения в материальной культуре древней Греции наблюдаются именно в период 17-16 вв до н. э., когда появляется традиция изготавливать кинжалы, погребальные сооружения – шахтные гробницы – и изображать на их стенках колесницы [Stubbing, 1963, p. 9; Nilsson, 1933, p. 72]. Эти инновации обычно связываются с египетским или анатолийским влиянием, а появление здесь колесниц объясняется заимствованиями их у гиксосов и египтян, с которыми контактировали древние греки после 1570 г. до н. э. [Schachermeyer, 1951, s. 705-751]. Но все эти предположения противоречат лингвистическим данным – надписям на табличках из Кносского дворца KN Sd0401-Sd0403 – и сведениям из Гомеровской Илиады [Ventris, Chadwick, 1956, p. 365-366].

Письменные источники упоминают о двух типах древнейших греческих повозок: «о легких пароконных колесницах, уздечки которых снабжены украшенными резьбой роговыми удилами (псалиями) и нащечными ремнями» и о четырехколесных телегах, запряженных мулами [Илиада, 24, 266 – 275].

Лингвистический анализ греческих терминов, связанных с повозкой, показывает, что несомненное индоевропейское происхождение имеют названия собственно колесницы, колеса, оси, ярма, поводьев и оголовья лошади. Названия же деталей узды – либо индоевропейская калька иностранных терминов, либо собственные обозначения греков для неизвестных им ранее пред-

метов [Wyatt, 1970, p. 102]. Скорее всего, индоевропейское происхождение имеет греческое название лошади – *hippos*, которое, если судить по находкам остатков domesticированных лошадей в Трое VI, в слое, датированном 19 в. до н.э., и в Малфи (Malthi), свидетельствует о более ранних контактах скотоводов и древних эллинов [Frisk, 1960, s. 733-735].

Археологические и лингвистические материалы крито-микенской культуры также, очевидно, свидетельствуют о наличии развитого канала коммуникации со степными группами населения. Активизация этих контактов отмечается в 19-16 вв до н.э. Очевидный результат этих отношений – развитие в степной орнаментальной традиции микенской «бегущей волны» и меандра – особо характерных элементов алакульского и андроновского декора посуды.

Иранский канал коммуникации

По археологическим данным, индоиранская общность должна была окончательно распасться в период между 17 -12 вв. до н.э. [Кузьмина, 1994].

Э.А. Грантовским [1970] на основании анализа иранских имен в Передней Азии установлено, что иранцы появились на территории Иранского плато в конце 2 тыс. до н.э. и стали многочисленны лишь в 8 в. до н.э.

В культуре Ирана в этот период возникает ряд существенных инноваций. Так, в Хасанлу, Динка-Тепе, Марлике, Бабаджане археологи обнаружили чуждый древним культурам Ирана обряд ритуального захоронения лошади, а в Луристане и Сиалке VI – обряд захоронения конской сбруи; в искусстве отмечаются многочисленные изображения всадников, коней, лошадиных грифонов, найденные в Амлаше, Луристане. В

Сиалке VI и Гияне найдены бронзовые удила предскифского типа [Кузьмина, 1994, с. 163-194].

Р. Гиршман первым сопоставил эти инновации в культуре, прослеженные им в Сиалке, с миграцией индоиранцев. В пользу этого предположения свидетельствует то, что эти новые черты в духовной культуре Ирана имеют длительную традицию развития в евразийских степях [Кузьмина, 1971; 1977; 1994; Погребова, 1977; Mallory, 1981]. Видимо, эти ритуальные захоронения и изображения коней и всадников фиксируют путь ираноязычных племен, двигавшихся из евразийских степей на Иранское плато и принесших с собой навыки коневодства и культ коня.

По свидетельству переднеазиатских письменных источников установлено, что ранее середины 2 тыс. до н.э. группа индоариев проникла на север Месопотамии и в южную часть Армянского нагорья. Они заняли господствующее положение в государстве Митанни и соседних государствах, что документируется распространением имен индоиранских богов, а также индоиранских имен (в том числе — у представителей правящей династии и знати). О роли в этом обществе конных колесниц свидетельствуют титул правителя: буквально — «управляющий конями» — и имена правителей по одной из этимологий Твишратха: «имеющий мчащиеся колесницы», Абиратташ — «стоящий лицом к колесницам», Вридхашва — «обладающий большими конями» [Барроу, 1976, с. 30; ср: Елизаренкова, 1989, с. 429,430]; на существование привилегированного сословия воинов указывает термин «марианни», обозначающий знать, от индоиранского «мар» — мужчина. [Кузьмина, 1994, с. 163-194].

В интерпретации древних текстов мнения лингвистов расходятся. Одни полагают, что индоиранцы обитали в

Анатолии в 4 – 3 тысячелетиях до н.э., и обосновывают сходство шумерского и индоиранского языков: например, шумерского si-si (лошадь) с индоиранским asve – ek'uo, а также заимствование в индоевропейский некоторых семитских языковых основ [Гамкрелидзе, Иванов, 1984]. Индоарийские глоссы встречаются в терминологии, связанной с колесницей и лошастью, в руководстве конюха Киккули, составленном для хеттских царей.

Индоарийские боги Митра, Варуна, Индра и Насатья призывались в качестве гарантов договора между хеттским царем Сапилиулиумой I и митаннийским царевичем Шаттивазой, а Митра вообще выступает в текстах как бог союзов [Mayrhofer, 1966]. По мнению этих исследователей, приход ариев в Митанни произошел в 16-15 вв. до н.э., они были носителями особого арийского диалекта [см. Ghirshman, 1977, p. 20-32].

Другие лингвисты [Дьяконов, 1989, с. 5-21; Kammenhuber, 1961] полагают, что фонетическая система шумерского языка была очень сложна, напоминая восточнокавказские языки; типология протокартвельской структуры слова поразительно напоминает протоиндоевропейскую; хуррито-урартские языки принадлежат к восточно-кавказской языковой семье. Вслед за С.А. Старостиным, И.М. Дьяконов признает связь кавказских языков с кетскими на р.Енисей, а также с сино-тибетскими. С восточнокавказским происхождением связывается хуррито-урартский язык, а с западнокавказским — хеттский.

Оспаривается арийская принадлежность глоссов в клинописных текстах 2 тысячелетия до н.э., которые даны в хурритской, по мнению автора, форме; отмечается, что список богов, гарантирующих хетто-митаннийский мирный до-

говор, очень большой, а арийские боги упоминаются в нем на последнем месте. Из приведенных сопоставлений следует вывод, что для индоевропейцев в Передней Азии «просто не остается места».

Несмотря на различие мнений, возможность пребывания индоевропейцев в Передней Азии не должна исключаться. Формы такого присутствия могли быть различными, что требует конкретизации по археологическим данным.

Здесь полагаю уместным вернуться к древностям сейминско-турбинского феномена, точнее – обратиться к исторической судьбе его носителей, обладавших передовой бронзолитейной и своеобразной изобразительной традициями, в основе которых – использование оловянистых бронз, навыки втульчатого литья и особая манера изображения лошадей. Этот феномен непосредственно связывается с карасукскими древностями.

Представляется, что немногочисленные сейминско-турбинские памятники оставлены группами кузнецов, объединенных по родственному и производственному принципам, с особым кастовым социальным статусом, и инкорпорированных в мощные, прежде всего – постабашевские и раннеандроновские этнические образования, а не наоборот, как полагают Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых. Сакральный и кастовый характер профессии кузнеца известен по этнографическим данным почти у всех народов мира.

Это предположение подтверждается и сейминско-турбинскими находками в петровско-синташтинских [Зданович Г. Б., 1988, с. 138; Генинг, Зданович, Генинг, 1992] и Покровских курганах в Поволжье [Бочкарев, 1986, с. 107-109]. Двухлезвийный бронзовый нож с плоским черешком сейминского типа найден на поселении металлургов Акмая в Сары Арке [Кадыр-

баев, Курманкулов, 1992, с. 66, рис. 34-1] и других алакульских памятниках (сейминско-турбинского облика копье, бронзовый сосуд из Ащису – новые материалы И.А. Кукушкина), и таких находок с каждым полевым сезоном становится все больше и больше.

О разнородном этнокультурном составе сейминско-турбинских производственных групп косвенно свидетельствует отсутствие территориальной локализации этой культуры, «пестрый» антропологический тип ее носителей [Дремов, 1984, с. 14-21] и трудности с определением собственно сейминско-турбинской керамики как таковой [Черных, Кузьминых, 1989, с. 228-230, 240]. Тут мы имеем дело с уникальным для советской археологии случаем, когда выделены мощные бронзолитейная и изобразительная традиции, а вот археологической культуры «под них» до сих пор не нашлось. Вероятно, поэтому Г. Парцингер назвал сейминско-турбинский транскультурный феномен искусственным образованием [Парцингер, 2000, с. 68].

Представляется, что существование трансконтинентального «Великого оловянного пути» есть ключ к сути этнокультурных процессов в Великой степи также и в конце второго тысячелетия до н. э. вообще, и в контактных зонах – в частности. Именно этот путь, как позднее – Шелковый, стал каналом распространения не только медной руды и присадок для производства бронзы, но и новых знаний, дорогой постоянных миграций различных племен и, очевидно, семейных групп потомственных кузнецов – носителей технологии производства самого современного для своего времени вооружения и секретов бронзового втульчатого литья. Не исключена миграция этих производственных групп в составе части кочующих с востока на запад карасукских племен.

Так, в эпоху развитой бронзы на поселениях Атасу, Мыржик, Ак-Мустафа, Акмая в Центральном Казахстане активно развивался собственный центр бронзовой металлургии, возникший здесь, очевидно, под влиянием раннеалакульского импульса или непосредственной миграции этих племен на юг. Однако в эпоху средней бронзы этот центр приходит в упадок, кузнецы покидают эти места, и население более позднего периода, на рубеже первого-второго тысячелетий до н.э., вновь заселяет эти поселения, но специализируется уже на занятии скотоводством. [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 148-149, 234-237]. А кто же, в таком случае, смог изготовить новационное вооружение бегазы-дандыбаевского времени? Ответ один: только люди, прекрасно владеющие навыками и секретами его производства и вернувшиеся в родные места своих далеких предков.

Любопытную ситуацию зафиксировали древнейшие клинописные тексты Ассирии и Нововавилонского царства 7-6 вв. до н.э.. В вавилонской письменной традиции термин «киммерийцы» описывает, как правило, все известные вавилонянам кочевые народы и страны: скифов, саков и, очевидно, собственно киммерийцев и их страну – Gumiraiā. В Ассирии 7 века до н.э. этот термин использовался как самоназвание самостоятельного народа, наряду со среднеазиатскими саками (скифами). [Иванчик, 2001, с. 16-20]. При том, что ассирийцы непосредственно контактировали со степными народами и лучше вавилонян знали своих степных соседей.

Киммерийцы неоднократно предпринимали успешные военные набеги на древнейшие государства Переднего Востока, и их окончательное «изгнание из Азии» приписывается лидийскому царю Алиатту в 7 веке до н.э. (714 г. до н.э.).

Киммерийцы, в отличие от саков, никогда не были союзниками ассирийских царей и значительное время являлись грозным военным объединением. Возможно, для защиты от такой грозной военной силы начал строительство Великой Китайской стены император Ичжен.

Таким образом, возникновение мегалитического феномена бегазы-дандыбаевской культуры Казахстана, традиции возведения оленных камней в Центральной Азии рассматриваются как результат серьезных этнокультурных процессов в степной Евразии во втором и начале первого тысячелетий до н.э. и непосредственно связывается с миграциями населения карасукоидного типа, владевшего самыми передовыми для своего времени навыками производства совершенного оружия, строительства мегалитических сооружений, секретами втульчатого бронзолитейного производства и использования боевых колесниц. Это были потомки тех первых «колонистов», добравшихся в 3-м тысячелетии до н.э. до Минусинской котловины, «осевшие» там и в предгорьях Алтая на несколько поколений. Возможно, именно эти племена позднее стали известны как киммерийцы и вписали немало славных страниц в анналы истории Древнего Мира.

Попытки найти остатки материальной культуры киммерийцев-карасукцев на территориях цивилизаций Переднего Востока [Иванчик, 2001] представляются заранее обреченными на провал, поскольку это были мобильные рейды, исключительно походы за добычей, «молниеносные» по историческим масштабам; погибшие воины согласно традиции сжигались, а в память об их героических подвигах на родине, в Гумирайе, возводились своеобразные кенотафы – многочисленные поминальные комплексы с оленными камнями.

Очевидно, что такое понимание сейминско-турбинских и карасукских древностей, как в динамике своего развития, так и в системе взаимосвязей их носителей с другими общностями, имеет индоарийскую этническую основу, ставшую впоследствии базой формирующегося прототюркского этноса, где-то на просторах Ордоса (Гумирайи), а население срубной и андроновской общностей, а также, возможно, тазабагъябской культуры составило индоиранскую (древнеиранскую) этническую основу скифо-сакского сообщества племен.

В любом случае, выявленная выше разница в манере изображения и иконографии колесничных петроглифов Восточной Азии подтверждает это предположение. Более того: отчетливо выделяются археологические культуры, носители которых были знакомы с некоторыми новационными технологиями, бережно оберегаемыми и используемыми в повседневной жизни, и социумы, не знакомые или не использующие таковые.

Конфликт интересов этих двух этнических групп определял особенности взаимоотношений этих социумов между собой и существенно повлиял на исторические судьбы и этногенез многих проживающих здесь народов. Внешние каналы коммуникации, созданные этими двумя группами, диктовали особенности взаимодействия степняков и практически всех оседлых цивилизаций Евразии в эту удивительную и незаслуженно забытую эпоху колесниц. ■

В целом, судя по приведенным выше лингвистическим и археологическим данным, направленность сложившихся в степной Евразии каналов коммуникации ориентирована как на запад, так и на восток, и на юг. Выявленный в предшествующий исторический период трансконтинентальный транспортный коридор и направленность коммуникаций сохранялись и активно развивались в эпоху колесниц.

Исследование истории этих коммуникаций удивительным образом открывает некоторые тайны генезиса многих знаменитых цивилизаций древности и несколько меняет устоявшиеся стереотипы. Отдельное изучение древних технологий и новаций, консервативных ритуалов и традиций позволяет заполнить многие лакуны в познании Древнего Мира, происходящие от естественных недостатков используемых в наших исследованиях источников, снять многие спорные вопросы, типа: что первично – всадничество или колесница.

Совершенно очевидно, что многие изобретения кардинальным образом могли менять повседневную жизнь древних сообществ, а порой и определяли историческое содержание целых эпох, становились основой каналов коммуникации этих социумов и помогали, облаченные в «чудесные» одежды, создавать древнейшие шедевры мировой архитектуры, формировать этническую идентификацию социума, регулировать социальные и морально-нравственные установки древних сообществ.

Особенно важна была такая коммуникация в мобильных, подвижных социумах, где образ жизни не позволял вести многовековые записи, хроники или летописи, где господствующим каналом передачи информации был вербальный, либо знаково-образный, а может быть,

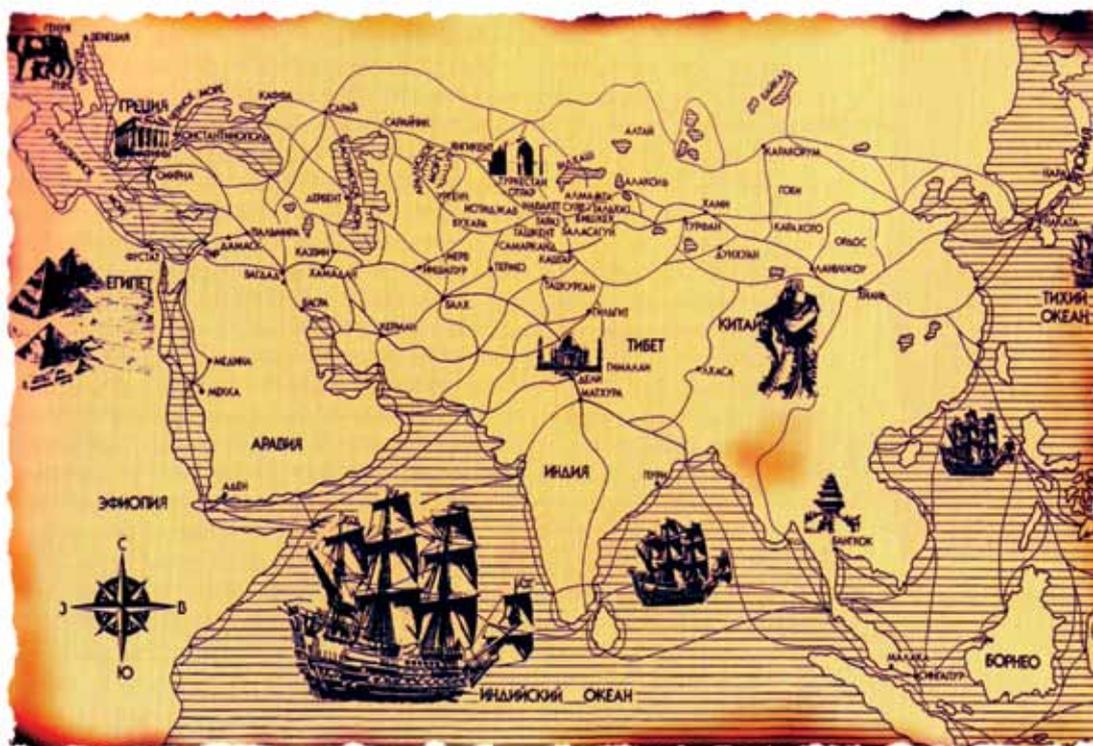

Рис. 178. Карта Великого Шёлкового пути. [Байпаков, 2007, с. 37].

и музыкальный. Там, где не было государственных или иных социальных институтов бюрократического воздействия на социум.

Очень часто эта особенность ошибочно приравнивается к дикости или варварству, в противовес главному признаку цивилизации земледельцев – письменности. В действительности же – это всего лишь разные формы одного канала коммуникации, в котором главное место занимает не кодировка и форма процесса, а сам «message» – послание, информация, которую хотели передать древние. То, что мы не всегда можем найти правильную расшифровку этого послания, совсем не означает примитивный характер этого послания или его фантастическую суть. Наоборот: как правило, это есть высшая форма абстракции, образного мышления и художественного

обобщения, происходящая от совершенно иного способа мобильной, кочевой жизни и соответствующего восприятия окружающей действительности. Сообразно нашим представлениям, мы пытаемся «расшифровать» послание, но при этом применяем совершенно «чужой», принципиально неприемлемый код дешифровки.

Разница в ментальности и восприятии скотовода и земледельца, древнего человека и современного ученого порой создает невероятные шумы и помехи, которые не только не позволяют реконструировать предполагаемую ответную реакцию сообщения, но и даже делают невозможным расшифровку самого «message». Комплексное изучение не только материального, но и духовного мира ранних скотоводов, реконструкции древнейших технологий, традиций и

ритуалов с целью извлечения объективной информации смогут кардинально поменять ситуацию.

Последующие периоды в истории коммуникаций степного населения Евразии демонстрируют поразительное повторение сходных циклов и формирования стандартных каналов коммуникации на базе новых «чудесных» изобретений: успехи в джигитовке и доместикации лошадей, совершенствование систем узды и конского снаряжения вывели на авансцену мировой истории всадника верхом на лошади или на верблюде, который стал символом эпохи ранних кочевников. И вновь мы видим повторение маршрутов и направлений каналов коммуникаций, приводившее к падению Западной Римской империи и Великому переселению народов.

Сложившиеся однажды пути движения древних скотоводов использовались и в более поздние исторические эпохи, вплоть до этнографической современности, поскольку ориентированы на приемлемые природно-экологические условия такого продвижения. Нет оснований считать, что это было только движение в одном направлении: скорее, оно носило циклический или возвратный характер, что также происходит из глубинных основ уклада хозяйства скотоводов.

Некоторые исследователи истории Великого Шёлкового пути (рис. 178) предполагают его возникновение на основе ранних обменных и торговых контактов – олово, медная руда, лошади и др., – восходящих к 3-2 тысячелетиям до н.э., [Байпаков, 2007, с. 14, Кузьмина, 2010], но начало его деятельности как транспортной артерии с вероятностью относят к середине первого тысячелетия до н.э., когда зафиксированы первые массовые поставки лазурита из

«Путешествие Ван Чжаоцзюнь на север», автор Чю Ин: в 35 г. до н.э. китайский император Юаньди (Западная Хань) благословил династический брак красавицы Ван Чжаоцзюнь с правителем гуннов – Хуханьсе, что обеспечило мир с воинственными гуннами на 40 лет и безопасный проход торговых караванов с шёлком через северные территории [Китай: история и цивилизация, 2007, с. 58].

горных месторождений Бадахшана и нефрита из верховий реки Яркендарь (Хотан) в Китай, Иран, Месопотамию, Египет и Сирию.

Наряду с лазуритовым и нефритовым каналами коммуникации, с 6-5 вв. до н.э. отмечается развитие и так называемого «степного пути», по которому уже, собственно, шёлк стал вывозиться из Китая. Существование этого пути солидно документировано находками китайского шёлка в Пазырыкских курганах и других синхронных памятниках. Этот степной путь начинался в большой излучине реки Хуанхэ, пересекал восточные и

северные отроги Алтая, степные просторы Казахстана и Причерноморья, достигал земель греков и этрусков. В это же время шёлк – «синапатто» – проник и в Индию, о чем свидетельствуют письменные источники [Байпаков, 2007, с. 14-15; 111-124].

Наряду с «лазуритовым» и «нефритовым», очень рано сформировался «янтарный» путь, восточная ветвь которого пролегла от побережья Балтийского моря, вдоль Вислы, и через территорию Киевской Руси доходила до Черного моря, где, в свою очередь, соединялась с древними караванными дорогами, связывающими Европу с Ближним Востоком, Передней и Восточной Азией.

Наряду со «степным путем» действовал и «западный меридиональный путь», соединявший Центральную Азию и Южную Сибирь с юго-западными районами современного Китая. Многолетние раскопки памятников на этой

трассе выявили дянскую культуру 4-2 вв. до н.э. Элитные погребения этого типа связываются с государством Дянь, расположенным в верховьях р. Янцзы, и демонстрируют богатейший набор вещей, выполненных в традиционном для степи «зверином стиле». Материалы могильников в Шичжашане и Тайбайшане свидетельствуют о хорошо развитой и активно функционирующей системе каналов коммуникации между «степным миром» и ранними китайскими государствами [Байпаков, 2007, с. 114-115].

При этом традиционно начало деятельности Великого Шёлкового пути, как глобальной трансконтинентальной артерии, исследователи относят только к 138 г. до н.э., когда состоялась тринадцатилетняя дипломатическая поездка князя Чжан Цзяня, посланного ханьским императором У Ди, с целью обследования неведомых северных и западных земель. ■

Глава 5

«Message»: коммуникации с богами

«**Ч**удесная повозка»
Повозка, и особенно колесница, как совокупность самых передовых достижений древних социумов, однозначно воспринимались незнакомыми с этим изобретением этносами как «чудо», представлялась проявлением божественных и сверхестественных сил. И в силу этого обстоятельства «естественным» образом обожествлялась в рамках примитивных мифологических концепций степных (и не только) социумов, становясь важным элементом таких систем, главным атрибутом верховных божеств любого Пантеона в древнем мире, обеспечивающим связь между миром простых смертных и миром небожителей.

Образ колесницы был крайне необходим также вождям, старейшинам, жрецам для выстраивания внутренних коммуникаций в рамках своего социума для наиболее эффективного воздействия на его производственный потенциал, мобилизации ресурсов и реализации масштабных проектов культового строительства, сообразно мифологическим представлениям жрецов или согласно разнообразным «иррациональным», с точки зрения современности, прихотям правителей и тиранов.

В свое время Я. А. Шер, анализируя колесничные сюжеты Саймалы-Таша, выделил группу «чудесных» колесниц,

запряженных парой животных разного вида, и сравнил их с многочисленными письменными и изобразительными текстами Евразии [1980, с. 281-287]. Действительно: в античной, ведийской и индоиранской мифологии содержатся многочисленные истории с участием колесниц верховных божеств, запряженных различными фантастическими существами.

В петроглифах Восточного Казахстана (Мойнак, рис. 179) З. С. Самашевым [Samashev, 1992, p. 131, pl. 92] обнаружена композиция, в которой два козла впряжены, либо запрягаются, в повозку человеком; рядом выбиты два круга, соединенные линией, две фигуры собак и два горных козла. Для расшифровки сюжета автор обращается к ведической мифологии и сравнивает его, в частности, с образом Пушана, важнейшим атрибутом которого является запряженная козлами колесница; в ритуалах ему полагается, в качестве жертвенной доли, козел.

Тесная связь Пушана с образом козла подчеркивается и его внешним видом: волосатость, взлохмаченные волосы. Все эти особенности Пушана сближают его с литовским Перкунасом, германоскандинавским Тором, древнегреческим Паном, славянским Перуном, образы которых имеют общеиндоевропейские истоки.

Пушан – покровитель пути, связывающий две точки пространства: небо и землю (верх и низ); он первоначально рожден на небе (на высоте), вторично – на земле (в глубине), один из атрибутов его – стрекало [РВ, VI, 58, 2].

В ведической космологии небо и земля обозначены в виде двух колес на разных концах оси [Топоров, 1964, с. 107]; возможно, два знака в виде «гантелей» из Мойнака обозначают две точки мифологического пространства: верх и низ, между которыми лежит путь Пушана на колеснице, влекомой двумя козлами [Огибенин, 1968, с. 70-76]. Две фигуры горных козлов (одна в перевернутом положении) в композиции могут быть трактованы как атрибут и жертвенная доля Пушана, а лошадь (собака?) – как жертвоприношение богу солнца [Самашев, 2010].

Ю.И. Михайлов, анализируя этот сюжет, полагает, что сам факт помещения человека перед запряжкой имеет принципиальное значение, поскольку в тексте «Младшей Эдды» сообщается, что к месту судьбища все боги съезжаются на конях, и только Тор – противник мирового змея и обладатель чудесной повозки, запряженной козлами – приходит пешком [2002, с. 57]. Некоторые иконографические (и семантические) параллели рассматриваемой «чудесной» упряжки находят недвусмысленные аналогии в китайской мифологии [Евсюков, Комиссаров, 1994, с. 93-94; 1995].

Выше уже приводилось погребение с «чудесной» козьей упряжкой в шаньиньском могильнике Гоцзячжуан. Эта находка наглядно подтверждает достоверность дешифровки подобных сюжетов и, соответственно, значительно сужает круг поисков среди многочисленных мифологических историй и образцов ритуальной (магической) практики древних степных социумов.

Рис. 179. Казахстан. Тарбагатай. Мойнак. «Чудесная повозка» [Samashev, 1992, fig. 92].

Изобразительный ряд

Важные совпадения иконографии и семантики основных персонажей центральноазиатской изобразительной традиции обнаруживаются в культуре Триполья-Кукутени и производных от нее степных культурах (рис. 180-181).

Так, в Усатовском I могильнике, в курганах 3 и 11, найдены известняковые плиты с изображениями животных и человека. Две из них находились среди камней юго-восточной части кромлеха кургана 3. Меньшая плита имела два чашевидных углубления и рельефные изображения лошадей на оборотной стороне, обращенной к земле. На второй плите выбиты фигуры человека, оленя и рельефные изображения лошадей (рис. 181:23) [Патокова, 1957, 1979].

Как и на Керносовском идоле, на плитах могилы у ст. Новосвободная наблюдается сочетание антропоморфной фигуры с растопыренными пальцами и нескольких лошадей. Изображения оленей, сходные с усатовским, широко представлены в петроглифах Монголии энеолитического периода.

Усатовский антропоморфный персонаж изображен либо в маске (?), либо с раскраской лица (?) и выполнен в своеобразном битреугольном стиле, характерном для изображений человека на трипольской керамике (рис. 181). Примечательно, что подол платьев (?) у этих фигур оканчивается висячими кистями – точно такими же, как на рукавах у каракольских фигур на Алтае. У антропоморфных изображений, нарисованных или вырезанных на трипольской керамике, пальцы рук намеренно показаны растопыренными (Жуковцы, Лука-Врублевецкая, Тырпешти III и др.) – так же, как на изображениях людей в Монголии, Синцзяне и на Кавказе.

Ранее во всем массиве изобразительных источников на основании статистических данных выявлен «изобразительный ряд» повозок и колесниц: повозка > бык > горный козел (олень) > собака > человек (солярная символика); для колесниц: колесница > лошадь > горный козел (олень) > собака (волк) > человек (ступня – рука – солярный знак).

Причем, для монгольской изобразительной традиции характерно сочетание образа колесницы преимущественно с образом оленя. Далее рассмотрю подробнее составляющие эти ряды образы и их возможную «дешифровку», без дополнительного анализа образа повозки-колесницы, посредническая трактовка которого достаточно понятна и универсальна.

Колесничий, возница, (ступня, рука, солярная символика). Сочетание двух признаков: отходящие от головы лучи («солнцеголовые» антропоморфные существа) и намеренная «распальцовка» позволили выделить из общей массы сходных фигур рассматриваемую серию изображений.

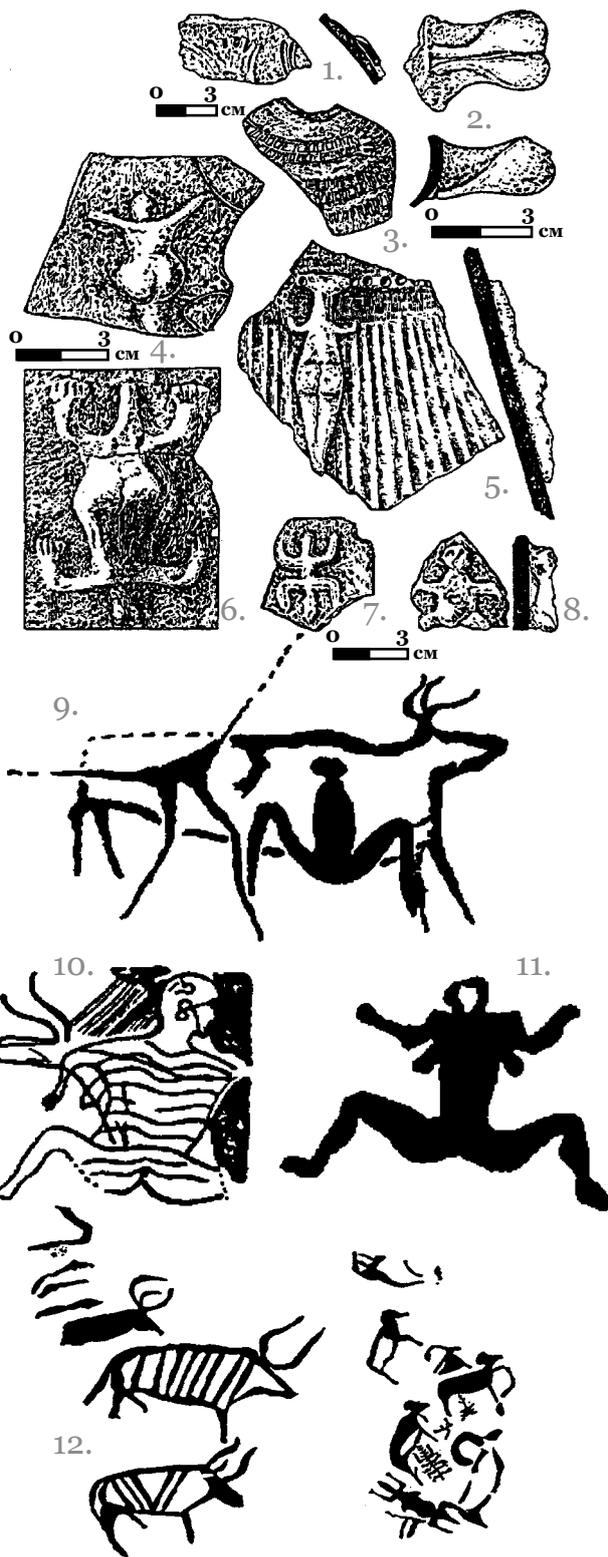

Рис. 180. Изображения Матери-прародительницы. 1, 2 – Извоаре I; 3 – Флорешты II; 4 – Траян-Дялул Фынтынилор II; 5, 8 – Бырлэлешты; 6-7 – Трешешты I; 9 – Усть-Туба III; 10 – Черновая VIII; 11 – Сыда; 12 – петроглифы долины р. Чулуут. [Энеолит СССР, табл. LXXIV; Шер, 1980, рис. 125; Новгородова, 1984].

Рис. 181. Изображения людей и животных в искусстве степных и трипольско-кукутенских обществ. 1, 2, 6-8 – Костешты IV; 3-5, 9 – Брынзены III; 10-13 – роспись краской на остатках циновки, обнаруженной на заплечиках могилы 11, кургана 3, могильника Батурицкий II; 14-15 – Ржищев; 17 – Кошиловцы-Обоз; 18 – Бэлтени; 19 – Бильче Золотое-Вертеба; 16, 21, 22 – Траян-Дялул Фынтьинилор III; 20 – Гелэешти; 23 – Усатово, курганный могильник I; 24, 26, 27 – Тырешти III; 25 – Лука-Врублевецкая; 28 – Жуковцы; 29-30 – Веремье; 31 – Гребени. [Шарафутдинова, 1983; Энеолит СССР, табл. LXI].

Древнейшие изображения повозок в Южной Сибири – фургон с бычьей запряжкой на Знаменской стеле и телега из ст. Усть-Бюрь – соседствуют с изображениями личин (рис. 84; 85:1). «Солнцеголовые» возникшие двуколки и телеги, аналогичные изображениям на хараппской керамике, представлены в петроглифах Саймалы-Таша, а в более позднее время – на скалах урочища Ешкиольмес в Южном Казахстане.

«Солнцеголовые» возникшие управляют колесницами в росписях индийских гротов. Такое сочетание двух древнейших персонажей – колесницы и «солнцеголового» антропоморфного существа – не может быть случайным и, очевидно, свидетельствует об их мифологической близости, если не тождественности (рис. 91).

Своеобразная, легко узнаваемая иконография «солнцеголовых» антропоморфных существ в азиатской изобразительной традиции происходит, возможно, от головного убора или маски из перьев птиц.

Головной убор сходного типа известен у североамериканских индейцев и некоторых народов Африки, он наиболее наглядно различим в каракольских изображениях. Птицеголовая маска изображена в гравировке антропоморфной фигуры на плите из могильника Тас-Хазаа. Культовая роль птиц отмечена в погребении 21 могильника Черновая VIII, где вместе с сакральными предметами найден череп журавля-красавки. Культ этой птицы активно развивался в Китае в период ранних династий – известны огромные погребальные ямы с погребенными статуэтками этих птиц.

Головной убор с отходящими отростками найден и в могилах знатных женщин Ура [Брей, Трамп, 1990, фото 104]. Иногда шапки-маски у антропоморф-

ных фигур имеют коническую форму, но всегда оканчиваются небольшими отростками (Тас-Хазаа, Чулуут) [Леонтьев, 1978, с. 88-118; Новгородова, 1989, с. 96]. Они абсолютно сопоставимы с головным убором сакского «царевича» из кургана Иссык [Акишев, 1978].

Другой признак, объединяющий антропоморфные фигуры, – намеренно растопыренные пальцы рук (Керносовский идол) или явно выраженная их двух-трехпалость (Чулуут, Тас-Хазаа, Каракол, Новосвободная). Отмечу также одну особенность каракольских фигур: у некоторых из них изображены «хвост» и лук. Эта особенность позднее, в эпоху бронзы, становится определяющей в изображении фигур мужчин повсюду в петроглифах Средней и Центральной Азии [Кубарев, 1987, с. 150-170; 1988].

Поразительно сходные с каракольскими рисунки найдены в Восточном Казахстане [Самашев, 1992] и в китайской провинции Юнань. Здесь, в местечке Кангуан, на открытой скале нарисованы красной краской многочисленные фигуры: знаки, животные и «солнцеголовые» существа [Chen Zhao-fu, 1988, p. 100-101, pl. 64-69 и след.]. Сходные фигуры обнаружены в петроглифах Синьцзяна, Алтая, Тувы, на керамике поселения Самусь IV и в петроглифах долины р. Ангара в таежной зоне.

Южная группа аналогий представлена находками в степной части Казахстана – в долине р. Байконур, в алтарной части урочища Тамгалы, а в Киргизии – на Саймалы-Таше. В этих изображениях наблюдается определенная канонизация персонажа, голова которого напоминает здесь детский рисунок солнца. И, наконец, аналогичные изображения найдены в росписях гротов Индии и на керамике хараппской цивилизации [Brooks, Wakankar, 1976, p. 32].

Изображения личин связаны с «солнцеголовым» персонажем и являются его частью по принципу *pars pro toto*, либо представляют изображение собственно головного убора-маски. Это можно проиллюстрировать сходством каракольских фигур и некоторых ранних афанасьевских (окуневских) изваяний: вместе с тем – именно изображения личин получили значительные стилистические изменения в окуневское время и позднее. Представление о такой стилизации в эпоху бронзы можно составить по петроглифам Мугур-Саргола в Туве [Дэвлет, 1980, с. 226, рис. 10].

Ведическая традиция – Митра (Варуна) и Индра

В Ригведе упоминается несколько богов Солнечной династии: о Пушане я уже упоминал выше, Митре полностью посвящен один гимн [РВ, III, 59], Индра упоминается как бог-громовержец.

С солнечным божеством Сурья и солнечной колесницей тесно связаны близнецы Ашвины – «внуки неба». В колесницу Ашвинов запряжены кони или птицы (орел), или кони, похожие на орла. В индийской иконографии два Ашвина располагаются по сторонам Солнечного божества – в виде головы лошади на стержне [Литвинский, 2000, с. 285-286].

Митра чаще всего образует пару с Варуной, которая фигурирует как нечто единое (близнечный культ?). Митра (один или с Варуной) заполняет воздушное пространство, «удерживает небо и землю» [РВ, III, 59, 1], укрепляет небо и солнце, вызывает восход солнца [РВ, IV, 13, 2]. Солнце (Сурья) является глазом Митры и Варуны [РВ, I, 50, 6]. Непременными атрибутами связи с солнцем являются мотивы небесной езды, кони, колесница [РВ, I, 122, 15], золотой трон [РВ, I, 139, 2]. Митра и Варуна вместе

следят за сменой дня и ночи, но Митре всегда принадлежит день, а Варуне – ночь. Митра всегда отождествляется с солнцем. Более четкая оппозиция цветов приводится в Ригведе [РВ, I, 115, 5], где признаки солнца – «сверкающее» и «черное» – распределены соответственно между Митрой и Варуной.

В социальном космосе основная функция Митры – объединение людей [РВ, III, 59, 1, 5]. Митра выступает здесь как бог дружбы, объединяющий людей в особую социальную структуру и устанавливающий с ними договор.

Этот договор соответствует универсальному космическому закону рита (*rita*) и движению солнца. Митра привязан к земле людей, к твердой почве, он всегда сопутствует живым и не имеет, в отличие от Варуны, связей с царством Ямы [РВ X, 14, 7].

Другой бог из Солнечной династии – Индра. Его подвиги связываются с космогоническим актом творения всего сущего: победа над змеем-драконом Вритрой символизирует смену времен года, «победу» весны, поры обновления, над надоевшей, холодной зимой. В его образе зачастую персонифицируется солнце, он созидает новый миропорядок: «...благодаря своему величию надел небо себе на голову...» [РВ, II, 17, 2].

Вообще, змеборческий сюжет пронизывает всю индоарийскую мифологию, где победа бога-громовержца Индры над гигантским змееподобным чудовищем Вритрой, порождением богини влаги Дану, и освобождение живой воды и огня, а также похищенного света в образе богини зари Ушас (которую затем в облике бурой коровы оплодотворяет сам Индра в ипостаси быка) воспринимается как космогонический акт преодоления хаоса и создания суши и миропорядка во Вселенной

[РВ. III, 30. 14; IV, 19, 3]. После распада общеиндоевропейского единства архаические представления о роли и образе змеи сохраняются у индоиранских, индоарийских, тюрко-монгольских народов, а впоследствии трансформируются в образ дракона – наиболее популярный и знаковый персонаж. В петроглифах Чулуута рядом с колесницей, управляемой возникшим, внизу изображена змея (6.3.Су7, рис. 182). Возможно, здесь изображен Индра, убивающий змея Вритру. Позднее в мифологии этот сюжет принимает канонизированную форму: например – Георгий Победоносец, убивающий дракона.

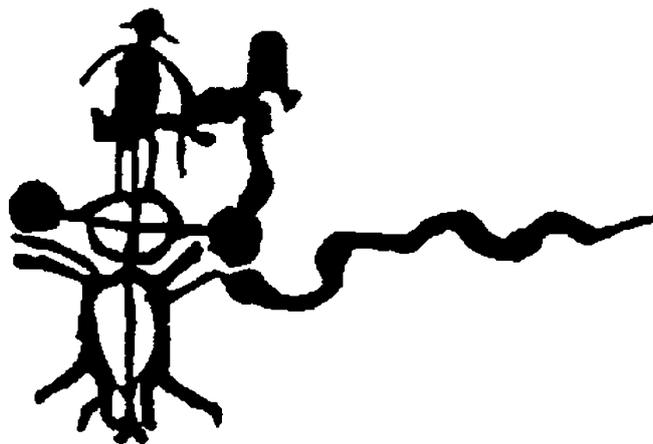

Рис. 182. Монголия. «Змеборец» из Чулуута [Новгородова, 1984].

Авестийская традиция – Веретрагна и Митра

Древние иранцы представляли себе движение солнца по небу в виде сверкающей повозки, в которую запряжены небесные кони. «Сияющее солнце, бессмертное, богатое, обладающее быстрыми конями, мы почитаем» [Литвинский, 2000, с. 285].

В Авесте бог войны и победы – Веретрагна, его имя соответствует ведическому эпитету Индры: Вритрахан – «убийца змея-дракона Вритры». В Яште XIV описываются превращения Веретрагны в ветер, быка, коня, верблюда, кабана, сокола, барана, козла и, наконец, в прекрасного воина. Этот бог связывается в авестийской традиции с Митрой.

Примечательно, что фарн – символ царской власти – изображался в виде воплощений Веретрагны – в образах сокола и барана (горного козла, газели), но главная его инкарнация – белый, златоухий конь с золотой уздой [Яшт, 14, 1, 9]. Фарн в авестийской традиции восходит к солнечному сияющему началу и божественному огню. (В ведийской традиции это свет, сияние, солнце). Фарн связан с брачным и

похоронным обрядами, часто трансформируется в зооморфные образы. Так, от Йимы фарн отлетел в виде сокола-варэгна [Авеста, XIX. 32].

Солярное божество в индо-иранской мифологии персонифицируется в образе Митры, выполняющем роль устроителя природного и социального космоса. В авестийской мифологии солярная функция Митры выражается такими эпитетами как «сверкающий», «светлый» [Авеста, X, 44], с сияющим «как Тшитрия-звезда» ликом [Авеста, X, 143], «бессонный, неусыпный», всегда бодрствующий, как и солнце [Авеста, X, 7], охраняющий «Мазды творенье неусыпно» [Авеста, X, 103].

Через Авесту проходит и мотив смежности Митры и солнца во времени: он предвосхищает восход солнца [Авеста, X, 13] и «землю вширь проходит после захода солнца» [Авеста, X, 95]. Непременнейшие атрибуты Митры в авестийской мифологии – кони и колесница: «он правит колесницей с высокими колесами» [Авеста, XVII, 67] «и скакуны небесные, сверкающие, светлые, сияющие, белые, у коих нет теней, влекут через пространства небесные ее» [Авеста, XVII, 68].

Огонь, сближающийся с самыми разными богами, безусловно «митраичен» в тех услугах, которые он оказывает человеку [Дюмезиль, 1986, с. 55-56].

Выявленная иконографическая особенность «солнцеголового» персонажа в петроглифах – подчеркнутая двух-трехпалость и растопыренная ладонь, также находит соответствия в индоиранской мифологии.

В Нартовском эпосе сохранились предания о женском божестве, рука которой по локоть серебряная, растопырена и испускает свет. Встретиться с этой женщиной можно было только забравшись высоко в горы [Дюмезиль, 1990, с. 117-130]. Здесь совершенно очевидна аналогия с авестийской богиней Астартой (Ардвисурой), ритуалы почитания которой в гимнах предписано проводить в горах или на берегу водоема.

Зафиксированное в тамгалинских петроглифах сочетание колесницы со стопой человека (рис.183) свидетельствует о принадлежности этого изобразительного ряда к очень устойчивой и древней традиции: выбивать или рисовать следы людей или животных, которая обнаружена в различных частях всего континента. Изображение человеческой стопы, выполненное красной охрой, имеется в погребениях катакомбной культуры, и квалифицируется как явление культового характера [Санжаров, 1989, с. 97-107]; такие изображения найдены в петроглифах Карелии, Сибири и Урала, Кавказа, в Северном Причерноморье.

В Скандинавии многочисленные изображения стопы датируются 1400 – 750 гг. до н.э. по многочисленным сопутствующим изображениям разных типов оружия: боевых топоров, кинжалов [Формозов, 1965, с. 130-139]. В различных современных восточных религиозных системах сохранился устойчивый

Рис. 183. Казахстан. Чу-Илийские горы. Тамгалы. Колесница и стопа человека [Рогожинский, 2002].

пережиток этой традиции: индусы поклоняются камням со следами Вишну, буддисты – следам Будды, мусульмане почитают след Мухаммеда – «кадам шериф» на скале у мечети в Иерусалиме и отыскивают такие же следы во всех частях света [Самашев, 2010].

Авеста и Ригведа содержат гимны, повествующие о богах Солнечной династии, пагающих по небу и оставляющих там свои следы – символ своего присутствия. Геродот в своей «Истории»

описывает «отпечаток ступни Геракла» на Днестре [Геродот, IV, 82]. Таким образом, изображения стопы, очевидно, отмечают факт присутствия божества из Солнечной династии и пути перемещения между различными мифологическими мирами, а также в мифологическом пространстве.

Бык. Образ быка – один из самых древнейших и популярных в петроглифах Евразии. Кроме их использования в качестве упряжных животных в повозках, распространены также сцены борьбы с быком, известные, например, по фрескам Кносского дворца [Шер, 1992, с. 35-37].

В одной древней мифологеме из ведической традиции бык представлен как небо, а женщина, дарующая жизнь, – как земля. «Они супруги: Отец-Небо и Мать-Земля. Дождь, испускаемый Небом на Землю... – это семя, из которого рождается все живое...». Обожествление Отца-Неба и Матери-Земли, от которых происходит все во Вселенной, относится к общеиндоевропейскому периоду единства [Шер, 1980, с. 276]. По иерархии жертвенных животных, существовавшей в мифологии древних индоевропейцев (ведическая традиция), второе место после лошади занимал бык.

Лошадь. Мифопоэтические формулы «кони у жертвенного столпа (мирового дерева)», «владеющий лошадьми», «госпожа коней» или «хозяйка/хозяин двуногих и четвероногих», «владеющий быстрыми конями», «хозяйка благоденствующих лошадей» относятся к языкам индоевропейских народов периода общеевропейского единства [Кузьмина, 2000, с. 3-9]. Сюжет «кони у мирового дерева» сочетает изображения противостоящих лошадей или других животных и мировое дерево, символом которого иногда выступает фигура человека.

Распространен в петроглифах Центральной Азии и Среднего Востока. Известен один случай, когда данный сюжет сочетается с изображением колесницы на плите карасукского могильника Северный берег р. Варчи I, и очень часто он сопутствует изображениям колесницы в переднеазиатской глиптике.

Образ божества – владыки лошади – мог сложиться еще во времена первых успехов в доместикации, как свидетельством очередного «чуда». Семантически к классу подобных мифологических персонажей относятся братья-близнецы Ашвины-Диоскуры, один из эпитетов которых – Насатъя, т.е. «носатые». Возничие колесниц довольно часто изображены в петроглифах с подчеркнутым, «выступающим» носом. Такой же атрибут имеют многие китайские маски и статуэтки [см. рис. 157В; 162; Приложение 3, рис. 40].

Косвенным основанием для такого сопоставления можно также считать наличие изображений фаллосов: в мифах и Ашвины, и Пушан связаны с инцестом, идеей плодородия, они олицетворяли собой буйные сексуальные силы. Более поздние реминесценции этих образов сохранились в архаической вазописи Бетии и Крита. Затем, когда балканская, иранская и арийская ветви древних индоевропейцев стали расходиться по степям и горным долинам Евразии, каждая из них уносила с собой образы единых когда-то божеств. Со временем они видоизменились, но общая формульная структура композиции, «законсервированная» на века и тысячелетия ритуальной иконографией, могла сохраниться надолго [Самашев, Шер, 1987, с. 121].

Установлено, что принесение в жертву коней у мирового дерева имеет индоевропейские истоки [Иванов, 1974, с. 92, 110; Кузьмина, 1977] и наиболее полно

выражено в ритуале *asvamedha*. Жертвенный столп в Ригведе одинаково тесно связан и с первоначальным ритуалом принесения жертвы, и с образом мирового дерева, по которому дух жертвы устремляется вверх к соответствующему божеству. Одно из названий этого столпа – «*asvattha*» – переводится как «столп, к которому привязывают лошадь, предназначенную для жертвы» [Иванов, 1974; Шер, 1980, с. 267].

Горный козел (олень). Козел играл существенную роль в качестве жертвенного животного в различных религиозно-мифологических системах; в индоевропейской мифологической традиции он выступает как атрибут Громовержца. У древних индоевропейцев существовал обряд расчленения и раздиранья принесенного в жертву козла [Топоров, 1983, с. 227-284]. Этот обряд был настолько значимым, что сохранился до настоящего времени у многих центральноазиатских народов в разных вариантах – в частности, у казахов в виде кокпара.

Жертвоприношение козла является заменой более раннего человеческого, приуроченного к Главному празднику – наступлению Нового Года, во время которого жрецы культа надевали козлиные маски и шкуры. Расчленение человеческого тела – эквивалента вертикально организованного мифологического космоса и структуры социума – акт космогонического порядка. Ярким примером этого может служить ритуал *пурушамедха* – жертвоприношение Пуруши в древнеиндийской мифологии, из расчлененного тела которого создаются элементы космоса и возникают явления природы [Франк – Каменецкий, 1938, с. 458-476].

Изображения козлов, верблюдов и оленя можно интерпретировать как предварительные или сопутствующие коню жертвы. В частности, козел в

ритуале *ашвамедха* фигурирует как жертвенная доля Пушана (тесно связанного с образом козла и являющегося сыном Ашвинов) – бога-посредника между небом и землей, именно он – Пушан ведет жертвенного коня к месту жертвоприношения [Самашев, 2010]. Посредническая функция образов горного козла и оленя тождественна образу «мирового дерева» и, возможно, семантически его заменяет.

У современных народов Памира сохранилось представление о горных козлах, как «домашнем скоте» небесных существ – пери, их повелительниц.

Конь, баран и козел являются инкарнацией древнеиранских божеств, они имеют «земную и небесную» сущность, перемещаются между Небесами и Землей, обладают значительной сакральной силой. Именно с этим связана их роль в жертвоприношениях [Литвинский, 2000, с. 286].

Собака(волк). Важной чертой степного погребального обряда с повозками является традиция совместного захоронения собак в культовых целях. Такая роль собаки в мифологии скотоводов происходит от ее особого положения в хозяйстве как самого древнего домашнего животного и активного помощника в охоте и выпасе больших стад скота.

Ритуальная роль собак известна уже в культуре Триполье-Кукутени, где их хоронили как на поселениях, так и в могильниках. Существовала практика изготовления из клыков собак амулетов и включения их изображений в росписи на керамике в качестве «небесных псов» [Рыбаков, 1981; Энеолит СССР, 1982, с. 244].

Амулет из клыка собаки найден в культовой катакомбной могиле с зерном и колесами у с. Болотное в Крыму.

Сложная структура взаимосвязи образа собаки (волка) и солярной символики характерна для мифологии периода индоиранского единства. С богом неба связываются хеттские ритуалы жертвоприношения собаки перед захоронением коня и индийский ритуал ашвамедха [Кузьмина, 1977, с. 29, 38, 40].

Образ волка-собаки в древнем искусстве Центральной Азии уже стал объектом специального исследования [Кубарев, Черемисин, 1987, с. 98-117]. Авторы рассматривают развитие этого образа с древнейших времен и отмечают значительное сходство иконографических особенностей этого персонажа и мифологических представлений о нем на значительной территории восточной части Евразии.

Д.Г.Савинов, изучая изображения волков-собак на оленных камнях Монголии, пришел к важному выводу о том, что появление этого персонажа связано с изобразительной традицией Кавказа [Савинов, 1980, с. 319].

На многочисленных этнографических, фольклорных, изобразительных и археологических материалах выявлена связь единого образа собаки-волка с погребальным обрядом [Кубарев, Черемисин, 1987, с. 112-114]. Например, обские угры и манси хоронили собак в деревянном срубе, украшая лапы животного черной и красной лентами. Сходный обычай известен у алтайцев и казахов. У уханьцев и сяньбийцев собаку хоронили вместе с умершим хозяином, убив ее и предварительно накормив и украсив цветными шнурками [см. Мошинская, Лукина, 1982, с. 56-59; Викторова, 1980, с. 125].

В индоевропейской и индоиранской мифологии собаки помещаются в подземном мире и выступают как хтонические существа. Выделена мифологема

о собаке-волке, лижущем кровь умирающего героя [Иванов, 1977а, с. 152-165; 1977]. Смерть воинов на поле битвы понималась как принесение жертвы хозяину нижнего мира – Одину и его священным животным – волкам и воронам [Кубарев, Черемисин, 1977, с. 113].

В Ригведе божество подземного мира – Яму – сопровождают две собаки, темной и светлой масти, а Авеста предписывает выставлять тела умерших собакам, птицам или волкам. При совершении жертвенного ритуала ашвамедхи, как предварительную жертву, представители трех нижних каст умерщвляли «четырёхглазую» собаку, символизировавшую враждебное могущество.

Анализируя различные варианты ведийского мифа о Шунахшепе (в переводе – «Собачий хвост») и пуранического мифа о Харишчандре, П.Д. Сахаров приходит к выводу о том, что все они восходят к некоему изначальному мифу, который имел в качестве сюжетной основы историю унижения какого-то героя и последующего его возвышения; связан с представлениями о царях Солнечной династии; имел в качестве основных персонажей Вишвамитру, Индру, либо Васиштху; содержал мотивы собаки; связан с ритуалом раджасуи (вознесения на небо) и богом Варуной [Сахаров, 1987, с. 82]. Возможно, именно с таким первоначальным мифом связан рассматриваемый изобразительный ряд.

Образ с повозкой (колесницей) целесообразно рассматривать как оппозицию и борьбу двух начал в путешествии между мирами людей и богов: доброго и злого. Первое начало олицетворяют образы колесницы, «солнцеголового» возничего, горного козла или оленя, второе – образ собаки, змеи. При этом все участвующие персонажи выступают посредниками между Небом и

Землей и принимают прямо противоположные функции. Например, собака может сопровождать Героя как в подземный мир, так и в его вознесении на небо.

Посредническая функция повозки проявлялась в ее использовании в погребальном обряде. Функция образа оленя или горного козла менее ясна, но, скорее всего, тождественна образу «мирового дерева», соединяющего между собой все мифологические сферы обитания, который присутствует в сюжетах с колесницами в переднеазиатской глиптике, в петроглифах и на сосуде из Броносицы.

К реконструкции ритуальной практики

Поскольку «message» является важной, но всего лишь только составной частью любого коммуникационного канала, то важно не только его расшифровать, но и попытаться реконструировать способы его воздействия на социум в рамках существовавших мифологических представлений. Иными словами – «message» всегда воздействует в составе некоего ритуала, традиции или обряда. Невозможно «прочтение» любого образа без реконструкции всего канала коммуникации, в котором он использован. Далее рассмотрю основные составляющие петроглифического канала коммуникации.

Святыище. Выше уже описывались современные представления археологов о петроглифических святыищах как сакральных местах в горах и предгорьях, у водоемов, как своеобразных храмах под открытым небом. Именно в этих местах формировался и использовался петроглифический канал коммуникации, инструментарий которого – «изобразительные ряды», как любая

информационная система, воздействовал на участников событий – членов клана.

Скорее всего, это были театрализованные мистерии, ритуальные жертвоприношения, вакхические оргии, обряды посвящения – словом, все доступные и известные тогда способы воздействия на человеческое сознание. Очевидная цель этих ритуалов – формирование собственной идентичности социума, реализация основной идеи «свой-чужой», воздействие на его членов с целью формирования «правильного» общественного мнения, которое, в свою очередь, генерировали старейшины кланов, жрецы-шаманы и иные предводители этих социумов. Естественными функциями таких святыищ были: обучение, информирование, воспитание, развлечение.

Поскольку многие степные социумы обитали в изолированных экологических нишах, в отдалении друг от друга, то актуальной была функция проведения общих сезонных праздников, во время которых решался вопрос отбора невест и заключались «помолвки» и браки. Все подобные вакхические обряды хорошо известны этнографам и неоднократно описаны [Косамби, 1968; Тейлор, Фрезер и др.] Примечательно еще и то, что эти святыища-храмы могли использоваться разными социальными группами и кланами, поскольку были открыты для обозрения и специально не охранялись. Дорога к храму всегда была открытой.

Петроглифы святыища Тамгалы недвусмысленно повествуют о каких-то ритуальных действиях. Здесь фигуры «солнцеголовых» антропоморфных существ изображены в окружении танцующих ряженных людей, явно совершающих какое-то обрядовое действие. Более того: сам по себе акт творения на скалах,

на горе, несомненно имел магический смысл [Байбурин, 1993, с. 3] и уже сам был «чудесным» ритуалом, сходным по своей семантической значимости и эмоциональному воздействию с жертвоприношением.

Ведическая и индоиранская традиции подробно описывают некоторые ритуалы: «раджасуйя» – вознесения на небо, «ашвамедха» – жертвоприношения животных, и прежде всего – коней. Представляется, что именно эти ритуалы имели место быть в петроглифических святилищах, наиболее оптимально обеспечивающих посредническую функцию прямого соприкосновения с Небом и возможности «вознестись» к нему.

Эта медиативная функция святилища сочеталась с восприятием его и как места для жертвоприношения – самым важным элементом любой ритуально-мифологической системы, оформляющейся в более поздние периоды в устойчивые религиозные каноны и догматы.

Принесение даров божествам и сам акт убиения или расчленения жертвы во славу верховных божеств – эффективный акт «чудотворчества» с целью обернуть могущество этих божеств в свою пользу, а также инструмент эффективного воздействия на соплеменников. Известна строгая иерархия жертвенных животных, четко прописанная в ведической и авестийской письменных традициях: человек – лошадь(верблюд) – бык – баран – козел.

Имеется множество свидетельств в пользу существования человеческих жертвоприношений в рассматриваемый период. С точки зрения эмоционального воздействия и эффективности работы коммуникационного канала, если отбросить сам ужасающий факт такого действия, – это был безусловно сильный способ «промывания мозгов». Если та-

кие жертвоприношения совершались во время погребальных церемоний, то почему они не могли совершаться во время ритуальных действий в петроглифических святилищах? Поскольку главная задача – обеспечения комфортного и гарантированного путешествия по нужным мифологическим мирам – и в первом, и во втором случае тождественна.

Жертвоприношения «чудесных», магических животных – таких, как бык, лошадь, козел, игравших существенную роль в повседневной жизни и обеспечивающих «чудесную» связь с мирами иными, близки по силе своего воздействия на социум и также наверняка практиковались в этих святилищах – храмах.

Алтарь. Большинство исследователей петроглифов выделяют в топографии местонахождений петроглифов наиболее архаические, «алтарные» места как по условиям природно-экологическим, так и по содержанию многофигурных композиций в таких местах. Очевидно, это и есть алтари этих святилищ, отличающие любой храм в классическом религиозно-догматическом понимании от любого иного культового места.

З.С. Самашев предлагает рассматривать в качестве алтаря, как места совершения жертвоприношений, распространенный в изобразительных памятниках образ «мирового дерева». Некой мировой универсальной оси, пронизывающей мир по вертикали и задающей определенную систему отсчета, в которой можно определить низ, середину и верх или, точнее, – нижний мир (мир хтонических, злых божеств), средний мир (мир всего сущего: человека, фауны и флоры) и верхний мир (мир божеств, олицетворяющих добро). Поэтому и дерево, и столб, и любая другая вертикальная ось

могут служить символом «мирового древа», его визуальным воплощением, знаком, метафорой [Самашев, 2010].

Стало быть, уместно предположить, что на каждом святилище следует искать некую центральную композицию (или композиции), которая задает определенную систему пространственных и мифологических координат для всего памятника или, по крайней мере, для «изобразительных рядов» одного хронологического периода (или выполненных с одинаковыми иконографическими особенностями, отражающими их общий стиль).

Очевидно, что колесничный «изобразительный ряд» – это и есть основная ось, определяющая весь «message» такой коммуникации.

Насколько это предположение соответствует действительности – покажут будущие исследования петроглифов. Материалы из степных и компактных изобразительных памятников в долине реки Байконур в Казахском мелкосопочнике наглядно подтверждают это предположение [Новожинов, 2002].

Инструментарий коммуникации.

В той или иной связи этот инструментарий уже упоминался ранее: акт творения петроглифов > – изобразительные ряды > – мистерии и ритуалы жертвоприношений > – сезонные вакхические праздники > – музыка, танцы и песнопения > – костюм и украшения > – «язык поз и жестов».

Некоторые из перечисленных позиций следует признать утраченными уже навсегда. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем достоверно, какие песни пели и танцы танцевали во время своих вакхических праздников наши далекие предки. Но вот что касается остальных позиций, то, по мере накопления новых данных, они наверняка приоткроют свои тайны. Во всяком случае, потенциал комплексного ис-

следования изобразительных источников Азии, как мне представляется, еще только начинает использоваться.

Например, в своих исследованиях О.С. Советова [2005, с. 237-241] обратила внимание на почти уже забытые наблюдения академика Н.Я. Марра о «языке жестов» в ритуально-обрядовых действиях, когда существенное значение играли жесты, позы, ритмы, пластика, т.е. «моторно-двигательные образцы», семантика и кинетические особенности текста которых были понятны современникам. Язык жеста, «ручная речь» связаны, как подчеркивал Н.Я. Марр, с «космическим мировоззрением о трех небесах»: например, поза Оранты с улыбкой на лице обозначала солнце, тепло, жизнь, а без улыбки – луну, холод, скорбь [Марр, 1934]. Действительно, многие позиции антропоморфных персонажей в петроглифах канонизированы и запечатлены в повторяющихся вариантах на значительных территориях. Применительно к изобразительному ряду повозок это – отмеченная «распальцовка», растопыренность пальцев рук у сочетающихся антропоморфов.

В целом, определенный в данной коммуникации инструментарий, даже с учетом утраченных фрагментов, по силе и эффективности своего медийного ресурса и воздействия (пользуясь современным языком) оценивается как очень развитый.

Далее попробую восстановить некоторые фрагменты ритуала жертвоприношения с лошадьми, поскольку колесничный комплекс, как это было показано в предыдущих главах, содержит в себе этот обычай в качестве важной составляющей. Множество могил с конскими костяками сопутствуют погребениям с колесницами в степных могилах и в китайских чемакынах. Этот обычай устойчиво

сохранился у саков и скифов, практиковался у индусов даже в этнографическое время.

Как уже отмечалось выше, у индоариев существовал сложный обряд жертвоприношения коня у мирового дерева – «ашвамедха», зафиксированный в ведических произведениях – Ригведе, Яджурведе, а также в более поздних текстах. Жертвоприношение белого жеребца – Тваштра (т.е. мирового коня, по Ригведе) богу Неба, возжигание священного огня у столба – символа мировой оси и мирового дерева, а также другие действия при ашвамедхе подчеркивали космогонический характер этого обряда. Спаривание жеребца перед жертвоприношением, символическое совокупление с ним первой жены царя связано с культом плодородия [Самашев, 1992, с. 200].

В мифопоэтическом сознании вертикальный столб – коновязь – соотносился с основной концепцией мирового дерева – представлением о троичности мироздания по вертикали. Коновязь-столб, являясь элементом трехчастного мирового дерева, с другой стороны соотносился с жертвенным конем, трехчастность которого подчеркивается в ашвамедхе отделением головы, туловища и хвоста (именно тех частей, которые представляли собой конкретные космологические понятия). Эта «трехчленная» конструкция соотносится, в свою очередь, с тремя царскими женами, которые ассоциируются в данном случае с тремя главными сферами мироздания.

При ашвамедхе к столбу, установленному на пятиугольной площадке, привязывался жертвенный конь. И эта жертва «переносилась» богу солнца через коновязь-столб, связывающий путь между Небом и Землей. Такая коммуникативная функция жертвенного стол-

Рис. 184. Казахстан. Тарбагатай. Курчум. Сцена ритуала «ашвамедхи». [Самашев, 1992].

ба (и его семиотического эквивалента – жертвенного животного) в ведийской космогонии прекрасно проиллюстрирована в гимнах Ригvedы: «О дерево, связывающее привязью, веди (жертвенное животное) под покровительством богов!» [РВ, X, 70, 10].

З.С. Самашев в реконструкции обряда ашвамедхи на основании сюжета композиции из Курчума, найденной в верховьях Иртыша, (рис. 184) заметил рядом с конями изображение круга-колеса с шестью спицами.

При ашвамедхе над жертвенным столбом воздвигали колесо – символ солнца, что еще более усиливало сакральную связь ритуального сооружения и самого ритуала с божеством. Вероятно, числовая символика колеса несла сложную смысловую нагрузку. Можно предположить, что изображение колеса с шестью спицами символизировало солнце, колесницу и, с другой стороны, указывало на сезонность ритуала жертвоприношения.

В нижней части курчумской композиции помещены фигуры двух противостоящих собак. Далее автор отмечает, что собака играла существенную роль в ритуале ашвамедхи и трактует эти изображения как символы предварительной жертвы, а парные изображения коней, людей и собак в композиции, вероятно, связаны с бинарными принципами семантических противопоставлений, с дуально-космогоническими представлениями, с близнечным культом. Древнеиндийские божественные близнецы-Ашвины («носатые», «обладающие конями» или «рожденные от коня»), предстают иногда в образе двух коней, тесно связаны с «мировым деревом – ашватхой», в их образе явно прослеживается древний индоевропейский культ близнецов. Уместная здесь аналогия – пара коней у «мирового дерева», изображенная на варчинской плите из карасукской могилы.

И, наконец, фигура, расположенная в нижней части композиции, судя по позе (раскинутые в стороны руки, ноги без ступней), может рассматриваться как человеческое жертвоприношение, а изображение котла с широким поддоном

и вертикальными ручками, кроме его связи с данным ритуалом жертвоприношения, – как символ богатства и благополучия общины [Самашев, 2010; см.: Джумабекова, 1996, с. 83-89].

Отмечу присутствие в данной композиции фигуры верблюда, стилистически, композиционно и нарративно отличного от манеры изображения фигур в этой сцене.

В строгой иерархии жертвенных животных, зафиксированной многочисленными письменными источниками, для ведической традиции на первом месте была лошадь – и, напротив, в индоиранской традиции – верблюд. Возможно, рассматриваемая композиция демонстрирует интересный момент «исправления» или настройки «мессаджа» и всего «изобразительного ряда» композиции под «свой» коммуникативный канал.

Таким образом, святилище с петроглифами предстает как место действия коммуникативного канала между миром «живых» и мирами «богов», в котором образы повозки и колесницы играли важную связующую, посредническую роль в «путешествии» между этими мирами, обеспечивая все блага и «чудеса», с ним связанные, для тех, кто совершал этот ритуал «вознесения». Для усиления эмоционального эффекта ритуал сопровождался жертвоприношениями.

Ответная реакция участников коммуникации предполагала укрепление самоидентификации социума, «чудесную» поддержку богов для решения каких-либо проблем, святую веру принадлежности именно к данному клану, обеспеченному отныне и навсегда поддержкой самых сильных «чудесных» божеств.

Применительно к образу колесницы, сам акт его творения на скале святилища, так же, как и собственно «message», который содержал этот коммуникатив-

ный канал, фиксировали факт присутствия в этом месте «чудесной» силы божества – героя из Солнечной династии – и способности вознестись в этом месте к миру небожителей. Этот герой способен совершить любой подвиг во славу рода, принести конкретную пользу всем членам клана. Именно он – мифический прародитель их «богом избранного» и «божеством хранимого» рода. Поклонение этому образу предваряет жертвоприношение пары козлов, а сопровождается ритуалом жертвоприношения не менее, чем пары коней. Судя по значимости этих жертвенных животных, этот Герой принадлежал к когорте самых почитаемых божеств Пантеона, с которым мог отождествляться действующий предводитель клана.

Смысл послания мог быть следующим:

«..... я предводитель клана сын Ваш земной, совершаю здесь все полагающиеся обряды и жертвоприношения во славу Вашу, о хранящие мой народ и дающие силу и плодородие моим тучным стадам, богатство и процветание моему народу позвольте мне вознестись к Небу, приобщиться к миру небожителей..... благодаря Вашей силе и поддержке я нахожу на своей колеснице самые лучшие пастбища и долины с сочной травой мое оружие, моя колесница, овеванные Вашей чудесной силой, защищают меня и мой народ от всех врагов и неприятелей я приношу эту жертву, дабы заручиться Вашей поддержкой и получить благословение в дальнейшем для себя и своих близких пусть мои сородичи, благодаря Вашей поддержке, и дальше помогут в моих начинаниях» ■

Вместо заключения

Культурно-исторический процесс и сложившиеся каналы коммуникации в степной Евразии представляются как непрерывная смена отдельных циклов. Каждый цикл при этом повторяется по своей структуре на новом качественном уровне и состоит из двух периодов: нестабильного (пассионарного) и стабильного; для первого характерно многообразие новых каналов коммуникации на основе технологических инноваций, навыков и приемов, для второго – окончательное оформление наиболее эффективных из них.

Первый цикл (3300-2500 гг до н.э.): формируется степное сообщество скотоводов – свита археологических культур, объединенная общим происхождением. Процесс генезиса этого сообщества, состоящего из отдельных кланов, ориентированных на подвижный образ жизни, обусловлен следующими компонентами:

- миграцией части населения из Анатолии или северной Сирии через Кавказ, что отразилось в памятниках майкопской культуры;
- синтезом (взаимодействием) носителей этой культуры и местных групп населения, что проявилось в формировании памятников новотиторовского, новосвободненского, кеми-обинского типа;
- выделением в среде крупных земледельческих образований, типа Триполье-Кукутени, отдельных групп населения, ориентированных на преимущественное разведение скота, что проявилось в усадовских памятниках;

- формированием в Поволжье социумов, оставивших хвалынско-среднепovolжские памятники;

Аридизация климата в начале 3 тысячелетия до н.э. предопределяла указанные процессы и становление нового типа хозяйства – подвижного скотоводства. Первые эксперименты с приручением новых пород животных и попытки их домашнего разведения привели к необходимости вести подвижный образ жизни, связанный с поиском новых пастбищ для домашних животных. Крытый фургон на дисковых колесах, запряженный парой волов, становится основным типом жилища этих небольших по численности групп первых скотоводов.

Активно развиваются различные взаимосвязи с населением Центральной и Восточной Европы, что проявилось в «чересполосном» сосуществовании древнеямной и местных культур. Этот процесс носил, очевидно, характер постепенного проникновения отдельных групп древнеямной культурно-исторической области. Развиваются каналы коммуникации внутри самой древнеямной общности, между отдельными группами скотоводов, складываются общие мифологические представления, культы, ритуалы, своеобразные каналы коммуникации.

Во второй четверти 3 тыс. до н.э. культурно-исторические процессы стабилизируются. Это выразилось в окончательном утверждении скотоводства, как основного типа хозяйства, и формировании многочисленных вариантов древнеямной культурно-исторической области, как отдельных археологических культур, производственная сфера которых была ориентирована на конкретные природно-экологические условия. По сути, образовалось сообщество скотоводов, основу которого составляли

небольшие производственные коллективы – патриархальные семьи из 20-30 человек, объединенные между собой сходным типом хозяйства, близкой материальной культурой и системой мифологических представлений. Развивается собственная изобразительная традиция. Это были генетически (антропологически) родственные группы, говорившие на диалектах или одном общем языке. Гарантированная продуктивность скота, в отличие от рискованного занятия земледелием, явилась необходимой предпосылкой стабильного роста численности населения в группах скотоводов и сокращения детской смертности.

Второй цикл (2500-2000 гг. до н.э.): связан с миграцией отдельных групп скотоводов в восточные малонаселенные районы степной Евразии и освоением здесь новых пастбищ; с возникновением археологических культур, восходящих к общей древнеямной основе. Памятники ямно-афанасьевского облика позволяют картографировать этот путь. Формируется трансконтинентальный транспортный коридор с разветвленными каналами внешних и внутренних коммуникаций. Выделяются два направления такого движения: северное – по границе степной и лесостепной зон в Минусинскую котловину и через Горный Алтай – в степи западной Монголии; южное направление – через урало-казахстанские степи в Среднюю Азию и от Месопотамии в Туран и Хараппу.

Группы первых «колонистов» стали этнической основой формирующейся афанасьевской культуры в Южной Сибири, на Алтае, в Синцзяне и в западной Монголии. Обнаруженные в этих районах памятники демонстрируют сходство материалов, антропологического типа их создателей и сходство мифологических представлений, выраженное

в изобразительных памятниках. Последние обнаруживают поразительные совпадения отдельных образов и стиля их изображения как между собой, так и с западными и южными памятниками. Степная традиция украшения стенок могил и фургонов, известная по находкам в новосвободненских, новотиторовских, кеми-обинских, усатовских памятниках, находит развитие на плитах могильников Тас Хазаа, Черновая VIII, Каракол. С миграцией групп древнеявного населения связывается появление традиции устанавливать стелы и антропоморфные изваяния в Южной Сибири, Монголии и Казахстане.

В энеолитических петроглифах Чулуты обнаружены многочисленные изобразительные воплощения некоторых образов, характерные для культов, зафиксированных у племен общности Триполье-Кукутени. Как на плитах из могильников, так и в синхронных петроглифах появляется образ антропоморфного «птице-солнцеголового» существа с растопыренными пальцами, который обнаруживается и в более южных памятниках Средней Азии, вплоть до хараппских. На скалах и каменных изваяниях изображены и основные средства этой миграции – крытый фургон, телеги и двуколки.

В последней четверти 3 – начале 2 тыс. до н.э. стабилизация культурно-исторических процессов выразилась в местном развитии на севере – афанасьевско-окуневской и на юге – заманбабинской культур. В сферу их влияния, очевидно, попадали отдельные родственные группы скотоводов, расселившиеся в различных районах степного пространства, между указанными культурами. Именно эти группы и их развитие во времени стали той основой, на которой появились многочисленные археологические культуры следующего цикла.

Каналы коммуникации, сложившиеся в первом цикле, развивались и в рассматриваемый период. Направленность контактов на западе была ориентирована на синхронные культуры Центральной и Восточной Европы, на юго-западе – в сторону ближневосточных цивилизаций, что подтверждается находками повозок, доместичированных лошадей в культурах Закавказья и «движением» металлических изделий. При этом степные группы скотоводов, как и синхронные культуры Закавказья, выступали в качестве посредников в отношениях ближневосточных народов с племенами доисторической Европы.

Третий цикл (2000-1100 гг до н.э.): наиболее яркий и относительно изученный период развития этнокультурных процессов. Резко активизируются сложившиеся раньше в степи каналы коммуникации во всех направлениях.

Возможные причины такой активизации – изобретение пароконных колесниц, динамичное конвергентное развитие сложившихся групп населения в различных районах и их интенсивные контакты, возможно – конфликт интересов, значительно возросшая роль металлических изделий в жизни этих обществ. И это только небольшая часть тех причин, которые привели к значительным территориальным перемещениям многих социумов. Распространение сейминско-турбинских памятников позволяет предположить передвижение их создателей с востока на запад. Нет никаких теоретических аргументов против предположения о существовании в это время трансконтинентального канала коммуникации, действующего как с запада на восток, так и обратно.

Продвижение семиринско-турбинских групп населения – носителей самобытной металлургической традиции, пред-

ставляется второй крупной волной миграции по линии восток – запад, которая являла собой процесс инкорпорирования производственных групп металлургов-кузнецов в различные местные культурные образования – абашевскую, раннесрубную, синташтинско-петровскую, раннеалакульскую, самусьскую и другие культуры.

Производственные сейминско-турбинские коллективы представляли собой, возможно, большие патриархальные семьи кровных родственников-скотоводов, специализирующихся как на разведении скота, так и на кузнечном деле. Процесс такого интегрирования, очевидно, облегчался этническим родством инкорпорантов и заинтересованных в их услугах скотоводов. Пути продвижения «мигрантов второй волны» совпадали с направлениями миграции ямных групп: в Минусинскую котловину, через Алтай в Монголию и Северный Китай, на юг – через казахские степи. Это передвижение отразилось в редких, но ярких сейминско-турбинских могильниках, кладах и святилищах и в изобразительных памятниках Алтая, Восточного, Центрального Казахстана и Киргизии.

При этом представляется, что перемещались в пространстве не только сейминско-турбинские производственные ячейки как таковые, но и более крупные новые этнические образования, содержащие наряду с другими и сейминско-турбинский компонент. Наиболее ярко этот компонент проявился в коллективах, преместившихся в Монголию и Северный Китай.

Полагаю, что в западной части Евразии в это время происходили сходные процессы [Бартонек, 1991, с. 223-291]. Резко возросший в это время объем металла, переправляемого из южных земледельческих районов в степные сооб-

щества, и «молниеносное» распространение сейминско-турбинских изделий по всему поясу степей представляются явлениями взаимосвязанными. Допускаю непосредственное проникновение сейминско-турбинских и других степных групп населения через Кавказ в Переднюю Азию, вплоть до Иранского нагорья. Возможно, факт их пребывания фиксируют находки знаменитых луристанских бронзовых изделий, которые неожиданно появляются в более позднее время и связываются с сейминско-турбинской металлургической традицией, ставшей основой их местного развития.

К середине 2 тысячелетия до н.э. повсюду в степной Евразии возникают значительные группировки: срубная, андроновская, карасукская, тазабагьябская. Активизируются и системы отношений между ними. Наблюдаются локальные миграции части федоровского населения на юг, в алакульскую среду, постсейминско-турбинских или карасукских групп – из Северного Китая и Монголии в Минусинскую котловину. Имели место локальные передвижения более мелких образований скотоводов. Окончательно оформилось южное направление взаимосвязей с цивилизацией земледельцев Турана. Судя по письменным и археологическим источникам, сейминско-турбинские и карасукские группы скотоводов-колесничих составляли третий фактор в военных столкновениях раннекитайских государств между собой, играли важную роль в их внешней политике.

Период стабильного развития сопровождался повсеместно процессом консолидации небольших групп скотоводов в более крупные этнические образования.

Четвертый цикл (1100-700 гг до н.э): характеризуется новым продвижением карасукских племен в западном направ-

лении через Алтай и их проникновением в урало-казахстанские степи. По археологическим данным, это проникновение проявилось в формировании свиты археологических культур карасукоидного облика: еловской, ирменской и бегазы-дандыбаевской в Центральном Казахстане. В изобразительных памятниках Южной Сибири такая подвижка проявилась ярче всего. В петроглифах Центральной и Средней Азии формируется пласт изображений эпохи поздней бронзы.

Культурно-исторические процессы в восточной части степной Евразии определялись активным взаимодействием двух групп населения: постандроновской и карасукской, возможным конфликтом интересов этих двух этнически близких, но уже самостоятельных социумов. В сферу их интересов неизбежно включались другие этнически отличные и менее крупные социумы.

В результате сложных этнокультурных процессов и перемещений, консолидации отдельных групп наступает период стабилизации, что проявилось в формировании крупных общностей: скифской – на западе, сакской – на востоке, а также тагарской культуры в Южной Сибири, представляющей местное развитие части оставшихся здесь карасукских – прототюркских племен, с возможностью идентификации этого социума как киммерийского. Начинался новый этап в истории степного сообщества скотоводов.

Если мы сравним выделенные выше циклы с динамикой культурно-исторических процессов в ближневосточных земледельческих обществах, то обнаружим несовпадение в их развитии. На древнем Ближнем Востоке эти процессы происходили значительно быстрее, в то

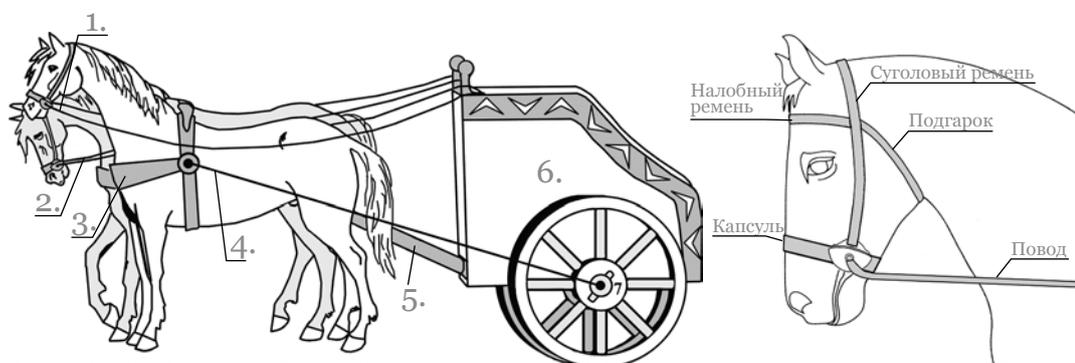
время как глобальные «сломы» культур в степной Евразии отмечаются сравнительно редко.

Этот вывод находит объяснение в нелимитированности перемещений групп скотоводов и большей традиционности этого вида хозяйства, в его консерватизме. Выделяются две контактные зоны взаимоотношений между мирами скотоводов и земледельцев: древние общества Закавказья и Туранской цивилизации. Эти общества выступали посредниками в контактах скотоводов с древними государствами Междуречья на западе и с Хараппской цивилизацией на востоке.

Если мы сопоставим изложенные выше циклы и этапы развития центральноазиатской изобразительной традиции, то обнаружим, что наиболее яркие и значительные импульсы в эволюции последней соответствуют периодам нестабильности и перемещений населения. Очевидно, эти соответствия совпадают и хронологически. ■

Терминологический словарь.

[Littauer, Crouwel, 1979; Епимахов, Чечушков, 2008; Гуревич, 2000]

Классическая колесница: 1 – псалии; 2 – вожжи; 3 – шорка; 4 – постромки; 5 – дышло; 6 – кузов; 7 – ступица. [Чечушков, Епимахов, 2006, рис. 3].

А-образная повозка – двухколесная, имеет трапецевидный настил-площадку на боковых балках, образующих треугольник. Эти балки одновременно являются дышлом, к вершине которого прикреплено ярмо. Повозка напоминает по форме заглавную букву «А».

А-образное дышло – дышло в форме вытянутой буквы «А», к вершине которого прикреплена перекладина ярма.

Аллюр – способ поступательного движения лошади. Естественными аллюрами (шагом, рысью, иноходью, галопом) лошадь движется без предварительного обучения.

Атрибуты колесничего (возничего) – копье (spear-англ., lance-фр.); кнут (whip-англ., fouet-фр.); лук (bow-англ., arc-фр.); стрекало (goad-англ., aiguillon-фр.).

Беззубые края – края челюсти лошади от последнего резца до первого ложнокоренного зуба. На беззубые края нижней челюсти ложится трензель при взнуздывании лошади, поэтому их форма и чувствительность имеют очень большое значение при управлении животным.

Вожжи (reins-англ., guides-фр.) – ремни, идущие от удил к возничему, предназначенные для управления упряжной лошастью. Различают одноконные и пароконные вожжи.

Волюты (volute-англ., volutes-фр.) – декоративный элемент в изображении животного в форме характерного завитка. Атрибут «звериного» стиля.

Выступ на холке (projection on withers-англ., saillie-фр.) – элемент в виде треугольного или округлого выступа, как правило, находится над передними ногами животного.

Выбивка (beaten-англ., marteli-фр.) – способ нанесения петроглифов на скалы.

Горловой ремень – ремень, проходящий под нижней челюстью лошади, рядом с шеей, от одного щечного ремня к другому.

Гравировка (graffiti-англ., grave-фр.) – изображения, нанесенные на скалы резной тонкой линией.

Грызло – часть металлических составных или цельных удил, расположенная во рту лошади.

Двуколка (cart-англ., cayette-фр.) – всегда двухколесная повозка с колесами различных типов для перевозки товаров или пассажиров

Дисковое колесо (disc wheel-англ., roue plein-фр.) – массивное или «блоковое» колесо из целого куска дерева, сделанное из нескольких кусков – «комбинированное» дисковое колесо.

Дышловая лошадь (коренная) – одна из двух лошадей, находящаяся сбоку от дышла.

Дышло (draught-pole-англ., timon-фр.) – пароконное упряжное устройство, длинная жердь, соединяющаяся с передком повозки. Запрягаемых лошадей ставят по обе стороны дышла.

Дополнительные отверстия – ряд малых отверстий в щитке и/или планке, направленных перпендикулярно или под углом, предназначенных для крепления ремней оголовья к псалию.

Загривок – высота в «холке» – высота эквида или лошади от земли до загривка.

Зацепы планки псалия – выступы по бокам планки, предназначенные для фиксации суголовного ремня.

Кавессон – крепкие, хорошо подогнанные ремни оголовья, связанные с вожжами.

Капсуль – приспособление, не позволяющее лошади широко открывать рот. Представляет собой ремень, охватывающий морду лошади по храпу.

Кисточка (tassel-англ., gland-фр.) – элемент, гравированный или выбитый на скале, в виде утолщения на хвосте животного.

Колесница (chariot-англ., char-фр.) – легкая, быстрая, всегда с двумя колесами со спицами, запряженная обычно лошадьми повозка, которая использовалась в боевых действиях, для охоты, в торжественных и ритуальных церемониях. Экипаж колесницы обычно стоял.

Колесо со спицами (spoked-wheel-англ., roue a rayons-фр.) – облегченное колесо, состоит из обода, спиц, ступицы, часто снабжено отдельным ободом (felloe-англ., jante-фр.) и иногда – шиной (tyre-англ., bandage-фр.).

Колесничный комплекс – совокупность находок колесницы, упряжных лошадей, деталей конской упряжи (псалиев), а также набора инвентаря воина-колесничего.

Колесные ямки – подпрямоугольные в плане и линзовидные в сечении углубления, обнаруженные на дне могильной ямы, которые являются следами вкапывания в грунт пары колес.

Коляска (carrage-англ., voiture-фр.) – старорусский, малоупотребляемый ныне термин для обозначения изящной повозки как на двух, так и на четырех колесах.

Кольцо для вожжей (зга-старорусск., terret, rein-ring-англ., passe-guide-фр.) – через это кольцо пропускались поводья, сами кольца привязывались к дышлу или ярму, либо закреплялись на тягловом животном.

Контур (contour-англ., фр.) – способ изображения петроглифов линией, проведенной по краю фигуры.

Копыта (hoofs-англ., sabots-фр.) – в петроглифах характерные округлые, треугольные или прямоугольные утолщения на ногах животных.

Кроссбаровое колесо (cross-bar wheel-англ., crossbar-фр.) – колесо с ободом и пересекающимися брусками, через пересечение которых проходит ось. В широком смысле – облегченное за счет выемок дисковое колесо.

Крыша, навес (tilt-англ., bache-фр.) – холщевый, либо из дерева и прутьев, навес над повозкой.

Кузов (box-англ., caisse-фр.) – обозначает настил или надстройку повозки. Нижняя часть повозки под кузовом (undercarrriage-англ., chassis-фр.).

Колея (gauge-англ., voie-фр.) – расстояние между колесами повозки.

Линейный – способ передачи туловища животного одной линией.

Лучи (beams-англ., rayons-фр.) – в петроглифах показанные в верхней части головы человека выступы.

Нагрудник – в древности защитный или декоративный элемент на груди лошади.

Налобный ремень – деталь оголовья; ремень, располагающийся на лбу лошади и препятствующий сползанию суголовного ремня по шее.

Нахрапный ремень (переносье) – деталь оголовья; ремень, располагающийся на переносице лошади.

Носовая накладка – защитный или декоративный элемент упряжки на носовой части лошади, часто в комбинации со стоячей, выщипанной или подстриженной гривой.

Оглобли (shafts –англ., brancards-фр.) – одноконное упряжное устройство, две длинные жерди, крепящиеся к передку повозки. Запрягаемую лошадь ставят между оглобелей. Также в оглобли запрягается русская тройка.

Оголовье – часть узды, состоит из ремней или веревок. Фиксирует недоуздок и удила на месте. Охватывает теменную часть лошади, включает в себя: нащечные ремни, идущие от темени к носовому ремню или удилам, шейный ремень, опоясывающий шею, бровный ремень, идущий поперек лба (часто отсутствует), носовой ремень, охватывающий переднюю часть морды.

Ось (axle-англ., essieu-фр.) – стержень, проходящий под настилом повозки, на котором вращаются колеса; если колеса закреплены неподвижно, то ось вращается вместе с колесами (всегда изготовлена из дерева).

Отверстие в иной плоскости – параллельное плоскости щитка псалия отверстие в щитке, либо в выделенной перпендикулярной щитку планке на внутренней стороне псалия. Предназначено для крепления ремней оголовья к псалию.

Переносок – один из ремней оголовья, огибает нос и челюсть. В форме полупереноска (half noseband-англ.) может располагаться поперек носа (морды), проходит от одного щечного ремня к другому.

Поводок – ремень оголовья для привязывания лошади.

Повозка (vehicle-англ.,vehicule-фр.) – общий термин для обозначения любой повозки на колесах.

Подпруга – ремень, охватывающий грудную клетку лошади или соединяющий нижние концы подкладки или покрывала седла под брюхом лошади.

Подхвостник – ремень, проходивший в древности от задней части седла, поперек крупа лошади вокруг корней волос хвоста. Фиксировал седло.

Попона – предохраняющее от пота и декоративное покрывало на корпусе лошади.

Планка – факультативная деталь псаля. Обычно выделена утончением с внешней стороны по сравнению со щитком, имеет боковые зацепы и предназначена для крепления ремней оголовья.

Присяжная лошадь – не очень точное название одной из трех (в биге) или двух (в квадриге) лошадей, которые не обязательно находятся под ярмом, а более свободно связаны с повозкой постромками.

Псалий (cheek-piece-англ., aile (dumors)-фр.) – костяная, роговая или металлическая деталь конской упряжи, используемая как средство управления лошастью путем воздействия на щеки, а также в качестве распределителя ремней оголовья.

«**Псаليون**» – греческое слово, обозначающее металлический псалий, отделенный от удила, обязательно в сочетании с эффектным «недоуздом» или «переноском».

Роспись (painting-англ.,peint-фр.) – изображения, выполненные органическими красками (охрой).

Ротовая часть удила (canon (of bit)-англ., canon, tige-фр.) – часть удила – грызло, находящаяся во рту лошади, изготовлена из органических материалов; металлические удила состоят из одного цельного грызла или составного (из двух частей). К петлям по краям грызла крепились вожжи.

Сбор – в конном спорте уравнивание лошади для придания ей положения, из которого лошадь легко выполняет движение в любую сторону. Сбор состоит в том, что лошадь сдает голову в затылке, т.е. приподнимает шею, а голову опускает до почти вертикального положения. Во время движения степень сбора меняется в зависимости от ширины аллюра: на более коротких (собранных) движениях сбор усиливается, а при более широких – уменьшается, однако легкий упор лошади в повод сохраняется при любой степени сбора.

Силуэт (silhouette-англ.,silhouette-фр.) – способ изображения петроглифов на скалах путем сплошной выбивки или прорисовки всей поверхности фигуры.

Спица (spoke-англ., rayon-фр.) – элемент, радиально расположенный во внутренней части колеса. Одним концом вставлен в паз обода, другим – в паз ступицы.

Стрекало – заостренный длинный прут для управления лошастью, быком, в петроглифах часто соединен с крупом животного.

Ступица (nave, hub-англ., moyeu-фр.) – центральная часть колеса с гнездами для спиц по периметру и втулкой для насадки на ось. Втулка ступицы – (nave-band-англ., frette de moyeu-фр.).

Ступни (feet-англ., pied-фр.) – в петроглифах характерные утолщения на ногах человека, которые всегда показаны «в профиль».

Суголовный ремень – основная часть конструкции оголовья; ремень, охватывающий голову лошади, состоит из двух щечных ремней.

Телега (wagon-англ., chariot-фр.) – всегда четырехколесная вместительная, тяжелая повозка. Крытая телега – фургон (van-англ.).

Трензель – удила, состоящие из грызла и двух колец, за которые трензель крепят к щечным ремням оголовья. К кольцам пристегивают также повод. Во рту лошади грызло лежит на языке и беззубых краях нижней челюсти, касаясь углов рта.

Трензельное оголовье – основная часть конского снаряжения, надеваемая на голову лошади и позволяющая управлять животным, нахрапный ремень (переносье), подгарок, налобник и проч.).

Трензельное отверстие – большое отверстие в щитке псаля (зачастую именуемое центральным) круглой или квадратной формы, иногда обведенное валиком. Предназначено для закрепления ремennого грызла во рту лошади и крепления к нему повода.

Удила (bit-англ., mors-фр.) – общее название всех трензелей, мундштуков, пелямов, применяемых для взнуздывания лошади. Состоит из двух частей: одна находится во рту животного, другая – на щеках (псалии). Древнейшие удила были изготовлены из плетеных ремней или кишок, либо из веревок, а псалии – из рога оленя, лося или кости. Псалии выполняли роль кляпов, чтобы зафиксировать ротовую часть удила и предохранить их от соскальзывания в стороны. Металлические удила, цельные или составные, использовались в сочетании с парой псалиев. Вожжи прикреплялись к концам ротовой части удил (проходящих через псалии), либо к металлическим частям псалиев. Действие таких удил ближе к функции современных удил. Древние удила и современная уздечка оказывают давление на углы рта лошади, однако отличие древней системы – в дополнительном давлении, которое оказывают псалии на нижнюю челюсть лошади.

Узда (bridle-англ., bride-фр.) – система ремней, состоящая из оголовья, удил (либо без них) и вожжей. Позволяет управлять головой лошади.

Упряжь, сбруя (harness-англ., harnais-фр.) – система ремней, связывающая упряжных животных и повозку. В древности основные элементы – шейный ремень, хомут, фиксатор и постромки (traces-англ., traits-фр.).

У-образное дышло – составное тягловое дышло из двух брусков, отходящих от повозки в виде рогатки.

Фиксатор сбруи – элемент сбруи, который фиксирует другие элементы упряжки на корпусе животного. Во 2 тысячелетии до н.э. представлял собой ремень, связывающий нижние концы ярма-рогатки или же проходил от внешнего нижнего конца ярма-рогатки к дышлу и опоясывал нижнюю часть брюха животного. В 1 тысячелетии до н.э. эта система трансформировалась в комбинацию подпруги со шлеей.

Формат лошади – соотношение промеров высоты в холке и длины корпуса. Верховые лошади имеют главным образом квадратный, а упряжные – прямоугольный формат.

Чересседельник – кожаный или брезентовый ремень, фиксирующий оглобли при дуговой запряжке.

Чека (linchpin-англ., esse, clavette-фр.) – фиксатор колеса на внешней стороне оси.

Шлея – ремень, соединяющий передние края подкладки или покрывала седла и проходящий вокруг грудной клетки лошади, что позволяло фиксировать седло на корпусе животного. У ассирийских колесничных лошадей в 8-7 вв. до н.э. этот ремень присоединялся к подпруге с двух сторон.

Шоры – элемент, соединяющий все ремни оголовья и прикрывающий глаза лошади, заставляя ее смотреть вперед. В древности этот элемент, возможно, служил для защиты глаз животных в битве, либо для предотвращения столкновений между жеребцами, бегущими в одной упряжке.

Шорка беговая – часть бездуговой упряжи, предназначенная для передачи тягового усилия лошади через постромки на повозку. Применяют в дышловых запряжках.

Шипы – факультативная деталь псалия. Монолитные либо вставные выступы на внутренней стороне щитка, имеющие прямую или фигурную форму, предназначенные для непосредственного управления лошастью путем давления на морду.

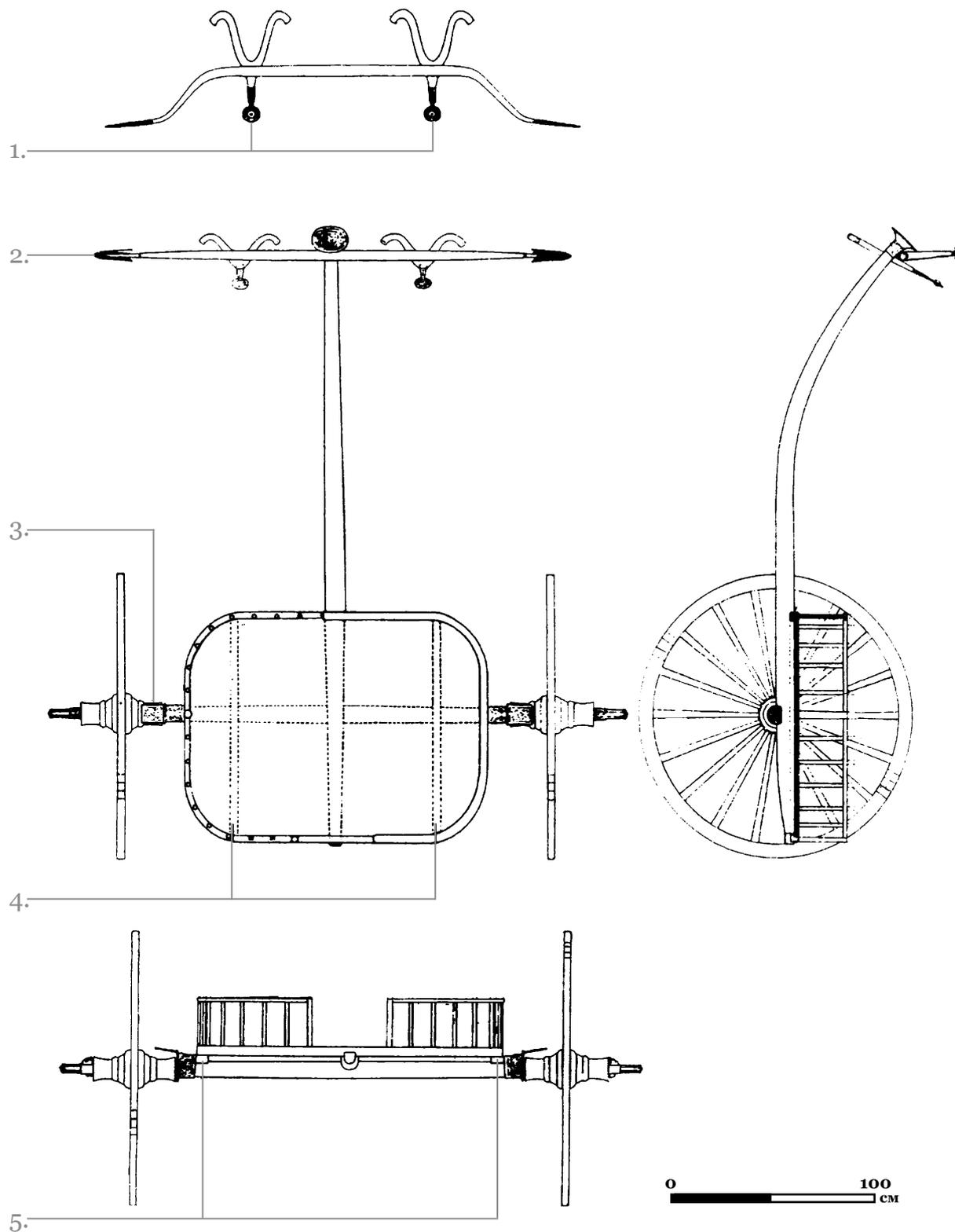
Штифты – роговые стерженьки, вставляемые в дополнительные отверстия и предназначенные для крепления псалия с ремнями оголовья.

Щечный ремень – деталь оголовья, соединенная с суголовным ремнем; ремень, крепящийся к трензелю.

Щиток – деталь псалия, дисковидной, сегментовидной, подквадратной или подпрямоугольной формы, составляющая его основу. На щитке расположено трензельное отверстие, сквозь которое проходят ременной трензель и повод.

Ярмо (yoke-англ., joug-фр.); ярмо на рогах (horn-yoke-англ., joug de cornes-фр.) – упряжное устройство, заменяющее хомут (neck-yoke-англ., joug d'encolure-фр.). Представляет собой перекладину, крепящуюся к дышлу.

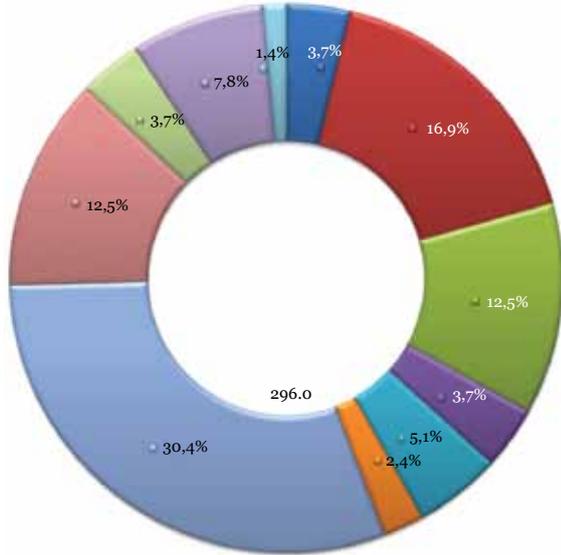
Ярмо-рогатка (yoke-saddle-англ., fourchon d'encolure-фр.) – специальный элемент, «седло для ярма» – служит для более удобного присоединения перекладки ярма к упряжным животным. По форме напоминает перевернутую букву «Y», где вершина прикреплена к перекладке ярма, а две «ноги» опираются на плечи животных.

Китай. Реконструкция повозки Западная Чжоу (примерно 1050-771 до н.э.) по находке из могильника Синькун, погребение № 1: 1 – Навершия на ярма-рогатки (колокольчики); 2 – Навершия на концы ярма-перекладины; 3 – Усилители для оси; 4 – Балки (подбалки) для укрепления площадки для возничего; 5 – Опорные балки на оси для укрепления площадки колесничего [Wagner, 2004, abb. 4].

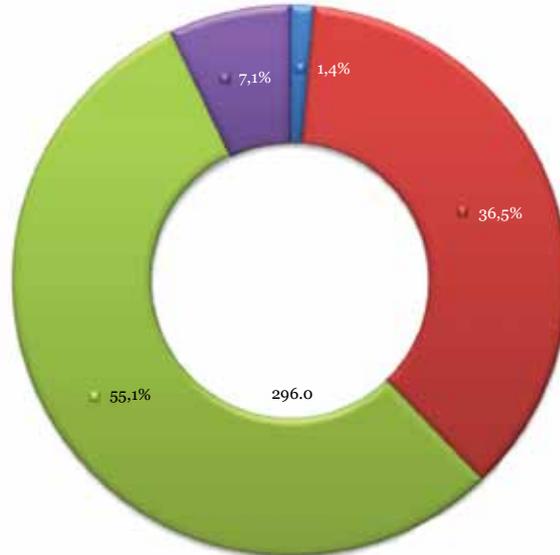
Приложение 1. Визуализация признаков в БД.

Распределение изображений повозок по регионам

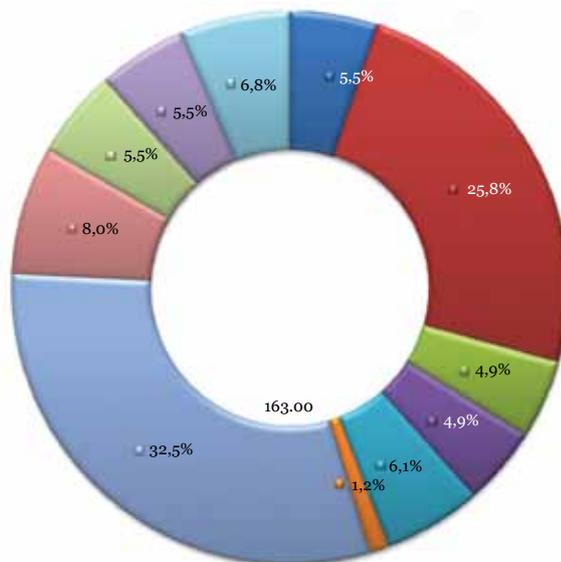
- Памиро-Алай
- Западный Тянь-Шань
- Внутренний Тянь-Шань
- Северное Притяньшанье
- Джунгарский Алатау
- Тарбагатай
- Горный Алтай
- Монгольский Алтай и Внутренняя Монголия
- Западный Саян
- Минусинская котловина
- Прибайкалье

Соотношение типов повозок: телег, колесниц, двуколок

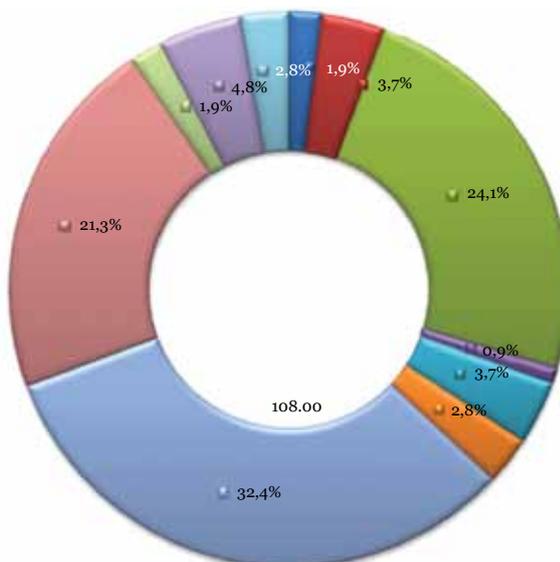
- unrecognized
- carts
- chariots
- wagons

Распределение изображений колесниц по регионам

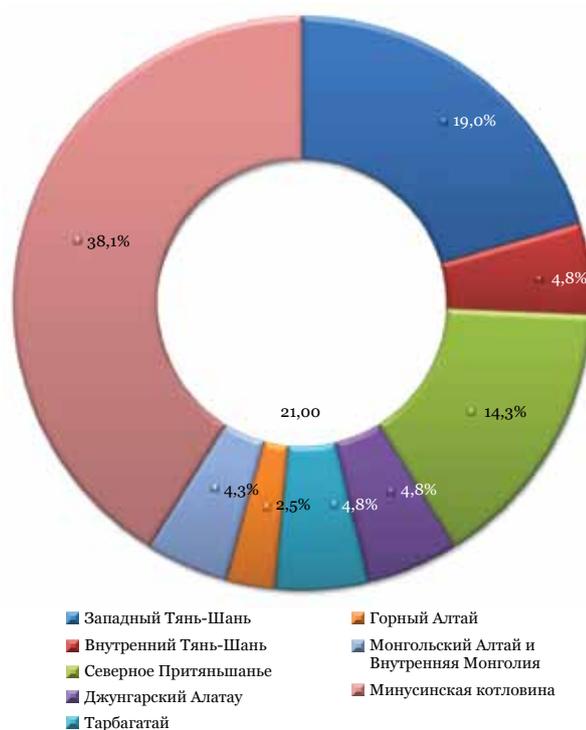
- Памиро-Алай
- Западный Тянь-Шань
- Внутренний Тянь-Шань
- Северное Притяньшанье
- Джунгарский Алатау
- Тарбагатай
- Горный Алтай
- Монгольский Алтай и Внутренняя Монголия
- Западный Саян
- Минусинская котловина
- Прибайкалье

Распределение изображений двуколок по регионам

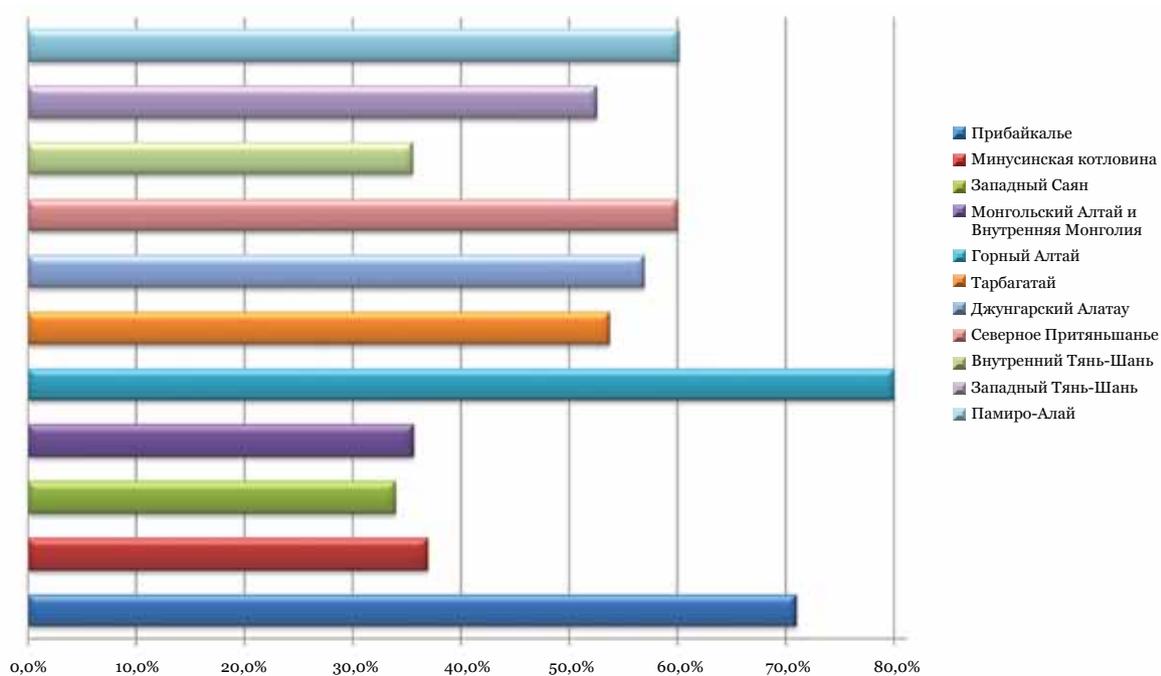

- Памиро-Алай
- Западный Тянь-Шань
- Внутренний Тянь-Шань
- Северное Притяньшанье
- Джунгарский Алатау
- Тарбагатай
- Горный Алтай
- Монгольский Алтай и Внутренняя Монголия
- Западный Саян
- Минусинская котловина
- Прибайкалье

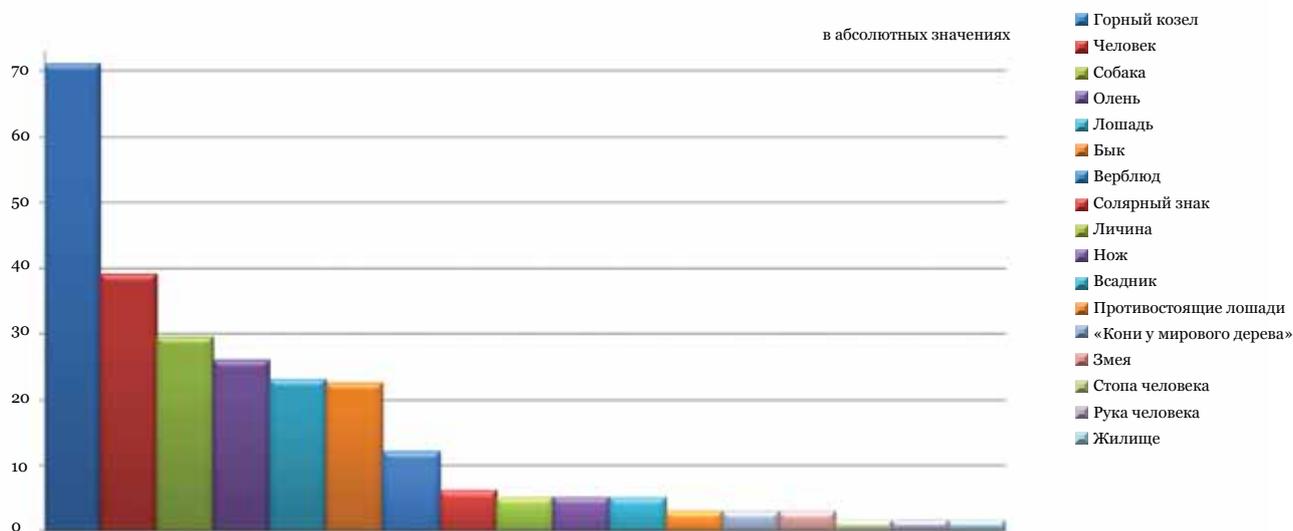
Распределение изображений телег по регионам

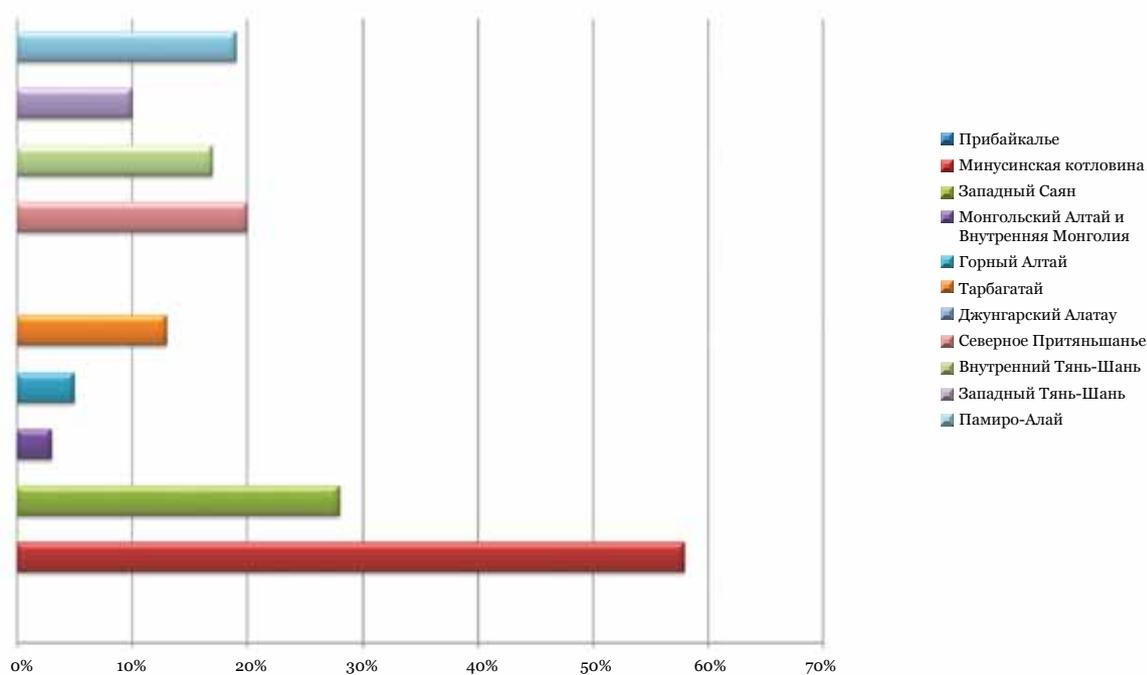
Присутствие изображений повозок в композициях по регионам

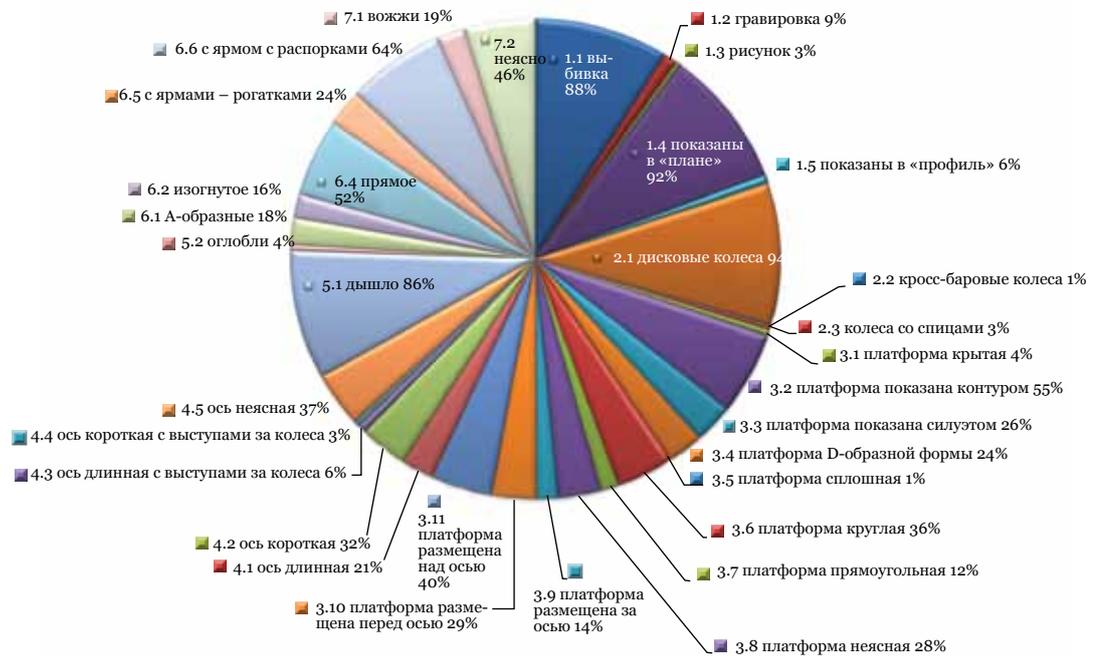
Сочетание изображений повозок с другими образами на плоскости по всем рассматриваемым регионам

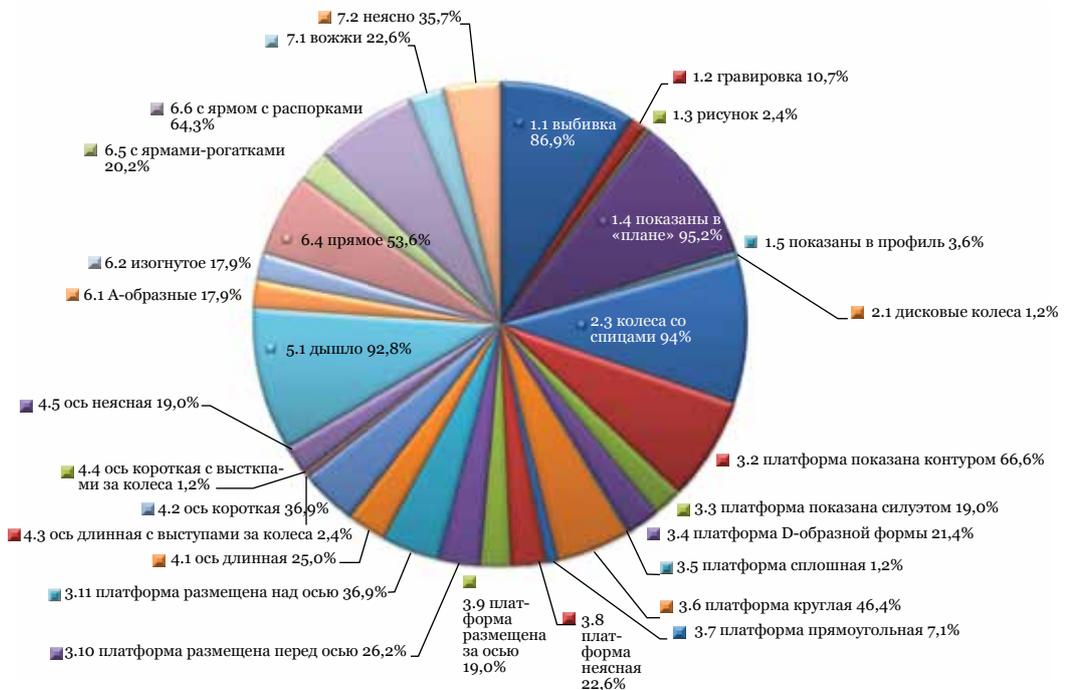
Присутствие изображений повозок по регионам

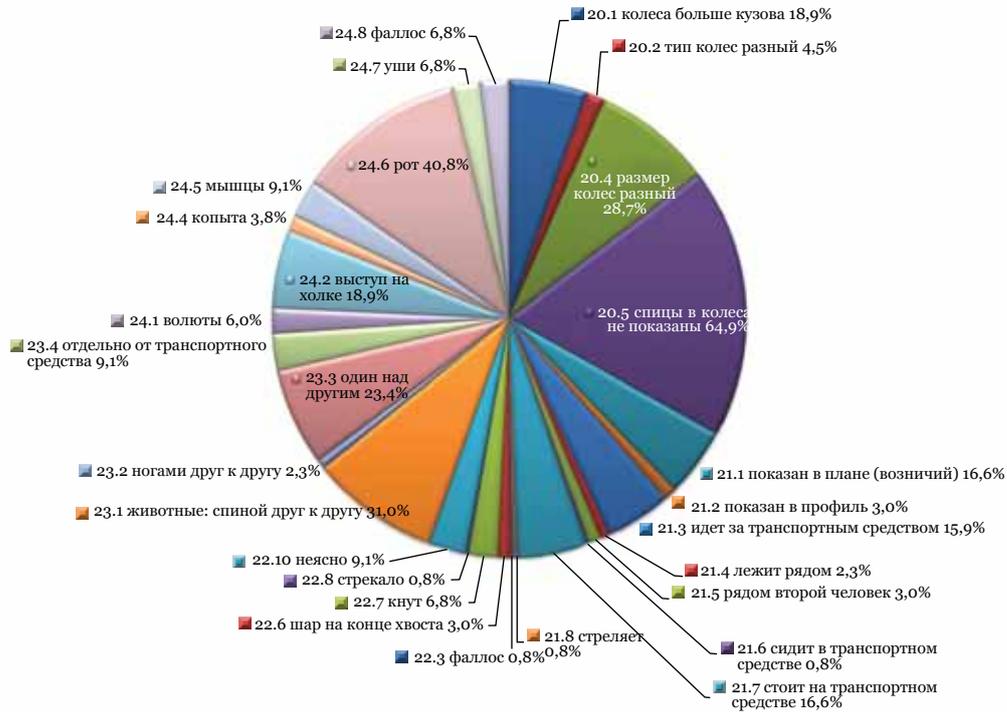
Изображение двуколок по всем регионам.
Техника исполнения и конструкция

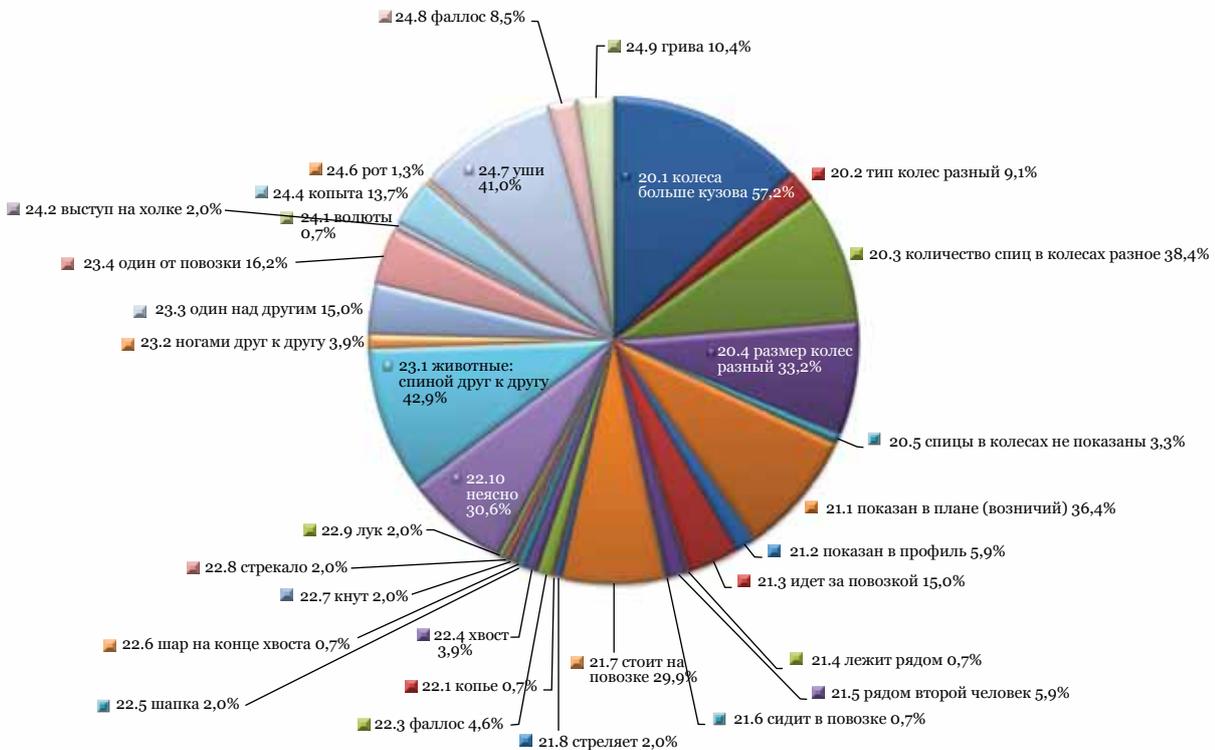
Изображение колесниц по всем регионам.
Техника исполнения и конструкция

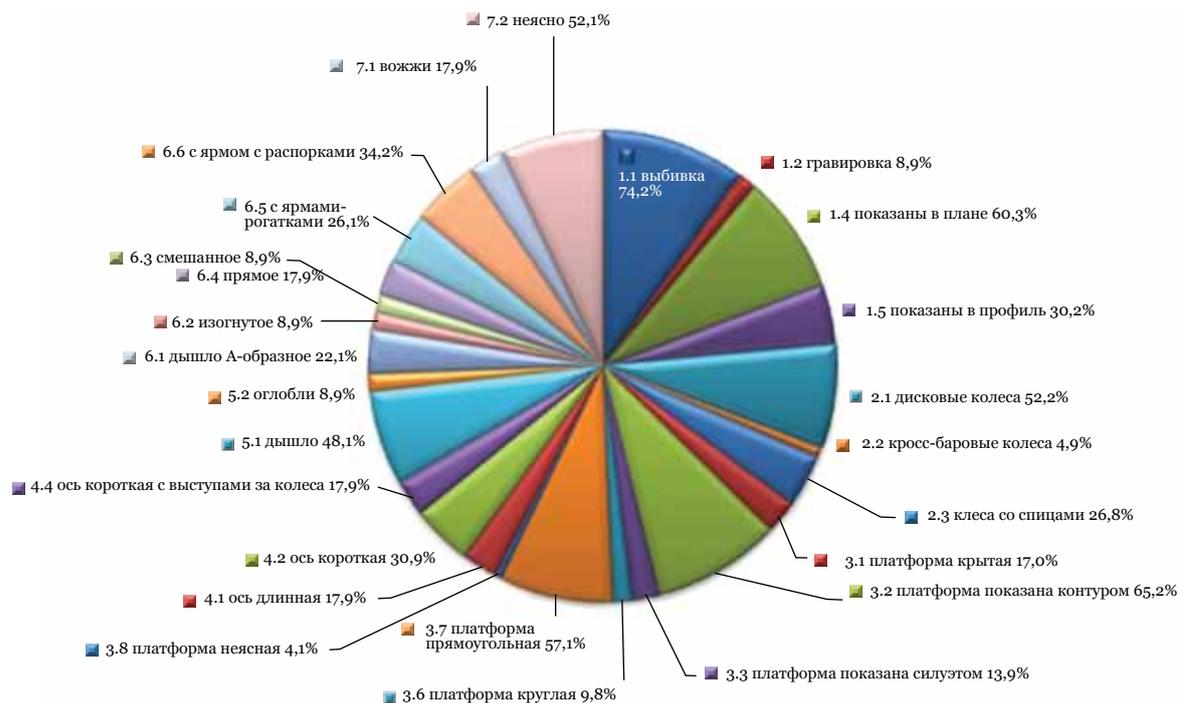
Изображение двуколок по всем регионам.
Иконографические особенности

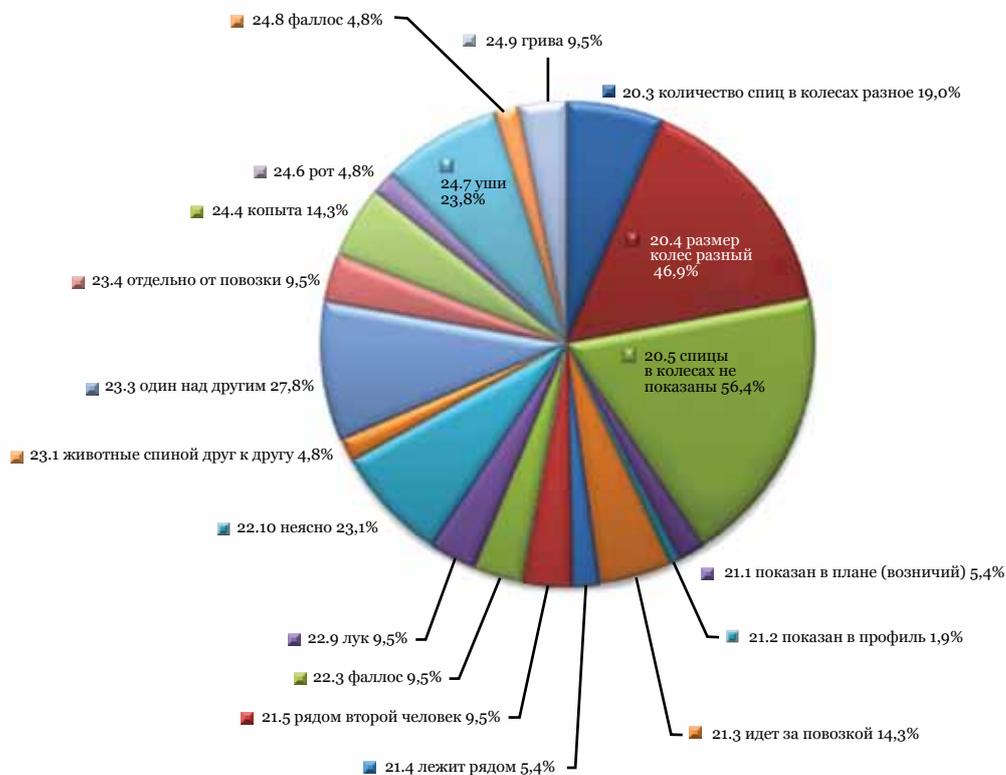
Изображение колесниц по всем регионам.
Иконографические особенности

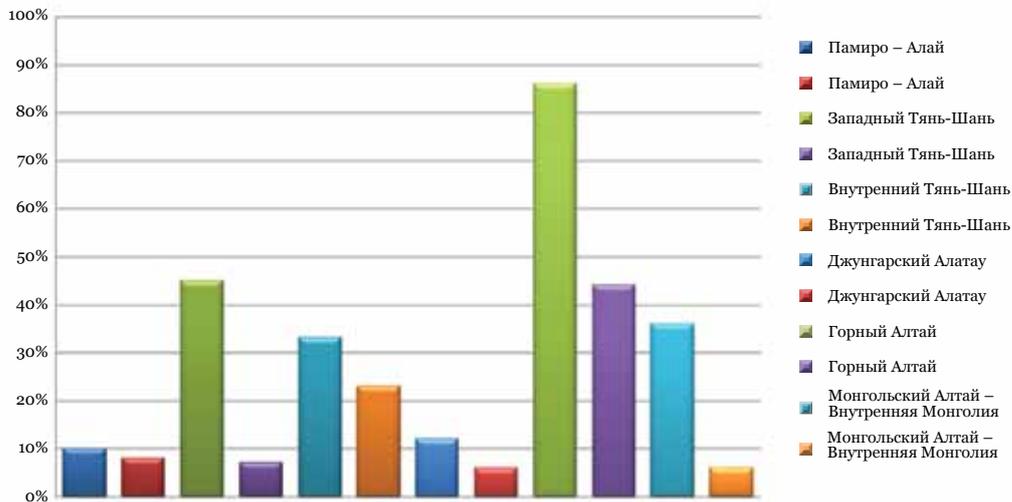
Изображение телег по всем регионам.
Техника исполнения и конструкция

Изображение телег по всем регионам.
Техника исполнения и конструкция

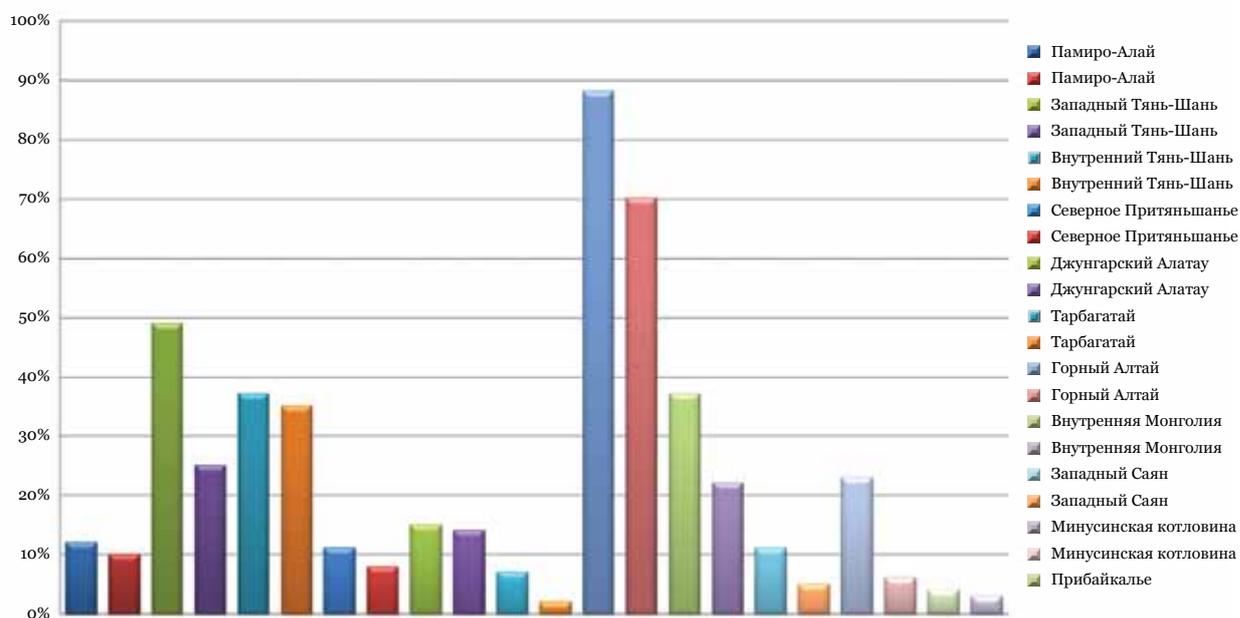
Изображение повозок с возничим (правый столбик) и их соотношение с общим количеством повозок (левый столбик) по всем регионам

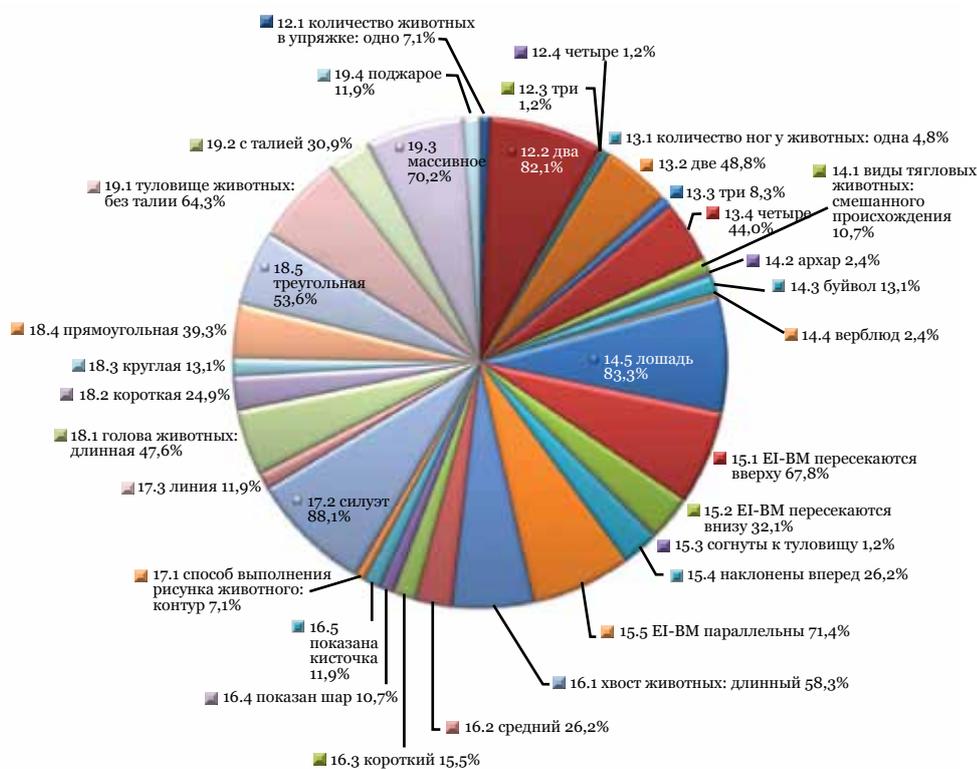
Изображение двуколок и колесниц с возничим. Особенности по всем регионам

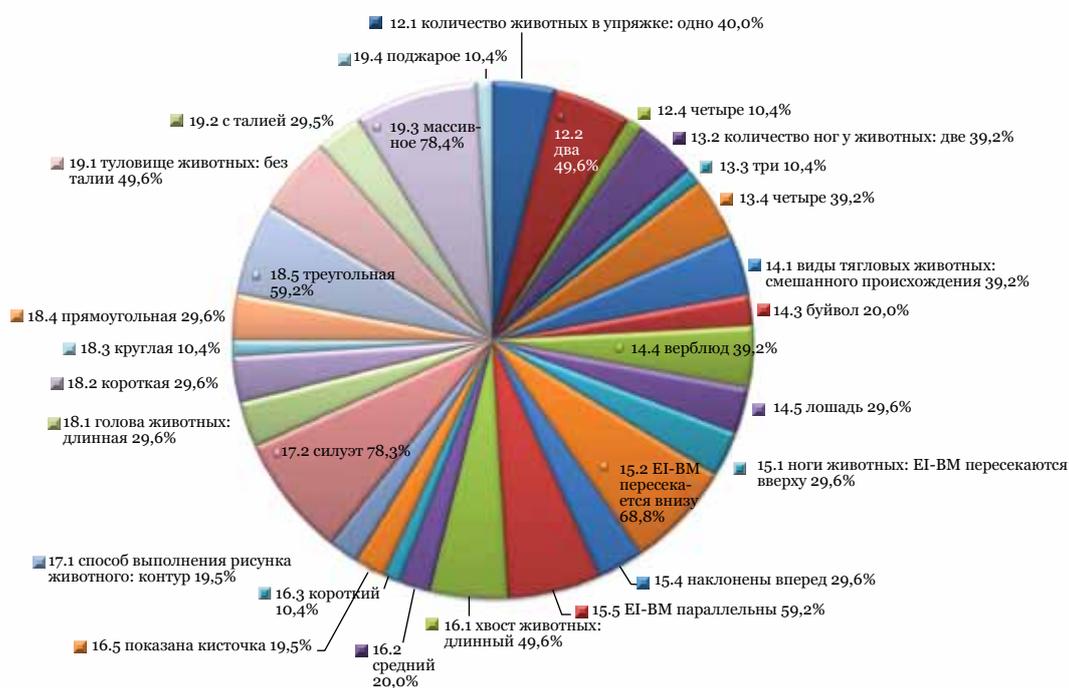
Соотношение запряженных повозок (правый столбик) и общего количества изображений повозок по регионам (левый столбик)

Изображение двуколок и колесниц по всем регионам.
Упряжные животные

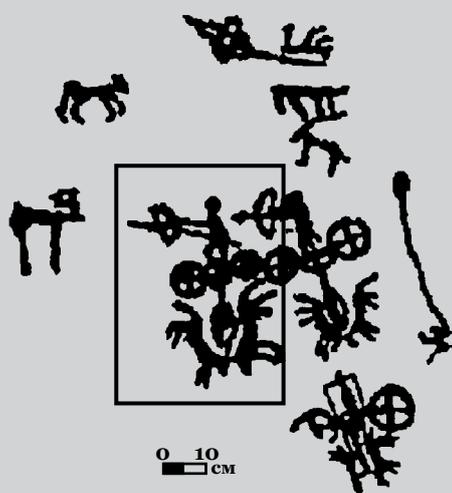
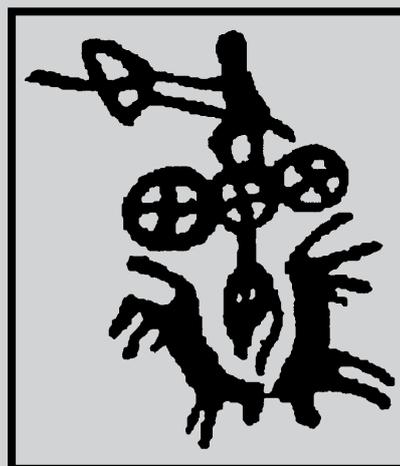

Изображения телег по всем регионам, упряжные животные

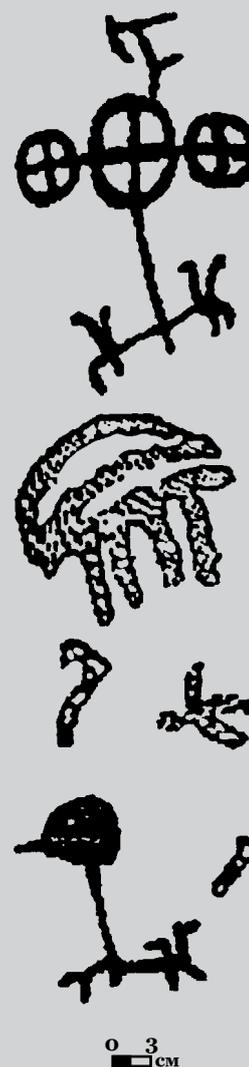
Description of image 2.2. Ar 13

General information:	
Subject:	Vehicle
Region:	Karatau
State:	Kazakhstan
New details:	No
Racurs:	Plan
Direction:	6
Renovations:	No
Damages:	No
Monument:	Arpauzen 5
N of plate:	42
Part of composition:	Yes
Scale:	10.0
Technique:	Beaten
Construction:	
Type of vehicle:	Chariot
Type of wheel:	Spokes
Covered:	No
Platform:	Contour
Shape of platform:	Round
Axle:	Unclear
Type of harness:	Draught-pole
Draught-pole:	Courved, With top
With yoke-saddles:	No
With cross-beam:	No
Details of bridle:	Unclear
Driver:	
Legs:	Bended, Step, Straddled
Hands:	Up, Straight
Head:	Silhouette
Body:	Silhouette, Rectangular
Animals:	
Quantity of animals in team:	2
Quantity of legs:	4.4
Half – bred team:	No
Kind of draught animals:	Horse
Legs of animals:	EI – BM crossed up, EI – BM crossed down, Legs titled forward, EI – BM is parallel
Tail:	Long
Way of realization:	Silhouette
Head:	Rectangular, Long, Triangular
Body:	Massive, With the waist
Features:	
Features of construction:	Wheels is bigger the box, Size of wheels is different
Position of driver:	Are shown in «profile», Stand on the vehicle,
Details of animals:	Ears, Phallus, Mane
Source:	
Author(s):	Kadyrbaev M.K., Mariashev A.N.
Title:	Naskalnye izobrazhenia khrebta Karatau
Printing house:	Nauka, Alma Ata
Date of Publication:	1977
N of page:	122
N of illustration:	72
Language:	Russian

Описание изображения 2.2.Ко4

Общее описание:	
Предмет изображения:	Повозка
Географический регион:	Каратау
Административная единица:	Юж. Казахстан
Новые детали:	Нет
Ракурс:	План
Направление изображения:	5
Подновления:	Нет
Повреждения:	Нет
Название памятника:	Койбагар 1
Номер плоскости:	125
Часть композиции:	Да
Масштаб:	5.0
Техника:	Выбивка
Конструкция:	
Тип повозки:	Колесница
Тип колеса:	Спицы
Крытая повозка?:	Нет
Площадка:	Контур
Форма площадки:	Округлая
Положение площадки:	Над осью
Ось:	Короткая
Способ запряжки:	Дышло
Дышло:	Прямое
Показаны яр. рогатки:	Да
Показана пер. дышла:	Да
Литература:	
Автор публикации:	Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.
Название работы:	Наскальные изображения хребта Каратау
Издательство:	Наука, Алма-Ата
Дата публикации:	1977
№ страницы:	45
№ иллюстрации:	16
Язык текста:	Русский

List of regions, with rock art images of vehicles.

Index	Region	Quantity of vehicles	
		Fixed	Discribed
1.	Pamires-Alai	19	11
1.1.	Mountain Badakhshan	5	3
1.2.	Western Pamires-Alai	7	1
1.3.	Karakorum	1	1
1.4.	Peninsula Hindustan	6	6
2.	Western Tien Shan	65	50
2.1.	Talas chain	5	4
2.2.	Chain Karatau	60	46
3.	Internal Tien Shan	37	37
3.1.	Fergana chain	37	37
4.	Northern Pre-Tien Shan	14	11
4.1.	Chu-Ili mountains	8	5
4.2.	Kazakh Melkosopochnik	6	6
5.	Dzhungarian Alatau	15	15
5.1.	Valley of Koxsu	15	15
6.	Saian-Altai	191	168
6.1.	Tarbagatai	7	7
6.2.	Mountain Altai	95	90
6.3.	Mongolian Altai	44	35
6.4.	Internal Mongolia	5	2
6.5.	Western Saian	11	11
6.6.	Khakass-Minusinsk Basin	29	23
7.	The rock art images from other regions	4	4
8.	Caucasus	82	78
8.1.	Northern Pre-Black Sea	5	5
8.2.	Transcaucasus	77	73
9.	Mediterranean	29	29
9.1.	Greece	5	5
9.2.	Northern Alpes	15	15
9.3.	Sakhara	9	9
10.	Scandinavia	61	48

List of monuments.

Index	Monument	Quantity of images	
		Fixed	Discribed
1.1.Ak1-5	Akdzhilga	5	3
1.2.TT1	Tekke Tash	1	1
1.2.Oh1	Okhna	1	-
1.2.Ka1-5	Karakiasai	5	-
1.3.Th1	Tkhor	1	1
1.4.CN1	Chibbarnala	1	1
1.4.Dh1	Dkharampuri	1	1
1.4.CB1-3	Chatur Bkhu Nash	3	3
1.4.Ek1	Eda Kalkave	1	1
2.1.Zt1-4	Zhaltyryk Tash	4	4
2.1.Tr1	Tars	1	-
2.2.Ko1-28	Koibagar I, II, III	28	20
2.2.Ar1-22	Arpausen I, III, IV, V, VI	22	18
2.2.KA1-4	Koshkar Ata I, II	4	2
2.2.Ga1	Gabaevka	1	1
2.2.Kb1	Kokbulak	1	1
2.2.Ks1-3	Ksan	3	3
2.2.Rg1	Rang Ozen	1	1
3.1.ST1-37	Saimaly Tash	37	37
4.1.Tg1-6	Tamgaly	6	3
4.1.Cm1-2	Chumysh	2	2
4.2.Dz1	Dzhambul	1	1
4.2.Kt1	Kesteletas	1	1
4.2.Bk1-3	Baikonour III	3	3
4.2.Sk1	Saiak	1	1
5.1.EO1-15	Eshkiolmes	15	15
6.1.Ak1	Akbaur	1	1
6.1.Ku1	Kurchum	1	1
6.1.Mo1-2	Moinak	2	2
6.1.Ty1-2	Tyilkune	2	2
6.1.Sa1	Saur Tarbagatai	1	1
6.2.KT1-5	Kalbak Tash	5	2
6.2.Zg1	Zhalgyz Tepe	1	1

List of monuments.

Index	Monument	Quantity of images	
		Fixed	Discribed
6.2.El1-86	Elangash	87	86
6.2.Ah1	Adyr Khan	1	-
6.2.Nd1	Undocumented	1	1
6.3.YU1-4	Yiamany Us	4	4
6.3.Ts1-3	Tsagan Gol	3	3
6.3.BA1-2	Bichigty Am	2	2
6.3.HS1-3	Khovd Somon	3	2
6.3.BS1	Bagar Somon	1	1
6.3.Cu1-20	Chulut	20	12
6.3.DS1	Darvi Somon	1	1
6.3.MS1	Manlai Somon	1	1
6.3.Ha1	Havtsgait	1	1
6.3.Nd1-8	Undocumented	8	8
6.4.Ur1	Urad	1	1
6.4.Ys1-4	Yiangsu	4	1
6.5.SC1	Syyн Churek	1	1
6.5.MC1-5	Mugur Sargol-Chinge	5	5
6.5.RT1	Road of Chingizkhan	1	1
6.5.OS1-4	Orta Sargol	4	4
6.6.UT1	Ust Tuba	1	1
6.6.SK1-3	Shaman Kamen (Oglakhty)	3	-
6.6.Su1	Sukhanikha II	1	1
6.6.Th1-4	Tunchukh	4	4
6.6.Os1	Oshkolskaia pisanitsa	1	1
6.6.Se1-7	Sedlovina	7	5
6.6.Sk1-2	Shishka	2	2
6.6.Po1-2	Polosataia	2	2
6.6.Zn1	Znamenka	1	1
6.6.As1	Askiz	1	1
6.6.UB1	Ust Byiur	1	1
6.6.Rz1	Razliv X	1	-
6.6.KK1	Krasnyi Kamen	1	1
6.6.SB1	Severnyi bereg Varchi	1	1

List of monuments.

Index	Monument	Quantity of images	
		Fixed	Discribed
6.6.HH1	Khara Khaia	1	1
6.6.Ut1	Uibat	1	1
7.1.Sl1	Sulek	1	1
7.1.CS	Chana Shulun	1	1
7.1.TO1-2	Tabangutskoe Obo	2	2
8.1.KM1-4	Kamenaia Mogila	4	4
8.1.TA1	Tash Air	1	1
8.2.Go1	Gobustan	1	1
8.2.Ge1	Gemigaia	5	1
8.2.Sy1-70	Syinik	70	70
8.2.Be1	Berekei	1	1
9.1.Kv1	Kavala	1	1
9.1.Av1-2	Avdon	2	2
9.1.My1	Mycen	1	1
9.1.En1	Encomi	1	1
9.2.Cm1-11	Valcamonica	11	11
9.2.Tr1	Toreion del Rubio	1	1
9.2.KB1	Kabeza de Baie	1	1
9.2.Pe1	Penalsordo	1	1
9.2.Nd1	Undocumented	1	1
9.3.Ts1-7	Tassili	7	7
9.3.Sh1-2	Sakhara	2	2
10.Fr1-19	Frannarp	19	16
10.Bo1-6	Bottna	6	6
10.Sv1-2	Svennebi	2	2
10.KV1-3	Kville	3	3
10.Ki1	Kivik	1	1
10.Of1-10	Ostfold	10	10
10.Vi1	Vitkau	1	1
10.Dr1	Darslub	1	1
10.Bh1-3	Bohuslan	3	3
10.Si1-2	Simris	2	2
10.Og1-2	Ostergotland	2	2

The list of attributes and indexes.

Group I. Technic and construction.

1. Technic of realization.
 - 1.1. Beaten
 - 1.2. Graffiti
 - 1.3. Paintings
 - 1.4. Are shown in «plan»
 - 1.5. Are shown in «profile»
2. Wheels
 - 2.1. Disk
 - 2.2. Cross-bar
 - 2.3. With spokes
3. Platform
 - 3.1. Covered
 - 3.2. Are shown as countour
 - 3.3. Are shown as silhouette
 - 3.4. D-frame
 - 3.5. Square
 - 3.6. Round
 - 3.7. Rectangular
 - 3.8. Unclear
 - 3.9. Emplacement beyond the axle
 - 3.10. Emplacement before the axle
 - 3.11. Emplacement above the axle
4. Axle
 - 4.1. Long
 - 4.2. Short
 - 4.3. Long with tuber
 - 4.4. Short with tuber
 - 4.5. Unclear
5. Type of harness
 - 5.1. Draught-pole
 - 5.2. Shafts
6. Draught-pole
 - 6.1. A-frame
 - 6.2. Curved
 - 6.3. Composite
 - 6.4. Straight
 - 6.5. With yoke-saddles
 - 6.6. With cross-beam (yoke)
7. Details of bridle
 - 7.1. Reins
 - 7.2. Unclear

Group II. Driver.

8. Legs of driver.
 - 8.1. Bended
 - 8.2. Straight
 - 8.3. Dispose, straddled
 - 8.4. Converge
 - 8.5. Step
 - 8.6. Are shown the foot
9. Hands of driver
 - 9.1. Up-down
 - 9.2. Down
 - 9.3. Absent
 - 9.4. Up
 - 9.5. Straight
 - 9.6. Straddled
- 9.7. Bended
- 9.8. In flanks
10. Head of driver.
 - 10.1. Beams are shown
 - 10.2. Nose are shown
 - 10.3. Horns are shown
 - 10.4. Silhouette
11. Body of driver
 - 11.1. Silhouette
 - 11.2. Elliptic
 - 11.3. Rectangular
 - 11.4. Triangular
 - 11.5. With waist

Group III. Draught animals.

12. Quantity of animals in team.

- 12.1.** One
- 12.2.** Two
- 12.3.** Three
- 12.4.** Four

13. Quantity of legs of animals

- 13.1.** One
- 13.2.** Two
- 13.3.** Three
- 13.4.** Four

14. Kind of draught animals

- 14.1.** Half-bred (mixing) team
- 14.2.** Goat (arkhar)
- 14.3.** Ox
- 14.4.** Camel
- 14.5.** Horse

15. Legs of animals

- 15.1.** EI-BM crossed up
- 15.2.** EI-BM crossed down
- 15.3.** Legs bended to body
- 15.4.** Legs tilted forward
- 15.5.** EI-BM is parallel

16. Tail of animals

- 16.1.** Long
- 16.2.** Middle
- 16.3.** Short
- 16.4.** Ball are shown
- 16.5.** Tassel are shown

17. Way of realization of animal image.

- 17.1.** Contour (outline)
- 17.2.** Silhouette
- 17.3.** Line

18. Head of animals.

- 18.1.** Long
- 18.2.** Short
- 18.3.** Round
- 18.4.** Rectangular
- 18.5.** Triangular

19. Body of animals.

- 19.1.** Without the waist
- 19.2.** With the waist
- 19.3.** Massive
- 19.4.** Skinny

Group IV. The iconographical features of image.

20. Features of construction.

- 20.1.** Wheels is bigger of box
- 20.2.** Type of wheels is different
- 20.3.** Number of spokes in wheels is different
- 20.4.** Size of wheels is different
- 20.5.** Spoks in wheels aren't shown

21. Position of driver.

- 21.1.** Are shown in «plan»
- 21.2.** Are shown in «profile»
- 21.3.** Are going behind the vehicle
- 21.4.** Lie beside
- 21.5.** Near is second human
- 21.6.** Seat in the vehicle
- 21.7.** Stand on the vehicle
- 21.8.** Shooting

22. Attributes of driver.

- 22.1.** Spear
- 22.2.** Clothes
- 22.3.** Phallus
- 22.4.** «Tail»
- 22.5.** Hat

22.6. Ball on end of tail

- 22.7.** Whip
- 22.8.** Goad
- 22.9.** Bow
- 22.10.** Unclear

23. Position of animals.

- 23.1.** Backs friend to the friends
- 23.2.** Legs friend to the friends
- 23.3.** One above another
- 23.4.** Separate from vehicle

24. Details of draught animals.

- 24.1.** Volutes
- 24.2.** Projection on withers
- 24.3.** Eye
- 24.4.** Hoofs
- 24.5.** Muscles
- 24.6.** Mouth
- 24.7.** Ears
- 24.8.** Phallus
- 24.9.** Mane

The Catalog of Eurasian's engravings of vehicles.

1. Alai Pamirs.

1.1. *Mountaineous Badakhshan.*

As a result of researches by V. Ranov and A. Gursky 48 sites of petroglyphs were located and put on the map. The greatest amount of petroglyphes is considered to be near village Liangar-Kisht, in the middle current of river Gunt, in the Vybyst-Dara gorge [Ranov, Gursky, 1966, p. 111]. The main part of images can be referred to the end of the Bronze Age, the period of early nomads and the Middle Ages. Figures of Mesolithic Era detected in the grotto Shakhty. [Phormozov, 1969, p. 72].

Akdzhilga. Hundreds of images, including figures of archers, elongated images of horses, horse riders and mountain goats were found here on the northern slope of the Alichur mountain chain, to the right of the river bank at a height of 3800 metres above the sea level. Images in Scythian animal style were located. Five images of chariots with drivers behind them were found in the petroglyphs of Akdzhilga. This picture shows three human figures with open hands. All these drawings were done using the graffiti technic [Zhukov, Ranov, 1972, p. 540-541; 1974, p. 62-68]. 1.1Ak1-3. (*).

1.2. Western Alai Pamirs. The region is less investigated, than Mountaineous Badakhshan. There are such large monuments as Zaraut-Kamar, Sarmysh and others [Shatsky, 1973]. More than 30 complexes with the rock art images are situated in this region [Sher, 1980, p. 85-95; Oskin, 1976, p. 83-89].

Tekke-Tash. A number of petroglyphs were discovered in one of the offshoots of the Hissar mountain chain – Karategin, in the

valley of river Surkhob, between villages of Shilbili and Oksoi. Images on the rocks here appear to follow a terrace-like pattern. Single images of mountain goats, human beings and damaged images of chariots were found. [Mandelshtam, 1961, p. 86, fig. 4]. 1.2.TT1.

Okhna stretches from the northern offshoots of the Alai chain mountains to the north of village Okhna. M.E. Voronets marks the figures of «arba (cart) with arbakesh (a driver)» in this region. [Voronets, 1950, p. 81; Shatsky, 1973, p. 68]. The latest information about 130 monuments of rock engravings located in the foothill areas of the Alai chain mountains in Uzbekistan.

Karakiasay. 90 stones with 1015 separate figures and compositions were found here. Among these images are arkhars (mountain goat), camels, horses, dogs, bulls, wolfs, horseriders, and 5 chariots, four of which are harnessed by horses. [Khuzhanazarov, 1990, p. 116-122].

1.3. Karakorum. The petroglyphs of Northern Pakistan caught the sight of man in connection with construction of the highway in 1974-1978. Seven large sites of petroglyphs were discovered at a height of 2 500-3 500 metres above the sea level, near the confluence of river Gilgit and river Indus at the following places: Khunza-Khaldekisht, Chilaz I-II, Tkhor, Khodar, Talpan, at bridge Shatial and at bridge Alam, in districts Minar-ga and Khodar, near the ancient city Khunza.

Chinese written sources testify the fact that man was well acquainted with these places which were referred to as a part of the caravan road from Tarimbek to

(*) Index of these images can be found in a computer data bank. Composition: serial numbers of geographical regions, letter code of monuments and serial number of chariot engravings. The computer data bank contains detailed description of each indexed image.

Southern Asia. Their learnings shows that this mountaineous part of caravan road belonged to the ancient State of Bolore, which was well patronized by palmers and travelers. They would engrave designed words of praises to express their gratitude. These clues triggered off the curiosity of both professor K.Jettmar of Heidelberg university (Germany) and professor Dani of Hislamabad university (Pakistan) to undertake a thorough study of this territory with the aim of clarifying the routes of the caravan road using the engravings on the rocks. [Jettmar 1980, p. 185-221; 1980- 1982; 1983, p. 22-32; 1984; Dani 1983].

The results surpassed the most courageous expectations. Almost 1450 compositions and 4 000 separate figures, including about 500 inscriptions, were found in Chilaz alone. Scenes from Buddist legends were copied. Plenty of images of mountain goats, other animals, hunters, warriors and etc were discovered here. Ancient images of bulls and demonic entities with masks on their faces, similar to those of Okunevo were found. Separate groups of these engravings constitute images of deers in a traditional Scythian-Siberean animal style. Based on the endless number of rock engravings found in these regions, one can boldly conclude that most of the ancient petroglyphs of Northern Pakistan were created by the immigrants from the steppe regions of Asia [Jettmar 1980; 1983; Dani 1983].

This concept is supported by the fact that the engravings and the carvings found here differ from those discovered in the region of the Indonistanian Peninsula, where rock art is represented in overwhelming majority by paintings. It is no wonder that figures of carriages have been found among the petroglyphs.

Tkhor. Petroglyphs engraved on the rocks of the northern bank of Indus-river are the same as those in the settlements

nearby. The picture on the rock depicts a chariot harnessed by two horses with a man shooting an arrow behind it. Apart from that, quite a number of images about Buddhism, part of which conforms to the «A»-shaped carriages. [Jettmar 1980, p. 203, 214, fig 1]. (fig. 11:1). Such bull driven carriages which feature frequently in the petroglyphs of the Mediteranean and the Caucasses are located at Dekane.

1.4. Hindustanian Peninsula.

More than twenty regions on the territory of modern India contain hundreds of drawings. Generally these figures are concentrated in the grottos. Fifteen of such regions are situated in Northern India, and five in the Southern and Central parts of the country. On the whole about a hundred of monuments of rock art present in India. Colours like red, green, white, black and others were generally used in these drawings. [Brooks, Wakankar, 1976, p. 1-32, append.].

Analysis of Indian creative tradition is based on matching the images on the rocks to the figures on ceramics and weapons found in the archaeological monuments. Historians come to the conclusion that there exist about twenty different creative styles of these drawings that can be related to the five historical periods.

The first six styles are reffered to the Stone age, dated as far as 8000-2500 B.C.; the seventh style through the tenth belong to the Bronze Age, dated 500-300 B.C. [Brooks, Wakankar, 1976, p 31-32].

There are images of carriages (fig. 12) found and published by a group of contributors from Craz, Austria. [GE.FE.BI.1977/78, s. 28,30,54; 1981/82, s. 89].

Chibbarnala. Northern India. Figures found in two grottos. Amidst the images of a chariot, harnessed by a pair of horses with a driver, ther are figures of people with axes in thier hands. 1.4.CN1.

Dharampuri. Northern India. Single images of chariots with two drivers, harnessed by a pair of horses, were located in three grottos. 1.4.Dh1.3 images of chariots which are harnessed by animals were found in grotto Chatur Bhu Nash. Conventional symbols were used to denote the drivers and the animals. Few images of vehicles were discovered in grotto Eda Kalkave.

2. Western Tien Shan.

This region entails the spurs of the Talas chain mountains Ugamsky, Pskemsky, Kuraminsky, Chatkalsky, mountains Mougoltau, and also the western and the southern offshoots of the two mountain chains, Talas Alatau and Karatau respectively. About 20 monuments with petroglyphs are present here. Among them are such large ones as Karatau, Aksu Dzhabagly (Kaskabulak), including 2-3 thousand compositions and separate images.

2.1. The Talas chain mountains. Zhaltyryk Tash (Ur Maral). Some engravings were discovered on the huge block of granite on the coast of river Ur Maral, where river Talas flows left into the Kamansu gorge. [Gaponenko, 1963, p. 102-109].

Researchers have come across unique images such as a series of large «Scythian panthers», fantastic figures of dragons, dogs, engravings of «kentauros», shooting an arrow from a bow, alongside with popular Central Asian images of mountain goats, deers and camels. On a separate plate there are few images of chariots amidst different signs. [Sher, Miklashevich, Samashev, Sovetova, 1987, p. 70-78, fig. 3] 2.1.Zt1-4.

Tars. Various rock art images on a massive plate can be seen on the left coast of the same river near Dzhambul. The brightest among them are figures of people and animals. These compositions are engraved in the background of some figures

of animals. On separate small plate there is a figure of two knives with tabs on holders. The image of a chariot can be seen here.

(2.1.Tr1, fig. 5-6). This monument was discovered and studied by Z. Samashev and B. Piatkin, the author of the review in 1989.

2.2. Chain Karatau. Numerous groups of petroglyphs were discovered on the southern and northern slopes of mountain chain to north-west from Dzhambul. These groups are concentrated in gorges on the northern slope of Koibagar mountain chains, Arpauzen, Koshkar Ata, Kokbulak and others; on the southern slopes of Maidamtal, Besaryk and others. The largest groups of petroglyphs on the southern slope include more than 3000 compositions and separate images, which are practically a replica of the images, found in the engravings of Central Asia.

The works of I. Kastanie [1910] present us with an insight into the Karatau petroglyphs. Thanks to the works of M. Kadyrbaev and A. Mariashev in the seventies understanding these petroglyphs came closer. [Kadyrbaev, Mariashev, 1973, 1977].

It is worth studying the images of single and double axle carriages drawn by horses and camels among the numerous image compositions of people, animals, signs. On the whole, 54 images present here. (fig. 7-8).

The petroglyphs in Koibagar which are situated on the three hills have been divided into three main groups. 10 images of carriages are in group I, 3 in group II, and 14 in group III. Out of the 2779 figures of Koibagar the share of vehicles makes up 0,9 %. The images were made in combinations. The dot beat technic is the most widely used, then carving and patina smoothing by initially sectoring outlines of the figures. The patinization level of these images is Pt – 45.

Koibagar I. A plate with carriage engravings on it was found on the southern and eastern slopes of a hill. The drawings are mainly presented in single images. Only in two cases (stones 71, 215) images of chariots are combined with figures like bulls-turs, horses, camels, mountain goats, dogs and human.

Stone 17, 120 X 90 (*). A single image of a chariot (2.2Ko1).

Stone 20, 120 X 140 A single image of a chariot (2.2Ko2).

Stone 71, 120 X100. A chariot with an ox beside it and a horse below it.(37X23). The picture shows a horse on top of a circle with a camel beneath it and a mountain goat on the right of the circle. (2.2Ko3).

Stone 125, 75 x 72, two images of a chariot, the second one is incomplete with some images of mountain goats and unintelligible signs to the far right (2.2Ko4; 2.2Ko5).

Stone 158, 80 X 50. An unfinished image of a chariot (2.2Ko6).

Stone 215, 115 X 45. A single image of a chariot without draught animals. Below on the right on a plate is a figure of a dog, on the left there are schematical images of a human and a goat (2.2Ko7).

Stone 231, 120 X 60 A single image of a chariot and two horse as draught animals (2.2Ko8).

Stone 247. An image of a chariot harnessed by schematically shown animals, above there is a mountain goat (2.2Ko9).

Stone 251, 85 X 65. A poorly saved single image of a chariot with the front part destroyed (2.2Ko10).

Koibagar II. Two images of vehicles, one obviously incomplete (stone 200). The plates are located on the eastern and western slopes of a hill. The patinization level is Pt -4-5.

Stone 22, 120 X 100. A chariot harnessed by two camels, above and below - four camels and an unfinished image (2.2Ko11).

Stone 141, 50 X 135. A chariot, harnessed by two horses, below- an image of a mountain goat (2.2 Ko12).

Stone 200. Two wheels joined by a line (2.2Ko13).

Koibagar III. Most of the 14 discoveries are concentrated on the south-eastern slope of the hill. The level of patinization of these images is Pt 4-5.

Stone 148, 170X120. A poorly saved chariot, two camels, two goats, and seven unintelligible signs (Pt-4) which are out of consonance with a human with a gun making the whole thing blur and unreadable (Pt-1), (2.2Ko14).

Stone 200, 100X100. A destroyed image of a chariot, with part of a draught horse and a carriage clearly seen. (2.2Ko15).

Stone 213, 125X80. A profile image showing the silhouette of a carriage with a camel as the draught animal with an archer in the carriage. Below and above are figures of two people (2.2Ko16).

Stone 239, 40 X 40. A single image of a chariot, draught by two horses (2.2Ko17).

Stone 281, 100X70. A chariot with the draught animals destroyed (2.2Ko18).

Stone 295, 100x40 A three strata scene: lower layer (Pt-5) depicts two horses, three camels, seven mountain goats, rider on a horse, a chariot with some thing unintelligible by it. The second layer (Pt-3) shows two human figures and a goat. Top layer (Pt-3) shows three riders on camels and kulan. (2.2Ko19).

Stone 435, 80 X 50. A single image in a form of a chariot.(2.2Ko20).

Stone 438, 69 X 69. A single image of a chariot.

Stone 452, 115 X 63. An image showing a horse and a wagon. The sign. Above depicts an incomplete image of a chariot.

(*) Sizes of plates are given in cm

Stone 475, 80 X 40. A human figure with a camel draught chariot.

Stone 485, 85 X 45. A destroyed single image of a chariot draught by two horses with preserved wheels and part of the platform. (2.2K025).

Stone 522, 86 X 88. An image of a wagon with an indistinct figure of an animal above it. (2.2K026).

Stone 527, 150 X 100. A destroyed plate with an image of a chariot and rider on a horse and 8 figures of goats (2.2K027).

Stone 528, 88 X 71. A multiple composition with some vague figures of people, goats and dogs at the top. At the bottom, there is a human figure and a chariot fastened with two horses. A more attentive look reveals the person holding the bridle in one hand and trying to pull the chariot towards him with the other hand. Far to the right are a driver and a dog (2.2K028).

The petroglyphs of Arpauzen are situated on the distance of 30 kms north-west from Koibagar on plain slate plates. 8 groups of petroglyphs were discovered here, each of which contains from 39 up to 249 plates with figures. The animal world is widely represented, sacral scenes and solar signs are relatively scarce. Majority of the drawings were not beaten by initially setting the margins of the figure. Only a small fraction of these images were made in graffiti. A total number, 20 vehicles were found here, ten of them harnessed by horses, two by camels, and others without draught animals or with damaged ones. The patinization level of these images is Pt-4-5. These images constitute only 0,9% of the 3401 known ones.

Arpauzen I. Plate 110. An image of a chariot draught by a pair of horses. On the left there is a figure of a mountain goat (2.2.Ar1).

Arpauzen III. Plate 59, 90 X 45. A single image of a wagon with camels as draught animals (2.2.Ar3).

Plate 101, 500 X 500. The picture here depicts a chariot, a driver, two horses amidst five dogs, goats, and some unintelligible images of animals. Below there is an archer. (2.2.Ar4).

Plate 111, 50 X 35. A camel harnessed wagon with a human being holding the bridle. (2.2.Ar5).

Plate 185 120 X 60. Two images of chariots. The one on the left side is fastened to a horse, whilst the one on the right is damaged (2.2.Ar6-7).

Plate 199, 150 X 45. A cart and a chariot above it, a sign to the right and a dog beneath it. (2.2.Ar8-9).

Plate 213, 150 X 100. A single image of a chariot draught by two horses (2.2.Ar10).

Plate 241, 200 X 40. An image with a bear in the center, two riders on horses above, a camel, a bit further up, a chariot below, a human with open hands on the left and a camel closing the left side. (2.2.Ar11).

Arpauzen IV. The plate 33, 30 X 50. An incomplete image of a chariot, a camel and higher – human (?).

Arpauzen V. Plate 42. 100 X 100. The central part of almost horizontal plate of rock is occupied with three chariots, each of them fastened to a double horse team. In one of the chariots there is an archer shooting a goat. The figure of the archer in the chariot on the left is destroyed beyond recognition. Below there is an image of the third chariot with a couchman. On the right side, at a level of a chariot with an archer there is a partially saved figure of a man throwing a cord with a loop in the direction of a mountain goat. The image on the left side depicts a predator. Above there is a destroyed image of a cart. (2.2.Ar12-15).

Plate 64, 120 X 80. A chariot, a figure of a horse. It happened that one horse was engraved on the other. This makes it difficult to see all the features of the first one. (Pt-2), (2.2.Ar17).

Plate 80, 120 X 110. A carriage draught by a pair of horses (2.2.Ar18).

Arpauzen VI. Plate 51, 200 X 120. A complex engraving showing four men, a goat, two dogs, two camels and some unintelligible figures. The whole composition from right to left resembles a chariot without draught animals (2.2.Ar19).

Arpauzen VIII. Plate 8, 600 X 800. The image here shows indistinct figures of animals, two goats. Below there are seven goats, six men and two horses. The central figures overlap the images of 28 horses, six camels, three goats and certain unintelligible signs (Pt-1). Further to the right there is a damaged image of a chariot. (Pt-4), (2.2.Ar20).

Plate 47, 80 X 60. A horse fastened to a carriage.

Plate 80, 100 X 100. A goat, a camel, a damaged image of a vehicle and bulls with phalluses. Above there is human figure on a separate fragment of a plate.

Koshkar-Ata. Petroglyphs engraved on rocks and fine fragments of slate showing figures of goats, camels, horses and mainly single images which are located at a distance of 21 kms westward group I at Koibagar. Three cases of vehicles engraved on stones found here. The patinization level here is Pt 4-5.

Koshkar-Ata I. Plate 31, 115 X 110. A chariot draught by two horses. Below there are two geometrical signs. (2.2.KA1).

Plate 61, 120 X 110. A person with his hands high in the air in a cart draught by horses. Beside there are two mountain goats (2.2.KA2).

Plate 66, 150 x 100. A chariot, a pair of horses, amidst six goats and a man (2.2.KA3).

Koshkar-Ata II. Archeologists and historians mentioned finding images of chariots.

The petroglyphs of Gabaevka are located as high as 1324 metres above the sea level, to the south-east of the Karatau chain of mountains. There are some figures of animals engraved on the shale plates as well as complex compositions.

Plate 62, 160 X 150. There are two wavy lines above along side with figures of bulls. On top left there are three figures of animals particularly bulls. In the center there is a camel, two mountain goats, a bull and a man. Beneath that are two goats and a chariot draught by a horse. Below there are four mountain goats. (2.2.Ga1).

Figures of vehicles found likewise in Kokbulak. (2.2.Kb1); Ksan (2.2.Ks1-3); a Rang ozen (2.2.ro1).

3. Tien Shan.

Covers the eastern edges of the Khirgiz chain of mountains, the north-west offshoots of the Fergana and the Susamyr chain of mountains. Saimaly Tash is considered the most famous among the five discovered here monuments with the rock art images.

3.1. Saimaly Tash. The Fergana chain, the Kugart pass. Many thousands of rock art images discovered at a height of more than 3000 meters above the sea level, in a small valley with a small lake, on top of the pass and on the slopes of nearby mountains, mainly on boulders and fragments of plates. These petroglyphs became known early this century. [Khludov, 1902; Poslavsky, 1903].

B. Zima studied the eastern group of monuments in 1946. [Zima, 1947, 1958]. The first full scale research of Saimaly Tash took place in 1950 by A. Bernshtam. The common pattern that prevails in the topography served as the basis on which A. Bernshtam made his hypothesis about part of stones being moved from their original positions during a tectonic

movement of the earthquake that might have happened in the beginning of 1000 B.C. A. Bernshtam was the first person to come out with a scheme which is used to classify the styles and plots of a given complex. [Bernshtam, 1952].

In 1963 N. Podolsky undertook studies of these petroglyphs. [1966], in 1966-1968. – Y. Golendukhin [1971], in 1968 – 1973 – G. Pomaskina [1969, 1970, 1972, 1974, 1975, 1976]. In 1977 – 1978; the field operations on Saimaly Tash were carried by J. Sher [1980, p. 105-111].

Since the middle of the 80's, A. Martynov and A. Mariashev engaged in the series of systematic researches. [Martynov, Mariashev, Abetekov, 1992]. In the summer of 1985, the author of the review examined and recorded the main groups of petroglyphs.

The so-called «bitriangular» figures such as solar and cult are easily recognised among the others. Images of vehicles were discovered mainly in Saimaly Tash I (according to Bernshtam), as well as in the southern part – Saimaly Tash II, and in groups closer to the Kugart pass. (fig. 9-10).

Absence of monographically issued materials of these monuments makes it virtually impossible to carry out any meaningful description of plates with petroglyphs. In all, 37 (3.1.ST1-37) images of vehicles were found here. Obviously, their number is more significant.

4. Northern Pre-Tien Shan.

Surrounds of the Chu-Ili mountain chains, Altyn-Emel, Chulak mountain, Koiandytau mountains, northern slopes of the Zaili mountain chain. More than 30 monuments of rock art are known here. Among them there are large ones like Tamgaly, Chumysh, Kulzhabasy and others.

4.1. Tamgaly. The Chu-Ili mountains. A whole number of petroglyphs found on schist rocks in the Anrakhai mountains, a hundred and sixty kilometres north-west from Almaty. They are as usually concentrated in the gorges where it is possible to come across the famous «sunhead» images on altar. These petroglyphs became known for the first time after the A. Maksimova's publications [1958, p. 108-110].

In the beginning of the 80's, a group of archaeologists from Almaty worked and published the main plots and descriptions of these petroglyphs. [Maksimova, Ermolaeva, Mariashev, 1985]. The author of the review repeatedly studied and copied the petroglyphs of Tamgaly, participated in excavations of Alacul (Andronovo) sepulchres with Bronze Age petroglyphs at the foothill of the rocks. Series of researches are being carried out under the leadership of A.E.Rogozhinsky with the aim of fixing all the images here.

A total number of six images of vehicles have been discovered in the petroglyphs of Tamgaly, 2 of which (a chariot and a wagon) have been published. (fig. 11: 4-5), 4.1Tg1-3.

These petroglyphs are located in the same gorge. The main group (2000 figures) are concentrated in the lower and middle parts.

The petroglyphs in group III look like two or three level building, the lower level contains the most interesting images, such as archers, and god of the sun standing on a bull, and a chariot.

Group V. Plate 53, 150 x 170. Pt-4. Above there is a figure of two mountain goats, a man, a horse which overlaps the image that was drawn earlier. Below is a figure of a horse rider, a mountain goat, a horse, a camel, a man, a chariot, a dog and a rectangle.

Gorge 2, hill 8. Plate 40, 70 X 70. Pt-3-4. A chariot, draught horses partially blocked by the images of 3 mountain goats.

Plate17, 160 x 100. Pt-4. A chariot, draught by horses with a damaged figure of a man, above is an image of a human foot, two figures of animals and a person with open hands (4.1Tg1) [Maksimova, Ermolaeva, Mariashev, 1985, p. 8, 123-140; Rogozhinsky, 2004;2011].

Chumysh. South-western spurs of the Chu-Ili mountains, at a distance about 25 kms north-east of Bishkek. Rock art images located in several places on the southern slopes of the mountains. More than 10 groups of petroglyphs are present in the Chumish region. There are several thousands of them in total. Almost all of the images of rock art known in Central Asia are represented here. Studying these monuments, A. Mariashev discovered two images of chariots. 4.1Cm1-2 (fig. 11:2-3).

4.2. The Kazakh Melkosopchnik. Surrounds a large part of the steppe and semi-desert areas of Kazakhstan, north-west slopes of the Chu-Ili mountains, North and South of Balkhash region. In the ancient world this region was referred to as Sary Arka (the yellow turning mountain chain). For a long time the petroglyphs of this steppe part of Asia, were not studied. Except for V. Gorodtsov's article which is devoted to the Baikonour complex of petroglyphs [1926, p. 37-67]. It wasn't until the middle of the 40's that A. Margulan led an expedition team to explore the antiquities of this territory [Margulan, 1947, 1948, 1979].

In the 60's and 70's, A. Medoev, geologist, compiled a manuscript on the rock art of Balkhash region. [1979]. Since the beginning the 80's, the author of this book, and the leader of the Sary Arka expedition team, comprising of a group of experts from the Karaganda university, left no stone un-

turned in order to come out with meaningful explanation of these monuments and petroglyphs of this region. [Novozhenov, 1987, p. 79-89; 1989, p. 110-122; 1990, p. 130-136, 2002].

More than 20 monuments with petroglyphs were found on the banks of small steppe rivers, on rocks, and on tops of slopes of hills. Scenes of hunting, animals struggling and striving for their life, and compositions of erotic characters were found alongside with the numerous single images of animals such as mountain goats, horses, camels and others. Three monuments with images of vehicles can be seen in the petroglyphs.

Dzhambul. Petroglyphs were found in the same mountains which serve as continuation of the north-west spurs of the Chu-Ili mountains, in the valley of river Aimakhan-chokho, south-west of Balkhash. These rock art images were detected by I. Lubianikh in 1936. In the course of time, they were inspected by an expedition team under the leadership of A. Margulan in 1948. Then they were later examined and partially copied by A. Medoev [1979, pp. 157-158, 163-164]. Images of bulls, mountain goats, dogs, and boars were found in the petroglyphs, one of which depicts images of horseriders, camels and others.

On a tilted plate there are some engravings of a chariot without draught animals (4.2Dz1). The picture below shows three horses standing tail to tail to each other. The size of a plate is 0,46 X 0,32 metres.

Kesteletas. Petroglyphs were discovered at a distance of 22 kms north-north-west of Beibitshelic, a village in the Karkaraly region of the Karaganda district, on the southern slope, on well patinized boulders. Images of animals, mountain goats, camels, horses, boars, people, and solar signs which were done by dot beat and patina smoothing combination were found on 24 stones.

Boulder 5, 0, 9 X 0, 7 m. A single image of a chariot without draught animals (4.2.Kt1). Below there is an unintelligible figure.

Baikonour. Two massive plates with images of vehicles found on both banks of the same river at a distance of 200 kms west of Dzhezkazgan on separate rocks in group of petroglyphs at Baikonour III.

Plate 2, 8 X 1,2 m. Some engravings found on a slightly inclined plate with abundance of lichens. On the left there is an archer with a «tail» and a dog chasing a bull, a wild horse, a camel, a mountain goat, horses, predators and others. On the right side there are horses, two humans, a mountain goat, antilopes, camel and a wagon draught by two camels. (4.2Bk1). Beside there is a group of nine persons, a horse with reins, which are connected to a figure of a dog. A little bit further there are three dogs, a human holding on to the reins a horse, and a wagon with a driver draught by a pair of horses, one of which is destroyed by a knock. (4.2Bk2). Above there are figures of three horses, two dogs, a bull, with figures of five horses, a camel and a bear below (fig. 13).

Plate 17, 2,1 X 0,9 m. A slightly inclined plate situated in the north-western part of the group with images drawn in a combination of patina smoothing, graffiti and dot beaten. The following images are: a dog, a boar, four camels, a horse, a dog, a human with camels. Below there is a figure of a woman and two semicircle signs. On the right part of a plate there is an image of a human with a horse, two persons, a horse, some semi-circle signs, figure of two bulls, (one is destroyed), an archer, two horses, (one of which has a rider engraved on it), a cart draught by a pair of camels (4.2Bk3). A camel completes the description of the picture. (fig. 14).

Sayak is the term used to describe location of petroglyphs in the northern part of Balkhash on the Besobinsk plains, in the Karaugur and the Itmurundi mountains and

in the Sayak, Kalmakzhaktan and Karashat valeys. Figures of bulls, deers, mountain goats, boars, predators are found.

5. Dzhungarian Alatau

The Dzhungarian Alatau chain of mountains stretches in a meridional direction, linking to the spurs of Tien Shan with the south-western slopes of the Saian-Altai mountains. Up till now we know very little about the petroglyphs of this region. There are over 50 monuments here. [AKK, p. 32-33].

5.1. Eshkiolmes. The valleys of river Koksus. A few groups of petroglyphs found on the southern slopes of the Dzhungarian chain of mountains on the right river bank, opposite village Talapty. These petroglyphs were discovered and studied by N. Pantusov. [1900, p. 26-28; 1901, p. 347-348]. Since the beginning of 80's the petroglyphs of Eshkiolmes were studied by expedition team under the leadership of A. Mariashev. [Mariashev, Rogozhinsky, 1991]. In 1982-85 the author participated in recording the petroglyphs and undertook excavations of sepulchres of the Bronze Age at the foothills of the rocks with engravings.

The petroglyphs of Eshkiolmes appear rather diverse both in contents and style. A few images of vehicles discovered among thousands of single figures. (fig. 15, append. 3, 5.1E01- 2).

6. Saian-Altai.

The Saian-Altai mountain-steppe region is one of the richest provinces in Asia in terms of rock art images. A lot of «Stone galleries» stretching tens of kilometers discovered here. Several thousands of figures were copied from the rock. There are about 50 complexes in Eastern Kazakhstan, more than 20 in Mongolia, and over 40 monuments with petroglyphs found in Tuva.

This region has hundreds images of vehicles. There are numerous literature sources on rock art images of the Saian-Altai region, Mongolia [Novgorodova, 1989, p. 140-143], Yenisei [Leontiev, 1980] and East Kazakhstan [Samashev, 1981, p. 69-70, 1992; 1993].

6.1. Tarbagatai, river Irtysh (fig. 17, append.3). The territory of East Kazakhstan was a zone of long active contacts between ancient cultures of the north-east borders of Central Asia and south-western part of Southern Siberia and Mongolia. The data on available from rock art images proves this fact. [Sher, 1980, p. 122]. Thanks to the researches undertaken by S. Chernikov and Z. Samashev, numerous petroglyphs of this region became known to experts.

Akbaur. A painted grotto with more than 80 figures on the walls and ceiling found near lake Zaisan, about 1 km from the coast of river Urankhai, on the southern slope of the same hill. (Append. 3). On the wall opposite the entrance, in the center of picture there are inverted figures of a goat and a draught cart, in the midst of numerous figures of crosses, oblique figures, zigzags, broken lines, circles, squares with points, «houses», antropomorph figures and vague images [Samashev, 1990, p. 123-129, fig. 1-3]. (6.1Ak1).

There are some images of vehicles in the groups of petroglyphs on the north-west slopes of Tarbagatai and the Kalby chain mountains in upper part of river Irtysh, in Tulkune, Moinak, Kurchum and Okei. (fig. 17) [Samashev, 1981, p. 70, fig. 1; 1992]. (6.1Ku1-2; 6.1Ty1-2; 6.1Mo1; 6.1Sa1).

6.2. Mountaineous Altai. According to V. Kubarev, more than 30 large groups of rock art images are present in the south-eastern and central regions of this area. Among them are Elangash, Kalbak Tash, Kok uzek, where thousands of the images were unearthed, Bichikty Bom, Buraty,

and others, with hundreds of petroglyphs. [Kubarev, 1990, p. 154; Kubarev, Matochkin, 1992].

Kalbak Tash. There is a monument with over two thousand images on the right to the bank of river Chui, 18 km from village Inia. Two images of chariots are shown on one of the plates. (fig. 18: 9; append.3). In front of them there is a group of the animals, two horses and two mountain goats can be recognized among them. Images of vehicles, as well as figure of women, man's phallus, image of hands, bulls, warriors, human, fantastic predators, deers etc. dated as the Bronze age. [Kubarev, 1990, p. 154-157, fig. 1] (6.2KT1-2).

Elangash. Behind the pass of the Chui chain of mountains is the valley of the river Dzhazator and tableland Ukok. Here, along the western chain of Soilugem was the most convenient short road from Mongolia to China, which was used until recently. River Elangash springs from the glaciers in the spurs of the Chui chain of mountains. Many thousands of the rock art images, beaten on boulders and rocks were found in the river valley which is about 18 km in length. [Okladnikov and others, 1979, p. 7-8].

From 1969 to 1975, these petroglyphs were copied using tracing paper by a group of contributors under the direction of academician A. Okladnikov and were published in series of monographs. [Okladnikov, Okladnikova, Zaporozhskaia, Skorynina, 1979; 1980; 1981; 1982; Okladnikov, Okladnikova, 1985].

That was the first time in the historiography when an attempt was made to fully publish the petroglyphs of a particular monument, with the aim of using them in further researches. On the whole, 16 sites with petroglyphs on the left coast of the river were studied, 5 sites on the right with some of them containing as much as 3500 images.

It is known that some petroglyphs are concentrated in the gorges of Sary Satak, Chankyr Kel`, Kyzyl Kel`. The author believes that the earliest petroglyphs are situated at the waterfall. The main images in these compositions are excellently drawn figures of bulls and people. This group of petroglyphs represents the original «altar», around which all new images were made. A collection of images of vehicles, which is the largest in Central Asia was found in the valley of river Elangash. (fig. 18-23).

Site I. The river bank. (fig. 18). Boulder 19. Above there are two carts draught by horses, with drivers and three unintelligible figures. Below there are the images of three dogs attacking some mountain goats and some unintelligible figures (6.2El1-2).

Boulder 28. In the left part there are figures of five bulls pulling a cargo with three persons, two unreadable images and a cart without a draught-pole. On the right part there is a chariot with a driver and two draught horses. Above are figures of a bull and a horse. (6.2El3).

Boulder 32. On the left part there are two bulls and an unintelligible figure of an animal. The right part shows a chariot, two horses, a driver and a certain figure (6.2El4).

Boulder 34. A picture of a wagon interfered by two horses, with a driver and a chariot with a pair of horses. (6.2El5-6).

Boulder 35. In center there are two deers and six unintelligible figures. From right to left there are single images of chariots with drivers. A vehicle on the left surrounded by three unreadable figures. Below there are two unintelligible images. (6.2El7-8).

Boulder 36. Image of a cart draught by horses with a driver, and two figures of dogs (?) (6.2El9).

Boulder 38. A mountain goat above, three horses and a chariot with a driver and two horses below. (6.2El10).

Boulder 39. Above there is a chariot with understandable images of draught animals. Below are an archer, some deers, dogs, mountain goats, and a horse-rider. There are 27 figures in all on this boulder. (6.2El11).

Site III (fig. 23-24). Boulder 2a. Four figures of animals and a person, above two continuous disks (6.2El12).

Boulder 3. A chariot, two horses. Below there is a mountain goat and two unintelligible figures (6.2El13).

Boulder 4. A cart with some unreadable images as draught animals, a driver, a mountain goat and three unintelligible animals (6.2El14).

Boulder 11. In the center there are two large figures of bulls with packs on their backs; above is an archer, six mountain goats, a predator, seven not understandable figures and a horse. Below there are two persons, two mountain goats, a boar, a dog, five unintelligible figures of some animals, a two horse chariot without a driver (6.2El15).

Boulder 12. A chariot with a driver. Mountain goats and deers (6.2El16).

Plates 15a-b-c are located above each other.

Rock 15a. A chariot with a driver and two horses, above there is deer with a bull beside it, mountain goats, figures of certain animals. Below there is a cart draught by two horses, a bull, mountain goats, a figure of a predator and other dull figures. (6.2El17- 18).

Rock 15b. The figures on this plate are three storied. The one on the top shows two horses, an archer, a dog, uncertain figures, cart, pair of horses, driver. The second circle: five mountain goats, a chariot, driver, bower shoots mountain goats, uncertain animals. The third circle: a chariot, driver, horse, deers, dog, camel, mountain goats (6.2El19-21).

Rock 15c. Above there is a chariot, two horses, a driver, two bulls (one reined), mountain goats, and dull figures. Below are two carts draught by horses, a large figure of a deer, which probably overlaps the images of a smaller one, a mountain goat, inside a large deer – two figures of the animals, above a deer – chariot, two horses, a driver, further on there are three images of carts draught by horses, (two – with drivers, one schematical), a mountain goat, dogs, some unintelligible figures of animals. On the plate there are images of two wheels with a line between them. (6.2El22-28).

Boulder 19. Above there are three images of chariots draught by horses with drivers (one of the chariots is not completed). Below there is a figure of a bull, mountain goats and certain animals (6.2El29-31).

Boulder 20. A single image of a chariot with two horses and driver, shown schematically (6.2El32).

Boulder 26. A chariot with a driver with a whip in his hand and two horses. Beside there is a mountain goat and certain animals (6.2El33).

Boulder 27a. The picture above depicts some unintelligible figures of animals. Below there is chariot draught by horses, with two drivers. Beside are figures of bulls, snakes a predator and some dull figures. Much below there are images of bulls, people, a horserider, dogs attacking a mountain goat, a bull and some other figures. (6.2El34).

Boulder 27b. Above there is an image of a cart with a driver and two horses, a mountain goat, a dog, a horse, bulls (one of them reined), a person with spear. Below there is a chariot, a driver with a spear, a mountain goat, a person with a bull and two unintelligible figures of some animals. (6.2El35- 36).

Boulder 27c. A horse, a bull, a mountain goat, some dull figures of animals. Below there is a cart with two drivers, a mountain goat, a horse, and some vague figures (6.2El37).

Stone 64. A single image of a cart without draught animals. (6.2El38).

Stone 73. A cart with a driver with some vague figures (6.2El39).

A boulder without number. A cart, a horse, (the second draught animal not readable), a mountain goat and four vague figures (6.2El40).

Site IV. Stone 12. A deer, two wheels with a line between, uncertain figures (6.2El41).

Stone 13. Three chariots (two – with drivers), a semi-circle sign (6.2El42-44).

Stone 14. A chariot, two horses, a schematically shown driver, silhouette of certain animals. (6.2El45).

Site V. Stone 9. A mountain goat, a horse, certain animals, a chariot, two horses, a driver, a solar sign as a circle with a cross in it. (6.2El46).

Stone 10. A cart, a horse and some vague-figures. (6.2El47).

Stone 45a-b. A chariot and a driver. In place of the draught animals are mountain goats and horses. Below there is a person with a dog, and some vague figures. (6.2El48).

Stone 90. Graffity of a chariot with two horses, a driver, a bull and another horse on the left. (6.2El49).

Stone 117. A cart without draught animals.(6.2El50).

Stone 119. A single image of a cart (6.2El51).

Stone 153. Mountain goats, deer, two chariots, one with two drivers (6.2El52-53).

Stone 286. A cart, a mountain goat and some vague figures.

Stone 336b. A deer, a cart, mountain-goats, and some unintelligible figures.

Stone 337. Two persons, a deer, some unreadable figures, mountain goats, a horse, a chariot, a person holding something. (6.2El56).

Stone 356. An animal with a cargo on its back, two deers, a mountain goat and a solar sign, some vague figures, graffiti of a chariot with a driver without draught animals. (6.2El 57).

Site VIII. (fig. 25). Stone 31b. A chariot, two horses, a driver, a mountain goat, and an antelope. (6.2El58).

Site IX. (fig. 25-26). Stone 16. Two wheels, and some vague graffiti lines. (6.2El59).

Stone 38e. Vague figures, mountain goats, a cart and two horses. (6.2El60).

Stone 98. Dogs, mountain goats, some animals, cart, two horses, mountain goats, and a man. (6.2El61).

Stone 153a. A horse, mountain goats, vague figures, chariot without draught animals. (6.2El62).

Stone 155. An indistinct image of a chariot.

Stone 157a. A mountain goat, a vague figure and vehicle (6.2El64).

Stone 157b. A mountain goat, a deer, a vague figure, a cart without draught animals. (6.2El65).

Stone 183a. Large figures of a bull and a deer, mountain goats indistinct figures, a chariot, two horses, a driver, a cart, draught by two horses, a chariot with driver and two horses. (6.2El66-68).

Stone 217a. A bull, vague figures, mountain goats, sheep, deers, a cart. (6.2El69).

Site X. (fig. 23). Stone 9. Mountain goats, a bird, horse-riders, a horse, deers, a dog, a cart. (6.2El70).

Site XI. Stone 115. A person with 2 horses, a chariot without draught animals. (6.2El71).

Site XII. (fig. 22-23). Stone 29. A single image of a cart. (6.2El72).

Stone 38. A mountain goat, vague figures of certain animals, a person with a bull and vague figures. (6.2El73).

Stone 251. A mountain goat, a chariot (6.2El74).

Stone 262. A chariot, draught by two animals, wolfs, dogs, mountain goats, an antelope, vague signs. (6.2El75).

Stone 1022. A cart draught by two horses, two mountain goats. (6.2El76).

Site XIII. (fig. 23). Stone 54. A single image of a chariot without draught animals. (6.2El77).

Stone 935. A horserider, a mountain goat, two images of carts, draught by bulls. A vehicle with a driver, a horserider in front of a cart. (6.2El78-79).

Site XIV. (fig. 23). Stone 23. A cart, a chariot draught by horses, round figures, a cart. (6.2El80-81).

Stone 755. On the left there are four anthropomorphic figures, a mountain goat, an indistinct figure of an animal. In center is a cart with a driver and two horses. (6.2El82).

Stone 940. A destroyed image of a chariot, a driver, certain unintelligible figures of animals. (6.2El83).

Stone 3313. A number of carts joined together, another cart, a horse, signs (6.2El84).

Site XV. (fig. 23). A stone 401. A cart without draught animals, a dog, a mountain goat, vague figures. (6.2El85).

Stone 476. A cart, a mountain goat, a vague figure. (6.2El86).

Site XVI. Stone 272. A silhouette of a cart and a certain animal. (6.2El87).

6.3. Mongolian and Gobi Altai. The beginning of a scientific research into the petroglyphs of Mongolia was sparked off by a group of Soviet-Mongolian archaeological expeditions. [Okladnikov, 1972; Volkov, 1965; Dordzh, Novgorodova, 1975]. This group fixed a lot of monuments of rock art. Several projects of the studying and under-

standing of mongolian rock art plots with vehicles have appeared. [Novgorodova, 1989, p. 140-165]. At the moment, more than 50 images of vehicles are known in the Mongolian Altai mountains, and over 30 on the bank of river Chulut. [Novgorodova, 1989, p.142]. (fig. 24-26).

Yiamany Us. The Mongolian Altai spurs, mountain Khanyn Khad, four images of vehicles were found here among petroglyphs of different age groups. A three horse chariot engraved on a segmented large plate at height about 8 or 9 m. (6.3Yu1) coupled with a figure of an archer and a battle scene of two warriors on the same segmented rock. Further to the right there is a second chariot, a lighter image of a crew of horseriders posed in a typical Sunnu's era style. Below there is a figure of a mountain goat. Proceeding further on to the right there is one more up right image of a chariot which is different from the previous ones. It is harnesed to a four horse team with a driver. There are numerous figures of horses around the chariot. (6.3Yu2-4).

Opposite to this plate in gorge Yiamahy Us there is a fourth image of a chariot executed schematically [Novgorodova, 1971, p. 49; 1989, p. 143-144].

Tsagan Gol. Slops of Mongolian Altai. Gobi Altai aimak, on the left coast of the same river, in a crevice of a rock, at height more than 3 metres there are three chariots (the largest one is 27 X 15 cm, and the smallest, 10 X 7,6 cm). All chariots shown without draught animals. Other numerous images found in the Tsagan Gol gorge. [Dorz, Novgorodova, 1975, p. 20-21; Novgorodova, 1989, p. 142-143].

Bichigtyn Am. (Bichigt Khad). Mongolian Altai. Baiankhongor aimak. A cart draught by a pair of horses with a driver in the midst of archers, deers with horns, a dog, and a mountain goat were found in the

depth of the gorge on in the low mountains. (6.3BA1). [Dorz, Novgorodova, 1975, p. 145]. There are incomplete data about other images of vehicles (6.3BA2). [Ser-Odzhav, 1987, p. 131].

Geologists report that images of two-wheel and four-wheel vehicles were found in Baiankhongor aimak. [Lauer, 1972].

Khobd Somon. The southern spurs of Mongolian Altai, Uvsanur aimak, the Tabsh Uul mountains. There is an image of a vehicle draught by four horses engraved on a dark block. (6.3hS1). This particular image, which in literature is referred as «Gobian Quadrig», is the first one found in Mongolian petroglyphs of vehicles. [Okladnikov, 1964, p. 208-211; Kozhin, 1968; Dorzh, Novgorodova, 1978; 1989, p. 142-148]. To the left of the vehicle there is a person posing as an archer. Below there is the image of «Gobian Quadrig» represented obviously as two chariots in one. Similar types of chariots are known in the petroglyphs of Yenisei and Scandinavia. At a distance of 500 metres from this plate there is the Tabsh mountain with the second chariot (quadrig), shown without draught animals. (6.3hS2). The third vehicle is draught by a pair of horses. [Novgorodova, 1989, p. 146-148].

Bagar Somon. A few images of chariots. [Novgorodova, 1984, p. 80, fig. 26]. A composition with a cart in the midst of three mountain goats and a certain vague figure. (fig. 24:1).

Chulut. The Khangai spurs. Northern Mongolia, the same river valley. (6.3Cu1-12; fig. 25).

Group Chulut I. Stone 2. Large figures of two animals, two archers, an erotic scene, mountain goats, a dog and a vehicle.

Stone 40. A chariot, two horses and two figures of deers, engraved in front of a vehicle. The figures of draught horses erased and altered into figures of deers.

Stone 60. Two carts, an indistinct figure, silhouette of a horse and a mountain goat, shown in front of a vehicle. Below there are two indistinct figures probably a deer and a dog.

A Separate stone. 260 X 190 cm. At a distance of 80m north from stone 60 is a double strata composition. Two carts draught by horses, one looking more as a vehicle than a cart, amidst figures of horses, mountain goats and a dog. The image above the cart is blocked by a late figure of sheep.

Stone 62, 63 X 50 cm. An image of a cart draught by a pair of horses with driver. Beside there is a large snake, a mountain goat and a deer above.

Stone 68. A large horizontal block tilted towards with a line running across its surface and dividing it into two equal halves. On both halves there are numerous images of animals such as stallions, mountain goats, deers, and three vehicles. The first cart is without draught animals, only some fragments of the second cart can be seen, the third cart with a round platform is draught by a pair of horses. There is an archer shooting a deer, beside there is a figure of a mountain goat [Novgorodova, 1984, p. 66-73, fig. 32, 21-23; 1989, p. 148-156].

Tashgait. The Mongolian Altai spurs. At a distance of 20 kms east from village Khokhmorit of Gobi Altai aimak there are numerous rocks covered with black and dark brown patina. Images of various historical periods can be seen here. Images of all sorts of animals and people in a wave-like nature engraved on these rocks. These images include mountain goats, deers and horses. These petroglyphs were examined by the author in summer 1992 during UNESCO expedition on the territory of Mongolia. Two images were found in the course of these expeditions.

The first image depicts a cart with a sketch showing the wheels in a scheduled projection. The driver can be seen standing at ease on the platform. The draught animals are not shown in details. Quite apart from that, the reins are shown. The cart is harnessed by a four horse team. There is a mountain goat in front of the cart. Below there is a vague stain. The composition is made using the patina smoothing technology in a combination with rare dot beats.

Another image of a vehicle in a composition seen at a distance of 20 metres down the slope of a hill (fig. 26). The plate of 1,1 X 0,7 metres in size, and oriented south-east was probably destroyed by continuous knocking. The following images can be seen on this plate; two horses, two joint anthropomorphic figures, an indistinct stain, a zoomorphic image, an archer with «an animal tail», and a chariot with driver. Above the figure of the chariot there is a mountain goat, an indistinct figure of an animal, two horses, a bull marked with a stain, and a horse. The horse mane is shown in hatchings, the legs are shown together, and the head is destroyed by the breakage of the plate.

At the bottom of the plate there are figures of mountain goats and certain animals with some lines running between them. The mountain goats are standing face to face to each other, a horse rider with a horse. Taking a closer look at the picture, it is not difficult to guess that the horse was drawn using the patina smoothing technic. Besides, there are some figures of animals and an anthropomorphic figure with stains.

The basis of the described composition lies in the chariot draught by three horses: two of them as radicals and the third one as trace. The represented horses have their manes deepened for a reason or two, with some thick spheres shown at the end of the tails and legs. This serves as a differential factor for the petroglyphs of Mountain

Altai. There is a detailed construction of a vehicle, spokes in wheels, a cross-beam of a draught-pole, belts of a trace horse with reins. A D-frame platform. The driver as well as the vehicle is shown in a scheduled projection. The driver standing on the platform with his hands lowered together with the reins. The driver's fingers can be vividly seen. There is a short beam erecting from the driver's head.

All these figures were drawn using the patina smoothing technic. There are no traces of dot beats. Analysis of colour spectrum shows that some figures on this plate were made later.

6.4. Inner Mongolia. Monuments with petroglyphs were found in the northern part of modern China, on Chinese Mongolia. On over fifty complexes are present in China. [Chen Zhao-fu, 1988].

Urad (fig. 27:1). Petroglyphs found in the valley of mountains Yiangshan and Lanshan, on the territory of China, Internal Mongolia. Within plates of all sorts of animal images, there is a plate with an archer shooting a horse, two mountain goats and a chariot (6.4Ur1) with a pair of draught animals. On the other plate there is an image of a composite disk wheel. [Chen Zhao-fu, 1988, p. 193, 196, fig. 31, 33].

A large plate with circles and solar signs was found in the south-east province of Tsziangsu, in Lianyang district, on the Yellow sea coast. Schematic images of four carts without draught animals were found here. (fig.27:2). Draught-poles, solid wheels of a small diameter, yoke-saddles are shown. [Chen Zhao-fu, 1988, p. 210, fig. 41].

6.5. Western Saian. The petroglyphs of Tuva are rather known in the literature [Grach, 1957; 1958; 1979; Vainshtein, 1975; Sher, 1980; Davlet, 1976; 1980; 1982; 1990; and other]. 11 images of vehicles were used as basic plots for the chronology classification

of the whole array of the rock art images of the Bronze Age upper Yenisei [Davlet, 1982, p. 22-31].

Syyn Churek. About 300 figures of people, animals, signs and chariots were found in the Northern slopes the western Tannu ola chain mountains a distance of about 20 km south-west of village Shagonar. (6.5SC1). [Vainshtein, 1975, p. 8-9].

Mugur Sargol-Chinge. The beginning of the Saian canyon of Yenisei, the confluence of river Yenisei and river Chinge. A total number of eight to nine thousand rock art images are present here. Studying of these monument began in 1966 by A. Grach and A. Phormozov and was continued by J. Sher and M. Davlet, M. Kilunovskaya. [Grach, 1957, p. 125; 1958, p. 55; Phormozov, 1967; 1969, p. 104-107; Vainshtein, 1975; Davlet, 1975, p. 238-248; 1976; 1980; 1982; Sher, 1980; Kilunovskaya, 2011], (fig. 29; append.3).

The boulder numbered 281 was found near the so-called «altar» part of a monument, at some distance from the coast. According to M. Davlet, the images on this stone were put down later. The boulder is in a form of a rock with a crack dividing it into two halves. The left part – depicts figures of deers, mountain goats and vague images. The right part shows two chariots without draught animals. (6.5MC1-2), a sketch of «houses» and vague figures. [Davlet, 1980, p. 58, 203-204]. At the spring of river Chinge, on the right and left coast there are three images (fig. 29: 13,15).

Stone 52 – single image of a chariot (6.5MC3).

Stone without number – two wheels with spokes, pair of horses, a horse-rider. (?), (6.5MC4).

Stone without number – chariot, a pair of horses with spheres on the ends of their tails, a good and clear detailed construction. (6.5MC5). [Davlet, 1976, p. 29, tab. 39- 3, 44-4; 1982, p. 25, fig. 8].

The «Chingizkhan» Road. This conditional was name given to the mysterious and fortified road complex which meanders tens of kilometers through the mountain slopes of the Saian canyon at Yenisei, north-west of Tuva. There are rock art images of various historical periods on rocks and separately lying stones. A plate with images of six mountain goats surrounding a cart, a bull, a horse, a square sign and certain indistinct figures found in the Terezenik Buuk district, near the fortified structure, «the Chingizkhan road». (fig. 29:1), [Davlet, 1982, p. 27, 32, fig. 8-2, tab. 1-1].

Ortaa Sargol. A groups of petroglyphs, occurring at different times found on the slopes of the same gorge, that separates the Yenisei canyon from the mountain ridge, near the «Chingizkhan road» and Mugur Sargol.

On a separate plate there are engravings of scores of mountain goats, two deers, an anthropomorphic figure and a cart without draught animals. A probable image of a vehicle, two figures of mountain goats interfering each other. (6.50S1). On two broken plates there are fragments of images of two chariots, one of which is shown in a combination with some unintelligible signs and figures of two mountain goats. On a separate plate there is an image of a chariot with yoke-saddles. (fig. 29: 2-5, 7, 8,10). [Davlet, 1982, p. 34-35, tab. 1-2; 2-1, 2; 3-1].

6.6. The Khakass-Minusinsk Basin. There are some contradictory hypotheses concerning the occurrences of petroglyphs, traditionally referred to as the pisanitsa. There are various versions on these issues in numerous publications which up till now has never become food for thought. In connection with the construction of the Krasnoyarsk man-made lake, Institute of archaeology (Moscow) carried out a thorough research of monuments with rock art on the Yenisei coast and the sur-

rounding territories. Countless numbers of materials have been gathered as the result of the research which are yet to be interpreted. The images of vehicles along the great river valley are considered in a number of publications [Leontiev, 1980, p. 65-84; Sevastianova, 1980, p. 103-107; Davlet, 1982, p. 22-31; Sher, 1980], (fig. 30).

Tepsei. This region entails the confluence of river Yenisei and river Tuba, the same surrounding mountains and slopes. We shall be considering ten main congestions of petroglyphs here. (Tepsei I-IV; Ust Tuba I-VI). [Sher, 1980, p. 146-153]. A large number of Ust Tuba I-VI petroglyphs stretching 6 kms, which A. Adrianov mentioned and found on the southern slope of the mountains and coastal hills, which are flooded today by the man-made lake. [1904, p. 28].

In group Ust Tuba II, on western circle of rocks the reare 14 plates with 76 images elks, bulls, solar signs and a cart above with an anthropomorphic figure. (6.6uT1). [Sher, 1980, fig. 76-4].

The Oglakhty pisanitsa covers the rocks of south-eastern and south-western slopes of mountain Oglakhty the left coast of Yenisei opposite river Tuba. Several images which belong to different age groups found in this region. Historians have it that there are four large groups of petroglyphs with more than 700 images and compositions present here. Separate images of monuments repeatedly published on this issue. [Spassky, 1818, p. 149; Savenkov, 1910, p. 64-65; Appelgren-Kivalo, 1931; Viatkina, 1961, p. 193; Sher, 1980, p. 154-158]. Among the Oglakhty petroglyphs are unique images of Karasuk knives as well as vehicles. [Piatkin, 1979, p. 126-129].

The Shaman Rock. The discovery of that massive horizontal plate by B. Piatkin [1977; 1979 p.126-129], and the copies of petroglyphs made by H. Miclashevich re-

veals three images of chariots and carts, shown without draught animals among sets of various figures of animals, circles and others. Today, fragments of those copies by V. Kapelko can be seen as exposition in Abakan museum.

Sukhanikha. Four groups of petroglyphs were found on the coast of Yenisei, a distance of 12 km above the spring of river Tuba, on the western slope of mountain Sukhanikha. [Sher, 1980, p. 141-142]. The petroglyphs of Sukhanikha which consist of hundreds of compositions were discovered by A. Adrianov. [Adrianov, 1904, p. 28].

Images of animals, people, Tashtuk horseriders, a cart draught by a pair of horses belong to different classes, taking age as the criterium for classification, to have been seen on small rocks on the southern slope of the mountain, in group Sukhanikha II. (6.6Su1), [Leontiev, 1980, p. 76, fig. 4-3].

Mountain Tunchukh. The petroglyphs are located on rocks at a distance of 4 kms south-west of village Askiz. On a narrow plate of grey sandstone, 8m in length there are figures of deers, people, with lengthened proportions of their bodies, mountain goats and three vehicles. Petroglyphs were strongly efflorescenced in order to survive fragmentary. One part of the plate depicts images of three vehicles: a cart and two wagons, one of which is shown «schematically», whilst the others are shown «in a profile». (6.6Th1-4). Beside there is a figure of a mountain goat, a dog or a wolf, small circles, a person with his hands in the air and some unintelligible images. Near these vehicles there is one more image of a wagon, which is probably part of the Okunev mask. The vehicle is similar to that of Ust Tuba. [Sevastianova, 1980, p. 103-107; see: Esin, 2011].

Mountain Sedlovina. (fig. 30). According to archeologists there are five images of chariots with a-frame draught-poles in

the midst of several animals, two carts and a few wheels, on a small rock found in the Maidashinsk mountain range, near village Bystraia. (6.6Se1-4), [Leontiev, 1980, p. 78-79, fig. 5-6]. There is an image of two chariots, (6.6Se5) a deer and a man on a separate broken plate. The person figure and the back part of a vehicle are damaged. [Sevastianiva, 1980, p. 104-105]. A similar image is found on a horizontal plate with schematical figures of people on the adjacent mountain by name Shishka. (6.6Sk1).

All vehicles in the vicinity of village Bystraia are represented without draught animals, or shown separately. (6.6Sk2). Two images of carts were found on rocks in the Minusinsk Basin and published by N. Leontiev. The one found on the slopes of mountain Polosataia is damaged by the cracks on the plate. At the same time, an uncompleted figure engraved on the picture in question makes the whole thing blur. (6.6Po1). The cart (6.6Po2) draught by a pair of horses on the other hand is only represented schematically. [Leontiev, 1980, p. 75, fig. 4-2].

7. Rock engravings of vehicles of other regions.

The petroglyphs of the taiga zone in Asia became known to mankind thanks to A. Okladnikov's expeditions. [Okladnikov, Zaporozhskaya, 1969; 1970; 1972; Okladnikov, 1971]. Rock art images found here differ from those in the petroglyphs in the other parts of Asia. [Davlet, 1988, p. 54-83]. This is obviously due to the differences in traditions and customs. Rock engravings of vehicles of most ancient historical periods, which coincide with that of Okunevo or Karasuk cultures, are not represented here. Graffiti of more modern vehicles are found on the coast of river Chulyum, where it joins river Ob in the Kara Ulus district of mountain Sulek. (7.1Sl1) [Ksica, 1974,

s.41,fig.E-4]. Graffiti of vehicles are reported to have been discovered on the banks of river Selenga in the Chana Shuluun and Tabangut Obo districts. (7.1CS1-3), [Ksica, 1974, s. 52].

Images of vehicles on rocks are known and in other parts of the Eurasian continent: in the Caucasus, Greece; Italy and Sakhara; in Sweden and in Norway. Images in these regions are better investigated as by virtue of a combining their exact dating by using axes, knives, etc., (thus these tool were thought to give rather exact dating), and by virtue of long and systematic archaeological researches on these territories.

Specification of these data was boosted by the availability of numerous models of vehicles, elements of the devices used in harnessing of the chariot, and the nature of vehicles. Now, there is a criterium for the classifications of vehicles engraved on rocks in the Caucasus, Scandinavia and Italy. These circumstances allow them to serve as the foundation upon which we can stand and expand the structure accepted in the given review and pay more attention to the styles and typology of these images.

8. The Caucasus.

The term Caucasus which is metaphorically used here does not apply only to the Caucasus mountains, but also to the territory of Transcaucasus and its closely related regions.

8.1. The Northern Black Sea District. Kamenaiia Mogila, near Melitopol. Images of three vehicles, a chariot, with a wheel and a trapezoidal body on it, (plate 27) and a sketch showing a team of oxen with sledge and carts (8.1KM1-4) were found here [Cherednichenko, 1976, p. 138, fig. 4-2].

8.2. Transcaucasus. Gobustan is located between the south-east spurs of the Large Caucasus chain of mountains and the Caspian sea. The petroglyphs are concen-

trated in groups on the slopes of mountains Beyikdash, Kichikdash, Dzhingirdag and Yiazly Tepe. More than 4000 images, inscriptions and signs found on 700 rocks and separate boulders. Images of bulls, goats, horses, dogs, women, archers and others as well as groups of painted images, were found here (okhra). [Muradova, Rustamov, 1986].

Yiazly Tepe. Stone 55. A single image of A-frame chariot without draught animals (8.2G01), [Dzhafarzade, 1973; Muradova, Rustamov, 1986, p. 8-25].

Gemigaia is the mythological name given to the highest mountain of the Small Caucasus chain mountains otherwise referred to as Kapydzhik, situated a distance of 60 kms north of Ordubad. On the southern slope, at height of 3 500-3 700 metres above the sea level, there are over a thousand rock art images of people, deers, bulls, mountain goats, dogs, fantastic animals and various compositions: hunting scenes, ritual dancing and others. On one of plates there are four engraved images of carts draught by animals (8.2Ge1). [Aliev, 1985, p. 3-15, fig. 16].

Syinik. The Gegamsky mountains. A few thousands plates, with obvious age difference between them, containing more than 70 images exist in the Ukhtasar and Dzhermadzhur districts, approximately 30 kms from vilage Sisan, at a height of 3 300 metres above the sea level. [Karakhanian, Saphian, 1970]. There are large accumulations of petroglyphs as well as images of vehicles in vicinity of the cones at small and large Paitasar, Ziart, Sheikhi, Chingil and others. [Martirosian, 1981].

Based on the analysis of both available images of vehicles in tombs on this territory, St. Piggott came out with a definite classification of the Syinik petroglyphs. (fig. 40). [Piggott, 1983, page 78-83, fig. 7]:

The same sledge draught by bulls shown without wheels, similar to the engraving on the rocks in Penalsordo district (Spain) and

in the Fontanalba valley (Ligurian Alps), engraved on some rocks at Kamenaia Mogila. (8.2Sy1-6).

The four types of wagons are:

- rectangular body, on large disk wheels (8.2Sy7-19).

- rectangular body, on large wheels with spokes (8.2Sy20).

- rectangular body, on very small disk wheels (8.2Sy21-44).

- A-frame wagons on disk wheels (8.2Sy41,45).

Three types of carts:

- rectangular body, on disk wheels (8.2Sy46-51).

- A-shaped frame on disk wheels (8.2Sy53-54).

- A-shaped frame on wheels with spokes (8.2Sy52).

Selected chariots are considered in a special bulletin. (8.2Sy55-64) [Littauer, 1977, p. 243-262, fig. 1-7, with the notes: Piggott, 1983, p. 103-104]. Images 8.2Sy 65-70 are out of classification.

9. The Mediterranean.

9.1. Greece. In Kavala region and the slopes of mountain Pagaion there are different figures of horse-riders, taking age as the means of classification, graffiti of dogs, deers, archers. There exist a lot of images alongside with the various signs, including solar ones. On one site there is an engraving showing a boat and an image of vehicles. Apparently, it is a three A-frame chariots joined together. (9.1Kv1). Under them there are four foot prints. [Ataktidis, 1988, p. 16-24], (fig. 35:1).

9.2. Italy. Valcamonica (fig. 35:2; 36). Many thousands of rock art images of different historical periods were found here. Already several decades here and leaving no stone unturned employees of the Center of antiquities studies under the leadership of Professor E. Anati unveiled these petro-

glyphs to a wide public. Historians and archaeologists were able to differentiate and put under various classes the existing group of petroglyphs in Valcamonica.

Two-wheels chariot without draught animals (9.2Cm1) engraved on a separate plate. Behind the vehicle there is a figure of a person with his hands hanging loose by his sides. Beside there is a circle with a point in the center and a certain figure. [Anati, 1960, p. 53, fig.6]. On the other plate there is a cart (9.2Cm2) draught by a pair of horses, in the midst of circles and people standing at ease with their hands in the air. [Anati 1960, p. 53, fig 7].

Four-wheels wagons: the image on plate 2 in Kemmo district shows a wagon (9.2Cm3) draught by bulls. Below there is one more pair of bulls in a team with an indistinct image of a vehicle. On the right part of the plate are numerous figures of people standing at ease, mountain goats, certain unintelligible animals and knives. Above there is a solar sign and images of two axes. [Anati, 1975; Piggott, 1983, fig 21; Muller-Karpe, 1974, taf. 441-13]. On a separate plate there is an image of a wagon, draught by a pair of animals and figures of certain sort. Below there is an image of a vehicle and two foot prints of a man. [Muller-Karpe, 1974, taf. 441-1]. Images of wagons are known in the other parts of the valley [Anati, 1976, p. 117, 123, fig. 108,123] and on amorphous rocks. All vehicles of this type have rectangular bodies and disk wheels. They are dated as phase IIIA, that corresponds to the end of the third millennium B.C. [Anati, 1975; 1976].

9.3. Sakhara. A few millenniums ago, this territory was a groovy savanne, similar in landscape to geographical conditions of the Eurasian steppe.

Tassili Adjer. There is a multiimage composition of rock engravings on same plateau in the Atlas mountains, which was discovered by the participants of a French

expedition under the leadership of H. Lothe. [1973; 1984]. There is a particular type of group among the images of vehicles of Tasili. Likewise only one type of chariot is represented. (fig. 38-39); 9.3Ts1-14; 9.3Sh1-2).

If the draught animals are horses, then the vehicle is shown «in a profile» (However, there is an exception as to any other rule). The vehicle is usually shown with a coachman holding some objects like axes, whips and goad). As a rule, the horses are shown in motion, and the coachman in a tense mood. The message these images convey is «swiftness in mobility». Such images form part and parcel of compositions of people and animals. Each of the two images of chariots shown has a bull as the draught animal. The draught-pole of a vehicle is bent and is fixed to the scruff of an animal, and the vehicles are shown in such a way that, we can see a rectangular platform and two wheels with spokes. The animals are shown in a static position. These images of vehicles are known in the other parts of Sakhara. [Mirimanov, 1973, p. 248; Trost, 1981].

10. Scandinavia.

The corpus of petroglyphs of this area, being rather diverse, is published in numerous issues. One of such issue would occupy several pages of this book. We can get some idea about them by generalizing the researches made on them. [Glob, 1969; Malmer, 1981; and other], (fig. 31-34).

There are lots of common features among rock art images is found in Sweden, Norway and Denmark. A total number of 61 images of vehicles exist in this region. They are concentrated mainly on the Swedish territory: 28 of them in province Bohuslan, 16 in province Skone, and 16 – in Ostfold (Norway). In south-east and western parts of Sweden and in province Estern Yetland. [Malmer, 1981, p. 43].

Gryt. The Province of Skone. On a massive horizontal plate there are five images of chariots, solar signs and some deepenings. The draught horses are shown schematically. [Historiska nyheter, 1976, p. 18].

Frannarp. The Province of Skone. On a horizontal plate there are 12 images of chariots fastened to one side of the draught-poles. The other plate depicts an image of four carts, three of which are with horses as draught animals and are shown schematically [Anati, 1960, p. 59, fig. 12; Hayen, 1986, s. 109-138; Piggott, 1983, p. 117, fig 70-A].

Bottna. The Province of Bohuslan. Plate 364. The image of a two-axle vehicle on wheels with spokes draught by a pair of horses blocked by the image of a boat. The vehicle represents two conjoint chariots.

Plate 384 – An image of a four-wheel vehicle with a rectangular body and disk wheels (10.Bo4), in the midst of some people and certain images. [Fredsjö, 1975, p. 118-120].

Svenneby. The province of Bohuslan. Plate 232. A single image of a vehicle on fourwheels with spokes representing two chariots joined together. The second one has an A-frame draught-pole.

Plate 245. An image of a cart draught by a pair of the animals shown schematically. [Fredsjö, 1971, p. 18, 47].

Kville. The province of Bohuslan. Plate 308. An image of two carts draught by horses. There is a man with his hands in the air on the second vehicle.

Plate 334. An image of a chariot with a driver similar to that on the plates in Kivik. On a separate plate there is an engraving showing images of two chariots, one of which is shown without a draught-pole. [Fredsjö, 1975, p. 33-34].

From time to time we shall be making mention of some features of the Scandinavian images. Chariots are shown without drivers and without draught animals, or the later are shown schematically and among

images of wagons. Occasionally, it is possible to come across joint type vehicles, where the later as a rule have an A-frame draught-pole. A perfect example is the one shown in the Rishd (Bohuslan), Langon (Norway) and the other monuments. (10.Of1; 10.Of3; 10.Of10; 10.Kv2; 10.Bh1), [Hayen, 1986, s.117]. We have already met similar types of vehicles in the Minusinsk Basin (Sedlovina, Shishka) and in Mongolia (Gobian Quadrig).

M. Malmer has come out with a criterium with the help of which the images of vehicles of Northern Europe are classified. The images are mainly divided into three groups depending on the presence or absence of draught animals and coachman. The first type is referred to those vehicles with draught animals as well as a driver. The second type is vehicles with draught animals, but without a driver. And the last but not the least is the C-type vehicles with neither drivers nor draught animals.

Then, images are further classified- based on the amount of wheels shown on the given figure. 1- two-wheels; 2 – four- wheels; 3 – one wheel shown.

Finally, images are classified depending on the type of wheels; a – wheel with four spokes; b – wheel without spokes with a point in center (or shown as two concentric circles); c – plain round wheels; d – solid-wheels in a form of discs with some engravings on them. Combining these similarities and differences, we can differentiate and describe seven main types of vehicles. (fig. 38), [Malmer, 1981, p. 43-46, fig. 16, tab. 7].

* * *

There are ten large geographical regions on the Eurasia continent with rock engravings of vehicles and more than 70 found monuments.

Приложение 2. Китайские колесницы [WU, HSIAO-YUN, 2009]

№	Название памятника	кол-во лошадей	кол-во человек	параметры колеса, диаметр	кол-во спиц	ширина между колесами	толщ. обода	толщ. спиц	длина ступицы	радиус ступицы	длина кузова	ширина кузова	высота опрады	длина дышла	толщ. дышла	длина оси	толщ. оси	длина ярма	дата публ.	период
1	Сяогун, М20	4	3											265	7,6X5	290	5,5-7,3	170	1970	Шань
2	Сяогун, М40	2	3			225								255	10	290		210	1970	Шань
3	Сяогун, М45	?	?																1970	Шань
4	Сяогун, М202	2	2(3)																1970	Шань
5	Цяобэй, север от моста М1	2	1	136	20	198-208		4,2	40	20-12	84-114	80	46	256		280	8	108+	2006	Шань
6	Цяобэй, север от моста М18	2	2	120	?	214		7	46	14-20	100-136	64	48	?		292	7-8	?	2006	Шань
7	Хуцзяджун, М1001, поврежденный остов колесницы	0	0																1962	Шань
8	Хуцзяджун, М1003, 2 остова колесницы	0	0								100	70							1967	Шань
9	Сюмингун, М1	2	1	122	?	240	8	8			134	83	40+	268	5-6X7-8	310	5-8	?	1977	Шань
10	Сюмингун, М2, сильно повреждена	2	0	122	26	?	8	6			100	?	41	260?	6-7X5-9	?	5-8	?	1977	Шань
11	Сюмингун, М7	2	1	133-144	22	217	10	7,5			129-133	74	45	256	9-15	306	13-15	110	1972	Шань
12	Сюмингун, М698, сильно повреждена	2	1	140-156	18	240	5	4-5			?	?	?	?	?	298	10	?	1979	Шань
13	Сюмингун, М1613, юг	2	0	126-145	18	224	8	5			150	107	45	290	12-13	294	10	113	1984	Шань
14	Дасыкунцун, М175	2	1	146	18	227	6	6			94	75	?	280	11	300	4,1-7	120?	1955	Шань
15	Дасыкунцун, М292	2	1																1984, 1994В	Шань
16	Дасыкунцун, М755	2	1	130?			8	8								230	18		1994В	Шань
17	Дасыкунцун, М757	2	0	140?	20	?	8	8			?	100	44	292	12	274	12		1994В	Шань
18	Байдзяфын, М43, С3	2	0	134-147	18	223	6	4			137	73	22+	292	10	309	9,5-10		1994В	Шань
19	Байдзяфын, М151, С3	2	0	139	18	?	7,5	6			?	?	?	?	?	?	?		1994В	Шань
20	Мейюаньджун, М1, ЮВ	2	1	134-144; 144-150	22	220	8	6			164	113	55	274	10	302	10	135	1997В	Шань
21	Мейюаньджун, М40, ЮВ	0									105-132		30-41	80+	7,5-8	235?	5-7,5	98	1998В	Шань
22	Мейюаньджун, М40, ЮВ (Бэйче)	2	1	137-149; 140-145	18	240	6	6			134-146	82-94	39-50	265	10-12	310	10,5	114	1998В	Шань
23	Мейюаньджун, М4, ЮВ	2	1	130-139; 130-142	18	217	7	6			128-144	70-75	43-44	280	11	305	10	153	1998В	Шань
24	Годзяджун, М52	2	2	134-150; 136-143	18	230	8	6			142-146	94-103	38-46	268	12	308	10-12	235	1998	Шань
25	Годзяджун, М146, Ю3	2	0	120-139; 125-141	16	223	7	6			168-172	106-109	47-49	266	11,5	300-312	10-12	220	1998	Шань
26	Годзяджун, М147, Ю3	2	0	123-142; 132-142	20	226	7	6			151-149	90-94	48-49	272	11	308-312	10-12	140	1998	Шань
27	Люцзяджун, М339, С	2	0																1998	Шань
28	Люцзяджун, М348, С	2	1																1998	Шань
29	Люцзяджун, С																		1997А	Шань
30	Цяньчжанда, М40	2	1	120-140			5-8	6			130-160	80-100	35+		8-12	310	6-7		2005	Шань
31	Цяньчжанда, М41	2	2	145-150		230	5-6	5			140	97-105		266	6-9	310		185	2005	Шань
32	Цяньчжанда, М45	2	1	142-145		220	5-6	4			123-140	77-80		245	8-9	307		183	2005	Шань
33	Цяньчжанда, М131	2	1	157-161	22	232	9	4-5	18	20	117-134	102	34+	274	7	309		133	2005	Шань
34	Цяньчжанда, М132	2	1	138-143	18	227	5	6	35	18	145	85	40	268	8	303	8	105+	2005	Шань

Название памятника	кол-во лошадей	кол-во человек	параметры колёса, диаметр	кол-во спиц	ширина между колёсами	толщ. обода	толщ. спиц	длина ступицы	радиус ступицы	длина кузова	ширина кузова	высота ограды	длина дышла	толщ. дышла	длина оси	толщ. оси	длина ярма	дата публ	период
Лаоноло, М27)	2	0	140	16	225					160	72	14+	240	7	315		1988	Шань	
уезд Цяосиа, провинция Шань	4	0	125	20						164	97	29?	284	8	304		1977	Западная Чжоу	
Байсяоло, G1	4	1	140	18	224	10	9			ок.95	ок.90		ок.270		ок.300		1977	Западная Чжоу	
Чжанзяоло, №35, 2 колёсницы и 4 коня	2	0	ок.120														1980	Западная Чжоу	
Чжанзяоло, 167	2	1	129	22		4,4				107	86	25	281	6,5	292		1963	Западная Чжоу	
Чжанзяоло, 168, №1	4	1	136	21	225	6,5				138	68	45	298		307		1963	Западная Чжоу	
Чжанзяоло, 168, №2	2	0	135	21		5,6				135	70	20	295	7	294	7,8	1963	Западная Чжоу	
Чжанзяоло, 185	2	1	140	22		6,5				125	80	44					1963	Западная Чжоу	
Чжанзяоло, 192	8	1															1963	Западная Чжоу	
Сианьгао (4 колёсницы, 4 коня, 2 человека, 2 коня, 2 человека)	0	0	138	22		9									288		2002	Западная Чжоу	
Чженьчжоува Лю, Хэнань, №2	4	0															2001	Западная Чжоу	
Лоян, восточный пригород, Лоян СЗМ230	4	0	120-135	20	220	4-4,5	5			150	50		184?	4-8	315	5	1999а	Западная Чжоу	
Лоян, старый город, Лоян №1	2	0	110			8,5				115	70	22?	170?	11	305?	9	1988	Западная Чжоу	
Лоян, стрый город, Лоян №2	2	0											240	8			1988	Западная Чжоу	
Лоян, старый город, Лоян №4	2	0	144	22-24	220	9				132	85	37?	291	6,5-11	317	8-8,5	1988	Западная Чжоу	
Лоян, пригород, село Сяочун	4	0	130-140	18						120	96	6?	320	12	90?	8-10	1955	Западная Чжоу	
Лёликэ IM52CH1	2	0	140	24	244	7	7			150	90		260	14	308	8	1995	Западная Чжоу	
Лёликэ IM52CH2	2	0	120	24	ок. 210	5	5			150	110				305		1995	Западная Чжоу	
Лёликэ IM202	0	0	140	24		6	5			160	80		ок.250	8	290	5-8	1995	Западная Чжоу	
Тяньмаочун, район J4, чемакын 3, колёсница №1	0	0	140	20	223	7	6			135	51-38	274				4-2	2000	Западная Чжоу	
Тяньмаочун, район J4, чемакын 3, колёсница №2	0	0		20						90	170						2000	Западная Чжоу	
Жучжачжуан, город Баоцзы, чемакын 3, колёсница №1	0	0	120	20	200	8	5-6			115	70	17-42	265	4,5-5-7	260	5-8	1988	Западная Чжоу	
Жучжачжуан, город Баоцзы, чемакын 3, колёсница №2	0	0	120	20	210	9	7-6			130	70		260	4,5-6-7	270	5,5-8	1988	Западная Чжоу	
Жучжачжуан, город Баоцзы, чемакын 3, колёсница №3	0	0	120	20	200	8	7			101	60	25	270	5-6-7	275	6-8	1988	Западная Чжоу	
Хуаюаньчжун, город Чанань, М3, колёсница №1	2	0															1986	Западная Чжоу	
Хуаюаньчжун, город Чанань, М3, колёсница №2	4	0								153	105						1986	Западная Чжоу	
Хуаюаньчжун, город Чанань, М3, колёсница №3	2	0															1986	Западная Чжоу	
Хуаюаньчжун, город Чанань, М16-передняя колёсница №1	2	0	132		220		8			123	97	ок.34	220	9	290		1986	Западная Чжоу	
Хуаюаньчжун, город Чанань, М16-задняя колёсница №2	2	0	133		230		8			131	75	ок.34			291		1986	Западная Чжоу	
Фенси, город Чанань, раскопки в 1978 году, гр.1	2	0			164								ок.160		280		1981	Западная Чжоу	
Фенси, город Чанань, раскопки в 1978 году, гр.2	2	0															1981	Западная Чжоу	
Фенси, город Чанань, раскопки в 1978 году, гр.3	0	0															1981	Западная Чжоу	
Фенси, город Чанань, М28	4	0	136	22	217	7				108	100	30	ок.127	8-9			1987	Западная Чжоу	

	Название памятника	кол-во лошадей	кол-во человек	параметры колеса, диаметр	кол-во спиц	ширина между колесами	толщ. обода	толщ. спиц	длина ступицы	радиус ступицы	длина кузова	ширина кузова	высота ограды	длина дышла	толщ. дышла	длина оси	толщ. оси	длина ярма	дата публ	период
68	Фенси, город Чанань, М29, север	2	0	140	18	224	8				130	100	ок.23-30	6				1987	Западная Чжоу	
69	Фенси, город Чанань, М29, юг	2	0	136	18	225	5				124			7				1987	Западная Чжоу	
70	Пудучунь, город Чанань, М27	4	0															1988	Западная Чжоу	
71	Шанцунлин, могила Хугоуму, СНМК1: СН1		0	147-105; 138-102	22	172	8	5,5	20	16-9	120	98	19+	9	225	8	88+	1999	Западная Чжоу	
72	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН2		0	134-106; 146-106	26	180	7	5	28	16-11,5	120	96	20+	8	248	8	120	1999	Западная Чжоу	
73	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН3		0	133-114; 140-80	24	174	6	5	27	16-10,5	106	88+	38	7	240	8		1999	Западная Чжоу	
74	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН4		0	146-85; 122-86	24	180	6	5,5	26	16-6	116	92	30	8	254	8		1999	Западная Чжоу	
75	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН5		0	86-146-70?		190	6	5	26	14-10	92+	80+	20	8	100+	8		1999	Западная Чжоу	
76	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН6		0	152-66; 136-96?	28	176	6	5	26	18-8	120	80+	10-16	8	230+	8	88+	1999	Западная Чжоу	
77	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН7		0	122-70; 136-102?	28	184	6	5	18	18-10	130	88	22	6-8	250	8	72+	1999	Западная Чжоу	
78	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН8		0	140-110; 134-64?	28	180	6	5	26	14-10	37+	96	20	6-8	254	8	56+	1999	Западная Чжоу	
79	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН9		0								120	96		8				1999	Западная Чжоу	
80	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН10		0	138-42?	12+		6	5				56+	46+	8				1999	Западная Чжоу	
81	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН11		0	120-40?			6	5			84+	96		8	60+	6		1999	Западная Чжоу	
82	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН12		0	134-40?			6	5	26	14-7					164+	8		1999	Западная Чжоу	
83	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2001, СНМК1: СН13		0	120-36?			6	5	30	15-7				8	120+	8		1999	Западная Чжоу	
84	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН1		0	140-86; 134-120?	24	170	7	5	26	14-8	36?	94	46	6-8	250	8	120	1999	Западная Чжоу	
85	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН2		0	87-140?	25	166	7	5	28	16-10	92	57?	28	8	236	8		1999	Западная Чжоу	
86	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН3		0	140-18; 90-108	22	180	7	5	26	15-10	100	92		7	254	8		1999	Западная Чжоу	
87	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН4		0	156-60; 140-110	23	176	7	5	22	14-10	105	86		7	232	8	130	1999	Западная Чжоу	
88	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН5		0	94-40; 144-116	26	190	7	5	20	15-10	110	94	36	6	234	8		1999	Западная Чжоу	
89	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН6		0	140-118?	22	166	7	5	24	18-10	100	40?	38		232	8		1999	Западная Чжоу	
90	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН7		0	114-148-114?	24	178	6	5	25	14-8	104	74?	34	7-8	240	8	100	1999	Западная Чжоу	
91	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН8		0	140-56; 136-120?	25	184	7	5	28	15-9			32	7	256	8		1999	Западная Чжоу	
92	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН9		0	126-40; 126-60	14?	196	8,5	6,5					16-10?	7	140?	8		1999	Западная Чжоу	
93	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН10		0	86-72; 130-62	15?	190	6,5	5	24	16-10					68?	7		1999	Западная Чжоу	
94	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН11		0	106-70; 130-55?	24	194	7	5	26	13-9	108	82	20?	8	246	8	90	1999	Западная Чжоу	

	Название памятника	кол-во лошадей	кол-во человек	параметры колеса, диаметр	кол-во спиц	кол-во между колесами	толщ. обода	толщ. спиц	длина ступицы	радиус ступицы	длина кузова	ширина кузова	высота отрады	длина дышла	толщ. дышла	длина оси	толщ. оси	длина ярма	дата публ	период
95	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН12		0	124-50;152-50?	14?	196	7	5	31	16-10	112	90	16-12?	290	7-8	256	8	104	1999	Западная Чжоу
96	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН13		0	62,142-45?	14?	180	7	5	28	14-9	106	84	21	105?	8	254	9		1999	Западная Чжоу
97	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН14		0	142-44; 140-50?	11?	180	7	5	26	16-10	108	96	15	258?	8	244	8		1999	Западная Чжоу
98	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН15		0	144-64; 136-118?	20	192	7	5	20	16-10	140	104	25	324	8	236?	8	88?	1999	Западная Чжоу
99	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН16		0	140-54?	5?		7	5			56?	98	20			80?			1999	Западная Чжоу
100	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН17		0	96-86?	11?		7	5	26	16-13				190?	8				1999	Западная Чжоу
101	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН18		0				7	5,5			68?	112	30	216?	8	96?	8		1999	Западная Чжоу
102	Шанцунлин, могила Хугоуму, М2012, СНМК2: СН19		0	120-64?	9?		6	5	22	14-11	92?	88	22			90?	8		1999	Западная Чжоу
103	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1051, №1		0	124-107	25	166	6	6		15	100	100		300	6-8	200	6	100	1959	ранняя Чюнсо
104	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1051, №2		0	97?	25	166	6	6		15	130	100			6	178+	6		1959	ранняя Чюнсо
105	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1051, №3		0	133-110	25	170	6	6		19	106				7	205	5		1959	ранняя Чюнсо
106	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1051, №4		0	130-114	25	174	6	6		16	107					222			1959	ранняя Чюнсо
107	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1051, №5		0	140-92	25	215	6	6		16					6	247	7		1959	ранняя Чюнсо
108	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1051, №6		0	135-95	30	175	6	6		14					7	217	6		1959	ранняя Чюнсо
109	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1727, №1		0	133	25	155+	6	6	36		120	90	32	300	6-7,8	155+	6		1959	ранняя Чюнсо
110	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1727, №2		0	125	28	180	6	6	36	18-11	123	90	33	296	5,5-7,8	236	6,5	140	1959	ранняя Чюнсо
111	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1727, №3		0	126	25	184	6	6	35	18,7-13,1	130	86		250+	5,5-8,2	222	6,7		1959	ранняя Чюнсо
112	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1727, №4		0	122	26	169+	6	6	36	18,5-11,5	125	82	34	292+	5,5-7,8	227	6,3	140	1959	ранняя Чюнсо
113	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1727, №5		0	126	34	190	6	6	36	18-11,5	104+	90	30	300	6-9	226+	7	220	1959	ранняя Чюнсо
114	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1811, №1		0	119-117	26	164	6	6		14	130	82		282	6-8	200+	8		1959	ранняя Чюнсо
115	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1811, №2		0	126	44	175	6	5		17				300	6	236	7		1959	ранняя Чюнсо
116	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1811, №3		0	123-121	27	165	6	6,5		15	130	85				187+	7		1959	ранняя Чюнсо
117	Шанцунлин, могила Хугоуму, М1811, №4		0	128-125	27	178	6	7		15						222	7		1959	ранняя Чюнсо
118	Гоуцзямао, город Чаоян, чемакын 2, колесница №1	0	0							16	110	95		314	5-10	175+	6	72+	2005	ранняя Чюнсо
119	Гоуцзямао, город Чаоян, чемакын 2, колесница №2	0	0				5	3			110	100		386	5-10	174+	6	72+	2005	ранняя Чюнсо
120	Гоуцзямао, город Чаоян, чемакын 1	2	0			204	7	2		13	110	90	10+	248+		248	6		2005	ранняя Чюнсо
121	Гоуцзямао, город Чаоян, чемакын 1, колесница №1	0	0	134-128		139	5	4	43?	16	118	100		304	4,5-5			123	2005	ранняя Чюнсо

№	Название памятника	кол-во лошадей	кол-во человек	параметры колеса, диаметр	кол-во спиц	ширина между колесами	толщ. обода	толщ. спиц	длина ступицы	радиус ступицы	длина кузова	ширина кузова	высота отgrades	длина дышла	толщ. дышла	длина оси	толщ. оси	длина ярма	дата публ	период
149	Линишанцун, могила Линьичуна, М1063		0															140	2003	Чюнсю
150	Линишанцун, могила Линьичуна, М1065		0	135			8,5	4,5	43	18	100	96	10-52	352	7x12	244	4,5-6	140	2003	Чюнсю
151	Линишанцун, могила Линьичуна, М1076		0	137		137	8	4,8	60	19	130	98	17-64	280+	7x10	290	5-7		2003	Чюнсю
152	Люхэдянь, город Линлю, провинция Шандун, М2: 20		0								126	120		317				160	2000	Чжанго
153	Тангун, город Лоянь, К 1	6?	0	130	30	180		7			120	110	30+			240		130	2007	Чжанго
154	Тангун, город Лоянь, К 2, № 1	2	0	134	30	180		6						390	5-10	270	10		2007	Чжанго
155	Тангун, город Лоянь, К 2, № 2	2	0	120	32			4			120	110		280	7-9	250	7		2007	Чжанго
156	Синьджен Синью (поссе), провинция Хэнань, гр.1	2	0																1994	Чюнсю
157	храм Сычуаньсяши М8СН, № 1	4	0	132	30	198				16-8	124	104	26+	234	6-14	224+	10		1991	Чюнсю
158	храм Сычуаньсяши М8СН, № 2	4	0	120				6			140	70+				116+			1991	Чюнсю
159	храм Сычуаньсяши М8СН, № 3	2	0	110+				6											1991	Чюнсю
160	храм Сычуаньсяши М36СН, № 1	4	0	130	28	212	4	4			126	94	44			250	9-11	106+	1991	Чюнсю
161	храм Сычуаньсяши М36СН, № 2	4	0	120	28	195	7	4			140	92	45+	292	8-12	222+		124+	1991	Чюнсю
162	храм Сычуаньсяши М2СН, № 1	4	0								132	34+		110+	12-15				1991	Чюнсю, финал
163	храм Сычуаньсяши М2СН, № 2	2	0								136	24+		150+	12-15				1991	Чюнсю, финал
164	храм Сычуаньсяши М2СН, № 3	4	0								110	56+		130+	12-14				1991	Чюнсю, финал
165	храм Сычуаньсяши М2СН, № 4	2	0	118	14+	182					123	76		15+					1991	Чюнсю, финал
166	храм Сычуаньсяши М2СН, № 5	2	0								136	106		118+	12-14				1991	Чюнсю, финал
167	храм Сычуаньсяши М2СН, № 6	2	0								190	126	32+						1991	Чюнсю, финал
168	Шанмамуди, могила Шанма, чемакын 2, колесница № 1		0	140		206	8	7	52	8-22	100-106	100	42		6-8	260	6-8	146	1994a	Чюнсю, финал
169	Шанмамуди, могила Шанма, чемакын 2, колесница № 2		0	137-140		208	8	6	60	7-22	100	93	22+		7-8	260	4-8		1994a	Чюнсю, финал
170	Шанмамуди, могила Шанма, чемакын 2, колесница № 3		0	137		200	8	6	46	7,5-22	132	110	20	90+	7,5	277	4-7		1994a	Чюнсю, финал
171	Шанмамуди, могила Шанма, чемакын 2, колесница № 4		0	140		208	8	6	47	9-22	126	90		130+	7,5	240	4-7		1994a	Чюнсю, финал
172	Шанмамуди, могила Шанма, чемакын 2, колесница № 5		0	140		200	10	7	42	8-22	106	98				250	4-7		1994a	Чюнсю, финал
173	Цзиньгоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын М251, колесница №1		0	115	30	190	4,5	4,5	40	10-20	136	120	48?		9	256	9		1996	Чюнсю, финал
174	Цзиньгоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын М251, колесница №2		0	105	30	200	7	4,5	45	19-9	127	124	45?		9	260	9		1996	Чюнсю, финал
175	Цзиньгоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын М251, колесница №3		0	134	26	200	7	5	47	20-10	142	117	62?	10,5	275	275	8,5		1996	Чюнсю, финал
176	Цзиньгоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын М251, колесница №4		0	108	30	196	8,2	5	39	19-9	118	125	53?	9	250	250	8		1996	Чюнсю, финал
177	Цзиньгоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын М251, колесница №5		0	128	28	193	5	5	40	19-8	120	100	51?	8	263	263	8		1996	Чюнсю, финал
178	Цзиньгоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын М251, колесница №6		0	130	26	182	5	4,5	44	20-2	114	114	50?	8+	252	252	9		1996	Чюнсю, финал
179	Цзиньгоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын М251, колесница №7		0	116	26	192	5	4,5	44	18-9	115	120	55?	8	252	252	8		1996	Чюнсю, финал
180	Цзиньгоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын М251, колесница №8		0	130	26	186	6	4,5	47	18-9	136	114	65?	10	257	257	10		1996	Чюнсю, финал

	Название памятника	кол-во лошадей	кол-во человек	параметры колеса, диаметр	кол-во спиц	ширина между колесами	толщ. обода	толщ. спиц	длина ступицы	радиус ступицы	длина кузова	ширина кузова	высота ограды	длина дышла	толщ. дышла	длина оси	толщ. оси	длина ярма	дата публ	период
181	Цзиньтоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын M251, колесница №9		0	134	32	188	7	4	50	19-6	120	97+	55?	9	258	10		1996	Чюнсю, финал	
182	Цзиньтоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын M251, колесница №10		0	123	28	195	8	4	50	19-8	120?	100+	50+?	8	268	8		1996	Чюнсю, финал	
183	Цзиньтоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын M251, колесница №11		0	125?	289?	190	7.5	4			154	30+		8	250+	8?		1996	Чюнсю, финал	
184	Цзиньтоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын M251, колесница №12		0	134?	26+	190	7	4	58	20-6	146	106+	15+?	8	285	8		1996	Чюнсю, финал	
185	Цзиньтоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын M251, колесница №13		0	125-135	26+		7	4										1996	Чюнсю, финал	
186	Цзиньтоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын M251, колесница №14		0															1996	Чюнсю, финал	
187	Цзиньтоу, могила Чжао Цин, город Тайюань, чемакын M251, колесница №15		0															1996	Чюнсю, финал	
188	Чанву Менгче, провинция Сальси, чемакын	2	0	122	24	190	7		51		147	94		305	6-10		160	1984	между Чюнсю и Чжанго	
189	Фэнсянь Мацзяжуан, архитектурный ансамбль	0	0	64	25	160	4	3			120	80	20?	155?	5-10	200	6-10	1985	раннее Чжанго	
190	Хоучуань, чемакын 2129	2	0	130?	20?	180	8	5			108	109		300+	10	230?	10?	1994a	раннее Чжанго	
191	Хоучуань, чемакын 2152	2	0			190?	5	6										1994a	раннее Чжанго	
192	Фэнсяншунь, S1	2	1	116	28	195	7	6	48		133	93	42?	179+	11-8	257	6-7	1986	раннее Чжанго	
193	Фэнсяншунь, S2:2	?	0															1986	раннее Чжанго	
194	Хуйсянь Люлигэ, чемакын 131, колесница №1		0	140	26	190	8	5.5	38	22	130	104	36	170+	8	242?		1956	раннее Чжанго	
195	Хуйсянь Люлигэ, чемакын 131, колесница №5		0	95	26	140	6.5	4.8	16+	16	95	93	27+	120+	4	178		1956	раннее Чжанго	
196	Хуйсянь Люлигэ, чемакын 131, колесница №6		0	105	26	185	7.5	6.5?		18	120	98	42	205	8	242		1956	раннее Чжанго	
197	Хуйсянь Люлигэ, чемакын 131, колесница №16		0	130	26 (30)	182	7?	8	24?	17	140	105	40	210	10	236+		1956	раннее Чжанго	
198	Хуйсянь Люлигэ, чемакын 131, колесница №17		0	140	26 (30)	180	7?	8	24?	20	150?	110?	40?	215	10	242		1956	раннее Чжанго	
199	Люхэдянь, город Линьцю, провинция Шандун, M2, №1		0								172	122				292	7-4,8	2000	раннее Чжанго	
200	Люхэдянь, город Линьцю, провинция Шандун, M2, №11		0								140	210	40					2000	раннее Чжанго	
201	Люхэдянь, город Линьцю, провинция Шандун, M2, №20		0								126	120		317			160	2000	раннее Чжанго	
202	Хэнань Синьцзун Синьцзюй (шоссе), №1	2	0															1994	раннее Чжанго	
203	Хэнань Синьцзун Синьцзюй (шоссе), №2	2	0	74														1994	раннее Чжанго	
204	Чжунцзюу, город Лоян, M19	4	0	169	18?	200?	9		40	16-8	160	150	35-40		277	10	141	1974	среднее Чжанго	
205	мавзоль Чжуншанван, чемакын 2, №1		0	76?	22?		7	###			168	156	53?	224		260	9	141	1996a	среднее Чжанго
206	мавзоль Чжуншанван, чемакын 2, №2		0	80?			6.5-7				170	180	49-42	176	4.5-8-12	268	11	160?	1996a	среднее Чжанго
207	мавзоль Чжуншанван, чемакын 2, №3		0	80?			7				130	130		160?	4.5-7	206	9	160?	1996a	среднее Чжанго
208	мавзоль Чжуншанван, чемакын 2, №4		0	78?	22?		6.5	3.5			140	132	47?	160?	4.5-10	215	10	160	1996a	среднее Чжанго
209	Цзянлинцзюулянь, чемакын, M104, колесница №2	2	0	126	26	184	6	4.5	45	19-12	152	100	36	340	9-12	271	12	1995	среднее Чжанго	
210	Лоуган, город Ичэнь, MICH, колесница №1	2	0															1993	среднее Чжанго	

	Название памятника	кол-во лошадей	кол-во человек	параметры колеса, диаметр	кол-во спиц	ширина между колесами	толщ. обода	толщ. спиц	длина ступицы	радиус ступицы	длина кузова	ширина кузова	высота ограды	длина дышла	толщ. дышла	длина оси	толщ. оси	длина ярма	дата публ	период
211	Луутан, город Ичэн, М1СН, колесница № 2	2	0															95	1993	среднее Чжанго
212	Луутан, город Ичэн, М1СН, колесница № 3	2	0	131	26	198	4,5	6	40	12-15								80+	1993	среднее Чжанго
213	Луутан, город Ичэн, М1СН, колесница № 4	4	0	134	26	188	4,5	5	44	7,5-14	145	114	65	351		260	5	117	1993	среднее Чжанго
214	Луутан, город Ичэн, М1СН, колесница № 5	3	0	131	26	194	4,5	6			150	130					6,8		1993	среднее Чжанго
215	Луутан, город Ичэн, М1СН, колесница № 6	3	0	102	26	185	4	5			145	109		307		228	6		1993	среднее Чжанго
216	Луутан, город Ичэн, М1СН, колесница № 7	2	0	140	26	197	4,5	5			135	115		313+		268	6		1993	среднее Чжанго
217	Пиньянмяочжуань, провинция Ганьсу, М6	4	0	127	30	195	6	3,5-4			140	95	30-40	290	3-6-7	274	6,5-8	145	1982	позднее Чжанго
218	Пиньянмяочжуань, провинция Ганьсу, М7	4	0	114	30	200	5-6	2?			126	99	30-40	267	9-11			136	1982	позднее Чжанго
219	Мацзяюань, провинция Ганьсу, М1, №1		0	120															2008	позднее Чжанго
220	Мацзяюань, провинция Ганьсу, М3, №1		0	140	38											300			2008	позднее Чжанго
221	Мацзяюань, провинция Ганьсу, М3, №2		0	140	32											288			2008	позднее Чжанго
222	Мацзяюань, провинция Ганьсу, М3, №3			158	38					13-19			82						2008	позднее Чжанго
223	Мацзяюань, провинция Ганьсу, М3, №4			158	28														2008	позднее Чжанго
224	Хуайянманчжун, колесница №4	4	0	136	32	208	9,5	5,5	65	17,2-8,8	148	110	34,5	340		294	11		1984	позднее Чжанго
225	Хуайянманчжун, колесница №7	4	0	146		195			59	18-5,5	160	98		310		274		125	1984	позднее Чжанго
226	Хуайянманчжун, колесница №13		0	136	32		10				273			490		257		136	1984	позднее Чжанго
227	мавзоль Шиндижуан, №1	4	0	66,4	30	95	4	2-2,4			74	48,5	21,5-45	183		134	1,56-4	80	1998	Цин
228	мавзоль Шиндижуан, №2	4	0	59	30	99,8	4,4	2-2,4			36,2-78	35-88	14,3-56,3	246		143	1,9-2,4	79	1998	Цин

Что следует дополнительно прочитать: краткий обзор новых находок и публикаций

Литература по лингвистике и происхождению индоевропейцев

Количество серьезных публикаций по данной проблематике уже насчитывает несколько сотен серьезных исследований, анализ которых требует написания отдельной книги. Из многочисленных обзоров до 2000 года отмечу монографии П. Раулвинга [Raulwing, 2000] и Дж. Мэллори [Mallory, 1989], в которых дан подробный анализ существующих на этот счет теорий.

Из числа последних исследований, обосновывающих степное происхождение индоевропейцев, в котором собраны и учтены многие современные воззрения и материалы по этой проблеме, выделю книгу Дэвида Энтони [Anthony, 2007]. Подробная рецензия на эту книгу опубликована недавно Л. С. Клейном [Кони, колесницы....., 2010, с. 167-181].

Новейшие данные по ранним этапам доместикации лошади в степи приведены в работах Е. Е. Кузьминой, П. А. Косинцева и С. В. Кулланды [Кони, колесницы....., 2010, с. 5-87].

Эпоха фургонов и боевых телег (3 тыс. до н.э.)

Северный (ямно-афанасьевский) трансконтинентальный канал. Все больше данных появляется по обоснованию афанасьевского пласта в древнем искусстве Южной Сибири, Алтая и Монголии.

Собран и опубликован полный каталог известных в настоящее время окуневских изваяний [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006], что позволяет более аргументированно рассматривать вопросы их происхождения и хроностратиграфии.

Новые материалы из Южной Сибири, Тувы и Хакассии дают дополнительные аргументы в пользу выделения раннего пласта в окуневском искусстве (петроглифы и стелы) и связывать его возникновение с западной миграцией скотоводческого населения [Лазаретов, 1997]. Автор выделяет ранние личины «джойского типа» и рассматривает эти изображения как маркеры древних путей на периферии Минусинской котловины, отмечающие самые удобные тропы из Хакассии в Туву [Лазаретов, 2011, с. 59-64].

Ю.Н. Есин аргументированно выделяет афанасьевский пласт в петроглифах Минусинской котловины [Есин, 2010, с. 53-73; 2011а, с. 81-98] и, проводя ревизию сохранившихся петроглифов, приходит к выводу об отсутствии некоторых изображений на скалах – в частности, двух тунчухских повозок [Есин, 2011, с. 31; устное сообщение].

Северная Месопотамия. Выделена система коммуникаций 3-2 тыс. до н.э. в Месопотамии, связанная с поставками медной руды и разработками золота, серебра и цинка [Амиров, Немировский, 2002, с. 273-286]. Четыре основные дороги в широтном направлении связывали Анатолию, Северную Месопотамию и уходили на северо-запад – в ассирийские степи и далее на запад. Разветвленная сеть дорог по линии юг-север связывала эти основные магистрали между собой. Древние дороги с точностью повторяют многие современные трассы, поскольку проходят в наиболее удобных и приспособленных ландшафтах.

Южный (туранский) коммуникативный канал. Усилиями различных международных экспедиций получена новая информация по Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу (БМАК).

Особняком стоят уникальные по своим масштабам и значимости новые результаты работ Маргианской археологической экспедиции под руководством В.И. Сарияниди, и прежде всего масштабные раскопки маргушской столицы – Гонур-тепе.

В.И. Сарияниди объясняет возникновение этой цивилизации миграцией из Шумера или Северной Месопотамии (возможно – Анатолии) части населения, осевшего затем на берегах Мургаба и активно взаимодействовавшего с Хараппой [Сарияниди, 2008; 2010].

А-П. Франкфор связывает материалы БМАК с известной по клинописным письменным источникам страной Марахши (Барахши или Маргуш в интерпретации В.И. Сарияниди), указывая, что с той или иной степенью достоверности уже идентифицированы Элам, Аван, Аншан и Симашки на юге и юго-западе Ирана. От Персидского залива до долины Инда и Хараппской цивилизации – это Дилмун, Маган и Мелухха.

Возможно, Тукриш располагался на северо-западе Ирана и Аратта – в провинции Керман. В старовавилонский период страна Марахши переместилась на территорию, расположенную ближе к Месопотамии – возможно, в Загрос. Но в конце 3 – начале 2 тысячелетий Марахши определенно была страной, независимой от Элама и Месопотамии, которая контролировала восточную часть Иранского плато и действовала в качестве посредника между Месопотамией и Эламом на западе и Мелуххой на востоке [Франкфор, 2006, с. 193-194].

В любом случае, новые находки в южной части Центральной Азии мощного очага древневосточной цивилизации хорошо согласуются со второй и особенно третьей «конъюнктурами», описанными в этой книге.

Для материалов Гонур-тепе имеется серия из 59 радиуглеродных калиброванных дат, определяющих время существования маргианской столицы в пределах 2500-1500 гг. до н.э. Наиболее интенсивно его использование было на рубеже 2000 г. до н.э. К 1500 г. до н.э. жизнь на памятнике прекратилась [Зайцева, Дубова и др., 2008, с. 166-179].

Антропологические материалы Гонур-тепе характеризуются полиморфизмом, ярко выражен переднеазиатский антропологический

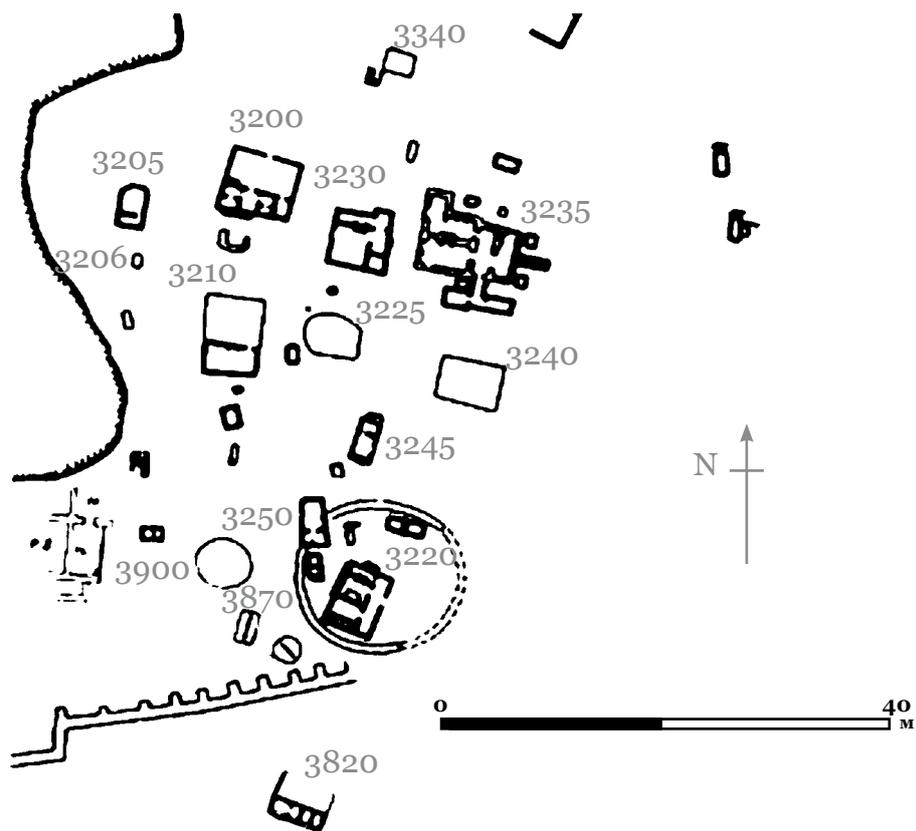

Рис. 1. Схема «царского некрополя» Гонура. Погребения с повозками – 3200; 3225; 3240; 3900 [Сарианиди, Дубова, 2010, с. 144-171].

компонент – безусловно, связанный с той его частью, где в 4 тыс. до н.э. жили шумеры. Их облик хорошо известен по антропоморфной пластике. Присутствует определенное сходство с веддоидными черепами из долины р. Сват и Мохенджо-Даро. Не было отмечено присутствия антропологических типов, сходных с палеоевропейским населением евразийских степей. В то же время засвидетельствовано присутствие антропологического компонента, сходного со средиземноморским, среди срубных (и даже более ранних) групп Поволжья, Южного Приуралья и алакульцев, что, как представляется, может свидетельствовать о движении с юга в более северные районы, чем из степей – в южном направлении. Это сходство, вероятно, указывает на участие одинаковых антропологических

пластов в сложении как южнотуркменских, так и степных племен [Дубова, 2006, с. 169-173].

Погребения. Большая их часть ограблена еще в древности. Из 2853 объектов, обнаруженных на некрополе, только в 174 случаях нельзя было определить, посещали ли их древние грабители. Тип сооружений связан с социальной структурой гонурского общества, которая в пору его расцвета была весьма благополучна: 85% – средний класс, 11% – бедняки и 4% элита, для которой характерны погребения в камерных гробницах или цистах.

Камерные гробницы являются упрощенным вариантом домов маргианской аристократии. Именно в таких гробницах «царского некрополя» и примыкающих к ним округлых ямах обнаружены

Рис. 2. Общий вид погр. 3225 [Дубова, 2004].

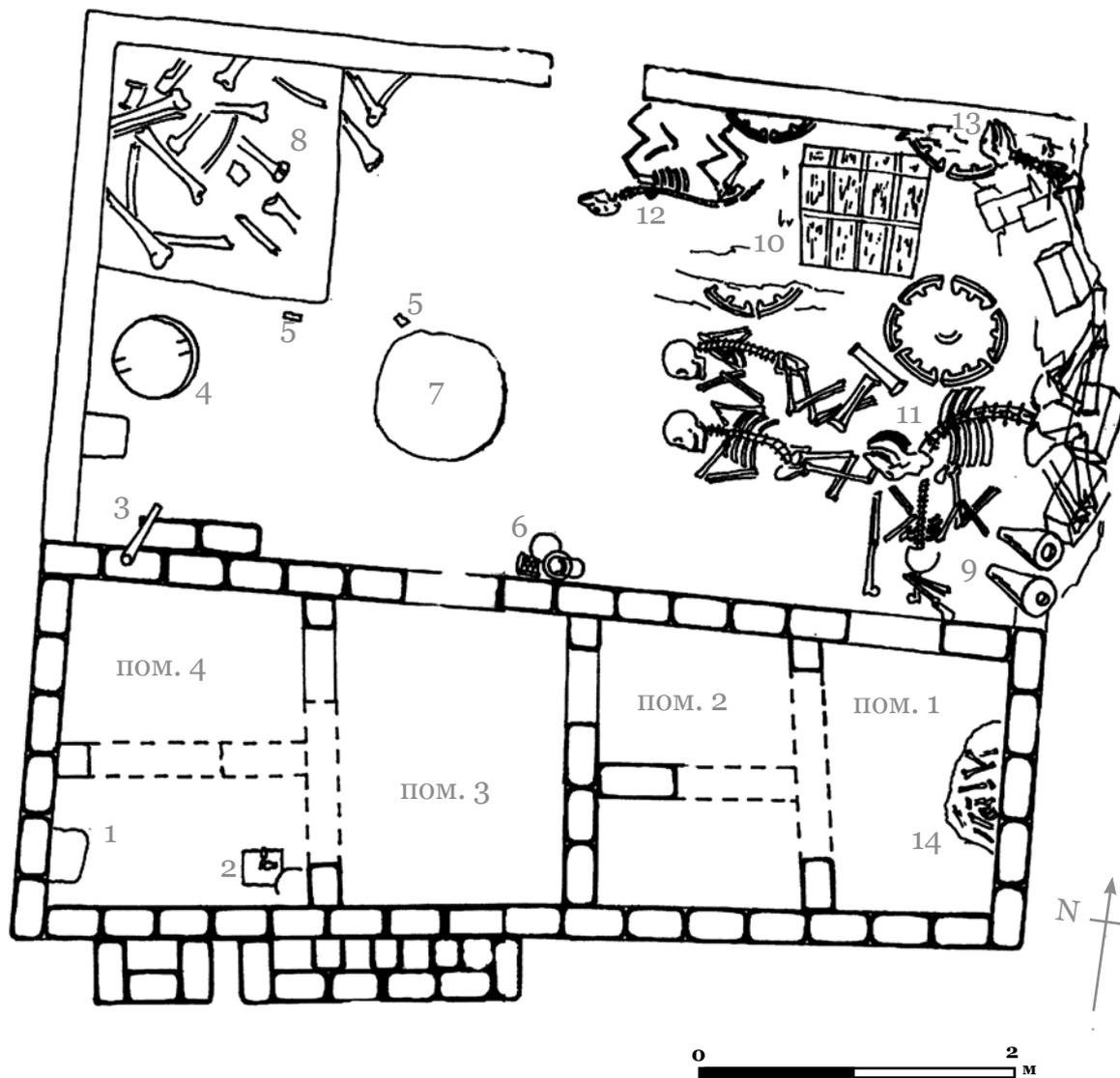

Схема гробницы 3200. 1 – скопление ценных погребальных приношений; 2 – два фрагмента мозаики с «ковровым» орнаментом, серебряные косметический флакон, косметическая лопаточка, булавка с навершием в виде лежащего телячка, железная булавка с навершием в виде золотой восьмиконечной звезды, полумесяца, а также стоящего архара из золота и лежащего льва из бирюзы; 3 – каменный посох длиной 2,0 м с концом в виде лошадиного копыта; 4 – каменный диск из мраморизованного известняка; 5 – бронзовые предметы неопределенного назначения; 6 – два бронзовых «светильника» и керамическая ваза на полой ножке с орнаментом; 7 – пятно из краснообожженного песка; 8 – скопление костей взрослого верблюда; 9 – два крупных керамических сосуда с узким дном; 10 – четырехколесная повозка; 11 – скелет лежащего взрослого верблюда в полном анатомическом порядке; 12 – полный скелет собаки в полном анатомическом порядке; 13 – сильно разрушенный скелет молодой лошади; 14 – беспорядочное скопление костных останков четырех человек [Сарианиди, Дубова, 2010, с. 144-171].

четыре уникальные гонурские телеги (рис.1). Одна из них обнаружена непосредственно во «дворе» гробницы (3200), остальные – в могильных ямах 3225, 3240, они явно тяготеют к «домам мертвых» 3230 и 3235 – соответственно. Четвертая раскопана позднее – в округлой могильной яме 3900 – и примыкает к гробнице 3220.

В ямной могиле 3225 повозка обнаружена в разобранном состоянии: у западной стены ее котлована располагались две колесные пары (рис. 2), все четыре колеса были точно такой же конструкции, как и в гробнице 3200, но больше в диаметре (90 см). Рядом с повозкой, частично на самих колесах, лежало деревянное сиденье, по конструкции отличное от того, что было в гробнице 3200. Это сиденье – длинное (160 см), узкое (32 см) с невысокой спинкой (длина 165, высота 15 см) и с подлокотниками той же высоты с обеих коротких сторон. Сиденье сделано из одной доски шириной 32 см и толщиной 2 см, а спинка и подлокотники – из трех узких планок той же толщины и шириной 5 см, причем прикрепленных на некотором расстоянии одна от другой.

Гробница 3200. В самом северо-восточном углу ее «двора» найдена повозка, все четыре колеса которой сохранились, так же, как и деревянное «сиденье» (или дно кузова?). Одна пара колес поставлена вплотную к северной стенке «двора». Они и сохранились лучше второй, когда-то свободно стоявшей пары.

Сиденье сделано из досок (0,2 x 0,9 м при толщине 0,20-0,25 см), положенных плашмя параллельно колесам. От четырех досок (общая их ширина – 0,8 м) сохранились следы дерева толщиной около 0,1 см. Для крепления досок «сидения» между собой использованы деревянные, узкие планки шириной 5 см, закреплен-

ные перпендикулярно доскам на расстоянии 40 см одна от другой. Их обнаружено две. Первая находится на расстоянии 25 см от предположительно передней части сиденья. Скорее всего, они были врезаны в массив основных досок, т.к. края планок не возвышаются над плоскостью «сиденья». Расстояние между осями передней и задней пары колес – 1,1 м.

Сиденье повозки находится не в середине между колесами, а сдвинуто ближе к задней оси. Причем, можно уверенно утверждать, что это не связано с разрушением части «сиденья», т.к., при достаточной хорошей сохранности досок, около передней оси не было встречено ни малейшего фрагмента дерева. Сиденье начинается сразу за предположительно передними колесами, а заканчивается за 20 см от конца задних. Оно находится на расстоянии 25 см от плоскости северных колес. При разрушении повозки и падении южных колес – скорее всего, в результате гниения дерева, южная часть сиденья опустилась до высоты 35 см над полом «двора». Северный же его край оказался на высоте 60 см. Исходя из всего сказанного, можно представить себе, что «сиденье» возвышалось над осями и было значительно уже, чем ширина всей повозки.

Поскольку никаких следов дерева или бронзы, кроме описанных, вблизи повозки обнаружено не было, длина оси повозки может быть реконструирована на основе ширины «сиденья» (80 см), расстояния «сиденья» от плоскости стоящих колес (25 см) и предположительной толщины колеса и втулок, как варьирующая от 150 до 160 см.

Все четыре колеса имеют одинаковый диаметр (0,7 м) и сделаны как цельнодеревянные. Деревянные диски получены путем соединения трех деревянных плах толщиной в центре не менее 10 см

и сужающихся до 5 см к краям. Две крайние плахи имеют форму секторов, а центральная – прямоугольная с двумя слегка закругленными краями. Плахи соединены между собой заподлицо. Кроме того, прослеживаются две тонкие (шириной 5 см) крепежные рейки, размещенные поперек всех трех плах. Об их малой толщине свидетельствует тот факт, что их глиняные остовы возвышаются над сохранившейся поверхностью колеса на высоту около 5 см. Это может также говорить и о том, что они были врезаны в массив плах, с целью достижения большей жесткости.

На колесах из погр. 3200 в центре не найдено ни малейшего фрагмента бронзы или какого-либо другого металла, которые могли бы говорить о способе крепления оси. Это свидетельствует в пользу того, что ступица была деревянной. То же показывают и колеса из погр. 3225. На первом, втором и частично на третьем колесах сохранились остовы ступицы из глины. Они – круглые, причем глиняный остов ступицы первого колеса сохранил ход волокон дерева по окружности, что позволяет уверенно говорить, о том, что она была выточена (вырублена?) из куска ствола. С одного бока этой втулки имеется небольшой выступ (шириной 4,5 и длиной 3 см), крепящий ее в массиве продольных волокон средней плахи. С другой стороны втулки такой выступ не обнаружен, но можно предполагать, что он просто не сохранился, т.к. крепление деревянного цилиндра в доске с помощью только одного шипа вряд ли было достаточно прочным.

Втулка имеет уступ. Наружный ее диаметр – 22 см, внутренний – 17 см. Диаметр отверстия для оси – 7 см. Поскольку втулка лучше всего сохранилась на первом колесе, нельзя быть абсолютно уверенным, что она была двусторонней.

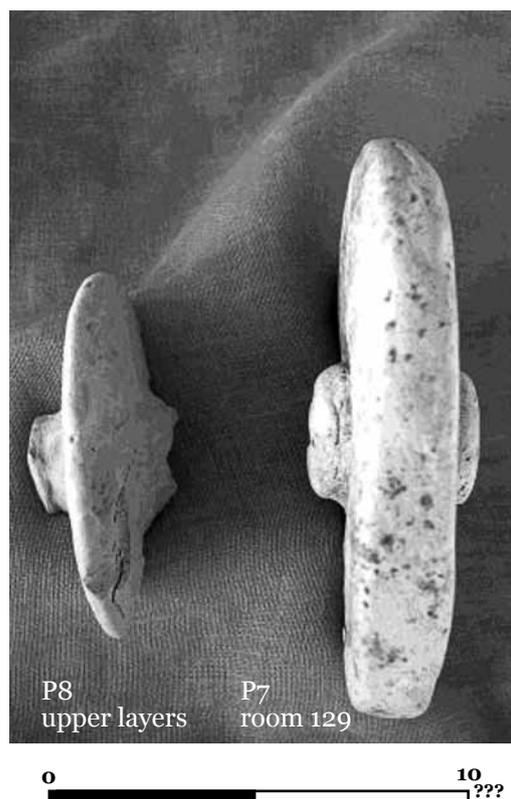

Рис. 3. Модели колес из раскопа 8, верхние слои (слева) и раскопа 7, пом. 129 (справа) [Сарианиди, Дубова, 2010, с. 144-171].

Косвенным подтверждением наличия на колесах двусторонней втулки являются две глиняные модели колес, обнаруженные в помещениях храмов Северного Гонура (рис. 3).

Снаружи колеса, найденные в погр. 3200 и 3225, были обиты бронзовыми ободьями (шинами), состоявшими из шести бронзовых дуг с ушками для крепления бронзовыми заклепками к деревянной основе.

Следы таких же шин имеются и на фрагментах дерева из погр. 3240. Характерно, что ширина шин колес не зависела от их диаметра: и в погр. 3200, и в 3225 она составляла 3 см.

Общая высота обода с ушком в погр. 3200 – 5 см; в 3225 – 11 см, а в 3240 – на одном фрагменте – 10, а на другом – 10,8 см. Длина самого ушка: 3,5 см; 9 см, 8,7

и 9 см соответственно. Ширина ушка: 3, 5 и 6 см. Каждый из шести фрагментов обода имел три ушка. На своих местах сохранилось и большинство бронзовых заклепок. Длина заклепок со шляпками в 3200 – 8 см; а в 3225 – 7,5 см. Толщина стержня на всех колесах – около 1 см, наибольший диаметр шляпки – 1,8 см.

В гробнице 3200 лучше всего сохранились переднее и заднее северные колеса. При погребении они были приклонены к северной же стене «двора», поэтому даже при разрушении осей и других, по-видимому, деревянных и кожаных крепежных элементов повозки, они остались стоять почти в первоначальном положении.

Южное заднее колесо упало плашмя и поэтому сохранилось тоже достаточно хорошо. Именно на нем деревянная плоскость колеса дошла до нас в наиболее полном виде. Четвертое колесо, падая в результате разрушения крепежа (или повреждения грабителями?), разломилось на несколько частей. И если на трех других колесах бронза на ободьях имеет толщину, по-видимому, близкую к первоначальной (около 0,5 см, что под-

тверждается значительно лучше сохранившимися колесами из погр. No 3225), то на этом – она крайне тонкая, представлена мелкими фрагментами. Даже места крепления с заклепками просматриваются с трудом.

Близкие по типу колеса (если не идентичные) существовали в Бактрии, на что указывают сходные бронзовые ободья, встреченные в разграбленных могилах, а также при раскопках ападаны в Сузах» [Pottier, 1984, p. 226: Pl. XLIV, No 326; Mesquenet, 1943, p. 98-99; цит по: Дубова, 2004, с. 277-279].

Гробница 3900. Представляет собой круглый в плане котлован (5,8 × 4,9 м) в непосредственной близости от гробницы 3220 [Сарианиди, 2008; 2010; Дубова, 2004] к западу от нее (рис. 1).

Центральное место на полу котлована (глубина от 2,5 до 2,5 м) занимает четырехколесная повозка. Только одно ее колесо (No 1 или юго-западное; его ось расположена в 160 см от южной стенки котлована) стоит вертикально. Остальные колеса расположены в разных частях котлована. Ось колеса No 2 (юго-восточного) расположена в 104 см

Рис.4. Два звена от бронзовой «шины» повозки из погр.3200. [Дубова, 2004].

от № 1. Между осями колес № 2 и № 3 (северо-восточное) – 135 см. Колесо (№ 4) лежит плашмя на дне котлована, в его северо-западном углу.

Все четыре колеса имеют одинаковый диаметр – 100 см. Устройство колес точно такое же, как и ранее нами было описано в погр. 3225 и 3240 [Дубова, 2004. с. 277–279]: три массивные деревянные плахи, имеющие в центре толщину не менее 10 см и сужающихся до 5 см к краям. Две крайние плахи имеют форму полукруга, а центральная – прямоугольная с двумя слегка закругленными краями. Плахи сделаны из лиственной породы деревьев (по определению М. Тенгберг – ивы: Тенгберг, 2008) и соединены между собой заподлицо. В погр. 3900 ни на одном из колес не прослеживается следов двух тонких крепежных реек, размещенных поперек всех трех плах выше и ниже ступицы. Это не может однозначно свидетельствовать об их отсутствии, т.к. от дерева сохранились лишь следы и, скорее всего, не на всю его толщину (толщина колеса восстанавливается по сравнительным измерениям всех колес).

Все колеса имеют хорошо сохранившиеся бронзовые ободья, ширина которых 5 см (абсолютно идентична колесам из погр. 3200, 3225, 3240), а длина 52 см. Обод каждого колеса состоит из шести фрагментов, каждый с тремя «ушками» (длина 10,5–11 см), закрепленных на массиве колес толстыми бронзовыми заклепками (диаметр шляпки 20 мм), толщина «гвоздя» 10–11 мм.

Колеса 2 и 3 расколоты таким образом, что их массивы развалились на несколько крупных фрагментов. Практически каждый элемент обода лежит отдельно на «своем» куске дерева. Некоторые фрагменты этих колес находятся ниже уровня песчаного пола на 10–15 см.

Стоящее вертикально колесо № 1 однозначно свидетельствует, что ступица была двусторонняя. Она – деревянная и имеет наружный диаметр 20 см, а толщину выступающей части 3,5 см. Внутренний диаметр равен 18 см. Диаметр внутреннего отверстия – 7 см, что также совпадает с данными колес из погр. 3225. Втулка выступает над сохранившимися следами плоскости колеса на 5 см с обеих сторон. Так же, как и в погр. 3225, остов ступицы сохранил ход волокон по окружности дерева, из которого она была сделана, а также небольшие выступы (сохранность следов – очень плохая) с двух ее сторон (шириной 4 и длиной 3 см) для крепления внутри центральной плахи колеса.

Между передними (№ 3, 4) и задними (№ 1, 2) колесами сохранились следы от сидения. Прослеживается 5 досок, положенных вдоль повозки (от передней оси к задней). Каждая из трех досок, уложенных в середине, имеют в ширину 20,5 см, а крайние – по 11 см. Т. о., общая ширина реконструируется в 83,5–84 см. Сохранившаяся длина следов досок – 40 см. Между передней и задними «осями» (точнее – местом их возможного расположения) – 115 см. В отличие от сидения повозки из погр. 3200, в данной могиле можно говорить о том, что сиденье располагалось на всем протяжении повозки (от передней до задней оси), т. к. между колесами 1 и 2 также прослежены следы таких же досок, как и между колесами 3 и 4. Но сохранность этой части сиденья намного хуже: прослеживается не более 15 см по длине. На расстоянии 20 см от северного края сиденья (передняя часть) можно проследить плохо сохранившийся след от поперечной рейки, врезанной в массив продольных досок (ширина 3 см) и придающих жесткость всей конструкции.

Рис. 5. Колесо № 1 повозки из погр. 3900 в процессе расчистки (вид с востока). [Сарианиди, Дубова, 2010, с. 144-171].

Рис. 6. Погр. 3900. Вид на повозку с севера. Передняя (а) и задняя (б) часть сиденья. [Сарианиди, Дубова, 2010, с. 144-171].

Передняя часть сиденья находится на 52 см выше задней в результате разрушения повозки. В центральной части котлована, на которую приходится полностью разрушенная часть сиденья, и на разных уровнях в заполнении, и на полу ямы встречались фрагменты сырцовых кирпичей.

Непосредственно от передней части сиденья начинается след деревянной округлой жерди (диам. 3 см, длина 132 см), которая заканчивается около северо-западной стенки котлована недалеко от черепа осла. Фрагменты второй аналогичной жерди прослежены на длину всего 100 см и располагаются от колеса No 3 до скелета человека 7 над последним, перекрывая скелет верблюда 2. Судя по размерам и расположению жердей, вполне вероятно, что это были оглобли повозки.

В целом обнаруженное средство передвижения может быть реконструировано так, как это представлено на рис. 7.

Не имеется данных для восстановления рамы, на которой крепилось сидение, непонятен пока и способ крепления оглобель. Поскольку никаких бронзовых предметов (и их следов), которые могли бы служить оснасткой конструкции, в погребении не обнаружено, можно предполагать, что использовались кожаные ремни.

На полу могилы, в 40 см к западу от сосуда из семи шаровидных емкостей, стоял бронзовый светильник на конической подставке, практически такой же, как был найден в погр. 3200.

Колесо No 4 повозки и ее оглобли были перекрыты костяками людей и нескольких животных».

<.....>«Последовательность погребения и заполнения могильной ямы может быть восстановлена следующим образом. Положение колес повозки, следов сиде-

нья и их обломков говорит о том, что повозка была в целом состоянии сброшена сверху на пол котлована, причем первой среди всех других предметов и тел. Учитывая ее размеры и общий большой вес, при ударе о землю колеса треснули и развалились, а колесо No 4 оторвалось от своей (передней?) оси и отскочило, упав плашмя в северо-западный угол еще пустого котлована. Затем сверху повозки в котлован были спущены верблюды (один с западной, а второй – с северной стенок), затем ослы (и первый, и второй, скорее всего, с северо-западного угла или с северной стенки). Видимо, в это же время с южной, восточной и юго-восточной сторон котлована были положены каменные посохи, а также керамические сосуды (первый и второй), а также спущены тела двух человек: одного с южной стенки (No 3, 35–45 лет), а второго – с северной (No 2, 20–25 лет). Эти покойники явно были именно спущены, а не сброшены сверху или уложены кем-то находившимся внутри котлована. Их обоих спускали ногами вперед. Телу «южного» человека даже постарались придать стандартное положение: на правом боку, ноги согнуты в коленях. «Северный» же костяк явно завалился со стенки вперед, хотя, скорее всего, его также пытались уложить на стенке аналогично «южному». Видимо, вскоре или в то же время тело еще одного мужчины (No 5, 25–45 лет) положили рядом с серым посохом так, что его колени оказались на керамическом сосуде с пальчиковым орнаментом. Поскольку сверху этот костяк перекрывается большим бронзовым котлом, судить о том, как останки человека были помещены в яму, пока (до снятия после консервации бронзы) невозможно.

Надо подчеркнуть то, что котел также был сброшен в яму. Причем с применением значительного усилия. Об этом

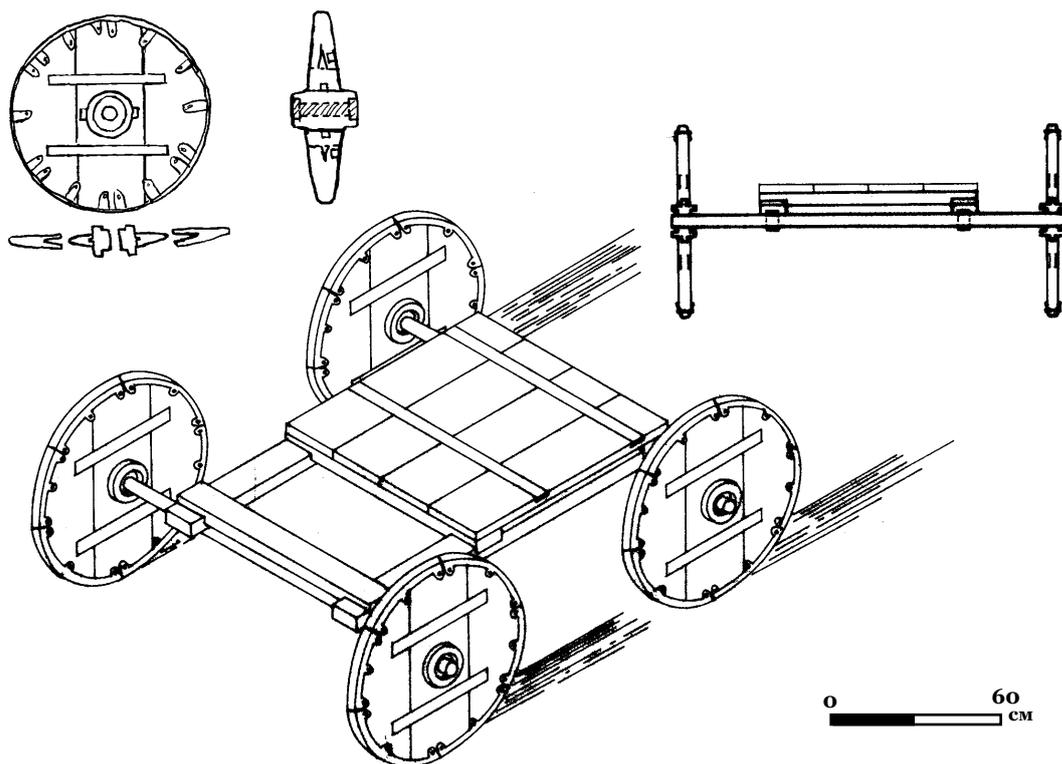
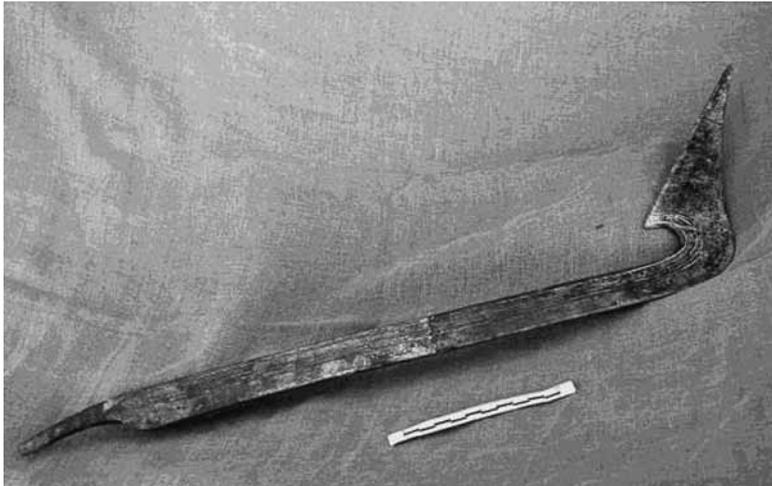

Рис. 7. Реконструкция колеса и повозки из погр. 3200. [Сарианиди, Дубова, 2010, с. 144-171].

свидетельствуют и имеющиеся на котле деформации, которые ни в коей мере не могли иметь место в результате давления заполнившего котлован грунта, а еще более красноречиво – тот факт, что серый толстый посох (диаметром на концах 5 и 7 см) раскололся на три части. С одной стороны, пустой, даже столь большого объема котел вряд ли бы сломал толстый каменный посох. Дно котла, на которое он упал, не имеет значительной вмятины, которая неизбежна при падении пустой металлической емкости. Но, с другой стороны, в погребении No 3880 аналогичный посох из серого камня был достаточно аккуратно распилен на две части, т.е. сознательно поврежден перед помещением его в могилу. Поскольку положение фрагментов посоха, уходящих одним своим концом вглубь песчаного пола котлована, говорит

о том, что поверх лежащего камня котел все же упал с некоторой высоты, – наиболее вероятно, что посох был разрушен не упавшим на него котлом, а был фрагментирован заранее. Важно, что котел, так же, как повозка и собаки, занимает доминирующее положение на полу котлована. По всей видимости, он был сброшен на пол рядом с повозкой одним из последних, т. е. после помещения там всех убитых рабов (слуг?), ослов, верблюдов и, возможно, вместе с собаками.

Видимо, одновременно с двумя керамическими сосудами в котловане были размещены бронзовый светильник на конусовидной подставке и бронзовый сосуд, состоящий из семи шарообразных емкостей. Подставка сосуда из семи «шариков» деформирована достаточно неопределенно. Поэтому вряд ли имеются особые основания говорить о том, что

Гонур-тепе.
Царский
некрополь.
Погребение
3130. «Гар-
пуны» [Ду-
бова, 2004,
с. 260].

маргушцы, совершавшие захоронение, планировали поставить его в могильной яме вертикально. Скорее всего, его положение не имело принципиального значения. Главным было, чтобы сосуд присутствовал среди погребального инвентаря. Но светильник, как и в случае с гробницей 3200, где их было найдено два, стоял вертикально, говоря о готовности к зажиганию огня на нём.

После помещения останков людей около северной, южной стенок и на востоке (под бронзовым котлом), или одновременно с этим, еще 4 человека были сброшены уже совсем неаккуратно около северо-западного угла котлована. Положение их черепов, конечностей и позвоночных ствов свидетельствует, что умерщвленных заранее людей брали за головы и ноги и, слегка раскачав, бросали в могилу. Подчеркнем, что во всех случаях в этой могиле, так же, как и в других котлованах (3225

и 3240) и царских гробницах (3200, 3230, 3220), где это возможно было определить, люди, скорее всего, были отравлены ядом (или задушены), т.к. никаких следов применения оружия не зафиксировано. Только после людей в том же северо-западном углу на тело положенного ранее осла (No 1) были спущены две, также убитые заранее, собаки (NoNo 6 и 7). Одна вслед за другой. На скелет осла No 2 были помещены также две собаки (NoNo 3 и 4).

Тела собак No 2 и 8 около восточной стенки, а также No 5 около западной, прислонены к стенкам, но конечности их лежат на полу. Они могли быть размещены таким образом в разное время, но явно после каменных посохов. Можно предположить, что захоронение проводилось несколькими группами людей, в обязанности каждой из которых входили разные процедуры: одни могли спускать в котлован тела умерщвлен-

ных ранее животных, людей, другие – погребальный инвентарь, третьи совершать ритуалы по умерщвлению и т. д.

После совершения погребения всего перечисленного котлован был засыпан чистым песком до высоты 2 м. На этом уровне в западной части был устроен костер, рядом с ним какое-то небольшое сооружение из сырцовых кирпичей, а около восточной стенки котлована устроено ямное захоронение еще одной (восьмой по счету) собаки. Ни это погребение, ни расположенные на 2 м глубже него костяки тех же животных не были расположены случайно. Собаки, похороненные около стен на полу (Но 2 и 8), помещаются как бы с боков собаки Но 1 и образуют между собой нечто наподобие вертикально стоящего треугольника, в вершине которого и погребено это, выше всех расположенное животное». [Сарианиди, Дубова, 2010, с. 144-171].

Погребение 3130. Циста, сложенная из сырцовых кирпичей, имела размеры 230 на 125 см, глубиной всего 25 см. Содержала три костяка баранов: двух взрослых особей и ягненка, 8 керамических, 2 цилиндрических бронзовых сосуда, в одном из которых находился фаянсовый косметический флакон. Дополняют погребальные приношения этим животным 3 кремневых наконечника стрел, положенные в один из сосудов. Сверху на богатый набор бронзовых предметов положены куски мяса молодого верблюда.

За спиной северного барана положено несколько бронзовых предметов: косметический флакон с бронзовым аппликатором внутри, большой кинжал, зеркало, а самое главное – два так называемых «гарпуна». Один – размером 49 см с серебряной рукояткой, а второй – с острым концом и длиной 65 см.

«Гарпуны» этого типа известны в Египте, Библе и Сиро-Палестине, а также в Эламе и Бактрии. Оба «гарпуна» из погребения 3130 были тщательно завернуты в ткань, о чем свидетельствуют отпечатки ее, сохранившиеся благодаря окислам меди. Хотя назначение подобных «гарпунов» с точностью неизвестно, уже были отмечены подобные предметы в руках царей и богов на изображениях месопотамской глиптики [Дубова, 2004, с. 260].

Обсуждение и анализ: из приведенных выше описаний авторов раскопок достоверно о конструкции кузовов найденных телег возможно говорить только по фрагментарно сохранившимся остаткам дерева в погребениях 3200 и 3900, причем в первом случае повозку закатывали во «двор» гробницы, а во втором случае – сбрасывали на дно с высоты более 2-х метров.

Предположение о том, что ее конструкция при падении могла разрушиться, маловероятно, поскольку в процессе своей эксплуатации она должна была выдерживать гораздо большие нагрузки. Допускаю поломку оси и отрыв колеса при падении, но не разрушение кузова. Это обстоятельство представляется важным, поскольку при расчистке и первой и второй телег зафиксированы существенные различия высоты фиксации верхних краев предполагаемых «сидений» от настила или рамы повозки в районе одной из осей для каждой повозки.

Так, у повозки из гробницы 3200 оно возвышается на 60 см, а у другой повозки (из могилы 3900) – на полметра. Не слишком ли высокое и неудобное сиденье для повозки, общая длина кузова которой едва превышает один метр, а ширина платформы (расстояние между колесами) – чуть больше 80 см? (расстояние между осями

в первом случае 1,1 м, во втором – 1,15 м). Высота подобных сидений на синхронных новотиторских телегах, например, не превышает 30 см, при значительно больших габаритах самой телеги.

Вполне возможно, что рассматриваемые кузова гонурских телег были снабжены высоким защитным передком над передней осью и принадлежали к типу ближневосточных «боевых телег», запечатленных на известном мозаичном панно «Штандарт из Ура». Впрочем, четырехколесные боевые телеги с высоким передком, равно как и повозки с сиденьем, употреблялись в течение всего 3 тыс. до н.э. и в Шумере, и в Эламе [Littauer, Crouwel, 1979]. С практической точки зрения, универсальное использование высокого передка-сидения вполне допустимо в случае боевой угрозы – как защитного устройства, а при транспортировке – как сиденья. Телеги с высоким передком и низкими бортами известны и в Анатолии (Алакахююк; см. соотв. раздел этой книги). Судя по габаритам раскопанных в Гонуре телег, они разрабатывались как «боевые телеги» для экипажа из одного-двух человек, стоящих и сидящих на платформе, аналогично изображению на бактрийском серебряном сосуде (рис. 81).

Конструкция кузова разобранной телеги из могилы 3225 представлена не «сиденьем» в виде узкой доски, а скорее – крайним фрагментом настила основной рамы обычной открытой телеги «платформенного» типа с невысоким боковым бортиком (высотой до 5 см), если судить по размерам этой детали. Вполне допустимо замещение всего кузова его значимой частью по известному в древности принципу. Вместе с тем, расположение такого «сидения» вдоль длинной оси кузова повозки также вполне возможно, судя по изображению телеги из Кулджабасы. (см. далее).

Упряжные животные: независимо от формы кузова, ясно, что это была слишком тяжелая для пары или четверки эквидов повозка. Различные эквиды – ослы и полуослы – широко применялись в синхронных ближневосточных запряжках. Материалы Гонур-тепе позволяют предполагать возможность запряжки пары ослов (погребение 3900), но их совместного тяглового усилия вряд ли было достаточно для эффективной эксплуатации такой тяжелой телеги. Лошади также должны быть исключены из списка упряжных животных, поскольку в остеологических материалах памятника найдено только восемь особей лошадей при более 3-х тысячах раскопанных погребений – и это при том, что поголовье лошадей в степных (Ботай) памятниках насчитывает сотни, если не тысячи голов. Наиболее приемлемыми кандидатами на роль гонурских упряжных животных являются быки (волы) и верблюды. При этом, костей быков не обнаружено в погребениях с повозками, но они достаточно широко представлены в остеологических материалах, происходящих из жертвенных печей, и – напротив: целые скелеты двугорбых верблюдов-бактрианов найдены в захоронениях с повозками [Сатаев, 2008, с. 144-145; 138-160].

Так, в погребении 3200 найдены скелеты жеребенка, верблюда, собаки и баранов; в погребении 3225 – двух верблюдов (старого и молодого, у старого между горбами зафиксированы остатки «сидения») – и рога степной антилопы-джейрана; в погребении 3900 – скелеты двух ослов, двух верблюдов и восьми собак. Таким образом, верблюд или пара верблюдов – наиболее вероятные упряжные животные гонурских телег.

Способ передачи тяглового усилия: найденные в погребении 3900 фрагменты двух жердей длиной 100 и

132 см, предполагаемые «оглобли» телеги, – слишком короткие, чтобы быть таковыми. Конечно, возможно, это только их части, сохранившиеся до наших дней фрагменты. В других могилах с телегами никаких других приспособлений для передачи тяглового усилия от упряжных животных к телеге не зафиксировано, что дало основание авторам раскопок предполагать использование кожаных ремней и веревок. Это предположение справедливо, если вспомнить данные индоарийских письменных источников (см. соотв. раздел этой книги), которые упоминают о креплении ремнями неподвижных осей к кузову повозки и о сложном или «А»-образном, состав-

ном дышле, скрепленном веревками и ремнями. Если судить по данным этих источников, то вариантов передачи тяглового усилия упряжных животных (быков) могло быть много, и все они предполагают использование сырмятных ремней и веревок.

В случае с гонурской телегой вероятно использование одного упряжного животного – сильного и выносливого верблюда – и применение инновационной комбинации коротких оглобель и кожаных ремней. Известная глиняная модель телеги со скульптурным навершием (протомой) одного верблюда из Анау-тепе косвенно это подтверждает. Возможно, зафиксированные в могиле 3225 остатки

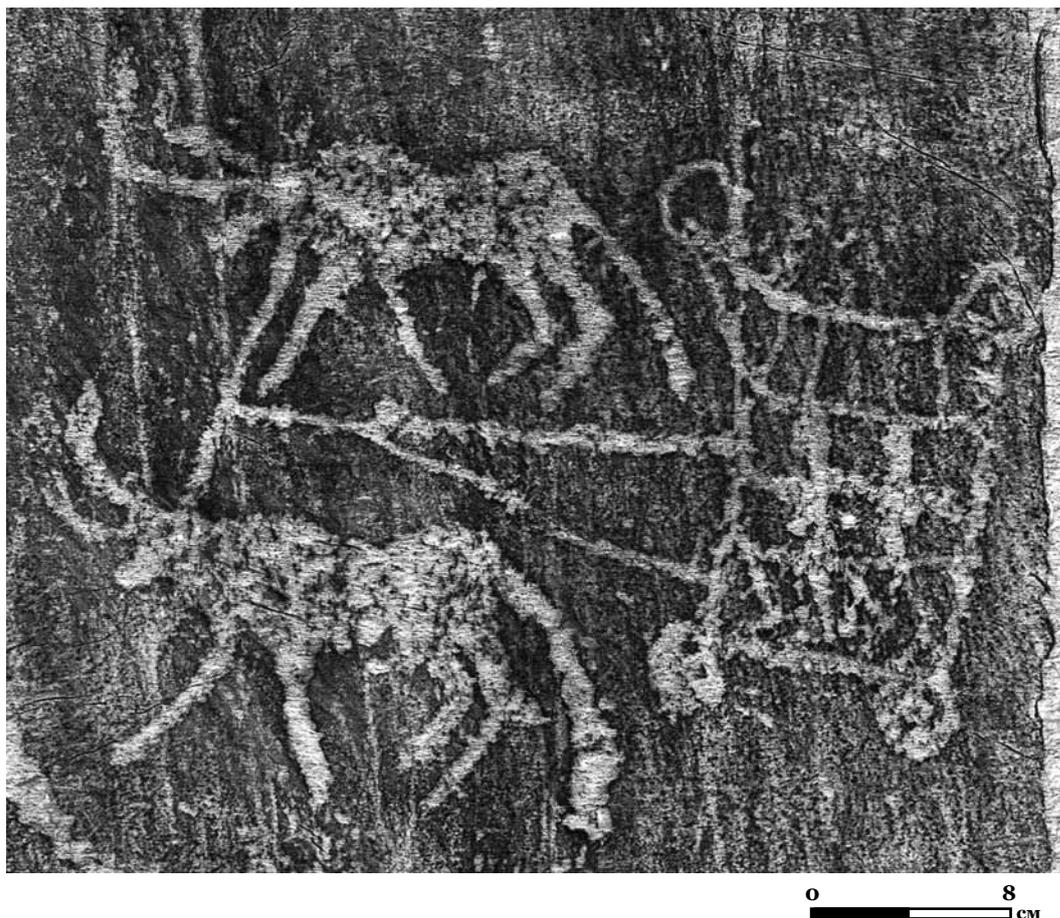

Рис. 8. Южный Казахстан. Кулджабасы. Фото с микалентной копии. «Профильное» изображение крытой телеги. Общий размер изображения чуть больше 30 см в длину, расстояние между нижними колесами – 8 см.

«седла» между горбами взрослого верблюда – есть остатки приспособления наподобие ярм-рогатов у лошадей, к которому крепились ремнями эти «оглобли».

Не исключено использование коротких «оглобель» в виде «А»-образного короткого дышла, к которому посредством ремней запрягалась пара упряжных животных. В таком случае это дышло могло иметь форму латинской буквы «У», аналогичную показанной на серебряном бактрийском сосуде и часто встречающуюся в петроглифах с повозками Центральной Азии. Вместе с тем, эти жерди (если предположить, что они были в действительности длиннее, чем зафиксированные в могиле фрагменты) могли связываться между собой ремнями и в виде буквы «Т»; в этом случае – это центральное тяговое дышло для пары верблюдов, именно такое, какое показано на байконурских телегах (см. типологию телег).

Северные изобразительные памятники (петроглифы), происходящие из степных и полупустынных районов Казахстана и Узбекистана – Байконур, Каратау, Тамгалы, Кулжабасы, Сармышсай, Букантау – свидетельствуют о развитом культе верблюда в этих районах (наряду с культом лошади) и демонстрируют разные способы запряжки в телеги как пары, так и одного верблюда. В последнем случае выделен комбинированный способ запряжки телег.

А.Е. Рогожинский выделяет ряд сюжетов, запечатленных на скалах южных казахстанских петроглифических памятников, сходных с материалами гонурских погребений, и приводит множество зафиксированных в петроглифах таких соответствий [Рогожинский, 2011, с. 87-99].

Остановлюсь еще на одном важном наблюдении В.И. Сарияниди, высказанном по поводу конструкции гонурских

телег [Сарияниди, 2008, с. 168]. Описывая находки в гробнице 3200, автор обращает внимание на три изящные фигурки соколов, и на основании находки одной из них в непосредственной близости от установленной там телеги, предполагает, что они могли украшать, например, балдахин этой повозки. Крытые телеги – не редкость в этот период, и наличие легкой защиты от палящих лучей солнца – настоятельная необходимость в тех местах.

Приведу в этой связи недавно найденное в горах Кулджабасы (Южный Казахстан) изображение четырехколесной телеги, запряженной парой быков [Сала, Деом, 2005, рис. 9]. Авторскую микалентную копию этого изображения мне любезно передал А.Е. Рогожинский (рис. 8).

Как видно на иллюстрациях, упряжные животные – пара быков – показаны в позиции «одно над другим», телега снабжена «А»-образным дышлом и, казалось бы, сама телега изображена в стандартной «плановой» проекции, о чем свидетельствуют «колеса» в верхней части изображения. Однако при ближайшем рассмотрении колес этой повозки выясняется, что нижние колеса выполнены сплошной выбивкой, а верхняя пара передана контурной линией и расположена слишком далеко от кузова телеги. В повозке сидят два человека, изображенные боком по ходу движения повозки, о чем свидетельствуют показанные ступни их ног. Получается, что манера изображения и общий ракурс повозки свидетельствуют о «профильном» изображении крытой легким тентом телеги с круглыми наверхиями. В целом, данное изображение сильно напоминает фургон, запряженный быками, на Знаменской стеле в Минусинской котловине. Возможно, на скалах Кулджабасы за-

Рис. 9. Южный Казахстан. Кулджабасы. Фото плоскости 362 и повозки. [Сала, Деом, 2005, с. 91, рис. 7.7; Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 372].

печатлен еще один образец распространения ближневосточной, профильной манеры изображения повозок в Центральной Азии.

Возвращаясь к гонурским телегам, выделю основные особенности погребального обряда, с ними связанного:

- структурно гонурский погребальный обряд с повозками значительно совпадает по самым основным позициям с выделенным в петроглифах «изобразительным рядом» (совместные захоронения собак, рогов джейрана);
- имеет структурные аналогии в синхронных погребениях с повозками из северных, степных регионов (ранний этап новотиторовской культуры);
- совершенно определенно выделяются две разные погребальные традиции: установка целой телеги в могилу (3200, 3900) и размещение ее в разобранном виде – «иммитация» погребения повозки (3225);
- явная элитарность этих погребений;
- выкладка стенок могилы сырцовыми кирпичами, устройство различных глиняных площадок и поминальных костров;
- человеческие жертвоприношения;
- погребения сопровождаются культовыми бронзовыми жертвенными сосудами – устойчивая традиция их изготовления;
- развитый культ собаки;
- зарождающийся культ лошади;
- культ рыбы (найлены удивительные расписанные красной краской фигурки рыб);
- наличие «атрибутов власти» – сломанных каменных посохов, каменных дисков, скипетров (булав-дубинок), «гарпунов»;
- наличие специальных сигнальных труб (для обучения лошадей?);

- поразительное сходство сопроводительного инвентаря, позднее определенное как колесничный комплекс вооружения, а именно: многочисленных кремневых и костяных наконечников стрел; «Г»-образных бронзовых предметов – «гарпунов»-стрекал (возможно, такие предметы стали прообразом крюков-багров мог. Ащису); костяных удлиненных пластинок с отверстиями по краям от защитного панциря (Каменный Амбар, Ростовка) – в гонурских материалах эти пластины сделаны из слоновой кости и богато орнаментированы; декорированных топоров и ручек кинжалов.

Все элементы перечисленного выше «джентльменского» набора находят свое развитие и поразительные аналогии в степных раннеандроновских колесничных погребениях урало-казахстанских степей, описанных в 3-й главе этой книги.

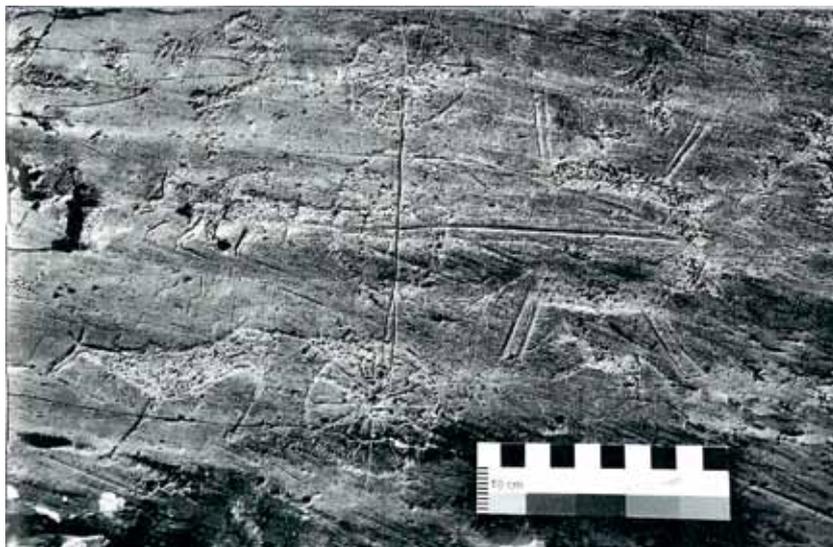
Выявленный факт сходства может свидетельствовать о мощном южном инновационном импульсе, в рамках туранского коммуникативного канала, который имел место в самые последние века третьего тыс. до н.э. и оказал существенное влияние на культуругенез андроновской КИО, обусловив ее отличие от синхронных абашевской и срубных общностей, развивавшихся до этой поры на единой ямно-афанасьевской культурной основе.

Таким образом, в урало-казахстанских степях произошло соединение потомков северной и южной ветвей мигрантов «первой волны», имевших, очевидно, общую прародину на Севере Месопотамии или в Анатолии в самом начале третьего тысячелетия до н.э., которые, несомненно, уже изменились и в культурном, и языковом плане с тех пор, впитав в себя многие традиции и обычаи аборигенных социумов через своих местных жен.

Рис. 9. Горный Алтай. Елангаш. Фото. [Черемисин, 2011, с. 146-160].

Рис. 10. Горный Алтай. Елангаш. Фото. [Черемисин, 2011, с. 146-160].

Симбиоз самых передовых для того времени инноваций, а именно: успехи в одомашнивании лошади; прогресс в разработке систем конского оголовья; технология втульчатого литья бронзового вооружения (Сейма-Турбино); передовые навыки изготовления колесных повозок – случившийся в урало-казахстанских степях на рубеже третьего и второго тысячелетий до н.э., привел к изобретению боевой колесницы, и она стала мощным «коммуникатором», при помощи кото-

рого раннеандроновские кланы смогли обеспечить свою значительную территориальную экспансию.

Появление в урало-казахстанских степях таких ярких памятников, как Аркаим и Синташта, – очевидный результат такого взаимодействия.

Уже в 19-18 вв. до н. э., за тысячи километров от основного ядра сложения андроновской КИО, далеко на юге – в Зардчхалифе (элитное погребение с псалиями и колесницей) – и в земледельческих

оазисах БМАК, фиксируется активное проникновение степняков и возникают целые андроновские поселения вокруг этих оазисов – например, Тахирбай [см.: Порпола, 2006, с. 184-188; Бабомуллоев, 1998; Gubaev, Koshelenko, Tosì, 1998]. Возможно, что большой пожар в гонурском кремле 19 (18) в. до н.э. также связан с этой раннеандроновской экспансией.

Эпоха колесниц (2-1 тыс. до н.э.)

Стремительный прогресс цифровой фототехники, активное использование новых материалов для копирования петроглифов со скал существенным образом повышают качество современных копий наскальных изображений и приводят к ревизии уже опубликованных, вошедших в научный оборот изображений колесниц. По этой причине далее приведу в этом разделе серию новых фотографических изображений колесниц и их прорисовок.

Кроме указанного выше обстоятельства, прогресс в технике копирования со скал в последние годы выявил целую серию не замечавшихся ранее исследователями миниатюрных изображений колесниц, выпол-

ненных на скалах очень тонкими резными линиями в технике «граффити». Размеры таких изображений порой не превышают и 10 см; обнаружена уже значительная серия таких петроглифов на Алтае, в Ешкиольмес (долина р. Коксу, Южный Казахстан) и на Памире [Черемисин, 2007; 2011, с. 146-160; Миклашевич, Мухарева, 2011, с. 233-246; Сала, Деом, 2005, с. 122, рис. 10.8-9; Самашев, Чжан Со Хо, Боковенко, Мургабаев, 2011; Rapov, 2001].

Д. В. Черемисин зафиксировал представительную серию подобных изображений по берегам алтайских рек Елангаш и Чаган [2007]. Автор отмечает многочисленные случаи сочетания техники гравировки и точечной выбивки. При этом мелкие и существенные детали колесницы часто переданы тонкими резными линиями. Автор убежден, что такому сложному для выбивки изображению, как колесница, предшествовал гравированный эскиз.

В Елангаше, в самом маленьком изображении колесницы, древний автор приспособил круглое естественное углубление в скале и, приняв его за ось, изобразил вокруг гравированный эскиз ко-

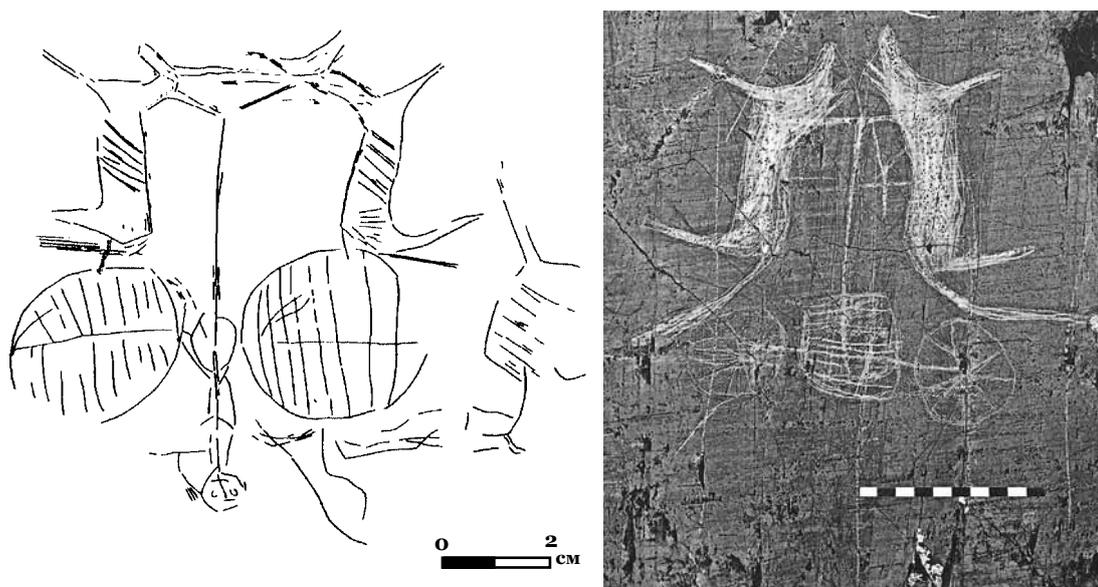

Рис. 11-12. Горный Алтай. Чаган. Прорисовка (11) и фото с современными подновлениями (12). [Черемисин, 2011, с. 146-160].

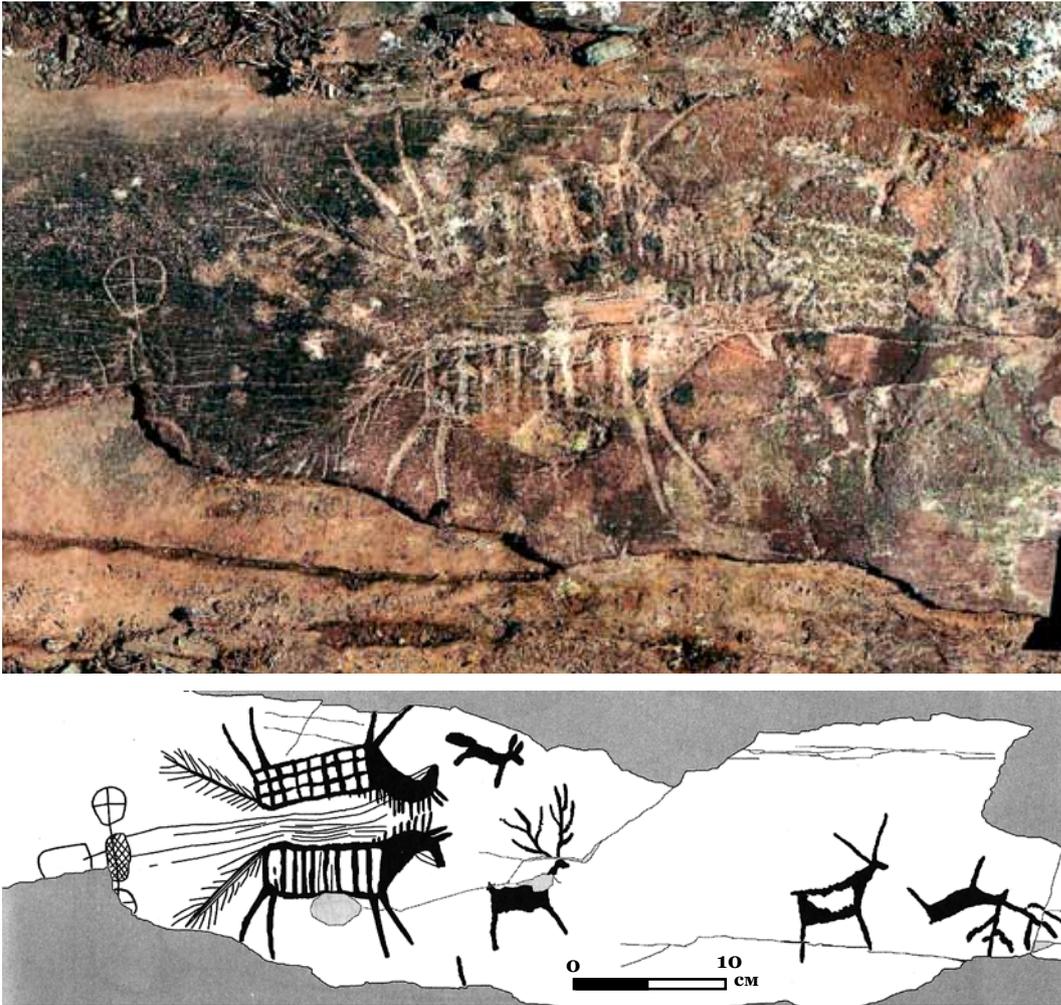

Рис. 13. Горный Алтай. Калбак-Таш. Фото и прорисовка после удаления лишайников. [Миклашевич, Мухарева, 2011, с. 233-246].

лесницы, а потом проработал точечной выбивкой фигуры лошадей (рис. 9). В сходной манере выполнено и другое миниатюрное изображение колесницы на этом памятнике (рис. 10).

На скалах по берегам р. Чаган подобные изображения сохранились в первоначальном (рис. 11) или сильно подновленном современными «соавторами» виде (рис.12) [Черемисин, 2011, с.148-150].

На другом известном алтайском памятнике – Калбак-таше [Кубарев, 2010; Kubarev, Jacobson, 2006] в результате работ по расчистке изображений от лишайников в 7-й группе памятника выше плоскостей с колесницами 398-406 обнаруже-

но уникальное изображение колесницы, выполненное сочетанием техник точечной выбивки, гравировки и шлифовки (рис. 13). Тонкими гравированными линиями показаны сетка платформы, хвосты коней, поводья. Выразительно показаны гривы и уши лошадей. Но главная особенность этого изображения – необычное заполнение туловищ упряжных коней: в одном случае – это «клетка», а у второй лошади – это параллельные вертикальные полосы [Миклашевич, Мухарева, 2011, с. 233-246].

В Ешкиольмесе также известны подобные миниатюрные изображения колесниц (рис. 14-16):

Рис. 14. Южный Казахстан. Ешкиольмес. Плоскость 177. Фото и прорисовка [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 238].

0 10 см

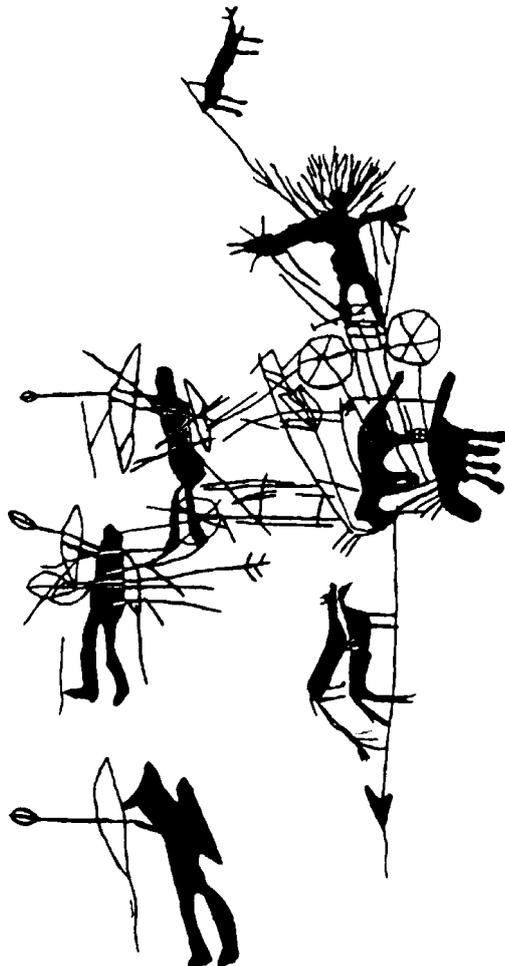

Рис. 15. Южный Казахстан. Ешкиольмес. Плоскость 177. Фото и прорисовка [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 239].

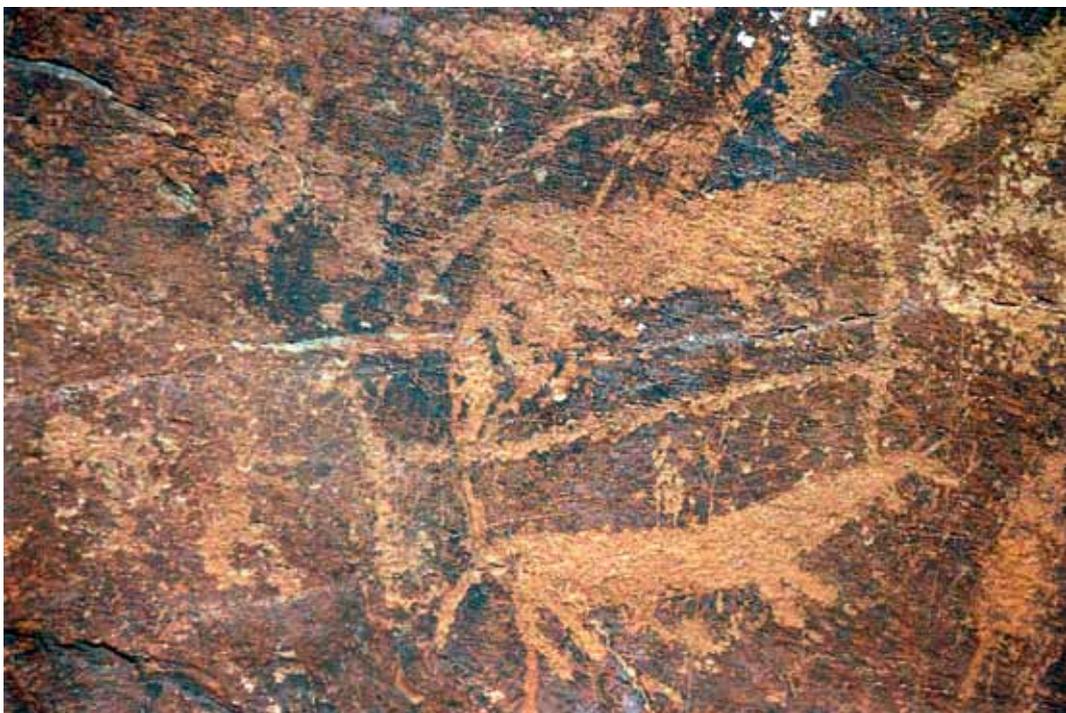

Рис. 16. Южный Казахстан. Ешкиольмес. Плоскость 202. Фото. Фрагменты. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 254].

Рис. 16А. Южный Казахстан. Ешкиольмес. Плоскость 202. Прорисовка. Фрагмент. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 255].

Изображения колесниц из Южного Казахстана

Рис. 17. Южный Казахстан. Тамгалы. Фото.[Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 315].

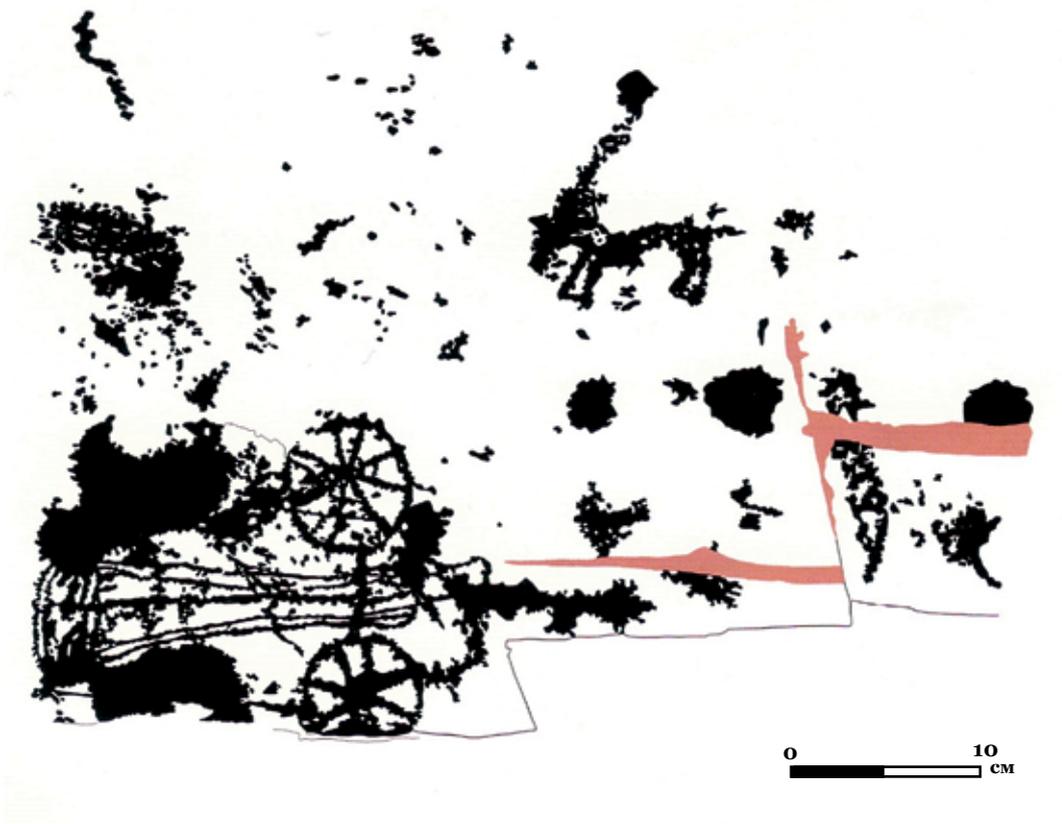

Рис.18. Южный Казахстан. Кулжабасы. Плоскость 323. Фото и прорисовка. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 340].

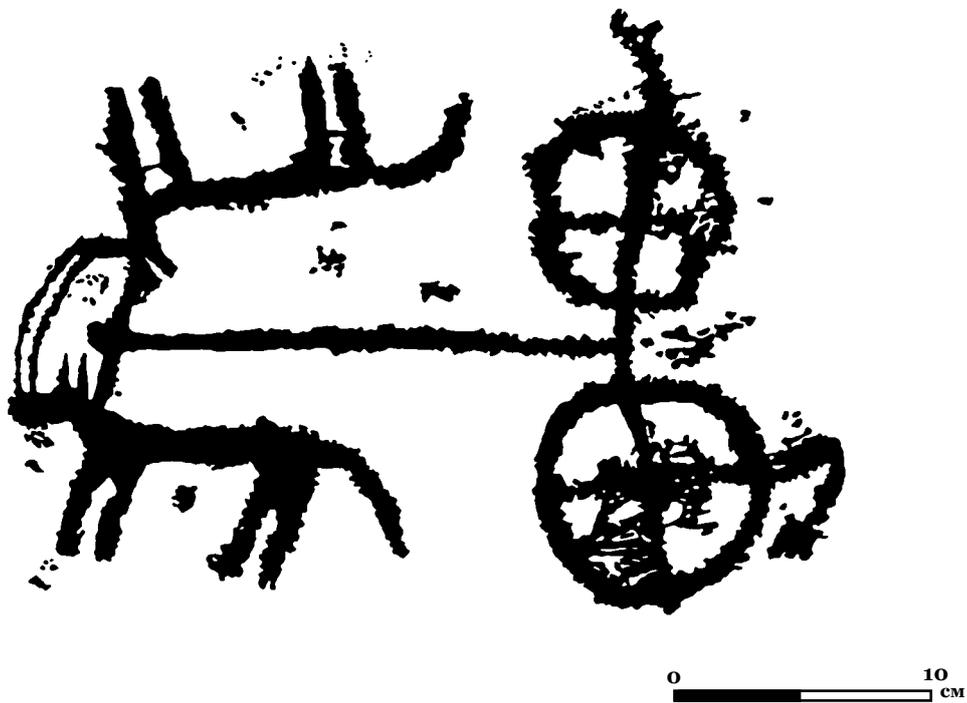

Рис. 19. Южный Казахстан. Кулжабасы. Плоскость 326. Фото и прорисовка.[Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 342].

Рис. 20. Южный Казахстан. Кулжабасы. Плоскость 327. Фото и прорисовка. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 343].

Рис. 21. Южный Казахстан. Кулжабасы. Плоскость 329. Фото и прорисовка. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 346].

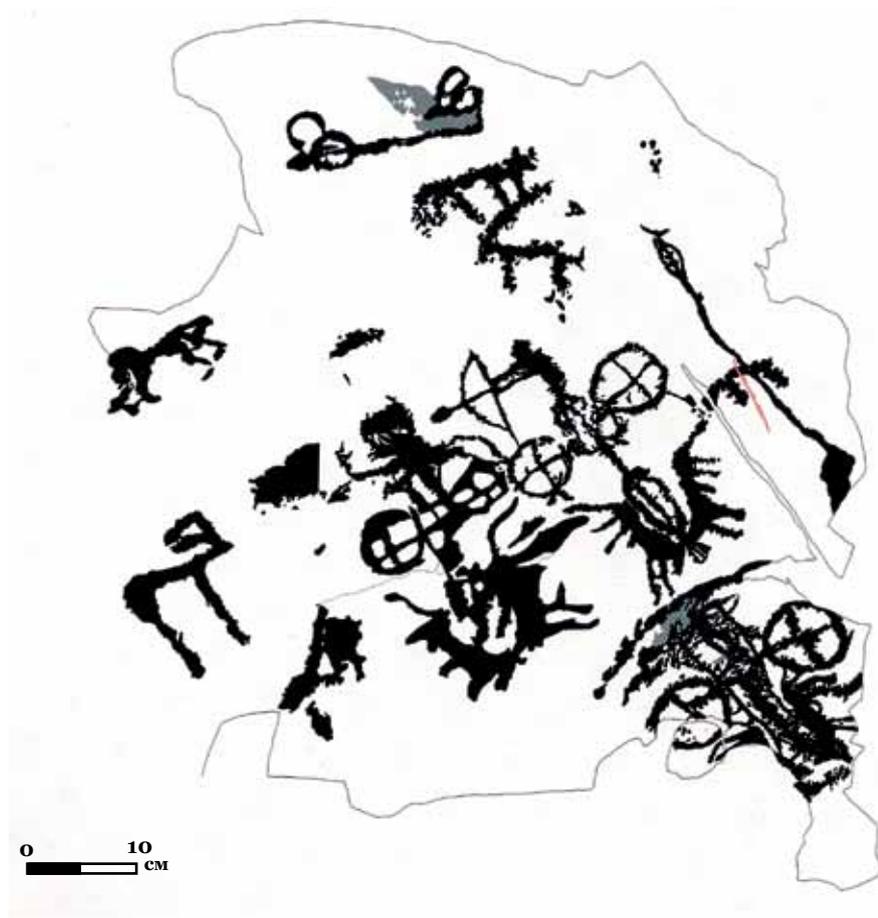

Рис. 22. Южный Казахстан. Хребет Каратау. Арпаузен. Фото и прорисовка. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 420].

Рис.23. Южный Казахстан. Хребет Каратау. Арпаузен. Фото и прорисовка. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 421].

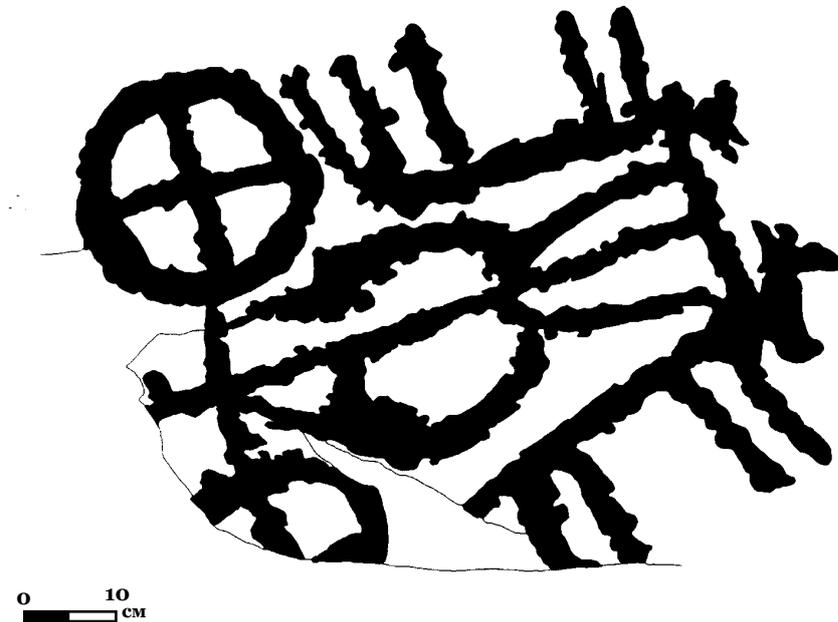

Рис. 24. Южный Казахстан. Хребет Каратау. Арпаузен. Фото и прорисовка. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 423].

Изображения колесниц из Восточного Казахстана

Рис. 25. Восточный Казахстан. Грот Акбаур. Фото. Вид внутри грота и двуколка. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 71, 115].

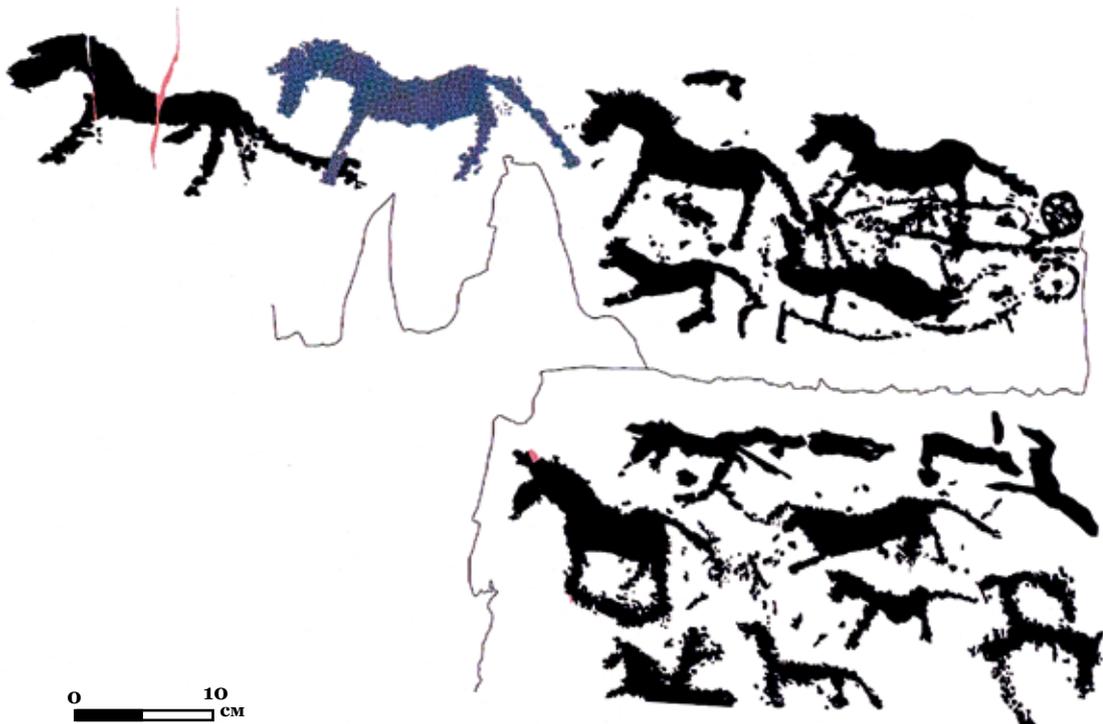
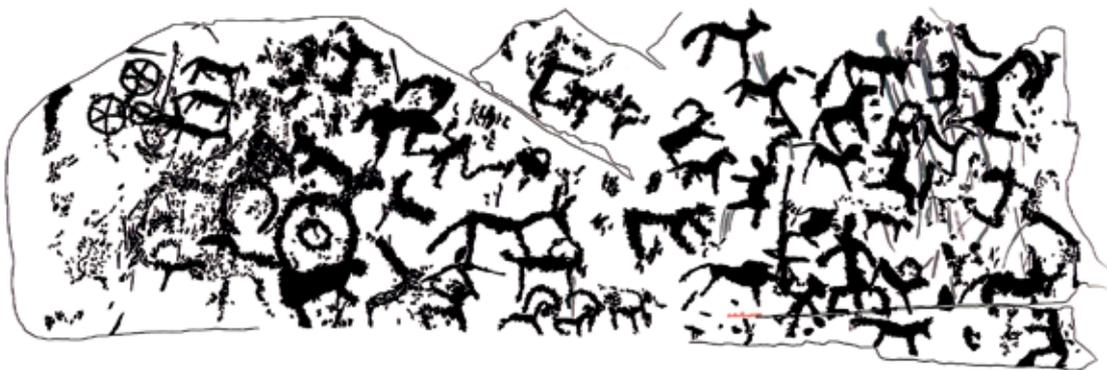

Рис. 26. Восточный Казахстан. Мойнак. Плоскость 33. Фото (фрагмент) и прорисовка плоскости. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 134].

0 10
CM

Рис. 27. Восточный Казахстан. Мойнак. Плоскость 37. Фото и прорисовки. Фрагмент – колеса с вертикально стоящим копьём. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 138-139].

Рис. 28. Восточный Казахстан. Доланалы. Фото и прорисовка. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 159].

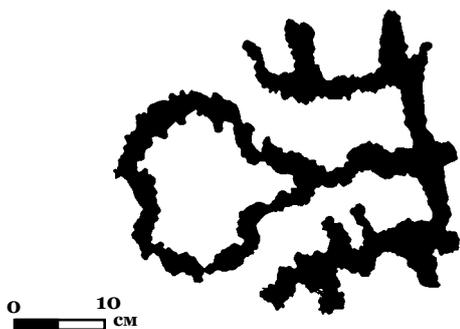

Рис. 29. Восточный Казахстан. Тулькуне. Фото и прорисовка. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 174].

Новые находки колесничных петроглифов из Тувы

Обзор новых находок изображений колесниц из Тувы опубликован М.Е.Килуновской [2011, с.44-53]. Автор приводит данные о 25 изображениях известных в регионе повозок и описывает вновь найденные композиции с колесницами (рис. 30).

«Каменный компас» (Устю-Мозага) на большой отдельно лежащей горизонтальной скале, на левом берегу Чинге, у подножия горы Устю-

Мозага, обнаружена большая многофигурная композиция с участием 3-х колесниц [Дэвлет, 2004]. Одна колесница выбита на отделенном трещиной участке камня (рис.31:1). У колесницы показано изогнутое ярмо и очень схематично выбитая лошадь. Рядом – пара козлов и три знака в виде конских копыт [Килуновская, 2011, с. 47].

Догээ – на юго-западной плоскости большого валуна, расположенного рядом с горой Догээ [Килуновская, 2007], обнаружена многофигурная компози-

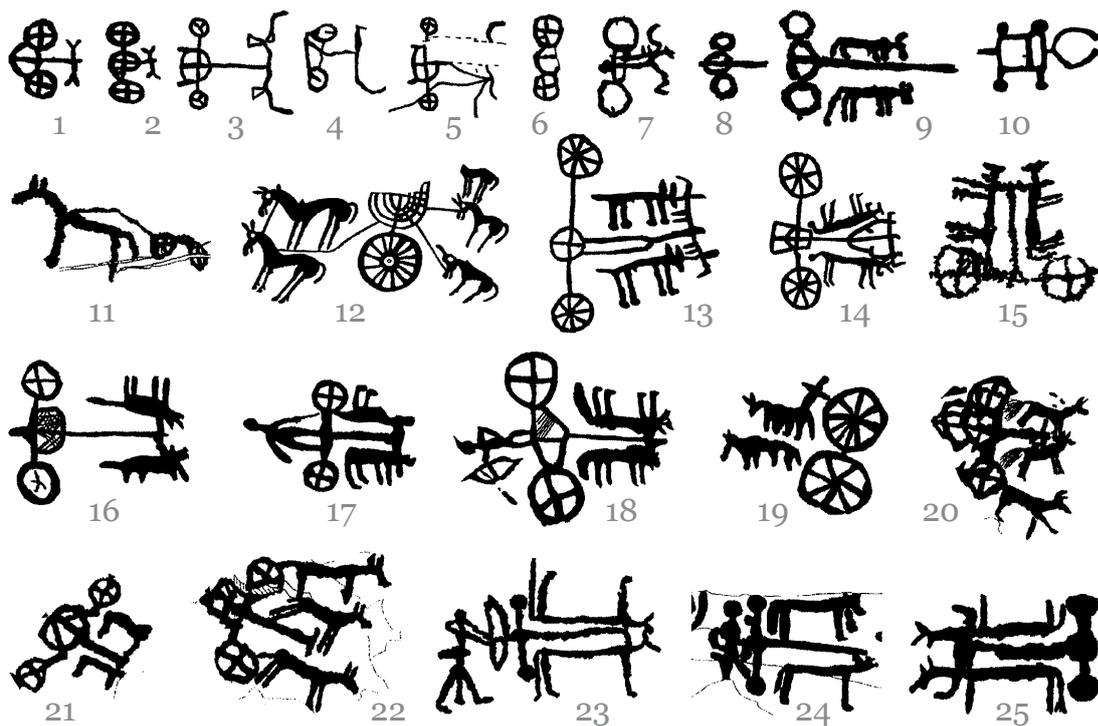

Рис. 30. Тува. Изображения колесниц: 1,2,10 – Мугур-Саргол; 3-6-Ортаа-Саргол; 7, 16-18-«Каменный компас»; 8,9 – Догээ; 11,13,14 – Алды-Мозага (левый берег Чинге); 12 – Аржан 2; 15 – Сын-Чурек; 19 – Устю-Мозага; 20-22-Моргук; 23-25 – Чайлаг -Хем [Килуновская, 2011, с. 45, рис. 1].

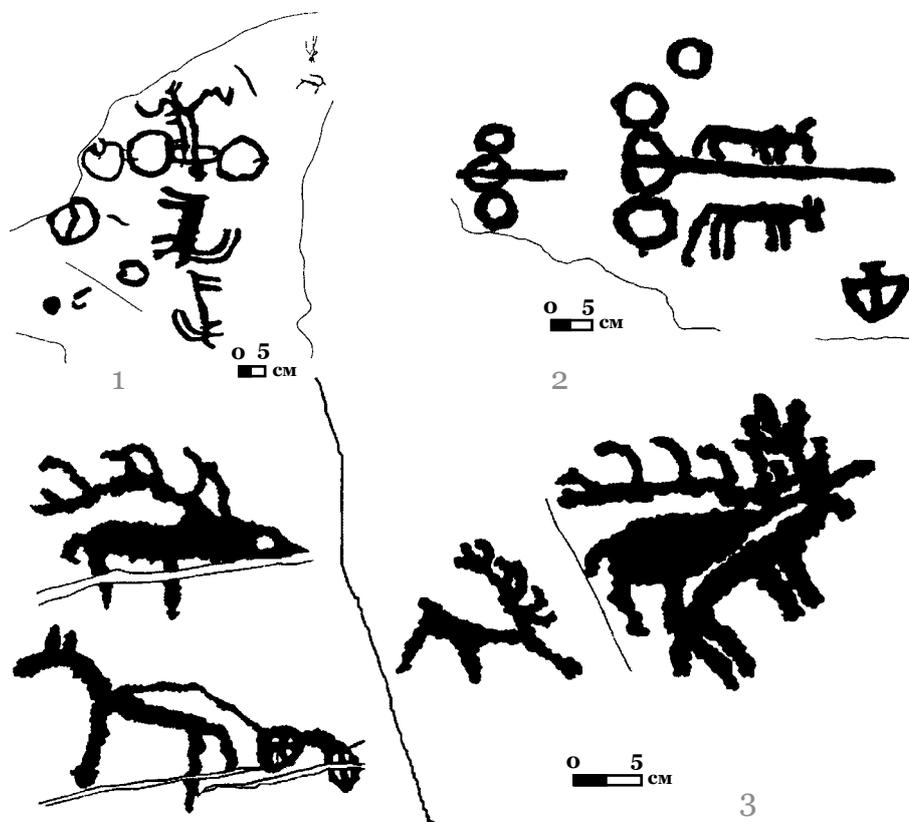

Рис. 31. Тува. 1 – «Каменный компас»; 2 – Догээ; 3 – Алды-Мозага.[Килуновская, 2011, с. 46, 48, рис. 2-3].

ция со сценой охоты, рядом – на северной грани камня – выбиты два изображения двуколок-колесниц с прямым дышлом, овальным кузовом и колесами без спиц. Рядом с одной колесницей показана пара лошадей в позиции «одно над другим» и, возможно, – изображение сосуда (рис. 31:2).

Алды-Мозага (Чинге) – на отдельном скальном выступе, на горе Алды-Мозага, на правом берегу Улуг-Хема, в Саянской трубе, найдено «профильное» изображение колесницы (рис.31:3) в сочетании с оленем с «клювовидной» мордой. Ранее из этого памятника опубликованы изображения еще 3-х колесниц [Дэвлет, 1980; 1998].

Мортук – на западном отроге горы Мортук, находящейся на левом берегу реки Южный Торгалык, открыта скальная плоскость с тремя колесницами, следующими друг за другом (рис. 32). Особенность этой композиции – показанные пристяжные ло-

шад у двух колесниц (триги) и проработанные тонкими резными линиями хвосты упряжных коней первой колесницы.

Чайлаг-Хем – на северных склонах Восточного Танну-Ола, в бассейне р. Элегест. Зафиксированы три разные многофигурные композиции с участием колесниц (рис. 33). [Килуновская, 2011, с. 44-53].

Плиты с изображениями колесниц из могильников

Курган Аржан 2. В результате раскопок этого погребально-поминального комплекса обнаружены уникальные непо потревоженные погребения кочевой знати, а также 4 оленных камня и 34 плиты с петроглифами. Памятник определенно отнесен к алды-бельской культуре и датирован, в том числе и радиоуглеродными методами, серединой – второй половиной 7 в. до н.э. [Чугунов, 2011, с. 53].

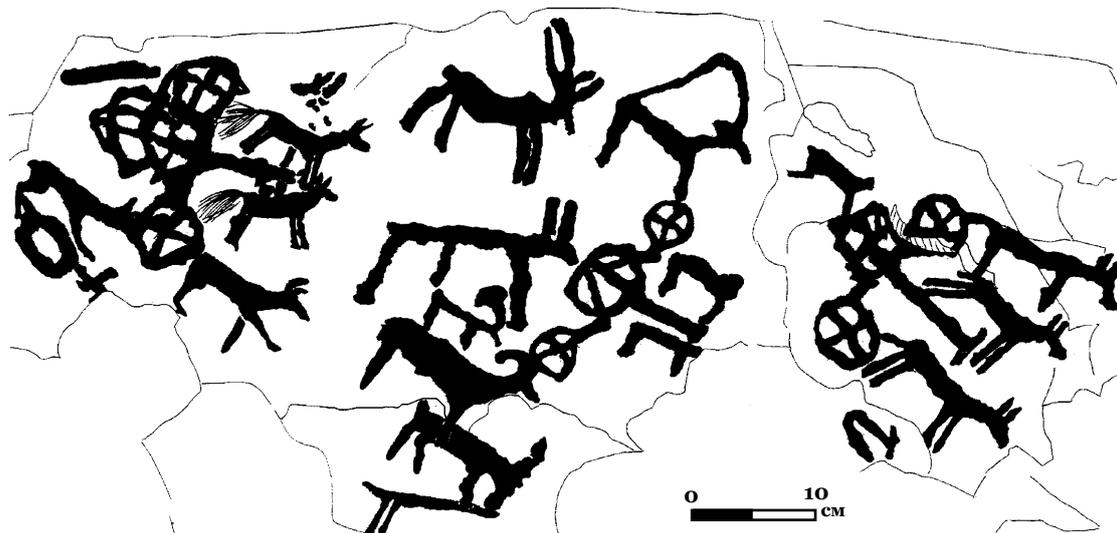

Рис. 32. Тува. Мортук.[Килуновская, 2011, с. 49, рис. 6].

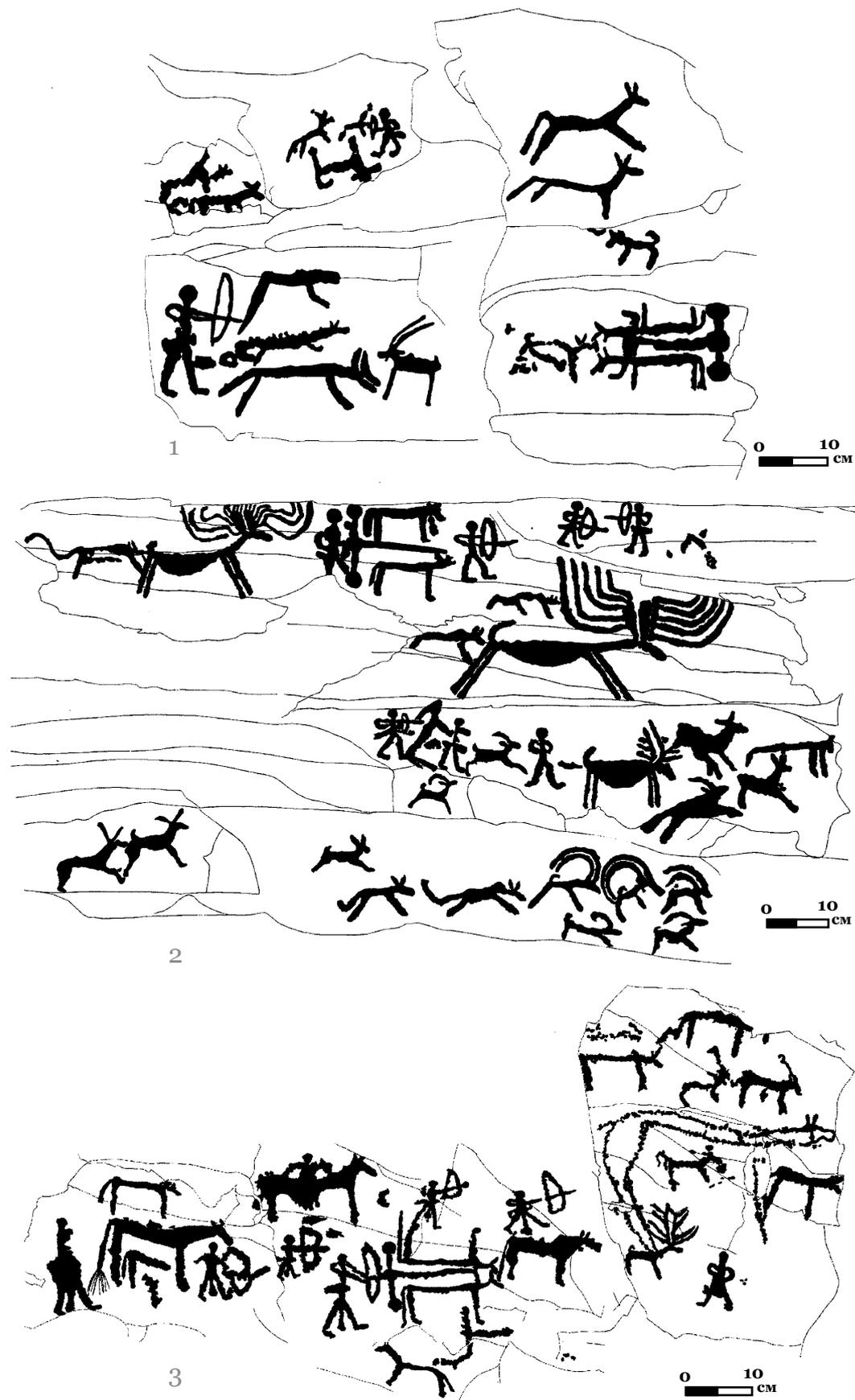

Рис. 33. Тува. Чайлаг-Хем.1 – второй лог, группа 9; 2 – первый лог, группа 4; 3 – второй лог, группа 6 [Килуновская, 2011, с. 51, рис. 7].

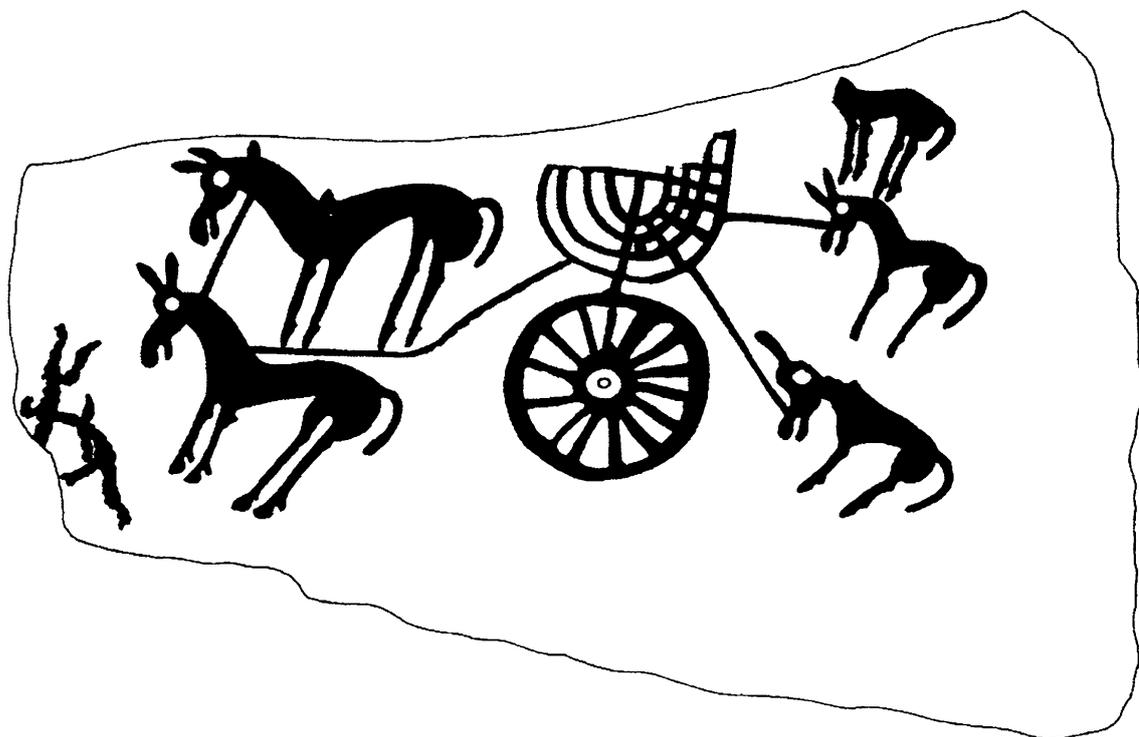

Рис. 34. Аржан 2. Плита 10/02 из юго-восточного сектора ограды. Фото и прорисовка [Чугунов, 2011, с. 53-65].

В непо потревоженной конструкции ограды кургана, в его юго-восточном секторе, среди плит ограды обнаружена плита 10/02 с колесничными петроглифами (рис.34). Автор предполагает, что плиты с петроглифами выбивались раньше и попали сюда вместе с другими камнями из каменоломни – скального останца с выбитыми на нем наскальными изображениями – расположенной в 2 км северо-восточнее от Аржана 2.

У плиты 10/02 оказалась утрачена верхняя часть, что не позволяет достоверно судить о конструкции самой двуколки.

Сохранившаяся композиция с колесницей на основании стилистического анализа упряжных лошадей отнесена к аржанско-майэмирскому стилю и датирована рубежом 9-8 вв. – началом 7 в. до н.э. [Чугунов, 2011, с. 65].

Эпоха колесниц; финал (вторая половина – конец 1 тыс. до н.э.)

Могильник Есино 5. На юге Минусинской котловины, около села Полтаков Аскизского района Хакасии, на одном из высоких угловых камней ограды тагарского нераскопанного кургана в могильнике Есино 5, обнаружено изображение телеги [Савинов, 2002, с. 27-30].

Изображение (рис.35) расположено в верхней части на внешней стороне массивной плоской плиты красного девонского песчаника, высотой ок. 2,5 м. Размеры изображения, выбитого крупной точечной техникой, – 60х36 см. Рядом на плите имеется множество трудноразличимых изображений.

Курган ориентировочно отнесен к подгорновскому этапу тагарской культуры 6-5 вв. до н.э. Это изображение и его аналогии подтверждают, по мнению автора, «участие населения западного

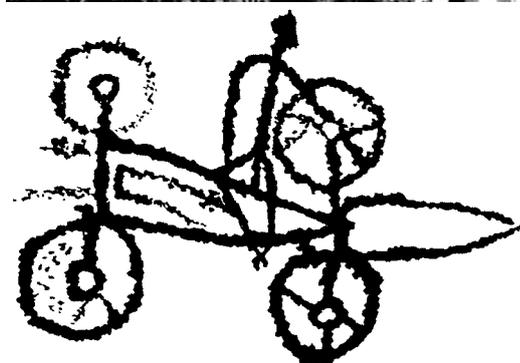

Рис. 35. Могильник Есино 5. Изображение телеги. Фото и прорисовка [Савинов, 2002, с. 27-30, рис.2].

(казахстанского) происхождения в сложении тагарской культуры, что уже неоднократно отмечалось исследователями» [Савинов, 2002, с. 30].

Могильник Царам. Расположен в Забайкалье, в 1,5 км южнее пос.Наушки (Бурятия). Принадлежит к числу редких археологических памятников, оставленных азиатскими гуннами (сюнну), и отождествляется исследователями с погребениями высшей сюннской знати. В самом большом кургане могильника – № 7, в центральной могильной яме, на глубине более 10 метров, зафиксированы остатки крытой тентом колесницы (рис.36-37) [Миняев, Сахаровская, 2002; 2007, с. 130- 137].

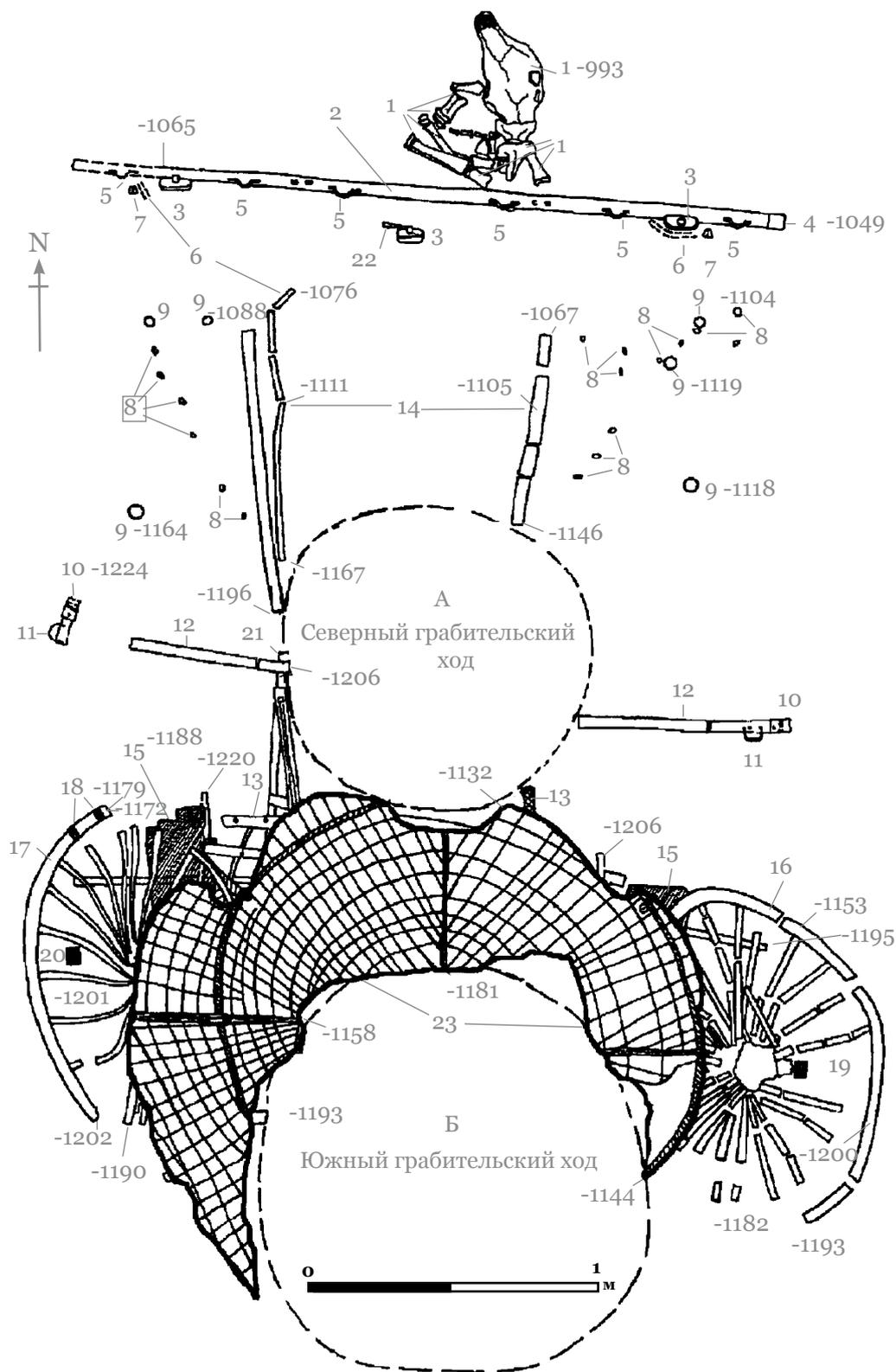

Рис. 36. Забайкалье. Мог.Царам, курган 7, центральная могила. План остатков колесницы до снятия тента: 1 – кости лошади (череп и метаподии); 2 – передняя яремная жердь; 3 – яремные навершия; 4 – бронзовый наконечник яремной жерди; 5 – бронзовые дуги; 6 – остатки тонких круглых деревянных жердей; 7 – прямоугольные железные пряжки; 8 – железные бляшки; 9 – железные кольца; 10 – бронзовые наконечники задней яремной жерди; 11 – железные дуги; 12 – задняя яремная жердь; 13 – остатки решетчатого корпуса колесницы; 14 – оглобли; 15 – подлокотники сиденья; 16 – восточное колесо; 17 – западное колесо; 18 – железные скобы; 19, 20 – малые железные втулки; 21 – железные пластины; 22 – кости ягненка; 23 – тент повозки. [Миняев, Сахаровская, 2007, с. 130-137].

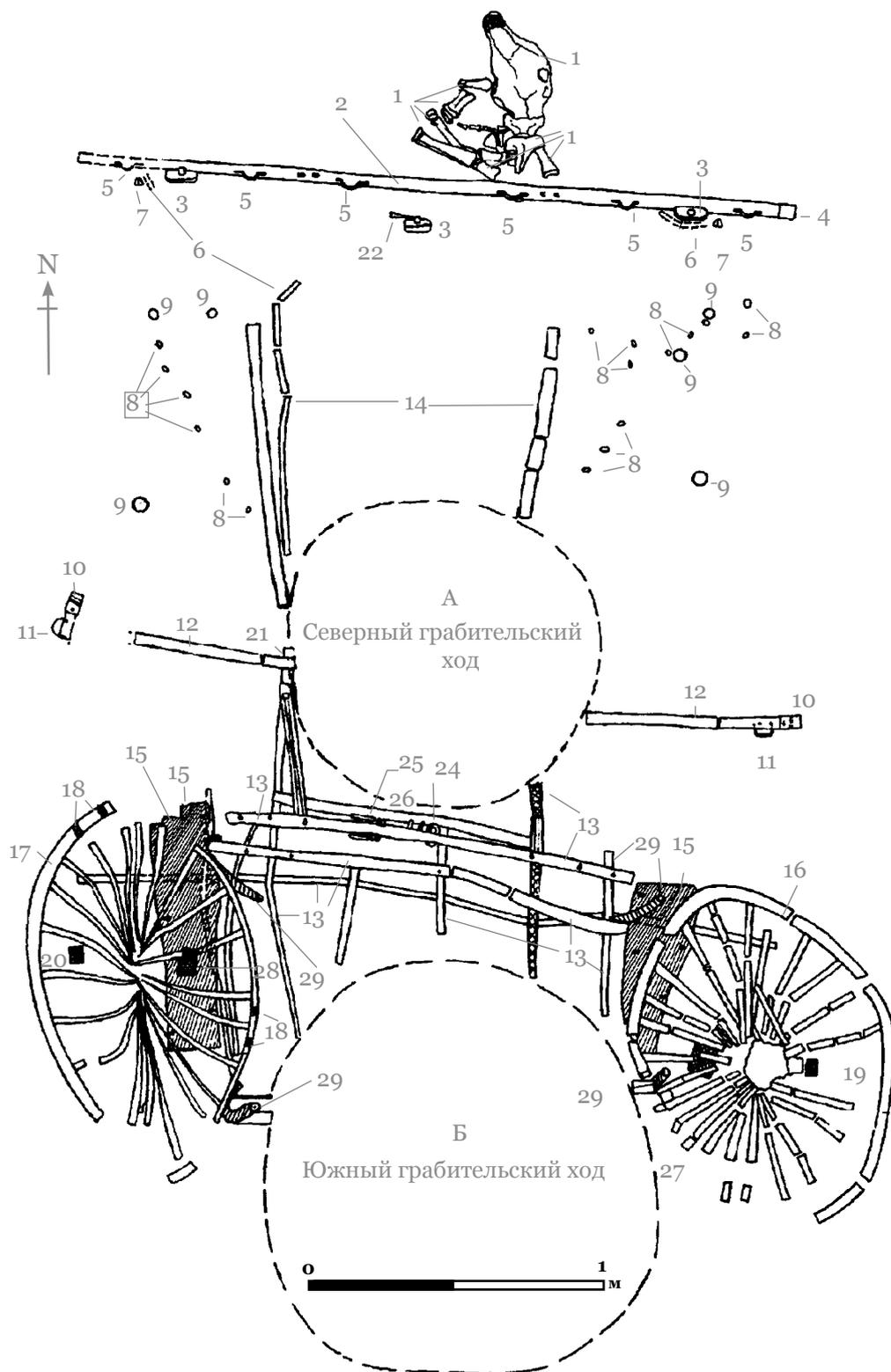

Рис. 37. Забайкалье. Мог.Царам, курган 7, центральная могила. План остатков колесницы после снятия тента: 1 – кости лошади (череп и метаподии); 2 – передняя яремная жердь; 3 – яремные наворачья; 4 – бронзовый наконечник яремной жерди; 5 – бронзовые дуги; 6 – остатки тонких круглых деревянных жердей; 7 – прямоугольные железные пряжки; 8 – железные бляшки; 9 – железные кольца; 10 – бронзовые наконечники задней яремной жерди; 11 – железные дуги; 12 – задняя яремная жердь; 13 – остатки решетчатого корпуса колесницы; 14 – оглобли; 15 – подлокотники сиденья; 16 – восточное колесо; 17 – западное колесо; 18 – железные скобы; 19, 20 – малые железные втулки; 21 – железные пластины; 22 – кости ягненка; 24, 25 – бронзовые наосники; 26 – железные чеки; 27, 28 – большие железные втулки; 29 – фрагменты деревянных стоек тента. [Миняев, Сахаровская, 2007, с. 130-137].

Конструкция колесницы, поврежденная двумя грабительскими ходами, восстанавливается достаточно хорошо: небольшая подквадратная решетчатая платформа, размером не более 1х1 м, оборудована сиденьем, обращенным в сторону упряжной лошади, с двумя оглоблями по краям, накрыта сверху легкой конструкцией из жердей, наподобие зонтика или тента, которая, в свою очередь, накрыта двумя слоями органического материала – кожи или войлока снаружи и тонкой ткани – изнутри. Это покрытие прибивалось гвоздиками «Г»-образной формы к прутьям основы. С внутренней стороны тент покрыт слоем красного лака, на котором сохранились следы геометрического орнамента, нанесенного белой, коричневой и темно-красной красками [с. 132]. Все основные детали колесницы изготовлены из достаточно твердой березы и вяза, а некоторые детали сидения (ручки) – из более мягкой сосны [заключение М.И. Колосова].

Сохранились два (!) ярма: переднее – неповрежденное и заднее – разрушенное грабительским ходом. В могиле обнаружены металлические наконечники ярма, железные чеки на ось, пряжки, кольца и другие предметы колесничной упряжи. Перед повозкой зафиксирован череп и конечности одной лошади.

Авторы раскопок предполагают, что колесница была поставлена в могилу «в частично разобранном виде» и датируют материалы этого погребения 1 в. н.э. [Миняев, Сахаровская, 2007, с. 136].

Данный экипаж определенно относится к выделенному ранее в этой книге типу азиатских (древнекитайских) представительских колесниц.

Изобразительные источники (петроглифы) широко документируют такой тип повозок по всем регионам Центральной Азии.

Приведу несколько новых изображений подобного типа (рис. 38, 39).

Рис. 38. Южный Казахстан. Баян-Журек. Плоскость 111. Фото. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 193].

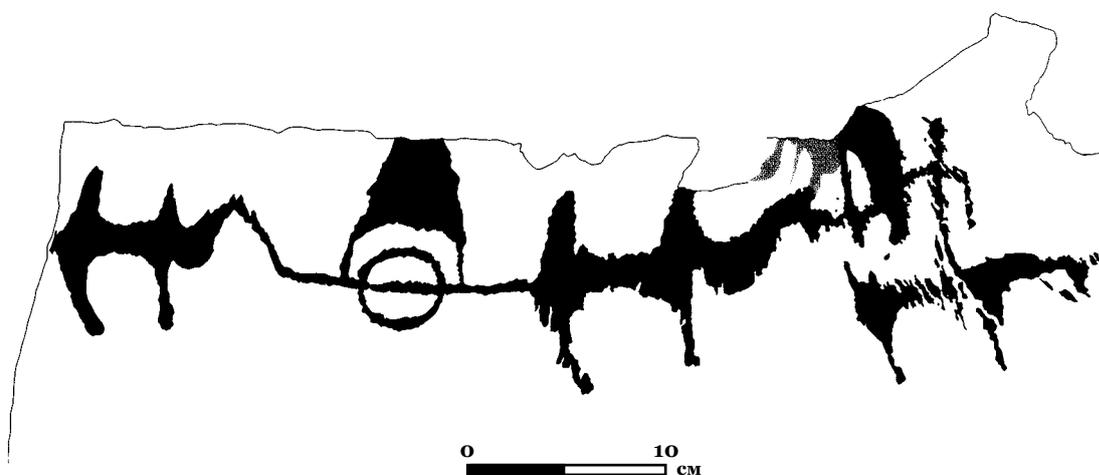

Рис. 39. Южный Казахстан. Баян – Журек. Фото и прорисовка. [Самашев, Чжан Со Хо и др., 2011, с. 221].

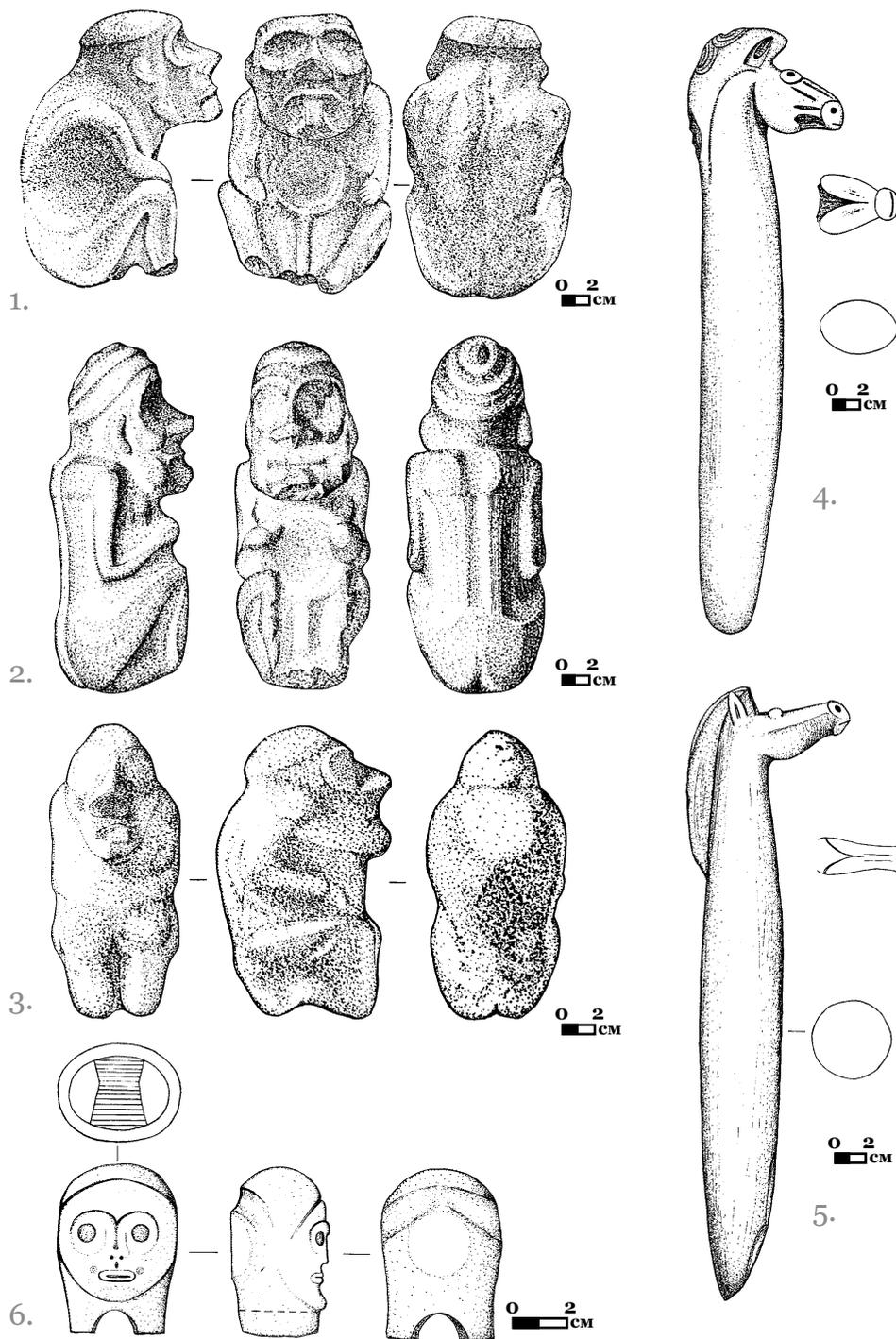

Рис. 40. Степная каменная скульптура. Случайные находки: 1 – фигура сидящего человека из Костанайской обл. Костанайский музей; 2 – фигура сидящего антропоморфа из Акмолинской обл., Эрмитаж; 3 – фигура сидящего человека из Костанайской обл. (№2), Костанайский музей; 4 – жезл с изображением коня из-под г. Усть-Каменогорска. Археологический музей Томского университета; 5 – жезл с изображением головы коня из-под г. Семипалатинска. Гос. музей искусств Республики Казахстан, г. Алматы; 6 – Фрагмент сверленного навершия с изображением головы человека. Костанайский музей [Ченченкова, 2004, с. 113, 117, 119, 125, 127, 267].

Библиография

- АБАЕВ В.И., 1972. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. // Древний Восток и античный мир. М.: Наука, с. 26-37.
- АБАЕВ В.И., 1990. Скифский быт и реформа Зороастра. // Избранные труды, том 1. Владикавказ: Ир, с. 9-52
- АБЕТЕКОВ А.К., ШЕР Я.А., 1977. Древние жители урочища Джаныш-Булак (к методике социально-демографических реконструкций). // Кетмень-Тюбе. Археология и история. Фрунзе, с. 67-75
- АБЕТЕКОВ А.К., 1978. О погребении собаки в усуньском кургане Чуйской долины. // КСИА, вып. 154, с. 59-65.
- АБСАЛЯМОВ М.Б., 2001. К проблеме теоретической реконструкции древних культур. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, с. 131-132.
- АБРАМОВА З.А., 1966. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.-Л.: Наука – 224 с.
- АБРАМОВА З.А., 1970. Палеолитическое искусство. // Каменный век на территории СССР. М.: Наука – 208 с.
- АБРАМОВА З.А., 1972. Древнейшие формы изобразительного творчества (археологический анализ палеолитического искусства). // Ранние формы искусства. М.: Наука, с. 9-29.
- АВАНЕСОВА Н.А., 1979. Проблемы истории андроновского культурного единства. // Автореф. дис... канд. ист. наук. Л. – 25 с.
- АВАНЕСОВА Н.А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан – 200 с.
- АВАНЕСОВА Н.А., 2005. О культурной атрибуции колесного транспорта доисторической Бактрии. // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент.
- АВДЕЕВ А.Д., 1959. Происхождение театра (элементы театра в первобытно-общинном строе). М.-Л. – 264 с.
- АВЕСТА, 1990. Избранные гимны. Перевод Стеблин-Каменского И.М. Душанбе: Адиб – 176 с.
- АГАПОВ С.А., ВАСИЛЬЕВ И.Б., ПЕСТРИКОВА В.И., 1979. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы. // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, с. 36-63.
- АГАПОВ С.А., ВАСИЛЬЕВ И.Б., КУЗЬМИНА О.В., СЕМЕНОВА А.П., 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья. // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куибышев: изд-во пединститута.
- АГАПОВ П.В., КАДЫРБАЕВ М.К., 1979. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: Жалын – 252 с.
- АГЕЕВА Э.Н., 2005. Стратегия и некоторые технологические аспекты консервации петроглифов в свете исследования патины. // Мир наскального искусства. – М., с. 17-20.
- АГЕЕВА Э.Н., 2004. Ребрикова Н.Л., Кочанович А.В. Опыт консервации памятников наскального искусства Сибири. // Памятники наскального искусства. – Алматы, с. 116-120.
- АГЗАМХОДЖАЕВ Т., 1960. Наскальные изображения в Бостандыкском районе Ташкентской области. // Научные работы и сообщения АН УзССР. ООИ. Кн. 1. Ташкент, с. 80-82.
- АМИРОВ Ш.Н., НЕМИРОВСКИЙ А.А., 2002. Система коммуникаций Восточной Джезиры в 4-2 тыс. до н.э. // Проблемы археологии Евразии. Сб. статей к 80-ти летию Н.Я. Мерперта. М.
- АНДРИАНОВ А.В., 1886. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // ЗИРГО. Т. 2.
- АНДРИАНОВ А.В., 1904. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // ИРКСА. Вып. 4.
- АНДРИАНОВ А.В., 1906. Писаница Боярская. // ИРКСА. Вып. 6.
- АНДРИАНОВ А.В., 1908. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // ИРКСА. Вып. 8
- АНДРИАНОВ А.В., 1910. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края. // ИРКСА. Вып. 10.
- АНДРИАНОВ А.В., 1913. Писаницы по р. Мане. // ЗОРСА. Т. 9.
- АЙВАЗЯН С.А., БУХШТАБЕР В.М., ЕНЮКОВ И.С., МЕШАЛКИН Л.Д., 1989. Классификация и снижение размерности. М.: Финансы и статистика – 197 с.
- АКИШЕВ К.А., 1959. Саки Семиречья. // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7, с. 204-214.

- АКИШЕВ К.А., 1973. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре). //Археологические исследования в Казахстане. Алма Ата: Наука, с. 43-58.
- АКИШЕВ К.А., 1978. Курган Иссык. М.: Искусство – 132 с.
- АКИШЕВ К.А., КУШАЕВ Г.А., 1963. Древняя культура саков долины р. Или. Алма Ата: Наука – 298 с.
- АКИШЕВ А.К., 1984. Искусство и мифология саков. Алма Ата: Наука – 176 с.
- АКИШЕВ К.А., АКИШЕВ А.К., 1983. Древнее золото Казахстана. Алма Ата: Онер – 34 с, илл.
- АКК, 1961. Археологическая Карта Казахстана. Алма Ата: Наука.
- АЛЕКСАНДРОВСКАЯ Е. И., АЛЕКСАНДРОВСКИЙ А.Л., ШИШЛИНА Н.И., 2000. Охры из погребений Калмыкии и Северного Кавказа. //Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. М., с.108 -115.
- АЛЕКСЕЕВ В.П., 1961. О брахикранном элементе в составе населения афанасьевской эпохи. //СЭ, N 1, с. 116-129.
- АЛЕКСЕЕВ В.П., 1972. В поисках предков. Антропология и история. М.:Сов. Россия – 304 с.
- АЛЕКСЕЕВ В.П., ГОХМАН И.И., ТУМЭН Д., 1987. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа). //Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука.
- АЛИЕВ В.Г., 1985. Петроглифы Гемигая. Баку: Элм – 28 с.
- АМАНЖОЛОВ А.С., 1966. Древние надписи и петроглифы хребта Кетмень (Тянь-Шань). //ИАН КазССР., N 5, с. 79-96.
- АНДРЕЕВ М.С., 1928. Поездка летом 1928 г. в Касанский район. //Известия общества для изучения таджикских и иранских народностей. Т. 1. Ташкент.
- АНДРЕЕВА М.В., 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры. // СА, N 1, с. 39-56.
- АНДРЕЕВА М.В., 1979. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах.//СА, N 1, с. 22-34.
- АНДРЕЕВА М.В., 1990. Традиционные проблемы и новые пути их решения. //СА, N 4, с. 122-125.
- АНТОНОВА Е.В., 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. Наука. М. -263с.
- АНТОНОВА Е.В., РАЕВСКИЙ Д.С., 2002. Археология и семиотика //Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1. Донецк, с. 11-23.
- АРСЛАНОВА Ф.Х., 1974. Погребальный комплекс VIII-VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана. //В глубь веков. Алма Ата, с. 46-60.
- АРТАМОНОВ М.И., 1962. К вопросу о происхождении скифского искусства. //СЭ. 22, с. 30-35.
- АРТАМОНОВ М.И., 1968. Происхождение скифского искусства.// СА, N 4, с. 27-45.
- АРТАМОНОВ М.И., 1971. Скифо-сибирское искусство звериного стиля. //Проблемы скифской археологии. М.: Наука, с 24-35.
- АРУТЮНЯН Л.Г., 1990. Бронзы лчашенского типа и аналогии металлопластики Передней Азии. //Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М.: Наука, с. 131-139.
- АТХАРВАВЕДА, 1977. Избранное. М.: Наука.
- БАДЕР О.Н., 1965. Каповая пещера. М.-34 с.
- БАДЕР О.Н., 1971. Бронзовый нож из Сеймы с лошадыми на навершии. //КСИА, вып. 127, с. 98-103.
- БАЙБУРИН А.К., 1981. Семиотический статус вещей и мифология //СМАЭ. – Т. 37. – Материальная культура и мифология. Л., с. 215-226.
- БАЙБУРИН А.К., 1993. Проблемы изучения прагматики в археологической культуре // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, с. 3-15.
- БАЙПАКОВ К.М., 2007. Великий Шёлковый путь (на территории Казахстана) Алматы: Адамар – 496 с., илл.
- БАЙПАКОВ К.М., МАРЬЯШЕВ А.Н., 2004. Петроглифы в горах Кулжабасы. Алматы.
- БАЙПАКОВ К.М., МАРЬЯШЕВ А.Н. ПОТАПОВ С.А., 2006. Петроглифы Тамгалы. Алматы: ИА МОН РК. – 94 с., илл.
- БАЙПАКОВ К.М., МАРЬЯШЕВ А.Н., БАЙТАНАЕВ Б.А., 2007. Новые петроглифы Каратау. Алматы.
- БАЙПАКОВ К.М., МАРЬЯШЕВ А.Н., 2008. Петроглифы Баян-Журека. Алматы: Sredos -200 с. , илл.
- БАЙПАКОВ К.М., МАРЬЯШЕВ А.Н., 2009. Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы: Sredos -104 с. , илл.
- БАЙТАНАЕВ Б.А., ПОТАПОВ С.А., ГРИЦЕНКО А.Н., 2007. Петроглифы Боралдая. Алматы.
- БАЙТИЛЕУ Д.А., 2007. История изучения петроглифов Казахстана: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. – 26 с.

- БАЛАНДИНА Г.В., АСТАФЬЕВ А.Е., 2000. Курганы эпохи поздней бронзы с полуострова Мангышлак. //Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Сборник научных трудов. Орск, с.149-166.
- БАЛОНОВ Ф.Р., 1984. Святилища скифского времени в Адыгее (Ульские и Уляпские курганы). //Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Тезисы докладов второй археологической конференции. Кемерово, с. 12-15
- БАЛОНОВ Ф.Р., 2000. Колесницы и колесничие в петроглифах Евразии: семантика с точки зрения экстраверта. //Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Том 2. Кемерово, с. 50-55.
- БАРМИНЦЕВ Ю.Н., 1958. Эволюция конских пород Казахстана. Алма Ата.
- БАРРОУ Т., 1976. Санскрит. М.: Прогресс-410 с.
- БАРТОЛЬД В.В., 1966. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг. //Сочинения. Т. 4. М.: Наука.
- БАРТОНЕК А., 1991. Златообильные Микены. М.: Наука-352 с.
- БЕДНАРИК Р., 1992. Приоритетные направления в работах по консервации памятников наскального искусства. //Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, с. 8-13.
- БЕДНАРИК Р., 2004. Интеграция данных о происхождении искусства. //АЭАЕ. – № 4 (20). Новосибирск, с. 35-47.
- БЕЙЧ Э., 2006. Консалтинговый бизнес. Основы профессионализма. СПб.: Питер – 272 с.
- БЕРДЕНОВ С.А., ГАРНЕР ДЖ., ГОРЕЛИК А., КУЩ Г., МЕРЦ В., САМАШЕВ З., ЧЕРНЫ Я., 2007. Исследование шахт по добыче оловянной руды, поселения и некрополя эпохи бронзы в горном массиве Дельбегетей (Аскаралы II) в Восточном Казахстане. //Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 г. Алматы, с. 122-123.
- БЕРДЕНОВ С.А., 2008. Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в бронзовом веке. //Известия НАН РК. Серия общественных наук. №1[254]. Алматы, с.42-55.
- БЕРЕЗАНСКАЯ С.С., 1977. Украина в эпоху бронзы. //Автореферат дис... доктора ист. наук. Киев – 31 с.
- БЕРЕЗАНСКАЯ С.С., 1978. Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине. //Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев: изд-во пединститута, с. 82-83.
- БЕРЕЗАНСКАЯ С.С., 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка-210 с.
- БЕРЕЗАНСКАЯ С.С., ГЕРШКОВИЧ Я.А., 1983. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине. //Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.: изд-во Башкирского университета, с. 100-110.
- БЕРНШТАМ А.Н., 1948. Араванские наскальные изображения и даваньская ферганская столица Эрши. //СЭ, N 4, с. 155-161.
- БЕРНШТАМ А.Н., 1952. Наскальные изображения Саймалы-Таш.//СЭ, N 2, с. 50-68.
- БЕРНШТАМ А.Н., 1957. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности. //КСИЭ, вып 26.
- БЕХТЕРА.В., ХАВРИН С.В., 2002. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синцзян_Уйгурского автономного района Китая и проблема восточной линии синхронизации. //Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, Чита.
- БИБИКОВА В.И., 1967. К изучению древнейших лошадей Восточной Европы. //Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы. Отдел биологии. М., вып XXII, с. 118-126.
- БИКЕРМАН Э.,1975. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М.: Наука – 336 с.
- БЛАВАТСКИЙ В.Д., 1949. О боспорской коннице. //КСИИМК. – Вып. 29. – М., с. 96 -99.
- БЛЕДНОВА Н.С., ВИШНЯЦКИЙ Л.Б., ГОЛЬДШМИДТ Е.С., ДМИТРИЕВА Т.Н., ШЕР Я.А., 1998. Первобытное искусство. Кемерово: Кемеровский государственный институт искусства и культуры – 210 с.
- БОБОМУЛЛОВ С., 1993. Раскопки погребального сооружения из Зардчахалифы. //Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия востоковедения, история, филология. Душанбе, с. 56-63.
- БОБРОВ В.В., САВИНОВ Д.Г., 2005. Принцип хроностратиграфии в изучении петроглифов как древних святилищ, //Мир наскального искусства. М., с. 35-36.

- БОКОВЕНКО Н.А., 2000. Новые памятники наскального искусства скифской эпохи на Енисее. //Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию Марка Лазаревича Подольского. СПб., с.11-19.
- БОЛТРИК Ю.В., 1990. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра). //СА, N 4, с, 30-44.
- БОНГАРД-ЛЕВИН Г.М., ГРАНТОВСКИЙ Э.А., 2001. От Скифии до Индии. СПб.
- БОЧКАРЕВ В.С., 1986. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников. //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: изд-во университета, вып.3.
- БОЧКАРЕВ В.С., 2010. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.
- БРАГИНСКИЙ И.С., 1972. Из истории таджикской и персидской литературы. М.: Наука.
- БРЕЙ У., ТРАМП Д., 1990. Археологический словарь. М.: Прогресс – 368 с, илл.
- БРЕЙЛЬ А., 1971. Запад – родина великого наскального искусства. //Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, с.40-52.
- БРЕНТЪЕС Б., 1976. От Шанидара до Аккада. М.: Наука – 360с.
- БУТЯГИН А.М., ЧИСТОВ Д.Е., 2000. Факторы выделения античных святилищ 6-4 вв. до н.э. //Святилища: Археология ритуала и вопросы семантики. – СПб., с. 62-67.
- БЁКЁНИ Ш., 1984. Роль степей Евразии в распространении коневодства. //Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово: изд-во университета, с. 9-14.
- ВАДЕЦКАЯ Э.Б., 1965. Изображение зверя-божества из Хакасии. //Новое в советской археологии. М.: Наука, с. 174-176
- ВАДЕЦКАЯ Э.Б., 1967. Древние идолы Енисея. Л.: Наука – 80с.
- ВАДЕЦКАЯ Э.Б., 1970. Женские силуэты на плитах из окуневских могильников. //Древняя Сибирь. Вып. 3. Новосибирск: Наука, с. 261-265.
- ВАДЕЦКАЯ Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука.
- ВАДЕЦКАЯ Э.Б., ЛЕОНТЬЕВ Н.В., МАКСИМЕНКОВ Г.А., 1980. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука – 148 с
- ВАЙНШТЕЙН С.И., 1975. Картинная галерея Сыын-Чюрека. // Природа, N 5, с. 8-14.
- ВАРЕНОВ А.В., 1980. Иньские колесницы. //Известия СО АН СССР, вып 1, N 1, с. 164-169.
- ВАРЕНОВ А.В., 1984. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу. //Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск.: Наука, с. 42-52.
- ВАРЕНОВ А.В., 1990. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактики армии по данным оружейных кладов. //Китай в эпоху древности. Новосибирск: Наука, с. 56-72.
- ВАРЕНОВ А.В., 1992. К проблеме китайско-кавказских контактов (на материалах бронзовых шлемов). //Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Археологические изыскания, вып. 2, СПб, с. 100-104.
- ВАРЕНОВ А.В., 1995. К датировке оружия, изображенного на оленних камнях Монголии. //Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово.
- ВАРЕНОВ А.В., 1999. Материалы новой культуры эпохи бронзы из могильника Кеермуци в Северном Синцзяне. //Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. 2.
- ВАРФОЛОМЕЕВ В.В., 1987. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент. //Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: изд-во университета, с 43-54.
- ВАРФОЛОМЕЕВ В.В., 1988. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары Арки. //Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск: изд-во университета, с. 80-99.
- ВАРФОЛОМЕЕВ В.В., 1991. Сары Арка в конце бронзовой эпохи. //Автореферат.... канд. дис. ист. наук. Алма Ата – 21 с.
- ВАСИЛЬЕВ И.Б., 1980. Энеолит лесостепного Поволжья. //Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.: изд-во пединститута, с. 27-52.
- ВАСИЛЬЕВ И.Б., КОЛЬЕВ Ю.А., КУЗНЕЦОВ П.Ф., 1986. Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия. //Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: изд-во пединститута, с.108-148.
- ВАСИЛЬЕВ Л.С., 1961. Аграрные отношения и община в древнем Китае (XI-VII вв до н.э.). М.: Наука – 320 с.

- ВАСИЛЬБЕВ Л.С., 1976. Проблема генезиса китайской цивилизации: формирование основ материальной культуры и этноса. М.: Наука – 368 с.
- ВИДАЛЬ П., 1999. Повреждения скальных плоскостей некоторых петроглифических памятников Центральной Азии (Южная Сибирь и Казахстан) //Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Том 1. Кемерово, с. 60-65.
- ВИКТОРОВА Л.Л., 1980. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука – 224 с.
- ВИННИК Д.Ф., 1975. Археологическая карта Тонской долины. //Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, с. 160-175.
- ВИННИК Д.Ф. ПОМАСКИНА Г.А., 1975. К вопросу о датировке наскальных изображений Прииссыккуля. //Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, с. 87-101.
- ВИННИК Д.Ф., КУЗЬМИНА Е.Е., 1981. Второй Каракольский клад. //КСИА, вып 167, с. 48-53.
- ВИНОГРАДОВА Н. М., 2004. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.
- ВИНОГРАДОВ В.А., 1969. О реконструкции протоязыковых состояний. //Система и уровни языка. М.: Наука.
- ВИНОГРАДОВ Н.Б., 2003. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, – 362 с.
- ВИНОГРАДОВ Н.Б., 2001. Пардоксы Синташты. //Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: Изд-во ООО «НТЦ», с. 189–193.
- ВИШНЯЦКИЙ Л.Б., 2005. Информационный взрыв и изобразительная деятельность. //АЭАЕ. – № 1 (21). Новосибирск, с. 51-54.
- ВОЛКОВ В.В., 1965. Гобийский всадник. Новое в советской археологии. М.: Наука. (МИА, N 130), с. 286-288.
- ВОЛКОВ В.В., 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: АН МНР, – 254 с.
- ВОЛКОВ В.В., 2002. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир – 248 с., илл.
- ВОЛКОВ В.В., НОВГОРодОВА Э.А., 1975. Оленные камни Ушкин-Увэра (Монголия). //Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, с. 557-558.
- ВОРОНЕЦ М.Э., 1950. Наскальные изображения Южной Киргизии. //ТКГПИ. Серия историческая. Вып. 2.
- ВОРОНЕЦ М.Э., 1956. Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской области. //КСИИМК, вып 61.
- ВОРОНЕЦ Н.С., 1916/17. Изображения на скалах, найденные на границе Тургайской и Сырдарьинской областей, на реке Лак-пай. //Русский антропологический журнал, кн. 39-40, NN 3-4.
- ВОРОНЦОВ Н.Н., ЛЯПУНОВ Е.А., 1976. Наскальные изображения верховьев Зеравшана. //Природа. N 5, с. 100-111.
- ВЯТКИНА К.В., 1949. Шалаболинские наскальные изображения. //СМАЭ. Т. 12, с. 417-484.
- ВЯТКИНА К.В., 1961. Наскальные изображения Минусинской котловины. //СМАЭ. Т.20, с. 188-237.
- ГАЙДУЧЕНКО Л.Л., 2011. Жертвенный комплекс ямы № 5 могильника Бестамак. //Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-ти летию Независимости Республики Казахстан и 20-ти летию Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК. Алматы. Том 1, с. 341 – 349.
- ГАЛКИН Л.Л., 1977. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья. //СА, N 3, с. 189-196.
- ГАМКРЕЛИДЗЕ Т.В., ИВАНОВ В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч.1-2.Тбилиси.: изд-во университета – 1328 с.
- ГАПОНЕНКО В.М., 1963. Наскальные изображения Таласской долины. //Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, с. 101-110.
- ГАРДЕН Ж.-К., 1983. Теоретическая археология. М.: Прогресс – 230 с.
- ГАРДЕН Ж.-К., 1999. Общие теории и формальные методы интерпретации доисторического искусства. //Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Том 1. Кемерово, с. 86-95.

- ГАРДЕН Ж.-К., 2006. Семиотические методы аргументации в археологии: вклад в проблему «моста». // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 3. Донецк, с. 33-50.
- ГЕГЕШИДЗЕ М.К., 1966. Грузинский народный транспорт. Тбилиси – 178 с.
- ГЕЙ А.Н., 1991. Новотиторовская культура (предварительная характеристика). //СА, N 1, с. 54-71.
- ГЕЙ А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад – 224 с., илл.
- ГЕЛЬБ И.Е., 1982. Опыт изучения письма. М.: Радуга – 366 с.
- ГЕНИНГ В.Ф., 1977. Могильник Синташта и проблемы ранних индоиранских племен. //СА, N 4, с. 53-73.
- ГЕНИНГ В.Ф., 1987. Археологическая культура – социально-исторический организм – центральная категория познания археологии (к разработке теории археологической культуры). // Исследование социально-исторических проблем в археологии. – Киев, с. 6-35.
- ГЕНИНГ В.Ф., 1989. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев: Наукова думка – 296 с.
- ГЕНИНГ В.Ф., ЗДАНОВИЧ Г.Б., ГЕНИНГ В.В., 1992. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во – 407 с.
- ГЕНИНГ В.Ф., ГЕНИНГ В.В., 1992. Очерки философии социоархеологии. – Киев: Наукова думка – 250 с.
- ГЕРНЕС М., 1914. Культура доисторического прошлого. Бронзовый век. М.: Фарось-134 с.
- ГЕРОДОТ, 1972. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука.
- ГИНЗБУРГ В.В., ТРОФИМОВА Т.А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука – 372 с.
- ГЛУШКОВ И.Г., 1986. Керамика самусьско-сейминской эпохи лесостепного Прииртышья. // Автореферат... дис. канд. ист. наук. Новосибирск – 19 с.
- ГОБЕДЖИШВИЛИ Г.Ф., 1980. Культура курганных погребений (Беденская культура). Тбилиси, на груз. языке – 148 с.
- ГОЛЕНДУХИН Ю.Н., 1971. Вопросы классификации и духовный мир древнего земледельца по петроглифам Саймалы-Таша. // Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, с. 181-202.
- ГОНЧАРОВА Ю. В., БЕХТЕР А. В., 1999. Синташта и Сейма – враги и соседи. // Комплексные общества Центральной Евразии в 3-1 тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск-Аркаим: «Аркаим», с. 121-129.
- ГОРБУНОВ В.С., ОБЫДЕННОВ М.Ф., 1975. Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии. //СА, N 2, с. 234-257.
- ГОРЕЛИК М.В., 1985. Боевые колесницы Переднего Востока III-II тысячелетий до н.э. // Древняя Анатолия. М.: Наука, с. 183-193.
- ГОРЕЛИК М.В., 2003. Оружие древнего Востока. СПб.: Атлант -336с.: илл.
- ГОРОДЦОВ В.А., 1926. Скальные рисунки Тургайской области. // Труды ГИМ. Т. 1, с. 37-67.
- ГОРЯЕВ В.С., 1998. «Сцены соития» и историческая ситуация в степях Евразии // Международная конференция по первобытному искусству. Тезисы докладов. Кемерово, с.147-148.
- ГРАКОВ Б.Н., 1971. Скифы. М.: изд-во МГУ – 168 с.
- ГРАНТОВСКИЙ Э.А., 1960. Индо-иранские касты у скифов. // Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов. М.-22 с.
- ГРАНТОВСКИЙ Э.А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука – 396 с.
- ГРАНТОВСКИЙ Э.А., 1977. «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы. // Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Средней Азии. М., с. 12-16.
- ГРАНТОВСКИЙ Э.А., 1981. «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, с. 245-272.
- ГРАЧ А.Д., 1957. Петроглифы Тувы. Ч. I. // СМАЭ. Т. 17, с. 385-428.
- ГРАЧ А.Д., 1958. Петроглифы Тувы. Ч. II. // СМАЭ. Т. 18, с. 339-384
- ГРАЧ А.Д., 1959. Этнические и культурные контакты древнего населения Монголии и Тувы с населением Тянь-Шаня и Памиро-Алая (по материалам изучения петроглифов). // ТКАЭЭ. Т. 3. Фрунзе, с. 121-124.
- ГРАЧ А.Д., 1979. Вопросы изучения петроглифов Тувы в свете новейших исследований. // Новейшие исследования по археологии и этнической истории Тувы. Кызыл, с. 119-123.
- ГРАЧ А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука – 265 с.

- ГРИШИН Ю.С., 1971. Об одной писанице на плите тагарского кургана из Минусинской котловины. //КСИА, вып 128, с. 53-54.
- ГРЯЗНОВ М.П., 1955. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. //КСИЭ, вып. 24, с. 19-29.
- ГРЯЗНОВ М.П., 1957. Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. //КСИЭ, вып. 26, с. 21-28.
- ГРЯЗНОВ М.П., 1960. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакасии. //КСИИМК, вып. 80, с. 85-89.
- ГРЯЗНОВ М.П., 1971. Миниатюры таштыкской культуры (из работ Красноярской экспедиции 1968 г.). //АСГЭ. Вып. 13, с. 94-106.
- ГРЯЗНОВ М.П., 1972. Бык в обрядах и культе древних скотоводов. //Тезисы докладов на сессии и пленуме, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М.: Наука, с. 24-29.
- ГРЯЗНОВ М.П., 1975. К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников. //Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л.: Наука, с. 9-12.
- ГРЯЗНОВ М.П., 1979. Таштыкская культура. //Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.: Наука.
- ГРЯЗНОВ М.П., МАНАЙ-ООЛ М.Х., 1971. Аржан – царский курган раннескифского времени в Туве. //АО за 1971. М.: Наука, с. 243-246.
- ГРЯЗНОВ М.П., МАНАЙ-ООЛ М.Х., 1972. Раскопки кургана Аржан в Туве. //АО за 1972. М.: Наука, с. 420-421.
- ГРЯЗНОВ М.П., МАНАЙ-ООЛ М.Х., 1974. Третий год раскопок кургана Аржан. //АО за 1973. М.: Наука, с. 192-195.
- ГРЯЗНОВ М.П., МАНАЙ-ООЛ М.Х., 1975. Окончание раскопок кургана Аржан. //АО за 1974. М.: Наука, с. 196-198.
- ГРЯЗНОВ М.П., ПЯТКИН Б.Н., МАКСИМЕНКОВ Г.А., 1968. Карасукская культура. //История Сибири Т.1. Древняя Сибирь. Л.: Наука.
- ГРЯЗНОВ М.П., ШНЕЙДЕР Е.Р., 1926. Каменные изваяния Минусинских степей. //»Природа», N 11-12.
- ГРЯЗНОВ М.П., ШНЕЙДЕР Е.Р., 1929. Древние изваяния Минусинских степей. //Материалы по этнографии. Т. 4. Вып. 2. Л.
- ГУДКОВА А.В., ЧЕРНЯКОВ И.Т., 1981. Ямные погребения с колесами у с. Холмское. //Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев.: Наукова думка, с. 38-50.
- ГУЛЯМОВ Я., ИСЛАМОВ У., АСКАРОВ А., 1966. Первобытная культура в низовьях Зеравшана. Ташкент – 266 с.
- ГУМИЛЕВ Л.Н., 1967. Древние тюрки. М.: Наука – 504 с.
- ГУМИЛЕВ Л.Н., 2007. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ – 655 с, илл.
- ДАЛЬСКИЙ А.Н., 1949. Наскальные изображения Таджикистана. //ИВГО.Т. 81. Вып. 2.
- ДАЛЬСКИЙ А.Н., 1950. Наскальные изображения в долине р. Зарафшан. //Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. 1. М.-Л.
- ДАШКОВСКИЙ П.К., 2011. Мироззрение кочевников Саяно-Алтая. Барнаул.
- ДЕБЕЦ Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М-Л. – 392 с.
- ДЕРЕВЯНКО А.П., ПЕТРИН В.Т., ГЛАДЫШЕВ С.А., ТАЙМАГАМБЕТОВ Ж.К., ЛАМИН В.В., ИСКАКОВ Г., АБСАДЫК Ж., 2001. Открытие петроглифов в верховьях р. Эмба в Мугоджарских горах. //Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, с. 100-103.
- ДЁМКИН В. А., 1999. Палеоэкологические кризисы и оптимумы в евразийских степях в древности и средневековье. //Комплексные общества Центральной Евразии в 3-1 тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск-Аркаим: «Аркаим», с. 304-306.
- ДЖАНИК Л., 2011. Проникая в прошлое – визуальная интерпретация доисторического наскального искусства. //Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. Кемерово, с. 23-24.
- ДЖАФАРЗАДЕ И.М., 1973. Гобустан. Баку.: Элим – 215 с, илл.
- ДЖАПАРИДЗЕ О.М., 1969. Археологические раскопки в Триалети. К истории грузинских племен во II тыс. до н.э. Тбилиси -296 с.
- ДЖАПАРИДЗЕ О.М., 1981. Художественное ремесло в древней Грузии. //Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, с. 31-34.

- ДЖЕНИТО Б., ОЛЬХОВСКИЙ В.С., САМАШЕВ З., ФРАНКФОР А.-П., 2000. Исследование древних святилищ Арало-Каспийских степей: итоги и перспективы. //Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., с. 7-20.
- ДЖУМАБЕКОВА Г.С., 1996. О сакральной функции котлов из Семиреченских «кладов». //Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., с. 83-86.
- ДОБЖАНСКИЙ В.Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск.: изд-во университета – 163 с.
- ДОЛУХАНОВ П.М., 1984. Неолитическая революция в Передней Азии: экологические, культурно – исторические и лингвистические аспекты. //Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы конференции. Ч. 1, М., с. 29-31.
- ДОРЖ Д., НОВГОРОДОВА Э.А., 1975. Петроглифы Монголии. Ч. 1. Улан-Батор: изд-во АН МНР – 232 с.
- ДРЕМОВ В.А., 1984. О родственных связях населения Среднего Прииртышья в эпоху бронзы. //Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, с. 14-21.
- ДРАВЕРТ П.Л., 1930. Грот с писаницей на озере Джасыбай в окрестностях Баян Аула. //Известия Зап. Сиб. отделения РГО. Т. 7, Омск, с. 231-234.
- ДУБОВА Н.А., 2004. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура. //У истоков цивилизации. М.
- ДУБОВА Н. А., 2006. Население Гонура по данным антропологии. //Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы международной конференции. Мары, с. 169-173.
- ДЬЯКОНОВ И.М., 1956. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.-Л.- 485 с.
- ДЬЯКОНОВ И.М., 1970. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (к методике исследования исчезнувших языков). //ВДИ, N 4, с. 39-53.
- ДЬЯКОНОВ М.М., 1961. Очерк истории древнего Ирана. М.: Наука – 444 с.
- ДЬЯКОНОВ И.М., 1989. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке. //Кавказ и цивилизации Ближнего Востока. Тезисы конференции. Орджоникидзе, с. 5-21.
- ДЬЯКОНОВ И.М., 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука – 247 с.
- ДЬЯКОНОВ И.М., 1983. Раннединастический период в Двуречье и Эламе // История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Месопотамия. – Ч. 1. – М., с. 162-222.
- ДЬЯКОНОВ И.М., 1995. Прародина индоевропейцев. (По поводу книги Е.Е.Кузьминой “Откуда пришли индоарии?”). //ВДИ, №1.
- ДЭВЛЕТ М.А., 1975. Древние антропоморфные изображения из Саянского каньона Енисея. //Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Наука, с. 238-248.
- ДЭВЛЕТ М.А., 1976. Большая Боярская писаница. М.: Наука – 20 с, 19 илл.
- ДЭВЛЕТ М.А., 1976б. Петроглифы Улут -Хема. М.:Наука – 120 с.
- ДЭВЛЕТ М.А., 1980. Петроглифы Мутур-Саргола. М.: Наука – 271 с.
- ДЭВЛЕТ М.А., 1982. Петроглифы на кочевой тропе. М.:Наука – 128 с.
- ДЭВЛЕТ М.А., 1988. Ареалы наскального искусства Северной Азии.//Некоторые проблемы сибирской археологии. М.: Наука, с. 54-83.
- ДЭВЛЕТ М.А., 1990. Листы каменной книги Улуг-хема. Кызыл: Тувинское книжное изд-во – 120 с.
- ДЭВЛЕТ М.А., 1992. «Солнцеголовые» антропоморфные фигуры казахстанских петроглифов и их восточные параллели.//Маргулановские чтения 1990 г. Часть 1. М., с. 209-212.
- ДЭВЛЕТ М.А., 1992а. О изображениях антропоморфных личин в азиатском наскальном рисунке. //Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Археологические изыскания. Вып 2. СПб, с. 87-89.
- ДЭВЛЕТ М.А., 2001. Петроглифы Куйлуг-Хема. //Мировоззрение древнего населения Евразии. М., с. 370-438.
- ДЭВЛЕТ М.А., 2004. Каменный “компас” в Саянском каньоне Енисея. М.
- ДЭВЛЕТ Е.Г., 1996. Астрономические объекты в наскальном искусстве. //Археoaстрономия: проблемы становления. М., с. 46-48.
- ДЭВЛЕТ Е.Г., 2002. Памятники наскального искусства. М.: Научный Мир – 240 с.

- ДЭВЛЕТ Е.Г., 2004. Изображения на скалах и мифологические представления о частях и об особенностях костного строения. //OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Сборник статей. Вып.3. М., с. 8-23.
- ДЭВЛЕТ Е.Г., ДЭВЛЕТ М.А., 2004. Об изображениях оленей с солярными знаками на корпусе. //Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Сборник научных трудов. Барнаул, с. 418-422.
- ДЭВЛЕТ М.А., ЧЖАН СО ХО., 2003. Изображения лыжников в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии. //Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посв. 70-летию А.И. Маргынова. Новосибирск, с. 59-63.
- ДЮМЕЗИЛЬ Ж., 1990. Скифы и нарты. М.: Наука – 229 с.
- ДЮМЕЗИЛЬ Ж., 1986. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука – 234 с.
- ЕВДОКИМОВ В.В., 1981. Работы Карагандинского отряда. //АО за 1980 г. М.: Наука, с. 434.
- ЕВДОКИМОВ В.В., 2001. Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06.: Алматы: ИА МОН РК. – 36 с.
- ЕВДОКИМОВ В.В., ЛОМАН В.Г., 1989. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области. //Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: изд-во университета, с. 34-46.
- ЕВДОКИМОВ В.В., ПОВАЛЯЕВ Н.Л., 1989. Оценка численности населения эпохи бронзы Кустанайского Притоболья по экологическим параметрам. //Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.: изд-во университета, с. 104-110.
- ЕВДОКИМОВ В.В., ВАРФОЛОМЕЕВ В.В., 2002. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ – 138 с.
- ЕВСЮКОВ В.В., КОМИССАРОВ С.А., 1984. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов. //Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск: Наука, с. 52-67.
- ЕВСЮКОВ В.В., КОМИССАРОВ С.А., 1985. Колесницы на земле и в небесах. //Атеистические чтения. Вып.14. М., с. 78-04.
- ЕКИМОВ Ю.Г., ПРЯХИН А.А., 1979. Костяные псалии эпохи бронзы с территории лесостепного Подонья. //Древняя история Поволжья. Т. 230. Куйбышев.: изд-во пединститута, с. 78-85.
- ЕПИМАХОВ А.В., 2004. К вопросу о «деградации» колесничного комплекса в период поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам могильника Николаевка II). // Вестник ЧГПУ, №2, с. 105-111.
- ЕПИМАХОВ А.В., 2005. Ранние комплексные общества севера Центральной Азии (по материалам могильника Каменный Амбар – 5). Кн.1, электронное приложение, часть 1-2, Челябинск: изд-во ЮУГУ.
- ЕПИМАХОВ А.В., 2008. «Горизонт колесничных культур» бронзового века: оценка эвристических возможностей. //Известия Челябинского научного центра, вып.1 (39), с. 93-96.
- ЕПИМАХОВ А.В., ЧЕЧУШКОВ И.В., 2004. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы. //Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, с. 39-45.
- ЕПИМАХОВ А.В., ХЭНКС Б., РЕНФРЮ К., 2005. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья. // Российская археология. №4.
- ЕПИМАХОВ А. В., ЧЕЧУШКОВ И. В., 2006. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования. //Археология Южного Зауралья. Степь (проблемы культурогенеза). Под ред. С. Г. Боталова. – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», с. 168-182.
- ЕПИМАХОВ А.В., ЧЕЧУШКОВ И.В., 2008. К вопросу о способах управления пароконной колесницей бронзового века. //Происхождение и распространение колесничества. Сборник научных статей. Луганск: Глобус, с. 205-211.
- ЕРМОЛЕНКО Л.Н., 2008. Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. Томск – 288 с.
- ЕСАЯН С.А., 1966. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван – 158 с.
- ЕСИН Ю.Н., 2005. Некоторые проблемы изучения древнего искусства как изобразительного языка. //Сборник музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Вып.1. Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. Томск, с. 95-103.

- ЕСИН Ю.Н., 2008. “Солнцеголовые” изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины. //Тропюю тысячелетий. Сб. Научных трудов, посвященный юбилею М.А.Дэвлет. Кемерово, с. 81-98.
- ЕСИН Ю.Н., 2009. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины: пространственные построения и конструкция // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, Т. I., с. 68-72.
- ЕСИН Ю.Н., 2010. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины.//Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, с. 53-73.
- ЕСИН Ю.Н.,2011. Наскальные изображения повозок эпохи ранней бронзы Минусинской котловины. //Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. Кемерово, с. 31.
- ЕСИН Ю.Н., 2011а. Тягловые животные и возникшие древнейших изображений повозок Минусинской котловины. //Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-ти летию Независимости Республики Казахстан и 20-ти летию Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК. Алматы. Том 1, с. 267- 273.
- ЕСИН Ю.Н., ОЖЕРЕДОВ Ю.И., 2008, Проблемы изучения Г-образных предметов с Урала, из Западной и Южной Сибири, Казахстана и Монголии. //АЭАЕ. № 2 [34]., с. 100-111.
- ЕШЕЛКИН И.И.,1974. О наскальных изображениях некоторых животных в горах Юго-Восточного Алтая.//Ученые записки Горно-Алтайского НИИЯЛИ. Вып. 11. Горно-Алтайск, с. 63-77.
- ЖАМБЮ М.,1988. Иерархический кластерный анализ и соответствия. М.: Финансы и статистика – 342 с.
- ЖУКОВ В.А., РАНОВ В.А., 1972. Петроглифы на р.Северная Акджилга (Восточный Памир). //АО за 1971. М.: Наука, с. 540-541.
- ЖУКОВ В.А., РАНОВ В.А., 1974. Древние колесницы на Памире.//Памир, N 11.
- ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю.А.,1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.-Л.: Наука (МИА, N 118), с. 62-68.
- ЗАЙБЕРТ В.Ф.,1985. Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана. //Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья.Челябинск, с. 3-17.
- ЗАЙБЕРТ В.Ф.,1987. Природно-экологические и общественные факторы и развитие производящего хозяйства в степях Казахстана. //Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма Ата: Наука, с. 63-64.
- ЗАЙБЕРТ В.Ф., 1993. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука – 216 с.
- ЗАЙБЕРТ В.Ф., 2009. Ботайская культура. Алматы: ҚазАқпарат – 576с.
- ЗАЙБЕРТ В.Ф., ДАНИЛЕНКО Т.А., ГОРБУНОВ В.С., 1990. К вопросу о реконструкции конской сбруи по материалам энеолита и бронзы урало-иртышских степей. //Археология Волго-Уральских степей. Челябинск.: изд-во университета, с. 61-66.
- ЗАЙЦЕВА Г.И., ДУБОВА Н.А., СЕМЕНЦОВ А.А., РЕЙМАР П., МЭЛЛОРИ Дж., ЮНГЕР Х., 2008. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур – тепе. //Труды Маргианской археологической экспедиции. Т.2. М., с. 166-178.
- ЗАХАРОВА Е.Ю., 2000. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж: ЦЧКИ – 163 с.
- ЗДАНОВИЧ Г.Б.,1985. Щитковые псалми Среднего Прииртышья.//Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья.Челябинск.: изд-во Башкирского университета, с. 110-120.
- ЗДАНОВИЧ Г.Б., 1988. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск: изд-во Уральского университета – 184 с, илл.
- ЗДАНОВИЧ Д.Г., и др. , 2002. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск, кн.1.
- ЗДАНОВИЧ С.Я.,1979. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане.//Автореферат дис... канд. ист.наук. М.- 18 с.
- ЗДАНОВИЧ С.Я.,1983. Происхождение саргаринской культуры.//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья.Челябинск.: изд-во университета, с. 69-80.
- ЗИМА Б.М., 1947. К вопросу о происхождении наскальных изображений. //ТКГПИ. Т. 2. Вып. 2. Фрунзе.

- ЗИМА Б.М., 1950. Некоторые выводы по вопросу изучения наскальных изображений Киргизии. // ТКГПИ. Вып. 2. Фрунзе.
- ЗИМА Б.М., 1958. Из истории изучения наскальных изображений Киргизии. // Труды Института истории АН Киргизской ССР. Вып. 4. Фрунзе, с. 111-124.
- ЗОЛОТАРЕВ А.М., 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука -328 с.
- ИВАНОВ В.В., 1968. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний. // СА, N 4.
- ИВАНОВ В.В., 1969. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. // Труды по знаковым системам. 4. Тарту.
- ИВАНОВ В.В., 1972. Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии. // Ранние формы искусства. М.: Наука, с. 105-147.
- ИВАНОВ В.В., 1974. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva-«конь» (жертвоприношение коня и дерево asvattha в древней Индии). // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. Сборник статей памяти В.С. Воробьева-Десятовского. М.: Наука, с. 75-138.
- ИВАНОВ В.В., 1975. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 34. Вып. 5. М., с. 399-408.
- ИВАНОВ В.В., 1976. Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей. // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных германцев. М.: Наука, с. 30-47.
- ИВАНОВ В.В., 1976а. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики. // Историко-филологический журнал, 4(75), с. 69-86.
- ИВАНОВ В.В., 1977. Древнебалканский и общиндоевропейский тексты мифа о герое-убийце пса и евразийские параллели. // Славянское и балканское языкознание. М.: Наука.
- ИВАНОВ В.В., 1977а. К балкано-балго-славяно-кавказским параллелям. // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, с. 152-165.
- ИВАНОВ В.В., 1980. Анатолийские языки. // Древние языки Малой Азии. М.: Наука, с. 129-160.
- ИВАНОВ В.В., 1980. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах. // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, с. 57-64.
- ИВАНОВ В.В., 1983. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука – 197 с.
- ИВАНОВ В.В., ТОПОРОВ В.Н., 1965. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука – 247 с.
- ИВАНЧИК А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Степные народы Евразии. Том 2. М.: Палеограф -324 с, илл.
- ИЗБИЦЕР Е.В., 1993. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. 3 – 2 тыс. до н.э.: Автореф. дис.канд. ист. наук.: СПб.
- ИЗБИЦЕР Е.В., 2010. Колесница с тормозом, или реконструкции без тормозов. // Stratum plus, № 2, с. 187-194.
- ИТИНА М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья. (II-начало I тыс. до н.э.). // Труды Хорезмской экспедиции. N 10. М.: Наука – 239 с.
- КАБИРОВ Д., 1975. К вопросу о локальных различиях наскальных изображений Средней Азии и Казахстана. // ИМКУ. Вып. 12, с. 85-90.
- КАДЫРБАЕВ М.К., 1966. Памятники тасмолинской культуры. // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма Ата: Наука-302с.
- КАДЫРБАЕВ М.К., МАРЬЯШЕВ А.Н., 1973. Каратауские колесницы. // Археологические исследования в Казахстане. Алма Ата: Наука, с. 128-145.
- КАДЫРБАЕВ М.К., МАРЬЯШЕВ А.Н., 1977 (2007 – второе издание книги). Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука – 232 с.
- КАДЫРБАЕВ М. К., КУРМАНКУЛОВ Ж., 1992. Культура древних скотоводов и металлургов Сары – Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алматы: Гылым – 247 с., илл.
- КАЛИЕВА С.С., 2001. О терминах и энеолите Зауралья // XV УАС: тез. докл. междунар. научн. конф. Оренбург, с. 42.
- КАЛИЕВА С.С., ЛОГВИН В.Н., 1997. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: КГУ – 180 с.

- КАЛИЕВА С.С., ЛОГВИН В.Н., 2008. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение). // ВААЭ. № 9. Тюмень, с. 32-58.
- КАЛИНИНА И.В., 1999. Архаические образы как типологические универсалии //Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Том 1. Кемерово, с. 207-211.
- КАЛИЦ Н., 1976. Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестностей Будапешта. // СА, N 2, с. 106-117.
- КАМЕНЕЦКИЙ И.С.,1970. К теории слоя.// Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, с. 83-94.
- КАМЕНЕЦКИЙ И.С.,МАРШАК Б.И.,ШЕР Я.А., 1975. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.: Наука – 176 с.
- КАРАБАСПАКОВА К.М., 1987. К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Семиречья и их связь с памятниками Центрального Казахстана. //Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, с. 90-101.
- КАРАХАНЯН Г.О., САФЯН П.Г., 1970. Наскальные изображения Сюника. Ереван.: издательство АН Арм ССР – 44 с, 342 илл.
- КАРАХМЕДОВА А.А.,1990. Хурритские печати из Мингечаура.//Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М.:Наука, с. 139-143.
- КАСТАНЬЕ И.А.,1910. Древности Киргизской степи и Оренбургского края.//Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 22, с. 28-66.
- КАЧАЛОВА Н.К.,ВАСИЛЬЕВ И.Б., 1989. О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья. //СА, N 2.
- КЕЙПЕР Ф.Б. , 1986. Труды по ведийской мифологии. М.: Наука – 195 с.
- КЕПИНГ К.Б., 1971. Перевод на тангутский язык китайского военного трактата Сунь-цзы //СНВ. Вып. 11. Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. М., с. 43–48.
- КИЛУНОВСКАЯ М.Е., 1996. Наскальные изображения как элемент религиозно-мифологических представлений ранних кочевников Центральной Азии (по материалам из Тувы). //Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., с. 149-153.
- КИЛУНОВСКАЯ М.Е., 2007. Рисунки на скалах Тувы. //А.В. Сборник научных трудов в честь 60-тилетия А.В.Виноградова. СПб.
- КИЛУНОВСКАЯ М.Е., 2011. Колесницы эпохи бронзы в наскальном искусстве Тувы.//Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. Кемерово, с. 44-53.
- КИЛУНОВСКАЯ М. Е., СЕМЕНОВ Вл. А., 1998. Оленные камни Тувы. //Археологические вести. Вып.5. СПб.
- КИРЧО Л.Б., 2009. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе). // АЭАЕ. № 1 (37). Новосибирск, с. 25-33.
- КИМ Д.О., МЬЮЛЛЕР Ч.У., ОЛДЕНДЕРФЕР М.С., БЛЭШФИЛД Р.К., 1989. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. М.: Финансы и статистика – 215 с.
- КИРЮШИН Ю.Ф., 1985. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая. //Урало-Алтаистика: археология, этнография, язык. Новосибирск: Наука.
- КИРЮШИН Ю.Ф., 1991. Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // История, филология и философия. Вып. 2. Новосибирск, с. 66-70.
- КИРЮШИН Ю.Ф., 2002. Энеолит и ранняя бронза Юга Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ – 294 с.
- КИРЮШИН Ю.Ф., 1992. О феномене сейминско-турбинских бронз и времени формирования культур ранней бронзы в Западной Сибири.//Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Археологические изыскания. Вып 2. СПб, с. 66-69.
- КИРЮШИН Ю.Ф., ШУЛЬГА П.И., ГРУШИН С.П., 2006. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая. //Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, с. 45-53.
- КИРЮШИН Ю.Ф., ИВАНОВ Г.Е., 2001. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново-5 на Алтае. //Историко-культурное наследие Северной Азии. Сборник научных трудов. Барнаул, с. 43-52.

- КИСЕЛЕВ С.В., 1949. Древняя история Южной Сибири. М.-Л.-363 с.
- КИСЕЛЕВ С.В., 1962. К изучению минусинских каменных изваяний. //Историко-археологический сборник. М.:Наука, с. 53-61.
- КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ, 2007. Пекин – 256 с., илл.
- КЛЕЙН Л.С., 1963. Глиняные модели колес эпохи бронзы в северном Причерноморье. //Archaeologiai Ertesito. Т. 90.
- КЛЕЙН Л.С., 1970. Проблема определения археологической культуры.// СА, № 2, с. 37-51.
- КЛЕЙН Л.С., 1981. Проблема преемственности и смены археологических культур.//Преемственность и инновации в развитии древних культур. М.: Наука, с. 33-38.
- КЛЕЙН Л.С., 1991. Археологическая типология. – Л.: АН СССР – 448 с.
- КЛЕЙН Л. С., 2010. О степном происхождении индоевропейцев.//Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург: Институт экологии растений и животных УО РАН, с. 167-180.
- КОВАЛЕВА И.Ф., 1991. Новоалександровский энеолитический курган в Днепровском Надпорожье. //Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, вып.2.
- КОВТУН И.В., 2001. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая. Новосибирск: ИАЭ СО РАН.-184с.
- КОВТУН И.В., 2002. Иконография танайских «стержней-жезлов» // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, с. 67-73.
- КОВТУН И.В., 2006. Фигуративные навершия выгнутобушковых ножей сейминсинско-турбинского типа. //Алтай в системе металлургических провинции бронзового века. Барнаул, с. 65-72.
- КОВТУН И.В., ГОРЯЕВ В.С., 2001. Могильник Танай-12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиций. //Историко-культурное наследие Северной Азии. Сборник научных трудов. Барнаул, с. 53-63.
- КОВАЛЕВСКАЯ В.Б., 1977. Конь и всадник. М.:Наука – 152 с.
- КОВАЛЕВ А.А., 1986. О культуре оленных камней. //История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. Ч.1. М.
- КОВАЛЕВ А.А., 2000. Происхождении оленных камней западного региона. //Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М: Геос, с.138-180.
- КОВАЛЕВ А.А., 2001. О происхождении культуры оленных камней. //Евразия сквозь века. Спб., с. 160 – 166.
- КОЖИН П.М., 1966. Кносские колесницы. //Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, с.76-81.
- КОЖИН П.М., 1969. К вопросу о происхождении иньских колесниц. //Культура народов Зарубежной Азии и Океании. Т. 25, Л., с. 29-40.
- КОЖИН П.М., 1968. Гобийская квадрига. //СА, № 3, с. 35-42
- КОЖИН П.М., 1970. О псалмах из афанасьевских могил. //СА, №4, с. 189-193.
- КОЖИН П.М., 1977. Об иньских колесницах. //Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.: Наука – 280 с.
- КОЖИН П.М., 1982. Проблемы историко-культурных и этнических контактов населения Евразии с IV тысячелетия до н.э. по первые века н.э. (происхождение и древняя история колесного транспорта). М. Деп. ИНИОН, № 13481 – 273 с.
- КОЖИН П.М., 1982. К проблеме хронологии азиатских петроглифов. //Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, с. 100-103.
- КОЖИН П.М., 1985. К проблеме происхождения колесного транспорта. //Древняя Анатолия. М.: Наука, с. 169-183.
- КОЖИН П.М., 1987. Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии.//Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, с. 109-125.
- КОЖИН П.М., 1990. О хронологии иньских памятников Аньяна. //Китай в эпоху древности. Новосибирск.: Наука, с. 45-56.
- КОЖОМБЕРДИЕВ И.К., ПОМАСКИНА Г.А., 1977. Наскальные изображения – Кетмень-Тюбе. Фрунзе – 123 с.
- КОЗЕНКОВА В.И., 1973. Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье. //КСИА, вып 134, с. 60-67.
- КОКС Д., ШЕЛЛ Э., 1984. Прикладная статистика. Принципы и примеры. М.: Мир – 200 с.

- КОМАРОВ П.А., 1905. О Боролдайских письменах. //ПТКЛА. Год 10.
- КОМАРОВА М.Н., 1947. Погребения Окунева улуса. К вопросу о хронологическом разделении памятников андроновской культуры Минусинского края. //СА, N 9, с. 47-60.
- КОМАРОВА М.Н., 1952. Томский могильник-памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. // МИА, т.1. М-Л., с. 7-50.
- КОМИССАРОВ С.А., 1980. Чжоуские колесницы. //Известия СО АН СССР, вып 1, N 1, с. 156-163.
- КОМИССАРОВ С.А., 1988. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск.: Наука – 120 с, илл.
- КОМОРОЦИ Г., 1981. К символике дерева в искусстве древнего Двуречья. //Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, с. 47-52.
- КОНДРАШОВ А.В., РЕЗЕПКИН А.Д., 1988. Новосвободненское погребение с повозкой. //КСИА, вып 193.
- КОНИ, КОЛЕСНИЦЫ И КОЛЕСНИЧИЕ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ, 2010. Коллективная монография. Екатеринбург-Самара-Донецк: Институт экологии растений и животных УО РАН – 370 с.
- КОРЕНЕВСКИЙ С.Н., 1981. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии. //СА, N 1.
- КОРЕНЕВСКИЙ С.Н., 1990. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры. //СА, N 4, с. 125-130.
- КОРЕНЕВСКИЙ С.Н., МИМОХОД Р.А., 2011. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М.
- КОРЕНЯКО В.А., 2004. Этические проблемы и кризисные явления в археологии. // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова. М., с. 36-47.
- КОРОБЕЙНИКОВ А.В., 2006. Имитационное моделирование по данным археологии. Ижевск: Камский институт гуманитарных и инженерных технологий. – 116 с.
- КОРПУСОВА В.Н., ЛЯШКО С.Н., 1990. Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму. //СА, N 3, с. 166-175.
- КОРПУСОВА В.Н., БЕЛОЗОР В.П., 1980. Могила киммерийского воина у Джакоя в Крыму. //СА, N 3.
- КОСАМБИ Д., 1968. Культура и цивилизация древней Индии. М.: Прогресс – 216 с.
- КОСАРЕВ М.Ф., 1965. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. //СА, N 2, с. 242-246.
- КОСАРЕВ М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука – 278 с.
- КОСИНЦЕВ П.А., 2000. Костные останки животных из укрепленного поселения Аркаим. //Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск: Центр «Аркаим», ИИА, с. 17– 44.
- КОТОВИЧ В.Г., КОТОВИЧ В.М., МАГОМЕТОВ С.М., 1980. Утамышские курганы. //Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука.
- КРИВЦОВА-ГРАКОВА О.А., 1948. Алексеевское поселение и могильник. //Труды ГИМ, вып 17, с. 59-172.
- КРУТЛОВ А.П., 1940. Археологические работы на Северном Кавказе. //КСИИМК, с.65-69.
- КУБАРЕВ В.Д., 1979. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука – 120 с, илл.
- КУБАРЕВ В.Д., 1980. «Конь счастья» в религиозно-мифологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая. //Рериховские чтения 1979 г. Новосибирск.: Наука, с. 58-70.
- КУБАРЕВ В.Д., 1987. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор. //Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск.: Наука, с. 150-170.
- КУБАРЕВ В.Д., 1988. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука – 173 с, илл.
- КУБАРЕВ В.Д., 1990. Периодизация петроглифов Калбак-Таша. //Проблемы изучения наскальных изображений в СССР, М.: Наука, с.154-156.
- КУБАРЕВ В.Д., 1999. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. – № 4. Горно-Алтайск, с. 186-201.
- КУБАРЕВ В.Д., 2003. Наскальное искусство Алтая. – Новосибирск: ГУП. Горно-Алтайск – 94 с.
- КУБАРЕВ В.Д., 2003а. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая //Древности Алтая. № 11. Горно-Алтайск, с. 23-35.
- КУБАРЕВ В.Д., 2006. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая. //АЭАЕ. № 3 (27), с. 41-54.

- КУБАРЕВ В.Д., 2007. Арал-Тологой: новый памятник наскального искусства Монголии. // АЭАЕ. № 1 (29). Новосибирск, с. 111-126.
- КУБАРЕВ В. Д., 2009. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск.
- КУБАРЕВ Г.В., 2003. Жанровая сцена из Бичикту-Бома. // Степи Евразии в древности и средневековье. Т. 2. СПб., с. 243-244.
- КУБАРЕВ В.Д., ЧЕРЕМИСИН Д.В., 1987. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии. // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск.: Наука, с. 98-117
- КУБАРЕВ В.Д., МАТОЧКИН Е.П., 1992. Петроглифы Алтая. Новосибирск: СО РАН, институт археологии и этнографии – 123 с, илл.
- КУБАРЕВ В.Д., ЦЭВЭЭНДОРЖ Д., ЯКОБСОН Э., 2005. Петроглифы Цаган-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск-Улан-Батор-Юджин: Наука – 640с.
- КУЗНЕЦОВ П.Ф., 2002. Образы коня в бронзовом веке и еще одна интерпретация ростовкинской композиции. // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, с. 81-84.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1958. Могильник Заман-баба. // СА, N 2.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1974. Колесный транспорт и проблемы этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. // ВДИ. N 4, с. 68-87.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1976. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., с. 52-65.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1977. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, с. 28-52.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1978. Связи евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тысячелетия до н.э. // Древние культуры Поволжья. Т. 221. Куйбышев: изд-во пединститута, с. 21-23.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1980. Еще раз о дисковидных псалях Евразийских степей. // КСИА, вып 161, с. 8-21.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1980а. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы. // ВДИ, N 4, с. 11-35.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1981. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, с. 101-125
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1983. О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства Евразийских степей скифского времени. // ВДИ. №1. М., с.95-106.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1988. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. // Диссертация... док. ист. наук. Новосибирск – 34 с.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1988а. Еще раз о хронологии и этнической принадлежности памятников федоровского типа андроновской общности. // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, с. 95-97.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1992. Три направления культурных связей андроновских племен и хронология андроновской культурной общности. // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Археологические изыскания. Вып 2, СПб., с. 43-45.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1994. Откуда пришли индоари? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Российский институт культурологии РАН и МК РФ – 464 с.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 2000. Методы раскрытия информационного потенциала наскальных изображений. // Наскальное искусство Азии. Вып.1. Кемерово, с. 37-39.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 2000а. Кони и колесницы Южного Урала и индоевропейские мифы. // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск: ИЕИ, ИС УрО РАН, с. 3-9.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 2004. Современное состояние проблемы доместикации лошади и происхождение колесниц. // У истоков цивилизации. М.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: Принт А – 360 с.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 2008а. Арии – путь на юг. М; СПб.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 2010. Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа-Азия. Отв. Редактор Г.М.Г.Бонгард-Левин. М: КомКнига – 240 с.

- КУКУШКИН И.А., 2007. Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1. //Историко-культурное наследия Сарыарки. Караганда, с. 40 -65.
- КУКУШКИН И.А., 2011. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису. //Российская археология, №2, с. 110-116.
- КУФТИН Б.А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Т. 1. Опыт периодизации памятников. Тбилиси.: изд-во АН Грузии – 492 с.
- КУЧЕРА С., 1977. Китайская археология 1965-1974 гг.: палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. М.: Наука – 268 с.
- КУЧЕРА С., 2000. Возникновение металлургии в древнем Китае. //Древности. 31. М.
- КУШНАРЕВА К.Х., 1992. К проблеме триалетской культуры Южного Кавказа. //Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Археологические изыскания, вып 2. СПб., с. 69-72.
- КЫЗЛАСОВ Л.Р., 1950. Сары-Булакская писаница в Бетпак-Дале. //КСИИМК, вып. 35
- КЫЗЛАСОВ Л.Р., 1986. Древнейшая Хакасия. М.: изд-во МГУ – 295 с.
- КЫЗЛАСОВ Л.Р., КЫЗЛАСОВ И.Л., 1973. Исследования на территории Хакасии. //АО за 1972. М.: Наука, с.223
- ЛАЗАРЕТОВ И.П., 1997. Окуневские могильники в долине р. Уйбат. //Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- ЛАЗАРЕТОВ И.П., 2011. Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей. //Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. Кемерово, с. 59-63.
- ЛАЛАЯН Е.А., 1931. Раскопки могил в советской Армении. Ереван.
- ЛАМБЕРГ-КАРЛОВСКИ К.К., 1990. Модели взаимодействия в III-ем тысячелетии до н.э.: от Месопотамии до долины Инда. //ВДИ, N 1, с. 3-21.
- ЛАРИЧЕВ В.Е., 2004. Стела Аскиза: астральные боги и время (к семантике фантастического обличья быков, анималистических фигур и личин окуневской эпохи). //Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, с. 379-389.
- ЛАРИЧЕВ В.Е., 2008. Мархинский дракон и время (астрономический Календарный и космогонико-мифологический аспекты семантики небесного чудовища и зооантропоморфных фигур святылища Сурактаг-хая, верхняя композиция). //Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. Барнаул, с. 165-185.
- ЛАТЫНИН Б.А., 1965. Архаические круглые псалии с шипами. //Новое в советской археологии. М.: Наука, с. 201-204.
- ЛЕВИ-СТРОСС К., 1985. Как умирают мифы. //Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., с. 77-88.
- ЛЕГРАН С., 2000. К вопросу о происхождении звериного стиля карасукских металлических изделий и бронзы «карасукского типа». //Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Том 2. Кемерово, с.137- 141
- ЛЕОНТЬЕВ Н.В., 1969. Кундусукские росписи. // СА, N 4, с. 245-248.
- ЛЕОНТЬЕВ Н.В., 1970. Изображения животных и птиц на плитах могильника Черновая VIII. //Древняя Сибирь. Вып. 3. Новосибирск.: Наука, с. 265-270.
- ЛЕОНТЬЕВ Н.В., 1975. Каменные фигурные жезлы Сибири. //Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, с. 63-67.
- ЛЕОНТЬЕВ Н.В., 1976. Наскальные рисунки Коровьего лога. //ИСОАН. Серия общественных наук. N 11. Вып. 3, с. 128-136.
- ЛЕОНТЬЕВ Н.В., 1978. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики). //Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск.: Наука, с. 88-118.
- ЛЕОНТЬЕВ Н.В., 1980. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее. //Вопросы археологии Хакасии. Абакан: кн. изд-во, с. 65-84.
- ЛЕОНТЬЕВ Н.В., МИКЛАШЕВИЧ Е.А., МУХАРЕВА А.Н., 2005. Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины. //Археология Южной Сибири. Вып. 23. Сб. посв. 60-летию В.В. Боброва. Кемерово, с. 120-132.
- ЛЕОНТЬЕВ Н.В., КАПЕЛЬКО В.Ф., ЕСИН Ю.Н., 2006. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан.

- ЛЕСКОВ А.М., 1964. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова. //СА, N 1, с. 299-303
- ЛЕСКОВА С.Г., 1974. Стрельба из лука и управление колесницей в обрядовой песне древнего Китая. //Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М.: Наука, с. 14-16.
- ЛИБЕРОВ П.Д., 1980. О хронологии некоторых костяных изделий эпохи поздней бронзы. //КСИА, вып 161, с. 21-24.
- ЛИНЬ ЮНЬ, 1990. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями Шанской культуры и северной зоны. //Китай в эпоху древности. Новосибирск: Наука, с. 29-45.
- ЛИПСКИЙ А.Н., 1956. Археологические раскопки в Хакассии. //КСИИМК, вып. 64, с. 121-124.
- ЛИПСКИЙ А.Н., 1961. Новые данные по афанасьевской культуре. //Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, с. 269-278.
- ЛИПСКИЙ А.Н., 1970. К вопросу о семантике солнцобразных личин Енисея. // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, с. 163-173.
- ЛИТВИНСКИЙ Б.А., 1964. Таджикистан и Индия (примеры древних контактов). // Индия в древности. М.: Наука, с. 143-165.
- ЛИТВИНСКИЙ Б.А., 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.:Наука – 272 с.
- ЛИТВИНСКИЙ Б.А., 1981. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. //Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.:Наука, с. 54-166.
- ЛИТВИНСКИЙ Б.А., 2000. Медные котелки из Индостана и Памира. //Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М: Геос, с. 277-294.
- ЛИТВИНСКИЙ Б.А., 2010. Храм Окса. Т. 3. М.
- ЛОБАНОВА Н.В., 2007. Петроглифы Старой Залавруги: новые данные – новый взгляд. // АЭАЕ. – № 1 (29). Новосибирск, с. 127-135.
- ЛОБЗОВА Р.В., КОЧАНОВИЧ А.В., 2005. Скальные породы, корковые отслоения и патины на некоторых местонахождениях Сибири. //Мир наскального искусства. М., с. 165-167.
- ЛОГВИН В.Н., 1991. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-энеолит). Алма Ата: изд-во пединститута – 64 с, илл.
- ЛОГВИН А.В., ШЕВНИНА И.В., 2011. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак. //Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-ти летию Независимости Республики Казахстан и 20-ти летию Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК. Алматы. Том 1, с. 349-360.
- ЛОТ А., 1973. В поисках фресок Тассилин-Аджер. Л.:Искусство – 111 с., илл.
- ЛОТ А., 1984. К другим Тассили. Новые открытия в Сахаре. Л.:Искусство – 215 с, 32 илл.
- МАЗНИЧЕНКО А.П., 1985. Бронзовый наконечник копья из Кустанайского музея // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, с. 152-154.
- МАКАРЕВИЧ М.Л., 1954. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II. //КСИА АН УССР, вып 3.
- МАКСИМЕНКОВ Г.А., 1965. Окуневская культура Южной Сибири. //Новое в советской археологии. М.:Наука, с. 168-174.
- МАКСИМЕНКОВ Г.А., 1975. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины. //Первобытная археология Сибири. Л.:Наука, с. 48-58.
- МАКСИМЕНКОВ Г.А., 1978. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука – 192 с, илл
- МАКСИМОВА А.Г., 1958. Наскальные изображения ущелья Тамгалы. //ВАН Каз ССР, 9, с.108-116.
- МАКСИМОВА А.Г., ЕРМОЛАЕВА А.С., МАРЬЯШЕВ А.Н., 1985. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма Ата: Онер – 21 с, илл.
- МАЛОЛЕТКО А.М., 1987. Топонимические свидетельства пребывания саков на Алтае. //Проблемы археологии степной Евразии. Ч. 2, с. 52-53.
- МАМОНОВА Н.Н., 1979. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии. // III-й международный конгресс монголоведов. Т. III, Улан-Батор.
- МАНДЕЛЬШТАМ А.М., 1956. Несколько замечаний о наскальных рисунках бассейна верхнего Зеравшана. //Труды АН ТаджССР. Т.17.
- МАНДЕЛЬШТАМ А.М., 1961. Наскальные изображения «Текке-Таш» в Каратегине. // ИАН ТаджССР. Серия общественных наук. Вып. 1, с. 85-87.
- МАНДЕЛЬШТАМ А.М., 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.: Наука, (МИА, N 145) – 184 с, илл.

- МАРГУЛАН А.Х., 1947. Археологические разведки в бассейне р. Сарысу. //ВАН Каз ССР, N 7.
- МАРГУЛАН А.Х., 1948. К изучению памятников района р.Сарысу.//ВАН Каз.ССР, N 2.
- МАРГУЛАН А.Х., 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма Ата: Наука – 336 с, илл.
- МАРГУЛАН А.Х., АГЕЕВА Е.И., 1948. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.). //ИАН КазССР. Серия археологическая. 1, с. 132-137.
- МАРГУЛАН А.Х.(ред.), АКИШЕВ К.А., КАДЫРБАЕВ М.К., ОРАЗБАЕВ А.И., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма Ата: Наука – 302 с, илл.
- МАРИКОВСКИЙ П.М., 1961. Наскальные рисунки гор Кульджабасы. //ТИИАЭ АН КазССР, т. 12, с. 78-86.
- МАРИКОВСКИЙ П.М., 1970. Наскальные рисунки как мишени.//По следам древних культур Казахстана. Алма Ата:Наука, с. 290-292.
- МАРКЕВИЧ В.И., 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев – 196 с.
- МАРКОВ Г.Е., 1976. Кочевники Азии (структура хозяйства и общая организация). М.: изд-во МГУ – 319 с.
- МАРКОВИН В.И., 1990. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура).//СА, N 4, с. 106-122.
- МАРТИРОСЯН А.А., 1981. Наскальные изображения Гегамских гор. Ереван: издательство АН Арм ССР – 124 с, 81 илл.
- МАРР Н.Я., 1934. Язык и мышление. //Избранные труды. Т. 3. М.-Л., с. 90-122.
- МАРСАДОЛОВ Л.С., 1999. Художественные образы и идеи на великом степном пути Евразии в IX-VII вв. до н.э. //Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Том 1. Кемерово, с. 152-163.
- МАРСАДОЛОВ Л.С., 2002. Астрономический аспект грота Акбаур на Западном Алтае // Астрономия древних обществ. – М.: Наука, с. 228-234.
- МАРСАДОЛОВ Л.С., 2011. Звездные аспекты сакральных колесниц из Турции, Китая и Алтая. //Наскальное искусство в современном обществе. Материалы конференции. Кемерово, с.68-71.
- МАРСАДОЛОВ Ю.С., 2007. Общие закономерности при выборе места в окружающем ландшафте для культовых объектов Саяно-Алтая во 2-1 тыс. до н.э. // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб., с. 199-211.
- МАРТЫНОВ А.И., 1971. Петроглифы Сибири: анализ конкретных источников и всемирно-исторический масштаб. //Изв. СО АН СССР (серия общественных наук). № 11. – Вып. 3. Новосибирск, с. 103-118.
- МАРТЫНОВ А.И., 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск:Наука – 207 с, 55 илл.
- МАРТЫНОВ А.И., 1988. Писаница на Томи. Кемерово: кн. изд-во – 56 с.
- МАРТЫНОВ А.И., 1990. К вопросу о типологии памятников петроглифического искусства // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., с. 13-18.
- МАРТЫНОВ А.И., 2005. Современное общество и памятники наскального искусства // Мир наскального искусства. М., с. 168-171.
- МАРТЫНОВ А.И., 2005. Как мы распоряжаемся археологическим историко-культурным наследием? // Археология Южной Сибири. Кемерово. Вып. 23. – с. 40-44.
- МАРТЫНОВ А.И., МАРЬЯШЕВ А.Н., АБЕТЕКОВ А.К., 1992. Наскальные изображения Саймалы-Таша. – Бишкек: Илим – 52
- МАРТЫНОВА Г.С., ПОКРОВСКАЯ А.Ф., 2001. Природный фактор наскального искусства Притомья. //Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Матер. 12 ЗСАЭК. Томск, с. 48-49.
- МАРШАК Б.И., 1971. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.:Наука.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., 1970. Петроглифы Иссык-Куля.//Природа, N 9.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., 1971. Древние наскальные рисунки Чулакских гор. //ВАН КазССР, N 9, с. 65-69.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., 1980. Петроглифы Семиречья. //Звери в камне. Новосибирск, с. 211-229.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., ПОТАПОВ С.А., 1992. Культовые сюжеты в петроглифах эпохи энеолита и бронзы. //Маргулановские чтения – 1990: сборник матер. конф. М., с. 212-222.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., РОГОЖИНСКИЙ А.Е., 1987. Вопросы периодизации и хронологии петроглифов Казахстана. //Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск, с. 55-59.

- МАРЬЯШЕВ А.Н., РОГОЖИНСКИЙ А.Е., 1991. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алма Ата.: Гылым – 48 с, 60 илл.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., ПОТАПОВ С.А., 1993. Некоторые вопросы хронологии и семантики петроглифов эпохи бронзы. //Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово, с. 133- 142.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., ГОРЯЧЕВ А.А., 1998. Наскальные изображения Семиречья. Алматы: Фонд 21 век – 206 с.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., ГОРЯЧЕВ А.А., 2002. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы: Общественный фонд «Родничок» – 238 с.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., ПОТАПОВ С.А., 2006. Древности долины реки Или. Алматы: – 20 с. – илл.
- МАРЬЯШЕВ А.Н., ГОРЯЧЕВ А.А., 2008. Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу. //Известия НАН РК. Серия общественных наук. №1 (254). Алматы, с. 101-109
- МАСАНОВ Н.Э., 1984. Проблемы социально-экономической истории Казахстана 18-19 вв. Алма Ата:Наука – 326 с.
- МАСАНОВ Н.Э., 1987. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества. //ВАН КазССР, N 3, с.29-39.
- МАСАНОВ Н.Э., 1989. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии.//Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма Ата: Наука, с. 55-81.
- МАСАНОВ Н.Э., 2000. Особенности функционирования традиционного кочевого общества казахов. //Сезонный экономический цикл населения Северо Западного Прикаспия в бронзовом веке. М., с. 116-130.
- МАССОН В.М., 1966. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л.:Наука.
- МАССОН В.М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука – 192 с
- МАССОН В.М., 1975. Системный анализ в археологических исследованиях. //Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., с. 53-56.
- МАССОН В.М., 1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара: Институт истории и археологии Поволжья – 102 с.
- МАССОН В. М., 1999. О продвижении носителей культур степной бронзы и процессах культурогенеза в древней Средней Азии. //Комплексные общества Центральной Евразии в 3-1 тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск-Аркаим: «Аркаим», с. 72 -77.
- МАССОН В.М., 2006. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб.
- МАТОЧКИН Е.П., 2006. Петроглифы Зеленого Озера – памятник эпохи бронзы Алтая // АЭАЕ. № 2 (26), с. 104-115.
- МАТЮШИН Г.Н., 1981. Энеолит Южного Урала. М.: Наука – 328 с.
- МАТЮЩЕНКО В.И.,1970. Нож из могильника у деревни Ростовки.//КСИА, вып 123, с. 103-105.
- МАТЮЩЕНКО В.И.,1972. Бронзовое копье из Омского музея. //Вопросы истории Сибири. Томск, вып 6, с. 145-147.
- МАТЮЩЕНКО В.И.,1975. Могильник у дер.Ростовка.//Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.:Наука, с.129-137.
- МАТЮЩЕНКО В.И.,СЕНИЦЫНА Г.В.,1988. Могильник у д. Ростовка близ Омска. Томск: изд-во университета – 135 с, илл.
- МАЧИНСКИЙ Д.А., 1997. Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце IV- середине I тыс. до н.э. //Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. Археология. Источниковедение. Лингвистика. Философия истории. СПб., с. 73-94.
- МЕДВЕДСКАЯ И.Н., 1977. Об «иранской» принадлежности серой керамики раннежелезного века Ирана. //ВДИ, N 2, с. 93-105.
- МЕДОЕВ А.Г.,1961. Наскальные изображения гор Тесиктас и Караунгур. //ТИИАЭ АН КазССР, т. 12, с. 72-77.
- МЕДОЕВ А.Г.,1961а. Древние памятники изобразительного искусства в урочище Калмакжatkan-Карашат.// ВАН КазССР, N 2, с. 100-101.
- МЕДОЕВ А.Г.,1963. Гравюра на камне в горах Тюлькули.//ВАН КазССР, N 7, с. 89-93.
- МЕДОЕВ А.Г.,1966. Гравюра на камне у гор Итмурунды.//Простор, N 12, с. 102-103.

- МЕДОЕВ А.Г., 1979. Гравюры на скалах: Сары арка, Мангышлак. ч. 1. Алма Ата.:Жалын – 176 с, илл.
- МЕЛЬНИК В.И., 1990. Из истории полтавкинской проблемы. //СА, N 1, с. 103-107.
- МЕНЧИНСКАЯ Т., КУДАЕВ Э.Ш., 1977. Наскальные рисунки в Центральных Кызылкумах. // СА, N 4.
- МЕРПЕРТ Н.Я., 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. //Автореферат ... дис. докт. ист. наук. М.- 84 с.
- МЕРПЕРТ Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.:Наука – 152 с, 18 илл.
- МЕРПЕРТ Н.Я., 1977. Из истории древнеямных племен. //Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.:Наука, с. 68-79.
- МЕРПЕРТ Н.Я., 1988. Об этнокультурной ситуации IV-III тыс. до н.э. в циркумпонтийской зоне. //Древний Восток. Этнокультурные связи. Вып 80. М.:Наука, с. 7-36.
- МЕРПЕРТ Н.Я., МУНЧАЕВ Р.М., 1971. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии (по материалам раскопок Советской экспедиции). М.:Наука – 320 с.
- МЕРЦ В.К., 2002. Наскальные рисунки края Кереку-Баян. Павлодар: Из-во Павлодарского госуниверситета – 114 с.
- МИЛЛЕР Г.Ф., 1750. Описание Сибирского царства. СПб.
- МИЛЛЕР Вс., 1876. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т. 1. Ашвины-Диоскуры. М.
- МИКЛАШЕВИЧ Е.А., 2006. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири. //Окуневский сборник. Культура и её окружение. Вып. 2. Сост. и ред. Д.Г. Савинов, М.Л.Подольский. СПб.: изд-во Элекс – принт, с. 191-211.
- МИКЛАШЕВИЧ Е.А., КОЧАНОВИЧ А.В., 2005. Объемные копии наскальных рисунков – вред или польза. // Мир наскального искусства. М., с. 177-180.
- МИКЛАШЕВИЧ Е.А., МУХАРЕВА А.Н., 2011. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников. //Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-ти летию Д.Г. Савинова. Труды САИПИ. Вып. 7. Кемерово, с. 233-246.
- МИМОХОД Р.М., 2009. Курганы эпохи бронзы в Саратовском Поволжье. М.
- МИНОРСКИЙ А.И., 1951. Древние наскальные рисунки Горного Алтая. //КСИИМК. Вып. 36.
- МИНЯЕВ С.С., САХАРОВСКАЯ Л.М., 2007. Ханьская колесница из могильника Царам. //Археологические вести. Вып. 14, СПб, с. 130-137.
- МИРИМАНОВ В.Б., 1973. Первобытное и традиционное искусство. Малая история искусств. М.: Искусство – 320 с, илл.
- МИРСААТОВ Т., КАБИРОВ Д., 1974. Экспериментальное изучение техники нанесения петроглифов в ущелье Сармичая. //ИМКУ. Вып. 11.
- МИХАЙЛОВ Ю.И., 1990. Орнамент андроновского керамического комплекса (проблемы анализа и интерпретации). //Автореферат ... дис. канд. ист. наук. Кемерово – 18 с.
- МИХАЙЛОВ Ю.И., 2000. Образ «чудесной упряжки» и символика движение-перемещение в культурных традициях юга Западной Сибири и Центральной Азии. //Новосибирск, с. 54-58.
- МИХАЙЛОВ Ю.И., 2002. Песты и жезлы с зооморфными навершиями: проблемы хронологии и ритуальная символика. //Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, с. 106-109.
- МИХАЙЛОВ Б.Д., 2005. Хронология и некоторая интерпретация петроглифов Каменной Могины. // Мир наскального искусства. М., с. 181-185
- МИФЫ древней Индии. Наука. М., 1975.-240с.
- МНАЦАКАНЯН А.О., 1957. Раскопки курганов на побережье озера Севан в 1956 году. // СА, N 2, с.146-153
- МНАЦАКАНЯН А.О., 1960. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье озера Севан. //СА, N 2, с.139-152.
- МОЛОДИН В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск.: Наука – 173 с.
- МОЛОДИН В.И., 2004. Наскальное искусство Северной Азии: проблемы изучения. //АЭАЕ. – № 3 (19). – Новосибирск, с. 51-64
- МОЛОДИН В.И., ПОГОЖЕВА А.П., 1990. Плита из Озерного (Горный Алтай). //СА, N 1, с. 167-177.

- МОЛОДИН В.И., ЧЕРЕМИСИН Д.В., 1999. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука – 160 с.
- МОЛОДИН В.И., ЧЕРЕМИСИН Д.В., 2007. Петроглифы Укока. //АЭАЕ. – № 4 (32). – Новосибирск, с. 91-101.
- МОЛОДИН В.И., ЕФРЕМОВА Н.С., 2008. Культурный комплекс Куйлю (Кучерла-1): преемственность иррационального опыта. //АЭАЕ. – №1 (33). Новосибирск, с. 67-78.
- МОЛОДИН В.И., ПИЛИПЕНКО А.С., ЧИКИШЕВА Т.А., ЖУРАВЛЕВ А.А., ПОЗДНЯКОВ Д.В., ТРАПЕЗОВ Р.О., РОМАЩЕНКО А.Г., 2011. К вопросу о связях населения территории современного Казахстана и Барабинской лесостепи в эпоху бронзы (по материалам археологии, антропологии и палеогенетики). //Маргулановские чтения 2011 года. Астана: ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, с. 88-92.
- МОШИНСКАЯ В.И., ЛУКИНА Н.В., 1982. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров.//Археология и этнография Приобья. Томск, с. 56-59.
- МУНЧАЕВ Р.М.,1975. Кавказ на заре бронзового века:неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука – 416 с.
- МУРАДОВА Ф.М., РУСТАМОВ Дж.Н.,1986. Памятники Гобустана. Баку:Элм – 25 с, илл.
- МУРГАБАЕВ С. С., 2011. Үлкен Каратау жаргас суреттерін мерзімдеу маселесі. //Известия НАН РК. Серия общественных наук. Алматы.
- МУРГАБАЕВ С., ЕЛЕУОВ М., САМАШЕВ З., 2006. Үлкен Каратау петроглифтері. // ҚазҰУ Хабаршысы. Тарих сериясы. № 3 (42). Алматы – 68-73 б.
- МЫЛЬНИКОВ А.С., 1989. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации. //Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., с. 7-37.
- НЕФЕДКИН А.К., 1997. Боевые колесницы в древней Греции (XVI – I вв. до н. э.): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб., – 29 с.
- НЕФЕДКИН А.К., 2001. Боевые колесницы и колесничие древних греков (16-1 вв. до н.э.). СПб.: Наука – 521с.
- НЕХАЕВ А.А., 1984. Некоторые вопросы изучения пос. Свободное.//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, с. 69-79.
- НЕХАЕВ А.А., 1985. Работы Адыгейской археологической экспедиции. //Археологические исследования в зонах мелиорации. Л., с. 59-60.
- НЕХАЕВ А.А.,1987. Закубанье и степь в эпоху раннего металла. Краснодар, с 22-24.
- НИКОЛАЕВА Н.А., 1980. Повозки Западного Прикубанья и вопросы появления первых индоевропейцев в Восточной Европе. //Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, с. 20-30.
- НИКОЛАЕВА Н.А., САФРОНОВ В.А., 1982. Хронология и происхождение майкопского искусства. //Хронология бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, с. 28-63.
- НИКОЛАЕВА Н.А., САФРОНОВ В.А., 1983. Проблемы появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение кубано-днепровской культуры – культуры древнейших повозок. //Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, с. 43-83.
- НОВГОРодОВА Э.А., 1971. Дорогой древних колесниц. //Вокруг света, № 3, с. 49-53.
- НОВГОРодОВА Э.А.,1978. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии.// СА, № 4, с. 193-206.
- НОВГОРодОВА Э.А., 1984. Мир петроглифов Монголии. М.:Наука – 168 с, илл.
- НОВГОРодОВА Э.А.,1989. Древняя Монголия. М.:Наука-383с.
- НОВОЖЕНОВ В.А., 1987. О датировке наскальных изображений Сары-Арки. //Проблемы периодизации и хронологии археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.: изд-во университета, с.79-89.
- НОВОЖЕНОВ В.А., 1989. Колесный транспорт эпохи бронзы урало-казахстанских степей. //Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: изд-во университета, с. 110-122
- НОВОЖЕНОВ В.А., 1990. О взаимосвязях населения Казахского мелкосопочника в древности. //Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, с.130-136.
- НОВОЖЕНОВ В. А., 1994. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы: изд-во Аргументы и Факты – Казахстан.

- НОВОЖЕНОВ В. А., 2002. Петроглифы Сары Арки. Алматы: изд-во Института археологии – 125 с., илл.
- НОВОЖЕНОВ В.А., 2009. К проблеме древнейших миграций в евразийской степи. //Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: «Маргулановские чтения – 2008», Караганда., с. 103-110.
- НОВОЖЕНОВ В.А., 2011. Азиатские колесницы (к проблеме выделения азиатского колесничного комплекса). //Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-ти летию Независимости Республики Казахстан и 20-ти летию Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК. Алматы. Том 1, с. 247- 256.
- НОВОЖЕНОВ В.А., СМЕРНОВ Д.А., ШЕР Я.А., 1993. Компьютерный банк данных «Петроглифы Центральной и Средней Азии» (общая концепция и основные структуры). //Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово, с. 48-60.
- НОВОЖЕНОВ Ю.И.,1991. Статус секс и эволюция человека. Свердловск.:изд-во Уральского университета – 161 с.
- НОВОЖЕНОВ Ю.И., 2005. Адаптивность красоты. Социобиологический анализ прекрасного. Екатеринбург: Банк культурной информации – 480 с.,илл.
- НУРУМОВ Т.Н.,МАКАРОВА Л.А.,1988. Домашние и дикие животные эпохи неолита и бронзы Центрального и Северного Казахстана.//Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. Алма Ата:Наука, с.7-36.
- ОГИБЕНИН Б.Л., 1968. Структура мифологических текстов «Ригведы» (ведийская космогония). – М.: Наука – 115 с.
- ОКЛАДНИКОВ А.П.,1964. Олень Золотые Рога. Л.-М.
- ОКЛАДНИКОВ А.П.,1966. Петроглифы Ангары. М.-Л.
- ОКЛАДНИКОВ А.П.,1967. Утро искусства. М.-Л.
- ОКЛАДНИКОВ А.П.,1968. Лики древнего Амура. Новосибирск – 240 с, илл.
- ОКЛАДНИКОВ А.П.,1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.:Наука – 336 с.
- ОКЛАДНИКОВА.П.,1972. Центральноазиатский очаг первобытного искусства. Новосибирск:Наука.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., 1973. Проблема связи между племенами Западной Сибири и Прибайкалья по материалам петроглифов в раннем бронзовом веке. Тезисы.//Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, с. 20-25.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., ЗАПОРОЖСКАЯ В.Д., 1959. Ленские писаницы. М.-Л.- 199 с, илл.
- ОКЛАДНИКОВ А.П.,ЗАПОРОЖСКАЯ В.Д., 1969. Петроглифы Забайкалья. Ч. 1. Л.: Наука – 220 с, илл.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., ЗАПОРОЖСКАЯ В.Д., 1970. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука – 264 с, илл.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., МАЗИН А.И., 1976. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., МАРТЫНОВ А.И., 1972. Сокровища томских писаниц: наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.:Искусство – 258 с, илл.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., МОЛОДИН В.И., 1978. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия). //Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск:Наука. ОКЛАДНИКОВ А.П., ОКЛАДНИКОВА Е.А., ЗАПОРОЖСКАЯ В.Д., СКОРЫНИНА Э.А., 1979. Петроглифы долины реки Елангаш. Новосибирск:Наука – 147 с, илл.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., ОКЛАДНИКОВА Е.А., ЗАПОРОЖСКАЯ В.Д., СКОРЫНИНА Э.А., 1980. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск:Наука -140 с, илл.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., ОКЛАДНИКОВА Е.А., ЗАПОРОЖСКАЯ В.Д., СКОРЫНИНА Э.А., 1981. Петроглифы Чанкыр-Келя. Новосибирск: Наука -146 с, илл.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., ОКЛАДНИКОВА Е.А., ЗАПОРОЖСКАЯ В.Д., СКОРЫНИНА Э.А., 1982. Петроглифы урочища Сары-Сатак. Новосибирск.: Наука – 149 с, илл.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., ОКЛАДНИКОВА Е.А., 1985. Древние рисунки Кызыл – Келя. Новосибирск: Наука – 153 с, илл.
- ОКЛАДНИКОВА Е.А., 1990. Тропую Когульдея. Л.: Лениздат – 189 с, илл.
- ОКЛАДНИКОВА Е.А., 1999. Эротическая парадигма в петроглифах долины Елангаша. //Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Том 1. Кемерово, с.350-353

- ОЛЬХОВСКИЙ В.С., 1992. Об археологических признаках миграций в эпоху бронзы и раннего железа. // Маргулановские чтения 1990 г. М. Часть 1. С. 30-33.
- ОРАНСКИЙ И.М., 1979. Иранские языки в историческом освещении. М.- 238 с.
- ОСТРОМЕНСКИЙ А.П., 1995. О взаимосвязях между святилищами различных типов. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. № 3. Новосибирск, с. 13-18.
- ОСЬКИН А.В., 1976. Петроглифы Букантау. // Природа, N 10, с. 83-89.
- ОСЬКИН А.В., 1990. Небесные светила в символике петроглифов Букантау. // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, с. 141-145.
- ОТРОЩЕНКО В.В., 1990. О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры. // СА, N 1, с. 107-112.
- ПАЛЛАС П.С., 1770. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.
- ПАНТУСОВ Н.Н., 1883. Сообщение о случайных находках из Семиреченской области. // ОАК за 1890 г. СПб.
- ПАНТУСОВ Н.Н., 1884. Сообщения о случайных находках из Семиреченской области. // ОАК за 1892 г. СПб.
- ПАНТУСОВ Н.Н., 1899. Тамгалы-тас. // ПТКЛА. Год 4.
- ПАНТУСОВ Н.Н., 1900. Ущелье Теректы и р. Коксу близ выселка Джангыз-Агача. // ПТКЛА. Год 5.
- ПАРПОЛА А., 2006. Арийская проблема и Бактрийско-Маргианский археологический комплекс. // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы международной конференции. Мары, с. 184-188.
- ПАРЦИНГЕР Г., 2000. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. Новосибирск, с. 66-75.
- ПАТЮКОВА Э.Ф., 1957. Изображения животных на памятниках Большого Кюяльника-Усатова. // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса. Вып 1.
- ПАТЮКОВА Э.Ф., 1979. Усатовское поселение и могильники. Киев.: Наукова думка – 188 с.
- ПАЦЕВИЧ Г.И., 1948. Отчет об археологической разведке в Джувалинском районе Южно-Казахстанской области в 1939 г. // ИАН Каз ССР. Серия археологическая. Вып. 1
- ПОГРЕБОВА М.Н., 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука -183 с.
- ПОГРЕБОВА М.Н., 2011. История Восточного Закавказья (в первой половине второго – начале первого тысячелетий до н.э.). М.
- ПОДОЛЬСКИЙ Н.Л., 1966. О классификации наскальных изображений Саймалы-Таш Ферганского хребта. // Доклады Восточной комиссии ВГО. Вып. 3. Л.
- ПОДОЛЬСКИЙ Н.Л., 1973. О принципах датирования наскальных изображений. По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству». // СА, N 3.
- ПОДОЛЬСКИЙ Н.Л., ШЕР Я.А., 1968. К методике изучения наскальных рисунков Средней Азии. // Проблемы археологии Средней Азии. Л.: Наука, с. 83-85.
- ПОДОЛЬСКИЙ М.Л., 2004. О композиции. // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. Материалы тематической научной конференции. СПб., с. 13-16.
- ПОЙКАЛАЙНЕН В. ТАЛПСЕПП Э., 1990. Возможности использования персонального компьютера для обработки и хранения графической информации наскального творчества. // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, с. 30-33.
- ПОЛО МАРКО, 1940. Путешествие. Перевод со старофранцузского И.П. Минаева. Вступительная статья, комментарий и редакция перевода К.И. Кунина. Л.: Художественная литература – 313с.
- ПОЛЯКОВА О.О., 2005. Звездное небо грота Акбаур. // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, с. 197-201.
- ПОЛЯКОВА О.О., 2007. Астрономическая интерпретация изображения коня в петроглифах Теректы Аулие (Центральный Казахстан). // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень, с. 125-128.
- ПОМАСКИНА Г.А., 1972. Наскальные рисунки Саймалы-Таша как отражение первобытного искусства и религии. // Памятники Киргизстана. Вып. 2. Фрунзе.
- ПОМАСКИНА Г.А., 1975. Некоторые результаты статистического исследования изображений Саймалы-Таш. // ИАМ КиргССР. N 3, с. 108-113.
- ПОМАСКИНА Г.А., 1975а. Наскальная галерея Саймалы-Таш (к истории исследования). // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, с. 181-185.

- ПОМАСКИНА Г.А., 1975б. К вопросу о культе солнца в верованиях ранних кочевников Прииссык-куля. //Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тезисы докладов на конференции. Л., с. 68-69.
- ПОМАСКИНА Г.А., 1976. Когда боги были на земле..., Фрунзе.: Киргизстан – 36 с, илл.
- ПОНОМОРОЕНКО Н.Н., ЧЕРНЫЙ Н.В., 2001. Коневодство: Учебное пособие. Харьков: «Эспада» – 352 с.
- ПОПОВ Н.И., 1874. О писаницах Минусинского края.//Известия Сибирского отд. РГО. Т. 5. N 2.
- ПОПОВА Е.А., 1976. Об истоках традиции и эволюции форм скифской скульптуры. //СА, N 1, с. 108-122.
- ПОРШНЕВ Б.Ф., 1974. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Наука – 488 с
- ПОСЛАВСКИЙ И.Т., 1903. Из поездки на Саймалы-Таш. //ПТКЛА. Год 8.
- ПОТАПОВ С.А., 2007. Древнее святилище Каракыр. Алматы: Кітап –176 с.
- ПОТЕМКИНА Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука – 374 с, илл.
- ПОТЕМКИНА Т.М., 1990. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона. //СА, N 1, с. 118-130.
- ПОТЕМКИНА Т. М., 2002. Основные этапы и организационные формы развития археоастрономии. //Астрономия древних обществ. – М., с.10-16.
- ПОТЕМКИНА Т.М., 2007. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья). //Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург-Сургут, с. 197-223.
- ПРОПП В.Е., 1969. Морфология сказки. М.: Наука – 168 с.
- ПРЯХИН А.Д., 1976. Поселения абашевской общности. Воронеж.: изд-во университета – 168 с.
- ПРЯХИН А.Д., МАТВЕЕВ Ю.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Прибитюжья. Воронеж.: изд-во университета.
- ПРЯХИН А. Д., БЕСЕДИН В. И., 1999. Погребения с дисковидными псалями эпохи средней бронзы евразийской лесостепи. //Комплексные общества Центральной Евразии в 3-1 тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск-Аркаим: «Аркаим», с. 152-154.
- ПУГАЧЕНКОВА Г.А., 1987. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент.: изд-во им. Гафура Гуляма-224 с, илл.
- ПУГАЧЕНКОВА Г.А., РЕМПЕЛЬ Л.И., 1960. Выдающиеся памятники изобразительного искусства в Узбекистане. Ташкент.
- ПУГАЧЕНКОВА Г.А., РЕМПЕЛЬ Л.И., 1965. История искусств Узбекистана. М.
- ПУСТОВАЛОВ С.Ж., 1998. О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья. //Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, с. 22-51.
- ПЯТКИН Б.Н., 1977. Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири.//Археология Южной Сибири. Кемерово, с. 60-67.
- ПЯТКИН Б.Н., 1979. К проблеме хронологического определения петроглифов предскифского времени на среднем Енисее. //Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово. с.126-129.
- ПЯТКИН Б.Н., МАРТЫНОВ А.И., 1985. Шалаболинские петроглифы. Красноярск.: изд-во университета – 192 с., илл.
- ПЯТКИН Б.Н., МИКЛАШЕВИЧ Е.А., 1990. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы.//Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, с.146-153.
- ПЯТЫХ Г.Г., 1990. К дискуссии по происхождению срубной культуры.// СА, N 1, с. 113-118.
- РАВДОНИКАС В.И., 1936-1938. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1-2. М-Л.:изд-во АН СССР – 390 с, илл.
- РАДЛОВ В.В., 1892. Атлас древней Монголии. СПб.
- РАДЛОВ В.В., 1892а. О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях. // ЗВОРАО. Т. 7.

- РАЕВСКИЙ Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука.
- РАЕВСКИЙ Д.С., 1978. Из области скифской космологии (Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы). //ВДИ, N 3, с. 115-134.
- РАЕВСКИЙ Д.С., 1999. Некоторые замечания об интерпретации древних изобразительных памятников. //Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Том 1. Кемерово, с.118-123.
- РАЗУМОВСКАЯ А.Л., 2009. PRO-движение. Технологии эффективного продвижения услуг. СПб.: Питер – 320 с., илл
- РАНОВ В.А., 1957. Наскальные изображения у кишлака Наматгут. //ИАН Тадж ССР. ООИ. Вып. 14.
- РАНОВ В.А., 1960. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир). //ИАН Тадж ССР. N 1, с. 19-40.
- РАНОВ В.А., 1961. Рисунки каменного века в гроте Шахты. //СЭ, N 6, с. 72-81.
- РАНОВ В.А., 1964. Следы писаниц в навесе Куртеке. //ИВГО. Т. 96. Вып. 1, с. 67-69.
- РАНОВ В.А., 1976. Изучение наскальных изображений Западного Памира в 1972 г. //Археологические работы в Таджикистане. Вып. 12. Душанбе, с. 5-21.
- РАНОВ В.А., ГУРСКИЙ А.В., 1966. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. //СЭ, N 2, с. 110-119.
- РЕБРИКОВА Н.Л., 2005. К вопросу о природе образования скального загара. //Мир наскального искусства. – М., с. 203-205.
- РЕЗЕПКИН А.Д., 1987. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ ст. Новосвободная. //КСИА, вып 192, с. 26-32.
- РЕНАТ ФЛАВИЙ ВЕГЕЦИЙ, 1940. Краткое изложение военного дела. Перевод Кондратьева С.П. // Вестник древней истории. № 1 (10), с. 231- 293.
- РЕУТОВА М.А., 2004. Консервация петроглифов Сармишса. //Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы, с. 137-138.
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е., 1999. Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы. //История и археология Семиречья. Алматы, с. 7-43.
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е., 2001. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы. //История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, с. 7-44.
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е., 2002. Изучение и сохранение памятников наскального искусства в Казахстане (итоги и перспективы на рубеже столетий). //Вестник САИПИ. Вып. 5. Кемерово, с. 12-20.
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е., 2009. Наскальные изображения “солнцеголовых” из Тамгалы в контексте изобразительных традиций бронзового века Казахстана и Средней Азии. //Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. Бишкек.
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е., 2011. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья. //Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. Кемерово, с. 87-99.
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е., 2011а. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы – 396 с, илл
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е., ХОРОШ Е.Х., ЧАРЛИНА Л.Ф., 2004. О стандарте документации памятников наскального искусства Центральной Азии. //Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, с. 156- 161.
- РОГОЖИНСКИЙ А.Е., АУБЕКЕРОВ Б.Ж., САЛА Р., 2004. Памятники Казахстана. //Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы, с. 45- 94.
- РОМАНОВСКАЯ М.А., 1982. Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополе. //КСИА, вып 169, с. 102-109.
- РОСТОВЦЕВ М.И., 1918. Эллинство и иранство на юге России. Пг.
- РУДЕНКО С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.- 385 с.
- РУДКОВСКИЙ И.В., 1989. Типы зонирования в андроновском орнаменте. //Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.: изд-во университета, с. 45-52.
- РУМЯНЦЕВ Е.А., 1961. Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая. //СА, N 1, с.236-242.
- РУСАКОВА И.Д., 2001. Наскальное искусство и окружающее пространство //Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, с. 74-76.

- РЫБАКОВ Б.А., 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита. //СА, N 1, с. 24-47, N 2, с. 13-33.
- РЫБАКОВ Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.:Наука.
- РЫБАЛОВА В.Д., 1974. Поселение Каменка в восточном Крыму. //АСГЭ, вып 16, с. 27-48.
- РЫКУШИНА Г.В., 1976. К антропологии эпохи неолита – бронзы Красноярского края. //Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М.:Наука, с. 187-201.
- РЫКУШИНА Г.В., ЗАЙБЕРТ В.Ф., 1984. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай. //Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: изд-во Башкирского университета, с. 121-136.
- САВВАТЕЕВ Ю.А., 1970. Залавруга. М.: Наука – 443 с, илл.
- САВЕНКОВ И.Т., 1910. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. //Труды XIV археологического съезда. Т.1.М.
- САВИНОВ Д.Г., 1964. Наскальные изображения в Центральной Азии и Южной Сибири. //ВЛУ. Серия историч. Вып. 20, с.139-145.
- САВИНОВ Д.Г., 1979. Зооморфные изображения на оленных камнях. //Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тез. докл. Всесоюз. археолог. конф. Кемерово, с. 120-124.
- САВИНОВ Д.Г., 1980. Изображения собак на оленных камнях. //Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: изд-во университета, с. 319-329.
- САВИНОВ Д.Г., 1990. Об основных принципах археолого-этнографических реконструкций. //Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, с. 5-8.
- САВИНОВ Д.Г., 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.-208 с.
- САВИНОВ Д.Г., 2000. Реалистические изображения лошадей скифского времени и сейминская изобразительная традиция // Исторический ежегодник. Спец.вып., посв. 70-летию В.И. Матющенко. Омск, с. 179-187.
- САВИНОВ Д.Г., 2002. Изображение четырехколесной повозки на плите из могильника Есино 5. //Вестник САИПИ. Вып. 5. Кемерово, с. 27 – 30.
- САВИНОВ Д.Г., 2007. Ритуальный предмет/изображение (о дифференцированном подходе к изучению). //Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург-Сургут, с. 88-95.
- САЛА Р., ДЕОМ Ж.-М., 2005. Наскальные изображения Южного Казахстана. Алматы – 150 с.
- САЛЬНИКОВ К.В., 1951. Бронзовый век Южного Зауралья. //МИА, N 21, с. 94-151.
- САЛЬНИКОВ К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука – 408 с, илл.
- САМАШЕВ З.С., 1976. Работы в Восточном Казахстане. // АО за 1975. М.: Наука, с. 523.
- САМАШЕВ З.С., 1981. К вопросу о хронологии наскальных изображений Верхнего Прииртышья. //Известия АН КазССР, серия общественных наук, N 1, с. 69-76.
- САМАШЕВ З.С., 1987. Наскальные изображения Восточного Казахстана. Автореферат дис канд. ист. наук. Кемерово – 27с.
- САМАШЕВ З.С., 1989. История изучения наскальных изображений Восточного Казахстана. //Общественные науки. Актуальные проблемы историографии древнего Казахстана (археология). Алматы: Наука., с. 40-56.
- САМАШЕВ З.С., 1990. Грот Акбаур с писаницами в Восточном Казахстане. //Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, с. 123-129.
- САМАШЕВ З.С., 1992. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма Ата: Гылым – 288 с.
- САМАШЕВ З.С., 1998. «Шаманские» сюжеты петроглифов Казахстана (к изучению мировоззрения древнего населения). //Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. М.-Алматы, с. 197-208.
- САМАШЕВ З.С., 2006. Некоторые замечания о проблемах петроглифоведения Казахстана. //Арал-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Часть 1. Актобе, с. 31-36.
- САМАШЕВ З., 2006а. Петроглифы Казахстана. Алматы: Өнер – 200 с.
- САМАШЕВ З., 2009. Проблемы изучения наскальных изображений Казахстана. //Доклады НАН РК. №2. Алматы, с. 74-85.
- САМАШЕВ З., 2010. Наскальные изображения Казахстана как исторический источник: автореф. ... докт. ист. наук: 07.00.06. Алматы: ИА МОН РК – 59 с.
- САМАШЕВ З., 2010а. Изобразительные памятники бронзового века. //Кадырбаевские чтения. Материалы конференции. Актобе.

- САМАШЕВ З.С., КУЛИК В.К., 1975. Обследование наскальных рисунков Восточного Казахстана. // АО за 1974. М.: Наука, с. 493-494.
- САМАШЕВ З.С., ШЕР Я.А., 1987. Индоевропейские мифологические сюжеты Средней и Центральной Азии. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма Ата, с. 121-122.
- САМАШЕВ З.С., ШЕРЯ А., 1989. Словесные мифопоэтические формулы и их изобразительные параллели в петроглифах Тянь-Шаня и Саяно-Алтая // Маргулановские чтения. Алма Ата, с. 107-111.
- САМАШЕВ З.С., ТУЯКБАЕВА Б.Т., 1993. Казахско-французская экспедиция по изучению петроглифов. // Известия НАН РК. №5. Серия общественных наук. Алматы, с. 92-93
- САМАШЕВ З., КУРМАНКУЛОВ Ж., ЖЕТЫБАЕВ Ж., 2000. Петроглифы Казахского мелосопочника. // Международная конференция по первобытному искусству. Т. 2. – Кемерово, с. 98-100
- САМАШЕВ З., ЖЕТЫБАЕВ Ж., 2005. Қазақ петроглифтері (көне тамыры мен сабақтастығы). – Алматы – 132 с.
- САМАШЕВ З.С., ЕРМОЛАЕВА А.С., ЛОШАКОВА Т.Н., 2007. Костяные псалии с поселения Токсанбай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, с. 87-102.
- САМАШЕВ З., КУШЕРБАЕВ К., АМАНШАЕВ Е., АСТАФЬЕВ А., 2007. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы: ТОО «Археология» -400с.
- САМАШЕВ З., ЕРМОЛАЕВА А., КУЩ Г., 2008. Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы – 200 с.
- САМАШЕВ З., ЧЖАН СО ХО, БОКОВЕНКО Н., МУРГАБАЕВ С., 2011. Наскальное искусство Казахстана (Rock Art of Kazakhstan). Сеул – Астана: Фонд истории Северо-Восточной Азии, Астанинский филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана – 464 с., илл.
- САНЖАРОВ С.Н., 1985. Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины. // СА, № 2, с. 97-107.
- САРАЕВ В.В., 2007. Феномен Тамгалы. // История и археология Семиречья. Вып.3. Сборник статей и публикаций. Алматы, с.7-20.
- САРИАНИДИ В.И., 1989. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма. // ВДИ, N 1, с. 152-169.
- САРИАНИДИ В.И., 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- САРИАНИДИ В.И., 2008. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад.
- САРИАНИДИ В.И., 2010. Задолго до Заратуштры. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане. М.: Старый сад.
- САРИАНИДИ В.И., ДУБОВА Н.А., 2008. Археологические работы на юго-западном холме Гонуртепе (раскоп 16). // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т.2. М.
- САРИАНИДИ В.И., ДУБОВА Н.А., 2010. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (предварительное сообщение). // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т.3. СПб.
- САТАЕВ Р.М., 2008. Животные из раскопок городища Гонуртепе. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.
- САФРОНОВ В.А., 1966. Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. // Доклады и сообщения. VII международный конгресс доисториков и протоисториков. М.: Наука, с. 181-190.
- САФРОНОВ В.А., 1980. Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани. // X Крупновские чтения. М.: Наука, с. 10-12.
- САФРОНОВ В.А., 1989. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во – 398 с, илл.
- САХАРОВ П.Д., 1987. Генезис мифа о Харишчандре (Маркандея-пурана 7-8). // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука, с. 74-87.
- СЕВАСТЬЯНОВА Э.А., 1980. Петроглифы горы Тунчух. // Вопросы археологии Хакасии. Абакан.: кн. изд-во, с. 103-107.
- СЕДЫХ В.Н., 2000. Святые места, кумиры, храмы... // Святые места: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб., с. 16-20.
- СЕДЕЛЬНИКОВА Н.В., ЧЕРЕМИСИН Д.В., 2001. Использование лишайников для датировки петроглифов. // Сибирский экологический журнал. №4. Новосибирск, с.479-481.

- СЕМЕНОВ С.А., 1956. Обработка дерева на древнем Алтае (по материалам Пазырыка). // СА. 26.
- СЕМЕНОВ С.А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука.
- СЕМЕНОВ Вл.А., 1987. Древнейшая культура-афанасьевская культура и проблема прототохарской миграции на восток. //Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск:изд-во университета.
- СЕМЕНОВ Вл. А., 2000. Святилище – священная территория – мифологизированное пространство. //Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: материалы тематической научной конференции. СПб., 14-17 ноября 2000 г. СПб., с. 183-187.
- СЕМЕНОВ Вл. А., 2008. Первобытное искусство. СПб.
- СЕМЕНОВ Вл. А., 2011. Плита с окуневской личиной со стоянки Кара-Орга в Туве.//Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. Кемерово, с. 129-133.
- СИНИЦЫН И.В., ЗРДНИЕВ У.Э., 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой ССР (по раскопкам 1962-1963 гг.). Элиста.:кн. изд-во – 184 с.
- СИНИЦЫН И.В.,ЗРДНИЕВ У.Э., 1971. Элистинский могильник. Элиста:кн. изд-во – 142 с.
- СИТНИКОВА Н.А., 2004. Опыт консервации петроглифов в Кыргызстане. // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы, с. 134-136.
- СЛОБОДЗЯН М.Б., 2002. Изображения колесниц в петроглифах Алтая (местонахождение Елангаш и Калбак-таш1). //Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время. Культура. Сб. научн. трудов. Барнаул, с. 116-119.
- СЛОБОДЗЯН М.Б., 2003. Еще раз о повозках Саймалы-Таша (развитие иконографии изображений в «битреугольном» стиле). //Чтения, посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе: тез. конф. Ч. 1. М., с. 157-158.
- СЛОБОДЗЯН М.Б., 2004. Некоторые замечания по поводу Каракольских изображений. //Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. Материалы тематической научной конференции. СПб., с. 233-239.
- СМИРНОВ А.С., 1995. Компьютерные базы данных в археологии. //Базы данных в археологии. Компьютер в археологических исследованиях. М., с. 3-9.
- СМИРНОВ Н.Ю., 2004. Орнаментализация идеи (к вопросу об орнаментальных мотивах эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая). //Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Сборник научных трудов. Барнаул, с.426-432.
- СМИРНОВ К.Ф., 1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей.//СА, N 1, с. 46-72.
- СМИРНОВ К.Ф., КУЗЬМИНА Е.Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.:Наука – 82 с.
- СМИРНОВ П.Н., ШЕР Я.А., 1965. Применение полимеризационных пластиков для копирования наскальных рисунков.//СА, N 3, с. 280-282.
- СОВЕТОВА О.С., 2006. Отображение состояний поражения и смерти в наскальном искусстве. //Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово, с. 80-93.
- СОВЕТОВА О.С., 2007. К вопросу об «искусствоведческом» и «археологическом» подходах к интерпретации изобразительных памятников. //АЭАЕ, № 3 (31). Новосибирск, с. 103- 114.
- СОКОЛОВА Л.А., 2001. Стела из Черновой 8 со знаменитыми быками и неизвестными повозками. //Евразия сквозь века. СПб.: СПГУ, с. 129-132.
- СОЛОВЬЕВ А.И., 2003. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс – 224 с.
- СОРОКИН В.С., 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. // МИА, N 120, М.:Наука – 207 с, илл.
- СОРОКИН В.С., 1966. Западные памятники андроновской культуры.//Андроновская культура. Вып. 1. М-Л.: Наука.(САИ) – 64 с.
- СПАССКИЙ Г.И., 1818. О древних сибирских начертаниях и надписях.// Сибирский вестник, Ч. 2.
- СПЕРАНСКИЙ А.Л.,1974. Новые находки наскальных рисунков в Горном Алтае (лето 1966 г.). //Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск.: Наука.
- СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М.И., 1971. Мир саги. Л.: Наука.
- СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М.И., 1976. Миф. Л.: Наука.

- СТОКОЛОС В.С., 1972. Культура населения бронзового века Южного Урала. М.:Наука – 168 с, илл.
- СТУДЗИТСКАЯ С.В., 1969. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы. //Экспедиции Государственного исторического музея. М., с. 39-63.
- СТУДЗИЦКАЯ С.В., 2004. Некоторые проблемы изучения первобытного искусства (эпохи неолита и раннего металла). //Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова. – М., с. 243-256.
- СУЛЕЙМАНОВ Р.Х., 2002. Сийпанташ – новый памятник первобытного искусства в долине Кашкадарьи. //Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы; традиции и современность: тез. докл. междунар. научн. конф. – Самарканд, с. 71.
- СЫМА ЦЯНЬ, 1972. Исторические записки. Т.1. М.: Восточная литература, – 218 с.
- СЭР-ОДЖАВ Н., 1987. Баян-лигийн хадны зураг. Улаанбаатар: Шуах – 162 с., илл. (на монг. языке).
- ТАШБАЕВА К.И., 2004. Памятники Кыргызстана. //Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, с. 95-106.
- ТАШКЕНБАЕВ Н.Х., 1966. Наскальные изображения Караунгурсая и Сармыша. //ИМКУ. Вып. 8.
- ТЕЛЕГИН Д.Я., 1985. Среднепалеолитовская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье, в степном левобережье Украины. //Археология УССР. Киев:Наукова думка, с. 305-320.
- ТЕНБЕРГ М., 2008. Анализ образцов дерева из Гонура (Маргуш). //Труды Маргианской археологической экспедиции. Т.2. М., с. 163-164.
- ТЕПЛОУХОВ Ф.А., 1892. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии. //Труды ПУАК. Пермь, вып 1.
- ТЕРЕНОЖКИН А.И., 1951. Скифская днепровская правобережная экспедиция. //КСИИМК, вып 37.
- ТЕРЕНОЖКИН А.И., 1965. Основы хронологии предскифского периода. //СА, N 4, с. 63-85.
- ТЕРЕНОЖКИН А.И., 1976. Киммерийцы. Киев:Наукова думка -223 с.
- ТЕРЕНОЖКИН О.І., Кімерійські стели. //Археологія, вип. 27.
- ТИВАНЕНКО А.В., 1989. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука – 202 с.
- ТИВАНЕНКО А.В., 2005. Дешифровочные ключи семантики азиатских петроглифов // Мир наскального искусства. М., с. 247-249.
- ТИТОВ В.С., 1982. К изучению миграций бронзового века. //Археология Старого и Нового Света. М.:Наука, с. 89-145.
- ТИТОВ В.С., 1988. Европа в каменном и бронзовом веке. //История Европы. М.:Наука, с. 47-123.
- ТИТОВА Е.Н., 1982. Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменной Могилы. //Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, с. 5-15.
- ТКАЧЕВА Н.А., 1998. К вопросу о миграциях андроновско-канайских племен. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, с. 4-5.
- ТКАЧЕВА Н.А., 1999. Динамика и характер развития поселенческих комплексов эпохи бронзы Верхнего Прииртышья. // ВААЭ. Тюмень, с. 39-43.
- ТКАЧЕВА Н.А., ТКАЧЕВ А.А., 2008. Роль миграции в развитии андроновской общности. // АЭАЕ. – № 3 (35). Новосибирск, с. 88-96.
- ТКАЧЕВ А.А., 2001. Погребение каменного века из Верхнего Прииртышья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, с. 111-115.
- ТКАЧЕВ А.А., 2002. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, ч.1-2.
- ТКАЧЕВ А.А., 2011. К вопросу о соотношении нурынских комплексов Центрального Казахстана. // Маргулановские чтения 2011 года. Астана: ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, с.155-159
- ТКАЧЕВ В.В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии – 384 с.
- ТОЛСТОВ С.П., 1948. Древний Хорезм. М.:изд-во МГУ – 352 с.
- ТОЛСТОВ С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.:Наука – 324 с.
- ТОПОРОВ В.Н., 1969. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров). //Труды по знаковым системам. 4. Тарту.
- ТОПОРОВ В.Н., 1971. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева. //Труды по знаковым системам. 5. Тарту.

- ТОПОРОВ В.Н., 1972. Происхождение некоторых поэтических символов (палеолитическая эпоха). // Ранние формы искусства. М.: Наука, с. 77-103.
- ТОПОРОВ В.Н., 1983. Пространство и текст. // Текст: семантика и структура. – М., с. 227-284.
- ТОПОРОВ В.Н., 1991. Фарн. // Мифологический словарь. Под ред. Е.М.Мелетинского. М.: Советская энциклопедия.
- ТРИФОНОВ В.А., 1982. О смене обрядовых групп погребений в степном Прикубанье (энеолит-средняя бронза). // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- ТРИФОНОВ В.А., 1987. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры. // КСИА, вып. 192, с. 18-26.
- ТРИФОНОВ В.А., 1996. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии. // Радиоуглерод и археология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории. Вып. 1. // Археологические изыскания. Вып. № 37. СПб., с. 60-64.
- ТРИФОНОВ В.А., 1997. К абсолютной хронологии евроазиатских культурных контактов в эпоху бронзы. // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., с. 94-97.
- ТРУБАЧЕВ О.Н., 1978. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа. // ВДИ, N 4.
- У ЭНЬ, 1985. Северные бронзовые изделия династий Инь и начала Чжоу. // КГСБ, №2.
- УСМАНОВА Э. Р., 2010. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда-Лисаковск – 176 с., илл.
- ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА Э.А., 1971. Приуральская группа памятников ямной культуры. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Советская Россия, с. 45-60.
- ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА Э.А., 1980. Катакомбные погребения с повозкой на Нижнем Дону. // История и культура Евразии по археологическим данным. М., с. 39-45.
- ФЕДОРОВИЧ Б.А., 1973. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства. // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.
- ФИЛИППОВА Е.Е., 1990. Погребальные колесницы карасукского времени. // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, с. 166-168.
- ФИЛИППОВА Е.Е., 1992. Изображение ритуальной колесницы карасукской эпохи из мог. Хара Хая. // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Археологические изыскания. Вып. 2. СПб., с. 89-92.
- ФИЛИППОВА Е.Е., 1997. Погребальные петроглифы Среднего Енисея и их место в идеологических представлениях карасукских племен. // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 93. М., с. 62-69.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1965. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни – «следовики». // СЭ.-№5. М., с. 130-139.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1950. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика. // СЭ, N 3, с. 170-176.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1958. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР. // СА, N 2, с. 137-142.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1967. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее. // СЭ, N 3, с. 68-82.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1969. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. – М.: Наука – 235 с.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1970. Искусство эпохи мезолита и неолита. // Каменный век на территории СССР. М.: Наука.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1973. О месте наскальных изображений в истории искусства. // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1973а Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968-1972 гг.). // СА. – № 3., с. 257-264.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1973в О месте наскальных изображений в истории искусства // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., с. 273-279
- ФОРМОЗОВ А.А., 1976. О работах А.Д.Столяра по палеолитическому искусству и критике их Р.Я. Журовым. // СЭ. №2. М., с. 91-94.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1978. Новые книги о наскальных изображениях Кавказа и Средней Азии (обзор публикации 1973-1976гг.). // СА. № 3, с. 270-275.

- ФОРМОЗОВ А.А., 1979. О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства. // СА. № 3, с. 5-15.
- ФОРРЕСТЕР Дж., 1978. Мировая динамика. М.: Наука – 168 с.
- ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ И., 1938. Адам и Пуруша. Макрокосм и микрокосм в иудейской и индийской космогонии. //Памяти академика Н.Я. Марра (1864-1934). – М.-Л., с.458-476.
- ФРАНКФОР А-П., 1989. Существовал ли Великий Шелковый путь во II-I тысячелетиях до н.э. //Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма Ата: Наука, с. 203-217.
- ФРАНКФОР А-П., 2006. Цивилизация БМАК и местонахождение Мархаша около 2300-1800 гг до н.э.///Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы международной конференции. Мары, с. 193-194.
- ФРАНКФОР А-П., ЯКОБСОН Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии. //АЭАЕ. – № 2 (18). Новосибирск, с. 53-78.
- ФРЕЙДЕНБЕРГ О.М., 1978. Миф и литература древности. М.:Наука.
- ФУССМАН Ж., 2006. Индоевропейские народы и Маргиана.//Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы международной конференции. Мары, с. 195-196.
- ХАВРИН С.В., 1992. Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая. //Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Археологические изыскания, вып 2, с. 45-46.
- ХАЗАНОВ А.М., 1973. О периодизации истории кочевников евразийских степей.//Проблемы этнографии Востока. М.:Наука, с. 5-10.
- ХАЧАТРЯН Г.С., 1975. Древняя культура Ширака III-I тысячелетий до н.э. Ереван: изд-во университета.
- ХЕЛЬСКОГ К., 2011. Пять тысячелетий лодок севера.//Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. Кемерово, с. 19-22.
- ХИГЕН А-С., 2011. Этические принципы документирования наскального искусства: методы, контексты и последствия.//Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. Кемерово, с. 141-143.
- ХЛОБЫСТИНА М.Д., 1970. К изучению минусинских культовых древностей. //СА, № 3, с. 186-192.
- ХЛОБЫСТИНА М.Д., 1971. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства.// Первобытное искусство. Новосибирск:Наука, с. 165-180.
- ХЛОБЫСТИНА М.Д., 1971а. Культовая символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири. //СА, № 1, с. 73-81.
- ХЛУДОВ Н.Г., 1902. Перевал Саймалы-Таш, на котором найдены камни с надписями. // ПТКЛА. Год 7.
- ХОРОШИХ П.П., 1947. Писаницы Алтая (предварительное сообщение). //КСИИМК. Вып. 14. 1947.
- ХОРОШИХ П.П., 1949. Изображения на скале Ялбан-Таш (Горно-Алтайская АО). // КСИИМК. Вып.25.
- ХУДЯКОВ Ю.С., 1995. Дискуссионные вопросы Сибирского оружиеведения. //Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, с. 149-155.
- ХУДЯКОВ Ю.С., 2007. Основные проблемы изучения военного дела средневековых кочевников Центральной Азии. //Средневековая археология евразийских степей. Т. 1. – Казань, с. 22-25.
- ХУДЯКОВ Ю.С., КОМИССАРОВ С.А., 2002. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск.
- ХУЖАНАЗАРОВ М., 1990. Изучение наскальных изображений Узбекистана. //Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.:Наука, с. 116-122.
- ХУЖАНАЗАРОВ М., 1995. Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся. – Самарканд: АН РУ – 121 с. илл.
- ХУЖАНАЗАРОВ М.М., 2004. Памятники Узбекистана. //Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация., с. 108-114.
- ЦАЛКИН В.И., 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.:Наука – 280 с.
- ЦАЛКИН В.И., 1972. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье.//Основные проблемы териологии. М.:Наука, с. 66-81.
- ЦИНЬ ВЭНЬ, 2009. Подземные войска в гробницах императора Цинь Шихуана. Пекин: Чжаохуа – 128 с., илл.

- ЦЫБ С.В., 1980. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры. // Древняя история Алтая. Барнаул, с. 38-51.
- ЦЫБ С.В., 1984. Афанасьевская культура Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР – 24 с.
- ЧАЙЛД Г., 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.
- ЧАРЛИНА Л.Ф., ЯЦЕНКО Е.Л., РОГОЖИНСКИЙ А.Е., ИСКАКОВ К.Т., 2004. Консервация петроглифов в Казахстане. // Памятники наскального искусства в Центральной Азии. Алматы, с. 128-133
- ЧЕЛЯКИН Ю.П., 1974. Поселение эпохи бронзы Мирный IV. // Из истории Сибири. Томск. Вып 15, с. 50-55.
- ЧЕНЧЕНКОВА О.П., 2004. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III-I тыс. до н.э. Под редакцией Д.Г.Савинова. Екатеринбург: Тезис – 336 с.; илл.
- ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н.Н., 1969. Курганы эпохи бронзы близ Ростова на Дону. // КСИА, вып 115, с. 86-88.
- ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н.Н., 1975. Основные этапы развития конской узды Евразии в середине II- начале I тысячелетий до н.э. // Новейшие открытия советских археологов. Киев.: Наукова думка, с. 79-80.
- ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н.Н., 1976. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы. // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, с. 135-150.
- ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н.Н., ПУСТОВАЛОВ С.Ж., 1991. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры. // СА, N 4, с. 206-216.
- ЧЕРЕМИСИН Д.В., 2002. К интерпретации «эротических» сюжетов наскального искусства Центральной Азии. // Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник научн. трудов, посв. 70-летию Я.А. Шера. Новосибирск, с. 90-94.
- ЧЕРЕМИСИН Д.В., 2002а. Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследований 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 8. Новосибирск, с. 491-495.
- ЧЕРЕМИСИН Д.В., 2005. К дискуссионным вопросам изучения наскальных изображений колесниц. // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. М., с. 267-270.
- ЧЕРЕМИСИН Д.В., 2006. К дискуссии об информативности петроглифов и методах их изучения. // АЭАЕ. № 3 (27). Новосибирск, с. 89-100.
- ЧЕРЕМИСИН Д.В., 2007. Проблемы изучения наскальных изображений колесниц (на материалах петроглифов Алтая). // Алтай-Саянская горная страна и соседние территории в древности и средневековье. Новосибирск.
- ЧЕРЕМИСИН Д.В., 2011. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая. // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-ти летию Д.Г. Савинова. Труды САИПИ. Вып. 7. Кемерово, с. 146-159.
- ЧЕРЕМИСИН Д.В., БОРИСОВА О.В., 1999. Колесный транспорт в наскальных изображениях Синцзяна и Внутренней Монголии. // Евразия. 2. Новосибирск.
- ЧЕРЕМИСИН Д.В., СЕДЕЛЬНИКОВА Н.В., БАРИНОВА Е.С., 2003. Скальные поверхности, лишайники и петроглифы юго-восточного Алтая: изучение в рамках интеграционного проекта СО РАН. // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения А.И. Мартынова. Новосибирск, с. 118-124.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1964. Наскальные изображения Урала. Ч. 1. М.: Наука – 52 с.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1971. Наскальные изображения Урала. Ч. 2. М.: Наука – 120 с.
- ЧЕРНИКОВ С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. // МИА, N 88 – 272 с.
- ЧЕРНИКОВ С.С., 1970. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: автореф... докт. ист. наук: 07.575. М. : ИА АН СССР – 60с.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. // СА, N 4, с. 53-82.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., 1982. Отражение рационального и иррационального в археологической культуре. // СА, N 4, с. 6-20.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., 1991. Древний металл и символы. // СА, N 1, с. 162-165.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., 2007. Каргалы 5. М.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., 2008. Формирование Евразийского «степного пояса» скотоводческих культур:

- взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии. //АЭАЕ. № 3 (35), с. 36-53.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., 2009. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси – 624 с, илл.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., КУЗЬМИНЫХ С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии. М.:Наука – 320 с, илл.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., ОРЛОВСКАЯ Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология ямной общности и истоки курганных культур. //РА, №1.
- ЧЕРНОСВИТОВ П.Ю., 1991. Проблема исторических реконструкций как задача моделирования. // Методы реконструкции в археологии. Новосибирск, с. 6-22.
- ЧЕЧУШКОВ И.В., ЕПИМАХОВ А.В., 2010. Колесницы и упряжь как культурный индикатор эволюции коневодства. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей. // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург: Институт экологии растений и животных УО РАН, с. 182-229.
- ЧЕЧУШКОВ И.В., 2011. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы. //Вестник археологии, антропологии и этнографии, No.2 (15), в печати.
- ЧЖЕН ЧЖАНШУ, 1979. Бронзовые сосуды в эпоху Шан-Инь. //КГСБ, №3.
- ЧЖУН СУК – БЭ, 2000. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая. //Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Сб. статей. М.: Геос, с.110-137
- ЧИГАЕВА В.Ю., 2003. Образ птицы в наскальном искусстве Алтая (мифо-эпические и этнографические параллели). // Древности Алтая. – № 10. – Горно-Алтайск, с. 151-154.
- ЧИНДИНА.Ю.,1989.Археологические исследования на территории Карагандинской и Джекказганской областей.//Маргулановские чтения. Алма Ата, с. 234-237.
- ЧЛЕНОВА Н.Л.,1962. Об оленных камнях Монголии и Сибири.//Монгольский археологический сборник. М.:Наука.
- ЧЛЕНОВА Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука – 300 с.
- ЧЛЕНОВА Н.Л., 1971. К вопросу о первичных материалах звериного стиля.// Проблемы скифской археологии. М.:Наука (МИА, N177), с. 208-217.
- ЧЛЕНОВА Н.Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.:Наука (МИА, N 182) – 248 с.
- ЧЛЕНОВА Н.Л., 1976. Карасукские кинжалы. М.:Наука – 104 с.
- ЧЛЕНОВА Н.Л., 1980. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье.//Античная балканистика. Тезисы конференции. М., с. 66-67.
- ЧЛЕНОВА Н.Л., 1984. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье.//Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, с. 259-268.
- ЧЛЕНОВА Н.Л., 1984а. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск: Наука – 100 с., илл.
- ЧЛЕНОВА Н.Л., 1985. Волга и Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II-начале I тыс. до н.э.//VI международный конгресс финно-угров. Тезисы докладов. Том IV. Сыктывкар, с. 119.
- ЧЛЕНОВА Н.Л., 1996. К вопросу о центральноазиатской гипотезе происхождения скифов: дата оленных камней Монголии. //Древность: историческое значение и специфика источника. Тезисы докладов конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского. М.
- ЧУГУНОВ К.В., 2007. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая. //Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Труды САИПИ. Вып. 3. Барнаул.
- ЧУГУНОВ К.В., 2008. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан 2 (к хронологии аржано-маэмирского стиля). //Тропой тысячелетий. Сб. научных трудов, посвященный юбилею М.А.Дэвлет. Кемерово, с. 53-69.
- ЧУГУНОВ К.В., НАГЛЕР А., ПАРЦИНГЕР Г., 2006. Аржан 2: материалы эпохи бронзы. //Окуневский сборник 2:культура и ее окружение. СПб.
- ШАПОШНИКОВ Р.Д.,1974. Петроглифы в горах западного Тянь-Шаня.//Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. Т. 79 (2), с. 16-22.
- ШАПОШНИКОВ Р.Д., 1977. Алтай по пути Рериха. //Восточная Сибирь, N 7.

- ШАПОШНИКОВ Д.Т., 1980. Курганы у с Софиевка.//Археологические памятники Поингуля. Киев:Наукова думка, с. 132-146.
- ШАПОШНИКОВА О.Г., 1985. Памятники нижнемихайловского типа.//Древности Поингуля. Киев: Наукова думка.
- ШАРАФУТДИНОВА Э.С., 1983. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье.//КСИА. вып 176.
- ШАЦКИЙ Г.В.,1973. Рисунки на камне. Ташкент – 160 с, илл.
- ШВЕЦ И.Н., 1999. Антропоморфный персонаж в петроглифах Центральной Азии: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Алматы: ИА МОН РК – 29 с.
- ШВЕЦ И.Н., 2005. Некоторые аспекты современного состояния изучения наскального искусства Центральной Азии. //АЭАЕ. – № 3 (23). – Новосибирск, с. 130-139.
- ШВЕЦ И.Н., 2011. Сюжеты окуневского изобразительного типа в наскальном искусстве Казахстана.//Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. Кемерово, с. 134-140.
- ШВЕЦ И.Н., САМАШЕВ З.С., МУРГАБАЕВ С., БЕДЕЛЬБАЕВА М.В., 2008. Петроглифы местонахождения Саускандык: к проблеме культурных контактов древнего населения Евразии. //Чтения памяти М.П.Грязнова. Омск.
- ШЕВЧЕНКО А.В., 1984. Палеоантропологические данные к проблеме происхождения индоевропейцев. //Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М.
- ШЕР Я.А., 1970. Памятники древнего искусства на Енисее.//АО за 1969. М.:Наука, с. 178-179.
- ШЕР Я.А., 1970а. Интуиция и логика в археологическом исследовании. К формализации типологического метода.//Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.:Наука, с. 8-24.
- ШЕР Я.А., 1972. Петроглифы Верхнего Енисея.//Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., с. 376-377.
- ШЕР Я.А., 1977. Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах. К теории стиля в первобытном искусстве.//Математические методы в историко-культурных и историко-экономических исследованиях. М.:Наука, с. 127-143.
- ШЕР Я.А., 1978. О развитии языка археологии. //Проблемы археологии. Вып. 2. – Л., с. 43-48.
- ШЕР Я.А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.:Наука – 328 с, илл.
- ШЕР Я.А., 1980а. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля.//Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово:изд-во университета, с. 344-346.
- ШЕР Я.А., 1992. К происхождению корриды. //Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., с. 35-37.
- ШЕР Я.А., 1998. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля. //Вопросы археологии Казахстана. Вып.2. Алматы-Москва, с.218-230.
- ШЕР Я.А., 1998а. Хронология. //Первобытное искусство. Кемерово, с. 55-72.
- ШЕР Я.А., 2004. Стиль в первобытном искусстве. //Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб., с. 9-13.
- ШЕР Я.А., МИКЛАШЕВИЧ Е.А., САМАШЕВ З.С., СОВЕТОВА О.С., 1987. Петроглифы Жалтырак-Таша.//Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: изд-во университета, с.70-78.
- ШЕР Я.А., ВИШНЯЦКИЙ Б., БЛЕДНОВА Н.С., 2004. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир – 280 с.
- ШИЛОВ В.П.,1975. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века.//СА, № 1, с. 5-15.
- ШИЛОВ В.П.,1992. К проблеме взаимодействия первобытных земледельческо-скотоводческих и скотоводческих племен Евразии.//Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Археологические изыскания, вып 2, с. 26-27.
- ШИЛОВ Ю.А.,1982. Памятники старосельского типа (археологические источники и историческая интерпретация).//Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- ШИРОКОВ В.Н., ROWE M.W., STEELMAN K.L., SOUTHON J.R., 2003. Игнатиевская пещера – первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков. //Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, с. 67-72.

- ШИРОКОВ В.Н., ЧАИРКИН С.Е., ШИРОКОВА Н.А., 2005. Уральские писаницы. Река Тагил. Екатеринбург: Банк культурной информации – 110 с.
- ШИШЛО Б.П., 2004. «Взявшие за руки» в контексте ритуала. //Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, с. 454-460.
- ШКОДА В.Г., 1992. К вопросу о северных связях Саразма.//Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Археологические изыскания, вып 2, с. 57-59.
- ШНИРЕЛЬМАН В.А., 1980. Происхождение скотоводства. М.:Наука – 334 с.
- ШРАДЕР О.,1913. Индоевропейцы. М. – 212 с.
- ШТЕЛЛЬНЕР Т., САМАШЕВ З., ЧЕРНИ Я., ГАРНЕР Дж., ГОРЕЛИК А., ХАУПТМАН А., 2009. Добыча олова в Центральной Азии в эпоху бронзы: основные итоги работ по казахстанско-германскому проекту. //Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: Маргулановские чтения – 2008, Караганда., с.228-239.
- ШУНДАЛОВ И.Ю., 2000. Типология и ритуальная организация пространства кельтских святилищ. //Святыни: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. СПб., с. 86-89.
- ЩАПОВА Ю.Л., 1998. Еще раз о типологическом методе в археологии. Типах и типологиях. //Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., с. 378-386.
- ЩАПОВА Ю.Л., 2005. Археологическая эпоха. Хронология, периодизация, теория, модель. – М.: Ком Книга – 192 с.
- ЩЕПИНСКИЙ А.А.,1985. Ранний энеолит Крыма.//Археология УССР. Киев:Наукова думка, с. 320-336.
- ЩЕПИНСКИЙ А.А., ЧЕРЕПАНОВА Е.Н.,1969. Северное Присивашье в V-I тыс. до н.э. Симферополь: Таврия – 84 с.
- ЩЕТЕНКО А.Я., 1979. Первобытный Индостан. Л.:Наука-276 с.
- ЭЛИАДЕ М., 1998. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София – 384 с.
- ЭНЕОЛИТ СССР, 1982. Отв. ред. Массон В.М., Мерперт Н.Я. М.:Наука – 360 с, илл.
- ЮН НЭ ХЭН, 1985. История Шан и Чжоу. Сеул. (на корейском языке)
- ЮАНЬ КЭ, 1965. Мифы древнего Китая. М.:Наука.
- ЯКОБСОН Э., 2002. К вопросу об информативности петроглифических и погребальных памятников эпохи бронзы. //АЭАЕ. – № 3 (11). Новосибирск, с. 32-47.
- ЯНКОВСКАЯ Н.Б., 1985. Оптовая торговля древней Передней Азии до возникновения империй. //ВДИ, N 3, с. 3-14.
- ЯНКОВСКАЯ Н.Б., 1986. К проблеме оптовой торговли Каниша (XIX в до н.э.)/ВДИ, N 2, с. 17-24.
- ЯНШИНА Э.М., 1984. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.:Наука – 248 с.
- ЯЦЕНКО С.А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Наука – 188 с.
- ЯЦЕНКО Е.Л., ГОЛУБЕВ С.Р., РОГОЖИНСКИЙ А.Е., 2004. База данных «Петроглифы Центральной Азии: менеджмент и консервация». //Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, с. 162-168.
- ADAMS R.M., 1981. Heartland of Cities. Chicago.
- ALTHIN C.A., 1945. Studien zu den bronzezeitlichen Felszeichnungen von Skane. Lund/Copenhagen.
- АМИЕТ Р., 1961. La glyptique mesopotamienne archaïque. Paris.
- АМИЕТ Р., 1966. Elam. Paris.
- АМИЕТ Р., 1969. Quelques ancetres du chasseur royal d`Ugarit. //Ugaritica,VI, p. 1-8.
- АМИЕТ Р., 1973. Iran. La civilisation du desert de Lut.//Archaeologia, N 60.
- АНАТИ Е., 1960. Bronze Age Chariots from Europe.// PPS, vol. 26, L., p.50-53.
- АНАТИ Е., 1968. I metodi di analisi e di archivio dell` arte rupestre. //Bollettino del Centro Camuno di Studi Preistorici, Capo di Ponte,Vol.II, p. 135-155.
- АНАТИ Е., 1969. Per un metodo di studio dell` arte megalitica. //Bollettino del Centro Camuno di Studi Preistorici, Capo di Ponte, Vol.IV, p. 63-71.
- АНАТИ Е., 1970. Methode d` etude de l` art megalithique. //L` Anthropologie, Vol.74, n.3-4, p. 255-261.
- АНАТИ Е., 1976. Evolution and style in Camunian rock art. //Archivi, vol.6, Capo di Ponte.

- ANATI E., 1977. Methods of recording and analysing rock engravings. *Camunian Studies*, vol.7, (edizioni del Centro), Capo di Ponte.
- ANDERSEN H.J., BAUER H., BIEDERMANN H., FUCHS G., HESS G., KITTEL E., KOLMER H., RAINER W., WANKE Lo., 1985/1986. Felsbild und Sternbild. // *Jahrbuch der GE.FE.BI.*, Graz.
- ANTHONY D.W., 2007. The horse, the wheel and language. How Bronze-Age riders from the steppes shaped the modern world. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press.
- ANTHONY D.W., VINOGRADOV N.B., 1995. Birth of the chariot. // *Archeology*, March/April, p.36-41.
- APPELGREN-KIVALO J., 1931. *Altaltaische Kunstdenkmahler*, Helsinki.
- ASPELIN J.R., 1884. *Antiquites de Nord Finno-Ougrien*. Helsingfors.
- ATAKTIDIS K.A., 1988. The rocks of Kavala Speak for its Lost Civilization. // *Archaeology*, N 26.
- AZZAROLI H.W., 1985. *An Early History of Horsmanship*. Leiden: E.Brill – 202 p.
- BAILEY H.W., 1943. *Zoroastrian Problems in the Ninth Century Books*. L.
- BAKKER J.A., 1976. On the possibility of reconstructing roads from TRB period. // *Bericht Rijksdienst Oudheid*. Bodemond, 26, p. 63-91.
- BAKKER J.A., 2004. *Die neolithischen Wagen im nordlichen Mitteleuropa*. // *Rad und Wagen*. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, s. 283 – 294.
- BALKAN K., 1954. *Kassitenstudien, I*. // *Die Sprache der Kassiten*. New Haven.
- BANNER J., 1956. *Die Peceler Kultur*. // *AAH*, N 35.
- BAO XING JUN, 2006. *The Catalog of Petroglyphes in Altay Mountains, Xinjiang – 152 p.*, ill.
- BARNETT R.D., 1956. *The Treasure of Ziwiye*. // *Iraq*, XVIII, 2.
- BEHN F., 1962. *Zur Problematik der Felsbilder*. // *Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zur Leipzig. Phil.-hist. Klasse*. Bd 54, H. 1, Berlin.
- BELINSKIJ A., KALMYKOV A., 2004. *Neue Wagenfunde aus Graben der Katakombengrabkultur im Steppengebiet des zentralen Vorkaukasus*. // *Rad und Wagen*. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, s. 201-220
- BERG G., 1935. *Sledges and Wheeled Vehicles*. Stockholm.
- BERTILSSON U., 1989. *Space, economy and society: the rock carvings of Northern Bohuslan*. // *Approaches to Swedish Prehistory*. B.A.R., Oxford, p. 287-321.
- BESENVAL R., ISAKOV A., 1989. *Sarazm et les debuts du peuplement agricole dans la region de Samarkand*. // *Annales du musee Guimet et du musee Cernuschi*, XLIV, p. 5-20.
- BHATNAGAR S., CHODHARY A., PANCHOLI R., TILLNER E.O., WAKANKAR V., WANKE Lo., 1977/1978. *Indische Felsbilder*. // *Jahrbuch der GE.FE.BI*. Graz.
- BOARDMAN J., 1970. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. L.
- BOHEMER R., 1972. *Die Kleinfunde von Bogazkoy-Hattusa*. Bd.VII. Berlin:Mann – 247 s.
- BOKONYI S., 1974. *History of domestic animals in Central and Eastern Europe*. Budapest – 597 p.
- BOKONYI S., 1978. *The earliest waves of domestic horses in East Europe*. // *Journ. of Indo-Europ. Stud.*, 6, 1-2, p. 17-76.
- BOKONYI S., 1980. *The Importance of Horse Domestication in Economy and Transport*. // P.Sorbom (ed.) *Transport technology and social change. (Tekniska Museet Symposia 2, 1979.)* Stockolm. p. 15-21.
- BOKONYI S., 1980a. *La domestication du cheval*. // *La Recherche*. 11.114, p. 919-926.
- BOKONYI S., 1987. *Horses and Sheep in East Europe in the Copper and Bronze Ages*. // *Proto-Indo-European: The Archaeology of a Linguistic Problem*. Studies in Honor of Maria Gimbutas. (The Institute for the Study of Man, Washington), p. 136-144.
- BONA J., 1960. *Clay Models of Bronse Age Wagons and Wheis in the Middle Danube Bassin*. // *AAH*, N 12.
- BROADBENT N., 1987. *Lichenometry and archaeology. Testing of lichen chronology on the Swedish North Bothnian Coast*. // *Researsch reports*, N 2.
- BROOKS R., 1975. *Reconstructing Stone Age Paintings*. // *Archaeology*. Vol. 28, N 2.
- BROOKS R., WAKANKAR V., 1976. *Stone Age Painting in India*. New Haven-London: Yale University Press.
- BUTRON D.M., 1972. *Attic Vase Painting in New England Collection*. Garvard.
- BUCHANAN B., 1960. *The Cylinder Seals of the Yale Babylonian Collection*. // *Library Gazett*. N 89.
- BUCHANAN B., 1971. *A Snake Goddess and her Companions*. // *Iraq*. N 33, p. 1-18.
- BURCHULADZE A.A., et. al. *Tbilisi Radiocarbon Dates III*. // *Radiocarbon* 18, N 3, p. 355-361.

- BURENHULT C., 1973. The rock carvings of Gotaland. (excluding Gothenburg county, Bohuslan and Dalsland). //Acta Archaeologica Lundensia, series 4, N 8, part 2, Lund.
- BURMEISTER St., 2004. Der Wagen im Neolithikum und Bronzezeit: Erfindung, Ausbreitung und Funktion der ersten Fahrzeuge. //Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, s.13-40.
- BURNEY C., LANG D.M., 1971. The Peoples of the Hills: Ancient Ararat and Caucasus. L.
- BURROW T., 1973. The Proto-Indoaryans. //JRAS.#2.
- BUSSAGLI M., 1955. The Frontal Representation of the Divine Chariot. //EW. Vol. 6, p. 9-25.
- CAMPS G., 1989. Les charres Sahariens. //Antiquites Africaines, 25, p. 11-40.
- CARDI B., 1968. Bampur: un site du III-e millenaire dans le Beluchistan perse. //Archaeologie vivante, N 1.
- CATLING H-W, KARAGEORGIS V., 1960. Annual of British school at Athens, N 55, p. 122-124.
- CAUBET A., 1990. Note sur les chars d'Ougarit. //Semitica, XXXVIII (I), Paris, p. 81-85.
- CHEN TE-KUN, 1957. The Origin and Development of Shang Culture. //Asia Major, t.6, p. 80-98.
- CHEN TE-KUN, 1960. Archaeology in China. Vol.2. Cambridge.
- CHEN TE-KUN, 1974. Metallurgy in Shang China. //T'oung Pao, vol LX, p. 209-229.
- CHERDYNTSEV V.V. et. al., 1968. Geological Institute Radiocarbon Dates I. //Radiocarbon, 10, N 2, p. 419-425.
- CHEN ZHAO-FU, 1988. Decouverte de l'art prehistorique en Chine. Paris:Albin Michel – 221 p.
- CHILDE V.G., 1951. The First Waggon and Carts from Tigris to the Severn. //PPS, N 8.
- CHILDE V.G., 1954. The Diffusion of Wheeled Vehicles. //Ethnographisch-archaeologische Forschungen, 2, s. 1-17.
- CHILDE V.G., 1954a. Rotary Motion. //Singer C., Holmyard, E.J. Hall, A.R. et al. History of Technology, I. Oxford, p. 187-215.
- CHILDE V.G., 1957. The down of European civilization. L.
- CHRONOLOGIES IN OLD WORLD ARCHAEOLOGY., 1965. Ed. Ehrich R.W., Chicago.
- CLARK J.C.D., 1941. Horses and Battle – Axes. //Antiquity, N 15, p. 50-70.
- CLUTTON-BROCK J., 1992. Horse Power: a History of the Horse and the Donkey in Human Societies. L.
- CORDIER G., 1975. Les tumulus halstatiens de Sublaines (Indre-et-Loire). //L'Anthropologie. T. 79, N 3.
- CROUWEL J., 2004. Der Alte Orient und seine Rolle in der Entwicklung von Fahrzeugen. //Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, s.69-86.
- CUILER YOUNG T., 1965. Comparative Ceramic Chronology for Western Iran 1500-500 B.C. //Iran, N 3.
- CUILER YOUNG T., 1967. The Iranian Migration into the Zagros. //Iran, N 5.
- DANI A.H., 1983. Chilas. The city of Nanga Parvat (Dyamar). Islamabad.
- DELAPORTE L., 1910. Catalogue des cylindres orientaux... de la Bibliotheque Nationale. Paris.
- DELAPORTE L., 1920. Catalogue des cylindres orientaux du Louvre. I., Paris.
- DERINGER H., 1961. Hipposandra. //Oberostreichische Heimatblätter, XV, s. 23-48.
- DEVLET M.A., DEVLET E. G., 2004. Felsbilder mit Wagendarstellungen in Sibirien und Zentralasien. //Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein, "Philipp von Zabern", s. 237 – 246.
- DEWALL M. von, 1986. Der Wagen in der Fruhzeit Chinas. //Acshe, Rad und Wagen. Gottingen, s. 168-186.
- DIKAIOS P., 1970-1971. Enkomi. Excavations 1948-1958. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
- DORN R.I., WHITLEY D. S., 1983. Cation-ratio dating of petroglyphs from the Western Great Basin, Norths America. //Nature. – N° 302., p. 816-918.
- DORN R., 2001. Chronometric Techniques: Engravings. //Handbook of Rock Art Research/ Ed.by D.S. Whitley. – N.Y.; Oxford: Altamira Press, p. 167-189.
- EVERS D., KUSCH H., STABER I., TILLNER E.O., SUNDARA A., WANKE Lo., WIPF K.A., 1981-1982. Megalithbauten. Zwischen Indien und Europa. //Jahrbuch der GE.FE.BI. Graz.
- FANSA V., 2004. Einleitung. //Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, s.9-12.
- FERNALD H., 1959. Chinese Art and the Wu-Sun Horse. //Annual Art and Archaeology Division of the Royal Ontario Museum. Toronto.
- FIELD H., 1966. Petroglyphes from Syr-Darya.- Contributions to the Archaeology of the Soviet Union:

- with Special Emphasis on Central Asia, the Caucasus and Armenia. // Russian Translation Series of Archaeology and Ethnology, Harvard University. Vol. 3. N 1. Cambridge, Mass.
- FOLTINY S., 1959. The Oldest Representations of Wheeled Vehicles in Central and South Eastern Europe. // American Journal of Archeology. Vol. 63, N 1.
- FOLTINY S., 1967. The Ivory Horse Bits of Homer and the Bone Horse Bits of Reality. // Bonner Jahrbucher. N 167, p. 11-37.
- FRANCFORT H-P., 1989. Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Tome II, vol. 1-2. Paris: Diffusion de Boccard – 517 p.
- FRANCFORT H.P., SOLEILHAVOUP F., BOZELLE J-P., VIDAL P., D'ERRICO F., SACCHI D., SAMASHEV Z., ROGOZHINSKIJ A., 1995. Les petroglyphes de Tamgaly. // Bulletin of the Asia Institute. – Vol. 9. – Michigan, p. 167-207.
- FRANKFORT H., 1939. Cylinder Seals. L.
- FREDSJO A., 1971. Hallristningar Kville harad i Bohuslan. Svenneby socken. Studies in North European Archaeology. T. 7. Goteborg.
- FREDSJO A., 1975. Hallristningar Bottna socken. Studies in North European Archaeology. T. 13. Goteborg.
- FREDSJO A., 1981. Hallristningar Kville socken. Studies in North European Archaeology. Goteborg.
- FRISK H., 1960. Griechisches etymologisches Worterbuch. Vol I. Heidelberg.
- GARDIN J-K., 1958. Four Codes for the Description of Archaeological Artefacts. // American Anthropologist, vol. 60, 2.
- GARDIN J-K., 1960. Les applications de la mecanographie dans la documentation archaeologique. // Bulletin des Bibliothèques de France, vol. 5, p. 1-3.
- GARDIN J-K., 1963. Problemes d'analyse descriptive en archaeologiques. Etudes archeologiques. Paris.
- GARDIN J-K., 1965. A Typology of Computer Uses in Anthropology. La Haye.
- GARDIN J-K., 1967. Methods for the Descriptive Analyses of Archaeological Material. // American Antiquity, vol. 32, 1.
- GARDIN J-K., 1968. On some reciprocal requirements of scholars and computers in the fine art and archaeology. // Computers and this potential application in museums. N.Y., p. 103-125.
- GARDIN J-K., 1974. Le projets de banques de donnees archeologiques. Problemes methodologiques, technologiques et institutionnels. // BDA, Paris, p. 16-26.
- GHIRSHMAN R., 1977. L'Iran et la migration des indo-aryens et des iranyens. Leiden: E. Brill – 88 p.
- GHIRSHMAN R., 1979. Tombe princiere de Ziwiye et la debut de l'art animalier scythe. Paris.
- GIMBUTAS M., 1970. Proto-Indo-European Culture: the Kurgan Culture during V-IV and III Mil. B.C. // Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, p. 155-197.
- GIMBUTAS M., 1974. The Gods and Goddesses of Old Europe 7000 to 3500 B.C. Myths, Legends and Cult Images. L.
- GIMBUTAS M., 1978. The first wave of Eurasian steppe pastoralists into Copper Age Europe. // Journal Indo-European Studies. Vol. 2, N 4, p. 277-338.
- GIMBUTAS M., 1989. The Language of the Goddess. San-Francisco: Harper Row, p. 49-95.
- GLOB P.V., 1969. Helleristningar in Danmark (Rock Carvings in Denmark). Kobenhavn.
- GORSODORF J., PARZINGER H., NAGLER A., 2004. C-14 dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time. // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. London: Kluwer Academic, p. 83 – 89.
- GUBAEV A, KOSHELENKO G., TOSI M., 1998. The archaeological Maps of the Murghab delta. Rome.
- JACOBSON E., 1988. Beyond the frontier. A reconsideration of Cultural Interchange Between China and Early Nomads. // Early China, N 13, p. 201-240.
- JAKOBSON E., KUBAREV V., TSEEVENDORJ D., 2001. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagaan-Salaa/Baga Oigor. // Repertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. T.V. Fasc. 6. Paris.
- JAKOBS B., 1984-1985. Wagenfahrt im Alten Orient. // Acta praehistorica et archaeologica 16/17, s. 153-158.
- JARRIGE J-F., SANTONI M., 1979. Fouilles de Pirak. Vol.1. Paris: Diffusion de Boccard – 411 p.
- JENKINS J.G., 1973. Sledges and Wheeled Vehicles in Wales. // Land Transport in Europe. Ed.: Fenton A., Podolak J., Rasmussen H. Kobenhavn: Nationalmuseet, p. 261-293.
- JETTMAR K., 1967. Art of the Steppes. N.Y.
- JETTMAR K., 1975. Die Religionen des Hindukusch. Stuttgart: Kohlhammer – 525 s.

- JETTMAR K., 1980. Felsbilder und inschriften am Karakorum Highway. //Central Asiatic journal. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, s. 185-221.
- JETTMAR K., 1980a. Neuentdeckte Felsbilder und Inschriften in den Nordgebieten Pakistans. //Allgemeine und vergleichende Archäologie – Beiträge. Band 2, München, s. 151-199.
- JETTMAR K., 1982. Petroglyphs and early history of the upper Indus Valley: The 1981 expedition—a preliminary report. //Zentralasiatische Studien, 16, p. 293-308.
- JETTMAR K., 1997. Bemerkungen zu Arkaim. //Eurasia Antiqua. Vol. 3.
- JOHNS C., 1990. Sex or Symbol? Erotic Images of Greece and Rome. L.:British Museum publication – 160 p, ill.
- HAGEN A., 1954. Europäische Impulse in Ostnordische Bronzezeit. // Viking, N 7, p. 97-155.
- HANCAR F., 1955. Das Pferd in Prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien-München: Herold – 650 s.
- HANKS B. K., EPIMAKHOV A. V., RENFREW C., 2007. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia. //Antiquity, Vol. 81, p. 353-367.
- HASENHUTTL G., KUSCH H., TILLNER E.O., WANKE Lo. M., WIPF K.A., 1979-1980. Nordische Felsbilder. //Jahrbuch der GE.FE.BI. Graz.
- HAYEN H., 1986. Die Sahara eine vergangene Wagenprovinz. //Achse, Rad und Wagen. Herausgegeben von W.Treue. Göttingen: »V & R«.
- HAUDRICOURT A.G., 1948. Contribution à la géographie et à l'ethnologie de la voiture. // La Revue de géographie humaine et l'ethnologie, N 1, p. 54-64.
- HAUSLER A., 1974. Die Gräber der älteren Ötzezeitkultur zwischen Ural und Dnepr. Berlin.
- HAUSLER A., 1976. Die Gräber der älteren Ötzezeitkultur zwischen Dnepr und Karpaten. Berlin.
- HAUSLER A., 1981. Zur ältesten Geschichte von Rad und Wagen im Nordpontischen Raum. // Ethnog. Arch. Zeitschrift. N 224, s. 581-646.
- HAUSLER A., 1996. Invasionen aus den nordpontischen Steppen nach Mitteleuropa im Neolithikum und in der Bronzezeit: Realität oder Phantasie-product? Archäologische Informationen, 19. #1-2.
- HELK W., 1969. Überlegungen zur Geschichte der 18. Dynastie. //Oriens Antiquus 8, s. 281-327.
- HELK W., 1971. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v.Chr. (2. Aufl.) Wiesbaden.
- HEROLD A., 2004. Funde und Funktionen – Streitwagentechnologie im Alten Ägypten. //Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, s.123-142.
- HISTORISKA NYHETER, 1976. Statens historiska museum, N 3.
- HROUDA B., 1963. Der assyrische Streitwagen. // Iraq, N 25, s. 155-158.
- HROUDA B., 1965. Die Kulturgeschichte des assyrischen Flachbildes. Bonn.
- HUTTEL N.G., 1979. Zur westlichen Komponente des chinesischen Pferd – Wagen – Komplexes der Shang – und frühen Chou-Zeit. //Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd. 1, s. 1-29.
- KAMMENHUBER A., 1961. Hippologia Hethitica. Wiesbaden:O.Harrassowitz – 375 s.
- KARAGEORGHIS V., 1977. The Cypriot sanctuaries of the end of the Cypro-archaic period. Roma.
- KARO G., 1930. Schachtgräber von Mykenai. München:F.Bruckmann – 372 s.
- KEIGHTLEY D.N., 1978. Sources of Shang History. Berkeley.
- KENOYER M., 2004. Die Karren der Induskultur Pakistans und Indiens. //Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, s. 87- 106.
- KLEIN J., LERMAN J., DAMON P., RALPH E., 1982. Calibration of Radiocarbon dates: tables based on the consensus data of the workshop on calibrating the Radiocarbon Time Scale.//Radiocarbon, vol. 24,2, p. 103-150.
- KLEIN L.S., 1974. Kossina im Abstand von vierzig Jahren.//Jahresschichten mitteldeutscher Vorgeschichte, N 58. Halle/Saale, s. 7-55.
- KLUVER H., 1942. Mechanisms of hallucinations // Studies in personality. Mc Graw-Hill. – New York, p. 175-207.
- KORYAKOVA L., EPIMAKHOV A. V., 2007. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Age (Cambridge World Archaeology). Cambridge: Cambridge University Press – 374 p.

- KOSSINNA G., 1921. Die Indogermanen. Ein Abriss I. Das Indogermanische Urvolk. Leipzig.
- KOSINTSEV P.A., 2006. The Human – Horse Relationship on the European – Asian Border in the Neolithic and Early Iron Age. //BAR Int. Series 1560.
- KOTLER P., 2000. Marketing Management: The Millennium Edition. New Jersey:Prentice Hall – 320 p.
- KRUK J., MILISAUSKAS S., 1977. Radiocarbon Datierung aus Bronocice.//Arch. Korrespond, N 7, s. 149-156.
- KRUK J., MILISAUSKAS S., 1981. Chronology of Funnel-Beaker, Baden-like and Lublin-Volynian settlements at Bronocice, Poland.//Germania, N 59, p. 1-19.
- KSICA M., 1974. Umeni stare Eurasie. Искусство древней Евразии.(каталог). Brno:Vytiskl n.p. Tisk.
- KSICA M., 1977. Steinerne Bildergalerien.- Felsbilder in aller Welt.//Das Altertum, N 3.
- KUBAREV V. D., JAKOBSON E., 1996. Sibirie du Sud 3: Kalbak-Tash 1(Republique de l'Altai). //Repertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. T.V. Fasc. 3. Paris.
- KUZMINA E.E., WINOGRADOVA N.M., 1983. Beziehungen zwischen bronzezeitlichen Steppen und Oasenkulturen im Mittelasien. //Beitrage zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie, N 5, s. 35-55.
- LAMBERG-KARLOVSKY C.C., 1987. Third millennium structure and process: from the Euphrates to the Indus and from the Oxus to to the Indian ocean.//Orient Antiquus.
- LAMBERG-KARLOVSKY C.C., 2002. Archaeology and language: The Indo-Iranians. //Current Anthropology, 43(1).
- LAMING-EMPERAIRE A., 1959. Lascaux. Am Ursprung der Kunst. Dresden.
- LAMING-EMPERAIRE A., 1962. La signification de l'art rupestre paleolithique. Paris.
- LANGDON S., 1989. The Return of the Horse – Leader. //Archaeology, N 93, p. 185-201.
- LARSSONT B., 2004. Streitwagen, Karren und Wagen in der bronzezeitlichen Felskunst Skandinaviens. //Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein, "Philipp von Zabern", s. 381 – 398.
- LASOTA-MOSKALEWSKA A., HUDJANAZAROV M., 2000. Petroglyphs of mammals in the Sarmisai Gorge, Uzbek Republik. Archaeozoological analysis. Warsaw – 92 p.
- LAUER D., 1972. Archäologische Beobachtungen aus Bajan – Chongor Aimak der Mongolischen Volksrepublik.Felszeichnungen und inschriften.// EAZ, N 1
- LECHLER J., 1933. Neues über Pferd und Wagen in der Steinzeit und Bronzezeit. //Mannus, N 25, s. 123-136.
- LEONT'EV N.V., KAPEL'KO V.F., 2002. Steinstelen der Okunev-kultur.//Archäologie in Euroasien: Band 13. Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung. Mainz.
- LEROI-GOURHAN A., 1943-1945. Evolution et technique.Paris.
- LEROI-GOURHAN A., 1964. Le religions de la prehistoire (paleolithique). Mythes et religions. Paris.
- LEROI-GOURHAN A., 1964-1965. Le geste et la parole. Paris.
- LEROI-GOURHAN A., 1965. Prehistoire de l'art occidental. Paris.
- LEWARTOWSKI K., 1981. Wozy w epoce brązu. Konstrukcja, zastosowania, znaczenie.// Archeologia, N 32, p. 175-190.
- LINDUFF K., 1995. Zhukaigou: Steppe Culture and the Rise of Chinese Civilization. //Antiquity. Vol. 69.
- LINDUFF K., DRENNAN R., SHELACH G., 2002-2004. Early Complex Societies in NE China: The Chifeng International Collaborative Archaeological Research Project. //Journal of Field Archaeology. Boston. Vol. 29, 1/2, p. 45-73.
- LINDUFF K., (Ed.), 2004. Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River. //Chinese Studies. Vol. 31. New York.
- LIN JUN., 1986. A Reexamination of the Relationship between Bronzes of the Shang Culture and the Northern zone.//Studies of Shang Archaeology. New Haven/London: Yale Univ. Press, p. 237-273.
- LITTAUER M.A., 1977. Rock Carvings of Chariots in Transcaucasia, Central Asia and Outer Mongolia. // PPS, N 43,p. 243-262.
- LITTAUER M.A., 1977a. Hipposandals againe.//Antiquity, vol LI, p. 235-236.
- LITTAUER M.A., CROUWEL J.H., 1973. Evidence for Horse Bits from Grave IV at Mycenae? // Praehistorische zeitschrift. Bd. 48, p. 207-213.
- LITTAUER M.A.,CROUWEL J.H., 1977. The origin and diffusion of the cross-bar wheel?//Antiquity, vol. LI, p.95-105.

- LITTAUER M.A., CROUWEL J.H., 1977a. Chariots with Y-poles in the Ancient Near East. // *Archeologischer Anzeiger*. N 1.
- LITTAUER M.A., CROUWEL J.H., 1979. Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. Leiden/Koln: E.J.Brill. – 185 p, 85 ill.
- LITTAUER M.A., CROUWEL J.H., 1988. A pair of horse bits of the second millennium B.C. from Iraq. // *Iraq*, vol L, p. 169-171.
- LITTAUER M.A., CROUWEL J.H., 1996. The origin of the true chariot. // *Antiquity*, Volume 70, Number 270, 1996, December, p. 934-939.
- LOEHR M., 1956. Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor-London: Oxford Univ. Press – 233 p.
- LOZEK V., 1971. Golocen. // *Slovenska Archeologia*.
- LUBOTSKY A., 1998. Tocharian Loan Words in Old Chinese: Chariot, Chariot Gear and Town Building. // *BAEIA*. Vol. 1.
- LUMLEY H., 1968. Proportion et constructions dans l'art paleolithique: le bison. // *Simposio International de Arte rupestre*, Barselona, p. 123-145.
- LYMER K., 1999. Styl zwierzeczy, totemy i wizje w petroglifach Azji Srodkowej. // *Sztuka naskalna i szamanizm Azji Srodkowej*. Warszawa, s. 135-159.
- MALLORY J.P., 1989. Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. L.: Thames and Hudson, p. 186-199.
- MALLORY J.P., MAIR V., 2000. The Tarim Mummies. L., New York.
- MALMER M.P., 1981. A Chorological Study of North European Rock Art. Stockholm: Almqvist & Wiksell International – 143 p.
- MARGUERON J.-C., 1965. Mesopotamia. L.: Nagel publishers – 382 p.
- MARINOV V., 1973. Traditionelle Transportmittel in Bulgarien. // *Land Transport in Europe*. Ed.: Fenton A., Podolak J., Rasmussen H. Kobenhavn: Nationalmuseet, s. 347-394.
- MARINATOS S., 1960. Crete and Mycenae. L.: Thems and Hudson – 180 p.
- MARTYNOV A.I., 1990. La civilisation pastorale des steppes du 1-er millenaire avant notre ere. // *Nomades et sedentaires en Asie Centrale. Actes du colloque franco-sovietique*. Paris: C.N.R.S., p. 187-191.
- MAYRHOFER M., 1966. Die Indo-Arien im alten Vorderasien. Wiesbaden: O. Harassowitz – 160 s.
- MAXWELL-HYSLOP R., 1971. Western Asiatic Jewellery ca 3000-612 B.C. L.
- MECQUENEM M.M.R., 1943. Fouilles de Suse 1933-1939. // *Memories de la Mission archeologique en Iran*. N. 29. Paris.
- MELLAART J., 1967. Catal Huyuk. A Neolithik Town in Anatolia. L.: Thems and Hudson – 232 p, ill.
- MEYER E., 1929. Geschichte des Altertums. 2-1, Stuttgart – Berlin.
- MOOREY P. R., 1986. The Emergence of the Light Horse-Drawn Chariot in the Near East 2000-1500 B.C. // *World Archaeology*. Vol. 18, pt. 2.
- MOORTGAT-CORRENS A., 1955. Altorientalische Rollsiegel in der Staatlichen Munzsammlung Munchen. // *Munchner Jahrbuch*, N 31.
- MOSZOLICS A., 1960. Die Herkunftsfrage der altesten hirschgeweihtrensen. // *Acta Archaeologica Hungarica*, N 12, s. 125-135.
- MULLER-KARPE H., 1974. Handbuch der Vorgeschichte. Band III. Munchen: C.C.Beck – 1125 s.
- MULLER-KARPE H., 1980. Handbuch der Vorgeschichte. Band IV/3. Munchen: C.C.Beck – 996 s.
- MUSCARELLA O.W., 1977. «Ziwiye» and Ziwiye: the Forgery of a Provenience. // *Journal of Field Archaeology*, N 4, p. 197-219.
- NAGEL W., 1966. Der mesopotamische Streitwagen und seine Entwicklung im ostmediterranen Bereich. // *Berliner Beitrage zur vor und Fruhgeschichte*. Bd. 10, s. 1-72.
- NEEDHAM J., 1965. Science and Civilization in China, N 4, Cambridge.
- NEMEJCOVA-PAVUKOVA V., 1973. Zu Ursprung und Chronologie der Boleraz-Gruppe. // *Symposium uber die... Badener Kultur*. Bratislava, s. 297-316.
- NICOLAS A., 1973. Le site de Moras-en Valloire. // *Archeologia*. N 65.
- NILSSON M.P., 1933. Homer and Mycenae. L.
- NOBIS G., 1971. Vom Wilpferd zum Hauspferd. // *Fundamenta*. Bd. 6. Koln.
- NOETTES L., 1931. L'attelage, le cheval de selle a travers les ages. Paris.
- NUOFFER O., 1904. Der Rennwagen im Altertum. Leipzig.
- OANCEA A., 1976. Branches de mors au corps en forme de disque. // *Thraco-Dacica*. Bucuresti, p. 59-75.

- OSTEN H.H. von der, 1934. Ancient Oriental Seals in the Collection of Mr. E.T. Newell. //Oriental Institute Publication. Chicago.
- OTTEN H., 1958. Hethitische Totenrituale. Berlin.
- OVER 2200 YEAR UNSOLVED MYSTERIES OF QIN DYNASTY, 2011. Beijing -159 p.
- OZGEN E., 1986. A group of Terracotta Wagon Models from Southeastern Anatolia. //Anatolian Studies, 36, p. 165-171.
- OZGUC N., 1965. The Anatolian Groupe of Cylinder Seal Impressions from Kultepe. Ankara.
- PANAJOTOVI., DERGACHEV V., 1983-1984. Die Ocregrabkultur in Bulgarien. //Studia Praehistorica. N 7. Sofia.
- PARROT A., 1951. Cylinder Hittite nouvellement acquis. //Syria, N 28, p. 180-190.
- PIGGOTT St., 1968. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. //PPS, vol. 34, p. 266-318.
- PIGGOTT St., 1978. Chinese Chariotry: an outsider`s View. University of London Colloque. Art and archaeology in Asia. N 7, p.32-49.
- PIGGOTT St., 1983. The Earliest Wheeled Transport From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. L. Thames and Hudson – 263 p, ill.
- POPLOW E.,1934. Pferd und Wagen im alten Orient. Berlin.
- PORADA E., 1947. Seal Impressions from Nuzi. //Annual of the American Schools of Orient Research, 24.
- PORADA E., 1970-1977. Seminars at Columbia University. //American Journal of Archaeology. NN 74-81.
- PORPOLA A., 2005. The Nasatyas, the chariot and Proto-Aryan. //Journal of Indological Studies, 16-17, p.1-63.
- POTTIER M-N., 1984. Materiele funeraire de la Bactriane Meridionale de l'age du Bronze. Paris.
- POTRATZ J.A.H., 1938. Das Pferd in der Fruhzeit. Rostock.
- POTRATZ J.A.H., 1959. Die Scythen und Vorderasien. //Orientalia. 28, Roma.
- POTRATZ J.A.H., 1966. Die Pferdetransporten des alten Orient. Roma. (Analecta Orientalia, vol. 41) – 364 s.
- QI XIAOSHAN, WANG BO, 2008. The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road, Xinjiang – 304 p., ill.
- RANOV V., 2001. Petroglyphes of Tajikistan. //Petroglyphes of Central Asia. Bishkek.
- RAU W., 1977. Ist vedische Archaeologie moglich?//Zeitschrift desMorgenlandische gesellschaft. Bd. 111, # 1, Supplemente XIX.
- RAU W., 1983. Zur vedischen Altertums-Kunde. Weisbaden.
- RAULWING P., 2000. Horses, chariots and Indo-Europeans. Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo-European Linguistic. Budapest: Archaeolingua – 177 p., ill.
- RENFREW C., 1987. Archaeology and Language: Puzzle of Indo-European Origins. L.:J.Cape – 346 p.
- RENFREW C., 1989. Models of change in language and archaeology. //Transactions of the Philological Society, vol. 87:2, p. 103-155.
- RENFREW C., 1998. The Tarim Basin, Tocharian and Indo-European Origins: a View from the West. //BAEIAP. Vol. 1.
- REILLY P., 1988. Data visualisation: Recent Advances in the Graphic Systems to Archaeology. Winchester:IBM UK Scientific Centre – 87 p.
- RICHARDS J.D.,RYAN N.S., 1985. Data processing in archaeology. Cambridge: Cambridge University Press.
- RICHTHOFEN K.F., 1877. China. Bd.1, Berlin.
- RIIS P-J., 1970. Sukas I. Paris.
- ROBB J., 1991. Random causes with directed effects: the Indo-European language spread and the stochastic loss of lineages. //Antiquity, 65, p. 287-291.
- ROZVADOWSKI A., 2004. Symbols through Time. Interpreting the Rock Art of Central Asia. Poznan: Institute of Eastern Studies, Adam Mickiewicz University – 132 p.
- SALONEN A., 1951. Die Landfahrzeuge des alten Mesopotamier. Helsinki.
- SALONEN A., 1956. Hippologia accadica. Helsinki – 318 c.

- SASSON J.M., 1969. The Military Establishments at Mari. Rome.
- SHACHERMEYER F., 1951. Streitwagen und Streitwagenbild im alten Orient und bei den mycenischen Griechen. // *Antropos*, N 46, s. 705-753.
- SHAANXI ANCIENT CIVILIZATION, 2008. Ed. by Cheng Jianzheng, Xian: Shaanxi History Museum – 152 p., ill.
- SHERRATT A., SHERRATT S., 1988. The archaeology of Indo-European: an alternative view. // *Antiquity*, 62, p.584-595.
- SHLICHTERLE Y., 2004. Wagenfunde aus den Seeufersiedlungen im zirkumalpen Raum. // *Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, s. 295 -314.
- SCHOVSBO P.O., 1983. A Neolithic Vehicle from Klosterlund, Central Jutland. // *Journal of Danish Archaeology*, vol. 2, p. 60-70.
- SMITH S., 1939-1940. The Alnwick Collection of Egyptian Antiquities. // *British Museum Quarterly*. L., p. 27-31.
- SMOLIAN J., 1964. Studien zur Entstehung und Ausbreitung des Wagens. // *EAZ*, Jg.5, N 1, p. 1-38.
- SOPRONI S., 1954. A Budakalaszki Kocsi. // *Folia Archaeologica*. Vol.7.
- SOROKIN S., 1990. Horse-drawn vehicles of the Eurasian forest-steppe in pre-»centaurian» times. // *Iranica Antiqua*, vol XXV, p. 97-147.
- SPELEERS L., 1917. Catalogue des intailles et empreintes orientales des Musees Royaux du Cinquantenaire I. Bruxelles.
- SPRUYTTE J., 1983. Early harness systems. L.: J.A.Allen (english edition) – 142 p, ill.
- SPRUYTTE J., 1986. Figurations rupestres Sahariennes de chars a chevaux. // *Antiquites Africaines*, 22, p. 29-55.
- STEWART J.H., 1937. Petroglyphes of the United States. // *Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian institution for the year 1936*. Washington, p. 405-425.
- STOIANOVICH T., 1976. French Historical Methods. The Annales Paradigm. Cornell Univ. Press. – 248 p.
- STRALENBERG P., 1730. Das Nord – und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm.
- STRIEDTER K.H., 1983. Felsbilder Nordafrikas und der Sahara. Wiesbaden: Franz Steiner verlag – 428 s.
- STRIEDTER K.H., 2004. Bronzezeitliche Wagen in der Sahara? // *Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa*. Mainz am Rhein, “Philipp von Zabern”, s.157 – 166.
- STUBBINGS F.H., 1963. The rise of Mycenaean civilization. // *Cambrige Ancient History*, II, ch. 14.
- STUDNICZKA F., 1907. Der Rennwagen im syrisch-phonikischen Gebiet. // *JdI*, 22, s. 147-196.
- TALLGREN A.M., 1933. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures. // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. 8.
- TASHBAYEVA K., KHUJANAZAROV M., RANOV V., SAMASHEV Z., 2001. Petroglyphs of Central Asia. International Institute for Central Asian Studies. – Biskek – 220 p.
- TELEGIN D.J., 1973. Über einen der ältesten Pferdezuchtherde in Europa. // *Act. du VIII Congr. Internationale de Prehist. et Protohist. Tome II*. Beograd, s.324-327.
- TOYNBEE A., 1934. Study of History V.III. L.: Oxford Univ. Press – 551 p.
- TROUSDALE W., 1965. Rock-Engravings from the Tang-i tizao in Central Afganistan. // *EW*. Vol. 15, N 3-4.
- TROST F., 1981. Felsbilder des Zentralen Ahaggar (Algerische Sahara), Graz.
- YUANSI TIYUXINGTAI YANHUA, 2010. Изображение человека в первобытном наскальном искусстве Китая (на кит. языке) – Beijing – 354 p., ill.
- VENTRIS M., CHADWICK J., 1956. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge – 452 p.
- VIDALE M., OLIVIERE L.M., 2004. Painted Rock Shelters of Swat Valley. // *East and West*. – Rome, p. 173-223.
- VIDAL P., 2001. L Art Rupestre en peril. – Perigueux – 127 p.
- VIZDAL E., 1972. Erste bildliche Darstellung des Zweiradrigen Wagen vom Ende der Mittleren Bronzezeit in der Slowakei. // *Slowenska archeologia*, XX-1, s.223-231.
- WAALS J.D. van der, 1964. Neolithic Disk Wheels in the Netherlands. // *Paleohistoria*, N 10, p 103-146.
- WACE A., 1960. Mycenaean Mystery. // *Archaeology*, vol 13, N 1.

- WAGNER M., 2004. Wagenbestattungen im bronzezeitlichen China. //Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, s. 107-122.
- WANG ZHENDUO, 1997. Reconstruction and study of the Eastern Han vehicles. Beijing.
- WATSON W., 1966. Early civilization in Cina. Library of the Early civilization. L.- 183 p.
- WATSON W., 1978. The Chinese Chariotry: An insider view. //Arts of the Eurasian steppelands. Arts and Archaeology in Asia. N 7, p. 1-32.
- WEISBROD R.L., 1978. Rock Art Dating Methods.//Journal of New World Archaeology. Vol. 2, N 4. Los Angeles.
- WHITE W., 1956. Bronze Culture of Ancient China. Toronto.
- WIESNER J., 1938. Fahren und Reiten in alte Europa und im alten Orient. // Der Alte Orient, 38, s. 2-4.
- WIESNER J., 1968. Fahren und Reiten.//Arhaeologia Homerica. Bd I. Gottingen, Kapitel F.
- WISEMAN D.J., 1953. The Alalakh Tablets. L.
- WOYTOWITSCH E., 1985. Die ersten Wagen der Schweiz: die ältesten Europas.//Helvetia Archaeologica, 61, p. 2-45.
- WYATT W.F.Jr., 1970. The Indo-Europeanization of Greece.// III Indo-European Conference at the University of Pennsylvania. Philadelphia, p. 89-111.
- WOOLLEY C.L., 1934. The Royal Cemetery. //Ur Excavation Reports. London/Philadelphia – 604 p, ill.
- WOOLLEY C.L., 1955. Alalakh. Oxford.
- WU, HSIAO-YUN, 2009. Study on chariot burials in Early China, 1200-210 BCE.//Aurora Center for the Study of Ancient Civilization, Peking University Publication Series, #20 – 257 p., ill.
- ZARINS J., 1976. The Domestication of Equidae in the Third Millennium B.C. Chicago.
- ZEUNER F.E., 1963. A History of Domesticated Animals. L.
- ZVELEBIL M, ZVELEBIL L.V., 1988. Agricultural transition and Indo-European dispersals. //Antiquity, 62, p. 574-583.
- ZUCHNER Cr., 2004. Frühbronzezeitliche Wagen und Transportmittel in der Felskunst Süd und Südwesteuropas. //Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein, “Philipp von Zabern”, s. 399 – 408.

Список сокращений

- АО** – «Археологические открытия». М.: Наука.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВАН – «Вестник Академии наук».
ВДИ – «Вестник древней истории». М.: Наука.
ВЛУ – «Вестник Ленинградского университета». Л.
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества». СПб, Пг.
ЗИРГО – «Записки Имп. Русского географического общества». СПб.
ЗОРСА – «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества». СПб. Пг.
ИАН – «Известия Академии наук».
ИВГО – «Известия Всесоюзного географического общества».Л.
ИГАИМК – «Известия Государственной Академии истории материальной культуры».
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИРКСА – «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях». СПб.
КСИА – «Краткие сообщения Института археологии АН СССР». М.:Наука.
КСИИМК – «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». М–Л, М.
КСИЭ – «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР». М.: Наука.
КИО – культурно историческая общность (область).
КГСБ – «Каогу сюебао» (на кит. яз.)
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК – Отчет Археологической комиссии. СПб., Пг.
ПТКЛА – «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии». Ташкент.
РГО – «Русское географическое общество».
РВ – Ригведа.
СА/РА – «Советская археология»/ «Российская археология», М.: Наука.
САИ – Свод археологических источников.
САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства.
СГЭ – «Сообщения Государственного Эрмитажа». Л.
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л.
СЭ – «Советская этнография». М.: Наука.
ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма Ата.
ТКГПИ – Труды Киргизского государственного педагогического института. Фрунзе.
Тр.ГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.
ААН – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
BAR – British Archaeological Reports. L.
ВАЕІАР – The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia, ed. by V. Mair. Two vol. Washington, 1998.
ЕАЗ – «Ethnographische-archaeologische Zeitschrift». Berlin.
EW – «East and West». Roma.
JRAS – «Journal of Roul Asiatic Society of Great Britain and Ireland»
PPS – «Proceedings of the Prehistoric Society». L.

Новоженов Виктор Александрович

Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии

Под редакцией Елены Ефимовны Кузьминой

Редакторы: О.Г. Агапова, Д.В. Хисамутдинова
Компьютерная верстка: Д.В. Хисамутдинова, Н.В. Шилко
Корректор: Г.Г. Васильев

Подписано в печать 10.02.2012. Формат издания А4
Бумага офсетная. Гарнитура «Джорджия». Печ. л. 50
Тираж 1000 экз. Заказ № 777

Распространение на территории РФ: издательство «Таус»
117574 Москва, ул. Д. Ульянова, 19.
e-mail: taus@mail.ru
<http://www.tauc.ru/>

Распространение на территории РК: издательский дом KIT Publishing
050026 Алматы, ул. Айтеке би, 200.
e-mail: vnovozhenov@gmail.com
<http://kitpublicity.kz/>

Отпечатано в типографии «Signet Print»

Виктор Александрович НОВОЖЕНОВ —

*известный в Казахстане специалист по
массовым коммуникациям, археолог и
востоковед, кандидат исторических наук.
Активный участник международных
экспедиций и эксперт ЮНЕСКО в странах
Центральной Азии.
Опубликовал ряд научных монографии и
сотни научных работ.*

*«...книга В. А. Новоженова должна стать настольной не только у любого
археолога, но и лингвиста.»*

Доктор исторических наук
Е. Е. КУЗЬМИНА

*«...единственное фундаментальное русскоязычное издание по истории
древнейшего колесного транспорта...»*

Доктор исторических наук
А. К. НЕФЕДКИН
[Боевые колесницы и колесничие
древних греков (16-1 вв. до н.э.), СПб, 2001, с. 20]

